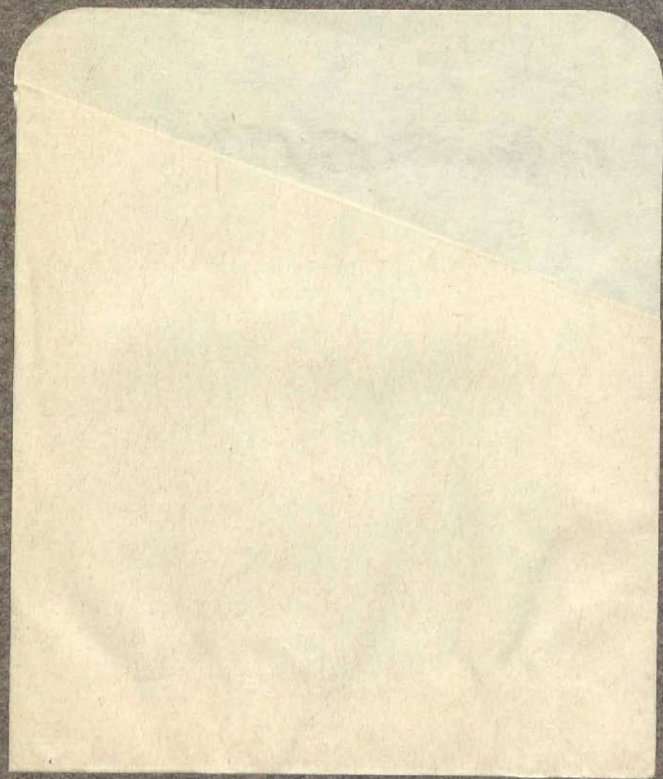

E 68
188

всех не возвращ
M 187 Δ 174 Δ 400
271 Δ 330 Δ 288
 Δ 150 Δ 28 Δ 900
152 Δ 3 Δ 482

28
38

Е 68
188

Е. К. НОЖИНЪ

ИЗЪ КНИГЪ
Н. М. СВОЛОВЬЕВА
№ 3384

КОНЕЦЪ ОСАДЫ ПОРТЪ - АРТУРА

ЭПИЛОГЪ I и II ЧАСТИ
ПРАВДЫ О ПОРТЪ-АРТУРЪ

929-4453

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
..... 1907

..... ИЗДАНИЕ
АКЦ. ОБЩ. ТИП. ДѢЛА
ВЪ СПБ. („ГЕРОЛЬДЪ“),
ВОЗНЕСЕНСКІЙ ПР., Д. 3

2011142044

Акц. Общ. Тинюгр. Дѣла въ СПб. (Герольдъ)
Вознесенскій пр. 3.

ЭПИЛОГЪ.

Правда о Портъ-Артурѣ.

Legem brevem esse oportet quo facilius ab imperitiis teneatur ¹⁾.

Senec. Epist. 94.

Октябрьскій штурмъ блестяще отбитъ.

Третья, стремительно,—отчаянная попытка овладѣть Артуромъ потерпѣла полную неудачу, она стоила японцамъ свыше 10,000 труповъ и раненыхъ.

Всѣ мы свободно вздохнули.

Усталъ гарнизонъ, притомились люди, но успѣхъ удвоилъ силы, придалъ энергіи,—забродили, воскресали надежды...

Вѣдь японцы же люди, должны наконецъ утомиться и они должны сознаться, что Артуръ имъ не подъ силу.

Длительные мѣсяцы бомбардировокъ, тревожно-томительные дни штурмовъ, потоки человѣческой крови обильно оросившіе землю Артура, смерть и страданія тысячъ близкихъ и враговъ сроднили насъ съ угрюмыми горами и безбрежнымъ: то задумчивымъ, то грознымъ океаномъ, безмолвно омывающимъ давно ли еще чуждые намъ берега непривѣтливаго Квантуна.

Артуръ сталъ намъ дорогъ, близокъ, словно мы родились и провели здѣсь всю свою жизнь.

Да, Артуръ сталъ для насъ роднымъ и близкимъ. Одна мысль, что, быть можетъ, наступитъ время, когда вотъ сюда придутъ японцы, здѣсь будутъ распоряжаться полноправными хозяевами—давила, какъ кошмаръ!

¹⁾ Законъ долженъ быть кратокъ, что бы легче запоминался незнающимъ.

Усталъ, усталъ гарнизонъ, притомились русскіе люди, но успѣхъ удвоилъ силы. Все лучшее, честное, сильное волей и сознаніемъ въ крѣпости воспрянуло духомъ. Мученики долга, покорные страдальцы въ госпиталяхъ радостно крестились и свѣтелъ былъ взоръ ихъ, когда среди грохота возобновившейся бомбардировки города долетѣла до нихъ вѣсть объ отбитомъ штурмѣ.

— „Отбили третій, отобьемъ и четвертый, будемъ драться до конца, до изнеможенія. Прорвуться, въ рукопашную, въ штыки пойдемъ. Дорого, дорого достанется Артуръ японцамъ.“

Такъ говорили, такъ думали, такъ чувствовали, такъ дѣйствовали, честные артурскіе бойцы подъ громъ, то усиливавшейся, то стихавшей кононады. Хотя и томила душа и сердце тревожно билось, ныло въ тоскѣ въ предрѣшенной уже, быть можетъ, вѣчной разлукѣ съ далекими близкими, вѣрными друзьями.

Это не досужая фантазія бывшего военного корреспондента, не краснбайство, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, читатель,—это общій голосъ всѣхъ достойныхъ артурцевъ.

Въ Артурѣ каждый изъ нихъ, по мѣрѣ своего разумѣнія понималъ, что волею судьбы онъ призванъ быть участникомъ въ небывалой еще отъ временъ міровой драмѣ. Онъ отчетливо сознавалъ, что весь міръ старый и новый, культурный и некультурный съ лихорадочнымъ, нервнымъ, болѣзненно-напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за всѣми перипетіями кровавой эпопеи и съ нетерпѣніемъ ждетъ ея апофеоза.

Каждый въ осажденномъ Артурѣ, сознавая, что тотъ или иной конецъ великой обороны, въ которой онъ призванъ быть дѣятельнымъ участникомъ, неминуемо долженъ отразиться на грядущей судьбѣ не только Россіи, но и всѣхъ народовъ—стремился быть достойнымъ сыномъ своей Родины, и, въ силу этого, со стоическимъ покоемъ переносилъ всѣ тяготы небывалой еще осады и также покойно, безропотно, съ сознаніемъ исполненнаго долга передъ неизбѣжнымъ, уходилъ въ вѣчность.

Россія, гордясь стойкостью своихъ артурскихъ братьевъ, болѣзненно чутко прислушиваясь къ каждой вѣсточкѣ, долетавшей съ береговъ Тихаго океана, горячо молилась за борцовъ ея чести и величія. Міръ дивился героизму русскихъ и японцевъ; на устахъ дѣтей—слово „Артуръ“ стало привычнымъ лепетомъ.

Въ глазахъ людей всего міра оборона и осада Артура превращалась въ величественно-грозную картину. Это была эпопея!

А въ Артурѣ?

Въ Артурѣ были люди! Люди создали его величіе, люди и обезславили его.

Человѣкъ—это сонмъ контрастовъ.

Гдѣ дышатъ люди, гдѣ живутъ они, даже при самыхъ невозможныхъ условіяхъ, въ особенности въ обстановкѣ долгой, постоянной смертельной опасности—тамъ неистово бушуютъ страсти и страстишки. Тамъ проявляется во всей красѣ и силѣ величіе души человѣка, тамъ же въ отвратительной наготѣ зіяютъ ея отрицательныя свойства.

Да, въ Артурѣ были люди и люди, казалось, самые обыкновенные, а сколько страхъ, одинъ только страхъ смерти вскрыль гнилыхъ душеноекъ и мощныхъ душъ.

Несмотря на то, что каждый уголочекъ Артура былъ опасенъ, что вся атмосфера его была насыщена дыханіемъ смерти: люди оставались людьми.

Злоба, ненависть, зависть, несправедливость, пристрастіе: правили бѣшенную тризну на прахѣ честно погибшихъ, погибающихъ и на смерть обреченныхъ, съ отталкивающимъ цинизмомъ учитывая всѣ выгоды за счетъ мертвецовъ.

Глубокій трагизмъ положенія изолированной крѣпости, величайшіе подвиги храбрости, героизма, безчисленные примѣры самоотверженія не могли заставить многихъ людей найти въ себѣ человѣка.

Всѣхъ именъ называть я не буду, достаточно уже и названныхъ.

Если попадутся эти строки недостойнымъ, пусть вспомнятъ они свои вины и постараются хотя когда-нибудь найти въ себѣ потеряннаго человѣка.

18 Октября.

Восточный фронтъ.

Телефонограммы въ штабъ крѣпости.

18 октября.

Копія.

На укрѣпленіи 3 шт.-капитанъ Смирновъ и поручикъ Бурневичъ подорвали японскія штурмовыя лѣстницы и патроны. **Бурневичъ раненъ.**

Капитанъ Головань.

7 час. 30 м. утра.

Наши отступили отъ капонира 2 къ Китайской стѣнѣ.

Японцы готовятся къ штурму форта и укрѣпленія III; бросаютъ мѣшки и лѣстницы въ ровъ.

7 час. 35 м. утра.

Первый натискъ на фортъ II отбитъ.

Подполковникъ Науменко.

5 час. вечера.

Особаго передвиженія непріятеля по дорогамъ не замѣчалось.

Лейтенантъ Ромашевъ.

6 час. 12 м. вечера.

Положеніе II форта критическое. Все разбито. Не успѣли исправить. Укрытій нѣтъ. Часовыхъ и посты на брустверѣ держать немислимо.

Всѣ фугасы и мины взорваны.

Подполковникъ Науменко.

7 час. 30 м. вечера.

Снарядъ попалъ въ пристань Соборной горы. Пристань загорѣлась. Взорвалось много снарядовъ. Дружинники часть спасли.

Подполковникъ Шишко.

12 час. дня.

Начальникъ 1-ой дружины поручикъ **Василевскій** съ своей дружиной затопилъ загорѣвшуюся баржу съ снарядами. Пожаръ на пристани потушенъ. Два человѣка ранено и много ожжено.

Подполковникъ **Шишко**.

1 час. 35 м. дня.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

18 октября.

Копи.

На вѣренномъ мнѣ лѣвомъ флангѣ сухопутной обороны передовые посты отряда капитана Романовскаго занимаютъ линію южнѣе дер. Соудзятунъ. Позиція штабс-капитана Соловьева удержана вся на правомъ флангѣ; посты попрежнему въ связи съ постами Высокой. Цѣлый день японцы обстрѣливали артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ позиціи: капитана Неклюдова, поручика Ерофьева, штабс-капитана Соловьева, Высокую, Плоскую, фортъ № 5, лит. Д., укрѣпленія 4-е и 5-е, Рыжую, Фальшивую, Дивизионную. Движеніе по количеству японцевъ противъ вѣреннаго мнѣ фронта обороны сильно увеличилось. Поставлены новыя батареи и орудія. Наши потери 12 убитыхъ, 11 раненыхъ, 6 контуженныхъ. Раненъ въ плечо на вылетѣ поручикъ **Круминъ** 28-го полка, первымъ вошедшій на завалины вновь занятыхъ окоповъ. Поврежденія въ блиндажахъ и окопахъ исправляются.

Полковникъ **Ирманъ**.

Штабъ 5-го полка.

2 час. 15 мин. дня.

Вчера послѣ полудня четыре роты японцевъ быстро выбѣжали изъ окоповъ на склонѣ укрѣпленія № 3 бросились широкимъ фронтомъ на штурмъ У. 3-го, имѣя при себѣ штурмовыя лѣстницы, но были встрѣчены съ укрѣпленія ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ, съ тыла залпами охотничьей команды и роты 15 полка, а съ Крематорной импани залпами пограничниковъ и охотниковъ 26 полка, и, кромѣ того, сильнымъ шрапнельнымъ огнемъ со всѣхъ батарей моего отряда.

Какъ шальные японцы бросились въ беспорядкѣ внизъ, но мало кто дошелъ. Зрителями сего были, кромѣ насъ, ты-

сячь шесть японцевъ, покрывшихъ всѣ верхушки горъ, совершенно на виду и на нашемъ склонѣ Волчьихъ горъ, и горъ къ западу отъ бухты „Десяти кораблей“.

Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ.

4 часа дня.

Восточный фронтъ.

Телефонограммы.

Копія.

19 октября.

Два штурма, веденные изъ занятой части капонира, были отбиты штыками и бомбочками при эскаладѣ бруствера.

Штурмы: 1) въ 4 ч. дня. 2) 9 час. вечера.

Генералъ-маіоръ Горбатовскій.

Фортъ II.

11 час. вечера.

Западный фронтъ.

Телефонограммы.

Копія.

19 октября.

Вчера, съ 10 до 12 час., вечеромъ японцы вновь атаковали позицію штабсъ-капитана Соловьева, но были отбиты.

Всѣ позиции лѣваго фланга обстрѣливались орудійнымъ огнемъ.

Японецъ, подбиравшійся къ сѣткѣ Волчьей горы, убитъ.

Полковникъ Ирманъ.

2 часа 30 мин. утра.

Вчера къ вечеру много японскихъ труповъ остались неубранными предъ позиціей. Нѣкоторые одѣты въ китайскіе синіе халаты, большая же часть въ дубленые желтые полушубки. На погонахъ цифра I.

Капитанъ Романовскій.

11 час. вечера.

19 Октября.

Выписка изъ дневника полковника С. А. Рашевского.

Японцы вчера дѣйствительно два раза бросались на брустверь, собравшись предварительно во рву у капонира форта II, однако оба раза они были отбиты штыками.

Во время этихъ атакъ командиръ 10 роты 28 полка, расположенной сзади форта II за Китайской стѣной, желая узнать причину усиленной перестрѣлки послалъ на фортъ своего фельдфебеля. Послѣдній спускаясь ходомъ сообщенія къ форту, наткнулся на японскаго лазутчика, который бросилъ ему въ лицо пироксилиновый патронъ, разбившій ему голову, послѣ чего японецъ перерѣзалъ португую шашки фельдфебеля, перерубилъ мертвому горло и удралъ... »

По этому ходу 13 октября пробирался на фортъ II-ой Комендантъ крѣпости Смирновъ. Ходъ опасный, пустынный, неохраняемый.

Приказъ № 832.

Прикомандированный къ 15-му В. С. Стрѣлковому полку, 28-го В. С. Стрѣлковаго полка Полковникъ Мурманъ, только что выписанный изъ госпиталя, вновь сейчасъ же заболѣлъ и, рапортуясь больнымъ, помѣстился не при 15-мъ полку, а въ 28-мъ, гдѣ его, безъ всякаго распоряженія его начальства, свидѣтельствовалъ полковой врачъ 28-го же полка, да еще въ присутствіи 28-го же полка Подполковника Киленина, такъ что вышло, что 15 полкъ непричемъ. Полковникъ Мурманъ службы не несетъ, все время болѣетъ такими болѣзнями, съ которыми спокойно можно нести службу. Всѣ мы видимъ, что раненые офицеры, имѣющіе сквозныя раны служатъ и дерутся, они видятъ, что офицеры нужны и видятъ, что здѣсь не санитарная станція, а Портъ-Артуръ; кто же теперь не понимаетъ, что всякій офицеръ, какую бы должность онъ ни несъ, прежде всего долженъ быть воиномъ. Для освидѣтельствованія здоровья Полковника Мурмана назначаю 24 сего Ноября въ 9 часовъ утра комиссію изъ корпуснаго врача 3-го Сибирскаго Армейскаго Корпуса Статскаго Совѣтника Рябинина; 5-го В. С. Стрѣлковаго полка Коллежскаго Совѣтника Троицкаго; Полевого Запаснаго № 9 госпиталя Кол-

лежскаго Совѣтника Крживца, въ присутствіи Генераль-Маіора Церницкаго.

Актъ представить мнѣ.

Генераль-Адъютантъ Стессель.

Полковникъ Мурманъ былъ дѣйствительно боленъ и службы не могъ нести. Но Стессель сводилъ съ нимъ старые счеты и поэтому ни передъ чѣмъ не останавливался и безнаказанно глумился надъ достойнымъ офицеромъ.

20 Октября.

Выписка изъ дневника полковника С. А. Рашевского.

Ночь на форту II.

„Интересно пройти ночью на фортъ II. Здѣсь почти всѣ бодрствуютъ: ружейная стрѣльба не умолкаетъ ни на минуту, въ сумракѣ ночи, изрѣдка прорѣзываемомъ взрывами пироксилиноваго патрона, или свѣтомъ горящей ракеты, или разрыва шрапнели, копошатся темныя фигуры солдатиковъ, исправляющихъ поврежденія послѣ бомбардировки 17-го числа; во рву у капонира горитъ костеръ, поддерживаемый изъ амбразуръ нашей части капонира, съ цѣлю не дать возможности японцамъ скрытно пробраться по рву къ горжевому фасу. Настроеніе нервное.

Штурмъ ждемъ завтра—въ день рожденія Микадо. Странное совпаденіе—это день восшествія на престолъ нашего Государя...“

На упоминаемомъ въ дневникѣ форту II-омъ, въ ночь на 2-е Декабря, погибъ авторъ цитируемаго дневника вмѣстѣ съ генераломъ Кондратенко.

Рашевскій говоритъ о горѣвшемъ въ амбразурѣ кострѣ.

Въ благоустроенныхъ крѣпостяхъ Западной Европы для этой цѣли на стѣнкѣ контръ-эскарпа устанавливается рядъ хорошо защищенныхъ электрическихъ лампочекъ, которыми освѣщается временами весь наружный ровъ форта. Конечно, въ Артурѣ объ этой роскоши не было и помину. Артуръ защищался примитивнымъ способомъ. Вся надежда возлагалась на стойкость, презрѣніе къ смерти его рядовыхъ защитниковъ и на изобрѣтательность послѣднихъ.

Начальникъ линной береговой обороны.
Михаилъ Федоровичъ Контръ-адмиралъ Лощинскій.

Во многомъ оборона Артура напоминала давно минувшія времена, когда жизнь человѣческая мало, очень мало цѣнилась.

Японцы, безстрашно умирая подъ Артуромъ, устилая своими трупами землю, словно мѣшками—невольно убѣждали меня, что мы имѣемъ дѣло съ просвѣщенными варварами, (развѣ не варвары еще тѣ народы, которые свой споръ разрѣшаютъ массовымъ истребленіемъ другъ друга) одухотворяемыми сколь патристическимъ чувствомъ, столь и глубокимъ сознаниемъ, что выигранная кампанія, и въ частности взятый Артуръ, создастъ имъ прочный экономическій базисъ на континентѣ.

Я знаю, мнѣ будутъ жестоко возражать, но я все таки осмѣлюсь утверждать высказанное, японцы варвары, но варвары просвѣщенные—они знали, что своею кровью разряжаютъ обострившійся экономическій кризисъ страны.

Живя передъ началомъ войны въ Японіи, я часто бесѣдовалъ съ однимъ очень просвѣщеннымъ японцемъ. На мой вопросъ, неужели Японія рѣшится съ нами воевать (я тогда пребывалъ въ невинномъ заблужденіи о готовности Артура и дѣеспособности нашего военнаго министерства), японецъ глубоко задумался: онъ видимо хотѣлъ мнѣ отвѣтить. Вопросъ былъ затронутъ крайне серьезный, который каждый японецъ всегда старался обойти. Я давно собирался предложить ему этотъ вопросъ, но воздерживался, т. к. по опыту уже зналъ, что могу получить такой отвѣтъ, который могутъ давать только японцы, т. е. въ отвѣтъ будетъ все—кромѣ отвѣта на вопросъ.

Японецъ задумался и минутъ черезъ 5 (они большіе тяжелодумы) отвѣтилъ:

— „Народъ нашъ работаетъ такъ, какъ въ Европѣ у васъ не работаютъ. Бѣдный у насъ отдыха почти не знаетъ. Бережливъ онъ, трезвъ, ѣсть мало и плохо, да еще къ тому „на бѣду“ грамотенъ¹⁾. Машинное производство растетъ, мелкое производство падаетъ, пролетаріатъ со дня на день увеличивается. Но нашъ пролетарій не вашъ; повторяю: онъ трезвъ, бережливъ и грамотенъ. Вы удивляетесь, какъ совмѣщается „бережливъ“ съ „пролетаріемъ“. Да, это вѣрно, онъ зарабатываетъ 50 ц. проживаетъ 25. Но скоро онъ будетъ зарабатывать 30, потомъ меньше, еще меньше, а затѣмъ ничего не будетъ въ состояніи заработать

1) Въ Японіи всеобщая грамотность.

Масса эта отлично понимаетъ, въ этомъ вы можете убѣдиться, попутешествовавъ по Японіи. Всеобщая грамотность дѣло свое сдѣлала. Въ Токио это тоже понимали и понимаютъ. Тамъ не хотятъ ждать того момента, когда голодные станутъ сильнѣе сытыхъ и начнется междоусобица.

Нашъ народъ настолько же любитъ родину и Микадо, насколько хочетъ ѣсть, пить, читать газету, плодить и воспитывать дѣтей и т. д., однимъ словомъ жить въ условіяхъ хотя относительной культуры. (Японецъ былъ правъ. Много путешествуя я нигдѣ, кромѣ англичанъ, не видѣлъ такой культурности въ распорядкѣ внутренней жизни, какъ у японцевъ. Японію называютъ „Страной восходящаго солнца“, я думаю, что я буду недалеко отъ истины если назову ее „Страной не плачущихъ дѣтей“. Тамъ любятъ, цѣнятъ и умѣютъ воспитывать дѣтей).

Вотъ, умные люди въ Токио, давно уже сознавая, что количество голодныхъ непомѣрно растетъ—играя на патріотизмѣ и потребностяхъ желудка—поколотили ими (голодными) Китай и этимъ поймали двухъ зайцевъ: заставили народъ вѣрить правительству, а Европу считаться съ нами.

Началась серьезная политика. Съ нами Европа стала разговаривать. Мы продолжали у ней учиться, слушаться ея, и вмѣстѣ съ тѣмъ, зорко наблюдать. Теперь мы выучились. На всѣхъ судахъ и заводахъ уже нѣсколько лѣтъ англійскіе инженеры постепенно замѣняются отечественными. Англичанъ почти нѣтъ, оставшіеся дослуживаютъ—контрактные сроки. Теперь мы выучились. А капиталистическій способъ производства продолжаетъ быстро расти, армія пролетаріата увеличивается, пролетаризація народныхъ массъ нигдѣ въ мірѣ не идетъ такъ интенсивно, какъ у насъ въ Японіи. Намъ нужны земля и рынки. Въ Токио уже позаботились, чтобы народныя массы возненавидѣли русскихъ за отнятый Артуръ, искусно играя на народномъ самолюбіи. Школьный учитель и пресса въ этомъ направленіи воспитали и воспитываютъ народъ.

Кромѣ того, каждый японецъ отлично знаетъ свою исторію. Тотъ-же школьный учитель давнымъ давно ему сообщилъ, что Корея прежде, отъ временъ далекихъ, принадлежала Японіи, что отъ нея добровольно, во времена историческія,—отказалась одна изъ нашихъ императрицъ... “

Внимательно тогда я выслушалъ моего пріятеля и убѣжденно ему сказалъ, что Японіи никогда не удастся производить эксперименты надъ Россіей, этимъ несокрушимымъ колоссомъ, который задавить и раздавить ее.

Собесѣдникъ скромно меня выслушалъ, въ глазахъ искрилась хитрость и злорадство. Онъ зналъ, что говорилъ.

Черезъ 2 мѣсяца грянулъ громъ войны.

Пріѣхавъ въ Артуръ, первые мѣсяцы, въ числѣ подавляющаго большинства, я искренно вѣрилъ въ счастливый исходъ кампаніи. Я глубоко вѣрилъ, что Японія будетъ разбита и даже жалѣлъ ее.

Наканунъ годовщины занятія Артура, завѣдующій редакціей (до пріѣзда Артемьева), военный прокуроръ, Михаилъ Алексѣевичъ полковникъ Тыртовъ предложилъ мнѣ написать передовую статью. Я принесъ ее для просмотра въ тотъ же день. Михаилъ Алексѣевичъ вычеркнулъ изъ нея все чрезмѣрно рѣзкое по адресу англичанъ (я тогда жестоко напалъ на нихъ):

— „Адмиралъ Макаровъ высказался противъ рѣзкихъ нападокъ на англичанъ въ печати, пока наши дѣла на театрѣ войны и на морѣ вполнѣ не опредѣлятся. Онъ не сомнѣвается въ счастливомъ исходѣ, но до времени хочетъ быть политиченъ. Да и въ Петербургѣ придерживаются этого мнѣнія. Намъ необходимо подчиниться“—былъ совѣтъ полковника Тыртова, когда онъ мнѣ подавалъ проредактированную имъ рукопись.

16 марта, въ шестую годовщину занятія нами Артура, на страницахъ „Новаго Края“ появилась передовая статья:

Портъ-Артуръ, 16 марта 1904 г.

— „Сегодня минуло шесть лѣтъ, какъ надъ высотами угрюмаго Портъ-Артура взвился русскій флагъ подъ громъ привѣтственнаго салюта и русскаго „ура“.

Шесть лѣтъ Россія съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдила, что дѣлается у ней на крайнемъ востокѣ; шесть долгихъ лѣтъ заботилась о грядущей судьбѣ новаго края.

Европа, нервно прислушиваясь къ тому, что дѣлаетъ Россія въ Маньчжуріи, не радовалась успѣхамъ ея многотрудной культурной работы (о которой теперь столько пишется и говорится на западѣ).

Великій Петръ, при свѣтѣ едва занявшейся зари настоящаго величія Россіи, въ туманѣ почти трехъ столѣтій прошлаго, прорубая могучей рукой, на дикихъ берегахъ Финскаго залива окно въ Европу, другой вѣщей рукой, указаль возрождающейся Россіи путь на крайній востокъ.

Пресса, кичащейся своей цивилизаціей Англіи, во многомъ способствовавшая начавшейся войнѣ, старается остаться въ тѣни, ждетъ результатовъ своей работы, чутко прислушиваясь: что? какъ отражаетъ миролюбивая, но могучая, а теперь грозная Русь—стремленія японцевъ.

Нашъ Императоръ, оставаясь вѣрнымъ христіанскимъ завѣтамъ своего державнаго Родителя, за которымъ весь міръ призналъ имя „Царя Миротворца“ до послѣдняго мгновенія, несмотря на неразумно-вызывающее поведеніе Японіи и нависшую на Дальнемъ Востокѣ грозную тучу, неустанно и энергично стремился миромъ закончить утвержденіе своей державы на ея крайнемъ востокѣ. Непрестанно направляя и руководя дѣйствіями своихъ представителей (!?) къ предотвращенію возможнаго столкновенія съ Японіей, нашъ Государь прекрасно былъ освѣдомленъ какую роль играетъ Англія и Америка въ разрѣшеніи Манчжурскаго вопроса, и всетаки, до послѣдняго момента, надѣялся на мирный исходъ.

Но нѣтъ! миролюбивыя начинанія, надежды нашего Верховнаго Вождя, всѣхъ лучшихъ людей необъятной Россіи разбились о неизбѣжное.

Громъ войны грянулъ.

На долю Портъ-Артура выпала честь первымъ принять неожиданный ударъ и лихо отразить его.

Вотъ уже второй мѣсяцъ на исходѣ, какъ нашъ Артуръ одну за другой отражаетъ яростныя атаки японцевъ, стремящихся во что бы то ни стало овладѣть этой неприступной твердыней (!?). Они, повидимому увѣрены, что Артуръ будетъ ихъ, но увѣренность ихъ разобьется о русскую стойкость.

По слухамъ отъ китайцевъ, нѣкоторые изъ нихъ получили уже приглашеніе присутствовать сегодня, 16 марта, на парадномъ завтракѣ во дворцѣ Намѣстника.

Добро пожаловать! Милости просимъ, дорогіе гости!

Мы шесть лѣтъ жили съ вами бокъ-о-бокъ въ Артурѣ, но,

къ сожалѣнію, вы не успѣли за это время оцѣнить, что такое „русскій“ (!?)

Юная Японія захотѣла бороться съ сѣдымъ воиномъ Россіей, побывавшемъ уже во многихъ столицахъ Европы, понадѣялась сдвинуть его оттуда, гдѣ разъ ступила его нога!

Оставаясь вѣрными—извѣстному всему міру русскому хлѣбосольству, мы просимъ пожаловать къ намъ, — пока еще, что дѣлать, подъ громъ орудій фортовъ и эскадры“.

Когда свершилось то, что въ силу историческаго хода событій свершиться должно было, когда надъ высотами, обильно политаго русской кровью угрюмаго Артура, уже развивается флагъ Японіи—поднятый еще подъ громъ сотенъ орудій на поляхъ Манчжуріи, стонъ тысячъ раненыхъ и умиравшихъ, неизсякаемыхъ слезъ и безысходнаго горя сонма сиротъ,—стыдно становится, до боли стыдно за приведенныя строки, звучащія такимъ гордымъ, надменнымъ тономъ.

Нѣтъ Артура.

Величіе нашіе поколеблено.

Россія въ позорѣ.

Гидра, высасывавшая лучшіе соки народа, еще шевелится въ самомъ сердцѣ Россіи, она еще жива.—Просвѣта, казалось, не было и ужасъ, холодный ужасъ овладѣвалъ мной, когда я старался проникнуть завѣсу будущаго...

Но вотъ, прозвучали слова Царя и надежды воскресли!

Гидра, какъ она не живуча, рано или поздно умереть, и я увѣренъ, что Царь въ умственномъ и духовномъ единеніи съ Народомъ никогда не доживутъ до втораго Артура.

Борьба предстоитъ тяжелая, упорная, но искренній Царь съ разумнымъ Народомъ сотретъ главу бюрократіи. И Тотъ и Другой понимаютъ: лучше борьба, чѣмъ гибель не жившей еще полной жизнью націи.

Да простить меня читатель, что я утомилъ его своей покайнной и долгими, въ приподнятомъ тонѣ, разглагольствованіями.

Я пережилъ оборону Артура, я видѣлъ, какъ люди мучились и умирали, защищая его, и поэтому позоръ безславной его капитуляціи, затмившій героизмъ гарнизона, меня гнететъ.

Одно меня лишь убаюкиваетъ, это сознаніе, что если не современники, то послѣдующія поколѣнія оцѣнятъ Артура, по-

мутъ свидѣтелей его защиты, отдадутъ должное его бойцамъ, а Россія, цѣною Артура, быть можетъ, пріобрѣла уже свое грядущее величіе.

Приказъ № 780.

Слава Богу, пока все отбито. Японцы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ присосались и разумѣется теперъ, что можетъ быть? возьмутъ человѣкъ 10—20 пролѣзутъ ночью, а гарнизонъ утомленъ и спитъ, вотъ, что Боже сохрани, когда лѣзутъ на штурмъ, это не страшно, вы ихъ отобьете, а вотъ когда вы заснете сномъ богатырей, ну тогда васъ сонныхъ хоть руками бери; а потому надо этого не позволять, да не на словахъ, а на дѣлѣ. Предписываю слѣдующее: 1) Гарнизонъ каждаго форта и батареи подѣлать на 3 смѣны, одна смѣна должна быть на ногахъ и въ полной боевой готовности и мѣнять черезъ 2 часа, начиная съ 6 часовъ вечера и до 6 часовъ утра. Если два офицера, го ночь пополамъ. 2) Для повѣрки сего, такъ какъ безъ повѣрки ничего не будетъ, кромѣ начальниковъ участковъ, повѣрку возлагаю на слѣдующихъ старшихъ начальниковъ: на генерала **Никитина**, Генерала Церпицкаго, Полковника Рейса и Полковника Савицкаго, Подполковника Хвостова и Подполковника Некрашевичъ-Покладъ. **Старшимъ назначаю Генерала Никитина**, коему и установить очередь повѣрки и указать участки и время, все это предоставляю Генералу Никитину.

Генераль-адъютантъ Стессель.

Полковникъ Рейсъ.

Наконецъ то Генералу Никитину нашлось дѣло. За эти подвиги, по всему вѣроятію, онъ и получилъ орденъ Св. Георгія III-ей степени, появляясь иногда, и то глубокой ночью въ самыхъ безопасныхъ мѣстахъ.

Положимъ онъ утверждаетъ, что этотъ высокій знакъ отличія онъ получилъ за высылку 9-го Сентября взвода скорострѣльной артиллеріи подъ Высокую гору и этимъ спасъ послѣднюю.

Къ несчастію его, непреложно устанавливается, что въ высылкѣ этого взвода онъ, по должности фактически не у дѣлъ—стоящаго, абсолютно никакого касательства къ этому дѣлу не имѣлъ и имѣть не могъ, т. к. въ комфортабельныхъ помѣще-

ніяхъ пребывалъ, пріятную бесѣду съ близкими лицами велъ и „доброе вино“ попивалъ. (См. Правда о Портъ-Артурѣ, ч. II.). Взводъ былъ высланъ благодаря своевременному донесенію поручика Ерофѣева и по приказанію самого Коменданта Крѣпости Генерала-Лейтенанта Смирнова, который только и могъ это сдѣлать. Выѣздъ взвода было предпріятіе крайне рискованное. Все это произошло на моихъ глазахъ.

Такъ или иначе, но генералъ Стессель считалъ его, Никитина, своимъ истиннымъ помощникомъ и героемъ, о чемъ въ послѣдней, на имя Государя Императора депешѣ, не преминулъ довести.

Въ чемъ и какъ выразилась дѣятельность Никитина, какимъ образомъ онъ попалъ въ „герои“ это не только мнѣ, но и всѣмъ Артурцамъ непонятно.

Взрывъ пироксилина.

Шла обычная бомбардировка города, то усиливаясь, то стихая; наши отвѣчали вяло, берегли снаряды для штурмовъ.

Утро свѣжее, пасмурное.

Въ старомъ городѣ жизнь окончательно замерла, всѣ, кто могъ перебрались въ новый городъ — тамъ много покойнѣе, много безопаснѣй. По улицамъ изрѣдка проѣдетъ двуколка, простучитъ конь вѣстового, провезутъ раненаго, пропоетъ снарядъ, загромыхаетъ взрывъ, все по старому, все по обыденному. Давно знакомая, давно прискучившая обстановка осажденной крѣпости.

До смерти надоѣло это однообразіе. Одно желаніе: скорѣе бы окончился день, наступила ночь, а съ ней хоть и конецъ всему. Засыпаешь и неувѣренъ проснешься ли?

Только 10 часовъ! Цѣлый день впереди! Развѣ записаться въ дружинники, взять винтовку и итти убивать...

Вдругъ, земля дрогнула, сильный ударъ, загудѣло кругомъ, посыпались стекла...

Что такое?!?

Еще сильнѣй, все ходуномъ заходило.

Жутко стало, словно застылъ.

Опомнися, выбѣжалъ на улицу.

Надъ Саперными казармами стоялъ, казалось, въ небо-сводъ упираясь, столбъ ярко бѣлаго дыма.

Всѣ въ испугѣ, разинувъ рты (некрасивую, отталкивающую печать кладезь на лица смертельный ужасъ), смотрѣли на него и ничего не понимали: подкопъ японцевъ, сейчасъ еще будетъ, можетъ подъ нами взорвется...?!?

Къ мѣсту взрыва уже мчалась пожарная команда.

На дорогу выбѣжалъ фотографъ Липпейнтнеръ съ аппаратомъ, торопится снять невиданное еще зрѣлище, руки дрожать, плохо слушаются владѣльца.

Орудійный огонь противника сначала усилился, а затѣмъ смолкъ.

Раздался третій взрывъ, четвертый и все стихло.

Японцы торжествовали, наслаждались результатами мѣт-кой стрѣльбы своей артиллеріи.

Однимъ изъ снарядовъ былъ взорванъ огромный запасъ пироксилина въ фугасныхъ мастерскихъ.

30 обуглившихся труповъ были извлечены пожарной командой изъ-подъ развалинъ мастерскихъ, въ которыхъ въ огромномъ количествѣ приготавливались ручныя бомбочки.

Пожарные, подъ предводительствомъ своего героя-брандмейстера В. И. Вейканена, спасая въ промежуткахъ между взрывами раненыхъ и оттаскивая ящики съ пироксилиномъ, опять поразили всѣхъ своей полной неустрашимостью. Брандмейстеръ-инструкторъ В. И. Вейканенъ положительно восхищалъ весь Артуръ примѣромъ своей неустрашимости.

Тревожные симптомы.

Выписка изъ дневника полковника С. А. Рашевского

21 Октября.

„...Послѣдній бой 17-го Октября между прочимъ показалъ, насколько пѣхота японцевъ хуже ихъ артиллеріи; дѣйствительно, несмотря на превосходную подготовку артиллерійскимъ огнемъ, буквально разметаваемъ бруствера нашихъ окоповъ и укрѣплений, пѣхота шла неохотно и заняла только то, что мы очистили вслѣдствіе огня...“

Такъ пишетъ Рашевскій въ своемъ дневникѣ, пишетъ чело-

Снимокъ полковника С. А. Рашевскаго.

Фортъ П.

вѣкъ, который дни и ночи проводить въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ атакованнаго фронта.

Онъ весь поглащенъ одною мыслей, однимъ желаніемъ подольше удержать каждую пядь земли, негодуешь, что мы слабо производимъ вылазки, мало проявляемъ инициативы, отъ словъ, онъ просвѣщенный, талантливый и дѣятельный инженеръ, переходитъ къ дѣлу — самъ организовываетъ вылазки, которыя вѣнчаются успѣхомъ.

Однимъ словомъ Рашевскій рѣшилъ защищаться—до предѣловъ возможнаго.

Я спросилъ его однажды—въ чемъ онъ видитъ предѣлы обороны?

— „Въ смерти или освобожденіи!—былъ лаконическій отвѣтъ покойнаго героя. Его видимо удивилъ мой вопросъ.

Такъ дѣйствовалъ и чувствовалъ Рашевскій.

Иначе, въ своемъ полномъ бездѣліи думалъ препрославленный Фокъ.

Когда Комендантъ съ достойнѣйшими офицерами Артура отстаивалъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, каждый вершокъ ввѣренной ему земли Артура.....

Генералъ Фокъ мудрствовалъ лукаво въ своемъ уединеніи, и, какъ магъ и кудесникъ, являясь по вечерамъ къ своему сановному ученику, начиналъ его всевозможной абракадаброй.

Тотъ, по своей прирожденной впечатлительности, быстро усваивалъ мысли мудреца и по праву старшаго городилъ чушь, задавая бѣдному Роману Исидоровичу Кондратенко иногда непосильную работу убѣдить вершителя артурскихъ судебъ, что онъ не такъ понималъ своего наставника.

Вотъ одинъ изъ шедевровъ Фока:

21-го октября 1904 г. Кр. Артуръ.

ЗАПИСКА.

„Осажденную крѣпость можно сравнить съ организмомъ, пораженнымъ гангреною. Какъ организмъ, рано или поздно, долженъ погибнуть, такъ равно и крѣпость должна пасть. Докторъ и Комендантъ должны этимъ проникнуться съ перваго же дня, какъ только перваго позовутъ къ больному, а второму ввѣрять крѣпость. Это не мѣшаетъ первому вѣрить въ чудо, а вто-

рому въ измѣненіе къ лучшему хода внѣшнихъ событій. Вѣра эта для Коменданта еще болѣе необходима, чѣмъ для доктора, лишь бы она не усыпляла его дѣятельности съ перваго момента. Гангрена поражаетъ организмъ съ его конечностей, на примѣръ съ пальцевъ ногъ. Докторъ долженъ своевременно удалить пораженную часть.

Задача доктора сводится къ тому, чтобы продлить существованіе организма, а коменданта—*отдалить время паденія* крѣпости. Въ этомъ весь трагизмъ ихъ положенія, особенно послѣдняго.

Докторъ не долженъ допустить скоропостижной смерти, равно какъ комендантъ—неожиданнаго паденія крѣпости, по непредвидѣнной случайности. Организмъ долженъ погибать постепенно, начиная съ оконечностей; такъ равно паденіе крѣпости должно идти постепенно, начиная съ ея внѣшнихъ верковъ. Успѣхи, какъ перваго, такъ и второго будутъ зависѣть отъ того, на сколько первый своевременно удалитъ поврежденный членъ, а второй оставитъ атакованную часть. Задача эта не изъ легкихъ—доктору надо имѣть вѣрный взглядъ, чтобы опредѣлить тотъ моментъ, когда органъ для организма дѣлается болѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ; но этого одного еще недостаточно, такъ какъ въ этомъ надо *убѣдить и организмъ*, безъ согласія его въдѣ нельзя произвести операцію. Кому хочется разстаться съ ногой, глазомъ; другому, кажется, лучше разстаться съ жизнью и доктору надо убѣдить, что и безъ ноги можно обойтись и даже съ американской искусственной ногой и плясать будешь. Коменданту не легче; ему надо также имѣть вѣрный взглядъ, чтобы онъ могъ вовремя оцѣнить, чтобы данный пунктъ выжалъ все, что онъ могъ выжать отъ атакующаго и, что съ той минуты перевѣсъ переходитъ ужъ на сторону врага, что наступаетъ время его жатвы. Искусство и состоитъ—*во время уйти отъ подготовленнаго имъ удара и тѣмъ самымъ дорого продать* ему его успѣхъ. Надо помнить, что бои въ крѣпости должны носить на себѣ духъ боевъ арьергардныхъ, что однако *не всегда и не всѣми сознается*, тѣмъ болѣе, что итоги этихъ ошибокъ подводятся не тотчасъ же какъ въ полѣ, а, какъ говорится, когда приходится строиться къ расчету. Но кромѣ глаза Коменданту надо имѣть и характеръ и, пожалуй, болѣе, чѣмъ доктору, которому приходится побороть другого, а Коменданту

самого себя,—а что можетъ быть труднѣе этого? Умъ и совѣсть говорятъ „оставь“, а *самолюбіе и азартъ* говорятъ „дерись“; а еще и то видишь, что теряя, не знаешь чѣмъ его замѣнить, какой американской ногой. Въ докторскомъ каталогѣ все это есть, а въ Комендантскомъ нѣтъ ничего; надо брать все изъ своего ферштанда.

Докторъ отдѣляетъ пораженные органы, чтобы не потратить на нихъ напрасно жизненные соки, берегая ихъ для сердца. Комендантъ оставляетъ постепенно периферію крѣпости, чтобы сберечь силы для ядра. Длина оборонительной линіи должна соответствовать силѣ гарнизона...

Ни одинъ докторъ не станетъ пытаться удаленный имъ органъ, будь это хоть зубъ, по ошибкѣ вырванный, вновь приобщать къ организму. Такъ равно ни одинъ Комендантъ не будетъ тратить силы гарнизона для того, чтобы отбить отданное противнику укрѣпленіе, хотя бы оно было отдано и не по волѣ Божьей, а по безпечности. И это по одному тому, что не было примѣра, чтобы такого рода попытка увѣнчивалась успѣхомъ. Подъ Севастополемъ крѣпко держались за то, что имѣли; но разъ отдавали отбивать не пытались: редуты Камчатскій, Селенгинскій и Волынскій тому могутъ служить примѣрами. Османъ-Паша, знаменитый защитникъ Плевны, тоже ничего не отбивалъ, а только, теряя одно, спѣшилъ подставить подъ наши удары другое; такъ, зная, что мы возьмемъ Гривицкій редутъ онъ подготовилъ для насъ такой же другой, окрестивъ его именемъ Гривца № 2, чѣмъ и отбилъ нашу охоту къ атакамъ. Долго ли держался бы Османъ-Паша, если бы пытался со своею сорока тысячною арміею отбивать отъ насъ свои редуты? Онъ берегъ людей и они отслужили ему службу лопатую.

Доктору, чтобы съ успѣхомъ выполнить свою задачу передъ организмомъ, недостаточно имѣть вѣрный глазъ и руку, и ему надо умѣть заставить своихъ ассистентовъ строго относиться къ своимъ обязанностямъ, а также знать до мелочи ихъ черную работу и умѣть руководить ими во время этихъ работъ. Къ чему послужить отлично сдѣланная операція, если ассистенты неумѣло ее зашьютъ, или, по оплошности, забудутъ вынуть изъ раны нитку или кусочекъ ваты. Тутъ обыкновенно одинъ конецъ—смерть.

Тоже и коменданту недостаточно выбрать мѣсто для укрѣпленія и указать родъ самаго укрѣпленія; ему надо знать и черную работу. Къ чему послужить укрѣпленіе, если его бойницы не приспособлены для успѣшной борьбы съ ружейнымъ огнемъ противника,—если эти бойницы не прикрываютъ стрѣлка, а напротивъ выдаютъ его. Нѣмцы смотрятъ, что при нынѣшнемъ огнѣ можно идти летучею сапою только до 800 метр. Разъ бойницы устроены дурно, онѣ обыкновенно закладываются камнями и завѣшиваются тряпками; правильнаго ружейнаго огня изъ укрѣпленія не ведется. Стрѣляютъ обыкновенно только любители; стрѣляютъ поверхъ бойницъ, для чего имъ приходится чудно приманиваться, чѣмъ они и обращаютъ на себя общее вниманіе и дѣлаются знаменитостями. Мнѣ пришлось видѣть такъ чудно примостившагося матроса, который на одной ногѣ и на одномъ локтѣ болѣе часа велъ стрѣльбу,—далъ за такой фокусъ рубль.

На любителей не выйдешь. Весь гарнизонъ обращается въ пассивное оружіе, такъ сказать, орудіе противостурмующее, т. е. гарнизонъ начинаетъ дѣйствовать, когда противникъ прекращаетъ огонь и бросается въ штыки. Такимъ образомъ укрѣпленіе далеко не выполняетъ своего назначенія, такъ какъ даетъ возможность безнаказанно подойти противнику на 30 м., чего не было и при гладкоствольномъ оружіи, а не говоря про штуцера. Въ Севастополѣ врагъ болѣе бо-ти саж. не подходилъ“...

Изъ приведенной записки становится вполне яснымъ, что Фокъ исповѣдуетъ.

Прежде всего онъ не доволенъ Комендантомъ, т. к. послѣдній считаетъ вреднымъ во всѣхъ отношеніяхъ сдавать форты и укрѣпленія. Несмотря на сравнительно порядочную убыль въ людяхъ, всю силу бомбардировокъ и штурмовъ, въ особенности послѣдняго, Смирновъ не отдалъ еще ни одного серьезнаго укрѣпленія.

Кромѣ редутовъ I-аго и II-аго—всѣ еще въ нашихъ рукахъ. Противникъ лишь при послѣднемъ короткомъ, но необычайно сильномъ ударѣ успѣлъ увѣнчать гласисы.

Фокъ стремится убѣдить Стесселя и гарнизонъ, что генералъ Смирновъ не умѣетъ защищать крѣпость. Онъ подрываетъ авторитетъ Коменданта. Онъ растлѣваетъ гарнизонъ. Онъ, авторъ этой записки, лучшій союзникъ японцевъ.

Это писаніе было ядомъ, медленно, но вѣрно-дѣйствующимъ ядомъ, которое уже въ октябрѣ начало деморализовать гарнизонъ, начавшій гибнуть отъ нераціональнаго питанія (цынга).

Комендантъ зналъ объ этой „келейной“ запискѣ, ставшей достояніемъ гарнизона въ отлитографированныхъ экземплярахъ.

Я спрашиваю, что онъ могъ сдѣлать съ врагомъ крѣпости? Онъ сдѣлалъ все, что было въ его силахъ; Смирновъ устранилъ его отъ дѣлъ.

Бороться дальше съ нимъ онъ не имѣлъ силъ.

Не забывайте читатель, что Фокъ былъ другъ и первый совѣтникъ всемогущаго Стесселя.

Вспомните, что говорило въ это время вашему уму и сердцу имя Стесселя. Народный герой, „витязь“ земли русской.

Оставалось одно, арестовать и того и другого.

Почему онъ, Смирновъ не арестовалъ ихъ?—невольно спросить каждый.

Гарнизонъ былъ уже деморализованъ. Гарнизонъ усталъ, нравственно и физически изнашивался.

Къ Смирнову предъявляють обвиненіе, почему онъ не арестовалъ Стесселя, Фока и Ко.

Арестъ Стесселя, „посланника Государя“, какъ выражался Фокъ, не встрѣтилъ бы сочувствія въ большинствѣ гарнизона. Повторяю, гарнизонъ нравственно и физически началъ изнашиваться.

Арестъ Стесселя могъ бы породить междоусобицу, (быть можетъ, это въ октябрѣ было еще гадательнымъ, но предположить есть полное основаніе) которая завершилась бы грандіознѣйшимъ, міровымъ скандаломъ.

Если теперь, когда весь міръ не сомнѣвается, что Стессель былъ въ Артурѣ абсолютное ничтожество, что надъ нимъ тяготеетъ вина позорнѣйшей капитуляціи, а вся слава упорной защиты принадлежитъ Смирнову и Кондратенко, находятся офицеры, какъ напримѣръ, капитанъ Х., который въ центрѣ Россіи, въ Михайловской артиллерійской академіи, воспитавшей гордость русской арміи, публично, съ эстрады заявляетъ, что большинство никогда не видѣло на позиціяхъ Смирнова. Это говорится съ предвзятой цѣлью. Я лично и неустанно сопровождалъ Смирнова въ

его безчисленныхъ поѣздкахъ по атакованному фронту, мы посѣщали его въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ. А сколько разъ объѣзжали весь фронтъ. Въ Артурѣ всѣ это отлично знали т. к. скрыть выѣзды Коменданта нельзя. Это говорится теперь, когда Стессель развѣнчанъ, когда онъ уже не витязь, а-і.

Что же бы заговорили приверженцы „всемогущаго“ въ Артурѣ, если бы они узнали, что Стессель арестованъ ненавистнымъ имъ Смирновымъ. Въдъ Стессель тогда былъ всесильнѣе, на него надѣялись и въ будущемъ.

Приверженцы Стесселя, быть можетъ, забыли, а я отлично помню, какъ гордо звучали ихъ надежды:

Освободятъ Артуръ и у солища Престола ослѣпительно засверкаетъ звѣзда Стесселя.

Вспомните, читатель, имена лейтенантовъ: Лепко, Карцева и др., которые печатно заявляли, что Смирновъ сидѣлъ въ блиндажѣ, а Стессель руководилъ обороной.

Послушали бы Вы сотни приверженцевъ Стесселя, которые по прибытіи, вмѣсто плѣна, въ Россію утверждали, что Стессель „истинный герой“, а Смирновъ интриганъ.

Прочитайте показанія сторонниковъ Стесселя въ слѣдственной комиссіи и вы ужаснетесь, до чего могутъ люди изогаться, спасая свою, никому кромѣ нихъ, ненужную шкуру.

Быть можетъ, я ошибаюсь. Но въдъ судъ впереди. Онъ скажетъ свое предпоследнее слово. А потомъ, потомъ заговорить историкъ.

И такъ, появленіе записки Фока, по моему крайнему разумѣнію, было тревожнымъ симптомомъ въ жизни крѣпости.

Враги Артура серьезно задумались надъ его грядущей судьбой.

П о ж а р ъ.

21 октября.

Тихо въ городѣ. День сѣрый, непривѣтливый. Уличная жизнь замерла. Въ храмахъ, по случаю высокаторжественнаго дня восшествія на престолъ, отслужены молебны. На фонѣ орудійной канонады едва звучать небольшіе артурскіе колокола. Смолкъ трезвонъ.

На фронтѣ гроыхаетъ все сильнѣе и сильнѣй.

Въ обитаемыхъ домахъ выставлены флаги, едва едва шевелятся они. Многострадальный Артуръ въ минуты тяжелаго испытанія не забывалъ своего Государя и это тѣмъ болѣе знаменательно, что дѣлалось отнюдь не по принужденію, полиція давно уже перестала проявлять свои вѣрноподданическія чувства.

До иллюминацій ли теперь! Внезапно, въ 11 часовъ, залпомъ изъ нѣсколькихъ десятковъ орудій началась бомбардировка города.

То былъ грозный и своеобразный салютъ враговъ. На сравнительно небольшой площади, прилегавшей къ Перепелиной горѣ, загрохотали взрывы, а затѣмъ и пошло, какъ по писанному. Началась безпорядочная стрѣльба по всей площади стараго города. Огонь усиливался, давно они такъ жестоко не стрѣляли.

Приблизительно черезъ часъ послѣ начала канонады занялся грандіознѣйшій пожаръ въ складѣ оливковаго масла.

Густой, черно-черный дымъ густымъ облакомъ повисъ надъ Артуромъ. Огонь распространялся съ невѣроятной быстротой.

Примчавшаяся пожарная команда, при своихъ скудныхъ противупожарныхъ средствахъ, должна была волей неволей опустить руки. Сарай, обитый оцинкованнымъ желѣзомъ представлялъ сплошной костеръ. Снарядъ за снарядомъ падали въ пожарище и своими взрывами въ огромномъ бушующемъ пламени усиливали эффекты.

Оставивъ горѣвшій складъ, японцы перенесли огонь дальше. Загорѣлась городская имени Пушкина читальня.

Пожарные подъ градомъ снарядовъ понеслись туда.

Я и нѣсколько любопытныхъ остались у пожарища.

Огонь ревелъ, гремѣли взрывы, грохотали орудія у нихъ и у насъ и среди этого ада, со стороны горящаго склада донесся жалобный вой, то пронзительно-рѣзкій, то глухой.

Въ оградѣ склада метался песь забытый.

Спасти его, безъ риска быть обожженнымъ на смерть, было немыслимо.

Вой то усиливался, то стихалъ.

Песь то властно лаялъ, то жалобно пищалъ.

Песь въ щели навѣрное видѣлъ насъ, такъ безучастно, такъ близко стоявшихъ людей...

Иногда словно стонъ и вздохъ оттуда вырывался.

Песь погибаль.

Раздался рѣзкій визгъ отчаянный и больше онъ уже не повторялся.

Песь, вѣрный сторожъ, погибъ.

Ревѣль огонь, гремѣли взрывы, клубился дымъ густой и черный, и, словно факель гигантскій, иллюминаціонный долго свѣтилъ подъ вечеръ и ночью притаившійся, измученный Артуръ.

Приказъ № 784.

„Поздравляю Васъ, славные герои, съ сегодняшнимъ знаменательнымъ для Россіи днемъ, Восшествія на Престолъ Нашего Царя; сегодня же врагъ нашъ празднуетъ для него великій день Рожденія Микадо, но какъ онъ празднуетъ? Онъ торопился всемѣрно взять Артуръ къ этому дню, но Десница Творца Нашего благословила на побѣды къ сему дню наши геройскія войска. Господь Богъ въ милостяхъ Своихъ побѣдой Вашей надъ врагомъ одаряетъ Батюшку Царя на радость Ему и славу Россіи. Благодареніе Творцу Всевышнему, Хвала и Слава Вамъ, Ура. Врагъ вновь сокрушенъ Вами, вновь его полки раскололись о богатырскій отпоръ славныхъ войскъ и не могутъ они поздравить своего Микадо, какъ кичливо обѣщали; Богъ видимо за насъ воиновъ Русскихъ, Православныхъ.

Генераль-адъютантъ Стессель.

Полковникъ Рейсъ.

Высочайшая телеграмма.

„Сегодня, во время совершенія Таинства Св. Крещенія Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича, Ея Величество и Я, въ душевномъ помышленіи о нашихъ доблестныхъ войскахъ и морякахъ на Дальнемъ Востоку, въ сердцѣ молитвенно призывали ихъ быть воспріемниками Новокрещаемого Цесаревича. Да сохранится у него на всю жизнь особая духовная связь со всеми тѣми дорогими для Насъ и для всей Россіи, отъ высшихъ начальниковъ до солдата и матроса, которые свою горячую любовь къ Родинѣ и Государю выразили самоотверженнымъ подвигомъ, полнымъ лишеній, страданій и смертельныхъ опасностей. Николай.“

Телеграмма эта стала достояніемъ Артура 24-го октября. Въ полдень населеніе и гарнизонъ уже знали ея содержаніе.

Давно ли Артуръ былъ порадованъ телеграммой Государя, которой онъ извѣстилъ гарнизонъ, что службу въ крѣпости Онтъ призналъ справедливымъ, считать мѣсяцъ за годъ.

Прочитали тогда телеграмму, взвѣсили всѣ тяготы сопряженныя съ обстановкой осады, сравнили ее съ Севастополемъ, пошумѣли, выпили и успокоились.

Спасибо хоть за это!—говорили пожилые, старые.

Мало, мало мѣсяцъ за годъ!—горячилась молодежь.

Въ общемъ всѣ скоро забыли объ этой наградѣ.

Дѣйствительно, трудно было, трудно и теперь учесть, чего иногда стоилъ одинъ часъ въ осажденномъ Артурѣ.

Совсѣмъ, совсѣмъ другое впечатлѣніе произвела послѣдняя телеграмма.

Я былъ свидѣтелемъ, когда сѣдья головы склонялись ниже, ниже, прочитавъ эту телеграмму. Словно дума большая, глубокая ихъ посѣтила. Потомъ они отцы и дѣды по возрасту выпрямлялись. Лица ихъ были попрежнему мужественны и покорны. Въ глазахъ же сверкали слезы, чрезъ которыя свѣтился хорошій, яркій огонекъ, огонекъ душевнаго удовлетворенія.

Юность зеленая, юность побѣдная старалась скрыть, что творилось у ней на душѣ.

— „Малодушіе, незрѣлость, мальчишество въ обществѣ искренно высказываться, выносить на показъ свои душевныя движенія“!

Но какъ ни старались замаскировать впечатлѣніе, какъ подчасъ, не зная чувства мѣры, ни переходили въ шаржъ—ясно, ясно было, что на большинство молодежи сердечная, искренняя телеграмма счастливыхъ. Родителей произвела глубокое впечатлѣніе.

Государь Россіи, искренно войдя въ Артурѣ въ духовное единеніе съ частью своей арміи, дѣтищемъ Народа, положилъ начало полнаго единенія съ нимъ.

Царь вѣрить Нарodu, и Нарoдъ въ совмѣстной культурной работѣ съ Нимъ положить конецъ самодержавной бюрократіи, ведущей Россію къ гибели.

Выписка изъ дневника покойнаго инженеръ-полковника С. А. Рашевскаго.

27 октября.

„..... Сегодня японцамъ удалось взорвать при посредствѣ своихъ 11\" пушекъ пороховой погребъ на Заредутной батарее. Взрывъ былъ ужасный, но къ счастью снаряды уцѣлѣли... На батарее лит. Б. снова пробило оба свода 11\" снарядомъ, который разорвался въ нижнемъ этажѣ, изъ бывшихъ здѣсь артиллеристовъ капитанъ **Жуковскій** отдѣлался легкой контузіей щеки, штабсъ-капитану **Попову** разбило ногу; военнаго инженера капитана **Заборовскаго** сильно обожгло и такъ ударило при разрывѣ, что у него пошла горломъ кровь...

Но все же удивительное счастье уцѣлѣть въ небольшомъ казематѣ, въ которомъ разорвалась 11\" бомба.....“

Приказъ.

Октября 27 дня 1904 года. Кр. Портъ-Артуръ.

№ 797.

Объявляю глубочайшую благодарность инженеру-подполковнику Рашевскому за его безавѣтную дѣятельность на самыхъ опасныхъ мѣстахъ атакованнаго фронта.

Генераль-адъютантъ Стессель.

Несмотря на все свое пристрастіе, обидное, дерзкое отношеніе къ лицамъ непосредственно соприкосавшимся съ генераломъ Смирновымъ, работавшимъ подъ его наблюдениемъ и согласно его указаніямъ—генераль-адъютантъ не могъ игнорировать самоотверженную дѣятельность героя Артура, честь и славу русскихъ инженеровъ, покойнаго Сергѣя Александровича полковника Рашевскаго.

Дѣятельность этого офицера была настолько продуктивна, энергична и неутомима, что заставляла благоговѣть предъ нимъ даже его враговъ.

Объездъ восточнаго фронта.

27 октября.

Несмотря на свое положеніе предсѣдателя суда, очень слабое здоровье, генераль Костенко давно уже хотѣлъ лично познакомиться съ боевой обстановкой оборонительной линіи.

Рано утромъ 27 октября комендантъ въ сопутствіи генерала Костенко выѣхали на атакованный фронтъ.

Утро было свѣжее, чистое, солнечное.

Путь лежалъ на Большую гору.

Быстро подвигались впередъ, миновали центральную ограду и взяли дорогу напрямки. Монголы легко преодолевали зигзагообразную, иногда страшно крутую горную тропинку.

Костенко, по природѣ крайне впечатлительный, съ душой отзывчивой и чистой, увлекся развернувшейся чудной панорамой съ высоты Большой горы.

Генераль, очарованный развернувшейся картиной освѣщенной солнцемъ осени, словно застылъ.

Прямо на сѣверъ вздымались большія и малыя горы Квантуна, тонувшія въ синевѣ ранняго утра.

Внизъ, вдаль и вокругъ царилъ тишина, нарушаемая лишь рѣдкимъ ружейнымъ и орудійнымъ огнемъ.

Направо—необъятная ширь океана.

На просторѣ развернувшейся картины природы ничто почти не напоминало о жизни, о войнѣ. Японцевъ, враговъ совсѣмъ не видно. Японцы скрыли всѣ свои батареи, нигдѣ и ничѣмъ они себя не выдаютъ.

— „Да, поэзія и смерть—два совершенно диаметральныхъ полюса; но сочетаніе ихъ производитъ такія ощущенія и впечатлѣнія, которыя рѣдко кому приходится переживать въ дѣйствительности“—сказалъ, очнувшись, генераль Костенко.

Надъ головами прошуршала шрапнель и разорвалась на скатѣ, за ней другая.

— „Видите какая теперь война? Вы противника не замѣчаете, да и не увидите; онъ не покажется Вамъ, но будетъ Васъ поражать мѣтко и пулями и снарядами, разъ найдетъ достойнымъ этого. Японцы зорко слѣдятъ за нами въ трубы и особенно энергично охотятся на генераловъ“ — шутилъ по обыкновенію Смирновъ.

Костенко, увлекшись, стоялъ совершенно на виду, забывъ объ опасности. Продвинулся къ шекѣ амбразуры. Пули начали изрѣдка посвистывать.

— „Да, такъ вотъ какъ воюютъ японцы—продолжалъ Смирновъ.—Вы не увидите ихъ до послѣдняго момента боя—до штурма, когда они полѣзутъ колоннами, подготовивъ атаку сильнымъ и сосредоточеннымъ артиллерійскимъ огнемъ.

Хотите, пройдемъ на Опасную гору. Она тутъ, вонъ, по сосѣдству. Предупреждаю, туда придется идти дорогой обстрѣливаемой ружейнымъ и орудійнымъ огнемъ. Какъ только насъ замѣтятъ, сейчасъ откроютъ огонь. Пойдемъ на растояніи 10, 15 шаговъ. Верхами немислимо, немедленно снимутъ.“

Тронулись. Путь былъ продолжительный и опасный.

Проходя открытымъ мѣстомъ—невольно ускорили шагъ.

Взобравшись на вершину Опасной, вооруженной двумя полевыми орудіями, и очутившись наконецъ въ блиндированной вышкѣ почувствовали себя въ относительной безопасности.

Генералъ Костенко, совершенно не привычный къ такимъ походамъ—едва отдышался.

Отдохнувъ и прорекогносцировавъ впереди лежащую мѣстность, комендантъ вернулся домой.

Генералъ Костенко ожилъ. Выѣздъ на оборонительную линію внесъ рядъ яркихъ впечатлѣній въ хотя и опасную, но томительно-однообразную жизнь осажденной крѣпости. Генералъ, какъ человѣкъ впечатлительный и не обладавшій особенно сильнымъ здоровьемъ, началъ давно уже прихварывать. Къ недомоганію присоединилась гнетущая тоска по семьѣ. Новыя и сильныя впечатлѣнія подѣйствовали на него цѣлительно.

Генералъ рѣшилъ почаще выѣзжать на оборонительную линію съ Комендантомъ, котораго онъ глубоко цѣнилъ и уважалъ прежде всего, какъ человѣка, а затѣмъ, какъ офицера, исключительной энергіей и умомъ котораго держался Артуръ.

Контръ-адмиралъ Лощинскій на канонерской лодкѣ „Отважный“.

Зачастую, посѣщая суда эскадры, я неоднократно бывалъ и на канонерской лодкѣ „Отважный“, на которой контръ-адми-

раль Лощинскій, начальникъ минной береговой обороны Артура, держалъ свой флагъ.

Впервые съ адмираломъ мнѣ довелось познакомиться еще лѣтомъ.

Небольшого роста, съ открытымъ русскимъ лицомъ, методичный въ движеніяхъ и рѣчи,—онъ своимъ внѣшнимъ обликомъ мало отвѣчалъ той энергіи, трудоспособности и полного презрѣнія къ смерти, которая вносилъ въ свою неусыпную, незамѣтную, но крайне опасную и продуктивную дѣятельность по минированію, траленію и охранѣ: вначалѣ береговъ Квантуна, а затѣмъ строгаго охраненія береговъ Артура и прохода во внутреннюю гавань.

Большую часть кампаніи онъ держалъ свой флагъ на канонерской лодкѣ „Отважный“, командный составъ которой съ командиромъ его капитаномъ II ранга Лазаревымъ (прямой потомокъ знаменитаго адмирала Лазарева) и старшимъ офицеромъ лейтенантомъ Львовымъ во главѣ, по своимъ боевымъ качествамъ, неусыпно охранявшимъ входъ въ гавань Артура въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ кампаніи, являлъ собой примѣръ достойный подражанія.

День въ день, ночь въ ночь, ни офицеры, ни матросы не были покойны за грядущій часъ, въ особенности въ темныя, туманныя ночи Артура.

Незамѣтно текла ихъ служба, но польза, которую они оказывали въ защитѣ прохода, была неоцѣненна.

Объ этихъ незамѣтныхъ герояхъ мнѣ и хотѣлось бы побесѣдовать съ вами, читатель.

Тотъ, кто не былъ на морѣ,—говорить пословица, тотъ не молился Богу.

Что же можетъ сказать тотъ, кто не пережилъ страдныхъ дней Портъ-Артура?

Постоянная, смертельная опасность сверху отъ обильно и безнаказанно, градомъ падавшихъ бомбъ, вѣчно напряженное вниманіе въ сторону моря—откуда то и дѣло во тьмѣ ночи можетъ вынырнуть миноносецъ, прибой дрейфующихъ минъ въ мгновеніе способныхъ разворотить и загубить судно—изнашивали людей.

Казалось, что недѣли, мѣсяца достаточно было, чтобы сказать: нѣтъ, нѣтъ довольно, силъ больше нѣтъ терпѣть долѣе эту медленную пытку! Какой угодно, но лишь бы конецъ!!

Но люди Артура терпѣли, терпѣли до конца и не роптали. Чуть стало легче, уменьшилась, умолкла бомбардировка, наступилъ разсвѣтъ, всѣ довольны, жизнерадостны. Тяжелая ночь забыта, минувшее, казалось, не существовало.

Идетъ жестокая бомбардировка.

Рвутся снаряды.

Кругомъ гибнутъ люди, а живые почти не обращаютъ вниманія на все угрожающую обстановку, стараются не замѣчать происходящаго вокругъ, каждый занятъ своимъ дѣломъ.

Но нѣтъ, каждый часъ, каждый день, проведенный въ этой обстановкѣ, кладетъ свою печать. Непрестанная опасность, какъ вдохновленный скульпторъ, быстро, быстро наноситъ своимъ рѣзцомъ одну складку за другой на мужественныя лица людей Артура.

Люди призваны сюда для защиты крѣпости и они безропотно гибнутъ одинъ за другимъ.

Величественная картина.

Что можетъ быть выше, что можетъ быть величественнѣй смерти во имя долга.

На меня всегда производило самое тяжелое, самое удручающее впечатлѣніе бомбардировка гавани и рейда.

Суда стоятъ на якоряхъ и нѣтъ имъ пощады.

Противникъ методично, безнаказанно, съ наслажденіемъ разстрѣливаетъ ихъ.

Они гибнутъ на нашихъ глазахъ.

Вѣдь это казни! Это хуже казни! Казнятъ сразу, а этотъ разстрѣлъ тянется мѣсяцами.

Четъ или не четъ?

Убьетъ, не убьетъ?

На оборонительной линіи опасно, жутко, страшно, тамъ сильнѣй быють, но линія отвѣчаетъ, борется.

Тамъ борьба, а тутъ казнь.

Тамъ дорого продаютъ свою жизнь.

Тутъ молча, какъ приговоренные, ждутъ своей смерти.

Съ „Отважнаго“ уйти на линію нельзя. „Отважный“ необходимъ. „Отважный“ охраняетъ проходъ, караулитъ миноносцевъ рыскающихъ у береговъ и разбрасывающихъ мины. „Отважный“ руководитъ траленьемъ, командуетъ убѣлѣвшими миноносцами.

Вѣдь проходъ долженъ быть чистъ. Артуръ ждалъ Рождественскаго. Артуръ ждалъ пароходовъ съ провіантомъ, снаря-

дами, медикаментами. Многое, на что надѣялся и чего ожидалъ изнывавшій въ борьбѣ Артуръ.

И такъ, я на „Отважномъ“.

Противникъ занялся рейдомъ и особенно усердно пристрѣливается къ „Отважному“. Снарядъ за снарядомъ летятъ въ воду, взрываются, подымая 20-ти саженные фонтаны.

Судовая жизнь идетъ своимъ обыденнымъ порядкомъ.

Офицеры то и дѣло показываются на палубѣ, отдають приказанія, провѣряють работу. Причаливають, отчаливають катера...

Въ каютъ-компаніи кончили завтракать.

Матросы спуютъ по палубѣ. Раздаются боцманскіе свистки, слышатся окрики, команды...

Поднялся на верхнюю палубу. Адмиралъ въ тужуркѣ, съ основательно одѣтой фуражкой, медленно прогуливается по палубѣ.

— „Вотъ вѣдь какъ ихъ развезло, того и гляди влетятъ къ намъ. Да, да, да.“

— „Летитъ, ну, куда?—глядя на верхъ, говоритъ адмиралъ.“

Воздухъ шумѣлъ отъ приближающейся одиннадцатидюймовой бомбы. Гулъ, страшный гулъ увеличивался. Смотримъ, ждемъ. Раздался взрывъ и въ проходѣ поднялся огромный фонтанъ.

— „Есть—крикнулъ кто-то.“

— „Пронесло, да, да-да — улыбаясь, сказалъ Лощинскій и опять зашагалъ.“

Воздухъ опять загудѣлъ — еще неслась смерть. Взрывъ и фонтанъ ближе.

Подошелъ командиръ, капитанъ II ранга Лазаревъ.

— „Кажется, ваше превосходительство, къ намъ пристрѣливаются, не прикажите ли отодвинуться.“

— „Ну, куда мы пойдемъ?! Мы уйдемъ, они за нами. Вѣдь они шельмецы корректируютъ, они насъ видятъ. Не къ Волку же итти*). Даромъ это. Попадетъ, — такъ попадетъ. Все равно не убережешься.“

Лазаревъ и не попробовалъ возражать. Къ „Волку“ итти нельзя, — а такъ, никуда вѣдь не спрячешься.

*) Бухта „Бѣлый Волкъ“, куда потомъ сталъ, гдѣ и погибъ „Отважный“.

Снарядъ за снарядомъ продолжали бороздить рейдъ.

Холодно уже. Задулъ рѣзкій N.O. Начало быстро темнѣть. Въ октябрѣ и въ Артурѣ темнѣетъ рано.

Канонада стихала. Казнь откладывалась на слѣдующій день. Подъ вечеръ, когда сгущались сумерки, они всегда прекращали огонь.

Ни день, ни сумерки, ни вечеръ, ни ночь... Все погружается въ легкій, но непроницаемый туманъ. Трудно корректировать.

Съ моря неумолчно шумѣлъ прибой. Все понемногу тонуло въ вечерней мглѣ...

Налѣво Золотая, направо Тигровый. Впереди чернѣютъ остовы брандеровъ, силуэтъ „Гиляка“. Дальше темный, холодный, непривѣтливый, о чемъ-то вѣчно шепчущійся океанъ.

Вечеръ уже поздній.

Брызнули лучи прожекторовъ и поползли по поверхности катящихся, всегда не покойныхъ волнъ. Нѣтъ, нѣтъ да и сверкнутъ по остову брандера, освѣтятъ „Гилякъ“.

Гребни волнъ искрятся во лучѣ зелеными недобрыми огоньками и спѣшатъ, спѣшатъ докатиться до берега.

N.O. крѣпнетъ. На палубѣ холодно и неудобно.

Все погрузилось во мракъ. Сзади бухта, темная, тихая...

За горами время отъ времени вспыхиваетъ зарево выстрѣла, громыхаешь.

„Отважный“, безмолвный и темный, одиноко сторожить проходъ. Прислуга у орудій. Вахта нервно старается пронизать завѣсу надвигающейся ночи.

Внизу дребезжитъ телефонъ.

Наступила ночь.

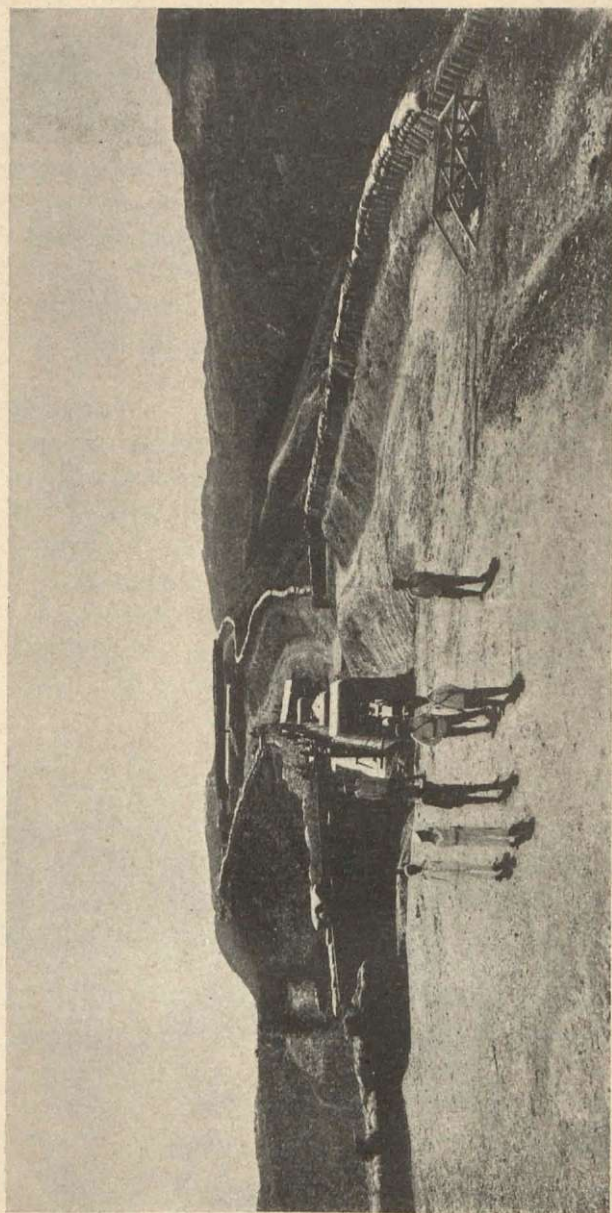
Вѣтеръ пронизываетъ, дуетъ порывами.

Въ трехъ шагахъ не видно. Другъ друга не различаемъ.

— „Идемте чай пить, согрѣемся...“

Спустились. Каюта ярко освѣщена электрической люстрой. Мягкая, удобная мебель. На столѣ кипящій самоваръ, чистая скатерть, изящный чайный приборъ... Тепло, уютно.

Эта, почти мирная обстановка, съ только что смѣнившейся картиной холодной темной ночи, боевой и грозной обстановкой осажденной крѣпости—была особенно цѣнной. Нигдѣ, только на войнѣ оцѣниваешь удобство и комфортъ, которыхъ въ обыкновенной, сѣренькой жизни не замѣчаешь.

На фронтъ.

Эти контрасты н-и-к-о-г-д-а не изглаются въ памяти, хотя они и повторялись въ періодъ осады постоянно.

Словно вы были въ театрѣ, а затѣмъ вернулись къ себѣ домой.

Но дѣйствительность не сцена! Впечатлѣнія въ Артурѣ были чрезмѣрно сильны.

— „Хорошо тутъ, кругомъ тихо, кажется все благополучно, а каждую секунду нужно быть на сторожѣ! Гдѣ-нибудь навѣрно рыщетъ миноносецъ, подбирается къ берегу или торопится спустить мину—сказалъ адмиралъ Лощинскій, отпивая душистый чай.

— „Слава Богу, пока что, ночью насъ еще не обстрѣливаютъ, а то прямо хотъ пропади.

— „Ваше превосходительство, дежурный катеръ подошелъ, требуется...

— „Что такое?

— „Такъ что, ваше превосходительство...

— „Хорошо, доложи командиру.

— „Есть—подвахтенный скрылся за дверью.

Зашла рѣчь о Куропаткинѣ.

— „Ээ, о выручкѣ я уже и думать пересталъ. Придется схоронить здѣсь кости. Я давно это рѣшилъ. Будемъ драться до конца. Не освободятъ, умирать придется. Вы знаете, что крѣпость не сдается. А пока ее возьмутъ, многихъ изъ насъ уже не будетъ.

Да, да, да!

Да что толковать о вещахъ не интересныхъ...

Вотъ что меня бѣситъ, это бездѣятельность нашего консула въ Чифу Тидемана. Чертъ знаетъ, что такое! Наши шаланды проходятъ въ Чифу, а онъ не можетъ устроить сообщенія.

Какъ дорого получить теперь письмо отъ близкихъ! Которая уже прошла недѣля—ни звука. Неужели онъ не понимаетъ, какъ дорога намъ каждая вѣсточка, каждая строчка, отъ семьи, разлука съ которой, быть можетъ, уже предрѣшена навѣки.

Сегодня живъ, а завтра, завтра? Никто не знаетъ, что будетъ завтра.

Да, да, да...

Неужели хотъ этой радости, этого утѣшенія онъ не можетъ намъ принести.

Я уже не говорю про провіантъ, снаряды, которые намъ такъ необходимы...

Адмиралъ, всегда спокойный, выдержанный, возмущался и въ волненіи началъ нервно ходить изъ угла въ уголъ каюты.

Да, да, да...

...Чиновникъ, чиновникъ бездушный. Знаетъ свои входящіе и исходящіе, да 20 число, а остальное ему тринь-трава. Неужели онъ не понимаетъ, что если не мы, то близкіе наши возьмѣтъ всѣ расходы по снаряженію каждой лишней шаланды. Наконецъ, правительство объ этомъ позаботится!—Эти чиновники, изъ-за дипломатической корректности, готовы загубить весь міръ.

Послѣ полуночи, мы разстались.

Посидѣвъ немного въ высшей степени симпатичной каютѣ,—компаніи съ командиромъ Лазаревымъ и старшимъ офицеромъ Львовымъ во главѣ—я разстался.

У трапа ожидалъ катеръ.

Темно, холодно. Вѣтеръ пронзительный, порывистый и сильный развелъ большую волну.

Вода шумитъ, гудитъ кругомъ. Валъ за валомъ глухо бьетъ о бортъ, обдавая насъ ледяными брызгами. Катеръ то взлетаетъ много выше трапа, то опускается глубоко внизъ, словно въ бездну.

Едва за черной ночью его различаемъ.

Всѣ огни потушены. Иллюминаторы задраены.

Послѣ ярко освѣщенной каюты—зги не видать.

Спускаемся ощупью. Остановились на послѣдней площадкѣ трапа.

— „Ваше Благородіе, прыгайте!“

Проморгалъ, и, оступившись, чуть не полетѣлъ въ воду—катеръ глубоко уже нырнулъ внизъ.

— „Прыгайте,—чья то сильная рука въ мгновеніе швырнула меня внизъ...“

„Ваше Благородіе“ я уже услышалъ, стоя на четверенькахъ на днѣ катера.

До миноносца „Статный“, на которомъ мнѣ предложили переночевать, было не болѣе четверти кабельтова.

Въ миниатюрной каютѣ-компаніи миноносца, освѣщенной керосиновой лампой (каюта напоминала помѣщеніе капитана

на коммерческомъ кораблѣ) вели оживленную бесѣду: командиръ, лейтенантъ баронъ Кассинскій, лейтенантъ Дмитріевъ, и еще нѣсколько офицеровъ. Передъ командиромъ лежалъ томъ Щедрина.

— „А вотъ мы тутъ Салтыковымъ упиваемся; ну талантище же, его читать безъ счету можно, привѣтствовалъ меня баронъ, по обыкновенію оживленный, энергичный; живые умные глаза блестя, выражая и энергію, и отвагу, но лицо осунулось, человѣкъ видимо измучился, усталъ.

Да и мудро ли? Служба на артурскихъ миноносцахъ была не служба, а мука.

Черезъ тонкія стѣнки миноносца, въ четверть или треть пальца толщиною, то доносился непрерывный шумъ моря, то волны глухо разбивались о его корпусъ, то въ открывшуюся дверь влеталъ гулъ отдаленныхъ выстрѣловъ...

Скоро стали расходиться. Всѣ устали, измучились за день, клонило ко сну, да и часъ былъ далеко не ранній.

— „Ну-съ, покойной ночи господа! Да, а отвѣтъ Щедринаго „мальчика въ штанахъ“, „мальчику безъ штановъ“ можно пожалуй примѣнить и къ Артуру, въ его настоящемъ положеніи.

Если кто-нибудь изъ оптимистически настроенныхъ артурцевъ вздумаетъ похвастать выраженіемъ: „и на нашей улицѣ будетъ праздникъ“ ему, почти съ полной увѣренностью, можно отвѣтить словами Щедринаго мальчика въ штанахъ:

„Никогда у васъ (въ Артурѣ) не будетъ ни улицы и ни праздника...“

— „Дай Богъ, чтобы хоть въ Россіи выпрямилась бы улица и наступилъ праздникъ“, сказалъ кто то на прощанье.

Къ несчастью этому пророчеству суждено было исполниться, въ русскомъ Артурѣ все кончилось не праздникомъ, а позоромъ.

Въ отведенной мнѣ каютѣ-ячейкѣ я быстро уснулъ на чистой постели подъ гулъ и удары волнъ расходившагося океана.

Рано, рано, едва разсвѣло меня разбудилъ шумъ: топота ногъ, лязга якорныхъ цѣпей, команды и привычный давно знакомый уже свистъ и грохотъ одиннадцати дюймовыхъ вѣдмъ.

Быстро одѣвшись, я поднялся на палубу. Бомбардировка рейда въ полномъ разгарѣ.

Мы подвинулись къ самой Золотой горѣ, около насъ ошвартовалось нѣсколько миноносцевъ—толпой прижавшихся къ подножію горы.

Стальные вѣдмы одна за другой съ сатанинскимъ гуломъ, шипѣніемъ, свистомъ неслись и ныряли не долетая до „Отважнаго“.

Каждый послѣдующій ихъ прыжокъ, вздымавшій гигантскіе букеты воды, былъ все ближе и ближе къ „Отважному“.

Очевидно, сегодня велась охота на „Отважнаго“.

Хотя до него было близко, я все таки взялъ бинокль, хотѣлъ отчетливо различить выраженіе лицъ, подвергнутыхъ казни. Хотѣлось запечатлѣть въ памяти выраженіе лицъ дорогихъ мнѣ людей, ежеминутно ожидавшихъ конца жизни или начала страданій.

Снаряды ложились все чаще, все ближе, ближе. Ясно, что цѣль бомбардировки „Отважный“.

Восхитительная корректировка стрѣльбы давала полную увѣренность, что попаданіе будетъ.

На миноносцахъ команды словно окаменѣли и, затаивъ дыханіе, безмолвно ожидали взрыва на канонеркѣ.

На рейдѣ оживленіе. Снуютъ катеры, волна большая, еле выгребаютъ.

„Отважный“ задымилъ, подымаетъ паръ, очевидно хочетъ отойти.

Каждый взрывъ къ нему, казалось, былъ на шагъ ближе.

На палубѣ матросы, офицеры, адмиралъ Лощинскій. Лица покойные, серьезные. Старшій офицеръ вытравливаетъ якорь. Командиръ Лазаревъ на мостикѣ отдаетъ прехладнокровно приказанія. На мачтѣ подняли какой то сигналъ. На суднѣ ни суеты, ни растерянности, словно на ученьи, всѣ неестественно покойны. Покой могилы.

Снаряды тѣмъ временемъ, казалось, рвались у самого борта, вздымая огромные фонтаны.

Минуты „Отважнаго“ были сочтены.

Всѣ мы, до единого, впились въ него и ждали.

Въ воздухѣ подъ самой кормой мелькнуло что то черное и больше ничего...

На лодкѣ засуетились. Бросились къ кормѣ. Стремглавъ пронесся туда Львовъ и старшій механикъ Грановскій.

Снаряды продолжали падать вокруг. Ну, конечно! Погибнетъ „Отважный“. Погибнетъ вѣрный сторожъ Артурскихъ береговъ на глазахъ всей крѣпости.

— „Есть, есть, попала—загалдѣли вокругъ насъ матросы. Въ самую корму попало. Погружается! Смотрите, какъ быстро погружается!

„Отважный“ началъ медленно опускаться — кормой, все больше, больше, а затѣмъ быстрѣе...

— Неужели погибнетъ?!?

Снаряды рвались уже по другую сторону, они добирались до „Гиляка“.

— Адмиралъ Лощинскій, Лазаревъ спокойно отдавали какія то приказанія. На палубѣ оживленіе. „Отважный“ все глубже и глубже садился на корму.

Изъ порта несли „Силачъ“ и одинъ изъ миноносцевъ, стоявшихъ подъ парами.

— „Затонетъ или нѣтъ? Кажется нѣтъ, дифферентъ сильный, но смотрите, пересталъ увеличиваться. Вѣрно удалось подвести пластырь,—сказалъ, наблюдавшій вмѣстѣ съ нами, баронъ Кассинскій.

Дѣйствительно „Отважный“ сильно накренился, но больше уже не погружался. У праваго его борта ошвартовался „Силачъ“ и началъ своими богатыми водоотливными средствами откачивать воду.

Много, много принесъ пользы за время осады „Силачъ“ подъ командой лейтенанта Балка.

Оказалось, что 11" бомба, пронизавъ насквозь помѣщеніе адмирала и командира, разорвалась на днѣ лодки.

Спасеніемъ „Отважнаго“ мы были обязаны старшему офицеру лейтенанту **Львову** и старшему механику **Грановскому**, которые моментально, не потерявъ присутствія духа, бросились въ адмиральское помѣщеніе, и, не смотря на грозящую опасность, водопадомъ врывающуюся воду, по горло въ водѣ, лично задѣлали пробоину.

„Отважный“ былъ спасенъ!!

Спасеніе его въ тяжелое время осады было очень важно, т. к. помимо орудій, на лодкѣ былъ огромный запасъ снарядовъ и провизіи.

Случай съ „Отважнымъ“ доказалъ, что оставаться долѣе на рейдѣ вблизи прохода было болѣе, чѣмъ рискованно, и поэтому

совѣтъ флагмановъ рѣшилъ: „Гиляку“ войти въ гавань и разружиться, а команду, списавъ на берегъ, передать въ распоряженіе коменданта крѣпости.“

„Отважный“ же перевелъ въ бухту „Бѣлаго Волка“, откуда онъ продолжалъ охранять проходъ и наблюдать за неприятельскими миноносцами.

„Бѣлый Волкъ“ тогда еще не обстрѣливался осаждающимъ.

Выписка изъ дневника полковника С. А. Рашевского.

28 Октября.

„... Съ укрѣпленія III-го пускали сегодня изъ специально устроеннаго орудія лейтенантомъ **Подгурскимъ** пироксилиновые мины до 1 пуда вѣсомъ, стараясь попасть и разрушить болѣе замѣтныя работы неприятеля на гласисѣ ... Орудіе очень удобное, стрѣльба почти безшумная, но регулировать ее возможно только съ грубымъ приближеніемъ... но во всякомъ случаѣ эффектъ взрыва огромный и при удачѣ возможно причинить японцамъ большія неприятности. Главное же то, что японцы давно стрѣляютъ къ намъ въ форты изъ подобныхъ орудій, намъ же это удается впервые ...“

Приказъ.

Октября 29-го дня 1904 г. Кр. Портъ-Артуръ.

№ 807.

«На фортахъ, укрѣпленіяхъ и батареяхъ есть люди и раненые, требующіе еще перевязки и медицинскаго досмотра. Предписываю, чтобы полковые и прочіе врачи не менѣе 2 разъ въ недѣлю посѣщали форты и прочія укрѣпленія, осматривали людей, дѣлали-бы перевязки и давали указанія фельдшерамъ, а также указывали на недостатки въ санитарномъ состояніи; особенно обратить вниманіе на чистоту воздуха въ казематахъ. Корпуснаго врача Статскаго Совѣтника Рябинина прошу прослѣдить за точнымъ исполненіемъ сего приказа.“

Нужно отдать полную справедливость, что приведенный приказъ былъ дѣйствительно вызванъ невниманіемъ статскаго совѣтника Рябинина къ частямъ занимавшимъ передовые укрѣпленія и форты атакованнаго фронта. Кто въ этомъ виноватъ, я скажу

ниже, но за то съ увѣренностью свидѣтельствую, что доктора: Штернбергъ, Мгеладзе и Заменгофъ, и другіе, которые постоянно, подвергая себя опасности, днемъ и ночью посѣщали не только форты и укрѣпленія, терзаемаго фронта, но даже передовые окопы.

Упоминаемые доктора: Штернбергъ, Мгеладзе и Заменгофъ прямо поражали своимъ геройскимъ самоотверженіемъ.

Эти имена, въ связи съ именами докторовъ **Арнгольда, Кефели** и другихъ, которые проявляли въ теченіи всей кампаніи завидную энергію: вначалѣ по организациі летучихъ санитарныхъ отрядовъ (дѣйствовавшихъ, кстати сказать, совершенно самостоятельно на передовыхъ позиціяхъ), а при тѣсной блокадѣ, до самой капитуляціи, по сооруженію прочнаго и прекрасно функционировавшаго на атакованномъ, С. В. фронтѣ перевязочнаго пункта, боровшіеся съ инертностью, неспособностью, а подчасъ и недобросовѣстностью высшаго медицинскаго начальства, спасшіе, благодаря настойчивому самоотверженію не одну тысячу жизней,—заставляютъ меня, воочію убѣдившагося, что могутъ сдѣлать люди при желаніи быть полезными, еще разъ повторить, что доктора: **Арнгольдъ, Кефели, Штернбергъ, Мгеладзе и Заменгофъ**, свѣтлыя имена, украшающія собой длинный перечень славныхъ именъ героев обороны Артура.

Выписка изъ дневника полковника С. А. Рашевскаго.

30 Октября.

„... У японцевъ незамѣтно никакой дѣятельности; тамъ, гдѣ въ предыдущіе дни нельзя было показаться, чтобы тотчасъ же не просвистѣла мимо ушей пуля, сегодня можно пройти спокойно. Снова зарождается надежда, что японцамъ плохо и японцы отходятъ отъ Артура...“

Не одинъ Рашевскій такъ думалъ. Многіе убаюкивали себя этой надеждой; многіе искренно вѣрили въ скорое освобожденіе. Но вѣдь человѣкъ всю жизнь живетъ исключительно надеждами.

Отнимите у человѣка надежды, лишите высшаго дара, способности надѣяться—онъ превратится въ злого манекена.

Къ сожалѣнію этимъ надеждамъ не суждено было осуществиться.

Мнимая бездѣтельность врага и это привольное затишье, было затишьемъ передъ ноябрьской грозой.

Выѣздъ генерала Костенко на атакованный фронтъ.

30 Октября.

Генералу Костенко, незадолго до его тяжелой болѣзни, удалось еще разъ сопутствовать Коменданту при объѣздѣ атакованнаго фронта.

Генераль давно уже не видѣлъ героя обороны С. В. фронта, о которомъ говорилъ весь гарнизонъ, (я говорю о Горбатовскомъ) какъ о неустрашимомъ, дѣятельномъ и справедливомъ начальникѣ, и поэтому поѣздка была еще привлекательнѣй.

Дѣйствительно, выборъ Смирнова, остановившагося на Владиміръ Николаевичъ генераль-маіоръ Горбатовскомъ былъ болѣе, чѣмъ удаченъ. Большаго самоотверженія, неутомимости, трудоспособности трудно было проявить. Генераль Горбатовскій, живя постоянно на атакованномъ фронтѣ—оставался такимъ же, какимъ его привыкли видѣть въ безобиднѣйшей обстановкѣ мирнаго времени.

Онъ любилъ и уважалъ офицеровъ, солдатъ и вмѣстѣ съ ними дѣлилъ боевую страду осажденной крѣпости.

Онъ не проявлялъ достоинствъ „храбраго изъ храбрѣйшихъ“, не принадлежалъ къ числу „истинныхъ помощниковъ и героев“, это былъ незамѣтный труженникъ и герой не фальсифицированный, которымъ собственно и продержался такъ долго Артуръ.

Я до сихъ поръ не могу понять, почему Стессель, такъ беззащитно рекламировавшій въ своихъ всеподданнѣйшихъ телеграммахъ наиотрицательнѣйшія имена Фока и Никитина, ради простой сообразительности, (о честности я уже не говорю, вѣдь шила въ мѣшкѣ даже и въ дореформенной Россіи нельзя было утаить) не вносилъ туда имени генерала Горбатовскаго.

Говорятъ, и убѣдительно говорятъ, что Фокъ и Никитинъ, въ продолжительномъ ничего-недѣланіи, неожиданно почувствовавъ въ себѣ избытокъ животной энергіи, занялись гипнотическими сеансами. Медіумомъ избрали самого „генераль-адъютанта“. Послѣ цѣлаго ряда сеансовъ имъ удалось, наконецъ, внушить своему шефу, что бы въ телеграммахъ, посылаемыхъ на имя Государя Императора ничьихъ именъ, кромѣ избранныхъ, не

упоминалось. Опытъ удался. „Генерала-адъютантъ“ вполнѣ подчинился ихъ волѣ, составляя телеграммы подѣ диктовку. Посовѣтывавшись, гипнотизеры пришли къ заключенію, что это неудобно и прибавили къ избраннымъ именамъ имя Кондратенко, а затѣмъ, время отъ времени, смотря по расположенію, называли еще кого нибудь, однимъ словомъ, дѣлали съ своимъ начальникомъ все, что хотѣли. Внушатъ наканунѣ за ужиномъ, а на слѣдующій день „генераль-адъютантъ“ уже пишетъ и распоряжается, прямо огорашивая всѣхъ своими несуразностями.

Послѣ одного изъ сеансовъ они убѣдились, что медиумъ положительно вышелъ изъ повиновенія. Они неоднократно внушали ему сдать крѣпость—„генераль-адъютантъ“ не сдавалъ, а только говорилъ о сдачѣ.

Умеръ Кондратенко. Они попробовали внушить ему передать завѣдываніе оборонительной линіей Фоку—сеансъ далъ благопріятные результаты. Фокъ замѣнилъ Кондратенко, вопреки энергичнѣйшему протесту Смирнова.

Начали снова внушать сдачу крѣпости. Ничего не выходитъ: „генераль-адъютантъ“ говорить о сдачѣ, но не сдаетъ.

Узнавъ же, что Смирновъ собирается устранить Стесселя, что онъ рѣшилъ защищать крѣпость до послѣдняго штыка, что онъ прямо заявилъ Рейсу: въ Артурѣ погибнуть всѣ генералы и во главѣ ихъ конечно, онъ, Смирновъ—генералы гипнотизеры рѣшились на послѣднее средство.

Взяли, хотя и съ невѣроятными усиліями, да и загипнотизировали М-те Стессель, внушивъ ей, чтобы она, имѣвшая на своего повелителя огромное вліяніе, конечно, въ „домашнихъ дѣлахъ“, убѣдила послѣдняго сдать крѣпость.

Въ „святая святыхъ“ покоевъ генераль-адъютантскаго дома начались бурныя сцены.

Но, Вѣра Николаевна—женщина.

Скоро она покорила супруга—воина.

Черезъ 18 дней Артуръ былъ сданъ.

Въ „святая святыхъ“ сцены прекратились.

Я безусловно отвергаю это обвиненіе и смѣло утверждаю, что въ домѣ Стесселя гипнотическихъ сеансовъ не происходило.

Это можетъ подтвердить и докторъ Х....., который большую часть времени въ періодъ тѣсной блокады проводилъ въ кругу „генераль-адъютантской семьи“. Подтвердить это и

корпусный врач Рябининъ, Колесниковъ, Малченко, Водяга, тоже постоянные гости „генераль-адъютанта“.

Съ чистой совѣстью, положи руку на сердце и глядя прямо въ глаза, кому угодно засвидѣтельствуетъ это капитанъ Пранга Криницкій, „вначалѣ герой на миноносцѣ Сильный“, а впослѣдствіи командиръ отряда миноносцевъ и дѣятельный пособникъ по розыску скрывавшихся на эскадрѣ, „артурскихъ крамольниковъ“. Защититъ „генераль-адъютанта“ и его „истинныхъ помощниковъ“ лейтенантъ Тырковъ, лейтенантъ Карцевъ. Если узнаетъ объ этомъ лейтенантъ Лепко, прославившійся своимъ сочиненіемъ о генералѣ Смирновѣ и адмиралахъ, то онъ пойдетъ дальше, онъ печатно возстанетъ противъ этой клеветы. Постоитъ за нихъ и лейтенантъ В—тъ. М-ле Савельева, начальница Пушкинскаго училища, вернувшись въ Россію, дойдетъ до министровъ и прямо имъ скажетъ, что сеансовъ не было, а что крѣпость сдана потому, что Смирновъ выпустилъ изъ крѣпости завѣдомаго измѣнника. Это же, если понадобится, на крестѣ подтвердитъ сестра милосердія Тереза Шимке. Генераль Савицкій сорветъ съ себя Георгіевскій крестъ и до тѣхъ поръ не надѣнетъ его, какъ честный офицеръ, пока не докажетъ, что Артуръ сданъ въ силу дѣйствительной необходимости и что не Стессель, а Смирновъ жалкій комедіантъ. Объ этой гнусной клеветѣ въ свое время заговоритъ генераль Рейсъ и докажетъ, докажетъ бѣлое на черномъ, что Смирновъ только много говорилъ, ничего не дѣлалъ, интриговалъ противъ Стесселя, всегда говорилъ о немъ въ пренебрежительномъ тонѣ. Солдатъ, въ бесѣдѣ со старшими начальниками, называлъ трусами, бѣгунцами и смердами ¹⁾. Когда же Смирновъ узналъ, что на Зеленыхъ горахъ одна изъ ротъ, занимавшихъ аванпосты и испугавшись грозы, шарахнулась назадъ, а одинъ изъ молодцовъ—фельдфебелей, ссавивъ при бѣгствѣ руку, даже просилъ себѣ Георгіевскій крестъ—страшно возмущаясь, говорилъ, что это не регулярныя войска—а милиція и т. д.

Горячо запротестуетъ Ирманъ, онъ помнитъ, какъ генераль Смирновъ распоряжался въ Артурѣ, отказавъ ему, во первыхъ: въ выдачѣ 50 маузеровъ, которые онъ хотѣлъ закопать въ бруствера окоповъ на Высокой горѣ и ими (въ слѣпую, какъ изъ кривого ружья) поражать внизу сидящихъ японцевъ, а во вто-

¹⁾ Показанія Рейса въ слѣдственной комиссіи ген.-адъютанта Роопа.

рыхъ, вмѣсто 5000, Смирновъ выдалъ ему 500 шрапнелей отъ орудій Барановскаго на Высокую гору. Онъ, рѣшилъ ими пользоваться, какъ ручными бомбочками, когда японцы засѣли на самой вершинѣ ¹⁾ и благодаря только непонятному упрямству коменданта онъ былъ лишенъ этого страшнаго, разрушительнаго снаряда.

Когда же дойдетъ очередь до капитана Х... .. то онъ разыщетъ своихъ фейерверкеровъ, которые въ Артурѣ еще ему говорили, что не Смирновъ, а Стессель настоящій военачальникъ и солдатъ въ душѣ, которымъ только и держался Артуръ. Онъ приведетъ ихъ на сообщеніе, которымъ, конечно, осчастливить насъ вторично, гдѣ его фейерверкеры, выйдя на эстраду, лично будутъ свидѣтельствовать слушателямъ о Стесселѣ и о томъ, какъ многіе Смирнова увидѣли впервые только подъ V-ымъ укрѣпленіемъ, когда шла перепись сдавагося гарнизона.

Я увѣренъ, когда узнаютъ о разсказанной мною инсинуаціи по адресу Стесселя, Фока и Никитина всѣ „истинные помощники и герои“ встанутъ на защиту, какъ одинъ.

Однако я увлекся, ужъ больно меня возмутило воспоминаніе о приведенной клеветѣ.

Итакъ, комендантъ съ Костенко ѣхали, кажется, къ Горбатовскому. Да, да съ него-то и началось.

День стоялъ пасмурный, облака повисли низко, барометръ падалъ, быть дождю.

Быстро миновали ново-китайскій городъ — черезъ полчаса были уже въ штабѣ Горбатовскаго.

Генераль Костенко давно уже здѣсь не былъ, съ лѣта. Ему доводилось тутъ бывать по должности предсѣдателя по организации перевязочныхъ пунктовъ. Онъ очень тогда удачно выбралъ мѣсто для перевязочнаго пункта подъ скалистымъ кряжемъ, куда и приказалъ перевести его изъ кирпичнаго завода, отстоявшаго отъ фронта на 2 версты и соединеннаго дорогами подвергавшимся обстрѣливанію на всемъ ихъ протяженіи.

¹⁾ Дѣло въ слѣдующемъ: просить у Бѣлаго 5,000 шрапнелей. Бѣлый спрашиваетъ коменданта. Послѣдній, узнавъ зачѣмъ понадобилась такая масса шрапнелей—приказываетъ выдать лишь 500, т. к. считаетъ эту затѣю въ полной мѣрѣ вздорной, на томъ основаніи, что шрапнель при установкѣ на ударъ даетъ очень слабое дѣйствіе. Шрапнель необходимо было беречь для штурмовъ.

Генераль почти не узналъ мѣстности, такъ она измѣнилась за это время.

Дорога къ штабу была опасна, пули непрерывно пѣли свою однотонную пѣснь, и пѣніе ихъ, съ каждымъ шагомъ впередъ, увеличивалось. Мѣстность къ непріятелю была большею частью открытая—онъ преисправно охотился за живыми людьми. Рыть ходъ сообщенія на такомъ большомъ разстояніи при каменистомъ грунтѣ было не подъ силу уже ослабѣвающему гарнизону. Движеніе поддерживалось только ночью.

Теперь попадались лишь случайные путники не желавшіе пользоваться далекой кружной дорогой.

На всемъ протяженіи подошвы горъ скучились резервы. Пылали костры, дымились кухни, стрѣлки просыпались, болѣе ранніе пили уже чай, измученные спали еще прямо на землѣ.

— „Слышите поющихъ птичекъ,—нарушилъ наконецъ молчаніе Смирновъ,—вотъ онѣ постоянно тутъ хороводятся. Знаете, они наносятъ намъ порядочный вредъ. Отъ этихъ милыхъ созданій ежедневно у меня убыль по фронту убитыми и ранеными не менѣе 60 человекъ“.

Генераль Костенко говорилъ потомъ: „Я опасность сознавалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ было и жутко и пріятно ѣхать подъ дѣйствительнымъ огнемъ противника. Одно мгновеніе—и всему конецъ. Но увѣренность въ судьбу—заставляла спокойно продолжать путь.“

Наконецъ въ штабѣ, куда скоро прибылъ и Кондратенко, оповѣщенный о прибытіи коменданта.

Всѣ были еще подъ впечатлѣніемъ послѣдней подпольной записки Фока. Комендантъ приступилъ къ разрѣшенію вопроса о бойницахъ. Выслушавъ реплики, комендантъ кратко и ясно началъ доказывать, что утвержденный имъ планъ бойницъ самый цѣлесообразный. Не всѣ соглашались съ говорившимъ, вносили поправки.

Но комендантъ, что разъ говорилъ, онъ зналъ, что говорилъ.

Что бы не быть голословнымъ — онъ немедленно произвелъ математическій расчетъ направленія траекторій, уголъ обстрѣла, зрѣнія, предусмотрѣвъ всѣ случайности для сбереженія стрѣлковъ.

Противъ очевидной ясности спорить было трудно, утвер-

жденный имъ ранѣе образецъ бойницъ былъ признанъ наилучшимъ.

Скоро двинулись на третью линію обороны, на которую комендантъ обращалъ особенное вниманіе, она должна была, какъ я уже много разъ говорилъ, противустать врагу послѣ паденія второй.

Осмотръ инженерныхъ работъ шелъ тщательный и подробный. Работами на 3-ей линіи, руководилъ инженеръ-капитанъ Родіоновъ, который и сопровождалъ коменданта, принимая его указанія.

Нужно отдать полную справедливость, что въ созданіи 3-ей линіи обороны, капитанъ Родіоновъ принялъ самое горячее участіе. Подъ его постояннымъ и непосредственнымъ руководствомъ работы быстро и успѣшно подвигались впередъ.

Работы велись подъ огнемъ.

Кто присутствовалъ при осмотрѣ 3-ей линіи, тотъ воочию убѣдился, какими огромными теоретическими и практическими познаніями владѣлъ Смирновъ и насколько успѣшно капитанъ Родіоновъ выполнилъ ввѣренную ему серьезную задачу.

Рылись окопы на значительномъ протяженіи, строились батареи. Каждая ложбинка, лощина, перекалъ, все было тщательно прорекогносцировано и не оставлялось безъ обстрѣла. Зоркій взглядъ коменданта сразу опредѣлялъ невѣрное направленіе окоповъ, которые немедленно же имъ и поправлялись указаніемъ сопутствовавшему Родіонову.

Шли пѣшкомъ. Смирновъ то и дѣло примащивался за брустверами окоповъ, провѣряя видимый уголъ обстрѣла.

Право, только что выпущенный офицеръ саперъ врядъ ли бы сталъ такъ возиться передъ инспекторскимъ смотромъ надъ инспектируемыми работами, какъ это продѣлывалъ нашъ комендантъ. И все это дѣлалось шутя, быстро, ловко. Онъ шутитъ шутилъ, но, отъ, пронизывающаго на три аршина въ землю, его взгляда—ничего не ускользало.

На Каменоломенной горѣ комендантъ былъ встрѣченъ лейтенантомъ Хоменко, которымъ вправѣ гордится нашъ флотъ. Это былъ рѣдкій работникъ. Вотъ именно такими офицерами былъ силенъ и грозенъ Артуръ. Такой типъ скромныхъ работниковъ создалъ эпопею „великой осады“, какъ назвалъ защиту Артура англійскій корреспондентъ г. Норригардъ.

Выписка изъ дневника полковника С. А. Рашевского.

1 ноября.

„...Въ самомъ опасномъ положеніи у насъ фортъ II, Куропаткинскій лонетъ и лит. Б. Послѣдняя избита 11'' снарядами до неузнаваемости. Бетонные казематы всѣ въ сквозныхъ трещинахъ и командиръ батареи ходатайствуетъ даже, что бы связать батареи проволочнымъ тросомъ. Такія оригинальныя предложенія являются чуть ли не ежедневно...“

Экстренно.

Приказъ № 814.

26-го В. С. Стрѣлковаго полка¹⁾ 4-ой роты Егоръ Третьяковъ убитъ на укрѣпленіи № 3, вчера 31-го октября с. г.

Я помню Егора Третьякова; онъ бѣжалъ изъ своего Звенигородскаго полка, пробрался въ Артуръ и за побѣгъ изъ полка былъ переведенъ въ разрядъ штрафованныхъ; я недовѣрчиво отнесся къ его заявленію о томъ, что онъ желая драться, убѣжалъ. Служба его, полная отваги, показала, что онъ говорилъ правду, штрафъ ему былъ прощенъ; командиръ полка полковникъ Семеновъ уже представилъ его къ Георгіевскому кресту и разумѣется онъ бы, по заслугамъ, носилъ его, но Богъ распорядился иначе, вчера 31-го октября на укрѣпленіи № 3 вражеская пуля уложила молодца на мѣстѣ. Царство тебѣ Небесное герой Егоръ Третьяковъ, объ упокоѣ души твоей будемъ молиться Богу, а грѣхи человѣка ты искупилъ своей геройской смертью. По представленной мнѣ Высочайше власти, я пожаловалъ тебя еще 30-го октября знакомъ отличія Военнаго Ордена 4-ой степени, но ты объ этомъ не узналъ. Родные и родина будутъ тебя чтить, а славные Звенигородцы простятъ твой поступокъ, за тебя я прошу у нихъ прощенія.

Генераль-адъютантъ Стессель.

Съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія читался этотъ приказъ. Наконецъ-то генераль заговорилъ языкомъ человѣка.

¹⁾ Полкъ, бывшій въ командованіи полковника, нынѣ свиты Его Величества генераль-маіора Семенова.

Теплотой и искренностью вѣтъ отъ него.

Когда я вспоминаю позоръ сдачи я негодную на виновниковъ и инициаторовъ ея. Я прежде всего виню Стесселя. Когда же вспоминаю этотъ приказъ, который звучитъ такъ безхитростно, такъ правдиво—я хочу положить перо...

Это любовное обращеніе старшаго въ осажденной крѣпости генерала къ рядовому, незамѣтному, уже бездыханному борцу за нее, заставляетъ въ душѣ всколыхнуться тому доброму чувству, которое такъ облагораживаетъ человѣка.

Чувству этому имя—состраданіе.

Стессель виновенъ уже по одному тому, что онъ продуктъ стараго режима—онъ неминуемо долженъ понести жестокую кару. Онъ виновенъ передъ народомъ, народъ же безжалостенъ къ сознательнымъ или безсознательнымъ творцамъ своего безчестія и раззоренія.

Но каждый изъ насъ въ отдѣльности, отлично понимаетъ что Стессель тутъ, собственно, не причемъ, онъ лишь дѣтище уродливаго режима. Ему мало дали и неожиданно много потребовали. Онъ былъ ворона въ павлиньихъ перьяхъ. Его посадили за столъ. Не сажай его за столъ, не одѣвай его, для него совершенно неожиданно, въ павлиньи перья, онъ и до сихъ поръ, быть можетъ, благополучно каркалъ въ какомъ-нибудь глухомъ захолустьѣ, командуя, въ лучшемъ случаѣ, резервнымъ баталіономъ.

Никто бы его не зналъ при жизни, незамѣченнымъ сошелъ бы онъ и въ могилу.

Но чему быть, тому не миновать,—говоритъ русская поговорка.

I

Приведя приказъ генерала Стесселя о покойномъ Егорѣ Третьяковѣ, я почему-то вспомнилъ одинъ эпизодъ, происшедшій въ день Киньчжоускаго боя.

Киньчжоускій бой подходилъ къ концу.

Шестой часъ на исходѣ. Солнце близко къ закату; 5 полкъ постепенно, получивъ, наконецъ, приказаніе, началъ отступать къ части, расположенной на правомъ флангѣ оборонительной линіи окоповъ.

Выдержавъ болѣе 12 часовъ сильный артиллерійскій и ружейный огонь, славный 5 полкъ—сильно пострадавшій—оставлялъ окопы.

Четвертая рота полка, расположенная по боевой диспозиціи между линіей ж. д. и бухтой, отходить на Тафашинъ. Огонь противника, нѣсколько ослабѣвшій, продолжаетъ жалить отступающихъ. Фельдшеръ Федоръ Михайлюкъ, идетъ сзади отступающей цѣпи своей роты, подавая, по мѣрѣ силъ и возможности, среди свиста снарядовъ и пуль, взрывовъ шрапнелей и гранатъ, первую помощь своимъ раненымъ товарищамъ стрѣлкамъ. Но пули не щадятъ никого и его ранило въ правую ногу. Не обращая вниманія на полученную рану, чувствуя въ себѣ еще силу передвигаться, онъ продолжаетъ идти, нагибается и облегчаетъ жестоко раненыхъ и умирающихъ, направляя встрѣчныхъ санитаровъ къ неподобранымъ еще раненымъ.

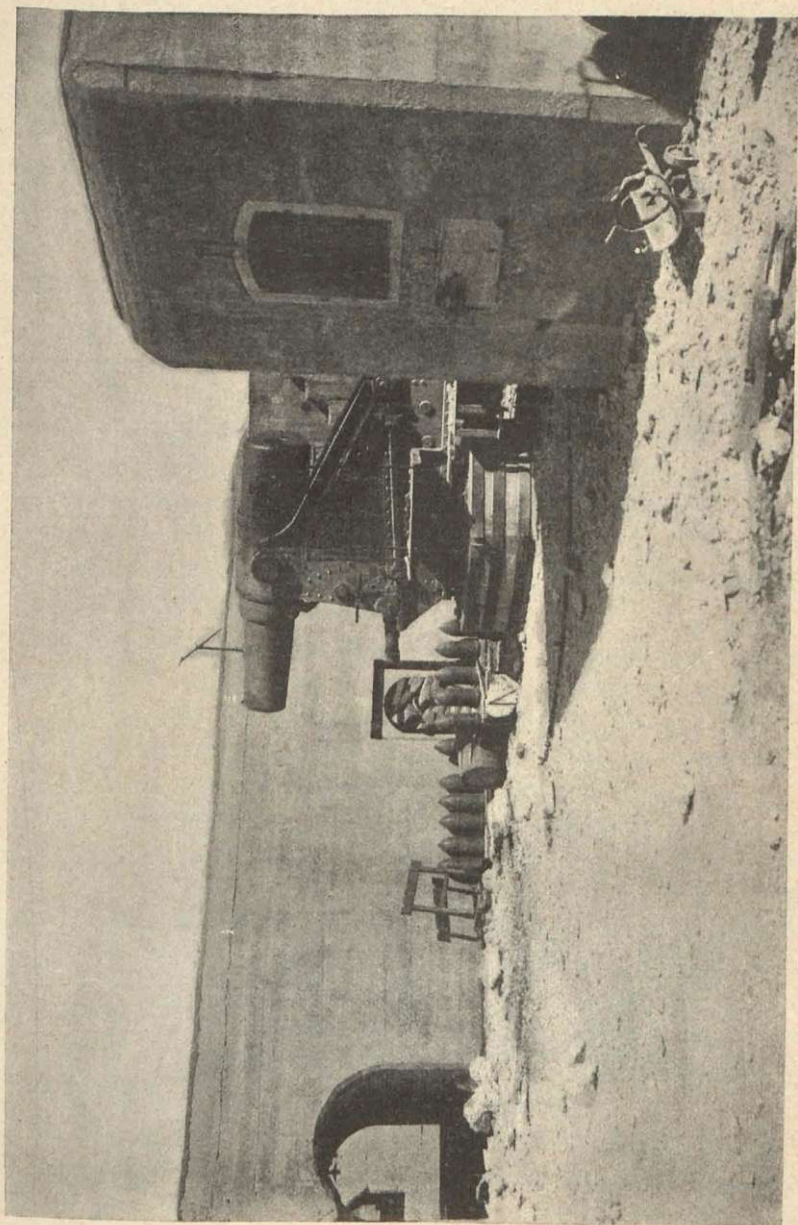
Версты три шелъ онъ своимъ милосерднымъ путемъ, забывая о себѣ, не обращая вниманія на докучливый, успѣвшій уже надоѣсть за цѣлый, томительный день—свистъ пуль и грохотъ взрывовъ.

Нервы притупились, нѣтъ и тѣни чувства самосохраненія, одна только жалость при видѣ раненыхъ, горечь ихъ страданій давала силы и присутствіе духа уже 14-й часъ подрядъ, въ сферѣ мѣткого непріятельскаго огня, свершать свой святой христіанскій долгъ.

Вторая пуля дѣлаетъ свое дѣло. Перебита нога и онъ лежитъ, не въ состояніи двинуться.

А рота уходитъ все дальше, дальше. Они, конечно, думаютъ, что онъ наклонился надъ раненымъ. Прошелъ часъ. Придя немного въ себя—раненый фельдшеръ рѣшилъ перевязать самого себя. Не хочется попадаться въ руки, къ своимъ тянетъ. Только что приступилъ къ перевязкѣ, какъ по полотну ж. д. увидѣлъ бѣгущихъ японцевъ—прямо въ его направленіи. Раненый откинулся назадъ и ждетъ. Японцы подбѣжали, всего обобрали, взяли перевязочную сумку — вытащили кошелекъ съ 25 руб. и, не успѣвъ докончить грабежа, бросились бѣжать, какъ только услышали рожокъ со стороны Киньчжоуской позиціи. Очевидно это были любители-мародеры.

Очутившись опять одинъ, Михайлюкъ рѣшилъ двинуться впередъ. Сталъ катиться—невозможно, „страсть какъ больно

Батарея № 20 после артиллерийской борьбы.

ногъ“. Кое-какъ поднялся, взявъ у убитаго ружье и на импровизированномъ костылѣ—тоже далеко не ушелъ. Сѣлъ и упираясь руками тихонечко поползъ впередъ. Кругомъ все тихо. Засумерничало. Въ Тафашинѣ горятъ постройки. Только на Киньчжоуской позиціи играетъ музыка и долетаетъ со стороны непріятеля легкій шумъ. Кое-какъ добрался, до крайнихъ казармъ Тафашина, и чуть не съ эквилибристическими приѣмами досталъ изъ куба въ одной изъ кухонь воды и „въ сласть“ напился.

Потомъ, силъ хватило только доползти до двора, гдѣ и заснулъ.

„Просыпаюсь, солнце уже свѣтитъ, а вокругъ японцы, человѣкъ тридцать и по своему „черкотятъ“.

Двое вскинули винтовки, ну, думаю—Господи благослови, покончатъ. Нѣтъ! Видно пошутили, винтовки отпустили, а одинъ побѣжалъ. Смотрю—офицеръ шагаетъ,—прямо ко мнѣ. Ты, говорить, фельдшеръ, раненъ? Хорошо по-русски это выговорилъ. Да—отвѣчаю. Посмотрѣлъ онъ на перевязь, поглядѣлъ еще на меня, а его солдаты стоятъ вокругъ и скулятъ, что-то по своему. Посмотрѣлъ это онъ на меня, посмотрѣлъ, подумалъ, да и махнулъ рукой. Отошелъ, а за нимъ и всѣ.

Какъ только ушли—я ползти дальше. Доползъ до оврага, что у китайской деревушки. Смотрю, нашъ раненый. Дошелъ до него, а грудь у него подъ сердцемъ разстрѣляна, молчить, только такъ это жалостливо смотреть. Вижу долго ему не пожить. Набѣжали китайцы, хлѣба, воды дали. Попросилъ ихъ меня и его взять. Какъ меня подняли, смотрю нашъ раненый рукой машетъ. Это, что бы и его взяли. А я ему—хорошо, хорошо молъ. Китайцы съ большой охоткой меня повели, а его понесли. Добрались до мостика, у желѣзной дороги, что на Талиенванъ идетъ. Меня перваго довели. Гляжу китаецъ не донесъ раненаго и бѣжить ко мнѣ. „Ига люди помирайла есть“. Отдалъ я ему свою шинель, что бы покойнаго прикрыть. Уже за полдень было, какъ донесли меня до Нангалина. По дорогѣ дали китайцы мнѣ записку—по-китайски, что бы начальству передать.

Въ запискѣ, переданной китайцами Михайлюку, изложена просьба къ русскому и японскому правительству о прекращеніи военныхъ дѣйствій, такъ какъ война приносить китайскому населенію огромное бѣдствіе.

Состояніе войны на территоріи Квантунской области—легло временнымъ, но тяжелымъ ярмомъ на туземное населеніе.

Лилась кровь спорящихъ сторонъ. Китайцы же очутились между молотомъ и наковальней и къ чести русскаго народнаго сердца—нужно свидѣтельствовать, что доброе сѣмя, быть можетъ, иногда и безсознательно брошенное среди китайскаго населенія за шестилѣтній періодъ владѣнія Квантуномъ принесло плоды.

Китайцы, о которыхъ установилось мнѣніе, какъ о крайнихъ матеріалистахъ, не входя конечно въ критическую оцѣнку дѣйствій нашей арміи, до которой собственно они и не могутъ дойти по своему умственному развитію, т. к. контингентъ населенія Квантунской области, въ особенности въ деревняхъ—составляетъ темную массу, не смотря на то, что Киньчжоуская позиція нами оставлена, что въ глазахъ китайскаго населенія, побѣда, сила и власть за японцами—подбираютъ нашего раненаго на территоріи, занятой послѣдними, подъ страшнымъ рискомъ быть настигнутыми, доставляютъ раненаго въ нашъ отступающій арьергардъ.

Не умилишь и умиляться я хочу приводимымъ фактомъ, а сказать, что искра Божія теплится въ каждомъ разумномыслящемъ существѣ и лишній разъ подтвердить, насколько несправедливы тѣ, которыя отрицаютъ въ китайцахъ лучшія стороны человѣческой природы.

Въ доставленіи китайцами раненаго не было никакого матеріальнаго расчета, они сдали его въ вѣрныя руки и моментально скрылись, оставшись неизвѣстными.

„Кто хочетъ творить волю его, тотъ узнаетъ о семъ ученіи: отъ Бога ли оно или я самъ отъ себя говорю“ сказалъ Спаситель (Іоаннъ VII, 17).

Китайцы обращаются съ просьбой о прекращеніи войны.

Война! Какъ отталкивающе звучитъ это слово, для того, кто воочию убѣдился въ ея послѣдствіяхъ. Красный Крестъ взвизываетъ повсюду, чтобы облегчить раны, страданія и смерть.

Но что ужасно въ войнѣ? Развѣ страданія и смерть? Нѣтъ. Пора людямъ, вѣчно страдавшимъ и умиравшимъ, привыкнуть ко страху смерти. Страдаютъ, мрутъ не меньше и безъ войны. Ужасны, мотивы вызвавшіе войну.

„Жизнь для себя—муки, потому что хочется жить для иллюзіи, для того, чего нѣтъ; а не существующее не можетъ дать

нравственнаго удовлетворенія, а слѣдовательно счастья. Это, все равно, что желаніе воплотить и *взлелѣять* тѣнь. Жизнь только внѣ себя, въ служеніи другимъ и не въ служеніи только близкимъ и любимымъ (это опять для себя), а въ служеніи тѣмъ кого не любишь, еще лучше—въ служеніи врагамъ. Такъ говоритъ приблизительно одинъ изъ величайшихъ христіанскихъ философовъ.

„Самарянинъ же нѣкто проѣзжая нашелъ на него и, увидѣвъ его, сжалился“.

Ев. отъ Луки гл. 11, 33.

Экстренно.

Приказъ № 816.

По полученнымъ свѣдѣніямъ японцы занимаютъ Ляоянъ, но южнѣе Ляояна, на Западъ отъ Тамичао, находится значительный отрядъ нашей кавалеріи, а на Югъ отъ Тамичао, по направленію къ Портъ-Артуру, движется значительный нашъ отрядъ изъ пѣхоты и артиллеріи.

Японцы намѣрены еще атаковать Портъ-Артуръ, а потому намъ надо не зѣвать и тщательно готовиться, дабы, при помощи Божьей, вновь дать славный Русскій отпоръ, учить васъ этому нечего, я только напоминаю.

Генераль-адъютантъ Стессель.

Приказъ, да еще экстренный, отъ начала до конца быть чистымъ вымысломъ.

Понять я не могу, какъ Рейсъ, начальникъ Штаба раіона, (котораго я считаю несравненно преступнѣе его начальника, уже потому только, что онъ неизмѣримо умнѣе генерала Стесселя)—какъ могъ допустить это постоянное и несвоевременное надувательство гарнизона. Неужели онъ не понималъ, что гарнизонъ, въ концѣ концовъ извѣрится въ это подбадриваніе, что, на самомъ дѣлѣ, въ послѣдствіи и случилось. Неужели ему, разумному офицеру не было ясно, что когда дѣла дѣйствительно будутъ плохи, когда всѣ пищевые и боевые запасы начнутъ близко подходить къ концу, когда, памятуя законъ о не сдачѣ крѣпости, останется, передъ паденіемъ ея въ ближайшемъ будущемъ, лишь послѣдній штыковой бой—нельзя уже будетъ подбодрить измученный гарнизонъ надеждой въ скорую выручку.—

Полное незнакомство, неумѣніе обращаться съ войсковою массой, вѣра и надежда въ эту выручку давно уже,—этими глупѣйшими, ни на чемъ не основанными приказами, была вырвана съ корнемъ.

Нѣтъ, не можетъ быть, что бы этого не понималъ офицеръ генеральнаго штаба, Рейсъ, прятавшійся въ блиндажи, не хотѣвшій направить на путь истинный своего начальника, что онъ могъ бы всегда сдѣлать (у него былъ козырь,—скрытыя Стесселемъ отъ Смирнова телеграммы) преступникъ больше, чѣмъ всѣ остальные вмѣстѣ взятые. Вмѣсто того, что бы итти путемъ, который ему долженъ былъ быть подсказанъ если не совѣстью, то писанной присягой, которую онъ торжественно давалъ своему Государю,—онъ преслѣдовалъ лишь свои узкія, эгоистическія цѣли.

Онъ своимъ попустительствомъ велъ Артуръ къ сдачѣ и довелъ его до позорной капитуляціи, къ которой первымъ поспѣшилъ приложить свою руку—руку, которая когда-то высоко была поднята при торжественно произнесенной клятвѣ служить Царю и Отечеству.

Если онъ, быть можетъ, со временемъ *просвѣтился* и считалъ всю эту процедуру присяги престолу и Отечеству недостойной комедіей—то зачѣмъ онъ продолжалъ служить, носить офицерскій мундиръ?

Конечно, онъ ее считалъ комедіей, объ этомъ говорятъ его Артурскія дѣла, а если онъ продолжалъ служить, то по простой причинѣ—вездѣ на частной службѣ требуютъ продуктивнаго труда.

Непосредственно за приведеннымъ приказомъ, гарнизонъ 5 Ноября читаетъ слѣдующій:

Отъѣздъ Намѣстника въ Петербургъ и восшествіе къ власти Куропаткина.

Приказъ.

Ноября, 5 дня 1904 года. Кр. Портъ-Артуръ.

№ 828.

При семъ объявляю копіи полученныхъ телеграммъ, слѣдующаго содержанія.

Генераль-Адъютанту Стесселю.

1) „Шестнадцатаго Октября. Передавъ обязанности Главнокомандующаго Генераль-Адъютанту Куропаткину и отправляясь

въ Петербургъ, считаю особымъ долгомъ, глубоко и сердечно благодарить доблестныхъ защитниковъ Артура, стяжавшихъ своими геройскими подвигами и самоотверженіемъ громкую боевую славу и высокую признательность Царя и Россіи. Да благословитъ и поддержитъ Всемогушій Богъ силы и здоровье Ваше, Вашихъ главныхъ сотрудниковъ и доблестнаго гарнизона на дальнѣйшую упорную и побѣдоносную защиту нашей твердыни на Дальнемъ Востокѣ“.

Намѣстникъ Генераль-Адъютантъ Алексѣевъ.

Артуръ. Генераль-Адъютанту Стесселю.

2) „Генераль-Адъютантъ Алексѣевъ выѣзжаетъ въ Петербургъ. Главнокомандующимъ арміями и флотомъ назначенъ Генераль-Адъютантъ Куропаткинъ. Изъ войскъ на театрѣ войны и прибывающихъ корпусовъ формируются три арміи. Командующими арміями назначены: первой—Линевичъ, второй—Грипенбергъ, третьей—Каульбарсъ. Балтійская эскадра прошла берега Испаніи. Маньчжурская армія, перейдя двадцать второго Сентября въ наступленіе, первоначально заставила противника отойти назадъ, но затѣмъ, встрѣтивъ съ его стороны сильное сопротивление и послѣ ряда упорныхъ боевъ, съ двадцать шестого Сентября по четвертое Октября, остановилась на рѣчкѣ Лаохъ въ самомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ противникомъ. Всѣ три японскія арміи передъ нами, на укрѣпленныхъ позиціяхъ. Главнокомандующій надѣется атаковать противника и двинуться впередъ, будучи увѣренъ, что геройскія войска Артура продержатся“.

Генераль-Лейтенантъ Сахаровъ.

Развѣ это не возмутительное издѣвательство надъ гарнизономъ?

Разъ отдали предыдущій приказъ—хоть замолчи эту телеграмму.

Гарнизонъ отлично понялъ, что его надувають и это на него дѣйствовало угнетающе, сильно понижало его настроеніе.

Да вѣдь это болѣе, чѣмъ понятно!

Каждый вообще, въ осажденной крѣпости въ особенности, живетъ надеждой; каждый ждетъ, что повѣдаетъ ему его начальство; каждый хочетъ ему вѣрить.

А начальство? Начальство вретъ, да еще какъ глупо вретъ, само себя выдавая.

Телеграмма объ отъѣздѣ намѣстника раздѣлила Артура по два лагеря, начались безконечные споры: о достоинствахъ Куропаткина.

Лицо, очень хорошо знавшее Куропаткина и Алексѣва, пророчески заявило:

— „Отъ Куропаткина проку ждать нечего. Это удовлетворительный начальникъ штаба, но къ самостоятельной дѣятельности онъ абсолютно не способенъ.“

Намѣстникъ уѣхалъ, слѣдовательно надъ Артуромъ поставленъ крестъ.

Это было сказано въ строго интимномъ кругу.—

Отъѣздъ генераль-адъютанта Алексѣва изъ арміи усугубилъ тяжелое впечатлѣніе произведенное телеграммой Куропаткина.

Для гарнизона и населенія было не секретомъ, что между намѣстникомъ и Куропаткинымъ давно уже установились натянутыя отношенія, а со времени Ляоянскаго позорнаго отступленія, онѣ приняли острый характеръ.

Въ крѣпости прекрасно знали, что Ляоянь былъ отлично укрѣпленъ, что Ляоянь по своей готовности мало чѣмъ уступалъ Артуру, что подъ Ляояномъ мы были сильнѣе врага на 25,000 штыковъ.

Артуръ зналъ, что Алексѣвъ требовалъ, настаивалъ на движеніи впередъ, впередъ во что бы то ни стало, на выручку Артура.

Намѣстникъ стремился въ Артура, такъ какъ прекрасно понималъ, что крѣпость, помимо задачи оттянуть къ себѣ цѣлую армію, служила убѣжищемъ флоту—за которымъ въ кампаніи было рѣшающее значеніе.

Гибель Артурской эскадры предвосхищалась генераль-адъютантомъ Алексѣвымъ—въ гибели этой онъ видѣлъ печальный конецъ кампаніи.

Онъ понималъ, что съ паденіемъ крѣпости погибнетъ эскадра. А разъ она погибнетъ—кампанія проиграна.

Успѣхъ кампаніи могъ быть обезпеченъ лишь при условіи овладѣнія нами моремъ.

Пока море было не наше, пока японцы питали свои арміи безпрепятственно приходившими изъ Японіи транспортами,—

думать о счастливомъ исходѣ кампаніи не было никакихъ основаній.

Намѣстникъ это понималъ и поэтому онъ и требовалъ отъ Куропаткина настойчиваго, энергичнаго движенія впередъ.

Но Куропаткинъ, неспособный къ творческой работѣ главнокомандующаго, лишенный высокаго дара быть полководцемъ-вождемъ, не умѣлъ оцѣнивать обстановки, у него не было размаха мысли и воли.

Онъ и на поляхъ Маньчжуріи оставался лишь ловкимъ царедворцемъ.

Онъ требовалъ самостоятельности!

Онъ жаловался, что ему мѣшаютъ творить великія дѣла!

Онъ заговорилъ объ историческомъ „терпѣніи“.

Ему повѣрили и Намѣстникъ, эта послѣдняя надежда Артура, уѣхалъ изъ арміи.

Артуръ былъ дѣтищемъ адмирала Алексѣева, въ Артурѣ осталась лучшая часть всего русскаго флота и для него, какъ моряка, всю жизнь проведеннаго на судахъ, прекрасно ознакомленнаго о превосходствѣ японскихъ силъ на морѣ, конечно, тяжело было оставлять армію въ сознаніи, что Куропаткинъ никогда не будетъ въ состояніи освободить Артуръ, разъ онъ не могъ пользоваться побѣдой подъ Ляояномъ.

Положеніе непріятеля подъ Ляояномъ было ужасное, объ этомъ свидѣлствуютъ военные агенты всѣхъ европейскихъ державъ и съ этимъ исполнѣ соглашаются японцы.

Японцы считали себя на голову разбитыми и готовились отступать, но Куропаткинъ обольстительно предупредилъ ихъ, оставивъ разбитому врагу миллионныя сокровища.

Какая ужасная насмѣшка судьбы!!

Волею судебъ, маленькій въ своей духовной природѣ Куропаткинъ со способностями только плохо-воспитаннаго царедворца, до времени былъ возвеличенъ.

Волею же судебъ свершилось его стремительное крушеніе съ преждевременно воздвигнутаго пьедестала народнаго героя.

Кампанія проиграна!

Россія на пути обновленія!

Исторія всѣхъ народовъ создавалась дѣлами великихъ людей.

Какой же приговоръ произнесетъ надъ творцомъ позорной

и кровопролитнѣйшей войны безпристрастный, холодный судъ исторіи.

Назоветъ ли она Куропаткина великимъ ничтожествомъ или прямо скажетъ: это былъ великій врагъ народа, воплотившій въ лицѣ военнаго министра, а затѣмъ главнокомандующаго полумилліонной арміей всю немощь чиновнаго міра, и — на зарѣ освобожденія Россіи, понесъ, за грѣхи всѣхъ бюрократовъ отъ временъ Іоанна Калиты, величайшій позоръ.

Выписка изъ дневника покойнаго инженеръ-полковника С. А. Рашевскаго.

5 Ноября.

„... Словомъ надо ждать и ждать, а между тѣмъ это для насъ самое трудное; много легче было бы выдержать жестокий бой, но рѣшительный, а не сгорать на медленномъ огнѣ. У насъ уже начинаютъ развиваться болѣзни, чувствуется упадокъ энергіи въ войскахъ и недостатокъ въ припасахъ, вообще съ каждымъ днемъ положеніе становится все болѣе неустойчивымъ, могущимъ быстро пошатнуться при первой неудачной для насъ случайности...“

Утомился неутомимый Рашевскій, человѣкъ съ желѣзной волей и съ рѣдкой способностью къ труду и исключительной выносливости.

Что-же говорить о людяхъ, которые всю жизнь привыкли къ полусонной, покойной, полуголодной жизни.

Словомъ положеніе крѣпости, благодаря упадку энергіи, становится тревожнымъ.

„Много легче было бы выдержать жестокий бой, но рѣшительный, чѣмъ сгорать на медленномъ огнѣ“ пишетъ Рашевскій.

Въ этихъ строкахъ все нравственное обличіе покойнаго героя.

Въ нѣсколькихъ словахъ, начертанныхъ собственноручно въ дневникѣ, который онъ велъ аккуратно день за днемъ, въ глубокомъ утомленіи, среди всеугрожающей обстановки—сказался весь Рашевскій. Его кипучая, дѣятельная натура не выноситъ бездѣятельности, ему претитъ пассивность. Онъ изнываетъ, онъ страстно желаетъ рѣшительныхъ дѣйствій.

Нанося эти строки, я какъ на яву вижу стройную фигуру покойнаго, съ увлеченіемъ, съ глазами мечущими умъ и энергію—докладывающимъ коменданту о ходѣ работъ на атакованномъ фронтѣ. Онъ не живетъ, а кипитъ. Въ немъ ключемъ бьетъ жизнь. Незамѣнимая потеря для арміи!

Да, Артуръ сгоралъ на медленномъ огнѣ, но никто еще и не заикался о сдачѣ, только у Стесселя объ этомъ заговорили, энергичнѣе, въ особенности послѣ послѣдней телеграммы Куропаткина.

Хотятъ жестокаго, рѣшительнаго боя—т. е. скорѣй бы конецъ, смерть, но не позоръ сдачи.

А японцы молчатъ, ведутъ лишь слабую перестрѣлку—собираются съ силами.

Это затишье, эта томительная неизвѣстность изводила гарнизонъ и понижала его жизнеспособность.

Выписка изъ дневника покойнаго инженеръ-полковника Рашевскаго.

„... Отъ Китайскихъ шпионовъ доставлены извѣстія, что тѣ 7 орудій, которыя лежали на берегу бухты Луизы, свезены и установлены у Нангалина, что японцы обозлены своими неудачами на сѣверѣ и рѣшили взять Артуръ въ періодъ съ 8 по 13 ноября во что бы то ни стало; что если этотъ штурмъ, для котораго они имѣютъ около 40,000 человекъ не удастся, то они больше штурмовать насъ не будутъ, что штурмъ будетъ вестись со всѣхъ сторонъ и флотъ приметъ въ немъ участіе...“

Приведенныя въ выпискѣ изъ дневника сообщенія китайцевъ произвели на гарнизонъ довольно сильное впечатлѣніе. Всѣ повѣрили имъ. Всѣ подтянулись. Всѣ ожидали послѣдняго и рѣшительнаго штурма.

Истомились люди, страстно хотѣлось какого-нибудь конца, но конца опредѣленнаго.

Продолжительное, тягучее томительное затишье съ методичнымъ обстрѣливаніемъ города, порта, близкая упорная и жестокая минная борьба на атакованномъ фронтѣ, гдѣ, по удачному выраженію Сергѣя Александровича, люди горѣли на медленномъ огнѣ—до того угнетающе дѣйствовало на отдѣльных личностей, на всю массу гарнизона и населенія, что вѣсть о готовящемся рѣшительномъ штурмѣ была принята съ облегченіемъ, скажу

больше, съ радостью, постепенно повышая настроеніе всѣхъ. А это былъ важный показатель. Это давало надежду, что организмъ еще живъ, что онъ въ состояніи бороться.

Значить до агоніи еще далеко.

Насколько сильно осажденная крѣпость реагировала на каждое мало-мальски правдоподобное извѣстіе извнѣ — доказываютъ вышеприведенныя строки и убѣждаютъ насъ, какъ остороженъ, уменъ и дальновиденъ долженъ былъ быть старшій начальникъ при распубликованіи какихъ бы то ни было извѣстій извнѣ.

Къ несчастью въ крѣпости понималъ это только ея комендантъ, но у него были связаны руки.

О заурядъ-прапорщикахъ.

Приказъ № 837.

Въ виду того, что за все время войны наши заурядъ-прапорщики въ огромномъ большинствѣ показали себя истинными героями вполне достойными съ честью носить всегда офицерскій мундиръ, я предполагаю ходатайствовать о дарованіи права оставаться защитникамъ Артура заурядъ-прапорщикамъ въ рядахъ полковъ офицерами. Нынѣ же для того, чтобы болѣе рѣзко отгѣнить ихъ службу при пожалованіи знаками отличія Военнаго Ордена, предлагаю входить о нихъ съ представленіемъ по формѣ, для г.г. офицеровъ установленной также для производства ихъ въ подпоручики.

П. п. Начальникъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона
Генераль-адъютантъ Стессель.

Говоря объ Артурскихъ заурядъ-прапорщикахъ, какъ о таковыхъ, то я долженъ сказать, что послѣдніе, въ смыслѣ ихъ боевой дѣятельности, въ большинствѣ случаевъ стоятъ внѣ упрека, но вмѣстѣ съ тѣмъ, я буду утверждать, что пользоваться заурядъ-прапорщиками въ той мѣрѣ, въ которой ими пользовались въ осажденной крѣпости и нерационально, и, если хотите, преступно.

Свое мнѣніе я основываю столько-же на собственномъ наблюденіи, сколько и на авторитетномъ мнѣніи лицъ всецѣло от-

давшихъ арміи, всю жизнь прошедшихъ въ ея рядахъ и пережившихъ боевую страду осажденнаго Артура.

Начнемъ съ того, что офицеры всѣхъ континентальныхъ державъ могутъ быть прелиминарно раздѣлены на четыре группы: 1) Богато свѣже одаренные, идейно служащіе народу въ рядахъ ея арміи, храбрые по природѣ своей и непреложно убѣжденные, что борьба съ внѣшнимъ врагомъ націи, боевая жизнь, смертный бой, самая смерть есть конечная цѣль всего ихъ предшествующаго мирнаго существованія (воспитаніе и обученіе вѣранныхъ имъ сыновъ народа). Это лучший, самый надежный элементъ, составляющій ядро, душу, сердце арміи. 2) Люди всесторонне просвѣщенные, умные, честные, всецѣло отдавшіеся служенію арміи, по природѣ своей не надѣленные неогрѣненнымъ достоинствомъ воина—*храбростію*, но всегда способные въ періодъ кампаніи прійти къ заключенію, что храбрость неизмѣнный спутникъ достойнаго офицера, а смерть есть вѣнецъ воина и поэтому, быть можетъ, искусственно взвинчивающіе себя—но съ честью всегда умиравшіе въ бою. 3) Совершенно пассивные люди или случайно, по недоразумѣнію очутившіеся въ рядахъ арміи въ лицѣ ея офицеровъ и наконецъ, четвертая группа: люди пристроившіеся на военную службу, т. к. дѣться было некуда, и считающіе, что служба эта, помимо всевозможныхъ прерогативовъ, легче другихъ, въ чемъ быстро и убѣждались, благодаря тому сумбуру, который царилъ до сихъ поръ въ арміи.

Этотъ четвертый разрядъ офицеровъ, къ несчастію въ нашей и французской арміи довольно многочисленный—является самымъ опаснымъ, вреднымъ и растлѣвающимъ ее элементомъ.

Августовскій штурмъ очень много унесъ въ Артуръ офицеровъ, принадлежавшихъ къ первой категоріи.

Первый штурмъ былъ жестокъ, все было вновь, люди еще не обстрѣленные, впервые попавшіе подъ страшный артиллерійскій огонь, не умѣли и не понимали по своей горячности, какъ должно пользоваться укрытіями—гибли.

Они, почувствовавъ себя въ давно желанной обстановкѣ, увлеклись, воодушевились, играли опасностью, считая по своей прямолинейности, безопасное мѣсто признакомъ трусости. Своихъ людей укрывали и сами грудью встрѣчали смерть и гибли часто, казалось, безъ пользы для дѣла обороны.

Нѣтъ, безстрашная гибель многихъ лучшихъ офицеровъ при первомъ штурмѣ, была неощущенна. Эти жертвы долга легли въ основаніе геройской эпопеи Артура.

Они сразу воспитали всю массу подчиненныхъ имъ людей. Примѣромъ своей геройской смерти они указали имъ, массѣ, какъ слѣдуетъ умирать и на дѣлѣ доказали, что смерти не воину бояться.

Инстинктъ самосохраненія впоследствии быстро научилъ людей, какъ слѣдуетъ укрываться во время бомбардировокъ, и они въ этомъ направленіи дошли прямо до художественныхъ пріемовъ въ лучшемъ случаѣ, симулированію болѣзни и даже скриванію, въ худшемъ. Инстинктъ этотъ въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ силенъ, и массу онъ иногда превращаетъ прямо въ неразумное стадо.

Противоположнаго же инстинкта, минуя людей исключительно храбрыхъ, инстинкта что ли самопожертвованія ни въ подавляющемъ числѣ отдѣльныхъ индивидуумовъ, а тѣмъ болѣе въ массахъ не наблюдается.

Сентябрскіе штурмы и ужасы бомбардировки не имѣли уже того потрясающаго впечатлѣнія, какъ Августовскіе, не было новизны впечатлѣній.

Офицеры первой и второй категоріи какъ бы слились въ едино, не замѣчалось даже при зоркомъ наблюденіи разницы въ ихъ дѣятельности. Конечно, я обобщаю и не вдаюсь въ детали. Психологію третьяго порядка офицеровъ въ боевой обстановкѣ учесть было очень трудно. Они были то болѣзненно апатичны ко всему, то замѣчался неожиданный подъемъ духа, то упадокъ граничившій съ трусостью. Число ихъ было ничтожно, и поэтому я не буду останавливаться на нихъ, а перейду къ четвертой категоріи, къ психологіи которыхъ я послѣдовательно и веду рѣчь, желая доказать на примѣрѣ ихъ дѣятельности насколько вредно было въ осажденной крѣпости широкое пользованіе заурядъ-прапорщиками.

Съ конца Сентября или начала Октября Стессель началъ усиленно размножать заурядъ-прапорщиковъ, не смотря на то, что офицеровъ въ гарнизонѣ было вполне достаточно.

Читателю, быть можетъ, извѣстно, что въ заурядъ-прапорщики обращаются за особые заслуги фельдфебеля и старшіе унтеръ-офицеры. Люди эти въ большинствѣ случаевъ совершенно

необразованные, подчасъ едва грамотные, находившіеся въ безпрекословномъ подчиненіи не только у ротныхъ командировъ, но и у молоденькихъ подпоручиковъ и которыхъ, по старой еще привычкѣ, глубоко вкоренившейся въ нашей арміи, иногда били за служебныя промахи и по фізіономіи.

Вотъ этихъ людей наряжаютъ въ офицерскую форму и они начинаютъ исполнять обязанности офицеровъ. Въ любой данный моментъ можно изготавить сколько угодно этихъ заурядъ-офицеровъ (на основаніи закона, послѣ кампаніи они обращаются въ первобытное состояніе). Такимъ образомъ въ крѣпости, при постоянно уменьшающемся количествѣ нижнихъ чиновъ, [которыхъ конечно гибло несравненно больше, чѣмъ офицеровъ] — число офицеровъ увеличивалось.

Однимъ словомъ былъ неизсякаемый кадръ. Получалась дѣзкая аномалія.

Вотъ тутъ то и стала очевидной вся нецѣлесообразность этихъ манипуляцій.

Офицеры четвертаго порядка, которымъ вовсе не хотѣлось умирать, т. к. они не для этого шли на военную службу, а теперь въ особенности, когда за мнимые подвиги путемъ низкопоклонства и угодничества можно было нахватать массу наградъ — начали артистически использовать заурядъ-прапорщиковъ.

Рѣшивъ во что бы то ни стало уцѣлѣть: одни забрались въ блиндажи, изъ которыхъ выползали въ крайней необходимости, ничуть не стѣсняясь своихъ самоотверженныхъ товарищей; другіе заболѣвали всевозможными болѣзнями и уходили въ госпиталя, а службу за нихъ несли зауряды и гибли они въ значительномъ количествѣ.

Это отвратительно дѣйствовало на нижнихъ чиновъ, которые прекрасно понимали, что на ихъ глазахъ шла подтасовка, надувательство.

Нижніе чины постепенно озлоблялись и озлоблялись, конечно, не на заурядовъ, а на настоящихъ офицеровъ до генераловъ включительно. Результаты не замедлили обнаружиться: начали появляться подметныя письма съ угрозами на неповиновеніе. Заурядъ-прапорщики лучшіе гибли, остававшіеся въ живыхъ и вновь обращаемые, ставъ ни рыбой, ни мясомъ, не могли оказать нравственнаго воздѣйствія, именно нравственнаго воздѣйствія. (Въ боевой обстановкѣ это воздѣйствіе — главный факторъ, кото-

рымъ достигается и поддерживается порой ослабѣвающая дисциплина — наказанія не помогутъ).

Да оно иначе и быть не могло.

Прапорщики, одѣвъ офицерскую форму и отчасти войдя въ общество офицеровъ, потеряли связь со своими подчиненными, которыхъ они отлично знали, живя въ долгомъ, постоянномъ и тѣсномъ соприкосновеніи съ ними въ должности фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ.

Нижніе чины ввѣрялись, между тѣмъ, новымъ и неопытнымъ фельдфебелямъ и у—оф.; дисциплина въ ячейкѣ, въ отдѣленіи роты расшатывалась и заваривалась каша.

Все это вмѣстѣ взятое постепенно, но вѣрно вело гарнизонъ къ полной дезорганизациі, признаки которой замѣчались уже въ концѣ октября. Кромѣ того, въ заурядъ-прапорщики производились прямо изъ рядовыхъ.

Разумные, искренніе офицеры тревожно обращали на это вниманіе, предостерегали.—

Но ихъ никто не слушалъ. Стессель, Фокъ, Рейсъ, Никитинъ воевали со Смирновымъ.

Не Японцы—Смирновъ имъ былъ страшенъ.

Призраки сдачи крѣпости.

Генераль Смирновъ, какъ я уже говорилъ неоднократно, обращалъ особо серьезное вниманіе на 3-ью линію обороны, вооруженную уже морскими орудіями, съ прекрасно разбитыми редутами, глубокими траншеями, на которой предполагалъ оказать серьезное сопротивленіе послѣ очищенія второй линіи. Работы на ней производились непрерывно подъ неусыпнымъ наблюденіемъ инженеръ-капитана Родіонова (Начальникомъ этой линіи предполагалось назначить адмирала Виррена).

Въ первыхъ числахъ ноября комендантъ неожиданно получаетъ отъ генерала Стесселя категорическое предписаніе, которымъ ему предлагалось прекратить работы не только на **третьей**, но и на второй линіи, (верки крѣпости) и вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось посылать людей изъ общаго резерва исключительно на первую линію обороны: форты, укрѣпленія атакованнаго С. В. фронта.

Готовность 2-ой и 3-ей линіи обороны для упорнаго и продолжительнаго сопротивленія, была для „генераль-адъютанта“ крайне нежелательной, по той простой причинѣ, что съ перенесеніемъ обороны всецѣло на эти линіи (Отъ Курганной черезъ Митрофаньевскую, Владимірскую, Безъимянную, Большую, лит. Б, и дальше на береговой фронтъ) весь старый городъ, въ любой данной его точкѣ, подвергался обстрѣлу непріятельской артиллеріи.

Генераль Смирновъ, прекрасно оцѣнивая, какую огромную роль въ дальнѣйшей защитѣ крѣпости должны сыграть 2-ая и 3-я линіи обороны, исполнилъ приказаніе начальника района, посылалъ рабочихъ на первую линію [Онъ и раньше всегда дѣлалъ по мѣрѣ надобности. Просьбы полковника Рашевского немедленно удовлетворялись въ полной мѣрѣ, т. к. Рашевскій пользовался абсолютнымъ довѣріемъ коменданта], но вмѣстѣ съ тѣмъ усиленно продолжалъ работы на 2-ой и 3-ей линіи и къ началу декабря почти ихъ закончилъ.

Категорическое требованіе „генераль-адъютанта“ прекращенія работъ на двухъ въ высшей степени важныхъ оборонительныхъ линіяхъ заставляло предположить, что „генераль-адъютантъ“ или не понималъ серьезности этихъ оборонительныхъ линій или, подѣ влияніемъ Фока, проявлялся злой и преступный умыселъ. Дальнѣйшій ходъ событій заставляеть меня предположить, что приказаніе „главы крѣпости“ было основано на заранѣе и всесторонне обдуманномъ намѣреніи сдать крѣпость, лишь только противникъ утвердится въ части 2-ой оборонительной линіи отъ Курганной до лит. Б, съ высшей точки которой, большого Орлинаго Гнѣзда, онъ могъ вести корректировку артиллерійскаго огня для любой точки до моря включительно.

Это одинъ изъ тревожныхъ признаковъ.

Другой признакъ, болѣе характерный — въ полной мѣрѣ характеризующій отношенія начальника района къ оборонѣ крѣпости, а къ коменданту ея въ частности, служить слѣдующій изъ ряда выдающійся примѣръ.

Случай этотъ имѣлъ мѣсто непосредственно послѣ перерыва сообщенія, въ апрѣлѣ или началѣ мая 1904 г. Съ момента перерыва сообщенія, большая часть жителей предусмотрительно взяла изъ Русско-Китайскаго банка всѣ свои вклады. Въ кассѣ

банка почти не осталось наличныхъ денегъ и поэтому помѣщенный въ это кредитное учрежденіе фондъ „кредита обороны“ не могъ быть расходуемъ.

Въ казначействѣ же III-го корпуса въ наличности состояло 1,200,000 рублей.

Такъ какъ китайцевъ рабочихъ приходилось рассчитывать чуть ли не ежедневно, явилась крайняя необходимость въ наличныхъ деньгахъ.

Генераль Смирновъ проситъ начальника района черезъ начальника инженеровъ полковника Григоренко ссудить ему на предметъ расплаты 50,000 рублей.

Стессель отказываетъ.

Комендантъ лично отправляется къ генералу Стесселю. Осторожно, въ вполнѣ понятной формѣ генераль Смирновъ излагаетъ начальнику района всю неотложную необходимость въ дѣлѣ расплаты съ рабочими, попутно поясняя ему, что если денегъ для расплаты съ китайцами не будетъ—придется приостановить всѣ работы на оборонительной линіи.—Генераль Стессель грубо отказалъ, отвѣтивъ:

— „Деньги принадлежатъ III корпусу и при немъ должны остаться“.

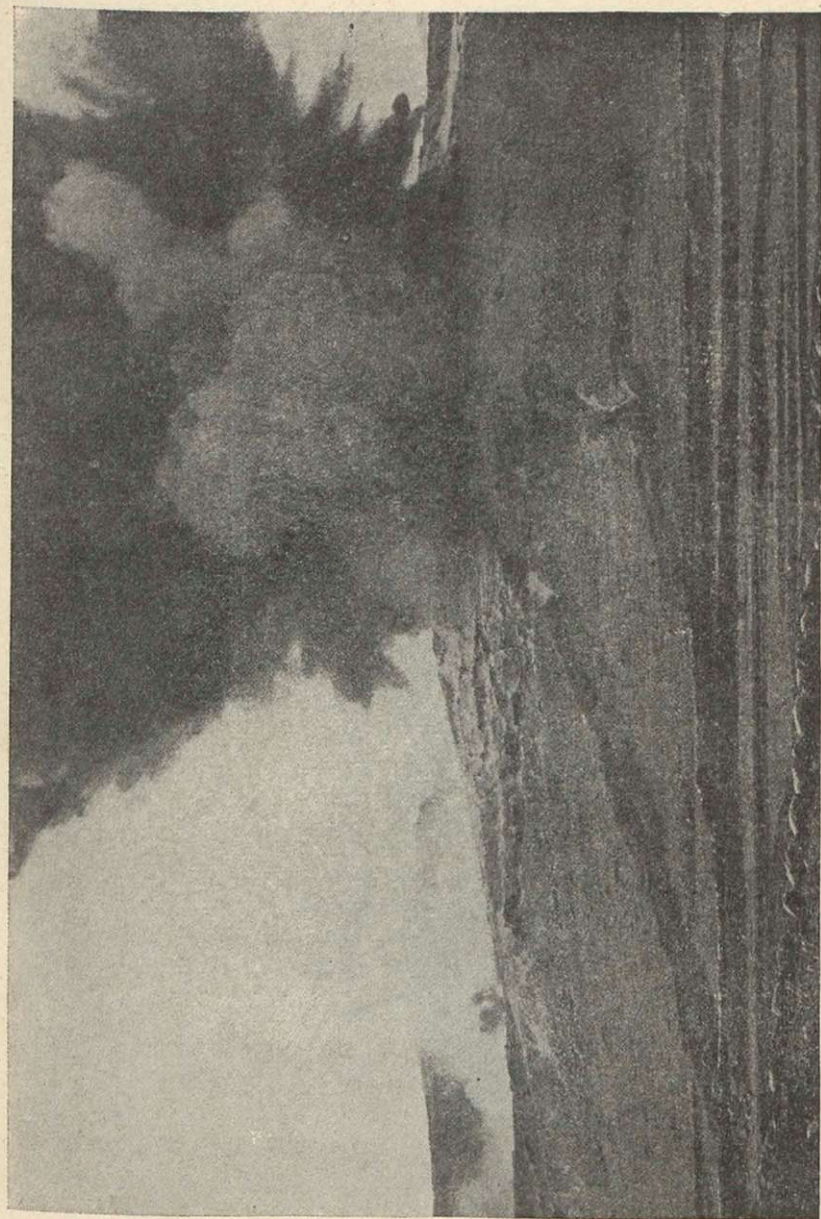
— „Помилуйте, Ваше превосходительство, но вѣдь мнѣ не чѣмъ расплачиваться съ китайцами, черезъ 2, 3 дня я принужденъ буду прекратить работы. Мало того, китайцы убѣдившись что у нихъ нѣтъ здѣсь заработка, уйдутъ изъ Артура. Мы останемся безъ рабочихъ рукъ. Работы на оборонительной линіи кипятъ, работы неотложныя, мнѣ необходимы деньги.“

Долго убѣждалъ комендантъ начальника района отпустить деньги для производства работъ по укрѣпленію оборонительной линіи. Долго, очень долго.

Генераль Стессель упрямо слушалъ и когда комендантъ кончилъ, категорически и рѣзко отвѣтилъ:

„Это не мое дѣло“.

Комендантъ, понимая, что грозитъ крѣпости за отсутствіемъ денегъ для расплаты съ китайцами, приглашаетъ къ себѣ Генерала Кондратенко и предлагаетъ ему немедленно отправиться къ Стесселю и убѣдить послѣдняго выдать хоть какую-нибудь сумму въ счетъ „Кредита обороны“.

Взрывъ напольнаго бруствера на форту II. 13 Ноября.

Роману Исидоровичу путемъ невѣроятныхъ усилій, неотступныхъ просьбъ и приставаній, удалось, наконецъ, выпросить у „витязя земли русской“ 15,000 рублей.

Впослѣдствіи пришлось еще взять изъ корпуснаго казначейства нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Но генераль Стесель упорно продолжалъ сокращать каждое требованіе, хотя расходовъ по корпусу почти никакихъ не производилось.

Благодаря тому, что коменданта урѣзывали въ кредитъ, онъ до самой тѣсной блокады велъ работы не въ тѣхъ широкихъ размѣрахъ, въ которыхъ была неотложная необходимость, а велъ ихъ сообразуясь съ имѣвшейся у него денежной наличностью.

Благодаря такому отношенію „витязя“ многое въ крѣпости къ началу осады не было готово и недоукомплектовано. Все недоукомплектованное пришлось кое-какъ доканчивать усилиями измученныхъ, и, давно уже, съ мая начавшихъ питаться впроголодь, стрѣлковъ.

Четвертый штурмъ.

Передъ началомъ Ноябрьскихъ штурмовъ прибылъ въ осадную армію, экстренно-командированный маршаломъ Ойяма, генераль съ предписаніемъ на мѣстѣ убѣдиться о причинахъ такъ долго затянувшейся, почти безуспѣшной осады.

Японцевъ пугалъ призракъ приближающейся эскадры Рождественскаго.

Артуръ былъ непоколебимъ.

Артуръ скрывалъ въ себѣ цѣлую эскадру,—которая съ соединеніемъ съ эскадрой Рождественскаго грозила японцамъ большими непріятностями на морѣ.

Японія требовала гибели Артура.

На военномъ совѣтѣ грозы Артура, барона Ноги, рѣшено было взять крѣпость во что бы то ни стало.

Подтянулись свѣжія войска, утомленные отдохнули, прибавилось артиллеріи, пополнились запасы снарядовъ. Все было готово къ рѣшительному штурму.

Японцы ждали лишь сигнала своего вождя.

Въ Артурѣ все шло по обыденному; послѣднія извѣстія китайцевъ всколыхнули сначала людей, а затѣмъ все пошло по старому

На терзаемомъ фронтѣ тихо.

На фортахъ, батареяхъ и укрѣпленіяхъ люди живутъ такъ, какъ живутъ всѣ люди: ѣдятъ, спятъ, надѣются и умираютъ. Къ шуму взрывовъ и выстрѣловъ давно всѣ привыкли. Разорвется шрапнель, бомба; убьетъ человѣка, двухъ, трехъ. Подойдутъ, отберутъ живыхъ отъ труповъ, успокоятся. Все это дѣлается покойно, безъ суетни, словно ничего особеннаго не происходитъ, такъ самая обыкновенная вещь. Всѣ такъ сжились съ этой обстановкой, что считаютъ ее вполне нормальной. Когда на болѣе или менѣе продолжительное время наступаетъ затишье, сначала оно какъ будто и пріятно, а потомъ чувствуется, что чего-то не хватаетъ. Привычка, великая вещь!

И такъ вездѣ по всей оборонительной линіи, за исключеніемъ крайнихъ фланговъ и береговой линіи. Тамъ почти безопасно, а особенно на Тигровомъ хвостѣ и къ Ляотъшаню.

Конечно, тяжелѣе всего на терзаемомъ фронтѣ, гдѣ японцы отъ бруствера чуть ли не въ 20, 15 шагахъ.

На брустверахъ ни имъ, ни намъ не показаться. Все время идетъ охота.

Въ особенности тяжело на фортахъ II-омъ, III-емъ и укрѣпленіи III-емъ.

Здѣсь неустанно идетъ, ни на минуту не прекращающаяся, медленная, упорная, беспощадная борьба. Это самый узавленный непріателемъ участокъ. Онъ присосался къ нему и присасывается съ каждымъ днемъ, часомъ, минутой все больше и крѣпче. Неустанно роетъ, роетъ, роетъ какъ кротъ, закладываетъ фугасы, мины, рветъ, долбитъ снарядами, осыпаетъ пулями.

День въ день, часъ въ часъ, ночи на пролетъ идетъ это напряженіе людей стремящихся: одни хотъ на шагъ продвинуться впередъ, другіе не уступить этого шага.

Происходитъ что то до дикости странное.

Сидятъ другъ противъ друга живыя, кажется разумныя существа, а вся цѣль ихъ существованія свелась къ тому, чтобы побольше навалить труповъ.

Прицѣлится стрѣлокъ, раздастся рѣзкій трескъ винтовки, — зазѣвавшійся японецъ готовъ, — скovyрнулся. А тамъ смотришь нашъ летитъ навзничъ или хромяя плетется къ фельдшеру или на перевязочный пунктъ.

Что то нелѣпое, дикое!

Это продолжается уже четвертый мѣсяцъ.

Нашъ Артурскій поэтъ капитанъ Линдеръ шелъ на одно изъ укрѣпленій. Шелъ покойно, увѣренно. Шелъ, что то ударило, упалъ. Не болитъ, а встать не можетъ. Подбѣжали санитары, принесли на перевязочный пунктъ. Капитанъ всегда корректный, общительный, ласковый, цвѣтущій здоровьемъ спрашиваетъ докторовъ, его осматривавшихъ, что, какая рана, и возмущаясь, говорить:

— „Вотъ вѣдь не задача! Всегда ходилъ по этой дорогѣ, не стрѣляли, все обходилось благополучно. Сегодня, какъ нарочно! Ну что-бы имъ предупредить, что дорога обстрѣливается; я бы пошелъ низомъ. Ну что, какъ рана?“

— „Въ животъ на вылетъ. Поправитесь, успокаиваютъ доктора.“

— „Знаю, что поправлюсь, въ госпиталь больно не хочется!“

Большинство ранъ даже въ животъ отъ винтовочныхъ пуль оканчивались полнымъ выздоровленіемъ, но у капитана Линдера произошло какое то осложненіе и онъ умеръ на 21-ый день.

Ноябрскій штурмъ начался 7-го числа довольно сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, а затѣмъ атакой нѣсколькихъ ротъ, бросившихся въ ровъ форта III-го. Бой шелъ долгій, упорный рукопашный.

Въ 4 часа вечера японцы были отбиты и все съ наступленіемъ сумерокъ успокоилось. Противникъ продолжалъ поддерживать лишь довольно слабый орудіиный огонь.

Но на линіи все было на чеку, каждую минуту ожидали новаго наступленія, новой атаки.

Трудно было рѣшить еще, куда направится вся сила удара. Денное дѣло было лишь первымъ спазматическимъ усиленіемъ начавшагося штурма.

Не смотря на всю опасность обстановки на уязвленныхъ фортахъ и укрѣпленіяхъ—офицеры, артиллеристы и стрѣлки до того уже привыкли къ опасности, что положительно, казалось, не замѣчали ея. Часовые и очередная часть горнизона у брустверовъ, остальные въ казематахъ отдыхаютъ—ждутъ лишь тревоги.

„Умереть успѣемъ еще. Чего волноваться то. Отсюда врядъ ли уйдешь живымъ“—вотъ мнѣніе большинства. И всѣ покойны.

Въ штабѣ отряда несравненно больше оживленія. Получаются донесенія, отсылаются приказанія.

Тамъ на фортахъ, укрѣпленіяхъ нужно умѣть умереть.

Здѣсь, въ штабѣ, все время нужно соображать на основаніи получаемыхъ донесеній, часто крайне сбивчивыхъ и неотвѣчающихъ дѣйствительности и соображать вѣрно и быстро. Штабъ отряда, изъ всей массы донесеній, самое существенное передаетъ по телефону коменданту. Телефонъ работаетъ неустанно.

Получилось тревожное донесеніе, что японцы взорвали мину въ капонирѣ форта II-го, пришлось отойти на 8 шаговъ за траверсъ.

Восемь шаговъ уступили японцамъ!!

Немедленно передали коменданту.

Комендантъ по прежнему, если не верхомъ на объѣздѣ, то за картой у стола, телефона...

Минуты нѣтъ свободной: то трезвонитъ Кондратенко, то Бѣлый, Горбатовскій, Третьяковъ, Семеновъ, Григоровичъ, Лощинскій, Хвостовъ и т. д.

Когда дома, отъ телефона не отпускаютъ.

Всѣ съ донесеніями и экстренными вопросами. Немедленно нужно отвѣчать, распоряжаться.

Иногда Смирновъ прямо рычать начинаетъ, когда доносятъ или спрашиваютъ ерунду.

Ни днемъ, ни ночью покоя. Дремлетъ у телефона. Онъ всѣмъ руководитъ. Онъ мозговой центръ крѣпости.

Выписка изъ дневника покойнаго инженеръ-полковника С. А. Рашевскаго.

8 Ноября.

„....Противъ редутовъ I и II японскіе подступы начали довольно быстро двигаться впередъ, очевидно съ намѣреніемъ уничтожить заложенные здѣсь горны, долженствующіе быть взорваны, какъ большіе фугасы въ случаѣ штурма. Будемъ внимательно слѣдить, чтобы взорвать эти горны, не давая ими завладѣть безнаказанно. Сегодня японцы строятъ новую батарею на сѣверномъ склонѣ Дагушаня.“

Опять повторяю, что Дагушань—высота, которая командуетъ надъ всѣмъ восточнымъ фронтомъ. Батарея будетъ приносить

огромный вредъ, а сбить ее—нужно потратить много снарядовъ, въ которыхъ давно уже ощущается недостатокъ.

Снаряды берегутся для штурмовъ.

Будь на Дагушанѣ сильное укрѣпленіе, какъ облегчило бы это оборону крѣпости.

Выписка изъ дневника покойнаго инженеръ-полковника С. А. Рашевского.

9 Ноября.

„... Противъ всѣхъ ожиданій японцы до сихъ поръ молчатъ. Эта неопредѣленность невольно всѣхъ насъ нервируетъ...”

Лишь только стемнѣло, японцы бросились на Куропаткинскій люнетъ и лит. Б. Не смотря на всю силу удара, были во время замѣчены и отброшены артиллерійскимъ, пулеметнымъ и ружейнымъ огнемъ.

Ночь началась въ самомъ тревожномъ напряженіи. Комендантъ усилилъ С.-В. фронтъ резервами, постепенно снимая части съ фланговъ. Въ полночь Сѣверо-Востокъ опять загремѣлъ. Японцы вновь перешли въ наступленіе и опять безрезультатно. Къ утру постепенно все стихло. Только на перевязочныхъ пунктахъ и госпиталяхъ оживленіе, раненые прибывали.

10 Ноября.

„.... Какъ всегда, засѣвшихъ въ окопъ японцевъ выжить отсюда оказалось очень труднымъ: это потребовало чуть ли не $\frac{1}{2}$ часа времени. ... Вотъ здѣсь то ясно сказалась вся нецѣлесообразность конструкціи нашихъ окоповъ, представлявшихъ узкую глубокую канаву съ досчатыми подставками (банкетами), на которыхъ стрѣлки чувствуютъ себя въ родѣ куръ на жердочкахъ. Стрѣлять хорошо изъ такихъ окоповъ нельзя, оказать поддержку мѣсту прорыва невозможно — приходится прожиматься между людьми, уже занимающими окопъ, вынести раненаго одно мученье, пройти офицеру для распорядка огнемъ очень трудно; вообще окопъ въ боевомъ отношеніи не выдерживаетъ никакой критики, а между тѣмъ всѣ новые окопы стремятся, по инициативѣ генераловъ въ родѣ командира 4-ой дивизіи—Фока—строить такіе же и мы не можемъ заставить войска строить ихъ иначе

... Сейчас 11 ч. ночи—совершенно тихо, если не считать рѣдкой орудійной и ружейной стрѣльбы по нашимъ многострадальнымъ фортамъ II, III и укрѣпленію III“

11 Ноября наша артиллерія цѣлый день начисто разрушала вѣнчанія гласисовъ форта III и укрѣпленія III. Но японцы продолжали энергично подвигаться впередъ: поставили во рву укрѣпленія III орудіе, которымъ разрушаютъ капониръ, а во рву форта III устроили мостъ.

Когда объ этомъ донесли коменданту, онъ немедленно приказалъ зажечь и разбить мосты. Послѣ долгихъ усилій мостъ былъ разрушенъ.

Выписка изъ дневника покойнаго инженеръ-полковника С. А. Рашевскаго.

11 Ноября.

„... Съ Зубчатой и Саперной батареей утромъ замѣтили, что японцы въ двухъ мѣстахъ напольнаго рва форта III строятъ подмостки для перехода черезъ ровъ; одинъ на козлахъ, другой на быкахъ, а также спуски изъ боковыхъ рвовъ въ напольный у обоихъ исходящихъ угловъ, стрѣльбой артиллеріи и бросаніемъ бомбочекъ и бутылокъ съ керосиномъ успѣли ихъ поджечь и отчасти разрушить, но пожаръ вскорѣ былъ потушенъ неприятелемъ.

Въ 12^{1/2} часовъ ночи снова раздались безпокойные выстрѣлы у лит. Б, быстро перешедшіе въ частую стрѣльбу, загремѣли и орудія. Снова японцы выскочили изъ своихъ двухъ сапъ и кинулись къ нашему нижнему окопу; два офицера и около 10 человекъ нижнихъ чиновъ вскочили въ окопъ, но долго задержаться не могли и были почти всѣ перебиты, одному изъ офицеровъ удалось было выскочить обратно, но его закололи ударами штыковъ въ спину.

Удивительно, что японцы вмѣсто настоящаго рѣшительнаго штурма предпринимаютъ какія то вылазки въ то время, когда гарнизонъ уже ослабъ, не имѣетъ должнаго питанія и снарядовъ, когда одинъ рѣшительный ударъ могъ бы быть роковымъ для крѣпости...“

12 Ноября сильно раненъ одинъ изъ выдающихся офицеровъ гарнизона, комендантъ форта III капитанъ Булгаковъ.

Съ форта III произведена удачная вылазка въ японскіе окопы, въ которой особенно отличился вольноопредѣляющійся Шванько.

День 13 Ноября.

Всю ночь гремѣли пушки.

Съ разсвѣтомъ грозно загудѣлъ весь Сѣверо-Восточный фронтъ.

Съ каждой минутой гулъ усиливался.

На сѣверѣ гудѣло сильнѣй.

Отъ Курганной до лит. Б. сплошь все заволакивалось густымъ, чернымъ, тяжелымъ дымомъ.

Идетъ артиллерійская борьба.

Огонь сотенъ орудій опять одновременно сосредоточенъ на сравнительно ничтожномъ пространствѣ.

Огонь мететъ, огонь уничтожаетъ.

Мятедь чугунная, стальная постепенно превращалась въ жестокий ураганъ, равняла бруствера съ землей.

Что творилось тамъ!

Тамъ ужась былъ!

Тамъ смерть надъ жизнью торжествовала подъ грохотъ взрывовъ, хохотала надъ горами погибавшихъ, измученныхъ людей.

Зарокотали наконецъ винтовки, засчитали пулеметы изъ конца въ конецъ.

Штурмъ начался!

Живыя волны японцевъ опять неудержимо, стихійно показались на развалины фронта.

Минуты крѣпости, казалось, были сочтены.

Орудійный ревъ то стихалъ, то усиливался.

Шелъ штыковой, кровопролитный, упорный бой.

Люди дрались.

Холодное солнце Ноября лѣниво освѣтило Артуръ, словно меньше оно стало, словно ушло въ глубь небесъ, подальше отъ земли, такъ обильно, такъ давно уже поливавшейся горячей кровью неразумныхъ, жалкихъ людей.

Много разъ японцы бросались, неудержимо, съ невѣроятными усилиями на фортъ II, III, лит. Б. Тысячами валились подъ орудійнымъ, ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ, но живые про-

должали ломиться впередъ.—Смерть, такъ властно уносившая сразу цѣлыми сотнями, не страшила ихъ. Они ползли, бѣжали, карабкались, падали—подымались.

Продвигались впередъ, схватывались въ рукопашную и гибли, гибли безъ конца.

Но они устали.

Въ 3 часа 30 минутъ штурмъ по всей линіи началъ стихать и къ четыремъ часамъ на время все успокоилось.

Все осталось въ нашихъ рукахъ — очистили лишь капо-ниръ № 2-ой.

Обозлившись, японцы начали неистово громить городъ и портъ.

Стемнѣло быстро, къ семи часамъ ужъ темный вечеръ былъ. Трудно было предположить, чтобы японцы не повторили штурма.

Комендантъ подтягивалъ къ С.-В. фронту все, что было возможно,—значительно ослабивъ этимъ фланги.

Это дѣлалось въ самомъ вѣроятномъ предположеніи, изучивъ уже психологію тактики Ноги, что онъ непременно поведетъ дальнѣйшій штурмъ именно на С.-В., который такъ страшно добилъ сегодня и который въ центрѣ своемъ представлялъ уже груду развалинъ.

Смирновъ съ минуты на минуту ожидалъ штурма.

Послѣ восьми часовъ вечера со всѣхъ наблюдательныхъ постовъ устремились тревожныя донесенія, что противъ Курганной батареи, за желѣзной дорогой въ лучѣ прожекторовъ показались густыя колонны японцевъ.

Лучи всѣхъ прожекторовъ фронта нервно заматались въ направленіи показавшихся японцевъ. Одинъ за другимъ, поводя изъ стороны въ сторону, размахъ все меньше и тише, послѣдовательно вшивались и ярко свѣтили густыя массы кишачихъ японцевъ.

Словно муравьи они ползли впередъ.

Заревѣли орудія.

Колонны, смыкаясь густой волнообразной массой, быстро подвигались впередъ.

Весь фронтъ въ кроваво-красномъ заревѣ орудіянаго огня на фонѣ котораго, какъ молнія одна за другой сверкаютъ выстрѣлы скорострѣльныхъ и канетовскихъ пушекъ. Въ довер-

Генералы: Третьяковъ, Никитинъ, Кондратенко, Ирманъ, Семеновъ.
Егермейстеръ Балашовъ. Полковникъ Рашевскій.

шеніе всего загромыхалъ еще береговой фронтъ. Съ страшнымъ, демоническимъ свистомъ понесли стальныя глыбы въ гущу атакующихъ. Снарядовъ вой, выстрѣловъ громъ, взрывовъ грохотъ, все, все слилось въ какой то неземной, чудовищный говоръ спорившихъ титановъ.

Артуръ всю таившуюся въ немъ разрушительную силу направилъ на стремившихся овладѣть имъ враговъ.

Послѣдовательно одна за другой, а то и нѣсколько сразу съ шипѣніемъ взвивались боевыя ракеты и, красиво разсыпавшись на много яркихъ звѣздъ, какъ днемъ свѣтили величественную и грозную картину ночного штурма.

Впереди, среди неудержимо наступающихъ, по всѣмъ направлениямъ рвались снаряды, бросая кровавый отсвѣтъ на эту волнуемую, живую массу.

Въ яркомъ ослѣпительномъ, фосфорическомъ свѣтѣ прожекторовъ сгущались бѣлыя облачка шрапнелей, нѣжно рвавшихся въ воздухѣ, но жестоко, десятками тысячъ пуль, жалившихъ надвигавшихся людей.

Вся сила штурмующихъ колоннъ устремила на Курганную и лѣвѣе, съ очевиднымъ намѣреніемъ прорваться черезъ казачій плацъ къ центральной оградѣ.

Орудійный огонь достигъ наивысшаго, возможнаго напряжения.

Волна ударила и захлестнула Курганную.

На Курганной шелъ уже рукопашный бой. Японцы одолѣвали. Орудія замолчали. Они уже у пушекъ.

Стрѣлки и артиллеристы озвѣрѣли. Но японцы лѣзутъ, имъ нѣтъ числа.

Къ мѣсту прорыва бѣжала рота Баянцевъ подъ командой лейтенанта Мисникова. Она уже у подошвы Курганной.

— „Рота стой! скомандовалъ Мисниковъ. Ребята, впереди слава или смерть. На молитву, шапки долой!“. Люди крестились.

— „На-кройсь... Шагомъ маршъ.

Все это были секунды.

Рота уже карабкалась наверхъ. Ура! Страшно сильный, энергичный толчекъ... Ура, ура!—гремѣло наверху.

Японцы перебиты, переколоты, смяты на батареѣ, но новыя ползутъ наверхъ. Прибывшій взводъ скорострѣльной батареи

подъ командой поручика Карамышева стегая во флангъ, валить горы труповъ, спасаетъ и спасъ Курганную.

Рота открыла залповый огонь.

Тысячи мертвецовъ одинъ на другомъ, какъ бѣжали, карабкались, такъ и застыли въ разныхъ позахъ, словно они лишь притаились; среди нихъ копошились раненые.

Блѣдный мертвый свѣтъ луны озарилъ грустную, тяжелую картину отбитаго штурма.

Крѣпость опять пережила тяжелые тревожные моменты. Въ боевую линію былъ введенъ не только десантъ, но и резервъ десанта.

Овладевъ враги Курганной, прорвись и займи центральную ограду—положеніе бы сразу жестоко измѣнилось.

Одна надежда, одно спасеніе было въ третьей линіи обороны, которая, минуя сопротивленія Стесселя—была уже почти закончена комендантомъ.

Но къ счастью крѣпости, къ славѣ артиллеріи, стрѣлковъ, штурмъ былъ блестяще отбитъ.

Штурмъ стихалъ повсюду, по всему сѣверо-восточному фронту.

На перевязочныхъ же пунктахъ, госпиталяхъ, оживленіе росло. Весь день и всю ночь шелъ обильный притокъ раненыхъ. Наша убыль дошла свыше тысячи пятисотъ человекъ. Во многихъ ротахъ осталось чуть ли не по 16 человекъ.

Дорогой въ оцѣнкѣ жизни, тревожный для крѣпости былъ день 13 Ноября.

Разсвѣло.

Въ подзорную трубу на Обелисковой горѣ открылась чудовищная картина.

На склонѣ, внизъ и дальше отъ Курганной, все густо устлано японскими трупами. Сплошная, не прерывающаяся, казалось, неподвижная масса мертвыхъ людей ковромъ, неопредѣленнаго цвѣта, покрыла уже холодную землю Артура. Какъ бѣжали они, какъ карабкались по кручѣ—такъ и застыли въ самыхъ причудливыхъ, часто невозможныхъ, невѣроятныхъ положеніяхъ.

Смерть сковала ихъ.

Лейтенантъ Кротко смотритъ въ бинокль и глазамъ не вѣритъ.

Пристально смотрятъ, и холодный ужасъ разливается по жиламъ и давить, давить какъ отвратительный кошмаръ.

Да тамъ вовсе не неподвижная масса. Тамъ еще двигаются, дышать, живутъ.

Смотрите, смотрите, тамъ копаются еще, какъ черви.

Сѣрое тоскливое утро... Облака низко, тихо ползутъ надъ утомленной землей.

Холодно, непривѣтливо, сыро.

Рѣзкій вѣтеръ, хотя по Реомюру 5 тепла.

Смотрите, они еще движутся, они еще страдаютъ пронизываемые холодомъ Ноября... Сияются встать, руки ищутъ опоры, приподымаются и обезсиленные, быть можетъ, въ предсмертной агоніи, въ чудовищныхъ страданіяхъ, рушатся на окаменѣлыя уже тѣла своихъ счастливыхъ товарищей.

Все холоднѣй.

Вѣтеръ усиливался.

Свинцовыя облака, безшумно, сумрачно сгущаясь, догоняя и перегоняя другъ друга, неслись надъ грѣшной измученной землей.

Словно они стремились отдѣлится ея отъ небесъ.

Всесильный Богъ! Богъ милосердія!

Богъ любви и прощенія, Ты далекъ былъ въ Артурѣ отъ страждущихъ людей.

Въ день штурма Курганной батареи, по отряду, назначенному въ это кровопролитное дѣло и составленному изъ храбрѣйшихъ солдатъ всего непріятельскаго лѣваго фланга, былъ отданъ начальникомъ его, генералъ-маіоромъ Накамура слѣдующій приказъ:

„.... Цѣль нашего отряда разбить Портъ-Артурскую крѣпость на двѣ части. Ни одинъ солдатъ не долженъ надѣяться вернуться живымъ. Если меня не станетъ, полковникъ Ватанабе замѣнитъ меня, если же и его постигнетъ та же участь, командованіе приметъ подполковникъ Окуно. Всякій офицеръ, какого бы то ни было чина, долженъ назначить себѣ преемника. Атака будетъ вестись главнымъ образомъ въ штыки. Какъ бы ни жестокъ былъ непріятельскій огонь, наши солдаты не должны отвѣчать ни единымъ выстрѣломъ, пока мы не укрѣпимся. Офи-

церамъ разрѣшается убивать тѣхъ солдатъ, которые безъ надлежащаго основанія будутъ отставать, самовольно покинуть строй или отступать“.

Этотъ приказъ великолѣпно иллюстрируетъ, насколько японцы, наши враги, были неумолимо жестоки въ достиженіи намѣченной цѣли.

Этотъ приказъ отдавали по отряду изъ героевъ—добровольцевъ. Приказъ этотъ читали на порогѣ смерти, и каждый изъ читавшихъ отчетливо сознавалъ, что это не шутка, что это конецъ. Каждый понималъ, что тамъ, на крутомъ склонѣ Курганной, медленно, секунда за секундой, все шире и шире раскрываются объятія его могилы...

Каждымъ фибромъ своего существованія чувялъ, что смерть сторожить, что съ момента выступленія возврата не будетъ. Одинъ исходъ впереди—гибель. Гибель смертью героя или позорная участь труса.

Штурмъ былъ жестокий, почти всѣхъ заключила въ свои объятія холодная могила, но Курганной враги всетаки не взяли.

Да, такъ вотъ съ какимъ врагомъ пришлось бороться Артуру!!!

Врагъ былъ достойный по своей неумолимой храбрости, но храбрость эта уже четвертый мѣсяцъ, какъ волны объ утесъ, разсыпалась о стойкость Артурскихъ бойцовъ.

13 Ноября противникъ неожиданно началъ довольно энергично форсировать на Западномъ фронтѣ, попутно оживляя мѣстность передъ Высокой горой.

Въ оставленныхъ еще въ Сентябрѣ окопахъ, въ которыхъ съ 10 числа слабо проявлялась жизнь—опять она забила ключемъ. Всюду, во всѣхъ оставленныхъ окопахъ, закипѣла работа.

Въ ночь на 14-ое непріятель въ значительно превосходныхъ силахъ повелъ атаку на высоту у Малой Голубиной бухты, сѣвернѣе деревни Шан-ян-тау,—которая окончилась занятіемъ небольшой горушки впереди высоты.

Произведенная штабсъ-капитаномъ Соловьевымъ контръ-атака, не смотря на введенный резервъ полуроты моряковъ подъ командой штабсъ-капитана Молчанова, сильный и упорный бой не увѣнчалась успѣхомъ.

Къ глубокому сожалѣнію, въ этой контръ-атакѣ былъ убитъ герой и неутомимый работникъ на западномъ фронтѣ, штабсъ-капитанъ Соловьевъ.

Сравнительно сильное наступленіе на западный фронтъ и оживленіе мѣстности впереди Высокой дало основаніе предположить, что противникъ предприметь атаку на высшую точку всего западнаго фронта.

Комендантъ немедленно началъ усиливать этотъ флангъ подтягиваемыми резервами.

14-го была атака между Плоской горой и Высокой и безрезультатна. Днемъ на форту Ш-емъ взорванъ пороховой погребъ. Взрывъ былъ ужасающей силы, но къ счастью потери были сравнительно небольшія.

Предположеніе о готовящейся атакѣ Высокой имѣло полное основаніе,—которое на слѣдующее утро для всего Артура стало болѣе, чѣмъ очевиднымъ, а для Высокой и ощутительнымъ.

Надвигались кровавые, ужасные ея дни.

Въ описываемый періодъ, въ арміи осаждающаго, по слухамъ, которые впослѣдствіи оказались неопровержимой дѣйствительностью, творилось что то неладное.

Армія утомилась, въ ней замѣчались тревожные признаки переутомленія — рѣзко выражавшіеся въ массовомъ нервномъ заболѣваніи.

Развѣ это не понятно?!

Огромныя потери нервировали храбраго врага-человѣка, а неуспѣхъ всѣхъ кровопролитнѣйшихъ штурмовъ, гибель свыше 10,000 въ послѣдніе дни, сильно встревожили и Токио.

Изъ главной японской квартиры прибыли генераль-квартирмейстеръ Фукушима и начальникъ штаба генераль Кодама, которымъ предписано было узнать о причинахъ неудачъ японскаго оружія подъ Артуромъ.

Въ Токио и главнокомандующаго страшилъ призракъ Балтійской эскадры, и поэтому они настоятельно требовали либо паденія крѣпости, либо овладѣнія такими позиціями, съ которыхъ можно было бы уничтожить весь флотъ.

Флотъ, флотъ былъ страшень японцамъ!!

По ознакомленіи на мѣстѣ съ положеніемъ вещей—было рѣшено предпринять новый штурмъ и продолжать его неустанно, безъ перерыва и отдыха вплоть до достиженія намѣченной цѣли, не стѣсняясь никакими потерями.

Начали прибывать свѣжія войска. Прибыла 10-ая бригада, прибыла прямо изъ Японіи 7-ая дивизія, искони считавшаяся

самой отважной и которой Микадо лично поручилъ непремѣнно взять Артуръ. Добавилось артиллеріи, пополнились боевые запасы. Армія къ этому времени насчитывала въ своихъ рядахъ свыше 100,000 сабель и штыковъ.

4-го Ноября все было готово.

13-го разразилась страшная бомбардировка, а затѣмъ ночная феерія — неудачнымъ финаломъ которой былъ штурмъ Курганной.

Несмотря на полную неудачу, огромныя потери, способныя довести людей до отчаянія, японцы, оставались вѣрными выработанному плану. Усиленная атака крѣпости, безъ малѣйшаго промедленія, повелась на Западный фронтъ, на его ключъ, Высокую гору.

На Восточномъ фронтѣ, стихая и усиливаясь, шла своимъ чередомъ непрерывная, настойчивая, беспощадная минная война и слабыя демонстративныя наступленія

Перемиріе.

14-го Ноября, около 4-хъ часовъ пополудни въ направленіи Курганной батареи показалась группа японцевъ, осѣненная бѣлымъ флагомъ, символомъ примиренія.

Боевая линія немедленно умолкла.

Все стихло на ней.

Все живое, давно таившееся въ траншеяхъ, окопахъ, блиндажахъ, въ этихъ могилахъ людей—живымъ бордюромъ унижало бруствера фортовъ, батарей и укрѣпленій.

Давно уже враждующія стороны не говорили языкомъ людей, давно потеряли чувство жалости и состраданія.

Люди на мгновеніе стали людьми.

Все забыто.

Навстрѣчу приближающимся вышелъ изъ укрѣпленія III-го штабсъ-капитанъ Спредовъ. Прибывшій офицеръ передалъ письмо на французскомъ языкѣ съ просьбой разрѣшить убрать раненыхъ.

Заработалъ телефонъ со штабомъ отряда, а пока что, недавніе враги съ любопытствомъ и нескрываемымъ уваженіемъ смотрѣли другъ на друга. На мужественныхъ, отважныхъ лицахъ существъ съ человѣческимъ обличіемъ, только что дра-

вшихся, только что истреблявшихъ другъ друга, какъ стадо дикихъ звѣрей, невольно отразилось душевное движеніе каждаго изъ нихъ.

Такіе же люди, жалкіе и великіе, слабые и сильные по своей физической и духовной природѣ, весь смыслъ, цѣль существованія которыхъ сводится лишь къ одному—жить. Все равно какъ, хуже, лучше, но лишь бы жить. Сохранить какъ можно дольше, яко бы разумную, осмысленную, въ основаніи же своею таящую, какъ единственное руководящее начало, лишь инстинктъ продолженія рода—жизнь.

Сохранить жизнь, этотъ величайшій и вмѣстѣ съ тѣмъ безсмысленнѣйшій даръ природы.

Разговоръ сошедшихся въ мимолетномъ примиреніи не вязался.

Неожиданность встрѣчи, необыденная обстановка, безопасность, тишина, манящая къ себѣ, чарующая собою, раскрывавшая новые горизонты въ просвѣтленномъ умѣ, давно, болѣзненно, до одуренія, насильственно работавшаго въ одномъ направленіи—самозащита, вихрь мчащихся въ разгоряченномъ мозгу мыслей, творчески развертывавшихъ картины былой, мирной, тихой, обаятельной обстановки, отъ которой сама смерть была, казалась, за тридевять земель,—сковала языки.

Къ группѣ, почти безмолствовавшихъ, мимолетныхъ друзей быстро приближался бонза ¹⁾.

Кругомъ и вокругъ все усеяно трупами.

Подошелъ бонза, глубокій старецъ.

Подошелъ, отдалъ присутствовавшимъ нѣсколько глубокихъ поклоновъ и, выпрямившись, пристально смотрѣлъ на враговъ своего народа.

Его блѣдное, цвѣта пергамента, лицо было безстрастно. Только въ большихъ, выразительныхъ, искрящихся глазахъ свѣтилась затаенная, глубокая, безъисходная скорбь.

Долго стоялъ онъ, неподвижно, какъ изваяніе, а затѣмъ съ сложенными на груди руками, низко склоненной головой, медленно пошелъ къ своимъ, осторожно ступая черезъ трупы своихъ братьевъ.

¹⁾ Японскій священникъ.

Кругомъ трупы и трупы безъ конца.

Видъ ихъ былъ ужасенъ. Одни лежали, какъ живые, съ открытыми, но помутившимися глазами. На лицахъ: то ужасъ,—тоска,—мольба,—гримаса страданія,—злость, гнѣвъ,—и, и даже застывшій смѣхъ и мертвыя улыбки. Лежали они, то ничкомъ съ глубоко, судорожно, въ послѣдней конвульсіи впившимися въ землю руками; то навзничъ, съ задумчивымъ, серьезнымъ, строгимъ выраженіемъ лица, обращеннаго къ небесамъ. Лежали бокомъ, въ неестественно изогнутомъ положеніи, грозно сжатыми кулаками, широко раскрытымъ, оскаленнымъ ртомъ, печатью невыносимыхъ страданій. Лежали кучей вмѣстѣ, навалившись другъ на друга, то словно шепчущихся, то удивленно, словно въ недоумѣніи смотрѣвшихъ другъ на друга. Лежали рядами, въ нѣсколько рядовъ. Валялись руки, ноги, оторванныя, раздробленныя головы, а то и прямо большія, почернѣвшія, безформенныя, обезображенныя человѣческія туши, въ обожженномъ платьѣ и нагѣе. Были обезглавленные, вдоль и поперекъ—пополамъ разорванные.

Бонза тихо, едва касаясь земли, подвигался впередъ, и взоръ его былъ полонъ мучительной скорби. Добрелъ онъ до рывины маленькой—она до краевъ была наполнена мертвецами.

Остановился бонза.

Голова его все ниже, ниже склонялась и слѣзы, горючія, искреннія слезы закапали изъ старческихъ очей.

Раненыхъ кругомъ уже не было: на холодной землѣ лежали только трупы.

Перемиріе не состоялось.

Надъ мертвыми, среди нихъ и въ нихъ самихъ царилъ уже безмятежный и вѣчный покой.

Загудѣлъ выстрѣлъ.

Снарядъ съ воемъ пронесся къ нимъ, къ врагамъ.

Бонза очнулся и какъ тѣнь быстро удалился къ своимъ.

Еще орудійный выстрѣлъ. Еще.

Сухо затрещали винтовки.

Опять борьба, опять страданія новыя, опять смерть.

— „Когда же конецъ?!“ взмолился человѣкъ.

— „Никогда!“ отвѣтило сѣдое и всегда юное время.

Часть окна въ горжѣ редута П.

На фронтѣ загудѣло сильнѣй.

Надъ Высокой собиралась гроза.

Приблизилась ея послѣдняя страстная недѣля.

Очерчивая картину перемирія 14-го Ноября въ моей памяти невольно воскресаетъ:

Мартъ, свѣтлый, игривый, жизнерадостный. Природа ликуетъ. Весна въ полномъ блескѣ, торжествуя побѣду надъ миновавшей зимой, заражаетъ весельемъ, бодритъ, прибавляетъ энергіи, властно требуетъ жизни, будитъ уснувшія надежды, утверждаетъ новыя.

Артуръ живетъ еще полной жизнью.

Артуръ вѣритъ въ свои силы, надѣется.

Артуръ, а за нимъ Россія, весь міръ съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ стремится проникнуть завѣсу грядущаго.

Завѣса непроницаема!

Будущее скрыто отъ нескромныхъ взоровъ всѣхъ людей.

Противъ берегового лазарета выстроилась полурота Квантунскаго экипажа при двухъ офицерахъ и хорѣ музыки для присутствованія, сопровожденія и отданія послѣдняго воинскаго долга героямъ, павшимъ въ бою въ ночь на 14 марта при отраженіи непріятельскихъ брандеровъ, стремившихся заградить входъ во внутренній рейдъ Портъ-Артура.

Въ началѣ 11 часа изъ воротъ берегового лазарета офицеры вынесли гробъ съ останками инженеръ-механика Василія Васильевича Звѣрева, погибшаго на вѣренномъ ему посту, во время лихой, геройской атаки миноносца противъ непріятельскихъ брандеровъ и 6 миноносцевъ противника. Останки безвременно погибшаго во цвѣтѣ лѣтъ хорошаго, идеальнаго человѣка были встрѣчены звуками „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“... и товарищами установлены на катафалкъ. Почти часъ лились плавные, торжественные звуки христіанскаго гимна, подъ чудный мотивъ которыхъ одинъ за другимъ выносились моряками семь гробовъ погибшихъ товарищей беззавѣтныхъ героев-матросовъ машинной команды миноносца „Сильный“.

Случайные прохожіе плотной толпой окружали мѣсто, на которомъ стояли приготовленныя дроги, принимавшія эти дорогие останки.

Тихое, радостное солнечное утро зародившейся весны, обещающее полное возрождение природы, не гармонировало съ печальной картиной разрушенія человѣческихъ жизней, которыхъ коснулось вѣяніе неумолимой смерти. Толпа дополнявшая собой тона печальной картины, стояла безмолвной и съ грустью смотрѣла, искренно, правдиво горя о безвременно, но со славой погибшихъ своихъ защитникахъ,—каждая послѣдующая смерть которыхъ создаетъ еще большую мощь Россіи, прибавляя неувядаемые лавры.

Предательская слеза, какъ нарочно упавшая изъ глазъ, выдавала, что чувствовали они—русскіе, погребая своихъ героевъ.

Гробы, наконецъ, установлены, осѣнены Андреевскимъ флагомъ и печальная процессія тронулась. Звуки гимна умолкли; войска взяли на-плечо. Оркестръ Квантунскаго экипажа въ тактъ тронувшимся войскамъ заигралъ похоронный маршъ. Въ мѣрномъ темпѣ полились внушительно торжественные звуки траурнаго марша, подъ которые процессія достигла церкви своднаго госпиталя. Снявъ съ катафалкъ тѣла погибшихъ, офицеры-моряки перенесли ихъ въ храмъ.

Началась заупокойная, божественная литургія, а по окончаніи ея обрядъ христіанскаго отпѣванія.

Настоятель отецъ Скальскій, въ сослуженіи одного изъ священниковъ мѣстнаго гарнизона, при пѣніи хора моряковъ—подъ звуки погребальныхъ молитвословій—возносилъ къ престолу Всевышняго вмѣстѣ съ присутствующими горячія моленія о упокоеніи душъ „на брани животъ свой положившихъ“. Зазвучалъ трогательный напѣвъ „со святыми упокой“ и вся церковь, какъ одинъ опустилась на колѣна со скромной, искренней молитвой о тѣхъ, кто защищалъ Россію. Окончился грустный—вдохновенный церковью обрядъ отпѣванія. Товарищи и близкіе отдали своимъ погибшимъ друзьямъ послѣднее цѣлованіе и вереница гробовъ тронулась изъ церкви.

Войска опять взяли на караулъ, оркестръ встрѣтилъ гимномъ „Коль Славенъ“. Установивъ гроба на катафалки, процессія подъ звуки погребальныхъ мотивовъ оркестра мѣрно потянулась на кладбище.

На военномъ кладбищѣ ожидали ее двѣ могилы—одна для Звѣрева, другая братская.

Замолкли звуки марша, товарищи принесли на рукахъ останки своихъ друзей и при радостно свѣтившемъ солнцѣ, въ полуднѣ весенняго дня, установили ихъ на краю могилъ.

Зазвучали молитвы литіи священнослужителей и вмѣстѣ съ облаками фиміама кадильницъ понеслись къ подножію престола Царя Царствующихъ.

Кончились моленья, дружныя руки матросовъ опустили героевъ въ мѣсто ихъ послѣдняго упокоенія... полились тихіе молящіе звуки „вѣчная память“, зашумѣли послѣднія горсти земли на гробахъ;—покатились залпы войскъ, звучнымъ эхомъ отозвавшіеся въ кружныхъ высотахъ, иземная почестъ—кончилась.

Миръ праху вашему дорогіе, беззавѣтные герои!!

Россія рано или поздно оцѣнитъ вашъ подвигъ и на скрижаляхъ ея исторіи ваши имена никогда не померкнутъ.

Такъ хоронили мы своихъ героевъ въ Мартѣ.

Не то, не то было въ Ноябрьѣ.

Тогда, въ Мартѣ—это были первыя жертвы, первые герои, въ Ноябрьѣ же считали ихъ тысячами, да и счетъ имъ потеряли.

Жизнерадостный Мартъ Квантуна смѣнилъ суровый Ноябрь.

Зима надвигалась.

Надвигалась зима, а съ ней потухали и надежды. Жестокій Н.О. нагоняя толпы сѣрыхъ угрюмыхъ тучъ, немилосердный спутникъ Ноября, пыталъ защитниковъ, пронизывая насквозь, проникая всюду, въ окопы, траншеи, холодные, неудобные, сырые блиндажи. Онъ изводилъ, губилъ страдавшихъ, истомившихся людей.

Смерть немилосердно косила налѣво и направо. Къ смерти всѣ привыкли.

Смерть торжествовала, но никого уже она не пугала, не страшила.

Надвигалась цынга, этотъ бичъ осажденной крѣпости.

Къ гибнущимъ относились если не безучастно, то, во всякомъ случаѣ, съ меньшимъ сожалѣніемъ, меньшимъ вниманіемъ.

Впечатлительность притупилась.

Всѣ утомились.

Каждый былъ на порогѣ смерти и къ мысли о смерти настолько привыкъ, что смотрѣлъ на нее скорѣе, какъ на освобожденіе отъ томительно — мучительной обстановки ожиданія своего собственнаго конца, чѣмъ на страшный призракъ его.

Но о сдачѣ крѣпости мало кто думалъ.

Высокая гора.

„ И вотъ въ Петербургѣ созрѣло вынужденное рѣшеніе: укрѣпленія въ районѣ горъ Угловой и Высокой, на хребтѣ Панлуншанѣ и на горѣ Дагушанѣ поставить во вторую очередь и въ Артурѣ временно сжаться, сжаться до того срока, пока боевые вопросы не будутъ освобождены отъ вліянія между-вѣдомственнаго совѣщанія, либо пока входившіе въ это совѣщаніе гражданскіе сановники не проникнутся уваженіемъ къ военной наукѣ и къ основнымъ требованіямъ тактики крѣпостного боя....“

Октябрь. 1906 г. Г. Тимченко-Рубанъ.

„— Зачѣмъ тутъ возиться, тяжелыя пушки ставить?! Ничего такого не надо!

Я прикажу, когда понадобится, поднять сюда (на Высокую) полевую батарею и ни одинъ чертъ не подойдетъ къ ней. Вонъ, всѣ подступы, какъ на ладони!

Май. 1904 г. Генералъ Стессель.

Такъ хладнокровно и легкомысленно предрѣшили участь Высокой въ Петербургѣ.

Такъ глубокомысленно думалъ о ней вершитель Артурскихъ судебъ въ началѣ кампаніи.

Иной участи обрekli ее японцы!

Они прекрасно оцѣнили ея стратегическое значеніе.

Они великолѣпно понимали, что съ паденіемъ Высокой—погибнетъ флотъ.

А разъ погибнетъ флотъ—конецъ кампаніи очевиденъ.

13-го Ноября участь Высокой была предрѣшена.

Ноги, подъ давленіемъ свѣше, рѣшилъ гору взять. Взять во что бы то ни стало, не стѣсняясь никакими жертвами и взять какъ можно скорѣе.

Жертвы японцевъ не страшили.

Имъ нужна была Высокая.

Сколько угодно жертвъ, но Высокая должна пасть, былъ категорическій приказъ свѣше и Высокая задымилась.

Ко времени начала отчаянных ноябрьских штурмов Высокая была изрыта окопами и ходами сообщения, но укреплена и вооружена была очень слабо.

Все что было возможно—все было сделано полковником Третьяковым и его героями стрѣлками, артиллеристами и саперами. Стоявшія на ея вершинѣ шестидюймовыя орудія были, по мѣрѣ силъ и возможности, защищены. Онѣ прикрыты были прочнымъ навѣсомъ изъ рельсъ, балокъ, листового желѣза, камней и слоя земли. Третьяковъ съ своими молодцами работалъ не покладая рукъ.

Но чего невозможно было создать, того не въ силахъ были создать и Артурцы.

Упомянувъ про шестидюймовыя пушки, установленныя на вершинѣ Высокой и установленныя вопреки желанію Стесселя, я вспоминаю слѣдующій курьезный случай.

Съ началомъ ноябрьскаго штурма, когда надежды на успѣхъ ее удержать стали болѣе чѣмъ проблематичными, является къ начальнику артиллеріи генералу Бѣлому, начальникъ Западнаго фронта полковникъ (нынѣ генералъ-маіоръ и комендантъ Владивостокской крѣпости) Ирманъ и проситъ разрѣшенія стащить 6" орудія, дабы онѣ не достались врагу.

Бѣлый отвѣчаетъ, что онъ не въправѣ разрѣшить убрать пушки, такъ какъ это всецѣло во власти коменданта крѣпости.

— „Идемте къ Коменданту, но я заранѣе предупреждаю, что онъ не разрѣшитъ...”

Приходятъ къ Смирнову.

Смирновъ серьезно выслушалъ Ирмана (онъ всегда все терпѣливо выслушивалъ) и и... расхохотался.

— „Ну нѣтъ-съ! Пусть орудія останутся на мѣстѣ. Пушки установлены для того, чтобы изъ нихъ стрѣлять, а не для того чтобы прятать.

Если бы представлялась хотя малѣйшая возможность, я бы еще усилилъ ее орудіями.

Какъ можно убирать тамъ пушки, когда онѣ намъ необходимы.

Нѣтъ, нѣтъ! Вы оставьте эту затѣю.

Орудія остались на мѣстѣ.

Помните читатель, что еще въ апрѣлѣ Высокая была голой скалой—гордо глядѣвшей на весь Артуръ.

По увѣренію Г. Тимченко-Рубанъ: „...тутъ намѣчалась постройка нѣсколькихъ долговременныхъ и полудолговременныхъ укрѣпленій, намѣчалось созданіе прочнаго каркаса обороны, подлежащей развитію въ мобилизаціонный періодъ“.

Это все предполагалось, это все намѣчалось, но фактически Высокая еще въ апрѣлѣ была дѣвственной.

Только впослѣдствіи, трудами изнывавшего въ борьбѣ гарнизона, усиліями истощенныхъ, полуголодныхъ людей она постепенно превращалась въ твердыню и твердыню оригинальную.

На гранитѣ горнаго массива трудно было рыть, насыпать блиндажи и окопы, о возведеніи же казематовъ бетонной кладки не могло быть и рѣчи.

Все созданное и создаваемое было игрой дѣтей передъ все-сокрушающей силой одиннадцати дюймовыхъ бомбъ.

Что же превратило Высокую въ твердыню?

Изъ какого матеріала строились укрѣпленія, блиндажи и окопы?

Въ чемъ же наконецъ секретъ?

Почему Высокая такъ долго держалась?!

Лучшимъ бетономъ въ Артурѣ вообще, а на Высокой въ особенности — были живыя тѣла людей ее защищавшихъ и не сразу, а постепенно превращавшихся въ безформенно-кровавое мѣсиво.

Занялось утро 14 ноября.

Тоскливое, туманное, сѣрое утро.

Высокая одиноко, двугорбой вершиной царитъ надъ Артуромъ и зорко стережетъ его Западный фронтъ.

Тревожно прошла минувшая ночь. Городъ подвергся жесточайшей бомбардировкѣ.

Всю ночь напролетъ японцы энергично, быстро, шумно сосредоточивались впереди Высокой, переходя мѣстами въ наступленіе.

Всю ночь гарнизонъ не смыкая глазъ наблюдалъ за врагомъ, ожидая штурма.

Высокая, одна, одиноко, двугорбой вершиной царила надъ Артуромъ и зорко стерегла его Западный фронтъ.

Далеко она отъ фронта.

Живетъ своимъ отдѣльнымъ, обособленнымъ отъ всей крѣпости, міркомъ.

Дорога ведущая къ ней обстрѣливается. Ёдутъ туда лишь по необходимости и то наровятъ вечеркомъ, сумерками, ночью. Путь долгій и опасный.

Въ сумрачный, туманный день она совсѣмъ сливается съ сосѣдними горами. Ея почти не различить отъ нихъ.

Миновало утро, наступилъ день, а въ Артурѣ, надъ нимъ и вокругъ царить тишина. Тишина глухая, непривычная, тяжелая, нѣмая.

Проходилъ день—въ Артурѣ тихо.

Лишь востокъ слегка зашумѣлъ.

Неужели японцы уходятъ или, оставаясь вѣрными своей тактикѣ, опять собираются съ силами и долго еще будутъ собираться?

Но нѣтъ! Нѣтъ!

На этотъ разъ японцы измѣнили себѣ.

Не было еще пяти пополудни, когда на Западѣ, въ сторонѣ Высокой загудѣло: загудѣло сразу, сильно, грозно.

Высокая задымилась.

Съ этого момента дни ея были сочтены.

Крѣпость поняла, что враги, потерявъ надежду прорвать восточный фронтъ—направили всю свою разрушительную силу, всю свою ярость на одинокій, но вѣрный стражъ крѣпости, Высокую.

Высокая дымилась отъ безчисленнаго количества рвавшихся по ея лицу снарядовъ.

Трескъ, грохотъ взрывовъ былъ отвѣтомъ на орудійный гулъ несшійся изъ-за горъ.

Высокая дымилась.

На Высокой было тяжело.

Орудійный огонь усилился и затѣмъ, по обыкновенію сошелъ на нѣтъ. Затрещали винтовки.

Японцы быстро, цѣпко, какъ обезьяны ползли по крутымъ скатамъ.

Начался штурмъ.

Штурмъ въ изступленіи.

Люди озвѣрѣли и дрались.

Дрались долго, упорно, жестоко. Дрались такъ, какъ дерутся звѣри. Пощады никому не было.

Дрались до изнеможенія, до потери сознанія.

Били, кололи, рубили, грызли, рѣзали, рвали, не различая мертвыхъ отъ живыхъ.

Одинъ баталіонъ, чрезмѣрно увлекшихся японцевъ, былъ буквально стертъ съ лица земли.

Дрались долго и устали, затихли.

Темная ночь, ночь холодная уже окутала Высокую, когда добивали и гнали послѣднихъ враговъ.

Глубокая ночь была уже, ночь холодная и темная, пронизываемая лишь рѣдкимъ огонькомъ винтовки, орудійнымъ выстрѣломъ и блуждающимъ лучомъ ночныхъ глазъ—прожекторовъ, когда на высотѣ горы воцарился нервный, тревожный покой обороняющихся людей, систематически тревожимый огнемъ осадной батареи изъ-за Панлуншаня, въ квадратѣ 385.

Высокая опять одна, опять одиноко двугорбой вершиной царить надъ Артуромъ и зорко хранить—обороняетъ его Западный фронтъ.

Дорогой былъ денекъ для японцевъ, дорого достался онъ и намъ.

Звѣзды неустанно мерцаютъ.

Ночь плыветъ надъ Артуромъ.

На Высокой, казалось, все спитъ.

Но это лишь казалось. Всѣ кто былъ въ силахъ лихорадочно работали надъ исправленіемъ разрушенныхъ окоповъ и блиндажей.

Всѣ, кто былъ въ силахъ, рыли землю своей собственной могилы.

Лишь только первый лучъ холодного солнца 15-го ноября позолотилъ вершину Высокой, отдаленнымъ эхомъ прокатился выстрѣлъ въ сторонѣ осаждающаго.

Передъ зарей всегда воцарялась тишина нѣмая.

Черезъ нѣсколько томительныхъ секундъ на склонѣ горы разорвался снарядъ, взметнувъ высоко къ небу дерево дыму, песку и камней. Верхушка его разрослась въ широкое облако и медленно растворилась въ прозрачной, кристальной синевѣ раннего, свѣжаго утра.

За первымъ деревомъ выросло второе, третье. Не прошло пяти минутъ, какъ вся гора покрылась этими причудливыми мгновенно появляющимися и исчезающими деревьями.

Гора опять задымилась; штурмъ возобновился.

Цѣлый день ручьями кровь лилась и люди тысячами гибли безвозвратно.

День томительный для всѣхъ, тяжелый.

Люди шли туда, навѣрхъ на вѣрную смерть. Немногіе оттуда возвращались.

Комендантъ крѣпости зорко слѣдитъ, что творится по всему фронту, соображаетъ обстановку обороны и атаки и всегда готовъ противустать врагу повсюду, куда бы онъ ни вздумалъ нанести новый и неожиданный ударъ. Вѣдь линия обороны 27 верстъ, инициатива на сторонѣ осаждающаго. Трудно предвосхитить, куда онъ вздумаетъ неожиданно ударить, но Комендантъ уже освоился съ тактикой своего соперника и относительно, я говорю относительно, покоенъ. Ноги всегда могъ измѣнить своей системѣ штурмовъ.

Донесенія съ Высокой становятся все тревожнѣе и тревожнѣе.

Кондратенко убѣдительно проситъ резервовъ, настаиваетъ.

Но частныхъ резервовъ уже нѣтъ, все влито въ боевую линію.

Остается одно—комбинировать силы.

Комендантъ искусно комбинируетъ ихъ, подвигая изъ общаго резерва эшалоны въ Чайную долину.

Что же дѣлалъ въ это время штабъ района со Стесселемъ и Рейсомъ во главѣ?

Рейсъ читалъ копіи телефонограммъ, отправляемыхъ Коменданту, а Стессель?

Стессель завтракалъ, писалъ приказы, обѣдалъ, спалъ, ужиналъ, спалъ.

То, что творилось на фронтѣ, онъ узнавалъ изъ третьихъ и четвертыхъ устъ. Телефона въ домѣ у него не было. Онъ его не выносилъ.

За отсутствіемъ какой-либо работы—генераль занялся дружинниками. Онъ рѣшилъ ихъ отправить въ окопы Высокой.

Пусть хоть тамъ штатская сволочь принесетъ пользу—говорилъ съ сердцемъ „Генераль-адъютантъ“.

Комендантъ энергично запротестовалъ. Онъ въ полной мѣрѣ отдавалъ должное артурскимъ дружинникамъ, но никоимъ образомъ не могъ допустить ихъ присутствія въ передовыхъ окопахъ.

Дружинники, сколько они ни проявляли энергіи и храбрости, въ общей массѣ это еще была плохо дисциплинированная, слабо обученная милиція, и, конечно, не могла замѣнить строевыхъ частей.

Комендантъ всегда смотрѣлъ на дружинниковъ какъ на свой послѣдній боевой ресурсъ.

Убѣдивъ при посредствѣ Кондратенко въ этомъ Стесселя, Комендантъ настоялъ на зачисленіи дружинниковъ въ госпиталя въ качествѣ госпитальной прислуги, а всѣхъ нижнихъ чиновъ, числившихся въ послѣднихъ, отправилъ на позиціи.

Не удалось Стесселю привести въ исполненіе свою давнишнюю угрозу: „Всѣхъ васъ мерзавцевъ упеку въ такое мѣсто, что врядь ли оттуда уйдете живыми“.

Вспоминаю я и другой случай. Идетъ Стесель черезъ мостъ рѣки Лун-хе. Дружинники роютъ траншеи. На привѣтствіе плохо отвѣтили:

„Мерзавцы, негодяи, всѣхъ перепорю, всѣхъ перевѣшаю“.

Среди дружинниковъ былъ очень большой процентъ интеллигентовъ. Не выдержалъ кто-то и крикнулъ:

„Не повѣсишь, веревокъ не хватитъ“.

Среди дружины началось волненіе, которое не перешло въ явное неповиновеніе исключительно благодаря гуманному, доброму, тактичному къ нимъ отношенію ихъ общаго начальника полковника Дю-Вернуа и командировъ дружинъ, въ особенности, поручика Василевскаго.

Благодаря поспѣшности, съ которой Стессель хотѣлъ раздѣлаться съ дружинниками, нѣкоторыя части дружинъ согласно приказанію по телефону были уже введены въ передовые окопы, гдѣ слившись съ стрѣлками успѣли покрыть себя славой. Многіе были убиты, но большинство было возвращено назадъ.

Стессель жаждалъ крови, крови дружинниковъ. Почему онъ ихъ ненавидѣлъ, я понять не могу. Развѣ только потому, что это была штатская св—ь.

До первыхъ сумерокъ шелъ бой, бой долгій, бѣшенный, упорный.

Къ вечеру все стихло, успокоилось, успокоилось настолько, насколько можетъ быть покойно на линіи соприкосновенія двухъ на смерть враждующихъ сторонъ.

Высокая вся наша. Величественно и покойно царить она на Западномъ фронтѣ. Грозно, непоколебимо глядитъ впередъ и внизъ ея двугорбая вершина.

„...Завтра къ утреннему чаю преподнесу вамъ
Высокую...“

16-го ноября день всталъ сумрачный и холодный. Съ раннего утра Высокая опять задымилась.

Говоръ сотенъ орудій, щебетаніе тысячъ винтовокъ, ядовитый, настойчивый лепетъ пулеметовъ слились въ какой-то чудовищный хаосъ звуковъ.

Артуръ, вся оборонительная линія тревожно слѣдила, что творится на вершинѣ Высокой.

Сѣдая, сѣрая деревья непрестанно то вздымались, то рушились на ея вершинѣ.

Третій день она истязалась настойчивымъ и храбрымъ врагомъ.

Пополняемый резервами гарнизонъ Высокой таялъ.

Штурмъ идетъ сначала на лѣвый, затѣмъ на правый ея флангъ.

Гарнизонъ творитъ чудеса храбрости надъ чудесами храбрости ползущихъ на верхъ японцевъ.

Лѣвая вершина занята врагомъ. Мелькнулъ флагъ страны восходящаго солнца. Еще усиліе, и онъ уже развѣвается. Еще немного усилія и гора въ рукахъ японцевъ.

Комендантъ получаетъ отъ Начальника Западнаго фронта, полковника Ирмана донесеніе, что Высокая уже въ рукахъ японцевъ.

Смирновъ провѣряетъ донесеніе.

Полковникъ Третьяковъ (фактически руководившій обороной Западнаго фронта такъ какъ Ирманъ, не смотря на свою выдающуюся храбрость, какъ полевой артиллеристъ, совершенно не былъ знакомъ съ тактикой крѣпостного боя и главное, въ полной мѣрѣ, лишенъ былъ цѣннѣйшаго дара военачальника, дара покойно и разумно опознаваться въ окружающей обстановкѣ) доноситъ, что на вершинѣ идетъ сильный бой, но онъ надѣется при помощи вливаемыхъ резервовъ удержать правую, спорную

вершину за собой; и, вмѣстѣ съ тѣмъ, просить подкрѣпленій изъ общаго резерва, такъ какъ частный резервъ истощается.

Комендантъ немедленно направляетъ туда новый эшалонъ.

Нужно замѣтить, что при наблюденіи за всѣми фазами развитія обороны и штурма Высокой съ различныхъ наблюдательныхъ пунктовъ, въ зависимости отъ ихъ положенія къ Высокой, получались иногда совершенно противоположные зрительные эффекты.

Одинъ наблюдатель доноситъ, что японцы уже на Высокой и что наши бѣгутъ. Другой, въ это же время наблюдая съ другой стороны доноситъ, что японцы нашими выбиваются и ползутъ внизъ. Третій, по отношенію Высокой находящійся въ третьемъ положеніи, сообщаетъ что бой стихъ и вершина за нами.

Тотъ, напримѣръ, кто наблюдалъ бы за Высокой со стороны Голубиной бухты, съ самаго бы начала доносить, что Высокая занята японцами и онъ былъ бы правъ. Его полю зрѣнія открывался западный склонъ и ему бы представлялось, что японцы все время сидятъ на вершинѣ, дальше же что происходитъ, онъ не видѣлъ... Скажу больше, сами штурмующіе и защищающіеся не могли отдать себѣ яснаго отчета, въ какомъ положеніи оборона Высокой. Дерутся, сходятся до 10, 15 шаговъ, дерутся пока не устанутъ. Устанутъ, засядутъ другъ противъ друга, притаятся и не стрѣляютъ даже. Подойдутъ къ нимъ свѣжія силы, они бросятся выбивать нашихъ. Подойдутъ резервы къ нашимъ, наши выбиваютъ.

Однимъ словомъ, Комендантъ провѣривъ по разнымъ донесеніямъ (только такимъ путемъ и можно было дѣйствовать), объ истинномъ положеніи Высокой убѣдился, что при посредствѣ вливаемыхъ резервовъ Высокую еще можно удержать и дальше удерживать, подтянулъ къ Высокой еще нѣсколько эшалоновъ, успокоился.

Вдругъ изъ штаба раіона является адъютантъ, капитанъ Колесниковъ и просить отъ имени „Генераль-адъютанта“ пожаловать въ штабъ раіона для „экстреннаго“ совѣщанія.

Въ штабѣ тоже уже получилась телеграмма Ирмана и произведя потрясающее впечатлѣніе привлекла сюда всѣхъ „истинныхъ героев“.

Стессель, Фокъ, Рейсъ, Никитинъ въ сборѣ. На лицахъ страхъ и смятеніе.

Приходить Смирновъ.

Стессель: Ирманъ доносить, что Высокая уже въ рукахъ японцевъ...

Фокъ (*по обыкновенію голосъ гудитъ и гудитъ въ носъ*): Тамъ уже дольше немислимо держаться, необходимо жалѣть людей, все равно рано или поздно ее придется оставить. Нечего тратить людей, они намъ еще нужны...

Рейсъ (*хитро молчитъ*).

Никитинъ (*молчитъ угрюмо*).

Смирновъ: Теперь еще преждевременно думать объ оставленіи Высокой, я поддерживаю резервами и гора останется за нами...

Фокъ: Но Ирманъ, Ирманъ доносить, онъ знаетъ, что онъ доносить. Онъ доносить, что Высокая въ рукахъ японцевъ, необходимо принять мѣры; уводить людей, спасти резервы, перегордить...

Смирновъ: Я повторяю, что особой опасности нѣтъ, всѣ мѣры я уже принялъ.

Стессель и Фокъ: (*вмѣстѣ, перебивая другъ друга*): Но разъ Ирманъ, начальникъ западнаго фронта доносить, нужно принять мѣры, нужно загородиться, они прорвутся, они прорвутъ линію, будетъ рѣзня на улицѣ.

Смирновъ: Не могутъ они прорвать линію фортовъ и укрѣпленій...

Стессель: Нѣтъ могутъ. Я предлагаю вамъ, Ваше Превосходительство, перегордить Чайную долину и этимъ воспрепятствовать прорыву.

Фокъ: Я вамъ это уже говорилъ (*обращаясь къ Стесселю*) и настаиваю на этомъ. Необходимо перегордить, перегордить во что бы то ни стало. Перегордить, Карфагенъ еще существуетъ...

Никитинъ (*угрюмо*): Перегордить, обязательно перегордить!

Стессель (*властно*): Перегордить неукоснительно. Японцы отнюдь не должны прорваться въ городъ, я увѣренъ, что они, японцы, если прорвутся, озвѣрѣютъ.

Смирновъ (*смотритъ на всѣхъ и каждого въ отдельности и безнадеженъ его взглядъ*).

Фокъ (*къ Стесселю*): Ваше Превосходительство и прикажите, чтобы Третьяковъ непремѣнно находился все время на самой

вершинѣ Высокой. Пусть тамъ этотъ молодецъ посидитъ. Пусть узнаетъ, каково тамъ защищаться, каково бѣднымъ солдатамъ.

Стессель (*къ Рейсу*): Передайте полковнику Третьякову, что бы онъ все время и неотлучно находился на самой вершинѣ Высокой. Да, да это непременно. Пусть тамъ сидитъ. Передайте по телефону.

Никитинъ: Да, да. Непременно, это необходимо.

Смирновъ (*продолжаетъ безнадежно смотрѣть на собравшихся. Иногда взоръ его загорается злостью, иногда искрится едва сдерживаемая улыбка*): Третьяковъ всегда тамъ, неотлучно и непосредственно руководитъ обороной.

Фокъ и Стессель (*вмѣстѣ и горячо*): Нѣтъ, нѣтъ пусть неотлучно сидитъ на самой вершинѣ.

Стессель: И такъ съ паденіемъ Высокой дни Артура нужно считать...

Смирновъ (*живо съ отпѣнкомъ раздраженія въ голосъ*): Господа, ручаюсь вамъ, что Высокая, пока есть возможность безъ особаго риска для С.-В. фронта подкрѣплять резервами, будетъ наша. Можете быть совершенно покойны и я вамъ ручаюсь, что завтра къ утрунному чаю преподнесу вамъ Высокую.

Стессель	}	(<i>вмѣстѣ</i>): Необходимо
Фокъ		
Никитинъ		

все-таки перегородить Чайную долину, а то они могутъ, могутъ прорваться.

Стессель: Я вамъ это предлагаю Ваше Превосходительство.

Смирновъ: У меня войскъ не много. Нужно или защищать Высокую или „перегораживать“ Чайную долину.

Стессель: Употребите дружинниковъ. Ихъ, ихъ употребите.

Смирновъ (*отчетливо сознавая, что вся эта компанія не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о томъ, что она говоритъ, такъ какъ въ обуювшей ихъ паникѣ перестаетъ отдавать себѣ отчетъ чего она хочетъ, спѣшитъ согласиться*). Слушаюсь, но предворяю, что завтра къ утрунному чаю преподнесу вамъ Высокую. Честь имѣю кланяться. (*Уходитъ*).

Стессель	}	(<i>Что-то говорятъ</i>).
Фокъ		
Никитинъ		

Рейсъ (мучаясь у телефона, передаетъ Третьякову приказаніе „Генераль-адъютанта“).

Колесниковъ (черезъ пенснэ провожаетъ уходящаго Смирнова презрительнымъ, молчаливымъ, но много говорящимъ взглядомъ).

На Высокой тѣмъ временемъ бой разгорался. Успѣхъ, то на нашей, то на ихъ сторонѣ. Иногда, казалось, что минуты были сочтены. Но нѣтъ!! Еще время не приспѣло. Наши напрягли послѣднее усиліе и поддержанные подоспѣвшимъ резервомъ—отбили вершину назадъ. Полковникъ Сейфулинъ и штабсъ-капитанъ Бѣлозеровъ вдохновили вѣранныхъ имъ стрѣлковъ и Высокая опять вся наша.

О! что творилось здѣсь, — не передастся перомъ. Это пишется кровью!

Это знаютъ и отчетливо, до мельчайшихъ подробностей, помнятъ только герой Высокой генераль Третьяковъ, да вѣранные ему офицеры, стрѣлки, артиллеристы и саперы.

Потери гарнизона за четыре дня уже: 37 офицеровъ и 4,000 раненыхъ—безъ убитыхъ.

Въ то время, когда Высокая, казалось, была при послѣднемъ издыханіи — распространилось по городу и населенію извѣстіе, что Кинчжоу взяты русскими, но не съ русскими лицами и съ желтыми погонами (Забайкальскіе казаки).

Извѣстіе было вздорное, но люди такъ утомились, такъ жаждали добрыхъ вѣстей съ сѣвера и поэтому, тая въ глубинѣ души надежду на помощь великаго ничтожества—повѣрили ему.

Лучшимъ и вполне реальнымъ извѣстіемъ было сообщеніе начальника береговой обороны Контръ-Адмирала Лещинскаго, что причинявшій Артуру много непріятностей броненосецъ II-го класса „Сонъ-Іенъ“ нарвался на поставленную однимъ изъ минныхъ катеровъ ночью минъ и немедленно затонулъ.

Кончился и третій день Высокой.

Спустились сумерки.

Все живое вздохнуло свободно.

Высокая наша!

Стоитъ далеко и пріютивъ на вершинѣ, высоко, горсть русскихъ, отважныхъ людей — гордо и зорко сторожитъ одиноко Артуръ и его измученныхъ людей.

Итакъ 17 ноября Стессель, Фокъ и Никитинъ къ утреннему чаю получили обѣщанное имъ Комендантомъ.

Четвертый день Высокой былъ продолженіемъ предъиду-щихъ.

Снаряды всѣхъ калибровъ, начиная съ одиннадцати дюймо-выхъ мортиръ и кончая 37 м/м. „свистульками“ бѣшено мча-лись на вершины и склоны ничѣмъ, кромѣ людей, не защи-щенной горы.

Все, что напоминало блиндажи или прикрытія давно уже превращено въ груды мусора, камней, желѣза, балокъ и изу-родованныхъ людей.

Люди были дѣтски беспомощны передъ силой меленита и пироксилина.

За ночь что-то такое строили, но первый же порывъ сталь-ного вихря сметалъ все съ лица, давно ли еще подъ солнцемъ Мая, дѣвственной горы.

Говорить объ отдѣльныхъ эпизодахъ, свидѣтельствовать о подвигахъ самоотверженія, храбрости, выносливости и той без-конечной покорности передъ волей Провидѣнія, преданности долгу — нѣтъ ни силъ, ни способностей.

Высокая гора это эпопея въ эпопеи Артура.

Люди какъ съ нашей, такъ и съ вражеской стороны гибли, какъ могутъ гибнуть только люди.

Огонь и штормъ съ каждой минутой усиливался и достигъ своего апогея къ 4 часамъ пополудни.

Высокая русскихъ ежеминутно могла стать Высокой япон-цевъ.

Счастье наше, что противникъ, увлекшись западомъ, лишь слабо демонстрировалъ на востокъ и этимъ далъ возможность слегка его ослабить за счетъ Высокой.

На Высокой уже нѣсколько часовъ опять идетъ штыко-вой бой.

Въ 4 часа японцы дрогнули и отступили.

Высокая все еще наша!

Высокой еще не отдали, за то склоны ея густо, густо усыяны трупами и умирающими.

У насъ тоже много убыло мертвыми, ушло ранеными. Ко-мандиръ 5 полка полковникъ (нынѣ генералъ) Третьяковъ сильно контуженъ въ голову и грудь.

Цѣнящіе въ немъ офицера и челоѣка умоляютъ уйти съ горы, перевязаться, отдохнуть на перевязочномъ пунктѣ. Но

Видъ на Артуръ съ высоты Высокой горы.

Третьяковъ этотъ одинъ изъ достойнѣйшихъ въ Артурѣ офицеровъ, покойно отвѣчаетъ:

„Я умру тамъ, гдѣ умираетъ мой полкъ“.

Такъ чувствовали, такъ говорили и такъ поступали въ Артурѣ офицеры-рыцари.

Великолѣпный, теплый, солнечный день 18 ноября царилъ надъ Артуромъ.

Японцы притихли, поддерживаютъ лишь рѣдкій огонь.

Неужели кончились страшные дни Высокой?

Неужели японцы утомившись—въ отчаяніи отступились отъ нея и будутъ вновь и долго собираться съ силами?

Неужели суждено осуществиться угаснувшимъ надеждамъ и японцы уйдутъ на сѣверъ?

Неужели свобода на пути къ Артуру?

Солнце ярко привѣтливо льетъ свои лучи, въ воздухѣ тепло и привольно.

Дышется легко.

Надежды воскресаютъ.

Люди ожили.

Словно и не осень глубокая, а вернулась кудесница весна.

Горы въ солнечномъ блескѣ, играя тѣнями, сверкаютъ миллиардами алмазовъ, ихъ бѣлоснѣжной пелены.

Гладь и мощь океана дразнить, зоветъ и манить на просторъ. На просторъ, подальше отъ смерти, страха и страданій.

Въ Чайной долинь, у штаба 5-го полка словно базаръ раскинулся. Скупились резервы, двуколки, кухни, санитары.

Все кипитъ жизнью, волнуется, говоритъ, споритъ, смѣется. Въ баракахъ въ повалку спать смѣненные съ Высокой ея уцѣлѣвшіе бойцы.

Спятъ они сномъ крѣпкимъ. Утомились эти невзрачные на видъ, сѣрые, безличные, похудѣвшіе, осунувшіеся люди—но богатыри въ душѣ.

И солнцу, даже яркому, привѣтливому солнцу играющему на ихъ лицахъ не разбудить переутомившихся людей.

Не до солнца имъ!

Имъ нуженъ только отдыхъ, и, пока, больше н-и-ч-е-го.

Кругомъ гомонъ стоитъ. Приходятъ, отходятъ на смѣну различныя части.

Суетятся офицеры.

Здѣсь рота строится. Тамъ, составивъ ружья въ козла, начала обѣдать.

На Высокой сокращаются послѣднія спазматическія усилія штурма. Огонь стихаетъ.

Полковникъ Ирманъ, получивъ донесеніе отъ Третьякова, телефонируетъ Смирнову:

„Всѣ штурмы отбиты и все въ нашей власти“.

Вѣсть эта радостная быстро становится достояніемъ всего Артура, лишь только спорхнула съ высоты Высокой.

Тамъ, высоко, люди свободнѣй вздохнули. Веселятся, радуются здѣсь. Успокоился Артуръ.

Проѣхалъ на Безымянную гору комендантъ крѣпости. По пути здороваается, благодаритъ войска за геройскую стойкость.

Ласковый, добрый, привѣтливый Кондратенко, масса офицерства, въ самыхъ разнообразныхъ и изношенныхъ мундирахъ, собрались въ штабъ полка.

Тамъ накрытъ столъ, кипятъ самовары.

Оживленіе, смѣхъ, шутки. Еще бы! Высокая за нами, штурмъ отбитъ!!

Засумерничало. На Высокой тихо. Рѣдко, рѣдко прогудитъ снарядъ, пропоетъ залетная пуля...

Оживленіе стихаетъ.

Ночь на порогѣ.

Клонить ко сну.

Бивуакъ спитъ.

Только въ углу одного изъ бараконъ, гдѣ кучей, въ повалку, спятъ утомившіеся стрѣлки, на колѣняхъ, прижавшись къ стѣнѣ, съ горящими, какъ уголья глазами, устремленными на чернѣющій образъ съ блестящимъ, какъ искорка вѣнчикомъ, молится бородатый запасной.

Едва уловимая, расплывавшаяся его тѣнь, какъ призракъ, бродитъ по потолку и стѣнамъ.

Въ баракѣ невнятный шумъ, хрипъ, дыханіе сотенъ людей. Иногда раздается глубокій, тяжелый вздохъ, стонъ, вскрикъ, безсвязная рѣчь о только что пережитомъ.

Молящійся нервно вздрагиваетъ, оглядывается при каждомъ рѣзкомъ звукѣ, шорохѣ и вновь истово крестится, кланяется, хочетъ сосредоточиться въ молитвѣ весь, безъ остатка уйти въ нее, успокоиться.

Но другія думы, думы тяжелыя, гнетущія думы его одолѣваютъ, настойчиво, неотвязно.

„... И Ивановъ убить, Петрова въ клочки разорвало. И богохульникомъ же былъ покойникъ, прости Господи! А перваго дни, какъ на гору шли, снарядь это ударилъ, закрестился небось. Потомъ въ окопъ сѣли, какъ тяпнуло въ прахъ цѣлую кучу—голосомъ взмолился. Господи, прости, спаси и помилуй—ишь какъ! А потомъ, какъ это стихнуло, опять за старое взялся: ничего такого нѣтъ, все значить судьба.

А вѣдь такъ, мужикъ по всѣмъ статьямъ былъ правильный: тихій, честный, семейственный, грамотный, заслушаешься бывало, какъ объ этихъ „сократахъ“ рѣчь поведетъ. Будто все и правда. Одно очумѣніе!

Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному—опять заметался въ углу молящійся.

— „Ну, а вотъ теперь, къ примѣру, я подолгу молюсь и дома и въ церкви и ничего такого самъ не говорю, да и не знаю, о храмѣ забочусь, милостыньку подаю. А до Петра то мнѣ далеко. Онъ правильный былъ, жалостливый ко всѣмъ. Кто поможетъ безъ интересу? Петровъ! Къ нему бѣгутъ. А во мнѣ корысть есть, люблю деньгу и этой самой жалости сроду у меня не было. Каждый самъ себѣ кузнецъ. Евстигнѣй, Архипъ по міру съ сумой пошли, а кто причиной, корысть моя. Да кто же и имъ виновать, не пропадать же было моимъ денежкамъ, не нагульные, все равно послѣднее пропили бы. Туда и дорога, прости Господи, плохая трава изъ поля вонъ.

Алена покойница, царствіе ей небесное! Вѣдь я угналъ-то ее въ гробъ тѣмъ, да этимъ! Въ наймахъ служила, а въ хозяйки лѣзла. На сносяхъ передъ смертью была, убивалась, по хорошему все, женись да женись. Парнишку оставила, а что съ него проку, ни тѣла, ни дѣла, одна душа трясучая, любилъ его Петровъ-то, ему и отдалъ. Весь въ мать пошелъ. Если бы не Петровъ, въ люди бы отдалъ, вѣдь незаконный былъ.

Охъ, убьютъ меня японцы. Убьютъ, не дадутъ отмолить-то грѣховъ. Нѣтъ, пусть ужъ лучше сразу, а то вѣдь это, когда ноги оборветъ, какъ это вчера... ужаси было глядѣть, холодъ по жиламъ пошелъ. И нѣтъ тебѣ пути спасенія. Все въ монастырь, кажись бы отдалъ, живымъ бы уйти“.

При одномъ только воспоминаніи, вѣрующаго обдало холодомъ могилы.

Мысли вихремъ мчались.

„... Ну, а какъ это я безъ ногъ, безъ рукъ Матренѣ покажусь — засмѣетъ румяная и теперь уже поди шуры муры съ учителемъ. Вернусь не одобровать ему.

Нѣтъ силушки больше, — молящійся глухо застоналъ, молитвенно глядя въ упоръ на икону.

Отмолить грѣховъ не успѣю. Убьютъ, навѣрное убьютъ, гдѣ тутъ изъ этого пекла живымъ выйти? Я двухъ-то нехристей уже закололъ, въ самую эдакъ мяготь ткнулъ, попилилъ еще. Япоша прежде, чѣмъ издохнуть, закатилъ глаза, да и завизжалъ, словно поросенокъ. Ладно — за это много грѣховъ простится. Передъ походомъ еще, въ деревнѣ, отецъ Никодимъ напутствовалъ: Съ молитвой бей ихъ нехристей, искупишь многія земныя прегрѣшенія. Потомъ напился, да какъ заоретъ: попадись они мнѣ, я бы ихъ этимъ духовнымъ мечомъ сталъ крошить, занятный батюшка, какъ выпьетъ.

Охъ, поможить бы, пожить еще годовъ съ десятокъ. Въ деревнѣ домъ-то, не домъ, а домище, самъ нажилъ. И скотинки и земляца, во всемъ достатокъ. Да годовъ-то мнѣ 35-ти нѣтъ.

Женюсь, непременно женюсь, душу буду облегчать! Довольно, на мой вѣкъ хватить.

Убьютъ, аль не убьютъ? Вотъ загадаю. Теперь тихо. Ишь какъ умаялись, спать, голытьба больше сердечная, дома-то небось и жевать нечего, убьютъ и слава Богу, народъ ненадежный. Вечеромъ-то, все вольности говорили. Не хотятъ больше драться, довольно молъ кровь лить, люди мы.

Тоже люди! Кой лѣшему они нужны, — молящійся, сдѣлавъ быстрый поклонъ, оглянулся на неподвижную массу крѣпко спавшихъ людей.

Убьютъ, аль не убьютъ? Загадаю. Кончу молитву, не вскрикнетъ никто, молчать будутъ — значитъ не убьютъ.

Никакъ свѣтаетъ? Ну, Господи, благослови!

Молящійся закрестился, занырялъ въ землю, забормотавъ первую пришедшую на память молитву

Иже въ шестый день же и часъ на крестѣ пригвождей въ раи дерзновенный адамовъ грѣхъ и согрѣшеній нашихъ ру-

кописаніе раздери Христе Боже и спаси насъ — отбарабанилъ крестясь и кланясь христіанинъ.

Все было тихо. Люди только дышали.

— „Не убьютъ!“ Лицо его искривилось счастливой улыбкой. Онъ быстро легъ. Закутался. Затихъ.

Скоро неряшливый храпъ огласилъ всю казарму...

Въ Артурѣ быстро свѣтало

Девятнадцатый день ноября и шестой день Высокой осажденнаго Артура занялся голубымъ, восхитительнымъ утромъ.

Быстро разгоралось золотистое утро, превращаясь въ роскошный, зимній день.

И день засверкалъ.

Отъ горъ Дагушаня до Волчьихъ высотъ, Высокой, Перепелиной, Ляотэшаня—все молчало.

Лишь холодныя, стальные волны океана съ легкимъ немолчнымъ говоромъ, шумомъ катились и бились о затихшіе берега Квантуна и тихо, вкрадчиво шептали:

Просторъ ли надеждамъ?
Покой ли измученнымъ?
Но слава, слава погибшимъ!!

Въ Чайной долині жизни давно опять закипѣла.

Ждутъ самого „генераль-адъютанта“.

Вотъ, наконецъ, прибылъ и онъ.

Смирнооо! Команда. Генераль—здоровается...

Веселый, жизнерадостный. Приѣхалъ провѣдать, поздравить отдыхавшихъ бойцовъ.

Валомъ повалило офицерство въ штабъ Ирмана: (казармы 1-й батареи 7-го Вост. Сиб. Стрѣлк. Див.).

„Генераль-адъютантъ“ повелъ рѣчь. Все смолкло. Всѣмъ интересно, что новаго, что добраго повѣдаетъ имъ ихъ „вождь“.

„Слава и благодареніе Богу! Высокая вся наша! Вы сдѣлали невозможное, которое стало возможнымъ только для васъ. Если бы Высокая пала, жизнь въ городѣ бы прекратилась, эскадра погибла, и дни Артура были бы сочтены, хотя мы и имѣемъ еще на этомъ фронтѣ сильную и почти нетронутую линію обороны. Я отъ имени Государя Императора, какъ Его генераль-адъютантъ, приношу вамъ благодарность. Прошу начальствующихъ лицъ представить списки отличившихся. Я сегодня буду теле-

графировать Государю Императору о геройствѣ гарнизона. Земно кланяюсь вамъ, герои, и приношу свою безграничную искреннюю, товарищескую благодарность. Вамъ, Романъ Исидоровичъ, вамъ полковникъ Ирманъ, вамъ, полковникъ Третьяковъ!!! началось перечисленіе всѣхъ.

Въ средѣ собравшихся оживленіе. На всѣ лады толкуютъ и перетолковываютъ смыслъ сказаннаго „генераль-адъютантомъ“. Какъ ни были всѣ жизнерадостно настроены, какъ легкомысленно ни вѣрили, что врагъ окончательно отступился отъ Высокой по примѣру сентября, какъ ни старались обмануть себя призрачными надеждами на быструю выручку, какъ ни утверждали въ себѣ увѣренность, что противникъ измочалившись скоро сниметъ осаду—смыслъ сказаннаго „вождемъ“ о значеніи Высокой для обороны крѣпости заставилъ глубоко призадуматься.

Такъ вотъ какое значеніе имѣетъ для крѣпости Высокая.

Такъ вотъ почему Смирновъ такъ упорно удерживалъ ее, посылая туда на вѣрную смерть тысячи людей.

Восточный фронтъ ослабленъ стрѣлками, тоже на Сѣверномъ и Южномъ; взято все, что взять было возможно. Высокая высосала все, въ ходъ пошли уже „резервы резервовъ“.

На горѣ все разбито, орудія подбиты, блиндажи скрыты, окопы полусметены.

А что, если противникъ поведетъ еще одинъ, послѣдній и, конечно, самый отчаянный штурмъ? Артиллеріи у нихъ достаточно, большіе запасы снарядовъ, не меньше нашихъ. Чѣмъ и какъ мы удержимъ, защитимъ гору? Люди утомились; съ другихъ фронтовъ больше трогать немыслимо. Всѣ это прекрасно знаютъ. Орудій у насъ много, но снаряды экономятся.

Скоро „витазь земли русской“, „восторженно“ провожаемый, отбылъ изъ Чайной долины.

Призадумались защитники Высокой.

Но народу собралось много, а гдѣ его много, тамъ и веселье и легкомысліе царятъ. Оживленіе постепенно увеличивалось, забывали прошлое, не думали о грядущемъ, жили настоящимъ. Солнечный, веселый, ясный день веселилъ и бодрилъ. Затишье на фронтѣ поднимало настроеніе.

Мимолетная же тучка, набѣжавшая подъ впечатлѣніемъ болтливой откровенности Стесселя, быстро разсѣялась.

Авось, все будетъ ладно!

Да вѣдь чему быть, тому не миновать. Пойдемъ опять на вершину, будемъ драться.

Двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать—успокаивали себя артурцы и наслаждались затишьемъ, безопасностью и давно, давно желаннымъ отдыхомъ.

Люди оставались людьми, и жили, жили только надеждой.

Рекогносцировка Высокой горы. Послѣдніе три дня.

Въ то время, когда „генераль-адъютантъ“ говорилъ вдохновенныя рѣчи въ Чайной долинь, Комендантъ крѣпости выѣхалъ на фортъ V-ый съ цѣлью подробно прорекогносцировать Высокую гору.

Пробравшись на фортъ, Смирновъ въ сопровожденіи Коменданта форта, Амуръ-Дарьинской флотиліи поручика Иващенко и лейтенанта Романова (оба офицера отличались выдающейся храбростью) направился на исходящій его уголь, откуда открывался восхитительный видъ на Высокую гору.

Долго и подробно изучалъ Комендантъ подступы противника и ихъ расположеніе.

Лейтенантъ Романовъ, внимательно слѣдившій за штурмомъ и въ силу этого прекрасно изучившій все расположеніе противника, давалъ обстоятельныя, дѣльныя и крайне цѣнныя объясненія.

Постепенно и точно ознакомливаясь съ расположеніемъ противника, Комендантъ все болѣе и болѣе убѣждался, что положеніе Высокой еще очень въ опасномъ положеніи. Противникъ владѣлъ почти всѣми склонами, и очевидно, и не думалъ отъ нея отступаться, а лишь собирался съ силами для послѣдняго, но рѣшительнаго удара.

Склонъ, обращенный къ Западному фронту, какъ и дорога соединяющая съ нимъ гору, были въ нашемъ владѣніи, всѣмъ же остальнымъ владѣлъ противникъ.

Не подлежало никакому сомнѣнію, что штурмъ возобновится съ новой энергіей и съ новой силой.

Часа четыре провелъ Комендантъ на форту и вернулся далеко не въ радостномъ настроеніи, въ какомъ въ это же самое время пребывалъ „генераль-адъютантъ“, занимаясь краснбайствомъ въ Чайной долинь.

Возобновленіе штурма можно было ожидать съ минуты на минуту.

Ровно въ полдень, послѣ непривычнаго затишья, канонада возобновилась.

Осаждающій усиленно бомбардировалъ гавань. Снаряды одновременно десятками рвались на ея поверхности, вздымая огромные фонтаны. Мѣтили въ суда.

Къ сумеркамъ начало стихать.

День догоралъ.

„Высокая“ истерзанная, кровью политая, мертвецами разубранная, одна одиноко, двугорбой вершиной царила надъ Артуромъ, оберегая его флотъ.

Послѣдніе лучи рано скрывавшагося солнца ее золотили.

Потухли лучи.

Все темнѣй и темнѣй становилась она.

Словно дума большая, тревожная ее посѣтила.

Скоро совсѣмъ почернѣла она, отчетливо, рѣзко выдѣляясь на фонѣ быстро гаснущаго розоваго вечерняго неба.

На фронтѣ и въ городѣ тихо.

Стемнѣло и совсѣмъ темно стало.

На вершинѣ Высокой стрѣлки, отдохнувъ, притаились въ окопахъ. Кто дремлетъ, кто курить, кто зорко смотреть впередъ, бесѣдуетъ съ сосѣдомъ. Тихо въ окопахъ, сумрачно, сѣрые шинеля, черныя папахи, подъ которыми бьются сердца, бьются тревожно. Утомились они.

— „Знать японцу плохо: молчить и молчить,—потягивая изъ рукава сигарку, говоритъ молодой стрѣлокъ и вопросительно смотреть на пожилого товарища.

— „Я такъ располагаю, что онъ больше сюда не поидетъ. Сюда ему невозможно. Приходилъ съ города деньщикъ одинъ съ штаба что-ль, не знаю, и фельдфебелю сказывалъ, что Куропаткинъ побилъ японца и гонить его въ море. Рененен-Рененен-Ре-не-не-не, швоху и не выговоришь, забористый генераль. Ну, дакъ вотъ этотъ забористый то генераль взялъ Кинжо и бьется на Зеленыхъ горахъ.

— „Значить скоро конецъ, освободимся!

— „Я такъ полагаю, что онъ мало народу оставилъ здѣсь; всѣ пошли на встрѣчу. У насъ тамъ войско свѣжее, ну а эти

Николай Григорьевич
Капитанъ Алексѣевъ.
Командиръ желѣзно-дорожной роты въ Портъ-
Артурѣ.

Михаилъ Львовичъ
Де-Лакуръ.

то, того, утомились. Я такъ располагаю, что недѣли черезъ двѣ имъ будетъ крышка. Дай-ка потянуть.

Молодой, сидя, облокотившись на винтовку, съ жгучимъ любопытствомъ, слушаетъ старо-служиваго.

Внизу затрещали винтовки, просвистѣли надъ головами пули.

— Шалать только, напугать хотять, сторожимъ молъ, не зѣвайте. У тебя обоймы то вставлены.

— Днемъ я хорошо вычистилъ ее, винтовку то и вставилъ, вставилъ, какъ же!

Такъ значитъ, Вы думаете что насъ выручатъ.

— Я такъ располагаю. Офицеръ нашъ тоже говорилъ, да и деньщики со штаба. Они все знаютъ.

— Значитъ, намъ сичасъ отставку дадутъ. Генеральный штабъ насъ отпустить. Намъ то вѣдь мѣсяць за годъ. Какъ разъ къ посѣвамъ въ деревню.

— Я такъ располагаю, что сичасъ.

— Прохоръ Захарычъ, у меня женка осталась, убивается небось. Мальченокъ третій мѣсяць пошелъ, какъ меня это взяли. Тяжело ей одной, отецъ то у меня кремень. Ну, да она баба славная, перетерпитъ, дождется меня. А тамъ...

— Аа-ха-ха—зѣвнулъ собесѣдникъ. Дда, дда. У меня дома тоже хлопоты безъ меня. Дай-ка табачку.

— Поберегись то съ огнемъ, что показываешь, неровень часть, замѣтятъ—крикнулъ взводный.

— Ему теперь не до насъ!—сочно втянувъ дымъ, а затѣмъ выпуская его, откинувъ голову и удобнѣе усаживаясь, увѣренно отвѣтилъ Прохоръ Захарычъ.—Я такъ располагаю, что насъ утромъ смѣнять... Никакъ, никакъ мортира...?!!

— Она, она и есть! Стрѣлокъ поблѣднѣлъ, глаза большіе стали, вмѣсто Прохоръ Захарыча видитъ, ясно видитъ жену...

Шумъ приближающейся бомбы росъ и усиливался, напоминая шумъ мчащагося паровоза.

Прохоръ Захарычъ внимательно смотрѣлъ на верхъ.

Страшный свистъ и знакомый Вамъ уже громовой взрывъ на склонѣ, на мгновенье освѣтилъ гору.

На верху засуетились, много голосовъ сразу заговорило. Побѣжали.

Вторая—приближалась.

Третья.

— Ну, братъ, держись! Вотъ тебѣ и уходить. Началось стѣзнава.

Бомбардировка усиливалась.

Агонія Высокой наступала.

Глубокій, темный небосводъ, испещренный миллиардами ярко мерцающихъ, вѣчно безучастныхъ звѣздъ, покрылъ Артуръ и тамъ, далеко, далеко плавно спускался въ океанъ.

Океанъ же безмолвно катилъ къ берегамъ волну за волной; легко съ легкимъ говоромъ взбирались онѣ на прибрежный песокъ, и, скатываясь, вкрадчиво, злорадно шептали:

Просторъ ли надеждамъ?

Покой ли измученнымъ?

Но слава, слава погибшимъ и погибающимъ бойцамъ!

Вечеромъ гарнизонъ читалъ экстренно отданный приказъ.

Экстренно.

Приказъ № 865.

По Войскамъ Квантунскаго Укрѣпленнаго раіона Ноября 19 дня 1904 года. Кр. Портъ-Артуръ.

Сейчасъ вернулся отъ полковника Ирмана. Высокая вся наша! Ура Вамъ, герои, помолимся Богу. Вы сдѣлали невозможное, которое оказалось только возможнымъ для такихъ героевъ, какъ Вы; начиная съ 7-го числа сего мѣсяца по 19, т. е. въ продолженіи 12 сутокъ, отъ Лит. А. на Лит. Б., Куропаткинскій люнетъ, фортъ № 2, Китайскую стѣну, фортъ № 3, Вр. Укрѣпленіе № 3, Курганную батарею, Панлуншанъ и кончая Высокой и позиціей на Голубиной бухтѣ, т. е. отъ моря до моря, противникъ посылалъ и посылалъ свои войска подъ штурмы; шли они и дни и ночи, шли не жалѣя себя; ложились подъ Вашими ударами массаами, но Вы не дали имъ пяди земли. Что было у насъ 7-го, то и осталось послѣ 18-го. Осмѣливаюсь отъ имени Государя Императора, какъ Его Генераль-Адъютантъ, объявить Вамъ благодарность Его Императорскаго Величества. Вы порадовали Батюшку Царя. Да здравствуетъ Нашъ Отецъ, Ура!

№ 873.

Священники: 5-го В. С. Стрѣлковаго полка О. Василій Слюнинъ, 27-го В. С. Стрѣлковаго полка О. Антоній Мшанецкій, Эскадреннаго броненосца „Побѣда“ Іеремонахъ О. Никодимъ и Крейсера 1-го ранга „Баянъ“ О. Анатолій Куньфетъ—18 и 19-го сего Ноября во время боя на Высокой и Плоской служили въ редутахъ и окопахъ молебны, обходили войска, кропили ихъ Святой водой и давали прикладываться къ Кресту. Своимъ появленіемъ и своими дѣйствіями они устроили духъ гарнизона.—Моя слабая благодарность и испрошеніе награды разумѣется можетъ быть только слабымъ воздаяніемъ симъ достойнѣйшимъ Пастырямъ. Богъ Всемогушій Одинъ можетъ наградить достойныхъ Священнослужителей.

Генераль-адъютантъ Стессель.

Уборка труповъ на Сѣверо-восточномъ фронтѣ.

На линіи Сѣверо-Восточнаго фронта лишь пощелкивали винтовки и раздавались рѣдкіе одиночные орудійные выстрѣлы.

Въ японскихъ траншеяхъ, въ разсматриваемый періодъ значительно опустѣвшихъ, (т. к. все ушло подъ Высокую), передъ Куропаткинскимъ люнетомъ показался бѣлый флагъ.

Огонь на линіи постепенно сошелъ на нѣтъ; у насъ тоже подняли бѣлое полотнище.

Стихло все. Всѣ бросились къ брустверамъ. Опять все живое повылезло изъ своихъ логовищъ. Опять тысячи глазъ свободно, безопасно глядѣли, въ глаза врагамъ, тоже себя открывшимъ. Съ той и другой стороны вышли офицеры, солдаты. Этотъ развѣстрѣча была оживленнѣй, сошлись какъ старые знакомые.

Японцы обратились съ просьбой на время прекратить огонь для уборки труповъ.

Немедленно сообщили по телефону Коменданту. Генераль Смирновъ, конечно, разрѣшилъ перемиріе для уборки убитыхъ.

Выработавъ на мѣстѣ условія перемирія и не теряя времени, приступили къ дѣлу. Изъ ближайшихъ японскихъ окоповъ повыскакало человѣкъ 100 носильщиковъ, и работа закипѣла. Недавніе враги помогали другъ другу.

Сошедшіеся-же офицеры вели оживленную бесѣду. Появился боченокъ японскаго національнаго напитка „сакэ“; принесли консервы, хлѣбъ. Японцы усердно угощали. Наши смѣялись: пить или не пить, а вдругъ отравленная. Японцы, замѣтивъ колебанія, пьютъ первыми и энергично, съ глубокими поклонами, неизмѣннымъ, змѣинымъ вкрадчивымъ шипѣніемъ настойчиво упрасиваютъ оказать имъ большую честь. Оживленіе растетъ: пьютъ здоровье, удивляются храбрости, стойкости, мѣняются на память вещами, разсматриваютъ другъ друга, мѣняются впечатлѣніями. Словно ничего не происходило. Словно это не враги, уже четвертый мѣсяцъ немилосердно истреблявшіе другъ друга, а добрые знакомые. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ проситъ снять фотографію уборки. Противники распространяютъ свою любезность даже до того, что разрѣшаютъ снять ихъ окопы.

На фронтѣ полное затишье.

Вдругъ, съ гласиса форта III-го совершенно неожиданно засвистѣли пули.

Что такое? Что за гадость!

Всѣ насторожились, пули посвистывали.

Японцы изумлены! Физиономіи сразу вытянулись, стали холодно—безстрастны.

Съ нашей стороны бѣжали.

Что, что такое??

Оказалось, что „генераль-адъютантъ“ узнавъ, что безъ его личнаго разрѣшенія началась уборка труповъ, страшно вознегодовалъ за такую недисциплинарность (Комендантъ имѣлъ на это закономъ предусмотрѣнное право), и поэтому, въ наказаніе, приказалъ немедленно прекратить перемиріе и возобновить огонь, мотивируя свою дикую выходку соображеніями, увѣковѣченными на слѣдующій день въ приказѣ за № 875. „Уборку японцами ихъ убитыхъ и раненыхъ производить не иначе, какъ всякій разъ съ моего разрѣшенія; для этого должно быть офиціально установлено перемиріе между обѣими воюющими сторонами и на извѣстное опредѣленное время, иначе они имѣютъ возможность переводить войска на другіе фронты. Если они будутъ просить—сейчасъ же мнѣ докладывать.“

Положеніе встрѣтившихся и мирно бесѣдующихъ было незавидное. Въ особенности было неловко нашимъ.

Ничего не подѣлаешь, пришлось разойтись.

Разошлись, скрылись въ окопы.

Штабъ отряда, тѣмъ временемъ, велъ горячіе переговоры съ штабомъ раіона, который проявлялъ свою дѣятельность въ отношеніи обороны исключительно только въ такихъ пустякахъ.

Переговоры съ „раіономъ“ наконецъ увѣнчались успѣхомъ. „Раіонъ“ обсудивъ все рго и contra разрѣшилъ уборку труповъ, но не болѣе, какъ на одинъ часъ.

Появился съ нашей стороны флагъ, японцы отвѣтили.

Опять огонь стихъ, опять затишье, опять желанное примиреніе.

Съ обоихъ сторонъ вышло на этотъ разъ масса офицеровъ.

Наши, не желая остаться въ долгу, притащили массу красного удѣльнаго вина № 18, котораго вездѣ былъ большой запасъ: во-первыхъ потому, что въ Артурѣ его вообще было много, а во-вторыхъ, Романъ Исидоровичъ Кондратенко, пилъ исключительно только № 18. Принесли и печеній, конфетъ, закусками похвастаться не могли, т. к. большинство уже питалось кониной.

Сошлись теперь между редутомъ и нашей оборонительной линіей.

Опять прибѣжали японскіе носильщики, пришли на помощь и наши стрѣлки; работа вновь закипѣла.

Покойный Сергѣй Александровичъ Рашевскій съ крайнимъ любопытствомъ и интересомъ наблюдалъ, какъ наши солдатики искусно разговаривали съ японцами на „международномъ языкѣ“.

Старательно помогая японцамъ убирать трупы, они безумку болтали при помощи манипуляцій рукъ и всевозможныхъ жестовъ. Японцы отвѣчали тѣмъ же.

Офицеры продолжали прерванную бесѣду.

Къ мѣсту и времени будешь вспоминать выдающійся подвигъ поручика 25 Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка Топсашара.

Поручикъ Топсашаръ былъ въ мартѣ прикомандированъ къ Квантунскому флотскому экипажу для строевого обученія молодыхъ матросовъ. Командуя ввѣренной ему ротой новобранцевъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ лишь взятыхъ отъ земли, въ

ночь на 16 октября онъ занималъ съ ней траншею впереди укрѣпленія III-го.

Нужно замѣтить, что Топсашаръ занималъ правый ея флангъ, двѣ роты 16-го полка лѣвый. Въ серединѣ, какъ явствуетъ изъ чертежа, утвердились японцы, связанные съ верхней своей параллелью зигзагообразнымъ ходомъ сообщенія (тихая сапа).

Читатель, конечно, помнитъ, въ что это время шла непрерывающаяся, въ теченіи 48 часовъ, убійственная канонада по всему С.-В. фронту. Траншея, занимаемая Топсашаромъ, была напологомъ естественномъ гласисѣ укрѣпленія III-го, которая обливалась металломъ.

Съ минуты на минуту ожидали штурма, который разразился лишь 17-го днемъ.

Значеніе этой траншеи для обороны укрѣпленія III-го было очень серьезное. Ее необходимо было держать и удержать.

Несмотря на то, что она подвергалась фланговому огню пулеметовъ со стороны японскихъ подступовъ къ форту III-му и врѣзавшихся въ ея середину японцевъ—траншея стойко удерживалась.

Мало того!

Согласно полученному приказанію ровно въ 11 часовъ вечера — роты, занимавшія траншею, должны были одновременно броситься на ея середину и, прогнавъ врага, занять послѣднюю.

Ударило одиннадцать. Топсашаръ во главѣ роты бросился въ середину траншеи, перекололъ и выгналъ японцевъ въ ходъ сообщенія. Обезумѣвшій противникъ въ паникѣ побѣжалъ. Топсашаръ перешелъ въ преслѣдованіе, немногіе изъ бѣжавшихъ дошли до первой параллели.

Топсашаръ шелъ дальше и даже выбилъ японцевъ изъ первой параллели.

Японцы, наконецъ, опомнились. Подоспѣлъ резервъ — начался упорный бой.

Топсашаръ, воодушевляя свою молодежь, своихъ питомцевъ, съ которыми успѣлъ, какъ замѣчательно добрый, отзывчивый человекъ, сродниться душой, полюбить и оцѣнить,—дрался, какъ левъ, и палъ, погибъ.

Онъ былъ убитъ наповаль.

Осиротѣвшая рота, тѣсняемая превосходящимъ противникомъ, принуждена была отступить къ траншеѣ.

Замѣчательно одно обстоятельство въ этомъ дѣлѣ. Роты, занимавшія лѣвую часть траншеи и получившія однородное съ Топсашаромъ приказаніе, не поддержали его роты.

Въ описываемое мною перемиріе полуобнаженное тѣло героя, пролежавшее болѣе мѣсяца въ окопахъ было передано намъ для погребенія.

Топсашаръ былъ доставленъ въ одномъ бѣльѣ. Тѣло его совершенно высохло и превратилось въ маленькое, маленькое.— Принялъ его докторъ Кефели, завѣдывавшій перевязочнымъ пунктомъ на С.-В. фронтѣ.

О судьбѣ славы этого достойнѣйшаго офицера я узналъ отъ генерала свиты Его Величества В. Г. Семенова.

Японскіе офицеры такъ были восхищены героизмомъ Топсашара, что посчитали своимъ долгомъ довести, по командѣ, до свѣдѣнія командующаго арміей о выдающемся подвигѣ русскаго офицера. Ноги донесъ объ этомъ Императору Японіи. Микадо приказалъ узнать фамилію, такъ какъ пожелалъ въ послѣдствіи, лично засвидѣтельствовать нашему Государю свой восторгъ передъ героизмомъ Его подданныхъ. [Это можетъ засвидѣтельствовать полковникъ японской службы Ватанабѣ].

Не знаю, исполнилъ ли свое обѣщаніе Микадо или нѣтъ, но я считаю своимъ долгомъ побесѣдовать съ вами объ этомъ и откровенно сказать о моей глубокой скорби, что я лишенъ возможности повѣдать вамъ о всѣхъ безчисленныхъ, разнообразныхъ и выдающихся подвигахъ героизма и самоотверженія, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и строевыхъ частей, создавшихъ эпопею Артура.

О подвигахъ, которые создали величественную картину обороны Артура, будутъ еще много писать и имена незабвенныхъ героевъ, мучениковъ долга, конечно, уже чтутся въ рядахъ арміи, какъ святыни. Незримая тѣнь, воинственный духъ ихъ, витая въ рядахъ великой молчалиницы, уже теперь пророчески вѣнчаетъ невидимыми лаврами ея грядущія побѣды надъ врагомъ, врагомъ дѣйствительнымъ, внѣшнимъ врагомъ.

..... Но часъ назначенный для перемирія уже ушелъ. Я увлекся Топсашаромъ.

Горнисть, поднявшись на брустверъ играетъ отбой.

Въ мирное время, на маневрахъ онъ игралъ отбой атакъ,

отбой занятіямъ, стрѣльбѣ; теперь онъ играетъ отбой перемирію, отдыху. Ему это было впервые.

Горнисть трубиль отбой!!

Труба горниста звучала, звучала громко, рѣзко, повелительно:

Довольно!

Металлическій звукъ, пронизывая воцарившійся, желанный покой мимолетнаго примиренія, побѣдно, властно катился вдаль.

Доволь—но!

Доволь—но! звонко, словно дурачась, вторило эхо въ горахъ и постепенно умирало.

Примирившіеся торопливо прощались, напутствуя другъ друга самыми добрыми, человѣчными пожеланіями, унося съ собой сильныя впечатлѣнія встрѣчи и всевозможные сувениры, которыми они успѣли обмѣняться.

— „Такъ вы не забудете, капитанъ, мое имя и адресъ, не забудете послать телеграмму, что мы живы, здоровы“—торопливо, нервно говорилъ и крѣпко жалъ руку нашъ офицеръ.

Любезно говорили и крѣпко жали другъ другу руку люди, которые сейчасъ, сію минуту, опять станутъ врагами и если случится, то встрѣтятся въ окопѣ, штурмѣ, не задумаясь всадять другъ другу въ бокъ шашку, пристрѣлять, на мѣстѣ убьютъ...

— „Да, о, да! А деньги? До свиданія! Прощайте! Благодарю, благодарю! Что вы, что вы? Хорошо, очень хорошо! Не забуду! Если хотите, то съ удовольствіемъ... Пожалуйста, очень обяжете! Слѣдующій разъ! Отлично, не забуду!

Слышалось со всѣхъ сторонъ въ толпѣ разстававшихся.

Доволь—но!—властно повторяла труба горниста.

Бруствера пустѣютъ. Стрѣлки сползли внизъ, въ свои ямы. Артиллеристы закопошились у орудій.

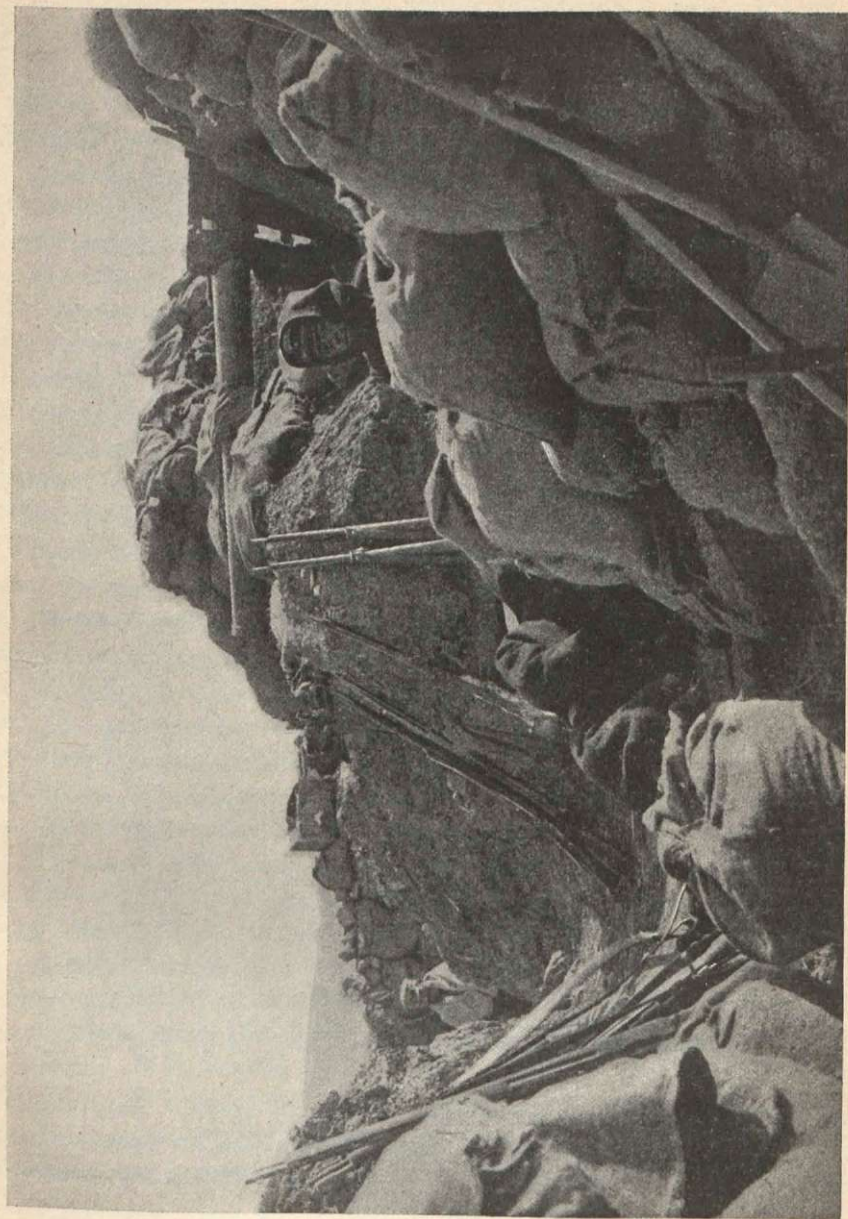
На мѣстѣ, гдѣ только что люди мирно бесѣдовали, уже пусто. Быстро удалялись они въ противоположныя стороны. Еще нѣсколько минутъ и на всей линіи все живое спряталось, зарылось въ землю... никого не видно.

Выстрѣлъ!

Опять.

Еще.

Взрывъ.

Редутъ II.

Запѣли пули. Завыли снаряды.

Снова враги, снова смерть, новыя страданія и такъ отъ созданія міра, и не въ Артурѣ только, а по всему лицу земного шара.

Здѣсь только это приняло какъ бы узаконенное право. Здѣсь люди убивали другъ друга, а весь міръ, просвѣщенный міръ, захлебывался извѣстіями, жадно интересуясь, кто же, въ концѣ концовъ, уступить. Мало кто протестовалъ, негодовалъ, мало кто возмущался этимъ, узаконеннымъ международнымъ правомъ, массовымъ истребленіемъ.

Убийство человѣка человѣкомъ — карается закономъ людей, допускающимъ снисхожденіе.

Убийство же народа народомъ карается судомъ исторіи, судомъ неумолимымъ, жестокимъ и безпощаднымъ.

Говорятъ, что войны необходимы и неизбежны, что онѣ освѣжаютъ, оздоравливаютъ народные организмы.

Пожалуй, я согласенъ.

Послѣ каждой войны, безотносительно, въ народѣ ли побѣдившемъ или побѣжденномъ, какъ неизбежное слѣдствіе, (причины, прежде всего, конечно чисто экономическія: разореніе, а затѣмъ психологическія: смерть, страданія, убожество близкихъ, родныхъ друзей), усиливается пролетаризація массъ, и въ сознаніи его утверждается непреложное убѣжденіе о далекомъ несовершенствѣ современнаго соціального строя. Массы умственно прозрѣваютъ все больше и глубже и въ концѣ концовъ, приходятъ и придутъ (опять-таки въ силу чисто экономическихъ причинъ, я говорю азбучныя истины) къ неизбежному выводу, что война есть величайшая несправедливость, которая мыслима лишь до тѣхъ поръ, пока капиталисты и господствующія партіи держатъ въ рабствѣ землю и пресмыкающихся людей.

Короче говоря, каждая послѣдующая война, будь она счастливая или несчастная, быстро приближаетъ осуществленіе идей социализма.

И поэтому господствующимъ классамъ нужно больше всего бояться войнъ, и ни коимъ образомъ не смотрѣть на нихъ, какъ на полезное кровопусканіе.

Съ ранняго утра 20-го ноября въ Артурѣ, на Высокой, ея склонахъ, подножій, въ лощинахъ, по дорогамъ и дальше шло обильное кровопусканіе.

Осаждающій опять всю силу своихъ орудій направилъ на склоны и вершины Высокой.

Стальной дождь гранатъ, бомбъ и шрапнели лился на гору. Врагъ неистовствовалъ.

Стрѣлки, притаившись въ жалкихъ прикрытіяхъ изъ земляныхъ мѣшковъ, при каждомъ новомъ взрывѣ погребались подъ ними.

Герои артиллеристы, пользуясь секунднымъ затишьемъ, мѣтко отвѣчали на зловѣщій, неумолкаемый ревъ невидимыхъ, спрятанныхъ въ горахъ, стальныхъ жерлъ противника.

Весь береговой фронтъ и броненосцы открыли перекидной огонь по осаднымъ орудіямъ непріятеля. Они старались потушить ихъ огонь, стремились заставить ихъ замолчать.

Шла упорная, стремительная артиллерійская борьба съ сопровождавшимся непрерывнымъ, громоподобнымъ гуломъ.

Въ воздухѣ стоялъ непрерывный шумъ, неподдающійся описанію страшно-сухой ударъ, трескъ двѣнадцати дюймовыхъ орудій на броненосцахъ. Все это сливалось въ какой-то чудовищный хаосъ звуковъ.

Гарнизонъ на вершинахъ Высокой истязался и погибалъ. Тамъ, поистинѣ, была Голгоѳа.

Стало очевиднымъ, что противникъ рѣшилъ во что бы то ни стало овладѣть Высокой.

Померкли надежды на скорое освобожденіе, пали сомнѣнія, что врагъ отступился отъ нея.

Наступили страшные, послѣдніе три дня многострадальной горы.

Въ крѣпости все, что было способно и хотѣло защищаться стояло подъ ружьемъ¹⁾.

Мало того, изъ госпиталей были выписаны въ строй больные на пути къ выздоровленію, способные поднять ружье.

Братъ что-либо съ Сѣвернаго фронта, изъ отряда генерала Горбатовскаго не представлялось возможнымъ. Тамъ было взято все, что взять было возможно.

На вершинѣ и по склонамъ Высокой обильно лилась кровь, гремѣли пушки, гудѣли взрывы, люди сразу умирали, мучаясь

1) Я говорю смѣло потому, что къ моменту капитуляціи, гарнизонъ увеличился на 9,000 человекъ.

умирали, и прямо мучались отъ ужасныхъ раненій, сопровождавшихся простой, но ужасной физической болью.

Такъ начался, проходилъ и кончился первый изъ трехъ послѣднихъ ея дней.

Въ то время, когда Высокая изнемогала въ борьбѣ съ неустрашимымъ, настойчивымъ и сильнымъ врагомъ, когда она превратилась въ огнедышащій вулканъ, когда Смирновъ, Кондратенко, Семеновъ, Третьяковъ тревожно слѣдили и руководили ея обороной, когда люди крошились въ этой ступѣ, когда по всей оборонительной линіи было тихо, а все вниманіе враждовавшихъ сосредоточилось исключительно на одномъ пунктѣ борьбы—одинъ изъ скромныхъ артурцевъ докторъ X — пробирался верхомъ съ Восточнаго фронта на сѣверный.

Переваливъ горной тропой хребетъ Дракона ¹⁾, передъ нимъ развернулась панорама крѣпости и вдали, въ разстояніи 7 верстъ, проектировалась при свѣтѣ облачнаго дня, въ легкой дымкѣ Высокая.

Гора напоминала kloчущій, гудящій котелъ.

Внизу у подножія Дракона, гдѣ было пусто и тихо, на маленькой, плѣшивой горушкѣ, скромный путникъ разглядѣлъ какую-то кучку, поодаль нѣсколько коней.

Осторожно спускаясь на цѣпкомъ Монголѣ по крутой горной тропѣ, путникъ скоро узналъ въ этой кучкѣ „генераль-адъютанта“.

На вершинкѣ горушки сидѣлъ онъ и серьезно, пристально смотрѣлъ въ бинокль на вершину изнемогавшей Высокой. Уединившись отъ людей, мучительно переживая весь ужасъ борьбы за Высокую, отчетливо сознавая какое огромное значеніе имѣть она для дальнѣйшей защиты крѣпости—начальникъ района творчески мыслить.

Генераль глубоко задумался.

Поручикъ Невельскій (личный адъютантъ), сознавая всю серьезность переживаемыхъ минутъ для грядущей судьбы Артура застылъ, онъ скорѣе напоминалъ произведеніе геніальнаго скульптора, чѣмъ обыкновеннаго адъютанта. Даже лошади, казаки и тѣ застыли, словно и они проникнулись сознаниемъ о величій минутъ переживаемыхъ въ Артурѣ.

1) Название одной изъ горъ на Восточномъ фронтѣ.

Наконецъ, генераль поднялся и бросивъ, послѣдній скорбный взглядъ на Высокую, спустился внизъ. Вдохновенное лицо его пылало, въ глазахъ свѣтился отблескъ гениальнаго рѣшенія. Тихо, сосредоточенно слѣдовалъ къ себѣ генераль, — конвой далеко отступя, безшумно, боясь проронить слово — слѣдовалъ за нимъ.

Вечеромъ появился приказъ:

№ 878.

„На Высокой у насъ потери отъ полного разрушенія 11-дюймовыми бомбами закрытій. Прошу инженеровъ измыслить устройство закрытій, которыя бы могли быть сдѣланы немедленно, хотя бы обрубить наклонно участки горы, чтобы можно было затаиться за этой наклонной стѣнкой“.

... гарнизонъ Артура вздохнулъ свободно!! Высокая спасена!! Содержаніе приказа быстро стало достояніемъ гарнизона Высокой и тамъ гарнизонъ успокоился.

Многіе послѣ прочтенія приказа и не успѣвъ вдосталь на- радоваться, успокаивались навсегда, такъ какъ противникъ всю ночь держалъ гору въ огнѣ. Едва совсѣмъ не успокоился и полковникъ Третьяковъ. Герой Высокой былъ сильно раненъ.

Загорѣлся предпослѣдній день Высокой, день свѣтлый и морозный, а съ нимъ вновь возобновился адъ на Высокой, начался новый штурмъ. Снаряды непрерывно рвались на ея вершинѣ. Ливень чугуна и стали усиливался и все заволокло густымъ насыщеннымъ ядовитыми газами дымомъ.

Гарнизонъ, задыхаясь, защищался и гибнулъ.

Это былъ не бой! Это была бойня. Тысячи японцевъ ва- лились, какъ подкошенная рожь подъ огнемъ орудій, винтовокъ, бросаемыхъ бомбочекъ. Но японцевъ много, имъ казалось нѣтъ числа: по грудамъ труповъ, раненымъ, неудержимо катились новые волны и все, все стихійно стремилось наверхъ къ двугорбой вершинѣ Высокой.

Временами наши поддавались, уступали. Не было силъ удерживаться въ сметаемыхъ окопахъ, среди вздымавшихся фонтановъ песку, камней, желѣза и балокъ.

Японцы врывались на самую вершину. Шла рукопашная у самыхъ орудій. Шла рѣзня, рвались ручныя бомбочки. Гарни-

зонъ, поддерживаемый крайне экономно вливаемыми резервами, отбрасывалъ озвѣрѣвшихъ фанатиковъ.

А сверху продолжалъ лить свинцовый дождь.

Да, это былъ не бой, это была борьба человѣческаго мяса съ чугуномъ, сталью одухотворенныхъ адскою силой лиддита, пироксилина и мелинита.

Для того, чтобы въ конецъ парализовать все живое въ крѣпости, осаждающій перенесъ часть огня въ городъ и по предполагаемымъ резервамъ.

Зловѣщимъ шумомъ, шипѣніемъ, летѣли одиннадцати-дюймовыя бомбы въ городъ, разрушая все, гдѣ рвались.

Одинъ снарядъ попалъ въ новомъ городѣ въ зданіе госпиталя.

Что произошло въ госпиталѣ, описать трудно! Нѣсколько раненыхъ было убито, другіе вновь изранены. Всѣ, кто могъ только двигаться, искали спасенія. Но тщетно, гдѣ найти его, гдѣ можно чувствовать себя въ безопасности, когда противникъ систематически, площадями обстрѣливаетъ городъ.

Это были потрясающія сцены.

Много нужно было самоотверженія, присутствія духа докторовъ и сестеръ милосердія, чтобы возстановить порядокъ, успокоить больныхъ.

Больные умоляли отпустить ихъ на батареи, чтобы не погибнуть здѣсь безъ пользы, а хоть чѣмъ-нибудь помочь своимъ борющимся товарищамъ.

Въ госпиталяхъ, среди грохота взрывовъ, ни на минуту не останавливалась плодотворная работа докторовъ и ихъ ближайшихъ помощниковъ—сестеръ милосердія. Притокъ раненыхъ былъ огромный.

Доктора, сестры, фельдшера, забывая о висѣвшей надъ головами каждого смертельной опасности, успокаивали, перевязывали и оперировали безконечной вереницей прибывавшихъ страдальцевъ.

Врагу было тяжело брать гору, и врагъ ожесточился.

Замеръ въ немъ голосъ состраданія и онъ, минуя всѣ законы божескія и человѣческія, разрушалъ госпиталь, добивалъ раненыхъ.

Онъ, очевидно, рѣшилъ все уничтожить, лишь бы добиться Высокой.

Наступилъ полдень, но вопреки обыкновенію, канонада не прекращалась, не давалъ онъ передышки и въ полуденный часъ.

Уже смеркалось, а штурмъ въ полной силѣ, не стихаетъ.

Въ боевую линію Высокой введено было все, въ рукахъ коменданта оставалась лишь часть резерва, которую онъ держалъ въ своемъ распоряженіи, готовый бросить его туда, куда можетъ неожиданно пойти наступленіе.

Опять крѣпость переживала тревожныя минуты, томительныя часы.

Ночь наступила.

Нервы у всѣхъ притупились, и чувство самосохраненія стало давно всѣмъ чуждо. Привыкли смотрѣть въ глаза смерти.

Доктора, сестры, эти ангелы хранители страждущихъ людей, съ истинно-христіанскимъ самоотверженіемъ облегчали все прибывавшихъ раненыхъ.

Гарнизонъ Высокой, воодушевляемый полковникомъ Ирманомъ и Сейфулинымъ, удерживалъ гору и таялъ.

Какъ всегда, а въ этотъ день въ особенности, начальникъ Западнаго фронта полковникъ Ирманъ поражалъ и восхищалъ всѣхъ, безусловно всѣхъ, кто его только ни видѣлъ въ этотъ день и въ эти часы, своей безграничной, выдающейся, храбростью. Верховъ на статномъ конѣ, съ обнаженной шашкой въ рукахъ онъ подбодрялъ и лично, подъ страшнымъ огнемъ, велъ войска на Высокую. Доводилъ ихъ до самой вершины и, благословивъ на смертный бой, спускался внизъ.

Богъ хранилъ героя-офицера, который своимъ примѣромъ воодушевлялъ войска, шедшія на вѣрную смерть.

Но, несмотря на всю свою безграничную отвагу, Ирманъ плохо опознавался въ окружающей обстановкѣ и поэтому не могъ замѣтить сильно раненаго Третьякова.

Кого не пошлютъ туда комендантомъ, не пройдетъ двухъ, трехъ часовъ, какъ по телефону требуютъ новаго, либо убить, либо тяжело раненъ.

Незадолго до начала штурмовъ на Высокой, къ начальнику сѣвернаго фронта флигель-адъютанту полковнику Семенову (нынѣ свиты Его Величества генералъ-маіору) является знакомый уже читателю подполковникъ Бутусовъ и проситъ отпустить хотя на недѣлю отдохнуть.

Семеновъ, оцѣнивая въ немъ выдающагося офицера, разрѣшаетъ.

— „Но помните, полковникъ, по первому требованію вы должны быть здѣсь.

— „Слушаюсь г. полковникъ, за этимъ дѣло не станетъ.

Бутусовъ былъ неустоимый работникъ, рѣдкій знатокъ солдата и герой безусловный. Ему необходимо было отдохнуть хотя нѣсколько дней, чтобы вновь неустоимо работать. Своихъ пограничниковъ онъ передалъ въ надежныя руки своего ближайшаго помощника ротмистра Яковицкаго.

Въ описываемый день, комендантомъ Высокой былъ капитанъ 26-го полка, Веселовскій, помощники того же полка поручики Оболенскій и Рафаловичъ. Веселовскій хладнокровно и неустрашимо руководить обороной. Мгновеніе и, капитанъ лежитъ съ оборванной головой. Осколокъ оторвалъ ее до нижней челюсти. Остался подбородокъ обрамленный бородкой и оскалившіеся зубы.

Рядомъ стоявшій Рафаловичъ остался невредимъ, его лишь осыпало землей и забрызгало кровью.

Потрясенъ же онъ былъ сильно, просить Семенова смѣниться хоть на нѣсколько часовъ. Семеновъ по телефону разрѣшаетъ, но не болѣе, какъ на два, на три часа, такъ какъ расходъ офицеровъ огромный.

Является въ штабъ Рафаловичъ. Оборванный, грязный, почти необутый, весь въ крови, облѣпленный кусками кроваво-бѣлесоватыхъ сгустковъ.

Красавца юношу, рослаго, здороваго, сильнаго подточила Высокая: весь дрожить, какъ въ лихорадкѣ, глаза густо налиты кровью, блуждаютъ, словно онъ въ горячечномъ бреде, рѣчь неувѣренная, прерывающаяся.

Семеновъ: „Что это у васъ все лицо въ крови. Вы ранены?

Рафаловичъ: *(Лицо судорожно подергивается)*. Никакъ нѣтъ, господинъ полковникъ. Я, я не раненъ. Это не мои, это мозги капитана Веселовскаго.

Семеновъ: *(сначала ошолбенѣлъ, а потомъ въ ужасѣ)* какъ!! Веселовскій убитъ! *(смотритъ, широко раскрывши глаза)*.

Рафаловичъ: Такъ точно. Ему голову снесло, только не совсѣмъ, нижняя челюсть осталась и борода. А меня его мозгами обожгло. Прямо въ лицо, глаза ослѣпило *(трогаетъ лицо, счищая*

куски прилипшихъ мозговъ). Думаль и я ранень. Позвольте отдохнуть немного.

Семеновъ: Ну идите, идите съ Богомъ, отдохните, но помните, что офицеровъ большой расходъ. Я на васъ надѣюсь. Черезъ нѣсколько часовъ получается донесеніе, что убитъ еулей въ лобъ второй помощникъ Веселовскаго, поручикъ Оболенскій. Въ 5-ой ротѣ 26 полка, вошедшей въ составъ гарнизона, не осталось ни одного офицера. При ротѣ одинъ фельдфебель Семеновъ.

Семеновъ по телефону произвелъ фельдфебеля въ зяурядъ-прапорщики. Фельдфебель, одѣвъ погоны убитаго поручика Оболенскаго, принялъ въ командованіе роту.

Затѣмъ было отдано приказаніе найти Рафаловича, который былъ разысканъ и вновь отправленъ на Высокую.

Звонить въ штабъ телефонъ.

— „Господинъ полковникъ, генераль Кондратенко васъ къ телефону требуетъ.

Семеновъ беретъ трубку и слушаетъ. Кондратенко въ виду серьезности положенія рекомендуетъ послать комендантомъ на Высокую подполковника Бутусова.

Семеновъ: Ваше Превосходительство, Бутусовъ страшно усталъ и только нѣсколько дней тому назадъ просилъ отдыха. Я ему его разрѣшилъ, но съ условіемъ, что, когда онъ понадобится, онъ немедленно прибудетъ.

Кондратенко: Вотъ что Владимиръ Григоріевичъ, скажите Бутусову, что я не приказываю ему, а очень прошу его отправиться на Высокую. Онъ намъ нуженъ. Онъ намъ незамѣнимъ. Передайте ему это, пожалуйста. Попросите его отъ моего имени.

„Слушаюсь, Ваше Превосходительство“, былъ лаконическій отвѣтъ Семенова.

Немедленно къ телефону былъ вызванъ Бутусовъ, и Семеновъ передалъ ему дословно разговоръ съ начальникомъ обороны.

Немного прошло времени, а Бутусовъ уже былъ въ штабъ Сѣвернаго фронта.

— „Господинъ полковникъ честь имѣю явиться. Я въ вашемъ распоряженіи и готовъ немедленно отправиться на Высокую“.

Семеновъ, едва сдерживаясь, чтобы не разрыдаться, поцѣловаль Бутусова и, осынивъ его широкимъ крестомъ, сказалъ:

— „Идите на Высокую. Да хранить Васъ Богъ! Прощайте. Бутусовъ ушелъ.“

Семеновъ, съ глазами полными слезъ, проводивъ уходившаго скорбнымъ взоромъ, сказалъ присутствовавшему здѣсь своему адъютанту поручику Миропольскому.

„... И этотъ не вернется...!!“

Семеновъ былъ офицеромъ-воиномъ въ самомъ высокомъ значеніи этого слова, но Семеновъ былъ—человѣкъ!

На слѣдующій день подполковникъ Бутусовъ, эта гордость Артура, гордость пограничной стражи былъ смертельно раненъ въ животъ и въ страшныхъ страданіяхъ, до тѣхъ поръ пока не впалъ въ безсознательное состояніе, умолялъ окружающихъ дать ему морфій.—Умеръ Бутусовъ, Петръ Дмитріевичъ, на рукахъ сестры милосердія Г-жи Ремезовой.

Длительная, черная, холодная ночь ноября, наконецъ миновала.

Взошло солнце надъ Высокой и въ послѣдній разъ освѣтило ея двугорбую вершину увѣнчанную еще русскими стрѣлками.

Наступилъ послѣдній день Высокой, день 22-го Ноября.

Канонада усилилась, штурмъ возобновился.

Но гарнизонъ Высокой былъ еще стоекъ, несмотря на адъ минувшихъ дней.

Высокая еще защищалась.

Высокая, обильно политая кровью, окутанная клубами тяжелаго дыма, до безконечности сплошь изрытая огромными воронками отъ взрывовъ одиннадцати-дюймовыхъ бомбъ, безъ признаковъ уже какихъ бы то ни было прикрытій или блиндажей, представлявшихъ безформенную грудку мусора, съ замолчавшими уже орудіями, продолжала отстаиваться горстью сѣрыхъ, полуголодныхъ измученныхъ, оборванныхъ людей—имя которымъ: русскій стрѣлокъ, артиллеристъ и саперъ.

Стрѣлки, притаившись за грудками развалинъ, кучей земляныхъ мѣшковъ, удерживали нашихъ враговъ.

Весь Артуръ въ эти часы жилъ мыслию о Высокой.

Все и вся съ лихорадочнымъ, тревожнымъ вниманіемъ слѣдили, что творится на ея одинокой вершинѣ.

Съ 10 часовъ въ подзорную трубу на Обелисковой горѣ флигель-адъютантъ Семеновъ отчетливо наблюдалъ и тревожно доносилъ, что бой начался, идетъ уже на самой вершинѣ.

Ровно въ полдень, великолѣпная труба Семенова ясно отразила картину отступленія нашихъ.

Японцы на вершинѣ, наши быстро спускаются внизъ. Японцы не только не преслѣдуютъ, но даже не стрѣляютъ.

На вершинѣ они все прибываютъ, ихъ все больше, больше. Быстро, ловко, какъ обезьяны заработали: бросаютъ мѣшки, окапываются. Развѣвается ихъ флагъ. Брустверь растетъ. Наши все ниже, ниже. Дорога каждая минута, иначе все погибло. Необходимо на Высокой сосредоточить сильный огонь и не дать имъ тамъ утвердиться.

Полковникъ Семеновъ заметался, бросился къ телефону.

— Соедините съ начальникомъ артиллеріи!

Съ центральной отвѣчаютъ, что занять.

— Именемъ генераль-адъютанта приказываю разъединить и соединить меня съ генераломъ Бѣлымъ.

Звонить. Аппараты древняго образца.

— Ваше Превосходительство, японцы окапываются на вершинѣ Высокой. Наши отходятъ. Необходимо сконцентрировать артиллерійскій огонь. Дорога каждая минута.

Бѣлый прехладнокровно отвѣчаетъ, что согласно донесенію Ирмана, на Высокой еще наши, что гора за нами.

— Честью Васъ увѣряю, что японцы на вершинѣ и возводятъ брустверь. Я вижу въ подзорную трубу.

Бѣлый отстаиваетъ сказанное имъ и предполагаетъ снестись со штабомъ крѣпости.

А японцы лихорадочно, быстро продолжаютъ работать..

Семеновъ звонить въ штабъ. А время идетъ, дорогое, невозвратное. Изъ штаба отвѣчаютъ, что согласно только что полученному донесенію генерала Кондратенко, Высокая еще за нами.

Семеновъ увѣряетъ, что наши оставили ее, что японцы овладѣли вершиной...

Вся артиллерія Артура молчитъ. Безъ приказанія огня открыть не смѣетъ, да большинство и не видитъ и не знаетъ, что творится на Высокой. Только съ наблюдательнаго пункта Семенова, вооруженнаго отличной трубой, видна часть Высокой, занятой уже японцами.

Артиллерія продолжаетъ убійственно молчать.

Семеновъ опять звонитъ къ Бѣлому.

— „Ваше Превосходительство, открывайте огонь по Высокой, иначе будетъ поздно. Японцевъ тамъ много, они утвердятся на вершинѣ и тогда ея намъ не вернуть.

— „Можетъ быть вы ошибаетесь. Почему же Ирманъ, начальникъ Западнаго фронта ничего не сообщаетъ, я...

Уже 2 часа пополудни.

Говорить при помощи артурскихъ телефоновъ, даже начальникамъ фронтовъ было тяжело. Пока отзовется центральная, пока дасть требуемый №, пока соглашаться къ нему подойти, а въ придачу къ этому самая примитивная система соединеній, постоянная порча воздушныхъ отъ снарядовъ (несмотря на увѣреніе г. Тимченко-Рубанъ, что крѣпость была снабжена для телеграфныхъ и телефонныхъ сообщений „... даже роскошно“... подземнаго кабеля въ Артурѣ не было) то становится вполнѣ понятнымъ, какихъ трудовъ и сколько времени уходило для передачи экстренныхъ, неотложныхъ сообщений и приказаній, которыхъ въ осажденной крѣпости, съ оборонительной линіей въ 27 верстъ, полагаю было болѣе, чѣмъ достаточно.

Уже 2 часа ушло на бесплодные переговоры, а Бѣлый настойчиво молчалъ. Японцы тѣмъ временемъ не теряли дорогого времени. Брустверь уже выросъ по колѣно.

Семеновъ звонитъ въ штабъ Ирмана (Чайная долина), вызываетъ Кондратенко.

— „Ваше Превосходительство, японцы заняли вершину Высокой, возводятъ брустверь. Наши спускаются. Необходимо открыть огонь. Я все это отлично вижу въ свою трубу“.

— „Какъ же это такъ, да и я самъ вижу нашихъ въ блиндажѣ, Ирманъ мнѣ доносить, что Высокая еще наша. Я сейчасъ его спрошу—отвѣчаетъ Романъ Исидоровичъ.

— „Смѣю васъ увѣрить, Ваше Превосходительство, что японцы на вершинѣ.

— „Хорошо, я сейчасъ спрошу Ирмана. Если это такъ, необходимо открыть огонь. Хотя я самъ отлично вижу нашихъ и просилъ Коменданта огня не открывать.

Вся путаница произошла по очень простой причинѣ. Въ описаніи одного изъ предыдущихъ дней я довольно подробно остановился

на томъ, какъ трудно было установить истинное положеніе Высокой. Каждый наблюдатель видѣлъ все происходящее на Высокой подъ своимъ угломъ зрѣнія. Тоже самое произошло и въ послѣдній ея день. Комендантъ получаетъ донесенія, что японцы на вершинѣ и наши отступаютъ. Такихъ донесеній поступало раньше безчисленное количество. На этотъ разъ донесенія сходятся. Комендантъ, убѣдившись, что Высокая занята—приказываетъ Бѣлому сосредоточить огонь всей артиллеріи на ея вершинѣ. Бѣлый началъ отдавать распоряженіе. На артурскомъ телефонѣ—тратилось, по крайней мѣрѣ 2 часа—пока приказаніе начальника артиллеріи дойдетъ до батарейнаго командира. Пока артиллерія раскачивалась, Кондратенко, узнавъ, что она собирается открыть огонь, телефонируетъ Семенову, и Христомъ Богомъ проситъ огня не открывать, т. к. въ блиндажѣ, подъ самой вершиной, куда сосредоточивался и откуда расходился Комендантомъ горы резервъ—сидятъ еще наши. Комендантъ, получивъ такое донесеніе отъ начальника обороны, долженъ, обязанъ былъ принять это къ свѣдѣнію, и немедленно приказалъ Бѣлому огонь остановить. Кондратенко, донося объ этомъ былъ правъ, онъ видѣлъ происходившее на Высокой подъ своимъ угломъ зрѣнія. Дѣйствительно въ блиндажѣ задержалось нѣсколько стрѣлковъ. Семеновъ же съ своего наблюдательнаго пункта, въ разсматриваемомъ случаѣ, отлично видѣлъ, что японцы заняли вершину и укрѣпляются на ней.

Онъ доноситъ объ этомъ Коменданту, но Комендантъ почти одновременно получаетъ противорѣчащее донесеніе начальника обороны, у котораго концентрируются всѣ донесенія. Разъ начальникъ обороны доноситъ, Комендантъ, повторяю, долженъ руководствоваться ничѣмъ, а только именно его донесеніемъ, почему и приказываетъ прекратить огонь. Считаю необходимымъ сказать, что несвоевременное открытіе огня не имѣло особаго значенія. Удержать далѣе Высокую было невозможно, т. к. дальнѣйшей защитой мы рисковали чрезмѣрно ослабить оборонительную линію, что было крайне опасно. Оставалось лишь испробовать счастья.

Артиллерія продолжала молчать. Бѣлый ждалъ приказанія.

Черезъ полчаса съ небольшимъ Семенова требуетъ къ телефону Кондратенко.

— Владиміръ Григорьевичъ, Ирманъ говоритъ, что вершины за ними.

Его тоже очевидно сбивали люди, оставшіеся въ блиндажѣ.

Ирманъ, по обыкновенію, несмотря на всю свою храбрость, не умѣлъ оцѣнить обстановки, путалъ и сбиль съ толку самого Кондратенко.

— Ваше превосходительство, уже болѣе 2-хъ часовъ японцы работаютъ на Высокой. Я доложу вамъ, что дѣлается тамъ въ данный моментъ, *(на минуту отрывается отъ аппарата и прикладывается къ трубу)*. Ваше превосходительство, ясно, отчетливо вижу, какъ японцы быстро работаютъ, бросаютъ мѣшки, землю, брустверъ растетъ, онъ выше роста человѣческаго. Не я одинъ это вижу, всѣ это видятъ, весь штабъ мой видитъ.

— Ну, если такъ, необходимо открыть огонь.

— Я уже просилъ Бѣлаго, но онъ увѣряетъ, что Высокая еще за нами.

Бѣлый ждалъ приказанія Коменданта.

— „Вотъ что, Владиміръ Григорьевичъ, пріѣзжайте вы немедленно ко мнѣ. Вы мнѣ крайне необходимы.“

— „Слушаюсь“.

Семеновъ быстро собрался и черезъ полчаса былъ уже у Кондратенко.

Кондратенко: Владиміръ Григорьевичъ, пожалуйста организуйте мнѣ сборъ отряда на основную оборонительную линію.

Семеновъ: Ваше превосходительство, а полковникъ Ирманъ, вѣдь это его фронтъ. Я тутъ слѣпъ. Я не знаю здѣсь обстановки, гдѣ и какія расположены части.

Кондратенко: Я васъ покорнѣйше прошу помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Ирманъ окончательно растерялся и положительно ничего не соображаетъ.

Семеновъ: Слушаюсь. Разрѣшите только послать за моимъ адъютантомъ, поручикомъ Миропольскимъ, который исполняетъ при мнѣ съ самаго начала кампаніи обязанности начальника штаба, безъ него я какъ безъ рукъ.

Кондратенко: Дѣлайте все, что хотите, только по примѣру Зеленыхъ горъ организуйте мнѣ отступление.

Послали лошадей за Миропольскимъ, который не заставилъ себя ждать.

Полковникъ Семеновъ отправился къ Ирману. Ирманъ,

послѣ тяжелыхъ дней Высокой, не могъ дать никакихъ свѣдѣній о расположеніи ввѣренныхъ ему войскъ. За послѣдніе дни тутъ была такая каша, такъ перепутались всѣ части, что разобраться въ этомъ могъ только свѣжій, менѣе утомленный человѣкъ. Ирманъ былъ словно въ бреду и, дѣйствительно, почти не въ состояніи былъ реагировать на окружающее и въ полной мѣрѣ не опознавался въ обстановкѣ.

Къ счастью полковника Семенова и благополучію войскъ западнаго фронта, командующій резервомъ капитанъ II ранга Опацкій, былъ на высотѣ своего призванія, записывалъ самымъ тщательнѣйшимъ образомъ каждый взводъ, каждую отправляющуюся на оборонительную линію роту.

Получивъ эти цѣнныя свѣдѣнія, полковникъ Семеновъ при помощи Опацкаго, Миропольскаго, быстро и умѣло приступилъ къ выполненію возложенной на него трудной и отвѣтственной задачи.

Нужно быть человѣкомъ, быстро и вѣрно опознающимся въ обстановкѣ, нужно быть воиномъ вообще, а разумнымъ начальникомъ въ особенности, чтобы скоро, умѣло и съ минимумомъ потерь провести отступленіе, эту самую трудную операцію.

Малѣйшая неточность, непредусмотрительность, вялость или чрезмѣрная поспѣшность можетъ разразиться, если не истребленіемъ, то во всякомъ случаѣ, большими потерями.

Ознакомившись на мѣстѣ съ положеніемъ вещей и произведя подъ огнемъ противника рекогносцировку мѣстности для болѣе яснаго представленія о наилучшихъ путяхъ отступленія, Семеновъ отправился съ докладомъ къ Роману Исидоровичу.

— „Ваше превосходительство, прикажите Плоскую и Дивизіонную гору тоже очистить.

— „Очищайте, очищайте.

— „Но-о, ваше превосходительство, на нихъ еще можно будетъ держаться.

— „Все равно очищайте, мы отойдемъ на основную оборонительную линію.

Съ очищеніемъ Плоской и Дивизіонной произошло тоже недоразумѣніе. Съ наступленіемъ вечера, комендантъ пододвинувъ къ Высокой роту Баянцевъ, рѣшилъ попробовать счастья отбить съ ней гору. Рота уже покрыла себя славой на Курганной, и Смирновъ крѣпко на нее надѣялся. Рота, подъ командой

лейтенанта Мисникова, лихо пошла въ атаку, но безрезультатно. Была встрѣчена такимъ страшнымъ огнемъ и, потерявъ $\frac{3}{4}$ своего состава, отступила. Кондратенко доносить коменданту. Смирновъ разрѣшаетъ окончательно очистить Высокую, но предлагаетъ не очищать Плоской и Дивизионной, предполагая ихъ удерживать декоративно, предвосхищая, что японцы, утвердившись на Высокой, нѣсколько дней будутъ собираться съ силами и при новомъ штурмѣ все-таки понесутъ потери.

Кондратенко очистилъ и ихъ.

Когда въ послѣдствіи Смирновъ напомнилъ объ этомъ Роману Исидоровичу—послѣдній отвѣтилъ: „виновать, ваше превосходительство, виновать, не понялъ, напуталъ“.

Съ паденіемъ Высокой—Плоская и Дивизионная не имѣли уже значенія.

Скоро во всѣ стороны были разосланы ординарцы ко всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ частей съ диспозиціей отступления и времени, когда таковое должно было начаться.

(Резервъ стягивался постепенно въ теченіи предшествовавшихъ семи дней и былъ понадерганъ отовсюду).

Въ 3 часа ночи, генераль Кондратенко, убѣдившись, что дѣло отступления сосредоточено въ надежныхъ рукахъ, уѣхалъ къ себѣ домой.

Сборъ отряда на основную оборонительную линію начался съ упавшими сумерками и къ 6 часамъ утра былъ блестяще выполненъ.

День 23-го ноября освѣтилъ Артуръ, заставъ всѣ части утвердившимися на основной оборонительной линіи.

Несмотря на то, что въ Артурѣ всѣ прекрасно сознавали, что рано или поздно Высокая должна пасть, что ей не подъ силу бороться съ осадной артиллеріей противника, не подъ силу отражать безконечные штурмы, постоянно освѣжавшихся новыми силами штурмующихъ колоннъ—гибель, паденіе Высокой, стоившей намъ болѣе пяти тысячъ человѣкъ—произвели глубокое, тяжелое впечатлѣніе.

Когда днемъ на С.-В. начали возвращаться уцѣлѣвшіе на западномъ фронтѣ резервы,—подходятъ кухни, двуколки, госпиталь—на линіи обороны замѣчался упадокъ духа.

— „Ну, скоро конецъ Артуру; не долго, не долго теперь осталось—говорили пессимистически настроенные.

— „Дѣло обстоитъ плохо, но уже не такъ, драться еще можно. Высокая отличный корректировочный пунктъ, но врядъ ли они поставятъ тамъ орудія“.

— „Поставить не поставятъ, но флотъ намъ быстро потопятъ. Затѣмъ не забудьте еще одного обстоятельства. Помните, что Стессель сказалъ въ штабѣ Ирмана, когда всѣ были увѣрены, что японцы отъ Высокой отступились. Онъ прямо во всеуслышаніе заявилъ: „падетъ Высокая и дни Артура сочтены“.

Дѣйствительно, неосторожная болтливость Стесселя, вѣчное нытье Фока въ его подпольной литературѣ — стало уже достояніемъ гарнизона и энергія его съ паденіемъ Высокой если не совсѣмъ, то замѣтно ослабла.

— „Если Ноги (послѣ теперя взятія Высокой), поведетъ генеральный штурмъ, Артуръ падетъ безусловно“, — говорили въ крѣпости.

Но въ дѣйствительности это было не такъ, силы въ крѣпости еще не ослабли. Поведи Ноги, непосредственно послѣ взятія Высокой генеральный штурмъ, онъ безусловно бы разошлся, у него были остатки.

Ноябрьскій штурмъ стоилъ японцамъ свыше 20,000 однѣхъ жизней.

Ему необходимо было оправиться.

Затишье, наступившее послѣ занятія Высокой, постепенно вернуло въ гарнизонѣ вѣру въ свои силы, несмотря на наступившіе послѣдніе дни Тихо-океанской эскадры.

Итакъ, погибла Высокая!

Стоитъ она одиноко и скорбно, не сторожить уже больше, не защищаетъ Артура и притаившія въ немъ флотъ.

Дорого обошлась она Артуру, много жизней было заплачено за ея защиту. Особенно много полегло тамъ моряковъ. Погибъ на ней лейтенантъ Лавровъ, этотъ вѣчно подвижной, вѣчно занятый офицеръ-изобрѣтатель, изобрѣтатель дѣльный, съ огромной инициативой, энергіей и человѣкъ безусловно недюжинныхъ способностей. Много онъ поработалъ въ началѣ тѣсной блокады надъ сооруженіемъ воздушнаго шара, закончить который не по его винѣ ему не удалось.

Страстно ему хотѣлось подняться подъ облака и служить защитѣ крѣпости.

Начальникъ Сѣвернаго фронта. Свиты Его Величества генераль-маіоръ.
Владиміръ Григоріевичъ Семеновъ.
Адъютантъ поручикъ М. Е. Миропольскій.

Съ высоты Высокой чуть не умчалась его душа за облака, куда при жизни она такъ неотступно стремилась. Онъ былъ весь израненъ, а нѣсколько ранъ были безусловно смертельны. Съ Высокой его доставили въ морской госпиталь.

Когда Лавровъ лежалъ уже на смертномъ одрѣ, послѣ произведенной операции, когда онъ, полный жизни, хорошій человекъ, счастливый молодой супругъ и отецъ мучительно чувствовалъ, что конецъ приближается, искренно, горячо молилъ:

— „Я не хочу, не хочу умирать. Я жить хочу. У меня жена, у меня ребенокъ.“

Погибъ на ней юноша Протасовичъ, подпоручикъ 26-го полка, воспитанникъ Псковскаго Кадетскаго корпуса. Героемъ вель онъ себя на Зеленыхъ горахъ. Бывало, вернется послѣ отчаянной развѣдки, (онъ завѣдывалъ охотничьей командой) закусить, выпить — смотришь уже раздается его веселый раскатистый смѣхъ. При штабѣ полковникъ Семеновъ держалъ музыку — попросить полковника разрѣшить оркестру играть. Соберутся солдаты, офицерство. Оркестръ гремитъ, пѣсни, плясъ и все непременно закончится трепакомъ, который Протасовичъ любилъ и неподрожаемо танцевалъ съ поручикомъ Чивчинскимъ. Героемъ погибъ онъ и при защитѣ Высокой. Шло отбитіе штурма. Протасовичъ командовалъ взводомъ или ротой. Огонь поддерживался залпами. Одинъ залпъ сорвали, другой... Не вытерпѣлъ Протасовичъ, поднялся во весь ростъ, крикнулъ:

— „А вы такіе, сякіе. Пальба ротой, рота — пли!“

Разорвался снарядъ, облако дыма, и изуродованный трупъ юноши лежалъ бездыханнымъ.

Смертельно въ животъ былъ раненъ лейтенантъ Сиденснеръ.

Когда его уносили изъ перевязочнаго пункта, онъ строго глядя на перевязавшаго его врача, категорически спросилъ:

— „Сколько часовъ я еще проживу?“

Его начали успокаивать.

— „Нѣтъ. Сколько осталось, часъ, два? Я знаю, что воз врата нѣтъ.“

Тяжело былъ раненъ поручикъ 26-го полка М. В. Агафоновъ. Перевязали, понесли внизъ, въ городъ, въ госпиталь. Но такъ и не донесли. Долго допытывались куда дѣвался онъ и его носильщики, такъ и не нашли. Одиннадцати-дюймовый снарядъ

угодилъ прямо въ нихъ и пятерыхъ человѣкъ разметало въ куски.

Много, много погибло тамъ, всѣхъ не перечесть.

Погибъ тамъ Бутусовъ и Рафаловичъ о которыхъ флигель-адъютантомъ Семеновымъ былъ отданъ по полку 24-го ноября за № 329 слѣдующій приказъ:

„Вчера 22 ноября убиты на Высокой горѣ командиръ пѣшаго отдѣла 8-линейнаго отряда Заамурскаго округа пограничной стражи подполковникъ Петръ Дмитріевичъ Бутусовъ и вѣреннаго мнѣ полка подпоручикъ Борисъ Владиміровичъ Рафаловичъ.

Убиты два героя на Высокой горѣ, на высокомъ посту защиты чести и славы дорогой родины, съ высокимъ пониманіемъ своихъ обязанностей и высокочестно исполняя завѣтъ Царя Батюшки: подполковникъ Бутусовъ, какъ руководитель боя, Борисъ Владиміровичъ, какъ помощникъ его — комендантъ горы. Сильно жалѣютъ о потерѣ ихъ, славные, храбрые пограничники, сроднившіеся съ полкомъ и цѣликомъ весь 26-ой полкъ, цѣня ихъ подвиги. Памятна намъ будетъ мощная фигура Петра Дмитріевича еще въ іюлѣ, на самой высокой вершинѣ Зеленыхъ горъ съ обнаженной шашкой въ правой рукѣ, подъ градомъ пуль и осколковъ рвущихся гранатъ, подбадривающаго своихъ молодцовъ пограничниковъ, воплощающаго собою наивысшую личную храбрость и отдающаго свои распоряженія для побѣды надъ насѣдающимъ врагомъ. Заслуженный Георгіевскій крестъ еще не успѣлъ украсить грудь, но когда понадобился начальникъ на отвѣтственное и опасное мѣсто, то всѣ единогласно говорили: „назначить Бутусова“.

Также будетъ памятна всему полку фигура офицера-юноши Рафаловича, прибывшаго изъ столицы на далекую окраину — исключительно, чтобы постоять за Царя и за Святую Русь. Этотъ всегда скромный, деликатный, добрый товарищъ былъ посланъ мною на высокій подвигъ; помню его, прибывшаго съ горы на нѣсколько часовъ для отдыха: весь въ грязи, въ изорванномъ полушубкѣ, съ рванными сапогами, а глаза горятъ, видна отвага и рѣшимость! Слава вамъ братья и вѣчно памятна вы будете въ сердцахъ русскихъ „Миръ праху вашему“.

Командиръ полка флигель-адъютантъ
полковникъ Семеновъ.

Приведенный приказъ начальника сѣвернаго фронта, соратника и непосредственнаго начальника покойныхъ [Семеновъ самъ былъ сильно израненъ и лишился лѣваго глаза] служить лучшимъ и непреложнымъ свидѣтельствомъ, кѣмъ былъ для Артура Бутусовъ, кѣмъ былъ для него Рафаловичъ.

Погибъ подъ Высокой и генераль-маіоръ Церпицкій, инспекторъ госпиталей. По долгу службы онъ выѣхалъ впередъ для осмотра перевязочнаго пункта. Для вящей предосторожности, генераль одѣлъ докторскую форму, но она его не спасла. Ему сопутствовала добровольная сестра милосердія Вильгельмина Кригъ. Сестра, движимая долгомъ милосердія, рѣшила на оборонительной линіи, подъ огнемъ противника, оказывать первую помощь защитникамъ Высокой.

Генераль слѣдовалъ въ двуколкѣ по дорогѣ поражаемой орудійнымъ огнемъ. Снаряды, давая, то перелеты, то недолеты, рвались по сторонамъ пути. Вдругъ, надъ самой двуколкой разрывается шрапнель, ранить Церпицкаго въ ноги. Двуколка въ это время была на небольшомъ перевалѣ. вмѣсто того, чтобы спуститься внизъ, Церпицкій началъ звать людей, чтобы его сняли. Разрывается вторая шрапнель и смертельно ранить въ голову. Сбѣжавшіеся стрѣлки стащили его подъ косогоръ.

Сестра не потерялась. Не обращая вниманіе на грозящую опасность, на мѣстѣ перевязала глухо стонавшаго въ полубессознательномъ состояніи генерала, а затѣмъ перевезла его въ госпиталь.

Подвигъ сестры Вильгельмины Кригъ былъ оцѣненъ по достоинству и „генераль-адъютантомъ“ въ приказѣ за № 924.

„Добровольная сестра милосердія Вильгельмина Кригъ 22-го ноября, не обращая вниманія на явную опасность для жизни, добровольно прибыла на перевязочный пунктъ подъ Высокой горой во время штурма горы и подавала посильную помощь раненымъ подъ сильнѣйшимъ огнемъ противника, причемъ ею была также подана первая помощь покойному генераль-маіору Церпицкому. Генераль-маіоръ Никитинъ (?), полковникъ Ирманъ лично были свидѣтелями ея храбрости и самоотверженія. За человѣколюбивый подвигъ и самоотверженность Вильгельмина Кригъ награждается серебряной медалью съ надписью „за храбрость“ на георгіевской лентѣ.“

Объ очищеніи горы начальникомъ раіона былъ отданъ на рѣдкость симпатичный и къ удивленію разумный приказъ за № 888.

„Вчера 22-го сего ноября съ 7 часовъ утра непріятель снова повелъ наступленіе на Высокую, открывъ при этомъ адскую бомбардировку II" и 6" бомбами, уничтожающую всѣ укрытія; нѣсколько отчаянныхъ натисковъ противника были отбиты нашими геройскими войсками. Не смотря на большія наши потери, мы держались, какъ скала. Къ вечеру однако непріятелю удалось овладѣть вершиной, куда они быстро втащили два пулемета и живо укрѣпились, выложивъ мѣшками. До глубокой ночи шелъ бой, такъ какъ противникъ одновременно повелъ атаки и на участки восточнаго фронта, но здѣсь вездѣ былъ отбитъ. Въ виду неуспѣшности нашей контръ-атаки на Высокую, для обратнаго завладѣнія вершинами горы, я приказалъ занять основную линію обороны Крѣпости западнаго фронта. Я увѣренъ, что коменданты фортвъ западнаго фронта съ ввѣренными имъ геройскими войсками, также отобьютъ атаки, какъ отбиваются они и на восточномъ фронтѣ. За геройскіе же бои объявляю душевную благодарность войскамъ, равныхъ которымъ нѣтъ на свѣтѣ“.

Гибель эскадры.

Лишь только японцы заняли Высокую и утвердились на ней, то немедленно устроили тамъ наблюдательный постъ, соединивъ его телефономъ съ своими осадными батареями.

День 23 ноября прошелъ въ относительномъ затишьи, лишь къ вечеру начался разстрѣлъ судовъ эскадры, безпомощно подтянувшихся подъ Перепелиную гору, въ тщетной надеждѣ хотя тамъ найти защиту отъ одиннадцати-дюймовыхъ бомбъ.

Напрасно!

Съ высоты Высокой гавань была, какъ на ладони, отчетливо, ясно видно каждое судно, каждый послѣдовательный взрывъ рвущихся вокругъ снарядовъ.

Началась казнь.

Осадныя батареи врага занялись теперь исключительно эскадрой.

Эскадра погибала на глазахъ всей крѣпости, на глазахъ тысячъ ея защитниковъ.

Моряки, оборонявшіе теперь Артуръ на сушѣ, съ болью въ сердцахъ смотрѣли, какъ одинъ за другимъ гибли ихъ родные корабли и были младенчески безпомощны.

Непрерывно, снарядъ за снарядомъ неслись въ гавань одиннадцати-дюймовыя глыбы.

Артуръ въ безмолвномъ ужасѣ наблюдалъ за этой казнью, за наступавшей агоніей лучшихъ судовъ нашего флота.

Методично, сутки на пролетъ, снарядъ за снарядомъ, то впивался въ воду, вздымая у судовъ гигантскіе столбы, то пронизывалъ ихъ стальную грудь. Вырывавшіеся бѣлые клубы пара и темный, стлавшійся надъ гигантами дымъ, напоминали вздохъ боли и дымящіяся раны медленно разстрѣливаемыхъ, какъ бы одухотворенныхъ существъ.

Надъ броненосцемъ „Полтавой“ взвился огромный столбъ дыма, а затѣмъ громopodobный взрывъ. Начался пожаръ.

Полтава боролась со смертью, отстаивала жизнь и медленно погибала.

Адмиралъ Виренъ, въ руки котораго, къ несчастью лишь поздно, перешла эскадра, самоотверженно, лично руководилъ тушеніемъ пожара; и былъ раненъ осколкомъ въ голову и ноги.

Но къ счастью для обновляющагося флота, смерть пощадила этого выдающагося по своей геройской храбрости, энергіи просвѣщеннаго, знающаго, любящаго, живущаго исключительно флотомъ и моремъ, адмирала-моряка.

Казнь продолжалась. Одинъ за другимъ опускались на дно гавани наши гиганты.

Коммерческія и госпитальныя суда сторонились отъ разстрѣливаемыхъ и уходили въ глубь Западнаго бассейна.

Разстрѣлъ продолжался, одинъ за другимъ гибли наши гиганты.

На внутреннемъ рейдѣ вся эскадра, но уже бездыханная.

Подъ Золотой горой затонулъ красавецъ „Баянъ“.

На рейдѣ—вся эскадра!!

Въ беспорядкѣ, приткнувшись къ Перепелиной горѣ, лежить бокомъ „Ретвизанъ“, дальше „Побѣда“, „Полтава“. Башни сворочены. Одна пушка уставилась въ небо, другая уткнулась въ воду. Вода гуляетъ на просторѣ адмиральскаго помѣщенія. Ря-

домъ торчать мачты „Забіяки“. Изуродованный „Гилякъ“, словно онъ отъ страданій, въ предсмертной агоніи перевернулся и при отливѣ обнажилъ свой киль.

Не внутренний рейдъ, а кладбище.

У паденіемъ Высокой горы у Стесселя окончательно созрѣло рѣшеніе сдать крѣпость.

Подъ влияніемъ генерала Никитина непонятно ненавидѣвшаго флотъ и дошедшаго до того, что, когда дошла печальная вѣсть о гибели послѣдняго корабля, онъ перекрестился и облегченно, словно камень скатился у него на груди, сказалъ:

„Слава Богу, наконецъ-то!“

Это было сказано въ интимномъ кругу „генераль-адъютанта“, но не скрылось это отъ гарнизона Артура.

И такъ, Стессель подъ влияніемъ Никитина 24 ноября, когда начался уже разстрѣлъ судовъ, обратился за № 2241 къ адмиралу Вирену съ запросомъ, въ которомъ категорически и крайне дерзко требовалъ полного уничтоженія затопленныхъ судовъ и выхода уцѣлѣвшихъ въ море, мотивируя тѣмъ, что оборона крѣпости съ паденіемъ Высокой близится къ концу.

(Паденіе этой горы имѣло огромное значеніе для флота, но для защиты самой крѣпости она имѣла лишь второстепенное значеніе).

На запросъ „генераль-адъютанта“ адмиралъ Виренъ отвѣтилъ:

Командующій отрядомъ
эскадренныхъ броненосцевъ и крейсеровъ
въ П. Артурѣ.

Начальнику Квантунскаго Укрѣпленнаго района.

„На отношеніе Вашего Превосходительства отъ 24 сего ноября за № 2241 сообщаю:

Выходъ эскадры 28-го іюля с. г. для прорыва во Владивостокъ былъ предпринятъ по Высочайшему повелѣнію, переданному телеграммою Намѣстника Его Императорскаго Величества, хотя большинство адмираловъ и командировъ было того мнѣнія, что прорывъ невозможенъ, принимая во вниманіе превосходство силъ непріятеля,—какъ по числу судовъ, числу ору-

дій, отдѣльныхъ крейсерскихъ и минныхъ отрядовъ, большей скорости хода и большого разстоянія до Владивостока, безъ портовъ на пути, — а также необходимость прорываться черезъ непріятельскій проливъ у острова Цусимы.

Въ лучшемъ случаѣ, наши суда, истративъ свои снаряды въ перемѣнныхъ бояхъ съ эскадренными броненосцами и при отраженіи ночныхъ минныхъ атакъ и подбитые, какъ эскадренный броненосецъ „Цесаревичъ“, искали бы убѣжища въ нейтральномъ порту и умерли бы для этой войны; едва ли кто-либо дошелъ бы до Владивостока, такъ какъ самому быстроходному крейсеру „Новикъ“ при благопріятныхъ условіяхъ не удалось этого сдѣлать.

Вся наша эскадра была бы потеряна еще въ концѣ іюля, въ то время какъ японскій флотъ имѣлъ полную возможность, благодаря вышеуказаннымъ преимуществамъ и тому обстоятельству, что онъ, идя съ нами параллельно, шелъ къ своимъ портамъ, такъ вести бой, что никто изъ его большихъ кораблей не былъ бы выведенъ изъ строя; и какъ бы непріятельскія суда ни были подбиты послѣ этихъ боевъ, японскій флотъ успѣлъ бы вполне обновиться и поправиться до прихода эскадры адмирала Рожественскаго, который не могъ и не можетъ состояться ранѣе конца декабря, а вѣрнѣе и новаго года, т.-е. встрѣтить его въ такомъ состояніи, въ какомъ онъ теперь находится.

По возвращеніи нашей эскадры въ Портъ-Артуръ послѣ боя 28-го іюля съ менѣе чѣмъ половиннымъ запасомъ снарядовъ и искалѣченными судами и многими разбитыми пушками, — эта задача, т.-е. прорывъ во Владивостокъ, стала еще менѣе возможной. Черезъ нѣсколько дней по приходѣ эскадры начались августовскіе штурмы, въ которыхъ принялъ серьезное участіе нашъ десантъ, при чемъ погибло нѣсколько офицеровъ и много нижнихъ чиновъ. Собраніемъ флагмановъ и командировъ отъ 6-го августа составленъ былъ протоколъ, копію коего при семъ прилагаю. Согласно этого протокола, было рѣшено помогать крѣпости всѣми средствами до послѣдней возможности, что нами до сего дня и было исполняемо съ полнымъ стараніемъ и добросовѣстно. Всѣ орудія, которыя требовались на позиціи, давались съ судовъ и устанавливались, снаряды всѣхъ калибровъ постепенно расходуются на береговыхъ батареяхъ, чины отряда работали всякій по своей специальности для защиты крѣпости и

принимали самое дѣятельное участіе при отраженіи штурмовъ въ сентябрѣ (Высокая Гора), въ октябрѣ и наконецъ въ ноябрѣ на Курганной, Лит. Б., на Высокой, гдѣ погибло такъ много офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

До взятія Высокой корабли чинились по возможности, но эскадрѣ адмирала Рожественскаго они могли бы помочь *только послѣ освобожденія Портъ-Артура съ суши*, когда бы намъ подвезли снаряды, пушки и дали бы возможность окончательно починиться, объ этомъ адмиралъ Рожественскій отлично знаетъ.

Теперь суда отряда затоплены; за исключеніемъ небольшого количества 47 m/m патроновъ и 12-дм. всѣ остальные боевые запасы успѣли свезти на берегъ. Команды и офицеры перебрались на берегъ, командиры работаютъ, какъ и ранѣе, въ лабораторіи, ими же пополняется убыль на батареяхъ. Минеры заняты выдѣлкой бомбочекъ и много машинистовъ отливаютъ и готовятъ снаряды и литье, остальная часть команды съ офицерами, около 500 человекъ, составитъ послѣдній резервъ, и такимъ образомъ отрядъ до конца всѣми средствами и личнымъ составомъ поможетъ крѣпости обороняться противъ непріятеля. Что касается до затопленія судовъ, то, приняты мѣры, чтобы цѣлыя орудія еще не достались бы трофеями непріятелю, если крѣпость падетъ. Одинъ угнѣвѣвшій броненосецъ „Севастополь“ попробую поставить на якорь у Бѣлаго Волка, гдѣ онъ, конечно, будетъ подвергаться миннымъ атакамъ и рискуетъ затонуть на рейдѣ. Конечно, горестно потерять такъ свой флотъ, но если Богъ дастъ намъ отстоять крѣпость до выручки съ суши, то я увѣренъ, что всѣ безпристрастные люди въ Портъ-Артурѣ скажутъ, что безъ той помощи, которую далъ флотъ, Портъ-Артуръ былъ бы уже давно въ рукахъ непріятеля“.

Для полного освѣщенія того печальнаго, скажу больше, безвыходнаго положенія, въ которомъ находился нашъ флотъ еще въ серединѣ тѣсной блокады, когда намѣстникъ настаивалъ на прорывѣ эскадры во Владивостокъ, послѣ неудачной попытки прорваться 28 іюля, привожу выдержку изъ донесенія адмирала Вирена, которая въ полной мѣрѣ иллюстрируетъ тяжелое положеніе эскадры и съ очевидной ясностью доказываетъ, что на успѣшный прорывъ эскадры не было никакихъ шансовъ.

Это же донесеніе реабилитируетъ адмирала князя Ухтомскаго за бой 28 іюля.

Командиръ саперной роты.
Петръ Евгеніевичъ Полковникъ Жеребцовъ.

Докторъ Штернбергъ.

Вотъ донесеніе адмирала Вирена:

„Доношу Вашему Высокопревосходительству, что въ настоящій моментъ суда ввѣреннаго мнѣ отряда находятся въ слѣдующемъ состояніи:

а) *По корпусу*. Исправленія „Пересвѣта“, „Побѣды“, „Ретвизана“, „Паллады“ закончены; „Полтавы“ и „Баяна“ заканчиваются. „Севастополю“ подведенъ кессонъ, пробоина можетъ быть задѣлана черезъ 6—7 недѣль. Поврежденіе наружнаго борта закрыто листами съ временнымъ подкрѣпленіемъ разрушенныхъ внутреннихъ крѣпленій—гдѣ оказалось возможнымъ.

б) *По артиллеріи*. Съ начала военныхъ дѣйствій выведено изъ строя два орудія.

Послѣ протокола 6-го августа отдано на усиленіе береговыхъ укрѣпленій:

6 дм. 75 mm. 47 mm. 37 mm. Проекторовъ.

1 10. 19 8. 3

в) *По личному составу*. Командиръ эскадреннаго броненосца „Пересвѣтъ“ капитанъ 1 ранга Бойсманъ лечится отъ полученныхъ ранъ и лежитъ на „Монголіи“. Убито офицеровъ въ бою 28-го — 2, во время штурма — 2, ранено и не можетъ быть въ строю — 11.

Донося о вышеизложенномъ состояніи отряда, и о томъ, что всѣ мысли и стремленія мои направлены къ тому, чтобы исполнить Высочайшую волю и начертанія и указанія Вашего Высокопревосходительства, считаю своимъ долгомъ высказать слѣдующія соображенія:

Бывшая у насъ эскадра, а тѣмъ болѣе ввѣренный мнѣ отрядъ, имѣя наибольшій ходъ 13 узловъ („Севастополь“ и „Полтава“), не имѣетъ возможности *безъ боя* прорваться во Владивостокъ, а результатъ боя не трудно себѣ представить, даже, если суда были бы лучше непріятельскихъ по своимъ боевымъ качествамъ, т.-е. главнымъ образомъ по мѣткости стрѣльбы,—и вотъ, на основаніи какихъ разсужденій: положимъ, отрядъ выйдетъ благополучно изъ Портъ-Артура черезъ минное загражденіе, которое за послѣдній мѣсяцъ стало болѣе опаснымъ, такъ какъ непріятель непрерывно подбрасывалъ мины, а караванъ, хотя и тралилъ ежедневно, но, имѣя мало средствъ, мало катеровъ, гибель одного землечерпательнаго парохода, портового

баркаса и 2-хъ миноносцевъ, не успѣваетъ вытравливать. Незамѣченнымъ выйти *невозможно*, при постоянной блокадѣ. Наибольшій ходъ отряда можетъ быть 13 узловъ.

Непріятель насъ встрѣтитъ 3 или 4-мя отрядами:

1) Отрядъ эскадренныхъ броненосцевъ и бронированныхъ крейсеровъ—(6 судовъ).

2) Отрядъ быстроходныхъ 2-го класса съ однимъ крейсеромъ 1-го класса (Якума)—(5 судовъ).

3) Броненосцы береговой обороны и 1 бронированный крейсеръ (Токива)—(7 судовъ).

4) Нѣсколько отрядовъ миноносцевъ и минныхъ истребителей.

Вступить въ бой по нашему желанію мы *не можемъ*, такъ какъ непріятель, преобладая ходомъ, уклонится отъ боя, если онъ не желаетъ сражаться, и будетъ провожать нашъ отрядъ до того момента, когда ему будетъ выгодно вступить въ бой, а именно: 1) когда нашъ отрядъ отъ Артура миль на 70; 2) когда онъ сосредоточитъ всѣ свои силы и передастъ необходимыя приказанія; 3) когда займетъ выгодное положеніе относительно нашего отряда, въ зависимости солнца и по состоянію моря.

Какъ и 28-го іюня, настоящій бой по всей вѣроятности начнется послѣ полудня; при этомъ каждый изъ непріятельскихъ кораблей, получивъ серьезную пробоину или временное поврежденіе, можетъ благоразумно выйти изъ строя, чтобы осмотрѣться и оправиться или отойти къ своему берегу, *никого не опасаясь*,—въ то время, какъ каждый изъ нашихъ судовъ, выйдя изъ строя, вслѣдствіе хотя бы временнаго поврежденія,—будетъ добычей 2—3 или 4 непріятельскихъ отрядовъ и въ лучшемъ случаѣ выбросится на нейтральный берегъ, или попадетъ въ нейтральный портъ и выведетъ себя изъ строя для настоящей войны.

Такимъ образомъ, японцы имѣютъ полную возможность побѣдить насъ, не выведя изъ строя ни одинъ изъ своихъ большихъ кораблей, а всѣ поврежденія по корпусу и артиллеріи они быстро поправятъ въ своихъ портахъ, замѣнивъ подбитыя орудія и пополнивъ команду. Съ закатомъ солнца бой большихъ кораблей *по желанію непріятеля* прекратится, и онъ отойдетъ, чтобы спокойно отдохнуть, прибраться и осмотрѣться, предоставивъ 2-му, 3-му, а главное 4-му отряду миноносцевъ атаковать или тревожить насъ всю ночь, чтобы не дать отдыха нашему личному

составу и заставить насъ тратить снаряды, — и такъ до утра. Ходъ нашего отряда по всей вѣроятности *уменьшится*, такъ какъ разбитыя трубы (одно изъ главныхъ разрушеній на судахъ 28-го іюня) не позволяютъ держать требуемое давленіе пара, и расходъ угля увеличится. Если при 13 узлахъ перехода до Владивостока требуется 4 дня, то съ уменьшеніемъ хода онъ увеличится, и съ ходомъ въ 8 узловъ потребуется уже 6 сутокъ. На другое утро непріятельскіе броненосцы, оправившись и отдохнувъ, опять, *по своему желанію*, выбравъ моментъ, набросятся на нашъ утомленный суточнымъ боемъ отрядъ, и такъ далѣе — можно ожидать будетъ его тактика до о-ва Цусимы, гдѣ насъ поджидаетъ свѣжій отрядъ 4 бронированныхъ крейсеровъ и миноносцевъ; и тутъ, вблизи своихъ береговъ, своихъ крѣпостей и портовъ, непріятель постарается дать серьезный бой; таранить непріятеля при всемъ желаніи *мы не можемъ*; этотъ маневръ можетъ дѣлать только преобладающій ходомъ; при такой обстановкѣ никакія физическія силы не выдержать и ни одинъ корабль; развѣ чудомъ, дойдутъ до Владивостока, — и, мы, потерявъ остатокъ нашей Тихоокеанской эскадры, дадимъ непріятелю новую побѣду, а главное лишимъ возможности идущей изъ Балтійскаго моря эскадрѣ разбить японскій флотъ, такъ какъ она сама по себѣ слабѣе непріятеля какъ по количеству судовъ, по числу орудій, по разнотипности, меньшей скорости и тѣмъ, что ей *тоже придется прорываться къ своей базѣ — Владивостоку, безъ которой ни одинъ флотъ оперировать не можетъ*“.

Послѣ боя 28-го іюля эскадренные броненосцы „Ретвизанъ“, „Полтава“ и „Пересвѣтъ“ дошли до Портъ-Артура, только благодаря полному штилю, а продолжая идти во Владивостокъ, *даже безъ боя*, принуждены были бы выброситься куда-нибудь на берегъ или войти въ нейтральный портъ, какъ это сдѣлалъ эскадренный броненосецъ „Цесаревичъ“, крейсеръ 1 ранга „Аскольдъ“, и другіе.

Итакъ умолкла, наконецъ, Высокая, замолкла ея вершина, но не тихо было въ Артурѣ, его страдные дни продолжались. Гибнутъ броненосцы, крейсера, идетъ бомбардировка Нового города, снаряды непрерывно вокругъ госпиталей... но нѣтъ, читатель, послушайте лучше правдивый, прочувствованный рассказъ очевидца этихъ ужасовъ, талантливаго сотрудника Артурской газеты, теперь уже покойнаго Николая Николаевича Веревкина...

...„Стихли штурмы. Броненосцы на половину погрузились въ воду. Ждемъ чего-нибудь новаго. И новое не замедлило. Началась бомбардировка Новаго города, стрѣльба по госпиталямъ!

То тамъ, то тутъ развѣвающийся флагъ съ краснымъ крестомъ заволакивается дымомъ и пылью, поднятой упавшимъ снарядомъ. Раненые и больные, тѣ, которые не могутъ встать съ постели, слышать зловѣщій свистъ; черезъ окно имъ видно, какъ гдѣ-то близко, напротивъ уже упало, разорвалось. Слѣдующій вѣроятно упадетъ ближе, а можетъ быть и здѣсь, рядомъ, въ сосѣдную стѣну... Но упалъ онъ не рядомъ, не въ сосѣдную стѣну, а на крышу, надъ головой. Рушатся стропила, потолочныя балки колятся въ щепы, грохочатъ посыпавшіеся кирпичи. Сквозь шумъ и грохотъ разрушенія уже слышенъ новый зловѣщій свистъ... летитъ второй, третій. Лежать въ постели и слышать все это—да вѣдь это же ужасъ, это хуже пытки!

Война... и только война!

Перебить раненыхъ, перебить сестеръ, докторовъ, санитаровъ—почему же и нѣтъ? Вѣдь раненые поправляются, больные воздоравливаются, возвращаются въ строй. А доктора? Вѣдь они посвящаютъ свои знанія, свой трудъ леченію этихъ раненыхъ больныхъ; благодаря заботливости сестеръ, благодаря уходу санитаровъ они, эти раненые, получаютъ опять возможность взяться за оружіе и снова защищать крѣпость, снова наносить вредъ, снова убивать наступающихъ.

А женевская конвенція, а конференція въ Гаагѣ?

Красивыя слова, мечтанія идеалистовъ, несбыточные грезы!

Упорядочить войну, урегулировать способы убійства другъ друга... развѣ же это не мечты, не грезы?“

Минувшее эскадры.

Торжество раздачи Георгіевскихъ крестовъ.

Не внутренній рейдъ, а могила эскадры...

А давно ли, лишь 8 мѣсяцевъ назадъ, здѣсь, на поверхности этихъ же, только весело плескавшихся волнъ, ранней весной, съ пріѣздомъ покойнаго Макарова была жизнь ключемъ. Ключемъ свѣтлымъ, сильнымъ, здоровымъ, искрящимся подъ живительными лучами яркаго солнца весны.

Яркія, сильныя картины минувшаго проходятъ въ моей памяти, какъ калейдоскопъ.

21-го марта. Воскресеніе.

Божественная литургія въ судовой церкви „Петропавловска“ близилась къ концу. Внизу душно. Поднялся на верхъ.

Великолѣпный, солнечный, игривый день. Съ наслажденіемъ вдыхалъ я живыя струйки весенняго воздуха. Во всемъ организмѣ чувствовалась бодрость, подъемъ энергіи. На душѣ было легко.

Человѣкъ живетъ надеждой, а когда они такъ заманчивы, такъ властны, какъ не въ волшебномъ шествіи царственной весны.

На кормѣ огромнаго броненосца подѣ сѣнью плавно развѣвавшагося Андреевскаго флага былъ установленъ аналой. Направо отъ него на длинномъ столѣ, убранномъ національными флагами, на бѣлоснѣжной скатерти желтѣли ленточки и блестяли скромные на видъ, маленькіе, серебряные георгіевскіе кресты.

Признанные достойными, за особенно выказанную храбрость, быть кавалерами этого высокаго ордена, въ стройномъ порядкѣ расположились на обширной кормовой палубѣ броненосца—имѣя впереди оркестръ музыки.

Въ 10 часовъ вышелъ на палубу въ полномъ облаченіи священникъ, за нимъ поднялся командующій флотомъ вице-адмиралъ Макаровъ въ сопровожденіи Великаго Князя Кирилла Владиміровича, начальника штаба адмирала Моласса, адмираловъ, командировъ судовъ и свободныхъ отъ службы офицеровъ.

Караулъ вызванъ въ ружье, раздалась команда „на молитву“ и молебствіе началось.

Прекрасный, съ пониманіемъ руководимый хоръ матросовъ стройно исполнялъ богатые гармоніей, мелодичные напѣвы молитвословій молебна.

Въ свѣжемъ, прозрачномъ воздухѣ весенняго утра, ослѣпительно горѣвшее солнце — щедро освѣщало рѣдкую по своей обстановкѣ картину. Громады броненосцевъ, стройные крейсера, толпа сгруппировавшихся миноносцевъ послали сюда, въ центръ, сердце всего Тихоокеанскаго флота своихъ героевъ, которые, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, молились о скоромъ и побѣдномъ для Россіи окончаніи войны,

Кто изъ случайныхъ, неосвѣдомленныхъ присутствующихъ могъ подумать, что вотъ тутъ стоятъ люди, которые создаютъ славу и мощь Россіи,—такъ они незамѣтны и скромны.

Молебень приближался къ концу, священникъ съ крестомъ въ рукахъ молитвенно провозгласилъ многолѣтіе Государю—хоръ звучно подхватилъ „многая лѣта“. Затѣмъ было провозглашено многолѣтіе побѣдоносному христіюлюбивому воинству и вновь пожалованнымъ георгіевскимъ кавалерамъ—подхваченное хоромъ; мощно, пророчески лилось изъ молодыхъ грудей пѣвчихъ долгое „многая лѣта“.

Когда присутствовавшіе приложились къ св. кресту—убѣленный сѣдинами, уже любимый всѣми адмиралъ Макаровъ, подозвалъ къ себѣ кавалеровъ и звучнымъ голосомъ, въ которомъ слышались и чувствовались искреннія нотки отца-командира, цѣнящаго и понимающаго своихъ матросовъ, сказалъ приблизительно слѣдующее:

*„Завѣтная мечта каждого русскаго воина получить знакъ отличія военнаго ордена. Васъ много, *каждого не узнаешь, каждому въ душу не влѣзешь...* всѣ вы молодцы я знаю. Каждый изъ вашихъ товарищей горитъ желаніемъ сразиться и побѣдить.*

По соглашенію съ вашими товарищами, по единодушному ихъ выбору—вы ими отличены, васъ они признали достойнѣйшими получить самую высокую награду „Георгіевскій крестъ“.

Получивъ этотъ крестъ—вы тѣмъ самымъ составляете честь той части, въ которой Вы служите. Помните же высокое значеніе креста, которымъ вы украшаетесь и явите себя достойными этой завѣтной для каждого военнаго награды.

Сказавъ эти простые, но искреннія слова, адмиралъ приступилъ къ раздачѣ наградъ.

Свыше часа продолжалось торжество раздачи георгіевскихъ крестовъ.

Безконечной вереницей подходили вновь пожалованные кавалеры къ своему адмиралу. Макаровъ, взявъ крестъ, поочереды передавалъ его то Великому Князю Кириллу Владиміровичу, то начальнику своего штаба, контръ-адмиралу Молассу, которые возлагали ихъ на грудь подходившимъ. Рѣдко, кто изъ матросовъ могъ скрыть душевное состояніе—всѣ слегка волновались. Съ

присущей русскому человеку скромностью подходили моряки къ своему адмиралу, про котораго они уже говорятъ: „Съ дѣдушкой мы не пропадемъ“.

Нужно было видѣть адмирала Макарова въ минуты, когда онъ, взглянувъ на подходившаго—передавалъ Великому Князю крестъ, чтобы понять, почему полюбилъ его русскій матросъ.

У „русскаго“ большое и чуткое сердце.

Залогъ успѣха каждой войны зависитъ отъ того, существуетъ ли нравственная связь между подчиненнымъ и начальникомъ. Весь титаническій успѣхъ Суворова заключался въ томъ, что онъ не парадно любилъ и понималъ своего солдата.

Здѣсь на дальней окраинѣ, связь между русскимъ адмираломъ и русскимъ матросомъ существовала; за послѣдствія можно было быть покойнымъ.

Когда раздача крестовъ окончилась, адмиралъ, поздравивъ новыхъ георгіевскихъ кавалеровъ, провозгласилъ въ честь ихъ „ура“.

Долго гремѣло восторженное „ура“ въ честь героевъ. Всѣ присутствовавшіе офицеры и не бывшіе въ строю матросы взяли подъ козырекъ.

Когда все стихло, адмиралъ Макаровъ, указавъ на то, что Георгіевскій крестъ имѣетъ четыре степени, выразилъ надежду, что никто изъ достойнѣйшихъ не будетъ обойденъ наградой, провозгласилъ еще разъ въ честь георгіевскихъ кавалеровъ „ура“.

Минувшія дѣла „Баяна“ подъ командой капитана I ранга Виренъ *).

Не внутренній рейдъ, а могила...

А десять мѣсяцевъ тому назадъ?

Наступилъ вечеръ 26 января.

Эскадра на внѣшнемъ рейдѣ.

Послѣдній день догоралъ еще въ мирной обстановкѣ.

По обыкновенію, незадолго до 5 часовъ, на всѣхъ судахъ послышалась повѣстка. Черезъ $\frac{1}{4}$ часа, за 2 минуты до захода солнца заиграли зорю. Лишь только закатилось солнце—на адмиральскомъ суднѣ грянула пушка и одновременно со всѣхъ су-

*) Нынѣ контръ-адмиралъ.

довъ мѣрно опустились кормовые флаги подъ звуки встрѣчи. За едва умолкшими торжественными звуками „чести флагу“ полились аккорды гимна „Коль Славень“.

Вся церемонія производится на каждомъ суднѣ въ присутствіи караула вызваннаго въ ружье и всѣхъ офицеровъ, собравшихся на шканцахъ. По окончаніи молитвы вахтенный начальникъ передаетъ рапортъ о состояніи постовъ караула старшему офицеру, послѣдній передаетъ его командиру. По командѣ вахтеннаго начальника: „карауль, горнисты и барабанщики внизъ“ всѣ разошлись и офиціальный день на каждомъ кораблѣ закончился.

По уходѣ офицеровъ и команды на всѣхъ судахъ раздался сигналъ „задрать“ (герметически закупорить) всѣ водонепроницаемые перегородки,—чѣмъ осуществляется идея раздѣленія корабля на отсѣки; въ случаѣ пробоины и затопленія одного изъ нихъ—сосѣднія остаются сухими.

Въ 6 часовъ команды на судахъ мирно поужинали. До 8 часовъ развлекались, въ виду холодного вечера, въ жилыхъ помѣщеніяхъ. Въ 8 протрещали барабаны на молитву. Пропѣвъ обычныя вечернія молитвы, люди подъ рѣзкую трель боцманскихъ дудокъ пошли разбирать свои койки.

Жизнь на судахъ постепенно замирала. Люди послѣ труднаго, рабочаго дня мирно отходили ко сну. На корабляхъ бодрствовали только вахтенное отдѣленіе и карауль. Никто не думалъ, не подозрѣвалъ, что всѣ проснутся подъ грянувшій громъ и грядущіе ужасы начавшейся войны.

Эскадра стояла съ огнями, бухта, городъ, дачныя мѣста свѣтились множествомъ огней; маяки, какъ путеводныя звѣзды ярко горѣли, указывая притаившемуся врагу вѣрный путь къ эскадрѣ. Все и вся далеки были отъ мысли, что врагъ ужъ близко; что онъ, притаившись, стережетъ нашу эскадру, чтобы нанести ей смертельный ударъ.

Ясная, тихая морозная ночь незамѣтно смѣнила вечеръ.

Городъ еще шумѣлъ, но на эскадрѣ все замирало.

Тишь ночи нарушалась иногда лязгомъ талей, отдаленнымъ шумомъ погружаемаго угля, окриками часовыхъ, командными свистками, да дежурныя суда освѣщали прожекторами рейдъ и вдаль уходящее море—пронизывая ночную темь по разнымъ направленіямъ

Нашъ блиндажъ въ редутъ II использованный японцами.

Быль уже двѣнадцатый часъ на исходѣ. Вахтенный начальникъ на „Баянѣ“, поплотнѣ закутавшись — ожидалъ благотѣльной смѣны. Дежурныя суда не переставали свѣтить прожекторами.

Темно, холодно и скучно. Вдругъ въ столбѣ лучей прожектора ясно обрисовывается миноносецъ безъ огней — нашъ типъ и моментально скрывается.

Миноносецъ безъ огней, быстрое его исчезновение — показалось подозрительнымъ. Вахтенный начальникъ приказалъ позвать горниста и послалъ доложить командиру. Полминуты спустя сигналистъ на мостикѣ — въ ожиданіи приказаній. Въ этотъ моментъ второй миноносецъ и опять быстрое исчезновение.

Не отдавая себѣ яснаго отчета въ происходящемъ, но предчувствуя что-то неладное, вахтенный офицеръ приказываетъ бить тревогу.

Среди ночи грянула тревога, моментально подхваченная всѣми судами. Въ мгновение эскадра ожила, — но никто еще, положительно никто не могъ отдать себѣ яснаго отчета въ происшедшемъ.

Всѣ были далеки отъ ужасной дѣйствительности.

Но что же творилось? Что возмутило покой всей эскадры?

Японскіе миноносцы, подкравшись, атаковали „Палладу“, „Цесаревичъ“ и „Ретвизанъ“.

Первымъ пострадалъ крейсеръ I ранга „Паллада“, стоявшій мористѣ. Вахтенный начальникъ на послѣднемъ лейтенантѣ Бровцынѣ въ 11 ч. 37 м. влѣво отъ Ляотѣшанскаго маяка усмотрѣлъ на горизонтѣ огни. Такъ какъ крейсеръ былъ въ дежурствѣ по освѣщенію, то немедленно было приказано направить лучи боевыхъ фонарей на приближающіеся огни. По истеченіи трехъ-четыреухъ минутъ выяснилось, что это миноносцы въ количествѣ 4-хъ, идущіе въ строѣ кильватера. Командиръ, далекій отъ мысли, что врагъ среди эскадры, поднялся на задній мостикъ. Вахтенный начальникъ указалъ ему появившіеся миноносцы, которые въ это время начали вертѣться и сейчасъ же была замѣчена вспышка съ одного борта, — а затѣмъ, всѣ ясно различили на поверхности воды слѣдъ идущей мины.

На высказанное предположеніе, что это непріятель, никто этому не хотѣлъ и не могъ вѣрить, тѣмъ болѣе, что миноносцы были однотипны съ имѣющимися у насъ миноносцами Невскаго

завода: т.-е. четырехтрубные съ кожухами между средними трубами. По счастью, одинъ изъ 4-хъ непріятельскихъ миноносцевъ оказался отличнымъ отъ нашихъ, а потому, чрезъ нѣсколько мгновений, вопросъ: „свои это или нѣтъ“ былъ рѣшенъ и по приказанію командира крейсера лѣвымъ бортомъ открылъ убійственный огонь по направленію миноносцевъ; но атакующіе миноносцы успѣли уже выпустить три мины. Третья мина попала въ корпусъ „Паллады“ между 68 и 78 шпангоутами. Направленіе ея было настолько ясно видно, что немедленно были приняты всѣ мѣры къ спасенію крейсера. Въ моментъ удара мины крейсеръ мягко подняло къверху, а затѣмъ плавно, какъ бы на рессорахъ, опустило, а корпусъ накренило на 4°. Поднявшимся безвучно огромнымъ столбомъ воды, обильно обдало холоднымъ дождемъ стоявшихъ на шканцахъ команду и офицеровъ. Миноносцы послѣ открытаго огня отступили, по всему вѣроятію, для атаки слѣдующихъ судовъ. Съ крейсера отчетливо было видно, что 6-дюймовыми орудіями боковымъ и кормовымъ было пущено ко дну два непріятельскихъ миноносца. Очевидцы ручаются, что, именно кормовымъ орудіемъ, былъ пущенъ ко дну тотъ миноносецъ, который хотѣлъ атаковать пострадавшій уже броненосецъ „Цесаревичъ“, шедшій на мелководіе.

Какъ только была пробита водяная тревога,—моментально загремѣли по всѣмъ уголкамъ огромнаго крейсера колокола громкаго боя „алармы“ и команда бросилась спасать свою „Палладу“.

Несмотря на всю неожиданность свершившагося, команда съ поразительной выдержкой, отчетливостью, почти при абсолютномъ молчаніи (треб. морск. устава) блестяще выполнила подводку пластыря и тушеніе пожара. А батареи тѣмъ временемъ продолжали убійственный огонь, грома уходящаго непріятеля.

Взрывъ мины произвелъ въ помѣщеніи угольной ямы, за которой находился бомбовый погребъ, пожаръ.

Образовавшимися въ погребѣ газами вышибло люкъ отъ подачи, которымъ убило наповаль находящагося въ батарейной палубѣ матроса,—а вырвавшимися газами обожгло четырехъ челоуѣкъ, которые въ непродолжительномъ времени скончались. Люди, работавшіе въ угольной ямѣ при тушеніи пожара, были удушены газами, образовавшимися при взрывѣ непріятельской мины, и, въ маломъ промежуткѣ, одинъ за другимъ умерли.

Трюмный машинистъ Петровъ, несмотря на полученные ужасные ожоги, продолжалъ исполненіе своихъ обязанностей до полной потери сознанія.

„Паллада“ по подводкѣ пластырей и готовности паровъ перешла на мелкое мѣсто, чтобы избѣжать риска затонуть на глубинѣ, (у входнаго маяка) гдѣ и осталась, принявъ участіе въ бою 27 января съ японскимъ флотомъ.

Тѣмъ временемъ командиръ „Баяна“, капитанъ I ранга Виренъ, поднявшись на мостикъ, спрашиваетъ:

— Что такое?—Миноносцы—быль отвѣтъ.

Немедленно было отдано приказаніе освѣщать горизонтъ всѣми прожекторами, устроивъ свѣтовую преграду. Въ этотъ моментъ въ освѣщенной полосѣ показывается и, мелькнувъ, скрывается третій миноносецъ. На лѣвомъ флангѣ эскадры слышались выстрѣлы. Всѣ суда свѣтили, а черезъ нѣсколько минутъ, тамъ, въ сторонѣ Паллады, непрерывнымъ гуломъ загремѣли орудія. То было отраженіе первой минной атаки.

Затѣмъ на нѣкоторое время все стихло.

По всей эскадрѣ въ промежутки стрѣльбы царилъ хаосъ звуковъ.

Съ Баяна увидѣли накренившагося „Ретвизана“. На немъ били водяную тревогу и семафорили: „Терплю бѣдствіе, прошу прислать шлюпки. Съ „Баяна“ былъ туда посланъ паровой катеръ съ офицеромъ, который, вернувшись, доложилъ, что „Ретвизанъ“ получивъ въ носовую часть лѣваго борта пробоину, подводитъ пластырь. Нѣсколько погода, отчетливо было видно, какъ начали сниматься съ якоря „Цесаревичъ“, „Ретвизанъ“, и „Паллада“.

Когда „Цесаревичъ“, накренившись, уходилъ на мелкое мѣсто, его пытались вторично атаковать миноносцы.

Отражая вторую ихъ атаку, „Цесаревичъ“ гремѣлъ лѣвымъ бортомъ, осыпая миноносцы снарядами.

Когда онъ мроходилъ мимо „Баяна“, вынужденнаго молчать въ силу своего положенія къ остальнымъ судамъ эскадры—среди команды, на всей палубѣ, царило гробовое молчаніе.

На лицахъ у всѣхъ невольно отразилось душевное состояніе.

Всѣ говорили шепотомъ.

Матросы обращались къ своимъ офицерамъ съ вопросами.

— Ваше благородіе, да что это?—Неужто японцы?—Войны нѣтъ,—какъ же это такъ?

Что было отвѣчать!? Всѣ были поражены и страшно озлоблены.

Да! это были тревожныя минуты и тяжелая, томительная ночь.

Всѣ были на чеку,—ждали повторныхъ атакъ.

Въ 2 часа непріятель, произведя послѣднюю — по счету третью атаку, и будучи отраженъ, отступилъ.

Преслѣдовать уходившихъ японцевъ были посланы „Аскольдъ“, „Новикъ“ и миноносцы.

Все стихло, — лишь съ моря доносились рѣдкіе выстрѣлы нашихъ по убѣгавшему непріятелю.

Понявъ, что грянулъ уже первый громъ войны—„Баянъ“, усиливъ вахтенную службу, сталъ ожидать разсвѣта. Офицеры и команда, обозленные до крайнихъ предѣловъ такой дерзостью японцевъ, осмѣлившихся, безъ объявленія войны, начать непріязненные дѣйствія—забыли о снѣ. Все негодовало и волновалось; ждали, но съ какимъ страшнымъ, напряженнымъ нетерпѣніемъ всѣ ждали разсвѣта, чтобы убѣдиться въ размѣрѣ нанесеннаго эскадрѣ вреда. Никто не хотѣлъ ложиться. Командиръ строго приказалъ уложить команду, чтобы пріучить къ нормальному отдыху и въ боевой обстановкѣ.

Поднявшійся въ исходѣ 3 часа желтый дискъ луны блѣдно освѣтилъ рейдъ. Въ мгlistомъ утреннемъ воздухѣ неясно выдѣлились абрисы судовъ нашей эскадры.

Офицеры, собравшись въ каютъ-компаніи, до разсвѣта провели въ бесѣдѣ о грядущемъ днѣ и возможныхъ событіяхъ скорого будущаго.

День 27 января.

Разсвѣло. Всѣ свободно вздохнули.

Въ 8 часовъ, вслѣдъ за подъемомъ флага, на горизонтѣ, въ сторонѣ Ляотъшаня, въ утренней дымкѣ морознаго утра показались четыре небольшихъ японскихъ крейсера.

По „Баяну“ отъ палубы до кочегарокъ съ быстротою молніи пронеслось: „непріятель показался“.

Нужно было видѣть въ этотъ моментъ людей, чувствовать настроеніе команды, чтобы понять насколько былъ силенъ подъемъ духа нашихъ молодцовъ-матросовъ.

Не подбодрять, а сдерживать приходилось офицерамъ своихъ, что и доказалъ первый бой.

Какъ только замѣтили непріятеля, была пробита боевая тревога, и эскадра въ полномъ составѣ приготовилась къ бою. Непріятель, пришедшій лишь высмотрѣть, а не вступить въ бой, повернулъ и скрылся за горизонтомъ.

Немедленно на развѣдки былъ посланъ „Бояринъ“, а вслѣдъ за нимъ „Новикъ“.

Къ 10 часамъ увидѣли „Боярина“ возвращающагося полнымъ ходомъ и держащаго сигналъ: „вижу непріятеля въ большихъ силахъ“. Какъ только разобрали сигналъ „Боярина“ эскадра начала сниматься.

Всѣ высыпали на палубу и теперь еще среди команды слышались вопросы: „что это японцы?“

Долго не вѣрилъ нашъ герой матросъ, что ему придется воевать съ „японцемъ“.

Снявшись, эскадра, маневрируя вдоль береговъ, стала приближаться къ непріятельскому флоту. Среди матросовъ царило поразительное спокойствіе; только въ глазахъ всѣхъ и каждого читалось, съ какой беззавѣтной храбростью готовъ каждый изъ нихъ положить жизнь за Царя, Россію и свой „Баянъ“.

Всѣ были особенно сосредоточены.

Приказанія исполнялись съ несравненно большей отчетливостью, чѣмъ въ обыденное время.

Это были не послѣднія минуты передъ боемъ, а скорѣе смотровое ученіе, только на всемъ лежала печать небывалой серьезной торжественности.

А японцы все ближе, ближе, уже обрисовались мачты, трубы.

Пробили боевую тревогу.

Моментально всѣ были на мѣстахъ.

Никакой суеты, спѣшки, полная торжественная тишина.

Минуты кроваваго спора приближались.

Японцы еще ближе, еще...

Въ какой-то синеватой дымкѣ уже обрисовались силуэты судовъ всего японскаго флота. Каждый невольно просчиталъ ихъ число: шесть эскадренныхъ броненосцевъ, 6 бронированныхъ крейсеровъ, 4 крейсера 2-го ранга и сравнилъ съ числомъ своихъ: 5 броненосцевъ, 3 крейсера 1-го ранга и 2 крейсера 2-го ранга.

Броненосцы „Цесаревичъ“, „Ретвизанъ“ и крейсеръ 1-го ранга „Паллада, получившіе наканунѣ поврежденія, не могли принять участіе всѣми своими силами; но все время стрѣляли, какъ только позволяло ихъ положеніе къ судамъ нашей эскадры, бывшимъ на ходу.

Въ это время на перевязочномъ пунктѣ въ присутствіи медицинскаго персонала, въ томъ мѣстѣ, гдѣ черезъ нѣсколько минутъ искусная рука врача будетъ облегчать страданіе раненыхъ, судовымъ священникомъ отцомъ Ѳеодоромъ Скальскимъ дослуживался прерванный боевой тревогой молебенъ. По окончаніи молитвословій, отецъ Ѳеодоръ съ крестомъ въ рукахъ началъ обходъ корабля, благословляя и осѣняя имъ всѣхъ на смертный бой.

Каждый, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ и цѣлуя Св. Крестъ, съ благоговѣніемъ вспоминалъ слова Спасителя: „Никто большей любви не имѣетъ, кто положитъ душу свою за други своя“.

А непріятель уже пришелъ на разстояніе выстрѣла. Моментъ боя насталъ.

Въ 11 ч. 10 м. съ флагманскаго судна блеснулъ первый желтоватый огонекъ, а за нимъ долетѣлъ звукъ выстрѣла. Нашъ адмиральскій корабль „Петропавловскъ“ отвѣтилъ подрядъ двумя выстрѣлами изъ 12 дюймовыхъ орудій и тогда зарокотала вся наша эскадра и батареи крѣпости.

Начался бой, продолжавшійся 40 минутъ.

Подвиги нѣкоторыхъ нижнихъ чиновъ экипажа.

Комендоръ Обертюкъ — сильно раненый въ плечо и ключицу — продолжалъ огонь изъ вѣреннаго ему орудія, оставивъ его лишь только тогда, когда изнемогая отъ ранъ, обливаясь кровью—лишился чувствъ.

Комендоръ Моховъ, стоявшій у орудія, которое въ виду малаго калибра и дальности разстоянія принуждено было молчать, немедленно смѣнилъ свалившагося сосѣда комендора и несмотря на полученную рану, продолжалъ огонь до конца боя.

Квартирмейстеръ Печерица, охранявшій во время боя кормовой флагъ подъ градомъ падавшихъ у кормы снарядовъ и сыпавшихся осколковъ, былъ сильно раненъ въ ногу, остался на посту до смѣны, до окончанія боя. На вопросъ офицера, замѣтившаго, что Печерица хромаетъ:

— Что раненъ?

Отвѣтилъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ:

— Такъ точно, Ваше благородіе, какъ будто ударило въ ногу.

Оказалось, что это „какъ будто“ настолько серьезно, что уже третью недѣлю лежитъ въ госпиталѣ.

Осколками снаряда, изуродовавшего комендора Щукина, смертельно былъ раненъ комендоръ Сученко, послѣдній все время былъ въ полномъ сознаніи—умеръ при перевозкѣ въ госпиталь.

Бой становился все горячѣй.

Ужасы продолжались. Рвавшіеся снаряды одного за другимъ выводили изъ строя.

Кровь лилась.

Спокойная, адски выдержанная распорядительность командира, руководившаго крейсеромъ, сдерживавшаго изъ боевой рубки приказаніями по телефону временами увлекавшіяся орудія; его удивительное хладнокровіе подъ непрерывнымъ, страшнымъ огнемъ, когда черный, зловѣщій дождь желѣза, чугуна и стали вносилъ повсюду смерть и разрушеніе; его рѣдкое самообладаніе, невозмутимый покой благотворно дѣйствовали на его ближайшихъ помощниковъ на боевомъ мостикѣ и всѣхъ видѣвшихъ его въ эти опасныя, страшныя минуты. Вѣдь всѣ принимали первое боевое крещеніе.

Перевязочный пунктъ наполнялся. Къ концу боя въ немъ было уже около 39 человѣкъ. Среди грохота орудій, воя летѣвшихъ снарядовъ, грома взрывовъ, треска сыпавшихся осколковъ, шума стремительно работавшей машины, доктора, эти ангелы хранители раненыхъ, увѣренной рукой подавали страдающимъ первую помощь.

Вотъ принесли комендора Ванюшина, получившаго страшную рану въ области груди и печени. Когда его раздѣли, онъ пришелъ въ себя, открылъ глаза и сколько человѣческой муки и человѣческаго страданія выразилось въ его добромъ, кроткомъ взглядѣ. (Я видѣлъ впослѣдствіи его въ госпиталѣ медленно направляющимся).

Да, выносивъ, нашъ русскій воинъ. Одному только Ванюшину, въ виду его невозможныхъ страданій, пришлось и то уже послѣ боя сдѣлать подкожное впрыскиваніе морфія.

Бой приближался къ концу.

Непріятельская эскадра, сильно пострадавшая, отъ мѣткого огня нашей артиллеріи начала отступать. Громоносное ура грянуло съ боевого мостика и покатилося по всѣмъ палубамъ огромнаго крейсера въ мгновеніе достигнувъ машины и кочегарокъ.

Въ моментъ, когда на боевой рубкѣ замѣтили начавшееся отступление врага—ручки телеграфа опустились на полный ходъ и „Баянъ“ съ мѣста рванулся впередъ по направленію уходившей эскадры и подъ градомъ еще сыпавшихся снарядовъ противника началъ громить его мѣткимъ огнемъ.

Поднятый на адмиральскомъ кораблѣ сигналъ „Баяну вернуться въ строй“ былъ исполненъ.

Когда могучее ура донеслось къ раненымъ, кто былъ въ силахъ съ лихорадочнымъ огнемъ во взорѣ, забывая о страданіяхъ подхватилъ его, а болѣе слабые спрашивали: „что японцы“?

Сколько безграничнаго счастья выразилось на лицѣ жестоко страдавшихъ, когда они узнали, что непріятель много превосходящій числомъ отступилъ.

Кладбище стальныхъ гигантовъ.

Не внутренній рейдъ, а могила!

Лучшія суда, цвѣтъ Тихоокеанской эскадры, гордость русскаго флота, надежда Россіи безпомощно погрузились въ мутную воду Западнаго бассейна и безмолвствуютъ.

Западная, обширная часть внутренней гавани превратилась въ кладбище гигантовъ, этихъ стальныхъ грозныхъ красавцевъ, давно ли еще подъ лучами яркаго солнца іюля побѣдно мчавшихся въ бой, горя желаніемъ, пылая надеждой сразиться и побѣдить.

Похолодѣло солнце. Подмерзла, побѣлѣла земля. Океана волна потемнѣла.

Погасли надежды.

Эскадра погибла!

Погибла эскадра, погибли съ ней почти сотни миллионовъ рублей, собранныхъ у несчастныхъ, полуголодныхъ, тогда еще безропотныхъ и темныхъ людей.

Холодомъ, холодомъ суровымъ, холодомъ могилы вѣяло отъ этихъ затопленныхъ мертвецовъ.

И здѣсь, нигдѣ, какъ только здѣсь, надъ этой могилой, судьба неумолимая произнесла свой первый безошадный приговоръ осужденія надъ тѣми, чьи дѣла и руки выкопали могилу народнаго величія и народнаго разоренія.

Картина гавани, обрамленной сбѣгавшими къ ней склонами посядѣвшихъ горъ, увѣнчанныхъ еще защищавшимися людьми, сумрачное небо ноября, холодныя мутныя волны небрежно плескавшіяся о накренившіеся остова погибшихъ безвольныхъ кораблей, клубы дыма отъ рвавшихся снарядовъ,— вотъ основаніе памятника поставленнаго временемъ самодержавной бюрократіи, выставившей Россію къ позорному столбу.

Русскій Артуръ еще живъ, люди гибнутъ, но борятся. Въ гавани же все тихо. Тамъ все кончено, эскадры не существуетъ. Только толпа миноносцевъ и катеровъ прижалась къ Тигровому хвосту, да „Севастополь“ съ „Отважнымъ“ доживаютъ свои скорбные послѣдніе дни подъ защитой „Бѣлаго волка“ *).

Гавань и портъ почти безъ признаковъ жизни, тамъ тишина могилы.

Рисуя печальную картину безвозвратной гибели нашей лучшей эскадры, въ моей памяти съ болѣзненной ясностью возстанавливается правдивый разсказъ моего Артурскаго друга о приготовленіяхъ эскадры къ войнѣ, первая ночь ея и первый бой.

Войны на востокѣ ждали давно, но со времени оккупации Маньчжуріи, она была на порогѣ осуществленія.

Каждую весну и осень эскадра спѣшно чинилась, появлялись приказы о двадцати-четырехъ часовой боевой готовности. Усиливался обмѣнъ шифрованныхъ телеграммъ. Иногда даже эскадра съ секретнымъ предписаніемъ уходила въ море.

Затѣмъ, она спокойно возвращалась въ Артуръ и въ городъ распространялся слухъ, что всѣ дипломатическія недоразумѣнія улажены.

Дѣйствительно, нѣ проходило и недѣли, суда становились въ резервъ и все успокаивалось.

Тоже произошло въ сентябрѣ 1903 года.

Напряженіе въ ожиданіи войны дошло до крайнихъ предѣловъ. Вся эскадра съ полнымъ запасомъ угля и снарядовъ стояла

*) Бухточка, гдѣ укрылись эти послѣдніе два корабля.

въ Дальнемъ и спѣшно перекрашивалась въ боевой цвѣтъ. У входа въ Корейскій заливъ на линіи Джемсголъ-Шантунгъ стояла цѣпь крейсеровъ, за ней цѣпь миноносцевъ. Въ бухтѣ Гарнтонъ, въ островахъ группы Элліотъ, стоялъ въ засадѣ цѣлый отрядъ эскадренныхъ миноносцевъ. Минные транспорты „Амуръ“ и „Енисей“, наполненные минами, все время сновали между отрядами эскадры. Суда ночью ходили безъ огней. Каждое коммерческое подозрительное судно приказано было подвергать осмотру. Отдѣльные отряды поддерживали дѣятельное сношеніе съ командующимъ эскадрой, а послѣдній по беспроволочному телеграфу черезъ Дальній съ Артуромъ.

У командировъ было секретное предписаніе въ морѣ быть съ заряженными пушками и минными аппаратами и, по возможности, избѣгать столкновенія съ непріятелемъ, если заранѣе не послѣдуетъ особаго распоряженія.

Было предпринято масса другихъ предохранительныхъ мѣръ, о которыхъ въ моментъ начала войны не было и помину.

На сушѣ тоже что-то предпринималось.

Цѣлый мѣсяцъ тянулось неопредѣленное лихорадочное настроеніе, разрѣшившееся грандіознымъ морскимъ смотромъ Намѣстника въ Талиенванской бухтѣ.

Смотръ тянулся цѣлую недѣлю.

Несмотря на благодарственный приказъ намѣстника ¹⁾, что флотъ вполне доказалъ свою боевую готовность, на эскадрѣ изъ устъ въ уста передавались печальные результаты контръ-галсовой стрѣльбы, плохой маневрировки судовъ, а, главное, отсутствіе планомѣрно—проводимой программы при дѣйствіи эскадры во время маневровъ и небрежное отношеніе къ маневрамъ адмираловъ. Каждый доносилъ, что непріятель разбитъ и отступаетъ. Затѣмъ, отсутствіе развѣдочной службы, отсутствіе сигнальных станцій, несогласованность дѣйствій сухопутныхъ учреждений флота съ судами. Противорѣчающія распоряженія штаба и его медленное бумажное дѣлопроизводство дополнили печальную картину.

Не было офицера на эскадрѣ, довольнаго результатами маневровъ.

¹⁾ Намѣстнику приказано было этимъ смотромъ мирно демонстрировать. Другого приказа понятно онъ не могъ отдать.

Всѣ замѣчанія и недостатки, которые тогда указывались дѣятельными и просвѣщенными офицерами въ точности подтвердились во время войны.

Ошибки эти всѣ видѣли, замѣчало ихъ, конечно и начальство, но измѣнить что-либо, затѣять серьезную ломку никто не отважился. Многіе утѣшали себя тѣмъ, что и у японцевъ есть недостатки, даже склонны были думать, что они, благодаря экономіи, мало плаваютъ и стрѣляютъ.

Миновалъ острый періодъ, всѣ устали послѣ маневровъ и при чудной погодѣ эскадра въ полномъ составѣ снялась съ Талиенванскаго рейда и направилась къ Артуру.

Не забыть мнѣ этой величественной, великолѣпной картины возвращенія эскадры въ Артуръ.

Какая разница между давно ли минувшимъ и этой огромной могилой стальныхъ гигантовъ.

Вернулась эскадра и на зиму опочила отъ трудовъ въ ожиданіи весны, а съ ней новыхъ, спазматическихъ, воинственныхъ припадковъ.

Зимній сезонъ начался новымъ оживленіемъ. Балы у намѣстника, еженедѣльные вечера въ гарнизонномъ собраніи съ М-ше Стессель во главѣ собирали весь Артуръ.

Эскадра же вошла въ Западный бассейнъ, (который черезъ годъ превратился въ ея могилу) и стала въ резервѣ. Въ крѣпости вновь формировалась 7-я Восточно-Сибирская стрѣлковая дивизія. Вновь прибывшіе офицеры-стрѣлки съ любопытствомъ объѣзжали эскадру, внушительную, грозную усилившуюся еще прибывшими „Цесаревичемъ“ и „Баяномъ“. Не безъ зависти смотрѣли стрѣлки на моряковъ, всегда прекрасно одѣтыхъ, первыхъ въ обществѣ. Пока въ Артурѣ было мало сухопутныхъ силъ, офицеры жили въ добромъ согласіи, тѣмъ болѣе, что это были люди вмѣстѣ пережившіе китайскую экспедицію, но съ прибытіемъ новаго элемента отношенія стали быстро портиться.

Послѣднія событія въ жизни Дальняго Востока свершившіяся осенью 1903 года, обратили на Артуръ всеобщее вниманіе. Учрежденіе намѣстничества, открытіе новыхъ учреждений, съѣздъ представителей администраціи всей русской восточной Азіи, съѣздъ русскихъ посланниковъ изъ Кореи, Китая, Японіи, пріѣздъ Куропаткина, открытіе сквозного пассажирскаго сообщенія Европы съ крайнимъ востокомъ,—факты эти были столь большой важно-

сти и, конечно, много обѣщали Артуру, какъ конечному пункту дороги соприкасавшейся съ океаномъ и какъ административному и торговому центру русскаго крайняго востока.

Городъ ростъ не по днямъ, а по часамъ.

Но чувствовалось, что подъ Артуромъ kloкочутъ вулканическія силы. Большая публика въ Артурѣ слѣдила за дипломатіей и большинство было того мнѣнія, что „япошки“ нахалы, что не только Маньчжурію слѣдуетъ оставить себѣ, но что хорошо прихватить бы и Монголію.

25 января 1904 года, адмираломъ Алексѣевымъ были получены послѣднія предложенія изъ Петербурга, въ которыхъ Россія почти согласилась на мотивированныя требованія Японіи.

Когда намѣстникъ хотѣлъ эту телеграмму отправить барону Розену въ Токио, на Датскомъ телеграфѣ заявили посланному, что пріемъ въ Японіи шифрованныхъ телеграммъ прекращенъ.

Въ этотъ же день пришла агентская телеграмма о прекращеніи дипломатическихъ переговоровъ и объ отзываніи пословъ.

Телеграмма эта въ „Новомъ Краѣ“ напечатана не была. Зналъ о ней только самый тѣсный кружокъ.

Эскадра, стоявшая съ осени въ вооруженномъ резервѣ, неожиданно начала кампанію и въ полномъ составѣ, съ секретнымъ предписаніемъ вышла въ море. Все это произошло до разрыва дипломатическихъ сношеній.

Прокрейсировавъ въ морѣ около трехъ дней, 25-го вернулась въ Артуръ, гдѣ ее уже ожидалъ сюрпризъ въ видѣ прерыва дипломатическихъ переговоровъ.

Неожиданный, демонстративный выходъ эскадры (такъ говорили всѣ болѣе или менѣе освѣдомленные люди) былъ толчкомъ къ той поспѣшной рѣшимости, съ которой Японія прекратила переговоры и начала кампанію.

25-го утромъ, въ день прихода нашей эскадры въ Артуръ, изъ Сасебо вышла боевая эскадра подъ флагомъ адмирала Того, въ составѣ 6 броненосцевъ, 6 бронированныхъ крейсеровъ и четырехъ сильныхъ развѣдчиковъ, тучей миноносцевъ и многихъ минныхъ крейсеровъ и взяла курсъ на Артуръ.

Наша эскадра, возвратившись въ Артуръ, стала на внѣшнемъ рейдѣ.

По плану охраны, одно изъ судовъ 1 ранга должно было освѣщать горизонтъ прожекторомъ, а два миноносца съ незаря-

женными пушками и минными аппаратами, неся отличительные бортовые огни, должны были описывать дугу вокруг эскадры, приблизительно от Ляотшаня до бухты Сикау, идя другъ другу въ кильватеръ.

Всю ночь мы ходили по этой дугѣ, погода была скверная, дулъ довольно свѣжій вѣтеръ. Ночь была темная, безлунная.

На утро 26 января командиръ миноносца донесъ въ штабъ, что такая охрана не имѣетъ никакого смысла, но порядокъ измѣненъ не былъ и въ слѣдующую ночь японцы подорвали нашу эскадру.

Нашъ миноносецъ былъ собранъ въ Артурѣ на Невскомъ заводѣ и, какъ вся серія этихъ миноносцевъ, собранныхъ на мѣстѣ, имѣлъ массу недочетовъ, особенно по машинной части. Не проходило ни одного самага кратковременнаго похода, что бы что-либо не загорѣлось или не потекло. За время ночной охраны потекли холодильники. Мы стали за Тигровымъ хвостомъ, рассчитывая починиться ко времени ухода эскадры.

Я отправился въ городъ Обѣдалъ въ морскомъ собраніи въ обычной компаніи чиновниковъ различныхъ канцелярій—на-мѣстника, офицеровъ генеральнаго штаба. Шелъ разговоръ о послѣднихъ дипломатическихъ новостяхъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ дипломатовъ (Квантунскій министръ иностранныхъ дѣлъ) ручался за мѣсяць неопредѣленнаго положенія, опираясь на то, что японцы никогда не рискнутъ первыми начать враждебныя дѣйствія.

Не знаю, насколько дипломатъ былъ искрененъ, но когда ночью разбуженный выстрѣлами прибѣжалъ на адмиральскую пристань, гдѣ собралась порядочная толпа, сѣтовавшая на халатность морского начальства, „дипломатъ“ нервно и возбужденно говорилъ окружающимъ:

— „Я такъ и зналъ, этого нужно было ожидать!!“

Въ ночь на 27 января, зная, что мой миноносецъ можетъ выйти въ море не ранѣе утра, я сидѣлъ вечеромъ дома. Заходитъ товарищъ, пришелъ проститься. Ночью съ полкомъ уѣзжаетъ на Ялу. Конечно зашелъ разговоръ о войнѣ. Всѣ мы были печально настроены, хотя искренно вѣрили, что русскіе побѣдятъ, и, какъ не удивительно, сожалѣли японцевъ, что они затѣваютъ войну. Мы жалѣли ихъ не только какъ людей, вообще

дѣлающихъ ошибку, но жалѣли ихъ, какъ народъ способный, передовой. Сомнѣнія выражались на счетъ силы нашего флота, но въ арміи, въ арміи были убѣждены. Зная скромныя требованія японцевъ и искреннюю готовность (?) нашего правительства кончить дѣло миромъ, трудно было примириться съ мыслию, что изъ-за недомолвокъ, неумѣнія столковаться, готова была разыграться кровавая трагедія, всего ужаса котораго мы тогда себѣ еще не представляли.

По словамъ моего товарища—мы торопились на Ялу, чтобы занять горные перевалы до наступленія японской арміи, которые предполагалось удержать незначительными силами, а съ подходомъ арміи изъ Россіи двинуться въ Корею и выбросить въ море „япошекъ“.

Среди бесѣды, часовъ около 11-ти мы услышали глухой ударъ, точно отдаленный взрывъ. Продолжаемъ разговоръ, второй ударъ.

Вскорѣ товарищъ поднялся. Мы простились. Вслѣдъ за нимъ вышелъ и я. Подходя къ набережной, замѣтилъ, что суда на рейдѣ свѣтятъ боевыми фонарями и изрѣдка раздаются выстрѣлы направленные въ море. Сѣлъ въ шампуньку съ машиннымъ квартирмейстеромъ. Когда поравнялись съ серединой прохода — открылся видъ почти на всю эскадру стоявшую на взморьѣ. Стрѣльба усиливалась и беспорядочно перекачивалась изъ одного конца въ другой. Мой спутникъ, обращаясь ко мнѣ, говорить:

— В. Б. Вотъ и на войнѣ также бываетъ.

— А ты почему знаешь?

— Я былъ въ Таку на миноносцѣ, когда мы брали его.

Поговоривъ, мы рѣшили, что это вѣроятно внезапная минная атака и, конечно, учебная стрѣльба. Стрѣльба стихла. Войдя въ каютъ-компанію миноносца, я засталъ на суднѣ одного мичмана спящимъ.

Только, только я задремалъ, слышу душу раздирающій крикъ на палубѣ:

— Посылай за командиромъ, японцы взорвали нашу эскадру.

Извѣстіе это не ошеломило, не удивило,—я просто не вникъ въ смыслъ его, но, быстро одѣвшись, выбѣжалъ на палубу.

На всемъ I-мъ отрядѣ миноносцевъ, стоявшихъ бокъ-о-бокъ, была суeta.

Пересѣлъ на миноносецъ, на который прибылъ офицеръ съ тѣмъ потрясающимъ извѣстіемъ.

На трапѣ, въ прихожей, прислонившись къ стѣнѣ, прибывшій съ усталымъ, измученнымъ видомъ—невнятно и безсвязно рассказывалъ окружавшимъ о свершившемся.

Вскорѣ прибылъ офицеръ отъ намѣстника съ приказомъ всѣмъ миноносцамъ выходить въ море и атаковать уходящаго непріятеля.

Потянулись миноносцы одинъ за другимъ. Сначала вышелъ первый отрядъ.

По командѣ мы узнавали голоса командировъ.

Весь рейдъ засвѣтился огнями передвигавшихся миноносцевъ.

Крики, шумъ, оживленіе усиливалось. Гавань очнулась.

Всюду накачивали воздухъ въ мины, доставали патроны.

На нашемъ миноносцѣ холодильникъ былъ разобранъ. Меньше чѣмъ въ два часа собрали холодильникъ, команда работала во всю. Начали разводить пары.

На внутреннемъ рейдѣ, кромѣ насъ, остались только не боевые суда, а также „Амуръ“ и „Енисей“ съ полнымъ запасомъ минъ.

На Золотой горѣ, наконецъ, взвились одна за другой три ракеты, затѣмъ въ сторону города было дано три выстрѣла.

„Это боевая тревога для крѣпости“—рѣшили всѣ и вдругъ вспомнили, что быть можетъ идетъ гдѣ-нибудь около крѣпости высадка десанта.

Ужасная-то была мысль!

Въ проходъ съ моря приближалась масса огней, слышались крики, шумъ. Мы побѣжали по сходкѣ на берегъ и поспѣшили на другую сторону хвоста.

Въ темнотѣ, кромѣ массы огней, сначала передвигавшихся, затѣмъ остановившихся, ничего нельзя было разобрать, потомъ различили корпуса: „Ретвизана“, „Цесаревича“. Оба столпились въ проходѣ. Одинъ примкнулъ къ мели, другой хотѣлъ пройти мимо на рейдѣ, но не удалось, поэтому потянулся назадъ и примкнулъ рядомъ.

Для усугубленія печальной картины, замѣтили въ темнотѣ, прямо противъ насъ ставшій на мель миноносецъ.

На берегу понемногу начала собираться толпа рабочихъ и служащихъ Невского завода.

Сколько вѣрныхъ, сколько суровыхъ словъ осужденія было сказано. Но все тихо, кратко.

Каждый чувствовалъ, что на всѣхъ насъ лежала доля вины въ происшедшемъ.

Къ разсвѣту мы вышли въ море.

Когда шли проходомъ, было настолько свѣтло, что можно было узнать лица ходившихъ! по палубѣ накренившагося и полузатопленного „Ретвизана“.

„Цесаревичъ“ стоялъ поодаль.

На „Ретвизанѣ“, только нѣсколько матросовъ стояли на палубѣ полузатопленного носа и, перегнувшись черезъ бортъ, смотрѣли въ воду на мѣсто пробоины.

Утренняя тишина смѣнила тревожную ночь.

Началось небольшое волненіе.

Мы подошли къ „Петропавловску“—по семафору намъ передали, чтобы стали на якорь возлѣ него.

Бросили якорь.

На рейдѣ только большія суда. „Боярина“, „Новика“ и миноносцевъ совсѣмъ не видно.

Я пристально смотрѣлъ на „Петропавловскъ“. Съ мостика сошелъ адмиралъ Старкъ и съ обычнымъ суровымъ выраженіемъ лица, съ глазами устремленными внизъ, прошелъ къ себѣ. Особенно бросилась въ глаза его сѣдая, длинная борода, словно прилипшая къ груди.

Не хотѣлъ бы я быть на его мѣстѣ.

День былъ сѣрый. Солнце изрѣдка просвѣчивало.

На горизонтѣ появились точки и дымки: это были наши миноносцы, возвращавшіеся съ безплодной погони.

На эскадрѣ все время взвивались сигналы.

Привезли извѣстіе, что на подорванныхъ судахъ есть убитые и раненые. Грустно сидѣли мы въ каютѣ-компаніи, одѣтые въ пальто. Рѣшили вести дневникъ. Я взялъ листокъ и подъ диктовку началъ записывать часы и минуты главнѣйшихъ событий и сигналы.

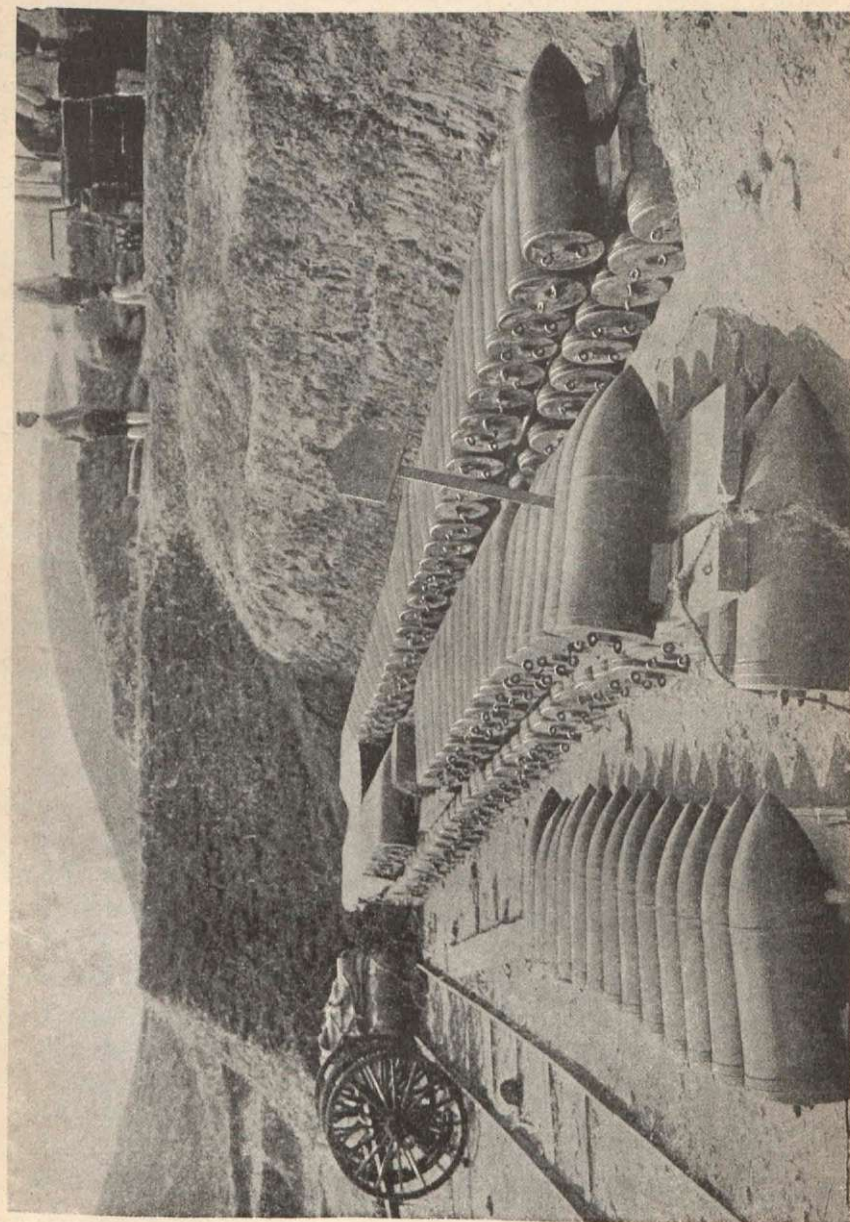
Съ палубы послышался крикъ:

„Непріятельскіе крейсера показались“.

Мы выбѣжали на палубу.

Между судами эскадры сновали шлюпки и катера.

Изъ-за Ляотъшаня показались одинъ за другимъ однотип-

Складъ одинадцати-дюймовыхъ бомбъ.

ные, двухтрубные, двухмачтовые, быстроходные крейсера, тысячи въ четыре тонны водоизмѣщенія. Стройно, строго соблюдая интервалы, шли они, украшенные кроваво-красными флагами огромнаго размѣра, на которыхъ даже простымъ глазомъ можно было различить полосы лучей восходящаго солнца. Флаги были на гротмачтѣ и кормовые.

Вызывающе, точно насмѣхаясь надъ нами, прошли они по дугѣ отъ Ляотъшаня въ направленіи къ островамъ Элліотъ.

На эскадрѣ пробили боевую тревогу. Впервые я услышалъ ее не на ученьѣ. Она не сопровождалась обычной суетной суеткой, всѣ были на своихъ мѣстахъ.

„Боярину“ съ небольшимъ отрядомъ миноносцевъ приказано было выслѣживать непріятеля.

„Бояринъ“ скрылся за горизонтомъ, а мы спустились погрѣться.

Въ исходѣ десяти вахтенный доложилъ, что съ моря идетъ „Бояринъ“ и держитъ сигналъ. Всѣ выбѣжали наверхъ, начали разбирать его:

„Съ моря идетъ непріятель въ большихъ силахъ“.

Сигналъ отрететовала Золотая гора.

Черезъ нѣсколько минутъ на Золотой горѣ взвился сигналъ „Ожидать прибытія адмирала“.

Оказалось, что Старкъ былъ вызванъ къ намѣстнику и теперь спѣшно возвращался на эскадру въ виду приближенія непріятеля.

„Судамъ приготовиться къ бою“ — сигнализировалъ съ Петропавловска.

Эскадра въ это время стояла въ шахматномъ порядкѣ.

Справа „Новикъ“, а слѣва „Бояринъ“ и „Аскольдъ“, между второй линіей броненосцевъ, и за ними стояло 15 эскадренныхъ миноносцевъ.

Между послѣдними, на якорѣ, безъ паровъ стояло старое учебное судно „Джигитъ“, вчера только пришедшее съ моря и невѣдомо зачѣмъ, несмотря на происшедшее ночью и происходящее теперь остававшееся на рейдѣ.

У Тигроваго хвоста лежала на боку „Паллада“, у прохода полузатопленные „Ретвизанъ“ и „Цесаревичъ“.

На рейдѣ все замерло.

Бурлила волна. Впереди холодный, необъятный океанъ.

Все въ ожиданіи.

Показались на горизонтѣ сначала длинная вереница мачтъ и трубъ, затѣмъ колеблющіеся отъ сильной рефракці высокіе борта судовъ. Ихъ было очень много. Всѣ они шли въ кильватерной колоніѣ. Впереди болѣе крупные суда, за ними легкіе крейсера, незадолго продефелировавшіе передъ Артуромъ.

Всѣ обратились въ зрѣніе.

О грядущемъ, казалось, никто не думалъ.

Долго, мучительно долго приближалась эскадра.

Я спустился и записалъ часъ ея появленія.

Вдругъ, — ужасный свистъ справа и невыносимый, рѣзкій, рвущій звукъ взрыва.

Первая мысль—выстрѣлъ нашъ.

Выбѣгаю.

Другой, третій такой же звукъ (ухо приспосабливается).

Справа, слѣва отъ насъ, казалось, безъ видимой причины взлетаютъ огромные столбы воды, діаметромъ въ двѣ, три сажени, громадной высоты.

Къ борту нашего миноносца подошелъ вельботъ съ начальникомъ 2-го отряда миноносцевъ.

Къ „Петропавловску“ подлетѣлъ катеръ и адмиралъ поднялся по трапу.

Начался ожесточенный бой. Эскадра отвѣчала очень частымъ огнемъ, ей изрѣдка стали вторить сухопутныя батареи. Особенно гулко среди хаоса звуковъ слышны были залпы 10-ти дюймовыхъ орудій Электрическаго утеса.

Море вспѣнилось.

Площадь занимаемая эскадрой была очень большая. Снаряды среди судовъ десятками одновременно взрывались поднимая водяныя башни.

На палубѣ мы собирали совсѣмъ горячіе осколки. Они обжигали.

Наконецъ суда снялись съ якоря и двинулись медленно впередъ.

Вдругъ — впереди всей эскадры вытянулась во всю длину „Ангара“ и, быстро продефелировавъ между судами быстро пошла къ проходу. Ее обгонялъ „Гилякъ“.

Этимъ совершенно лишеннымъ брони, а главное дальнотбойной артиллеріи нечего было здѣсь дѣлать.

Распорядительность на эскадрѣ почти отсутствовала. Старку на эскадрѣ никто не довѣрялъ. Надежды всѣхъ были обращены на его флагъ-капитана Эбергардта.

Мы всѣ офицеры стояли на палубѣ и съ непонятнымъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ наблюдали. Наше положеніе было самое бессмысленное. Лишенные возможности принять хотя бы минимальное участіе въ боѣ, мы, между тѣмъ, по непонятной нераспорядительности флагмана стояли въ центрѣ дѣйствія непріятельскихъ снарядовъ.

Снарядъ упалъ въ воду и разорвавшись подъ самымъ носомъ нашего сосѣда, высоко подкинулъ его въ воздухъ. Другой у кормы „Грозового“ и сильно накренилъ его волной.

Потокъ снарядовъ не прекращался.

Командиры миноносцевъ не получая приказаній, начали дѣйствовать по собственному усмотрѣнію. Двое изъ нихъ, давъ полный ходъ быстро пошли по направленію бухты Тахэ. Остальные же выбравъ якоря, стали передвигаться, лавируя между взлетавшими водяными башнями.

Смѣшное и трагическое было положеніе „Джигита“, который окрашенный еще въ бѣлый цвѣтъ, рѣзко выдѣлялся на фонѣ берега и своимъ неумѣстнымъ присутствіемъ выдавалъ другихъ, стоя неподвижно, давая возможность непріятелю ориентироваться.

Наша эскадра постепенно надвигалась въ сторону врага, впереди все заволакивалось дымкой и туманомъ.

Снаряды падали рѣже. Непріятель стрѣлялъ по эскадрѣ, нѣсколько снарядовъ разорвалось на Золотой горѣ и снарядовъ пять въ городѣ.

На миноносцѣ засуетились, оказалось японцы повернули и уходятъ въ море.

Радость наполнила сердца всѣхъ. Это былъ первый лучъ успѣха, послѣ трагедіи минувшей ночи.

Стрѣльба еще не стихла.

„Новикъ“ накренился! „Новикъ“ накренился—закричали всѣ.

А „Новикъ“, какъ задира-собаченка, выскочилъ впередъ и палилъ во всю изъ своихъ шестидюймовокъ.

Наконецъ Электрическій утесъ далъ послѣдній залпъ.

Противникъ уже былъ внѣ досягаемости.

Стихалъ огонь и на эскадрѣ.

Не вѣрилось, что этотъ адъ продолжавшійся 40 минутъ кончился и хаосъ, невыносимыхъ для человѣческаго уха, звуковъ замеръ.

На „Петропавловскѣ“ взвился сигналъ:

„Миноносцамъ атаковать непріятеля“.

Это среди бѣла дня 15 миноносцамъ атаковать 16 непріятельскихъ кораблей идущихъ въ стройномъ порядкѣ и кромѣ того удаляющихся.

Нечего дѣлать.

Заработалъ машинный телеграфъ, мы отошли отъ рубки каждый на свое мѣсто и миноносецъ далъ ходъ.

Уходя на мостикъ, командиръ сказалъ: „Ну, пожалуй не вернемся“. Это было сказано совершенно спокойно, если хотите небрежно.

Обогнули „Джигитъ“.

Впереди всѣхъ шелъ „Безстрашный“, ночью проворонившій японцевъ, и увы, шелъ не имѣя ни одной исправной, готовой къ выстрѣлу мины.

Должно быть онъ хотѣлъ смертью искупить свою невольную вину—гибель двухъ лучшихъ нашихъ броненосцевъ.

Прибавили ходъ. Прошли передовыя суда эскадры, возвращавшейся назадъ.

Одни одинѣшеньки, безъ поддержки эскадры шли на разстрѣлъ.

Едва прошли эскадру, на высотѣ острова Кэпъ замѣтили двѣ дымящіяся точки.

Первая мысль, хотя нелѣпая, пришедшая всѣмъ, была: японцы думая что наша эскадра увлеклась боемъ заходятъ въ тылъ.

Съ визгомъ пронесся надъ нашими головами снарядъ и упалъ въ воду. За нимъ другой.

„Аскольдъ“ стрѣлялъ черезъ насъ въ непріятеля. Мы рѣшили, что точки съ дымомъ дѣйствительно непріятельскія миноносцы. Они шли прямо на насъ.

Почти вся эскадра по нимъ открыла бѣглый огонь.

Море опять вспѣнилось.

„Поднять позывные“—скомандовалъ нашъ командиръ.

Подняли. Стрѣльба стихла.

На приближающихся миноносцахъ увидѣли тоже позывные „Боевого“ и еще кого то.

Оказалось, что во время боя эти два миноносца не желая напрасно подвергаться опасности ушли къ Сикау и теперь возвращались назадъ. Радость смѣнила минутную непріятность.

Продолжаемъ нестись впередъ, впередъ на вѣрную смерть.

Вдругъ сигналъ на „Петропавловскѣ“:

„Атака отмѣняется“.

Всѣ свободно вздохнули, да и непріятель уже скрылся. Повернули назадъ.

Минный отрядъ обязанъ своимъ спасеніемъ покойному флагманскому артиллеристу капитану Пранга Мянишеву, погибшему на „Петропавловскѣ“. Онъ взялъ за рукавъ адмирала и сказалъ: „В. П. не губите миноносцевъ, послѣднюю защиту Артура“.

На это адмиралъ угрюмо отвѣтилъ:

„Намѣстникъ приказалъ, чтобы была минная атака“ — но атаку все-таки отмѣнилъ.

„Миносцамъ войти въ гавань“ — поднялъ сигналъ „Петропавловскѣ“.

Протискиваясь среди толпы миноносцевъ мы подошли къ проходу. Навстрѣчу шли на охрану рейда „Отважный“ и „Гремящій“ полуокрашенные въ боевой цвѣтъ.

Проходя въ Восточный бассейнъ столкнулись съ „Безпощаднымъ“ и получили течь въ машинномъ отдѣленіи. Опять пришлось идти къ Невскому заводу.

Сѣхалъ на берегъ.

Боже мой! Города нельзя было узнать. Гдѣ оживленіе, кипучая жизнь, куда дѣвался народъ. Только конные стрѣлки скакали по улицамъ.

По гавани заходили шлюпки, забѣгали катера. На нѣкоторыхъ судахъ были приспущены флаги — свозили убитыхъ.

Это былъ прологъ войны.

А теперь?

Теперь, съ гибелью артурской эскадры приближался ея апофеозъ въ которомъ сдача Артура сверкнула ослѣпительной молніей, съ послѣдующимъ громовымъ ударомъ прокатившемся по лицу всего міра и перевернувшемъ все вверхъ дномъ — въ Россіи.

Полицейская литература.

Тяжелые дни наступили въ Артурѣ.

Все утомилось. Все попрыталось къ себѣ. Дикое однообразіе.

Единственное развлеченіе—газета; не получая никакихъ свѣдѣній пережевывали старое. Описывались на ея страницахъ погода, перечислялось въ дневникѣ осады гдѣ, когда и сколько стрѣляли, печатался скорбный перечень убитыхъ, изрѣдка появлялись рассказы участниковъ; оживлялась она лишь статьями Артурскаго обывателя, который своимъ мѣткимъ юморомъ на языкѣ Эзопа высмѣивалъ, что простымъ языкомъ высмѣивать было опасно.

Но зато много удовольствія и здороваго, искренняго смѣха доставляли объявленія Артурскаго полиціймейстера время отъ времени появлявшіеся на страницахъ „Новаго Края“ герейски искупавшаго свои грѣхи мирнаго времени.

Въ № 231 появилось однажды такое объявленіе:

„Симъ объявляю всѣмъ домохозяевамъ и квартирантамъ, не исключая и военного вѣдомства, что согласно приказа г. Комendanта крѣпости Портъ-Артуръ за 1902 годъ № 34, всѣ прибывающія къ нимъ лица, хотя бы только на одинъ день или ночь, обязательно должны быть записаны въ домовую книгу, а по выbytіи—сдѣлать о томъ отмѣтку. О виновныхъ будетъ доноситься вышнему начальству. Полиціймейстеръ Тауцъ.

Больше, кажется, всѣхъ потѣшался надъ этимъ приказомъ покойный Н. Н. Вереvкинъ (Артурскій обыватель).

— „Это то въ осажденномъ городѣ, уже болѣе полугода, покатываясь со смѣху, говорилъ Н. Н.—болѣе полугода отрѣзанномъ отъ всего міра, для нашего Тауца нашлись прибывающія и выбывающія лица.

Комизмъ этого объявленія, который могъ быть только истолкованъ и истолковывался въ самомъ фривольномъ смыслѣ—долго смѣшили артурцевъ.

— Хотя объявленіе было сдано Тауцомъ на одинъ разъ, но мы, изъ любезности къ автору, и, въ виду крайняго недостатка статей въ юмористическомъ жанрѣ, помѣстили его нѣсколько разъ—едва успокаиваясь отъ хохота, рассказывалъ мнѣ Николай Николаевичъ Вереvкинъ.

Вообще нашъ Полиціймейстеръ несмотря на свой огромный, внушительный ростъ и грозный видъ былъ большой юмористъ въ душѣ.

Его приказъ характеризующій вѣренную ему полицію въ своемъ родѣ шедевръ. Онъ настолько выпукло обрисовываетъ дѣятельность полицейскихъ чиновъ, что мнѣ ничего не остается сказать.

К о н ѣ.

И з ъ П Р И К А З А № 302.

Полиціймейстера города Портъ-Артура.

Ноября 28 дня 1904 года.

2.

Жилъ уже много на свѣтѣ, разные Полицейскіе учрежденія видѣлъ, но такой Штатъ, какъ въ Портъ-Артурской Полиціи,—столицѣ Господина Намѣстника на Дальнемъ Востокѣ,—не видѣлъ. Никто изъ чиновъ полиціи—законовъ не знаютъ и какъ видно не хотятъ (знать) и не желаютъ знать. Всѣ чиновники являются вездѣ, какъ помощники Полиціймейстера, но я этого не вижу. Хотѣлъ и желалъ поставить полицію на высоту своего призванія, но это мнѣ не удалось, почему каждый самъ, угадаетъ.

Больше я не намѣренъ себѣ кровь портить, но одно скажу, если когда нибудь оставлю свой постъ въ Портъ-Артурѣ, прошу меня тогда не беспокоить, у меня мѣста не будетъ, еще мой совѣтъ—работать по совѣсти.

П. п. Полиціймейстеръ *Тауцъ*.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Дѣлопроизводитель *Н. Н.*

Единственно, что я могу прибавить къ этому приказу это то, что г. Тауцъ плохо владѣя перомъ, былъ отличный стрѣлокъ. Его удачная охота на Китайцевъ (хунхузовъ) составила ему на Дальнемъ Востокѣ еще задолго до войны, своего рода извѣстность.

На Обелисковой горѣ.

24 Ноября.

Въ 8 часовъ утра прибываетъ на Обелисковую гору Командантъ крѣпости и, совмѣстно съ флигель-адъютантомъ Семеновымъ, поднимается къ его восхитительной подзорной трубѣ.

Полковникъ Семеновъ, какъ я уже говорилъ, былъ начальникомъ Сѣвернаго фронта и жилъ съ своимъ штабомъ на Обелисковой горѣ.

Съ наблюдательной вышки, въ подзорную трубу открывался отличный видъ на Западный и Сѣверо-Восточный фронтъ.

Пріѣзжаетъ Кондратенко.

Собравшіеся долго и внимательно изучаютъ работы японцевъ на вершинѣ Высокой.

Неожиданно является непрошенымъ гостемъ и генераль Фокъ, вся дѣятельность котораго, какъ я уже много разъ указывалъ, свелась къ распространенію въ крѣпости подпольной литературы въ которой онъ всѣми силами старался дискредитировать въ глазахъ гарнизона дѣятельность Смирнова, Семенова, Кондратенко, Третьякова, Горбатовскаго и другихъ (всѣхъ главныхъ защитниковъ) руководителей.

Послѣ продолжительнаго изученія подступовъ непріятеля къ Высокой тронулись назадъ.

Едва начали спускаться, загудѣла одиннадцати-дюймовая бомба.

Фокъ съ Романомъ Исидоровичемъ шли впереди, Смирновъ и Семеновъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи слѣдовали за ними. Снаряды со свистомъ обрѣзая гору, рушились въ гавань. Шель разстрѣлъ судовъ.

— „Убьетъ, сейчасъ убьетъ,—хохоталъ Смирновъ.

Надвигалась одна бомба, за ней непосредственно другая.

Словно въ перегонки дули.

— „Да, ваше превосходительство, торопятся японцы загубить намъ эскадру,—со скорбью въ голосъ сказалъ Семеновъ. (На слѣдующій день Фокъ рассказывалъ всѣмъ, что Смирновъ и Семеновъ издѣвались и радовались разстрѣлу и гибели эскадры. Это же онъ показалъ и въ слѣдственной комиссіи).

Благополучно добрались до штаба. Семеновъ, какъ хлѣбосольный хозяинъ, пригласилъ всѣхъ обѣдать. Обѣдъ былъ скромный исключительно изъ консервовъ, къ столу, по обыкновенію, было подано красное удѣльное вино № 18.

Придавая очень большое значеніе настроенію духа ввѣренныхъ людей и офицеровъ, Семеновъ иногда приказывалъ играть оркестру. Игралъ онъ и во время этого обѣда.

Согласитесь читатель, что оркестръ на фонѣ всеугрожающей обстановки, въ самый тяжелый періодъ осады—это, это лучший показатель бодрости духа защитниковъ.

Трапеза скоро приняла оживленный характеръ. Говорили обо всемъ, шутили, строили планы, вспоминали недавно погибшихъ. По обыкновенію было многолюдно, собралось много офицеровъ. Семеновъ любилъ общество.

Во время обѣда зашла рѣчь о массѣ оставшихся непогребенными подъ Высокой.

Большинство высказалось о неотложной необходимости ихъ погребсти, такъ какъ видъ неубранныхъ, брошенныхъ на произволъ судьбы труповъ производить на живыхъ защитниковъ крайне тяжелое впечатлѣніе, крайне угнетающе дѣйствуетъ на ихъ психику. Указывалось, что сплошь и рядомъ приходится слышать укоры нижнихъ чиновъ по адресу начальниковъ, которые такъ безучастно, неуважительно относятся къ праху погибшихъ: „словно къ скотинѣ какой!“

Смирновъ предложилъ послать парламентаря къ японцамъ, устроить перемиріе, назначить туда для совершенія чина погребенія священниковъ. Погребеніе будетъ совершено на глазахъ всего Западнаго фронта и, конечно, благотворно подѣйствуетъ на религіозное чувство защитниковъ, успокоить ихъ.

Мысль эта была шумно поддержана всѣми, въ особенности, генераломъ Кондратенко и Семеновымъ.

Только Фокъ возсталъ противъ погребенія, находя это и неумѣстнымъ и неудобнымъ.

Почему?

Очень просто!

Достаточно было для него, что мысль эта была подана Смирновымъ, а поддержана Кондратенко.

Все что исходило отъ нихъ—для Фока было достаточнымъ поводомъ для противорѣчія.

Несмотря на его „гудѣніе“ рѣшено было парламентаря послать. Вспомнивъ же объ отданномъ „генераль-адъютантомъ“ приказѣ, которымъ безъ его, личного вѣдома и согласія, не разрѣшалось, даже коменданту, заключать перемиріе—былъ посланъ къ нему конный охотникъ съ письмомъ отъ имени Кондратенко, въ которомъ испрашивалось разрѣшеніе для посылки парламентаря.

Къ концу обѣда получилась на имя Кондратенко записка, въ которой „генераль-адъютантомъ“ перемиріе разрѣшалось.

Парламентарями были выбраны г. Загоровскій (въ это время уже завѣдывавшій конной охотничьей командой 26-го полка) и лейтенантъ Вильсонъ, которые скоро и удалились.

Обѣдъ кончился, начали расходиться.

Бомбардировка эскадры продолжалась съ усиливавшейся энергіей.

Фокъ былъ обворожительно милъ и любезенъ. На прощанье крѣпко и долго трясъ руку Семенову „искренно“ благодарилъ и хвалилъ его за гостепріимство.

— „Ну, спасибо, спасибо, дорогой хозяинъ, давно такъ сытно и хорошо не обѣдалъ, да еще съ музыкой. Отлично, хорошо! Спасибо, дорогой хозяинъ. И сытъ и пьянъ ¹⁾ — гудѣлъ его голосъ.

Вышли къ лошадямъ.

Фокъ узнавъ, что гавань, а слѣдовательно и дорога ведущая въ городъ подъ огнемъ—не поѣхалъ.

Смирновъ съ неизмѣннымъ Гаммеромъ тронулись, напутствуемые пожеланіями счастливаго пути.

Впереди дорога была настолько опасна, что пожеланіе „счастливаго пути какъ нельзя было кстати“.

Бдуть. Снарядъ за снарядомъ мчатся въ гавань.

Приближались къ станціи, самое опасное мѣсто. Суда подтянулись къ пристани, подъ защиту Перепелиной горы.

— „Ну смотрите, я васъ такъ проведу, что ни одинъ волосъ не упадетъ съ вашей головы“, — обратился Смирновъ къ Гаммеру.

Противникъ поддерживалъ огонь фугасными бомбами. Бомба за бомбой, прошумѣвъ надъ самой головой, впадаютъ, то въ

¹⁾ Фокъ абсолютно ничего не пилъ заключающаго въ себѣ алкоголь.

броненосецъ, то въ воду, осколки шлепаются на берегъ. Среди шума взрывовъ, явственно зашумѣлъ снарядъ, задѣлъ склонъ горы и разорвался. Смирновъ инстинктивно пришпорилъ коня и прижался къ отвѣсно-обрубленной скалѣ склона (въблизи подъема къ зданію телеграфа), осколки съ визгомъ пронеслись и упали по ту, къ бухтѣ, сторону дороги.

Когда проѣхали опасное мѣсто, Смирновъ:

— „Ну что, вѣдь хорошо провелъ? А?“

— „Такъ точно, подъ самыми снарядами,—былъ покойный отвѣтъ.

Я думаю, трудно встрѣтить въ сферѣ огня, болѣе хладнокровнаго человѣка, какимъ я наблюдалъ Гаммера. Въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ онъ былъ тѣмъ же, какимъ я его привыкъ видѣть за обѣдомъ, въ покойной бесѣдѣ, въ самой безобиднѣйшей обстановкѣ. Ни тѣни рисовки, точно кругомъ ничего не творилось необыденнаго.

Днемъ, на укрѣпленіе Ш-е упалъ большой кусокъ человѣческаго мяса, а на фортъ II-ой бросило ногу.

Чье было мясо—не разобрали.

Нога была русская.

Абракадабра „генерала“ Фока.

На слѣдующій день, послѣ посѣщенія Фокомъ флигель-адъютанта Семенова, гарнизонъ наслаждался перлами творчества подпольной литературы этого „генерала“.

25-го ноября 1904 г.

г. Портъ-Артуръ.

„Обстрѣливаніе Высокой и кораблей показываетъ, что у японцевъ неизсякаемый источникъ снарядовъ, самого большого калибра. У насъ одно средство борьбы, это лопата, форты и укрѣпленія Западнаго фронта представляютъ благодарную цѣль для могучей артиллеріи противника, намъ на наши казематы рассчитывать нечего. Уберечь гарнизонъ мы можемъ только тѣмъ, что будемъ какъ требуетъ уставъ, выводить гарнизонъ во время обстрѣливанія, но это возможно будетъ только до тѣхъ поръ

пока противникъ будетъ далеко. Выполнить это требованіе устава не подъ силу нашимъ комендантамъ, да сверхъ того противникъ можетъ подойти сапою къ самой подошвѣ укрѣпленій, то поневолѣ придется гарнизонъ держать въ самомъ укрѣпленіи, тѣмъ болѣе, что японцы поддерживаютъ атаку шрапнельнымъ огнемъ почти до самага удара въ штыки.

Это не наша артиллерія, которая совѣтъ Екатерины II къ судьямъ: „лучше десять виновныхъ оправдать, чѣмъ одного невиннаго осудить“ взяла себѣ въ девизъ „что лучше сто японцевъ пощадить, чѣмъ одного русскаго вмѣстѣ съ ними погубить“. Этому девизу мы обязаны, что 22-го ноября 3-я атака японцевъ на Высокую гору удалась. Въ данномъ случаѣ это хорошо, а то мы до сихъ поръ на ней держались бы и по 500 челов. теряли бы. А потому намъ надо имѣть въ укрѣпленіяхъ глубокіе ходы и въ нихъ малыя пещерки, и такія же пещерки въ тылу укрѣпленій для помѣщенія резервовъ. На Перепелиной горѣ, лейтенантъ С...., по настоянію своей жены, вырылъ въ скалѣ три пещеры на человѣкъ бо-тъ и все это съ силами прислуги трехъ Канетовскихъ орудій, въ одну недѣлю. Эту работу можно вести и во время обстрѣливанія, трудно рыть въ началѣ, а въ глубинѣ скала легко поддается. Всѣ укрѣпленія Западнаго фронта имѣютъ большее преимущество передъ Восточнымъ въ томъ, что у нихъ есть тылъ. Артиллерія поставлена очень скучено, а потому легкую надо будетъ расположить внѣ укрѣпленія, тѣмъ болѣе, что мѣстность благоприятствуетъ тому особенно къ западу отъ укрѣпленія № 5. Обелисковая гора представлялась мнѣ перломъ нашей Артурской крѣпости по своимъ искусственнымъ сооруженіямъ представляющія послѣднее слово современнаго сапернаго и инженернаго искусства, такъ какъ тамъ находится штабъ полка, который оборонялъ Зеленныя горы, гдѣ было чему поучиться. Но мои ожиданія не оправдались, тамъ нѣтъ даже ходовъ сообщенія, хотя Высокая гора говорила сама за себя краснорѣчивѣе Кантона: „Карфагенъ еще существуетъ“. Объ укрытомъ ходѣ съ большой дороги къ горѣ и говорить нечего, этого послѣдняго особенно мнѣ жаль: на горѣ чудная обсерваторія, которая предсказываетъ событія такъ, что и Демчинскому есть чему позавидывать. На горѣ же живетъ и тароватый хозяинъ, который безъ хлѣба и соли гостей не отпускаетъ. Вчера прощаясь съ генералами онъ просилъ насъ не забывать его и почаще по-

сѣщать его. Я поблагодарилъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ невольно вспомнилъ сказку, какъ лиса и журавль приглашали другъ друга на обѣдъ. Доберись до него покушать, когда японцы хорошо засядутъ на Высокой. Другія укрѣпленія оборудованы не лучше, а потому надо потребовать, чтобы всѣ ложементы были глубже роста человѣческаго, чтобы было что засыпать 11-ти дюйм. бомбамъ. Напомнить, чтобы воды было на два дня, а также хлѣба и консервовъ.

Генераль-лейтенантъ Фокъ.

Не мѣшаетъ привести и другую его записку въ полной ея неприкосновенности:

„До настоящаго времени обороняющій пользовался слѣдующими средствами для замедленія подступныхъ работъ осаждающаго: 1) ружейный и пушечный огонь; 2) вылазки, имѣющія цѣлью разрушеніе произведенныхъ окоповъ и порчи орудій; 3) подземная война.

Противъ подступныхъ работъ, противъ водопроводнаго и Кумирнинскаго редутовъ этихъ мѣръ признано недостаточно, возникла мысль пойти навстрѣчу противнику такими же подступами, чтобы встрѣтиться съ нимъ не въ редутахъ, а впереди ихъ. Мысль эта совершенно новая и до сихъ поръ нигдѣ еще не примѣнявшаяся. Навстрѣчу подступамъ шли не подступами, а выдвигали цѣлыя укрѣпленія, которыя и принимали на себя ударъ противника, какъ на примѣръ Волинскій, Селенгинскій и Камчатскій редуты, прославившіе имя Тотлебена. Крѣпость Артура представляетъ изъ себя другой полюсъ, вся сила обороны заключается въ этихъ вынесенныхъ впередъ полевыхъ укрѣпленіяхъ. Но только ничье тутъ тѣмъ имя не прославится, почти каждому было ясно, что иначе оборонять Артуръ нельзя, такъ ужъ онъ оригинально построенъ. Конечно и тутъ не обошлось безъ тренія, иначе и быть не могло.

Господь Богъ Иисусъ Христосъ каждый разъ заканчивалъ свою проповѣдь словами: „имѣющіе уши да слышатъ, имѣющіе очи да видятъ“. Такъ и въ Артурѣ, всѣ смотрѣли на Дагушань и Ляотешань, а не всѣ ихъ видѣли, а когда увидали, то было уже поздно.

Всякая новая, свѣжая мысль встрѣчается съ недовѣріемъ, особенно со стороны старыхъ людей, а потому никому не должно

быть страннымъ, что я отнесусь съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ новой мысли, идти на противника траншеями же.

1) Кто можетъ взять на себя смѣлость идти траншеею, когда противникъ всего въ 400 шагахъ.

2) Кто можетъ провѣрять предположенную работу, когда нѣтъ плана въ 100 саж. дюймѣ. Предоставлять столь важную работу поручику безъ всякаго контроля рискованно, генералу самому лазить на брюхѣ невозможно.

3) Вести какія-либо работы впереди укрѣпленія, передъ которымъ противникъ всего за 400—600 шаговъ, это значитъ дать ему безнаказанно подойти еще ближе. При настоящей настильности и пробиваемости ручного оружія летучей сапой на ровной мѣстности, лучше сказать, когда укрѣпленіе и траншея противника находится на одномъ горизонтѣ, приблизительно ближе 1000 шаговъ нельзя. Полагая, что обороняющій цѣлую ночь ведетъ стрѣльбу изъ ружей, съ вечера для того установленныхъ, какъ это положено для ночной стрѣльбы. Мнѣ извѣстно, что японцы и къ летучей сапѣ не прибѣгаютъ, а работаютъ попросту. Когда обороняющій выше, обстрѣливаніе болѣе затруднительно, но все-таки возможно.

4) Наконецъ будетъ ли намъ выгодно встрѣчать противника въ траншеѣ, наскоро выстроенной, чѣмъ въ самомъ укрѣпленіи съ его рововъ, сѣтями, фугасами, блиндажами.

5) Но самое важное въ крѣпостной войнѣ для обороняющаго—это тянуть время, а потому все, что его сближаетъ съ противникомъ для него вредно.

Въ Севастополѣ противникъ заложилъ послѣднюю параллель въ 60 саженьяхъ. Осажденный пошелъ къ нему навстрѣчу, хотя силы были равны, а своимъ огнемъ заставилъ его вести минную войну, чѣмъ отдалилъ паденіе на два мѣсяца. Слѣдовательно штурцеръ заставилъ союзниковъ 180 шаговъ пройти въ два мѣсяца. А потому не лучше ли будетъ, если эти 180 шаговъ не мы будемъ проходить, а заставимъ его.

Мнѣ казалось, что теперь намъ осталось одно—организовать правильное веденіе ружейнаго огня по ночамъ, которое не дастъ не только заложеніе новыхъ траншей, но и всякую попытку къ нападенію на укрѣпленіе.

На флангахъ укрѣпленій уступомъ на 1500 шаговъ распо-

ложено—на ночь скрыто 75 миллиметр. орудія, которымъ быть готовымъ обстрѣливать всю мѣстность.

На всякій случай приготовить у подошвы укрѣплений 3 и 4 редута, чтобы не дать японцамъ очень хозяйничать у подошвъ по взятіи ими редутовъ Высокую и Кумирнинскую.

Генераль-маіоръ Фокъ.

Изъ абракадабры абракадабра!!

Парламентеры подъ Высокой горой 24 Ноября и въ Суйшуинѣ 25 Ноября.

Г. Загоровскій и лейтенантъ Вильсонъ согласно полученнымъ инструкціямъ отправлены къ японцамъ.

Миновавъ нашу основную оборонительную линію, скоро были уже въ расположеніи противника.

Подняли бѣлый флагъ.

Японцы прекратили огонь.

— „Горнистъ, играй,—говоритъ Загоровскій.

— „Такъ что я не знаю, что играть.

— „Что знаешь!

— „Вызовъ начальниковъ?

— „Вал—ляй, вал—ляй что знаешь!

Затрубилъ.

Кругомъ и вокругъ все усеяно трупами, шинелями, винтовками, патронными ящиками, огромное количество ружейныхъ патроновъ обильно разсыпано по сторонамъ дороги и на самомъ пути...

Со стороны японцевъ приближался верхомъ унтеръ-офицеръ. Подѣхалъ.

Это не отвѣчало достоинству нашихъ парламентеровъ.

Оба наши парламентаря были въ офицерскихъ чинахъ.

Попросили вызвать изъ передовой цѣпи офицера.

Прибылъ.

Обмѣнялись привѣтствіями.

Видъ у прибывшаго былъ крайне жизнерадостенъ. Онъ предположилъ что дѣло идетъ о сдѣлѣ. Когда же ему сообщили цѣль переговоровъ: большое недовольство, разочарованіе отразилось на его безстрастномъ лицѣ. Принявъ письмо, онъ немед-

ленно послалъ его съ унтеръ-офицеромъ въ глубь своего расположения.

Пришлось ждать отвѣта.

Г. Загоровскій наивно или нарочно спросилъ, гдѣ расположенъ штабъ генерала Ноги. Японецъ захихикалъ, зашипѣлъ, закланялся и отвѣтилъ:

— „О! Это нельзя, это нельзя! а затѣмъ, попросилъ разрѣшенія на память мирной встрѣчи, написать на полотнищѣ флага стихи.

Наши съ удовольствіемъ согласились.

Г. Загоровскій, въ свою очередь, тоже написалъ стихи на парламентарскомъ флагѣ японцевъ.

Въ то время, когда парламентары занимались столь необычнымъ для нихъ дѣломъ, съ нашей стороны завылъ снарядъ, и упавъ разорвался въ шагахъ тридцати.

— „Что это значитъ?—спросилъ озадаченный японецъ.

Наши могли отвѣтить тѣмъ же вопросомъ. Очевидно еще не всѣ батареи западнаго фронта получили увѣдомленіе о шедшихъ переговорахъ. Виною этого, конечно, былъ нашъ телефонъ ¹⁾, такъ хитро устроенный, что передача по оборонительной линіи однороднаго приказанія представляла невѣроятную трудность.

Зачѣмъ другой снарядъ, третій.

Замахали бѣлыми флагами.

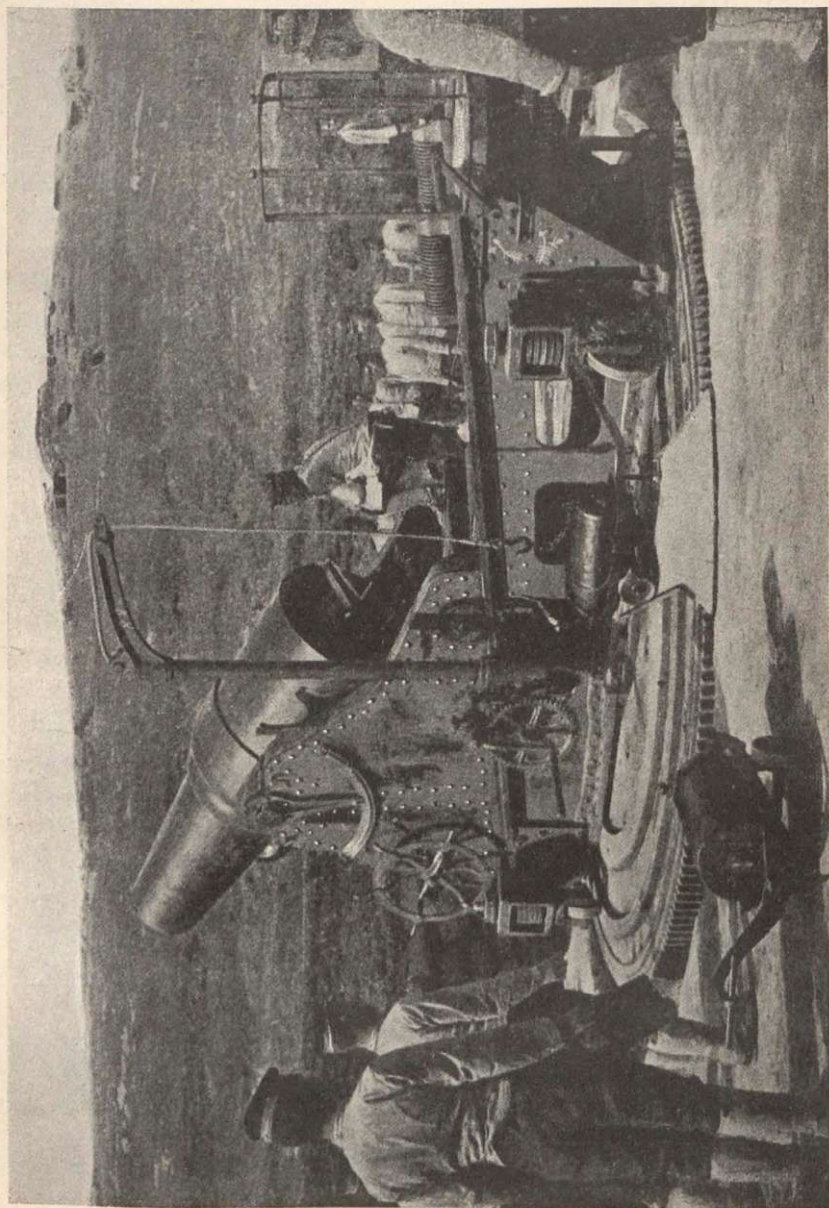
Никакого впечатлѣнія.

Положеніе парламентаровъ было незавидное. Снаряды рвались все ближе и ближе. Японецъ предложилъ спрятаться. Это было самое разумное, что и не замедлили исполнить предварительно пославъ на линію обороны ординарца, съ предложеніемъ прекратить огонь.

Съ пріѣздомъ туда ординарца огонь постепенно стихъ.

Прибылъ, наконецъ, со стороны японцевъ маіоръ Саита съ отвѣтомъ. Японцы соглашались на перемиріе и просили завтра выѣхать для окончательныхъ переговоровъ въ деревню Суй-шу-инъ. На прощанье, маіоръ предупредилъ, что если во

¹⁾ Несмотря на увѣреніе г. Тимченко-Рубанъ, что Артуръ средствами для оборудованія телеграфныхъ и телефонныхъ сообщеній былъ снабженъ „даже роскошно“.

Заряженіе японской одиннадцатидюймовой мортиры.

время переговоровъ съ верховъ крѣпости будутъ стрѣлять, то тогда и нашихъ парламентаровъ они встрѣтятъ огнемъ. Обмѣнявшись еще разъ любезностями, парламентары разстались.

На слѣдующій день 25 ноября, парламентары (Загоровскій и Вильсонъ) были вызваны въ штабъ района, и оттуда, вмѣстѣ съ поручикомъ Малченко отправились въ деревню Сюй-шу-инъ.

День былъ холодный, ненастный. Дулъ сильный, рѣзкій вѣтеръ со снѣгомъ. Началась, все усиливаясь мятель.

Благополучно добрались до крематорной импани, у которой пограничники занимали сторожевое охраненіе. Далѣе, дорога становилась опасной, пришлось пробираться черезъ пространство заложенныхъ фугасовъ и волчьихъ ямъ. Пограничники, отлично знавшіе расположеніе послѣднихъ, вызвались проводить и благополучно провели.

Оборонительная линія молчала; молчали и японскія батареи.

Выдвинувшись въ расположеніе непріятеля и достигнувъ деревни Сюй-шу-инъ, старшій изъ офицеровъ приказалъ горнисту играть.

Наша труба не дѣйствовала.

Въ сторонѣ японцевъ, очевидно уже ожидавшихъ и замѣтившихъ приближеніе парламентаровъ, звонко заигралъ горнь.

Встрѣтились.

Японскій парламентаръ передалъ пакетъ.

Малченко, неожиданно и къ удивленію всѣхъ, хотѣлъ его вскрыть.

Японцы энергично запротестовали.

Малченко категорически заявилъ, что онъ въ этомъ уполномоченъ „генераль-адъютантомъ“, развязнымъ, небрежнымъ жестомъ распечаталъ письмо, и, прочитавъ его, заявилъ:

— „Генераль-адъютантъ“ Стессель поручилъ мнѣ отклонить предложеніе генерала Ноги объ уборкѣ труповъ“.

Всѣ такъ и остолбенѣли.

Почему? Отчего? Что это значитъ? Сами просили и сами же отказываются.

Если это было не странно, то это было, во всякомъ случаѣ, дико.

Японцы недоумѣвали.

Нашимъ было неловко передъ врагами, но неудивительно! Стессель давно уже приучилъ ко всѣмъ неожиданностямъ и дикимъ выходкамъ.

Парламентеры, холодно протившись, разстались.

Г. Загоровскій, впоследствии, глубоко возмущаясь этимъ, въ высшей степени нетактичнымъ, ничѣмъ необоснованнымъ поступкомъ „генераль-адъютанта“, говорилъ мнѣ:

— „Знаете, я готовъ лучше быть разстрѣляннымъ, чѣмъ еще разъ попасть въ подобныя условія парламента.“

Чѣмъ же вызванъ былъ этотъ поступокъ?..

Очень просто! Фокъ былъ противъ уборки труповъ и убѣдиль въ этомъ Стесселя.

Совѣтъ обороны 25 Ноября.

Прежде, чѣмъ повѣствовать о совѣтѣ обороны 25 Ноября, я долженъ побесѣдовать съ вами о слѣдующемъ.

На официально и неоднократно собиравшихся ранѣ засѣданіяхъ совѣта обороны, обыкновенно пространно критиковалась основная распланировка фортвъ и укрѣпленій крѣпости; доказывалась несостоятельность нашихъ инженеровъ; указывалось на отвратительную, въ большинствѣ случаевъ, бетонную кладку, которая, хотя и рассчитанная на сопротивленіе шестидюймовымъ снарядамъ, разрушалась послѣдними; страстно доказывалось, что Артуръ вовсе не крѣпость, а укрѣпленный лагерь. Генераль Фокъ обыкновенно больше всѣхъ ораторствовалъ, неся пространную и невѣроятную галиматью, которую начиналъ обращеніемъ къ имени Господа Бога Иисуса Христа и кончалъ не Евангельскимъ „аминь“, а обильнымъ изверженіемъ ругательствъ. На засѣданіяхъ пространно говорилось о давно выясненномъ недостаткѣ снарядовъ, продовольствія...

Каждое послѣдующее засѣданіе совѣта было повтореніемъ предыдущаго.

Одинъ изъ протоколовъ этихъ засѣданій, о разрушеніи бетона и всѣхъ недостаткахъ и неустройствѣ крѣпости былъ отправленъ „Стесселемъ“ къ „Куропаткину“.

Послѣдній, конечно, умывая во всемъ руки, отправилъ его въ Петербургъ: полюбуйтесь, дескать,—а я тутъ ровно ни причемъ!

Протоколъ этотъ былъ представленъ начальнику главнаго штаба, генераль-лейтенанту Фролову. Когда генераль Фроловъ ознакомился съ этой запоздалой „обличительной литературой“, то положилъ краткую, но выразительную резолюцію:

— „Очевидно это оправдательный документъ, заблаговременно и предусмотрительно составленный, чтобы потомъ оправдать себя въ сдачѣ крѣпости“.

Комендантъ крѣпости, искушенный опытомъ, что изъ этихъ засѣданій совѣта обороны ничего путнаго, кромѣ безконечной и бесполезной болталогіи не выходитъ,—крайне неохотно собиралъ его. Кромѣ непроизводительной траты дорогого времени, совѣтъ ничего, положительно ничего не вносилъ полезнаго въ фактическую оборону крѣпости.

Генераль Смирновъ собиралъ совѣтъ обороны разъ въ мѣсяцъ, и то исключительно для удовлетворенія неотступныхъ требованій „генераль-адъютанта“. На протоколахъ этихъ засѣданій Стессель накладывалъ пространнѣйшія резолюціи, подъ диктовку Фока и Рейса, сущность которыхъ первымъ настойчиво проводилась въ совѣтъ, но всегда, какъ въ полной мѣрѣ неотвѣчавшая интересамъ обороны, большинствомъ голосовъ отклонялась.

Въ силу полной неработоспособности совѣта обороны, генераль Смирновъ ограничивался лишь ежедневными совѣщаніями съ начальникомъ сухопутной обороны генераломъ Кондратенко, начальникомъ артиллеріи генераломъ Бѣлымъ и начальникомъ инженеровъ полковникомъ Григоренко. На этихъ совѣщаніяхъ быстро разрѣшались всѣ неотложные вопросы, непрестанно, въ огромномъ количествѣ назрѣвавшіе на двадцатипяти-верстной оборонительной линіи.

Всѣ эти насущные вопросы рѣшались немедленно, ни на какія утвержденія къ Стесселю не восходили, а тотчасъ же, съ мѣста приводились въ исполненіе, вполне отвѣчая живому дѣлу защиты крѣпости.

Утромъ 25-го Ноября, задолго еще до полудня, Стессель и Рейсъ пробирались къ квартирѣ Романа Исидоровича Кондратенко и скрылись въ домикѣ его, рядомъ съ группой домиковъ, занимаемыхъ штабомъ крѣпости.

Начальникъ артиллеріи крѣпости, генераль-маіоръ Бѣлый въ это время стоялъ на террасѣ своего особняка и диву давался,

понять не могъ: зачѣмъ это „самъ“ направился къ начальнику обороны?

Что бы это значило?

Это не просто!

Часа два провели тамъ „Стессель“ и „Рейсъ“.

Вышли, наконецъ, о чемъ то оживленно бесѣдуя. „Стессель“ направился домой, а „Рейсъ“ къ Бѣлому.

Опять новости! Это тоже удивило начальника артиллеріи.

„Рейсъ“, признавая въ Бѣломъ хотя хитраго, но открытаго сторонника коменданта, давно уже чуждался его по вполне понятнымъ соображеніямъ.

Итакъ „Рейсъ“ неожиданно, негаданно очутился подъ кровомъ начальника артиллеріи.

Лишь только зашла рѣчь о положеніи обороны крѣпости, послѣ уже свершившагося факта паденія Высокой горы, — Бѣлый умолкъ.

Бѣлый слушалъ, Бѣлый серьезно и внимательно слушалъ.

„Рейсъ“ краснорѣчиво заговорилъ о тяжеломъ положеніи крѣпости. Онъ яркими, густыми красками рисовалъ мрачную картину будущаго. Онъ убѣдительно доказывалъ, что съ гибелью эскадры значеніе Артура, какъ крѣпости, исчерпывается. „Рейсъ“ увлекся, онъ взывалъ къ высшей правдѣ, къ высшей справедливости. Во имя состраданія къ раненымъ, больнымъ, утомленному сверхъестественными усиліями гарнизону, въ которомъ началась уже цынга, нужно прекратить эту бойню...

Бѣлый былъ нѣмъ. Бѣлый слушалъ и соображалъ:

„Посѣщеніе Стесселемъ Кондратенко становится понятнымъ. Тамъ тоже объ этомъ уже велась рѣчь. Интересно. Послушаемъ“.

„Рейсъ“ горячо говорилъ, зорко наблюдая, какое впечатлѣніе его вдохновенная рѣчь производитъ на собесѣдника.

Но Бѣлый только слушалъ и, соображая, наблюдалъ. Онъ уже прекрасно понялъ, къ чему клонится рѣчь.

„Рейсъ“ продолжалъ, постепенно мѣняя тонъ. Изъ заоблачной выси онъ быстро спускался на грѣшную землю.

Смолкла его пѣснь о высшей правдѣ, высшей справедливости.

„Рейсъ“ заговорилъ „Рейсомъ“.

Бѣлый молчалъ.

Убѣдившись, что не подъ силу обольстить стараго, умнаго, честнаго казака, „Рейсъ“ заговорилъ языкомъ трусливаго смерда.

Смыслъ этой холопей рѣчи былъ простъ: дѣло Артура проиграно; защищаться дальше безсмысленно; нечего дурака валять; нужно спасать свою шкуру,—вѣдь не купленная она.

Бѣлый молчалъ.

Напрасно распиался „Рейсъ“.

Говорить открыто о сдачѣ, прямо убѣждать Бѣлаго согласиться сдать крѣпость, „Рейсъ“, конечно, не рѣшался. Много и долго говорилъ онъ.

Бѣлый все слушалъ и слушалъ. Сѣдой казакъ молчалъ и на усь моталъ.

Кончилъ, наконецъ, „Рейсъ“ и, на прощанье объявивъ, что идетъ къ коменданту—ушелъ.

Но къ коменданту „Рейсъ“ не пошелъ.

Скоро Смирновъ получилъ отъ „Рейса“ записку приблизительно слѣдующаго содержанія:

— „Въ виду рѣзко измѣнившейся обстановки обороны, съ паденіемъ Высокой горы, начальникъ района проситъ Васъ, Ваше Превосходительство, собрать совѣтъ обороны для обсужденія вопроса о дальнѣйшихъ мѣропріятіяхъ по защитѣ крѣпости“.

Получивъ эту записку, комендантъ, въ предположеніи, что совѣтъ собирается для ознакомленія съ планомъ дальнѣйшей обороны, стоявшихъ не у дѣлъ генераловъ Фока и Никитина, предложилъ начальнику своего штаба, полковнику Хвостову, пригласить къ 5 часамъ на засѣданіе совѣта обороны всѣхъ старшихъ начальниковъ.

Около пяти часовъ вечера, въ просторномъ кабинетѣ Смирнова собрались: начальникъ артиллеріи крѣпости генералъ Бѣлый, начальникъ 4-ой восточно-сибирской стрѣлковой дивизіи „генералъ Фокъ“, начальникъ артиллеріи 3-го сибирскаго артиллерійскаго корпуса (оперировавшаго въ это время на сѣверѣ) „генералъ Никитинъ“ и начальникъ восточнаго фронта, генералъ-маіоръ Горбатовскій.

Всѣ были въ сборѣ, за исключеніемъ генерала Кондратенко.

Смирновъ: *(глядя на часы)*. Что это Романа Исидоровича нѣтъ? Забылъ или не получилъ записки? Александръ Михайловичъ *(обращаясь къ Хвостову)*, Вы ему послали записку?

Хвостовъ: Такъ точно, Ваше Превосходительство. Онъ вѣрно сейчасъ будетъ.

(На лицахъ всѣхъ собравшихся какое то неопредѣленное выраженіе. Всѣ чувствуютъ не по себѣ. „Фокъ“ голоситъ о чемъ то. „Никитинъ“ нервно и разспянно его слушаетъ. „Рейсъ“ сумраченъ, глаза бѣгаютъ, словно боится чего то. Смирновъ, по обыкновенію, энергиченъ, подвиженъ, жжестъ папиросу за папиросой. Бѣлый съ любопытствомъ разглядываетъ собравшихся. Хвостовъ всей своей солидной, статной фигурой—воплощеніе покоя).

Смирновъ: Александръ Михайловичъ, завертите-ка телефонъ къ Кондратенко. Напомните ему и скажите, что мы ждемъ.

Хвостовъ: Слушаюсь (звонитъ).

Фокъ: Пора, пора начинать!

Никитинъ: Его вѣрно экстренно задержали...

Фокъ: Онъ вѣрно не придетъ.

Рейсъ: По всѣму вѣроятію, онъ экстренно занятъ.

Хвостовъ: Романъ Исидоровичъ сказалъ, что сейчасъ идетъ.

Смирновъ: Отлично, подождемъ еще минутъ 10 (отъ Кондратенко до Смирнова минутъ пять ходьбы). Романъ Исидоровичъ не любитъ торопиться. А что, Ваше Превосходительство (обращаясь къ Никитину), успѣшно провѣряете бдительность войскъ на атакованномъ фронтѣ? Наши то любятъ поспать! Нельзя, нельзя допустить, чтобы люди спали на оборонительной линіи.

Никитинъ: Я принимаю всѣ мѣры, чтобы люди не спали. Лично ночью провѣряю. Это вещь серьезная: того и гляди проспятъ (Бѣлый хитро улыбается. Хвостовъ сдерживаетъ улыбку. Фокъ неумолчно гудитъ. У Рейса еще скорѣй забѣгали глаза).

Смирновъ: О, да, это вещь очень серьезная. Однако, что же это (опять смотреть на часы), четверть часа прошло, а генерала Кондратенко нѣтъ. Что это онъ заставляетъ ждать. Полковникъ Хвостовъ, позвоните-ка еще разъ. (Рейсъ хочетъ что то сказать, но спохватывается и продолжаетъ прерванный разговоръ. Фокъ гудитъ. Горбатовскій нервничаетъ. Бѣлый пристально наблюдаетъ).

Хвостовъ: Слушаюсь (подходитъ къ телефону и звонитъ) Ваше Превосходительство (въ трубку), мы васъ ждемъ (слушаетъ. а затѣмъ Смирнову). Романъ Исидоровичъ говоритъ, что онъ сейчасъ идетъ, онъ уже одѣтъ и въ папахѣ...

Смирновъ: Отлично, подождемъ еще. (Среди собравшихся бесѣда не клеится).

Хвостовъ: Съ утра сегодня опять разстрѣливаютъ эскадру.

Смирновъ: Да, гибнетъ на глазахъ. „Севостополь“ Вирень, кажется хочетъ вывести на внѣшній рейдъ. Жаль, жалъ судовъ.

Прошло еще 10 минутъ. *(Было двадцать пять минутъ шестого)*. Очевидно генераль Кондратенко сейчасъ подойдетъ (Фокъ-Никитинъ-Рейсъ насторожились. Бѣлый смотритъ во всѣ глаза).

Такъ какъ Романъ Исидоровичъ вполне ознакомленъ съ дальнѣйшимъ планомъ обороны, то, чтобы не терять дорогого времени, я открываю засѣданіе.

Итакъ, господа, Высокая гора пала. Съ паденіемъ ея начался разстрѣлъ судовъ нашей эскадры. Суда гибнутъ. Но нужно согласиться, что съ потерей Высокой, характеръ обороны крѣпости почти не измѣнился. Въ періодъ владѣнія Угловыми горами, Высокая, по отношенію къ нимъ, являлась редютомъ. Съ момента оставленія нами Угловыхъ горъ, она превратилась на западномъ фронтѣ въ шило, на которое японцы неминуемо должны были напоротся и свернуть послѣднее. Шила этого для японцевъ теперь больше не существуетъ. Высокая пала послѣ значительныхъ съ нашей и громадныхъ потерь со стороны противника.

Высокая для крѣпости (въ границахъ ея далеко несовершеннаго устройства въ смыслѣ планировки) была лишь передовымъ пунктомъ,—защита коего сводилась, главнымъ образомъ, для сбереженія нашей эскадры.

Оборона Высокой, на которой мы концентрировали силы, постепенно ослабляла намъ всю оборонительную линію.

Я удерживалъ ее до тѣхъ поръ, пока расходъ силъ на ея защиту, ослабляя оборонительную линію вообще, а сѣверо-восточный фронтъ въ особенности, не началъ угрожать намъ возможностью прорыва на атакованномъ фронтѣ, гдѣ какъ вамъ извѣстно, противникъ сидитъ уже на брустверахъ.

Съ того момента, когда я убѣдился, что дальнѣйшій расходъ силъ для ея обороны за счетъ всей оборонительной линіи является болѣе, чѣмъ рискованнымъ и, главное, непродуктивнымъ, я рѣшилъ ее уступить.

Все что уцѣлѣло на ней, а также всѣ подтянутые къ ней резервы вернулись на оборонительную линію и разсосались въ ней.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что съ паденіемъ горы, мы утвердившись на основной оборонительной линіи — усилились настолько, насколько мы ее могли ослабить при дальнѣйшей защитѣ Высокой.

Западный фронтъ, помимо почти нетронутыхъ еще фортовъ, батарей и укрѣплений, имѣетъ глубокой тылъ.

Противнику же для того, чтобы отъ Высокой подойти къ западному фронту, путемъ постепенной атаки (на открытый штурмъ онъ, конечно, никогда не рѣшится), необходимо самое меньшее полтора мѣсяца. За западный фронтъ я совершенно покоенъ...

Фокъ: (прерывая). Необходимо усилить оборону Ляотъшаня,—это пупъ Артура. (Смирновъ, оборвавъ фразу, съ удивленіемъ смотритъ на Фока). Противникъ теперь все свое вниманіе обратитъ на Ляотъшань,—необходимо непременно его усилить и оборонять. Ляотъшань, Ляотъшань! О! Ляотъшань, это пупъ! Это пупъ Артура, его необходимо...

(Входитъ Кондратенко, — поздоровавшись, скромно садится за столъ. „Фокъ“ продолжаетъ), (мотаешь головой)... необходимо защищать. О! это пупъ!..

Смирновъ: (перебивая, вкратцѣ передаетъ пришедшему уже сказанное)?.. Затѣмъ, Романъ Исидоровичъ, я продолжаю дальше. За западный фронтъ я совершенно покоенъ, такъ какъ я почти увѣренъ, что Ноги, удовольствовавшись занятіемъ Высокой и истребленіемъ флота, форсировать его больше не будетъ, а если будетъ, то лишь демонстративно. Все же свое вниманіе противникъ, теперь, внѣ всякихъ сомнѣній, устремитъ на дорого доставшійся ему сѣверо-восточный фронтъ, на полуразрушенныхъ фортахъ и укрѣпленіяхъ, котораго онъ сидитъ уже на брустверахъ. Это, конечно, не подлежитъ никакому сомнѣнію, уже прежде всего потому, что противникъ, ведя, съ огромными усиліями, на протяженіи болѣе трехъ мѣсяцевъ, постепенную атаку сѣверо-восточнаго фронта, и добравшись, наконецъ, до брустверовъ его фортовъ и укрѣплений при огромныхъ потеряхъ—никогда не отступить отъ него, для того, чтобы начать новую атаку совершенно почти свѣжаго фронта. Кромѣ того, противникъ, конечно, прекрасно освѣдомленъ, что на сѣверо-восточномъ фронтѣ крѣпости сосредоточены всѣ ея жизненные запасы: портъ, мастерскія, мельница, провіантскіе склады, арсе-

наль, бомбовые и пороховые погреба и. т. д. На западномъ же фронтѣ нѣтъ для него приманки; напротивъ, его всегда будетъ страшить этотъ совершенно цѣльный, съ глубокимъ тыломъ фронтъ.

Итакъ, я еще разъ повторяю, что за западный фронтъ можно быть совершенно покойнымъ.

Въ относительно тревожномъ положеніи находится нашъ сѣверо-восточный фронтъ, отъ Курганной батареи до лит. Б. включительно.

Въ особенно тревожной обстановкѣ находится Фортъ II и Укрѣпленіе III. Вотъ, куда должно быть обращено все наше вниманіе!

Исходя изъ этого, необходимо часть силъ съ западнаго фронта перетянуть на восточный, ослабивъ тамъ гарнизоны: Ляотъшаня и неатакованныхъ фортовъ.

Въ настоящее время, на сѣверо-восточномъ фронтѣ уже подготовлена вторая линія, идущая отъ Курганной батареи, черезъ Владимірскую, Митрофаньевскую горы къ Безымянному редуту.

Третья линія на Каменнолонномъ кряжѣ скоро будетъ совершенно закончена. На нее я обратилъ особенное вниманіе и полагаю, что эта позиція скоро приобрететъ особую силу.

Въ настоящее время, когда форты и Китайская стѣна за нами, морскія орудія поставленныя на третьей линіи, совмѣстно съ береговымъ фронтомъ, позволяютъ намъ успѣшно вести артиллерійскую борьбу, несмотря на то, что непріятель находится въ прифортномъ поясѣ.

Но, во всякомъ случаѣ, я возвращаюсь къ тому, что необходимо сосредоточить возможно большее число силъ на сѣверо-восточномъ фронтѣ.

Въ настоящее время общій резервъ превышаетъ 1000 человекъ, а въ расположеніи генерала Горбатовскаго имѣется еще довольно значительный резервъ. Но, по мѣрѣ расходованія того и другого, придется оттягивать войска съ Ляотъшаня и фортовъ западнаго фронта.

Вотъ, въ существѣ дѣла планъ нашихъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Теперь готовъ выслушать поправки, если таковыя послѣдуютъ.

Фокъ: (*съ трясущейся головой*). Я настаиваю на необходимости усилить оборону Ляотъшаня. Я уже докладывалъ его стратегическое значеніе для крѣпости. Ляотъшань это пупъ, вы понимаете, господа, это пупъ всего Артура...

(Всѣ молчатъ. Хвостовъ—олицетвореніе покоя. Никитинъ угрюмо смотритъ подъ столъ, очевидно ищетъ пупъ Артура. Смирновъ, со взглядомъ выражающимъ долготерпѣніе смотритъ на Фока. „Рейсъ“,—съ бѣгающими глазами ерзаетъ на стулѣ, смотритъ и на всѣхъ и ни на кого. Бѣлый недоумѣваетъ, почему Смирновъ такъ распинается, а не переходитъ къ преніямъ по существу дѣла,—къ разсмотрѣнію вопроса о сдачѣ крѣпости. Онъ предполагалъ, что совѣтъ обороны собранъ именно для этого).

Смирновъ: Я полагаю, что Ляотъшань значенія для крѣпости въ настоящее время не имѣетъ, ибо допустивъ даже, что если имъ завладѣютъ японцы, то онъ будетъ для нихъ служить не болѣе, какъ обсервационнымъ пунктомъ, удаленнымъ отъ стараго города на 10 верстъ. Японцамъ ставить тамъ пушки долго, да они этой работы никогда и производить не будутъ, по той простой причинѣ, что обстрѣль съ Ляотъшаня стараго города и сѣверо-восточнаго фронта въ тылъ не можетъ быть дѣйствителенъ. Старый городъ удаленъ отъ Ляотъшаня (по воздушной линіи) на десять верстъ, Сѣверо-Восточный фронтъ въ разстояніи 13 верстъ (тоже конечно, по воздушной линіи).

Перейдемъ теперь къ другому вопросу тѣсно связанному съ усиленіемъ гарнизона.

Фокъ: Я настаиваю на необходимости не только удерживать, но и усилить оборону Ляотъшаня. Поймите господа, что Ляотъшань—это пупъ Артура...

(Всѣ молчатъ. Большинство едва сдерживаютъ улыбку. Смирновъ, съ раздраженіемъ въ голосъ, продолжаетъ).

Въ данное время болѣзненность дезинтеріей уменьшилась; тифъ хотя еще существуетъ, но уже дошелъ до равновѣсія въ смыслѣ заболѣваемости и выздоравливанія. Но вотъ, что прискорбно, значительно увеличилась заболѣваемость цынгой. Вотъ, съ этимъ бичемъ крѣпости намъ предстоитъ бороться. Единственное и самое рациональное средство борьбы: усиленное питаніе мясомъ. Если при этомъ условіи мы цынги не остановимъ, то во всякомъ случаѣ ее ослабимъ, такъ какъ цынга—болѣзнь

длительная и, поэтому при усиленіи питанія, мы еще долго можемъ пользоваться боевой способностью людей, захваченныхъ первой стадіей развитія этой болѣзни. У насъ около трехъ съ половиною тысячъ лошадей. По моимъ расчетамъ для обслуживанія верховъ требуется не болѣе пятисотъ лошадей. Такимъ образомъ мы можемъ вести расчетъ на 3,000 головъ, какъ на запасъ мяса.

Надо принять еще во вниманіе, что теперь, какъ боевые, такъ и продовольственные запасы у насъ уже почти разсосредоточены по всей оборонительной линіи и поэтому большихъ перевозокъ не предвидится. Кромѣ того, Декавилювскій путь, связавшій Старый городъ съ Казачьимъ плацомъ тоже въ значительной степени облегчаетъ и облегчитъ подвозъ къ атакованному фронту.

Такимъ образомъ, я полагаю, что мы съ успѣхомъ можемъ расходовать, безъ вреда для перевозки продуктовъ и боевыхъ запасовъ, даже болѣе трехъ тысячъ лошадей. Поэтому, я предлагаю выдавать гарнизону по $\frac{1}{2}$ фунта конины на человѣка. Точно я еще не подсчитывалъ, но можно сейчасъ прикинуть. Туша даже нашей лошади дастъ не менѣе 8 пудовъ. Гарнизонъ численностью въ 40,000 человѣкъ. Расчетъ будемъ вести на 3,000 лошадей.

(Многіе склоняются надъ листами бумаги. Подсчитываютъ).

$$3,000 \times 8 = 24,000 \text{ пудовъ.}$$

$$24,000 \times 40 = 960,000 \text{ фунтовъ.}$$

$$960,000 \times 2 = 1,920,000 \text{ полуфунтовъ (порцій).}$$

$$1,920,000 : 40,000 = 48 \text{ дней.}$$

$$(\text{полуфун.}) \quad (\text{человѣкъ}).$$

Смирновъ: (отрываясь отъ листа бумаги). Давая по $\frac{1}{2}$ фунта на человѣка, запасъ конины исчерпывается 48 днями.

(Нѣкоторые возражаютъ, считая необходимымъ уменьшить дачу до $\frac{1}{4}$ фунта, а отпускать по $\frac{1}{2}$ фунта лишь больнымъ и раненымъ въ госпиталяхъ. Начинается обмѣнъ мнѣній. Постановляютъ выдавать по $\frac{1}{2}$ фунта лишь въ госпиталяхъ и $\frac{1}{4}$ фунта на позиціяхъ.

Смирновъ: Ну вотъ-съ господа, всѣ вопросы, которые насъ интересовали—разсмотрѣны.

(Всѣ пребываютъ въ молчаливомъ согласіи. Фокъ и Ники

тинъ сидятъ понутивъ головы. Бѣлый никакъ не можетъ взять въ толкъ, что это Смирновъ распинается, а не переходитъ къ существу дѣла. Горбатовскій, въ полномъ невѣдѣніи о цѣли собраннаго Стесселемъ совѣта, облокотившись на спинку стула, покойно ожидаетъ конца. Видъ измученный. Хвостовъ быстро записываетъ данныя для составленія протокола. Рейсъ сидитъ, какъ на иголкахъ и, наконецъ, поднимается).

Рейсъ: (глаза разбѣжались совѣмъ. Говоритъ прерывающимся голосомъ, не можетъ попасть въ увѣренный тонъ). Начальникъ района поручилъ мнѣ узнать мнѣніе совѣта обороны, до какихъ именно предѣловъ онъ предполагаетъ защищать крѣпость...

Смирновъ: (какъ ужаленный, глаза засверкали). Позвольте-съ, позвольте-съ!! Вопросъ этотъ не подлежитъ обсужденію. Хотя мы имѣемъ не особенно много снарядовъ, но еще вполне достаточно для борьбы и отбитія, по крайней мѣрѣ, двухъ большихъ штурмовъ. Если снаряды изсякнутъ, у насъ свыше десяти миллионовъ патроновъ. Изсякнутъ снаряды, разстрѣляются патроны, у насъ остаются штыки.

Въ силу сказаннаго: вопросъ этотъ преждевремененъ и обсужденію не подлежитъ.

(Бѣлый совѣмъ сбить съ толку, ничего не можетъ понять, что происходитъ. Фокъ, Никитинъ, Рейсъ—оцѣпенѣли).

Что же касается того, сколько времени (подчеркивая), мы обязаны держаться, то на это намъ можетъ дать отвѣтъ интендантскій листокъ ¹⁾ (отодвигаетъ шифоньерку письменнаго стола, вынимаетъ листъ).

Обратимся къ вѣдомости крѣпостного интенданта о состояніи продуктовъ въ крѣпостныхъ продовольственныхъ магазинахъ къ сегодняшнему числу. Изъ послѣдняго видно, что мукой, крупой, сушеной зеленью, чаемъ, сахаромъ мы обезпечены болѣе, чѣмъ на одинъ мѣсяцъ, о конинѣ вопросъ только что рѣшенъ, ее хватитъ болѣе, чѣмъ на два мѣсяца. Кромѣ того, у насъ запасъ сухарей, котораго хватитъ болѣе чѣмъ на полтора мѣсяца ²⁾.

¹⁾ Ежедневная вѣдомость о количествѣ запасовъ въ крѣпости.

²⁾ Черезъ нѣсколько дней пришелъ пароходъ „King Arthur“ съ 50,000 пудовъ отличной пшеничной муки.

Вопросъ о сдачѣ крѣпости теперь не долженъ быть обсуждаемъ. Я не могу допустить въ совѣтѣ никакихъ обсужденій относительно сдачи крѣпости, ранѣе новаго года.

(Среди членовъ движеніе; всѣ громко заявляютъ, что вопросъ этотъ преждевремененъ. Рейсъ сидитъ блѣдный, выраженіе лица злое и растерянное).

Фокъ: (громко, съ апломбомъ). О! да! Возбужденіе этого вопроса несвоевременно!! (Рейсъ смотритъ на него съ нескрываемымъ удивленіемъ. Бѣлый теперь все понялъ).

Смирновъ: (опять спокойно, въ нѣсколько шутиломъ тонѣ). Въ Россіи, въ настоящее время, готовятся праздновать полувѣковой юбилей обороны Севастополя. Дѣдъ нашъ, Севастополь, держался одиннадцать мѣсяцевъ. Одиннадцать же мѣсяцевъ осады Артура исполнится лишь 27 декабря и тогда только, внукъ будетъ достоинъ своего дѣда.

Никитинъ: (молча, съ негодованіемъ потрясаетъ своей окладистой бородой. Всѣ встаютъ. Прощаются. Расходятся).

Когда вышли на улицу, Кондратенко обращается къ Бѣлому:

— „Что это стало съ генераломъ Стесселемъ. Неужели на него такъ повліяло раненіе“.

Въ кабинетѣ остался лишь Хвостовъ, быстро набрасывавшій матеріалъ для составленія протокола засѣданія.

На слѣдующій день протоколъ былъ отправленъ всѣмъ членамъ совѣта для подписи. Всѣ подписали. При особомъ мнѣніи остался лишь Рейсъ. Въ отдѣльной, приложенной къ протоколу запискѣ, Рейсъ протестовалъ противъ коменданта, который не разрѣшилъ обсужденія вопроса о сдачѣ крѣпости, на томъ демоль основаніи, что Артуръ не продержался еще столько, сколько оборонялся Севастополь. По существу же дѣла, Рейсъ ничего не возразилъ.

Когда протоколъ засѣданія былъ представленъ на утвержденіе Стесселя, то послѣдній: во-первыхъ, письменно отказался отъ даннаго имъ порученія Рейсу возбудить вопросъ о сдачѣ; во-вторыхъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Фока, предпославъ (конечно, подъ диктовку же Фока) обширную мотивировку о значеніи для обороны крѣпости Ляотъшаня, категорически предписалъ не ослаблять его гарнизона, а защищать, буде представится необходимость, до послѣдней крайности; въ третьихъ, выразилъ свое глубочайшее удивленіе полной неосвѣдомленности коменданта,

который не знаетъ, что дерутся не послѣдовательно снарядами, пулями и штыками, а всѣми орудіями истребленія вмѣстѣ.

— „Всѣмъ военнымъ извѣстно, что сражаются одновременно снарядами, пулями и штыками! Что же касается сдачи крѣпости, то я самъ знаю, когда это сдѣлать и рѣзни на улицѣ не допущу“.

Самую же сущность протокола засѣданія, — вопросъ объ усиленномъ питаніи гарнизона кониной, въ виду распространяющейся цынги — не утвердилъ.

Гарнизонъ продолжалъ питаться 5 дней постной пищей, получая лишь два раза въ недѣлю по $\frac{1}{4}$ ф. на человѣка конины.

Чѣмъ руководствовался Стессель, не утверждая постановленія совѣта обороны объ усиленномъ питаніи гарнизона кониной??

Чѣмъ была вызвана эта непонятная жестокость къ погибавшимъ отъ цынги защитникамъ??

Здѣсь можетъ быть только одинъ отвѣтъ:

Довести гарнизонъ, какъ можно скорѣе, до того состоянія, когда люди дѣйствительно станутъ „тѣнями“ и дальнѣйшая защита фактически будетъ неосуществимой...

... Человѣкъ пораженный цынгой — живой трупъ: все тѣло распухаетъ, ноги превращаются въ чурбаны, зубы вываливаются, страданія длительны и ужасны... исходъ, въ большинствѣ случаевъ, смертельный.

Въ этомъ актѣ безчеловѣчнаго произвола Стесселя была проявлена имъ злая — злѣйшая воля: во-первыхъ, превратить весь гарнизонъ въ живое кладбище (цынга увеличивалась чуть ли не въ геометрической прогрессіи) и, во-вторыхъ, оправдать этимъ сдачу крѣпости.

Для того, чтобы изъ Артура, въ которомъ происходятъ такіе чудовищныя событія, не прошелъ на волю слухъ, Стессель, въ какомъ то очумѣніи, въ этотъ же день отдаетъ приказъ, которымъ отнимается у коменданта крѣпости закономъ точно формулированныя и, ясно, именно коменданту предоставленныя права сношеній съ внѣшнимъ міромъ.

Ноября 26-го дня 1904 года. Кр. Портъ-Артуръ.

№ 904.

„Въ случаѣ прибытія къ побережью шаланды съ чѣмъ бы то ни было, ближайшая застава или жандармскій постъ обязаны

принять всѣ мѣры къ постановкѣ шаланды въ безопасное мѣсто и установленію надзора за тѣмъ, чтобы прибывшіе на шаландѣ ни съ кѣмъ не имѣли сообщеній. О прибытіи шаланды немедленно доносить въ Штабъ раіона, откуда и ожидать распоряженія. Всю найденную корреспонденцію тотчасъ же отправлять въ Штабъ раіона. Отходить отъ занятого нами побережья шаланды могутъ не иначе, какъ съ разрѣшенія Штаба раіона, такое же разрѣшеніе должны имѣть и всѣ отъѣзжающія на шаландахъ лица, о чемъ уже приказывалось. Отправленіе съ шаландами какой бы то ни было корреспонденціи помимо Штаба раіона безусловно воспрещается. Шаланды передъ отправленіемъ будутъ тщательно осматриваться и вся найденная корреспонденція будетъ конфискуема, а виновные будутъ привлекаться къ отвѣтственности“.

Генераль-адъютантъ *Стессель*.

Съ подлиннымъ вѣрно: Полковникъ *Рейсъ*.

Жандармы были этимъ приказомъ поставлены въ самое невозможное положеніе.

Но начальникъ крѣпостныхъ жандармовъ, князь Микеладзе сознавая, что распоряженіе „начальника раіона“ въ полной мѣрѣ произвольно, будучи закономъ подчиненъ только коменданту крѣпости, продолжалъ исполнять приказанія своего непосредственнаго начальника.

Адмиралъ же Григоровичъ продолжалъ безпрепятственно сноситься съ Чифу.

Обѣдъ въ честь Георгіевскихъ кавалеровъ у „генераль-адъютанта“ Стесселя.

26-го Ноября.

Вотъ, какъ описывалъ одинъ изъ приближенныхъ къ семьѣ и особѣ „генераль-адъютанта“ капитанъ (нынѣ подполковникъ) В. Желтенко: (№ 233 „Новаго Края“ 1904 г.).

„26 ноября въ день кавалерскаго праздника св. великомученика и побѣдоносца Георгія, у начальника укрѣпленнаго раіона, генераль-адъютанта Стесселя состоялся обѣдъ, данный хозяевами въ честь кавалеровъ этого высокаго ордена.

Къ 12 часамъ дня на квартирѣ у начальника раіона собрались находящіеся въ Портъ-Артурѣ г.г. генералы, за исключе-

ніемъ генерала Кондратенко, который не могъ явиться, будучи слишкомъ занятъ на позиціяхъ, какъ начальникъ обороны; командиры частей, приглашенные штабъ- и оберъ-офицеры и заурядъ-прапорщики, украшенные знаками отличія военного ордена. Ласково и привѣтливо встрѣчали гостей любезные хозяева.

И странно, и пріятно было видѣть столы, на которыхъ въ изобиліи красовались предметы кулинарнаго искусства, о которыхъ въ настоящее время у насъ можно только мечтать. И въ самомъ дѣлѣ: кто сейчасъ сможетъ устроить большой обѣдъ, съ обиліемъ мяса и поросятъ? А хозяйство супруги В. А. Стессель на столько велико и ведется такъ хорошо, что и еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ осады она сможетъ устроить у себя большой пиръ. Во время обѣда хозяйка обходила гостей и особенную любезность проявляла къ заурядъ-прапорщикамъ, еще не успѣвшимъ исполнѣ освоиться со своимъ настоящимъ положеніемъ ¹⁾.

Въ концѣ обѣда генераль-адъютантъ Стессель поднялъ бокалъ за нашего Верховнаго Вождя Государя Императора. Могушее, единодушное „ура“ покрыло тостъ хозяина. Засимъ хозяинъ предложилъ тостъ за старѣйшаго георгіевскаго кавалера, генераль-фельдмаршала, Великаго Князя Михаила Николаевича. Такое же могучее „ура“ сопровождало новый тостъ. Слѣдующіе тосты начальникъ раіона произнесъ въ честь присутствовавшихъ георгіевскихъ кавалеровъ и обратился съ отдѣльной рѣчью къ заурядъ-прапорщикамъ, которыхъ благодарилъ за лихую, беззаветную службу, выразивъ увѣренность, что и дальше они также будутъ радовать Батюшку-Царя своими подвигами и что съ такими молодцами помощниками никакой врагъ не страшенъ, а взятіе крѣпости совершенно невозможно.

Очень интересный тостъ произнесенъ былъ начальникомъ раіона въ честь присутствовавшихъ на обѣдѣ генераловъ: Фока, Надѣина и Никитина. Вспомнивъ русско-турецкую войну, генераль-адъютантъ Стессель подробно остановился на подвигахъ этихъ **героевъ**, въ то время еще капитановъ, и пожелалъ имъ еще много лѣтъ служить родинѣ ²⁾ такъ, какъ они служили раньше и служатъ нынѣ. Всѣ тосты покрывались дружнымъ „ура“ присутствовавшихъ.

¹⁾ Жирный шрифтъ вездѣ мой.

²⁾ Не поздоровится родинѣ отъ службы такихъ героевъ, какъ Фокъ и Никитинъ.

Фортъ II послѣ его сдачи.

Много тостовъ произнесено было и въ честь хозяевъ: героя двухъ войнъ генерала А. М. Стессель и его супруги В. А., которая нынѣ содѣйствуетъ въ посильной помощи героямъ-увѣчнымъ воинамъ и семьямъ погибшихъ или пострадавшихъ воиновъ.

Среди отвѣтныхъ тостовъ выдѣлился тостъ, произнесенный подпоручикомъ Крупенниковымъ, который, сравнивъ артурскія войска, въ совокупности превратившіеся изъ песчинокъ въ скалу, назвалъ хозяина **связующимъ цементомъ** ¹⁾ и пожелалъ ему **полнаго здоровья, дабы и впредь скала стояла такою же твердой и непоколебимой, какъ стоитъ теперь.**

Всѣ отвѣтные тосты сопровождались громовымъ „ура“ и искреннимъ, сердечнымъ пожеланіемъ любезнымъ хозяевамъ здоровья и счастья.

По окончаніи обѣда поручикомъ Ксидо сдѣлано было нѣсколько фотографическихъ снимковъ присутствовавшихъ, сопровождавшихся аккомпаниментомъ и дюймовыхъ снарядовъ.

Вскорѣ гости разошлись, унося пріятное воспоминаніе о проведенныхъ въ домѣ любезныхъ хозяевъ нѣсколькихъ часахъ. Большинство на память взяли съ собою меню обѣда, расписанное на изящныхъ карточкахъ, украшенныхъ виньетками“.

Мнѣ кажется, что большей „медвѣжьей услуги“ нельзя было оказать любезнымъ хозяевамъ.

Г. Желтенко пришелъ въ такой восторгъ отъ пышныхъ явствъ и питій великихъ, что почелъ своимъ непремѣннымъ долгомъ описать это торжество на столбцахъ мѣстной газеты, совершенно забывая, что смакуя: „изобиліе кулинарнаго искусства“, о которомъ самъ говоритъ: „въ настоящее время у насъ можно только мечтать“, поступалъ, по меньшей мѣрѣ, неэтично по отношеніи тысячъ полуголодныхъ, пораженныхъ уже цынгою, изстрадавшихся людей, не говоря уже про раненыхъ въ госпиталяхъ.

Неужели Желтенко — капитанъ русской службы, не понималъ, что это описаніе было издѣвательствомъ надъ гарнизономъ, которому „хлѣбосольный хозяинъ“ отказываетъ, въ виду какихъ то непонятныхъ соображеній, въ дачѣ $\frac{1}{4}$ фунта конины ежедневно, а самъ катается, какъ сыръ въ маслѣ.

¹⁾ Хорошъ цементъ!

Неужели Желтенко — офицеръ, не понималъ, что продажа М-те Стессель молока и яицъ по баснословно-дорогимъ цѣнамъ не составляла уже секрета для гарнизона.

Неужели Желтенко — разумное существо, не понималъ, что онъ дѣлаетъ?

Въ практическомъ умѣ ему никоимъ образомъ отказывать не приходится.

Такъ что же, наконецъ?!

Въ вихрѣ разгулявагося произвола „генераль-адъютантскаго“ режима, всѣ его приспѣшники такъ были увѣрены въ грядущемъ и непоколебимомъ величїи „вождя“, что прямо творили свою волю, не справляясь ни съ здравымъ смысломъ, ни съ велѣніемъ сердца.

Я не знаю, какими соображенїями руководствовалась редакція „Новаго Края“, но полагаю, что она или не могла не напечатать этого описанїя или напечатала его добровольно, съ предвзятой цѣлью, чтобы впослѣдствїи, когда Артуръ освободится отъ безграничнаго произвола, апеллировать къ общественному мнѣнію всей страны.

Полагаю, что второе предположеніе болѣе вѣроятно.

Десятимѣсячный юбилей осады.

27-го ноября исполнилось 10 мѣсяцевъ съ того момента, когда Россія, спавшая подъ давящимъ кошмарнымъ гнетомъ бюрократической опеки была разбужена первымъ боевымъ выстрѣломъ докатившимся съ беззаботно-дремавшаго рейда Артура.

Много крови утекло, много сердець остановилось, много слезъ уже было пролито, горе безысходное постепенно окутывало скорбнымъ флеромъ враждующіе народы. Много рухнуло надеждъ, закатывалась уже счастливая звѣзда Куропаткина.

Много измѣнилось, но неизмѣненъ и непоколебимъ былъ лишь, брошенный на произволъ судьбы, Артуръ.

Четыре мѣсяца, изо дня-въ день, изъ ночи-въ ночь обливался онъ кровью, чугуномъ и сталью, но былъ еще твердъ.

Непоколебимъ былъ гарнизонъ, въ единодушномъ рѣшенїи защищать его до послѣдней крайности.

Твердъ былъ и „генераль-адъютантъ“ неизмѣнно строчившій безконечные, слащавые приказы-акафисты.

27 числа гарнизонъ читаль посвященной ему новый экстренный акафистъ за № 903:

„Поздравляю васъ славные защитники съ 10-ти мѣсячной обороной крѣпости. 27-го января около 11 часовъ дня передъ „Артуромъ“ показалась эскадра противника и скоро открыла „огонь по нашей эскадрѣ, стоящей тогда на наружномъ рейдѣ „и по батареямъ берегового фронта, особенно сильный по электрическому утесу. Бомбардировка продолжалась около часу. Я „лично видѣлъ славную работу артиллеристовъ электрическаго „утеса капитана Жуковского. Эскадра противника быстро уходила отъ нашего мѣткого и сильного огня.

„Нынѣ ровно 10-ть мѣсяцевъ со дня начала войны; 10-ть „мѣсяцевъ Артуръ держится не получая ни подкрѣпленія, ни „снарядовъ, ни продовольствія. Что можетъ быть выше этой „стойкости, мужества и отваги. Слава Богу Царю Небесному, „Слава Вамъ Славнымъ героямъ, Войскамъ Русскаго Батюшки „Царя.“

„Генераль-адъютантъ“ морилъ людей голодомъ, но на похвальбу былъ щедръ до безконечности. Люди читали посвященное имъ славословіе, а цынга среди нихъ свое дѣло дѣлала, она была хуже, страшнѣе бомбардировокъ.

Зима.

28 Ноября.

Наступили зимніе холода, сопровождаемые сильнымъ, пронизывающимъ вѣтромъ.

Гарнизонъ, благодаря плохому питанію, отсутствію хорошихъ блиндажей, началъ сильно страдать.

Цынга усиливалась. Доктора всѣми силами боролись съ ней, но что они могли сдѣлать при отсутствіи рациональнаго питанія.

„Генераль-адъютантъ“ прилежно сочиняя акафисты гарнизону и слушать не хотѣлъ объ убоѣ лошадей и мало-мальски сносномъ питаніи.

Ему необходимо было устроить живое кладбище и онъ его устраивалъ, чтобы оправдать подготавливаемую сдачу.

Доктора писали доклады, предупреждали о надвигающемся бѣдствіи. Рапорты восходили на благоусмотрѣніе „раіона“, но практическихъ результатовъ не приносили.

„Генераль-адъютантъ“, выслушивая тревожные доклады, упрямо повторялъ: „Что же касается сдачи крѣпости, то я самъ знаю, когда это сдѣлать и рѣзни на улицѣ не допущу“.

Что съ нимъ было дѣлать??

Не слѣдуетъ забывать, что онъ, какъ непроницаемой броней, былъ облеченъ званіемъ генераль-адъютанта, а комендантъ ему былъ подчиненъ.

Нужно было арестовать,—немедленно арестовать, скажутъ. Да, безусловно да!

Но не было явныхъ уликъ измѣны и, кромѣ того, онъ былъ окруженъ „истинными помощниками и героями“. Они никогда не допустили бы его ареста. О совершенномъ же имъ служебномъ подлогѣ, никто въ крѣпости, за исключеніемъ Фока, Рейса и Никитина, да ближайшихъ военныхъ-домочадцевъ и не подозрѣвалъ. Не имѣлъ объ этомъ понятія и самъ комендантъ. Смирновъ объ этомъ услышалъ впервые, при возвращеніи изъ плѣна, изъ устъ самого Куропаткина.

— „Я его (Стесселя) отзывалъ, но онъ меня не послушался и началъ сноситься прямо съ Государемъ Императоромъ“ (см. „Правда о Портъ-Артурѣ“, ч. II, стр. 599).

На форту II слышна забивка горна. На форту III слышны работы буравомъ. Японцы неутомимы. Неутомимы и наши саперы. Идетъ медленная, незамѣтная, но упорная и жестокая, минная война.

Переездъ „генераль-адъютанта“ въ казармы 10-го полка.

Ноября 30 дня 1904 года. Кр. Портъ-Артуръ.

№ 912.

„Штабъ ввѣреннаго мнѣ корпуса перейдетъ въ казармы 10-го В.-Сиб. Стрѣлковаго полка, въ виду полного разбитія снарядами офицерскаго дома.

Генераль-адъютантъ *Стессель*.

Полковникъ *Рейс*.

Съ переходомъ штаба раіона въ казармы 10-го полка, переѣхалъ туда со своими чадами и домочадцами и самъ начальникъ раіона. На старомъ пепелищѣ остались лишь въ благоустроенномъ блиндажѣ: куры, утки, свиньи, телята и коровы, при надлежащемъ количествѣ соотвѣтствующей прислуги изъ числа правоспособныхъ защитниковъ крѣпости.

Съ переѣздомъ Стесселя на новое мѣсто, все кругомъ дома коменданта, какъ бы вымерло и оживлялось лишь голосами крикливыхъ пернатыхъ, истерическимъ визгомъ истинныхъ, но грязныхъ свиней и долгимъ, жалобнымъ, тоскливымъ мычаніемъ коровъ, тосковавшихъ по своимъ хозяевамъ. Въ этомъ протяжномъ мычаніи слышался какъ бы укоръ имъ, такъ жестоко оставившихъ ихъ здѣсь, на створѣ непріятельскихъ одиннадцати-дюймовыхъ батарей, въ жертву рвавшихся вокругъ снарядовъ.

Не могу обойти молчаніемъ приведеннаго приказа; фраза: „въ виду полного разбитія снарядами офицерскаго дома“ въ полной мѣрѣ дѣйствительно „несоотвѣтствовала дѣйствительности“.

Домъ могъ бы быть разбитъ снарядами, но разбитъ еще не былъ, какъ не былъ онъ разбитъ и впослѣдствіи.

Отдавался этотъ приказъ въ преднамѣреніи учсть его выгоды, такъ какъ онъ давалъ впослѣдствіи право доказывать, что чины штаба работали и жили въ домѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не превратился въ груды развалинъ и только въ силу необходимости пришлось искать новаго убѣжища.

Повторяю, до полного разбитія дома было еще очень далеко въ день отданія этого приказа, далеко было до полного разбитія и въ день капитуляціи. Одинъ 11" снарядъ попалъ въ комнату, гдѣ передъ этимъ жилъ поручикъ Малченко, другой разорвался на крыльцѣ и разнесъ переднюю.

Нужно было оправдать Георгіевскіе кресты и щедро раздаваемые боевыя награды чинамъ штаба, и, поэтому, въ приказѣ оповѣщалось гарнизону о полномъ разбитіи офицерскаго дома.

Комендантъ крѣпости оставался до самаго своего выѣзда изъ Артура въ отведенномъ ему домѣ. Несмотря на нѣсколько разорвавшихся снарядовъ въ его конюшнѣ, дворѣ, саду, дорогѣ, вынесшихъ два пролета ограды, онъ и не подумалъ перебираться въ безопасное мѣсто, такъ какъ считалъ это несомнѣстнымъ съ достоин-

ствомъ главы крѣпости, долженствующей вездѣ показывать примѣръ неустрашимости и самообладанія.

Иначе повѣствовалъ объ этомъ, въ своей инсинуаціи по адресу коменданта и адмираловъ, лейтенантъ (нынѣ капитанъ 2 ранга) Л. Онъ, не смущаясь завѣдомой ложью, отлитографировалъ и пустилъ въ обращеніе по Петербургу записку, въ которой убѣдительно доказывалъ, что Стессель герой неустрашимый, а Смирновъ презрѣнный трусъ въ теченіи всей осады просидѣвшій въ блиндажѣ и никакого участія въ руководительствѣ обороной не принимавшій.

Меня крайне интересуешь, неужели г. Л. скомпрометировавшій себя такимъ некрасивымъ поступкомъ, порочающимъ честное имя офицера, будетъ и впредь имѣть право нести службу Его Величества.

Теперь вернусь къ мѣсту, гдѣ расположены были казармы 10-го Восточно-Сибирскаго Стрѣлковаго полка.

Площадь занимаемая этими казармами, былъ самый безопасный уголокъ крѣпости, въ теченіи всей осады не подвергавшійся обстрѣливанію.

Уголокъ этотъ сталъ лишь только тогда опаснымъ, когда 19 декабря Фокъ добровольно уступилъ японцамъ Большое Орлиное Гнѣздо.

Но уголокъ этотъ безопаснымъ такъ и остался, такъ какъ лишь только Орлиное Гнѣздо стало достояніемъ осаждающаго—по дорогѣ уже мчался парламентаръ **Малченко** съ предложеніемъ сдать крѣпость.

Старый приѣмъ надувательства.

Приказы 29 Ноября (экстренно).

№ 910.

„Студентъ, состоящій въ распоряженіи ввѣреннаго мнѣ Штаба Лебедевъ, сейчасъ опрашивалъ японца, взятаго у форта № 5. Японецъ сказалъ: 1) что 14-го ноября (нашего стиля) на Сѣверѣ былъ бой, что въ бою японцы потеряли очень много; что онъ не знаетъ мѣсто, гдѣ былъ бой и не знаетъ результата; 2) что съ Сѣвера къ нимъ ничего не пришло и что подъ Артуромъ войскъ немного и они даже думаютъ, что имъ и

Артура не придется взять, такъ какъ русскіе дерутся очень храбро и что особенно имъ наносятъ вредъ бомбочки и артиллерія шрапнелью по резервамъ. Что про флотъ онъ ничего не знаетъ“.

№ 915 1 Декабря (экстренно).

„По сообщенію китайцевъ. На сѣверѣ дѣла японцевъ очень плохи. На сѣверѣ отъ Ляо-яна недѣли двѣ тому назадъ было жестокое сраженіе у русскихъ съ японцами. Японцы разбиты, при чемъ у нихъ выбыли изъ строя отъ 40 до 50 тысячъ человѣкъ убитыми и ранеными. У Русскихъ потери также значительны, но меньше японскихъ. Японцы отступаютъ частями на Фын-хуанъ-ченъ и на Гай-чжоу. Русскіе преслѣдуютъ ихъ по пятамъ. 2) Инкоу будто бы уже занято Русскими; а также и Да-ши-цiao. Ляо-янъ также очищенъ японцами. Среди японскихъ войскъ на сѣверѣ паника. 3) Войска японскія, предназначавшіеся подъ Портъ-Артуръ, направлены, въ виду измѣнившагося положенія дѣлъ, на сѣверъ. Но подъ Портъ-Артуромъ ихъ все-таки осталось не менѣе 30 т. человѣкъ, особенно на лѣвомъ нашемъ флангѣ. Съ этими силами японцы не осмѣлятся пытаться брать Портъ-Артуръ, хотя штурмъ отдѣльныхъ участковъ они все-таки думаютъ производить. 4) Взять Портъ-Артуръ японцы считаютъ теперь уже для себя необходимымъ, по тому соображенію, что взявъ Портъ-Артуръ, они надѣются на возможность заключенія мира съ Русскими. Если же Портъ-Артуръ они не возьмутъ, то имъ придется поспѣшить убираться восвояси въ Японію“.

Сопоставляя эти два приказа, отданные на протяженіи четырехъ дней, невольно задумываешься, что думали авторы этихъ приказовъ, чего хотѣли они достичь?

Гарнизонъ обезсиленный плохимъ питаніемъ, гарнизонъ извѣрившійся въ скорой помощи извѣтъ, гарнизонъ давно понявшій, что его надуваютъ—никакъ не могъ постичь, зачѣмъ, въ довершеніи всего, надъ нимъ еще издѣваются.

Войска отлично знали, что и въ интенданствѣ и въ частныхъ складахъ еще большой запасъ всевозможныхъ продуктовъ знали, что въ крѣпости свыше 3000 лошадей. Все это они отлично знали, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, голодали, и все больше и больше заболѣвали цынгой.

Если допустить, что японцамъ плохо, какъ объ этомъ повѣствуется въ обоихъ приказахъ, то слѣдовательно время близится къ освобожденію. Если это такъ, почему же не кормятъ, какъ слѣдуетъ, почему, словно нарочно, способствуютъ развитію цынги.

Два приведенные приказа окончательно утвердили гарнизонъ въ сознаніи, что его не только надуваютъ, но еще, что всего хуже, непростительнѣе, глумятся, издѣваются.

Когда отъ снаряда, попавшаго въ склады Чурина или кого-то другого, вспыхнулъ пожаръ, больные изъ ближайшихъ госпиталей бросились туда и начали грабить „чужое“ добро,—съ единственной цѣлью насытиться.

Пришлось вызвать патрули, которые съ большими усиліями (думаю не особенно охотно), возстановили порядокъ.

Если не ошибаюсь, это былъ единственный случай.

Это былъ единственный случай!

А если бы они повторились?

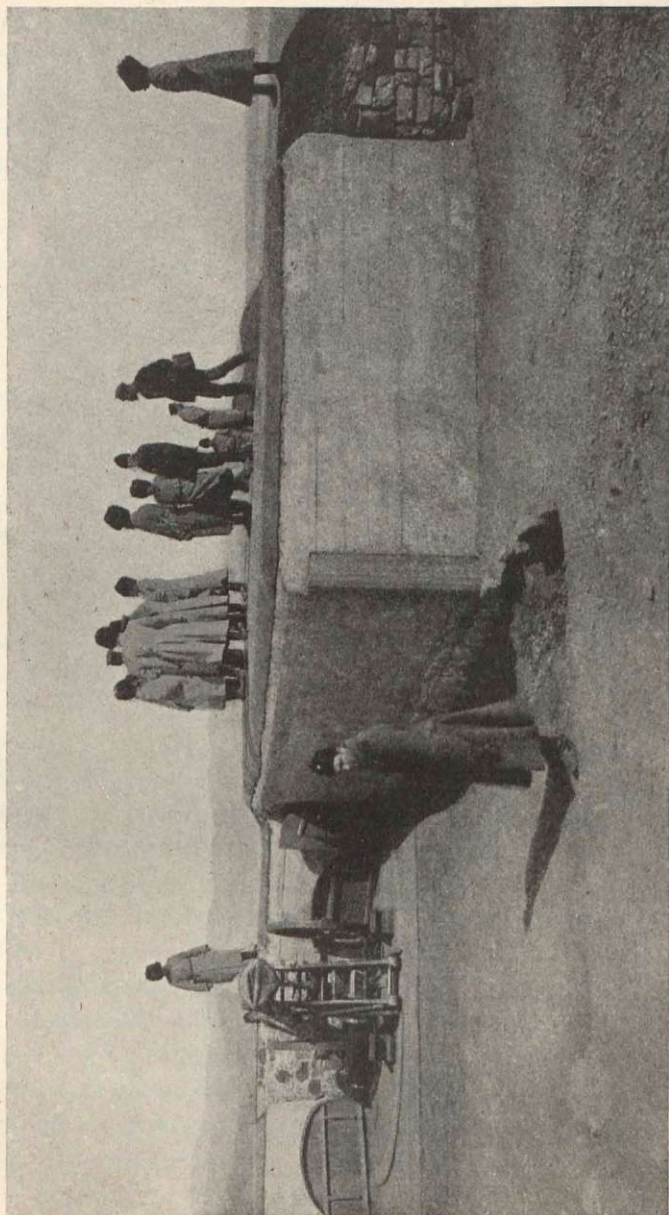
А если бы войска начали сами себѣ доставать то, въ чемъ имъ безразсудно отказывали?

Нѣкоторые командиры частей, убоявшись сильно расправлявшейся цынги, собственной властью, на свой страхъ, начали довольствоваться ввѣренныхъ имъ людей кониной и этимъ, конечно, спасли не одну сотню жизней.

Но это было лишь счастливымъ и разумнымъ исключеніемъ. Вся же остальная часть гарнизона сидѣла на скудной пищѣ и цынга развивалась.

Если въ гарнизонѣ не обнаружилось явнаго неповиновенія, если глухое недовольство не перешло въ открытый бунтъ, то это меня заставляетъ лишній разъ свидѣтельствовать, какъ великъ былъ духъ Артурскаго гарнизона, какъ глубоко вѣдрилось въ сознаніи войсковыхъ массъ преданность долгу.

Люди голодали, мучились, умирали, надъ ними издѣвались, они все безропотно переносили и продолжали: голодать, мучиться и умирать, отстаивая ввѣренные имъ „твердыни“.

Батарея лит. А. Первымъ въ группѣ слѣва генералъ Кондратенко.

Смерть Р. И. Кондратенко и С. А. Рашевского.

Потухалъ уже день, день непривѣтливый, сумрачный и холодный. Рѣзкій, пронизывающій НО усиливался—къ ночи ожидали пурги.

Четвертый уже мѣсяцъ Артуръ, скованный все съуживающимся желѣзнымъ кольцомъ непріятельскихъ батарей, одухотворяемый врагомъ настойчивымъ и смѣлымъ, упорно защищается.

Обильно орошается кровью защитниковъ каждая пядь уступаемой врагу земли, но гарнизонъ еще гордъ, бодръ и стоекъ, онъ помнитъ слова приказа генерала Смирнова 18 іюня 1905 г. № 490:

„...Пусть каждый изъ васъ вспомнить слова присяги и утвердится въ мысли, что нѣтъ ему иного мѣста, кромѣ назначеннаго на верхахъ крѣпости...“

Уже въ рукахъ японцевъ Высокая гора, откуда, какъ на ладони, открывается видъ на весь Артуръ, старый и новый, внутренний, внѣшній рейдъ и батареи берегового фронта.

Погибла эскадра, краса русскаго флота; неподвижно покоятся желѣзные гиганты на днѣ западнаго бассейна.

Только послѣ 14-ти дней непрерывнаго, жестокаго боя, нечеловѣческихъ усилій, стоившихъ сотенъ жизней,—генераль Смирновъ, убѣдившись въ бесплодности и рискѣ дальнѣйшей защиты, приказалъ оставить Высокую гору.

Линія укрѣпленныхъ горъ, посѣдѣвшихъ отъ недавно выпавшаго снѣга, казалась необитаемой и мертвой, оживляясь лишь раздававшимися выстрѣлами. То въ городѣ, бухтѣ, на сухопутномъ фронтѣ, береговой линіи взовется облако дыма, донесется то рѣзкій, то глухой звукъ выстрѣла, взрыва и опять все тихо.

Время тянется невыносимо долго, тягуче, тоскливо.

Холодно.

Зловѣще шумятъ свинцовыя волны у береговъ Квантуна, дробясь съ какимъ-то таинственнымъ шелестомъ у скалъ и утесовъ, объ остовы брандеровъ, остальные борта безсмѣннаго часового,—канонерской лодки „Отважный“.

Нервы у всего живого, думающаго, чувствующаго въ Артурѣ притупились. Большинство не реагируетъ уже на постоянную смертельную опасность. Раны, страданія и смерть стали обыденнымъ явленіемъ—не пугаютъ.

Доктора и сестры, эти ангелы-хранители, подъ свистъ и взрывы гранатъ, шрапнелей и бомбъ—самоотверженно, покойно, увѣренно и безстрашно творятъ свое святое дѣло, облегчая страданія и смерть защитникамъ Артура.

Всѣ честные, сильные духомъ русскіе люди, руководимые сознаниемъ того, что они участники тяжелаго, но важнаго историческаго событія и сознаниемъ гражданского долга, подсказывавшаго имъ, что конечная цѣль, цѣль упорной защиты крѣпости—будетъ смерть или освобожденіе,—мужественно рѣшили перенести всѣ испытанія до конца.

Уже засумерничало, когда комендантъ крѣпости генералъ-лейтенантъ Смирновъ вернулся съ объѣзда боевой линіи и едва успѣлъ перекусить, какъ ему доложили о пріѣздѣ съ докладомъ генерала Кондратенко.

Генералъ Смирновъ, всегда энергичный, общительный и живой, привѣтливо встрѣтилъ своего ближайшаго и вѣрнаго помощника и, выслушавъ отъ него подробный докладъ о положеніи дѣлъ на оборонительной линіи, сказалъ:

— „Ну, Романъ Исидоровичъ, дѣла наши на фортъ II-мъ обстоятъ не важно.

Японцы высунуться нашимъ не даютъ. Стрѣлки вкопались, какъ кроты въ землю, перекидываются только бомбочками. Нужно ожидать и быть наготовѣ, японцы будутъ штурмовать второй фортъ. Ретраншаментъ готовъ, въ случаѣ чего на немъ мы задержимся, лишь бы они не предупредили взрыва нашего камуфлета. Положимъ, я надѣюсь на полковника Рашевскаго.

— Да, октябрскій нашъ взрывъ на фортъ II-мъ былъ блестящій. Будетъ ли онъ и на этотъ разъ такимъ же удачнымъ. Насколько я помню, передъ закладкой камуфлета, вы, ваше превосходительство, лично спускались въ нашу минную галлерею и выслушивали работы въ японской галлерей и на мѣстѣ рѣшили вопросъ о своевременности закладки камуфлета, а на слѣдующій день сами его взорвали.

— „Молодецъ молодецъ былъ тогда Рашевскій; собственно вся заслуга блестящихъ результатовъ взрыва—его. Это онъ систематически слѣдилъ за ходомъ работъ японскихъ саперовъ. Я поѣхалъ, лазилъ въ галлерею, взрывалъ, пользуясь уже результатомъ его наблюденій, я и на этотъ разъ увѣренъ въ успѣхъ.

Да, вотъ что, вы, конечно знаете, сегодня японцы въ контръ-эскарповой галлерей форта II-го напустили вонючихъ газовъ и, подбѣжавъ ко второму траверсу, начали бросать бомбочки. Наши не устояли!! Отошли на сорокъ шаговъ назадъ.

— „Какъ же, знаю.

Невозможно было держаться, ваше превосходительство. Затѣмъ отъ форта III-го до редута I-го противникъ утромъ закончилъ параллель, въ 30—40 шагахъ отъ Китайской стѣнки...

— „Да, да, я знаю. Теперь, конечно, намъ... Ну-съ, а какъ вы находите настроеніе гарнизона?

— „На Западномъ и Сѣверномъ фронтѣ отличное, тамъ теперь совсѣмъ спокойно, въ особенности на Западномъ. Вотъ, на Сѣверо-Восточномъ фронтѣ, — тамъ тяжело, ваше превосходительство, очень тяжело, хотя люди выглядятъ еще очень и очень бодро. Питаніе плохое, вотъ что скверно...

— „Я того же мнѣнія. Въ особенности досаждаютъ они намъ на участкѣ отъ лит. Б. до форта III-го включительно. Какъ отобрали у насъ въ августѣ редуты 1-ый и 2-ой, такъ и присосались къ этому участку. Положимъ намъ не страшно, у насъ почти готова 3-я линія, а дальше пресловутая центральная ограда. Эхъ, не будь у насъ Стесселя и Фока, — дѣла наши не такими бы были. Тормозятъ они намъ съ вами дѣло. Я устранилъ Фока отъ командованія общимъ резервомъ. Могъ бы, кажется, успокоиться; такъ нѣтъ же, — все записки Стесселю пишетъ, а тотъ читаетъ и вдохновившись портитъ намъ все. Не могу добиться разрѣшенія бить лошадей и этимъ усилить питаніе здоровыхъ и больныхъ. Вмѣшивается во все и портитъ намъ оборону.

— „Да, крѣпость осаждаютъ три генерала. — Японскій генералъ Ноги и два русскихъ. Наше положеніе не завидное — сказалъ и задумался Романъ Исидоровичъ.

Ординарецъ доложилъ о пріѣздѣ генерала Бѣлаго.

Генералъ Смирновъ, поздоровавшись съ начальникомъ артиллеріи крѣпости, продолжалъ мысль, высказанную Кондратенко:

— „Да, тяжело, очень тяжело. Защищаться отъ однихъ японцевъ было бы еще ничего. Но, когда врагъ сидитъ въ крѣпости, наше положеніе становится иногда прямо критическимъ. Господа, намъ нужно помнить, что наша задача настолько серьезна, что мы должны приложить всѣ усилія, чтобы выйти

изъ этого положенія. Будемъ защищаться и обезвреживать Стесселя и Фока, насколько позволяютъ намъ наши силы и разумъ, а тамъ, — что Богъ дастъ! Вотъ, Романъ Исидоровичъ въ обезвреживаніи Стесселя большой искусникъ—и этимъ дѣлу защиты крѣпости приносить прямо неоцѣненную пользу, но бѣда, бѣда въ томъ, что порой, увлекаясь, проводитъ черезъ Стесселя помимо моего желанія то, что считаетъ болѣе цѣлесообразнымъ. Положимъ, это не трудно. На все, что противъ меня или не мое, Стессель соглашается. Но я увѣренъ, что это было недоразумѣніе. Не правда ли, генераль?

Романъ Исидоровичъ не сразу отвѣтилъ, видимо ему было очень неловко подъ пронизывающимъ взглядомъ большихъ, черныхъ, искрящихся глазъ улыбающагося Смирнова.

— „Да, ваше превосходительство, былъ грѣхъ, и я жестоко поплатившись, никогда не рѣшусь брать на себя отвѣтственность въ томъ, на что не было вашего согласія, противъ чего вы возражали...“

Вообще, въ этотъ вечеръ Романъ Исидоровичъ былъ не тотъ. Въ его взглядѣ, движеніяхъ было что-то чуждое ему. Глаза горѣли ярче обыкновеннаго, то онъ слегка нервничалъ, то задумывался.

На дворѣ вѣтеръ завывалъ все сильнѣй и сильнѣй; въ стеклахъ, то: шипѣлъ и шуршалъ сухой снѣгъ, то они дребезжали отъ выстрѣловъ и взрывовъ.

Въ огромномъ кабинетѣ коменданта, освѣщенномъ лампой и двумя свѣчами, полумракъ.

Смирновъ, Кондратенко, Бѣлый, склонившись надъ картой крѣпости, рѣшали, на основаніи данныхъ личныхъ наблюденій и донесеній частныхъ начальниковъ, вопросы о группировкѣ частей гарнизона, расположеніи резервовъ, усиленіи орудіями батарей и укрѣпленій, въ особенности центра С.-В. фронта и третьей линіи обороны.

Телефоны то и дѣло дребезжали, отрывая Смирнова отъ совѣщанія. Комендантъ подходилъ, то къ одному, то къ другому телефону, отдавая лаконическія приказанія и затѣмъ быстро возвращался къ столу.

Изъ столовой безпрестанно появлялся ординарецъ съ телефонограммами изъ штаба крѣпости.

— Ни днемъ, ни ночью не даютъ покоя, сказалъ Смирновъ,

пробѣгая текстъ. — Не угодно ли! Опять зашевелились противъ форта III-го.

— Что, развѣ началось что-нибудь серьезное? Батареи молчать, вѣрно частичное наступленіе—разсѣянно спросилъ Кондратенко и опять склонился надъ картой.

— Да, замѣчено движеніе въ окопахъ. Лаперовская батарея вѣроятно ихъ еще не замѣтила. Она отлично ихъ раскатываетъ.

— А вотъ, началась ружейная трескотня и пулеметь,—сказалъ Кондратенко.

— Господа, еще разъ повторяю, все наше вниманіе должно быть обращено на третью линію обороны. Противникъ вѣренъ себѣ, онъ присосался къ центру С.-В. фронта. Онъ его язвить, долбить всѣми способами. Намъ нужно противопоставить прорыву сильную линію. Генераль Стессель противъ третьей линіи, но я настаиваю и требую ея усиленія,—обратился Смирновъ къ Бѣлому. — Вами очень удачно выбраны нѣкоторыя позиціи, я ихъ видѣлъ. Лейтенантъ Хоменко усиленно и очень успѣшно ихъ вооружаетъ. Адмираль Виренъ не стѣсняетъ насъ ни орудіями, ни снарядами. Слово нѣтъ, съ занятіемъ противникомъ Большого Орлинаго Гнѣзда—старый городъ и расположеніе 10-го полка ¹⁾ подвергнется огню, какъ теперь Новый городъ съ занятіемъ Высокой, но мы должны помнить, что намъ необходимо защищать Артуръ, а не заботиться о безопасности Стесселя. Пусть со всѣмъ хозяйствомъ переѣзжаетъ въ казематы форта I-го, тамъ совершенно безопасно. Если онъ могъ, не постѣснялся переѣхать въ 10-ый полкъ, можетъ переѣхать и на фортъ I.

Со стороны бухты, среди завыванія вѣтра, доносился уже гулъ взрывовъ 11-ти дюймовыхъ снарядовъ.

Ну и вечерокъ. Слышите! Опять поѣхали „паровозы“. Съ занятіемъ Высокой горы они удивительно мѣтко поддерживаютъ огонь. Адмиралы Виренъ и Лощинскій совершенно правильно называютъ крѣпость „ловушкой“ для флота. Первый снарядъ 25 іюля, былъ въ портъ и вотъ, безостановочно ужъ пятый мѣсяцъ, съ момента начала фактической блокады Артура, они уничтожаютъ портъ, разстрѣливаютъ городъ, засыпаютъ суда снарядами, какъ на внутреннемъ, такъ и на внѣшнемъ рейдѣ.

¹⁾ Мѣстоожительство генераловъ: Стесселя, Фока и Рейса.

Эскадра погибла на нашихъ глазахъ, несмотря на то, что крѣпость не сдала еще ни одного форта, ни одного долговременнаго укрѣпленія.

Генераль Кондратенко, всегда горячо возмущавшійся всѣмъ, что предшествовало въ крѣпости войнѣ, что творилъ въ укрѣпленномъ районѣ Стессель и Фокъ, сегодня не то безучастно, не то разсѣянно слушалъ Смирнова.

Надъ домомъ прошумѣлъ „паровозъ“ и разорвался гдѣ то близко.

— Ночная бомбардировка на меня дѣйствуетъ сильнѣй, чѣмъ дневная. Шумъ этихъ приближающихся стальныхъ глыбъ всегда заставляетъ меня быть на сторожѣ. А, собственно, все это глупость, что должно быть, то будетъ. Помните смерть полковника Петрова на Длинной горѣ. Онъ былъ убитъ вмѣсто меня. Осколки разорвавшагося снаряда, вмѣсто полета впередъ, ударили назадъ, и Петровъ одинъ изъ лучшихъ батарейныхъ командировъ, былъ убитъ...

Кондратенко говорилъ рѣзко, онъ нервничалъ.

Часамъ къ семи совѣщаніе кончилось. Романъ Исидоровичъ, отказавшись отъ чая, простился съ Смирновымъ и Бѣлымъ, ушелъ.

2-го декабря вечеромъ, часовъ въ пять, въ штабѣ начальника сѣвернаго фронта, флигель-адъютанта Семенова получилось извѣстіе, что къ 9-ти часамъ прибудетъ генераль Кондратенко съ тѣмъ, чтобы проѣхать на фортъ IV-ый.

Не прошло и часу, какъ Кондратенко лично передаетъ по телефону, что вмѣсто форта четвертаго, онъ рѣшилъ проѣхать на фортъ II-ой, который его очень беспокоитъ.

Это было—роковое рѣшеніе!

Въ сопровожденіи конныхъ охотниковъ, легкой рысцой, черезъ Новый Китайскій городъ пробирался Романъ Исидоровичъ на сѣверо-восточный фронтъ въ штабъ генерала Горбатовскаго.

Ранній вечеръ смѣнила холодная, темная ночь.

Кругомъ темень, зги не видать. Сзади какъ бы вымершій городъ. Впереди массивы горъ, слегка очерчивающіеся на темномъ небѣ и на свѣту нашихъ боевыхъ фонарей, бросающихъ огромные фосфорическіе лучи въ сторону расположеній противника.

Кондратенко въ пути уже полчаса.

За горами впереди, налѣво, направо—тишина. Шумятъ лишь далеко-далеко въ сторонѣ, въ глубинѣ воздуха „паровозы“; доносятся глухіе взрывы. Зататакаетъ рѣзко пулеметь. Затрещатъ, словно горохъ, ружейные выстрѣлы. Взлетитъ шумя боевая ракета, и, разорвавшись на тысячи свѣтящихся огней, на минуту какъ днемъ освѣтитъ скатъ горы, ложбину, густыя низко повисшія облака, горную дорогу, по которой медленно подвигается Кондратенко, и опять все тихо, зловѣще тихо, неприглядно, жутко и безнадежно темно.

Врагъ кругомъ. Крѣпость притаилась. Силится подъ покровомъ ночи вздохнуть свободнѣй, отдохнуть и приготовиться къ страдѣ грядущаго дня.

Группа всадниковъ, миновавъ старую импань, медленно подвигалась по военной дорогѣ къ Митрофаньевской горѣ, у подошвы которой расположенъ штабъ генерала Горбатовскаго.

Генераль Кондратенко долго слѣдовавшій въ глубокомъ раздумьи, вдругъ осадилъ коня, и, повернувшись къ оставшемуся сзади Артуру, силился увидѣть его вновь. Словно онъ прощался съ нимъ.

Напрасно,—темень ночи и легкій снѣжокъ застилали темный Артуръ. Артура не было видно.

— Сколько бессонныхъ ночей, сколько горькихъ минутъ, сколько борьбы съ недоброжелательствомъ, недобросовѣстностью, хронической безчестностью, мелкимъ личнымъ самолюбіемъ, пришлось пережить, перенести—чтобы проводить и привести въ исполненіе все, что требовало долгъ офицера и совѣсть человѣка.

Вихремъ неслись жгучія воспоминанія о недавно минувшемъ.

Киньжоускій бой! Преступная возмутительная нераспорядительность, упрямство, халатность Фока. Его телефонограмма 1)

1) Телефонограмма изъ Тафашина изъ Штаба 4-ой дивизіи Генералу Стесселю. „Тафашинскія высоты не оставляются, что можно видѣть изъ расположенія 14-го полка и двухъ батарей у дер. Наньгуалинъ. Вчера еще я со всѣми баталіонными и батарейными командирами выбрали позиціи для обороны, въ настоящее время этотъ вопросъ второстепенный, ихъ придется занимать только для того, чтобы дать отступить 5-му полку по Мандаринской дорогѣ. Меня беспокоитъ противникъ со стороны Керръ. Онъ

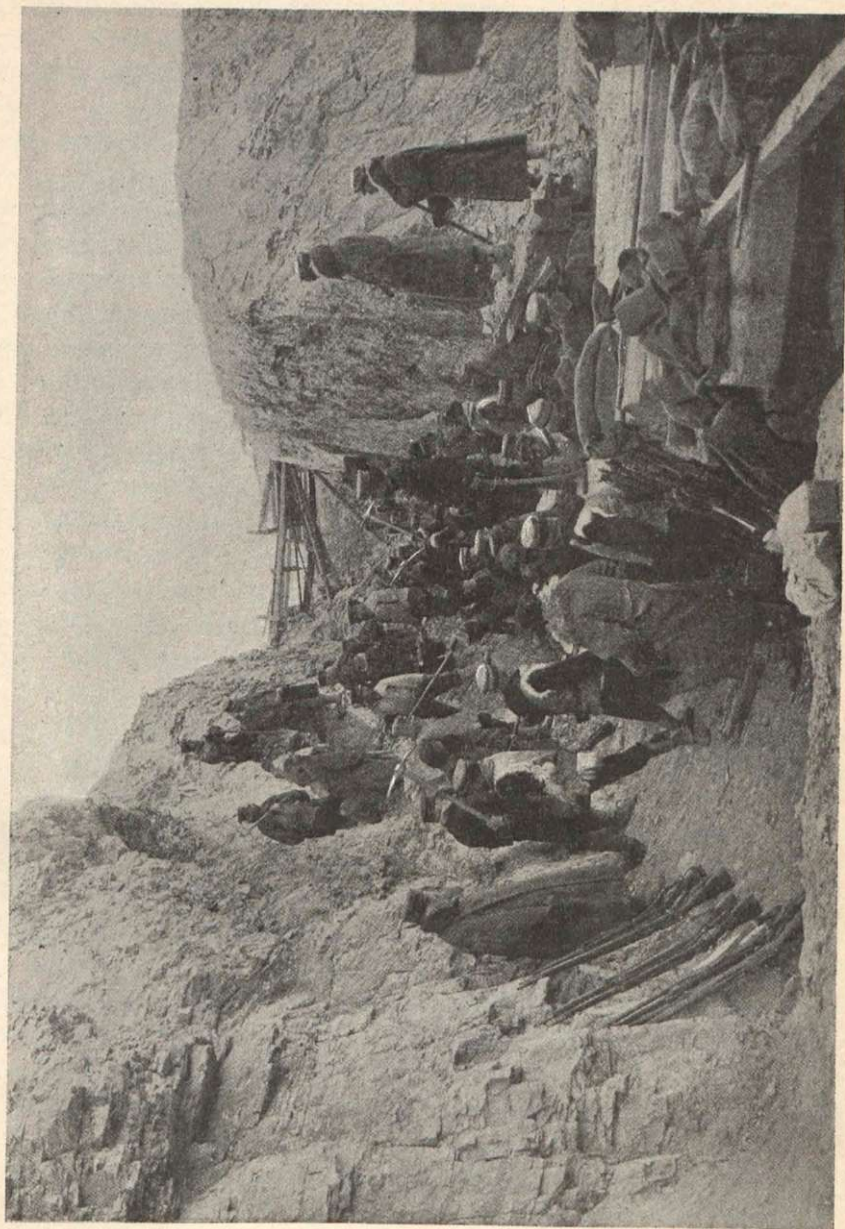
въ 3 часа дня, свидѣтельствовавшая о полномъ хаосѣ творившемся у Киньжоу и иллюстрировавшая до какихъ абсурдовъ могъ доходить Фокъ. Надъ этой телефонограммой хохотали, называли ее „военной эквилибристикой очумѣвшаго генерала“, но веселиться было преждевременно. Фокъ оставался хозяиномъ положенія, и въ концѣ концовъ, устроилъ Киньжоуское побоище и неорганизованное бѣгство къ Артуру, потерю Дальняго...

— А Зеленяя горы!? Путемъ какой жестокой борьбы съ партіей Стесселя и Фока (поддержанный лишь Смирновымъ), удалось настоять на атакѣ ихъ 21 июня. Атака, благодаря выдающейся храбрости, энергіи и распорядительности полковника Семенова, дала блестящіе результаты; горы были вновь заняты, что отдалило паденіе Артура, по крайней мѣрѣ, на два мѣсяца. Удерживая противника на Зеленыхъ горахъ,—Смирнову уда-

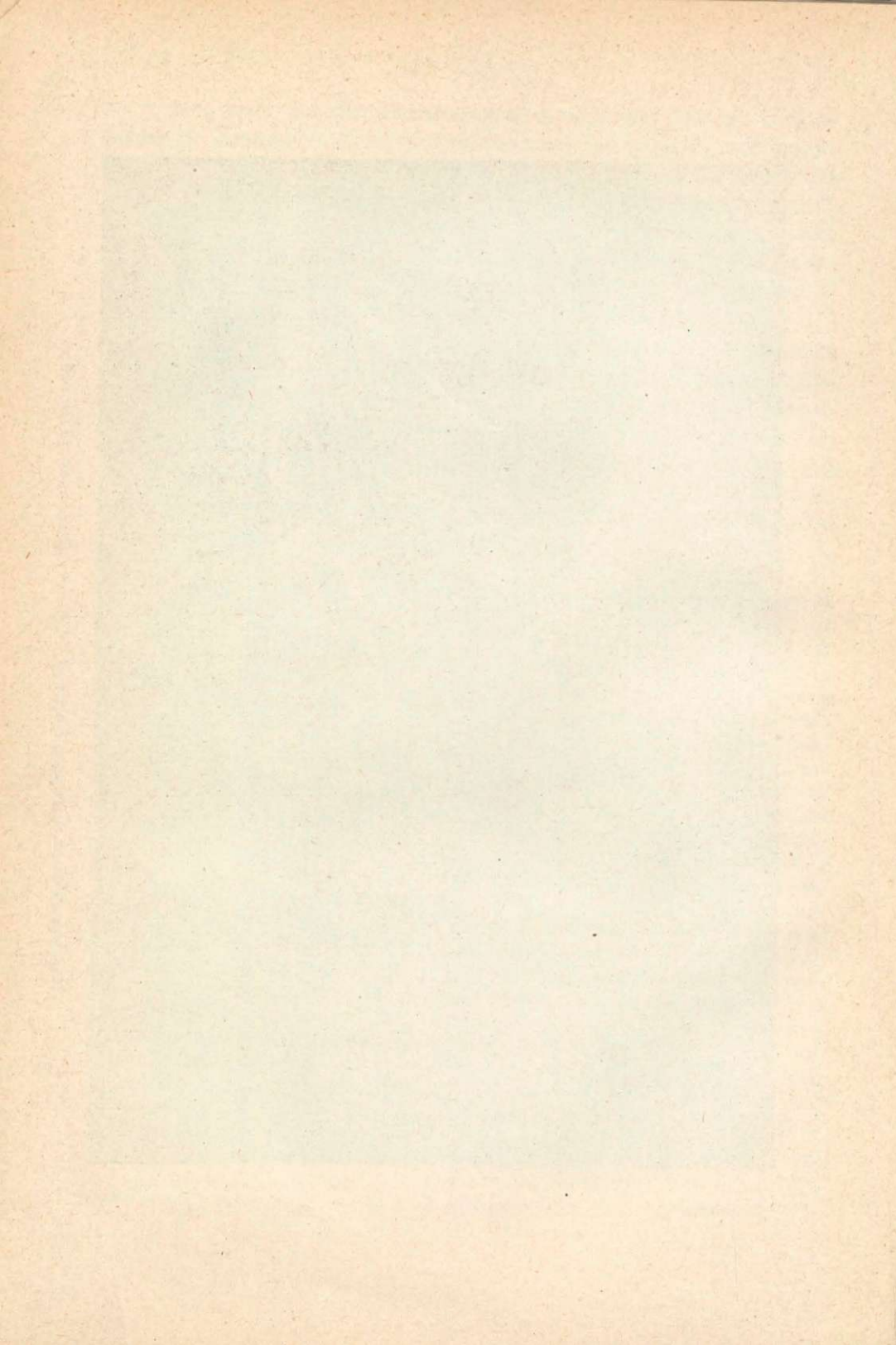
можетъ перебросить на Талиенванскій полуостровъ черезъ бухту Хунуэза войска, проводя часть ихъ по отмели противъ деревни Нандидизай, а другую на джонкахъ противъ высоты Сорокъ пятой и южнѣе. Для противофѣйствія мною приказано выставить на ночь охотничьи команды, роту пограничной стражи и одинъ баталіонъ 14 полка, батареямъ намѣчены позиціи на горѣ, гдѣ идетъ известковая цѣпь и на высотѣ 45 сдѣланы окопы и вѣзды. На запасный баталіонъ возложено не допустить высадку въ окрестностяхъ Талиенвана, ему необходимы 4 или хотя 2 небольшихъ орудія. Но болѣе всего я боюсь, что противникъ перекинеть изъ Даугушаня дивизію на шаландахъ въ заливъ „Джонокъ“, тогда онъ у Нангалина захватитъ обѣ дороги среднюю и Мандаринскую 14-ый полкъ можетъ быть пробьется, но 5-ый полкъ и запасный баталіонъ будутъ отрѣзаны. Это меня заставило отправить 13-ый полкъ и батарею въ Нангалинь. Съ занятіемъ Даугушанскаго полуострова, противникъ, хозяинъ Талиенванскаго залива и гдѣ хочетъ, тамъ и дѣлаетъ высадку, такъ какъ для шаландъ нѣтъ минныхъ загражденій только безъ поддержки флота. Но зато линія причала такъ велика, что обороняющемуся, будь онъ хотя и вдвое сильнѣе противника, придется расположиться кордонной линіей въ чемъ нѣтъ спасенія, а потому я и отказывался отъ 7-го дивиз. и 15-го полка, такъ какъ не могу ручаться, что кто-нибудь изъ нихъ вернется въ крѣпость. Нангалинь это гвоздь Дальнинской и Цзиньчжоуской равнины и раіона. Безусловно необходимо имѣть вооруженныя суда; противъ джонокъ, полагалъ-бы вооружить всѣ катера и мелкія суда для охраны залива „Джонокъ“. Расположеніе войскъ съ вечера 5-го мая безъ перемѣнъ“.

Генераль Фокъ.

3 часа дня.

Наружный ровъ у горжи форта П. Сфотографировано 12 Декабря.

лось закончить спѣшныя неотложныя работы по укрѣпленію и вооруженію сухопутной обороны Артура.

9-ый часъ 13 іюня, когда личнымъ присутствіемъ пришлось остановить начавшееся отступленіе отряда полковника Петруша.

А ночь на 15 іюля! когда послѣ 48 часовъ упорнаго боя, во время исполненія въ резервѣ оркестрами народнаго гимна, японцы прорвались у новой дороги на участкѣ полковника Петруша, гдѣ опять личнымъ присутствіемъ, и благодаря опять таки полковнику Семенову удалось остановить хлынувшую волну японцевъ. Затѣмъ нѣсколько часовъ, страшныхъ часовъ подъ косогоромъ по ту сторону Лунвантанской долины,—окатымаемаго стальной струей пулемета. Моментальная смерть нѣсколькихъ стрѣлковъ лежавшихъ рядомъ. Позорная трусливость капитана Желтенко, когда, несмотря на всю мягкость своей человѣчной, любящей, отзывчивой природы, Романъ Исидоровичъ не могъ скрыть своей брезгливости при такой непристойности ротнаго командира.

А ужасные, тревожные часы подъ утесомъ устья Литангоуской долины?! Борьба тяжелая, нравственная борьба, предшествовала рѣшенію объ отступленіи. Ночи оставалось лишь два часа!

Стессель категорически требуетъ принять и на слѣдующій день бой. Но люди страшно утомлены. Резервъ весь израсходованъ. Люди не выдержатъ, дрогнуть и на утро вмѣсто организованнаго отступленія можетъ начаться паническое бѣгство.

Семеновъ сначала настаиваетъ на дальнѣйшемъ сопротивленіи, а затѣмъ приходитъ къ заключенію о необходимости отступить.

Полковникъ Мехмандаровъ не рѣшается поднять обратно на позицію орудія, снятыя при происшедшемъ вечеромъ прорывѣ. Отовсюду получаютъ тревожныя донесенія.

Даже Бутусовъ пишетъ, что положеніе невыносимо—тяжелое!!

Сомнѣнія нѣтъ!—отступить необходимо. Иначе японцы могутъ зайти во флангъ, отрѣзать и уничтожить весь отрядъ.

Раннее утро.

Записка Фока: „Я отступаю, а Вы какъ хотите!!“

Отступление.

Борьба за Дагушань.

Бѣгство Фока съ Волчьихъ горъ и, наконецъ, уже настоящая, тѣсная блокада и тяжелая борьба съ Стесселемъ, Фомомъ и Ноги...

Порывы вѣтра становились все сильнѣе, пронизывая насквозь. Снѣгъ сухой и острый порошилъ глаза, кололъ лицо.

Нахлобучивъ еще глубже папаху и бросивъ послѣдній взглядъ въ сторону города,—Кондратенко тронулся дальше.

Прибывъ въ ставку генерала Горбатовскаго и выслушавъ отъ него устный докладъ,—Романъ Исидоровичъ, сказавъ, что пройдетъ на фортъ II-ой. Генералъ Горбатовскій хотѣлъ сопровождать, но Романъ Исидоровичъ категорически отклонивъ предложеніе, ласково сказалъ ему:

— „Вы и такъ, Владиміръ Николаевичъ, достаточно утомились. Пока тихо, спокойно,—пользуйтесь, отдыхайте“.

Быль 8-ой часъ въ началѣ.

Погода съ каждой минутой становилась все хуже и хуже. Жестокій NO дулъ немилосердно. Спустившись по крутому пути въ балку, что лежитъ между скалистымъ кряжемъ и Митрофаньевской горой, миновавъ мортирную батарею и китайскій валъ, генералъ Кондратенко ходами сообщенія направился на Куропаткинскій люнетъ, гдѣ долженъ былъ застать начальника боевого участка сѣверо-восточнаго фронта, своего бывшего начальника штаба, подполковника Евгенія Николаевича Науменко.

По обыкновенію Романъ Исидоровичъ, проходя окопами и траншеями, здоровался съ людьми.

Зайдя въ офицерскій блиндажъ, онъ засталъ Науменко, его адъютанта, поручика Крайко и штабсъ-капитана Барышева за чаемъ.

Помѣщеніе импровизированнаго блиндажа было настолько тѣсно, что, кромѣ кроватей, можно было помѣстить лишь небольшой столъ, за которымъ генералъ и засталъ благодушествовавшую компанію.

Неожиданный приходъ Кондратенко въ такую позднюю и ненастную пору удивилъ всѣхъ. Но еще болѣе поразились всѣ небывалымъ выраженіемъ его лица. Всегда скромный, всегда привѣтливый, ласковый, сердечный,—сегодня онъ былъ еще симпатичнѣе, еще добрѣе и доступнѣй... Онъ очаровалъ всѣхъ.

Совѣтъ еще юный, впечатлительный и правдивый поручикъ Крайко не спускалъ глазъ съ горячо любимаго имъ начальника и видимо понять не могъ, что сталося съ Романомъ Исидоровичемъ. Онъ, казалось, былъ только тѣломъ здѣсь, а душой былъ далеко отъ Артура. Она витала тамъ, гдѣ люди ищутъ правды и покоя.

На непосредственную, неиспорченную еще духовную природу Крайко сильно дѣйствовала та сложная, плохо скрываемая борьба, которая шла въ эти минуты въ душѣ Романа Исидоровича.

Крайко былъ весь подъ впечатлѣніемъ Кондратенко. Невольно и въ немъ заговорило предчувствіе, что надвигается что-то большое и большое, это неизбежно должно свершиться...

Выпивъ предложенный чай и слегка отдохнувъ, генераль пригласилъ Науменко отправиться съ нимъ на фортъ II-ой, чтобы тамъ, совмѣстно съ полковникомъ Рашевскимъ, рѣшить нѣкоторые вопросы о дальнѣйшей защитѣ этого важнаго для крѣпости пункта.

Задумчиво шелъ Кондратенко ходами сообщенія, разсѣянно отвѣчая на вопросы Науменко.

Началась настоящая пурга; въ двухъ шагахъ едва различались предметы.

Поручикъ Крайко, котораго Романъ Исидоровичъ не пригласилъ съ собой, накинувъ шинель, шелъ сзади.

Романъ Исидоровичъ, замѣтивъ идущаго вслѣдъ Крайко, сказалъ:

— Ну, зачѣмъ вы, голубчикъ, идете? Къ чему рисковать? Оставляйтесь и отдыхайте, — благо тихо. Посмотрите, какая непогода.

Но Крайко никакія силы не могли бы удержать въ блиндажѣ. Буркнувъ что-то въ отвѣтъ, онъ продолжалъ идти за Кондратенко.

Холодными и угрюмыми казались наши ближнія и дальнія вражескія горы. Вѣтеръ злобно ревѣлъ, вылъ и стоналъ между ними, заглушая раздававшіеся временами орудіиные выстрѣлы и взрывы снарядовъ; видны были лишь ихъ вспышки и мгновенныя, красно-красная зарево взрывовъ въ направленіи форта III-го

Путь на фортъ былъ довольно длинный и опасный, такъ какъ неглубокіе ходы сообщенія мало, почти совсѣмъ не защи-

шали отъ непрерывно пѣвшихъ, какъ птички, пуль. Японскіе часовые, развлекаая себя, все время посылали въ наши окопы пулю за пулей.

Когда подходили къ Куропаткинскому люнету, вѣтеръ началъ стихать, слегка прояснило. Со стороны лит. Б. доносилась ружейная стрѣльба.

На люнетѣ генерала встрѣтилъ комендантъ его, штабсъ-капитанъ Калицкій, и, отрапортовавъ о состояніи вѣреннаго гарнизона, послѣдовалъ за нимъ на фортъ II-ой, шутя сказавъ:

— „Иду послушать, чѣмъ рѣшится участь моего сосѣда“.

Фортъ II-ой былъ почти рядомъ съ люнетомъ Куропаткина.

Прибывъ на фортъ и принявъ рапортъ отъ коменданта форта поручика Фролова ¹⁾, генералъ, поздоровавшись съ людьми, прошелъ въ офицерское отдѣленіе бетоннаго каземата, гдѣ засталъ уже инженеровъ: Рашевского и Зедгенидзе.

При входѣ Кондратенко, отдохавшіе офицеры повскакали съ кроватей, но Романъ Исидоровичъ убѣдительно просилъ не беспокоиться и, не стѣсняясь его присутствіемъ, отдыхать.

Поздоровавшись съ молодежью, съ каждымъ въ отдѣльности, Кондратенко сѣлъ за столъ въ уголъ каземата и приступилъ къ совѣщанію, спрашивая защитниковъ форта, что сдѣлано за послѣдніе два дня японцами. Потомъ приказалъ позвать фельдфебеля ²⁾, который 1-го декабря съ группой охотниковъ произвелъ лихую вылазку въ непріятельскую сапу, значительно попортивъ ее, чѣмъ замедлилъ непріятельскія работы. Горячо поблагодаривъ унтеръ-офицера за храбрость, поцѣловалъ его и, вынувъ Георгіевскій крестъ, лично украсилъ имъ грудь героя.

Тѣмъ временемъ полковникъ Рашевскій, развернувъ подробную карту оборонительной линіи сѣверо-восточнаго фронта и схему японскихъ сапныхъ работъ, приступилъ къ подробному докладу.

Романъ Исидоровичъ силился внимательно слушать, вносилъ поправки, указанія, но чаще задумывался и смотрѣлъ куда-то въ незримую даль.

Въ казематѣ было тихо. Одни офицеры подошли къ столу, безмолвно прислушиваясь къ совѣщанію старшихъ, другіе сидѣли

¹⁾ Одинъ изъ выдающихся офицеровъ гарнизона.

²⁾ Фельдфебель съ броненосца „Пересвѣтъ“.

на койкахъ, тихо бесѣдуя, третьи крѣпко спали, утомленные тяжелой боевой обстановкой. За стѣной, въ отдѣленіи нижнихъ чиновъ, изрѣшетенномъ снарядами, тоже было тихо. Люди, пользуясь затишемъ, отдыхали. Черезъ открытую дверь въ спертomъ, тяжеломъ воздухѣ, доносилось мѣрное дыханіе спящихъ артиллеристовъ, матросовъ и стрѣлковъ.

На дворѣ форта, брустверахъ, въ ближнихъ окопахъ, траншеяхъ все было тихо. Только часовые, притаившись, глядѣли впередъ, въ сторону японцевъ, изрывшихъ словно кроты все вокругъ форта.

Фортъ былъ уже охваченъ съ трехъ сторонъ японскими окопами и защита его съ каждымъ днемъ становилась тяжелой.

Люди на фортѣ горѣли и сгорали на медленномъ огнѣ. 10-й часъ въ началѣ. Вѣтеръ стихалъ. Сѣрые нависшія облака мѣстами разрывались, обнажая темно-синее, глубокое небо съ ярко, но холодно мерцавшими звѣздами.

Фортъ, погруженный въ темень, изрытый снарядами, казался оставленнымъ, мертвымъ.

Въ казематѣ продолжался оживленный обмѣнъ мнѣній. Рашевскій увлекся и, горячо соглашаясь съ требованіемъ Смирнова до послѣдней крайности защищать фортъ, убѣдительно доказывалъ необходимость дальнѣйшихъ и энергичныхъ работъ. Молодежь съ приподнятымъ интересомъ прислушивалась.

— „Совершенно вѣрно, но люди утомлены. Нужно беречь ихъ по возможности“,—слабо возражалъ Кондратенко.

— „Все это прекрасно, ваше превосходительство, но если мы рѣшили фортъ защищать—нужно производить работы“.

— „Вполнѣ согласенъ, этого требуетъ и Смирновъ. Но генералъ Стессель не позволяетъ утомлять людей, говоритъ, что всѣ эти работы нужно сокращать до минимума, такъ какъ онѣ безцѣльны, все равно, молъ, рано или поздно возьмутъ фортъ. Вы читали его приказъ? Что я могу сдѣлать! Я докладываю Смирнову, да и онъ самъ отлично знаетъ, что нужно. Онъ отдаетъ приказанія о производствѣ работъ, назначая людей съ западнаго и восточнаго фронта. Генералъ Стессель отмѣняетъ уже отданное приказаніе Смирнова.“

Производите работы, но только изворачивайтесь наличными силами. Я положительно безсиленъ что-либо предпринять“.

Сказавъ это, Романъ Исидоровичъ облокотился на столъ и задумался.

За деревянной, лишь отштукатуренной перегородкой, при тускломъ свѣтѣ фонарей, нѣсколько матросовъ снаряжали ручныя бомбочки. Нѣсколько пудовъ пироксилина въ ящикахъ стояли здѣсь-же и подъ нарами.

Поручикъ Крайко съ заурядъ-прапорщикомъ Корсаковымъ вышли на брустверъ послушать работы японцевъ. Заурядъ-прапорщикъ бросилъ нѣсколько пироксилиновыхъ бомбочекъ въ окопы японцевъ. Немедленно послышались рѣзкіе крики японцевъ, предупреждавшихъ своихъ объ опасности. Натѣшившись съ бомбочками, спустились въ контръ-эскарпъ послушать работы въ минной галлерей.

Въ казематѣ совѣщаніе продолжалось.

— „Бдетъ, ѣдетъ. Слышите, господа!“ — всѣ на мгновение смолкли. Явственно, среди ночной тишины, донеслось приближеніе одиннадцати-дюймоваго снаряда. Стихійно надвигался все усиливающийся шумъ его полета, напоминая пыхтѣніе мчащагося паровоза.

— „Началось!!... Первая!...“

Раздалось страшное шипѣніе, душу леденящій свистъ отъ стремительнаго паденія съ полутора-верстной вышины 18-пудовой стальной глыбы, глухой ударъ, мгновение — и громовой взрывъ. Казематъ вздрогнулъ, какъ отъ подземнаго удара, посыпалась земля, стекла, штукатурка, а по двору зашуршали, зажужжали, словно вспорхнувшія птицы, осколки, шлепаясь о мерзлую землю.

Снарядъ упалъ на заднемъ дворѣ, разбивъ мостъ.

Послышался стонъ и суетливые крики.

— „Помогите, братцы, да берите же! Эй! живо! Носилки!“

Въ отдѣленіи нижнихъ чиновъ всполошились, многіе выбѣжали на дворъ. Романъ Исидоровичъ всталъ и торопилъ санитаровъ. Столпились у выхода.

Разступились. На окровавленныхъ носилкахъ пронесли жалобно стонавшихъ.

— „Осторожнѣй, осторожнѣй, братцы несите! Да зачѣмъ сюда—прямо бы на перевязочный пунктъ“.

— „Такъ что, ваше превосходительство, никакъ невозможно. Мостъ испортило, значитъ, а энтому ноги разворотило.

Мы здѣсь предварительную перевязку наложимъ,—доложилъ молодой ротный фельдшеръ“.

— „Можетъ еще будутъ, такъ мы заразы всю партію исправимъ. „Онъ“, по всей видимости, зарядилъ на всю ночь“.

— Ну, ладно, только хорошенько перевяжите. Мостъ нужно скорѣй исправить, сказалъ Кондратенко, ни къ кому не обращаясь, и сѣлъ опять на свое мѣсто.

— Да, кажется, дѣйствительно „началось“. Японцы зарядили на всю ночь и именно по этому форту. Ваше превосходительство, для пользы обороны, вы обязаны беречь себя. Идемте,—сказалъ, не скрывая своего волненія, подполковникъ Науменко. Этотъ казематъ ненадеженъ. За этой легкой стѣнкой огромная брешь отъ надняхъ попавшаго снаряда.

— Хорошо, мы сейчасъ пойдемъ, только пусть Сергѣй Александровичъ кончить свой докладъ.

Науменко, сильно возбужденный, подошелъ къ своему адъютанту поручику Крайко и, взявъ его подъ руку, вышелъ въ корридоръ каземата.

— Меня гнететъ жестокое предчувствіе, добромъ эта ночь не кончится. Какъ бы это устроить, что бы увести отсюда Кондратенко.

— Что подѣлаешь господинъ полковникъ, когда Рашевскій не можетъ кончить своихъ разглагольствованій. Словно нарочно задерживаетъ. Кажется, все переговорено.

— Слышите, эхъ!—второй приближается!—нервно, съ раздраженіемъ, почти вскрикнулъ Науменко.

Стали прислушиваться. Опять все усиливающееся шипѣніе, свистъ, глухой ударъ и взрывъ. Снарядъ разорвался на внутреннемъ дворѣ,—обдавъ казематъ осколками.

Кондратенко всталъ, и, несмотря на убѣдительныя просьбы, вышелъ изъ каземата.

— Я хочу передъ отъѣздомъ самъ еще разъ взглянуть на положеніе форта. Пожалуйста меня не сопровождайте,—какъ-то рѣзко бросилъ онъ оставшимся.

Рашевскій молча послѣдовалъ за нимъ.

Кондратенко быстро поднялся на возведенный ретраншанментъ, мимоходомъ поздоровавшись съ часовымъ. За нимъ, какъ тѣнь, слѣдовалъ Рашевскій. Съ бруствера ретраншамента оба

молча и внимательно разсматривали, изучали расположение земляных работъ и подступы противника.

Кругомъ боевая тишина осажденной крѣпости.

Вѣтеръ стихъ. Выпавшій снѣгъ бѣлымъ саваномъ одѣлъ всѣ горы и долины.

Въ бѣлый саванъ облекся Квантунъ и Артуры!!

Огромный лучъ прожектора съ Курганной, освѣтивъ на мгновеніе весь фортъ, метнулся дальше. Кругомъ стало еще темнѣе. Засвистѣли пули. Послышался убійственный ритмъ пулемета. Надъ укрѣпленіемъ третьимъ, взвилась боевая ракета, ослѣпительно ярко освѣтивъ побѣлѣвшія траншеи противника. Участился ружейный огонь.

— „Идетъ, идетъ!..—крикнулъ кто-то“.

Дѣйствительно, далеко, далеко опять шумѣлъ приближающійся четвертый снарядъ. Черезъ нѣсколько секундъ снарядъ упалъ за фортomъ и не разорвался.

Кондратенко продолжалъ стоять на брустверѣ, устремивъ задумчивый взоръ впередъ и видимо опять былъ далекъ отъ того, что началъ говорить Рашевскій.

Наконецъ они вернулись въ казематъ.

Подали ужинъ. Романъ Исидоровичъ наотрѣзъ отказался.

— Господа, я вечеромъ ничего не ѣмъ. Пожалуйста, не стѣсняйтесь и кушайте на здоровье.

Молодежь стала закусывать.

— Ваше здоровье, ваше превосходительство, дай вамъ Богъ много лѣтъ здравствовать.

Кондратенко грустно и задумчиво взглянувъ на говорившаго, медленно обведя всѣхъ взоромъ, не сразу отвѣтилъ.

Во взглядѣ этомъ свѣтилось столько доброты и какой-то покорности, а отблескъ внутренней, сильной борьбы, озарявшій его глаза, дѣлалъ ихъ еще болѣе прекрасными, болѣе привлекательными.

— Пейте, дѣти мои, за свое здоровье, измаялись вы вѣдь порядкомъ. А меня, пока что, Богъ хранить,—сказалъ Романъ Исидоровичъ.

Всѣмъ стало какъ-то не по себѣ отъ этихъ простыхъ безъискусственныхъ словъ.

Поручикъ Крайко, полулежа на кровати, не спускалъ глазъ

съ глубоко уважаемаго имъ, скорѣй старшаго товарища, чѣмъ начальника и генерала.

Полковникъ Рашевскій былъ особенно веселъ и разговорчивъ.

— „А знаете, господа—сказалъ Рашевскій,—на этомъ форту, только въ этомъ отдѣленіи каземата можно чувствовать себя хотя въ относительной безопасности. Эти своды не удовлетворительны, не спасутъ, конечно, отъ одиннадцати-дюймоваго снаряда, но защитятъ, по крайней мѣрѣ, отъ осколковъ. Рядомъ солдатское отдѣленіе въ конецъ изрѣшето, тамъ и отъ осколковъ не уберешься. Ставимъ заплату на заплату, да что толку...“

— „Ну, вотъ, господинъ полковникъ, вы намъ еще бѣду накаркаете, сказалъ прапорщикъ Смольяниновъ, сплюньте черезъ лѣвое плечо три раза“.

— „А что, развѣ поможетъ“ — отъ души смѣясь, спросилъ Рашевскій.

— „Конечно, конечно поможетъ. Плюйте, плюйте же...“

— „Ну и плюну“,—и плюнулъ.

Кондратенко, глядя на эту комедію, улыбнулся.

Полковникъ Науменко продолжалъ нервничать подъ гнетомъ все усиливающагося предчувствія. Онъ всей душой рвался отсюда. вани превосходительство, идемъ-те же. Огонь усиливается. Пора!..

Но Рашевскій опять заговорилъ о работахъ.

Кондратенко было уже всталъ, и, слушая его, шагъ за шагомъ подвигался впередъ. Рашевскій со свойственнымъ ему увлеченіемъ, говорилъ объ усиленіи слабой части сѣверо-восточнаго фронта, на которую ему еще вчера было указано Смирновымъ, чертилъ что-то на стѣнѣ, а затѣмъ перенесъ вниманіе генерала на карту.

Офицеры, предполагая, что Романъ Исидоровичъ совсѣмъ уходитъ,—встали. Кондратенко, замѣтивъ, что они стоятъ, съ легкимъ раздраженіемъ сказалъ:

— Господа, ну что это, прошу васъ, пожалуйста не стѣсняйте себя. Затѣмъ, поддавшись внутренней борьбѣ, шедшей съ возрастающей силой, поборовшей, наконецъ, созрѣвшее было желаніе уйти отсюда, уйти, спастись, значить бѣжать, оставить фортъ, когда по немъ усиливается огонь, когда каждый изъ

оставшихся можетъ стать жертвой неумолимой смерти, опять сѣлъ и, видимо совѣмъ не слушая Рашевскаго, былъ далекъ отъ тяжелой дѣйствительности переживаемаго.

Девять часовъ. Послышался приближающійся шумъ пятаго снаряда.

Романъ Исидоровичъ облокотившись на столъ, подперевъ руками голову, безучастно глядѣлъ на карту. Слабый свѣтъ лампы падалъ на его поблѣднѣвшее лицо, сильная просѣдь серебрила бороду.

Шумъ извнѣ росъ.

Въ казематѣ тишина. Притаились.

Каждый ждалъ.

Крайко не сводитъ глазъ съ генерала.

Въ дверняхъ сидитъ поручикъ Сенкевичъ и знаками приглашаетъ выпить.

Секунда, другая, третья...

Свистъ, ударъ, и страшный, оглушительный взрывъ.

Общій, не то стонъ, не то крикъ ужаса, удивленія...

А-а-а-а!!!

Все смѣшалось: пыль, дымъ, грохотъ падающихъ камней, трескъ взрывающихся бомбочекъ, стихающіе крики, удушливые сѣро-бурые газы взрыва, запахъ крови...

А въ углу, гдѣ только что за столомъ сидѣли: Кондратенко, Рашевскій, Зедгенидзе и Науменко — только синеватое пламя перебѣгало зигъ-загами по грудѣ труповъ заваленныхъ обломками и тянулось вверхъ, на просторъ...

Все смолкло.

Шуршалъ лишь песокъ, да доносились изъ подъ развалинъ стоны поручика Крайко ¹⁾ и техника Потапова.

Подъ горами бетона, кирпича, балокъ, мусора и земли погибъ Романъ Исидоровичъ Кондратенко, погибъ Сергѣй Александровичъ Рашевскій, Науменко, Зедгенидзе, Сенкевичъ. Умерли они при честномъ исполненіи воинскаго долга.

Погибъ Кондратенко, но память о немъ не умереть. Имя его, ставшее синонимомъ долга, самоотверженія, храбрости и правды, — всегда будетъ произноситься съ сознательной гордостью каждымъ русскимъ гражданиномъ.

¹⁾ У поручика Крайко оторвало ногу.

Броненосецъ „Севастополь“ и письмо контръ-адмирала Вирена къ „генераль-адъютанту“.

26-го ноября броненосецъ „Севастополь“ вышелъ на внѣшній рейдъ въ бухту, „Бѣлый волкъ“ и сталъ рядомъ съ канонерской лодкой „Отважный“.

Въ теченіи пяти ночей непріятельскіе миноносцы настойчиво вели рядъ минныхъ атакъ, которыя броненосецъ и „Отважный“ съ блестящимъ успѣхомъ отражали.

„Генераль“ Стессель, который въ теченіи всей осады, непонятно ненавидѣлъ флотъ, травилъ и безнаказанно издѣвался надъ моряками, неожиданно отдаетъ слѣдующій приказъ:

№ 931.

„Гордитесь славные воины подвигамъ броненосца „Севастополь“, подвигомъ героя командира капитана 1-го ранга Эссенъ, гг. офицеровъ и команды; пусть въ сердцахъ вашихъ этотъ славный подвигъ займетъ мѣсто и пусть каждый изъ васъ съ гордостью будетъ передавать родинѣ и потомству, какъ броненосецъ „Севастополь“, оставшись цѣлымъ, одинъ отважился выйти на рейдъ въ ночь на 26-е ноября и, будучи атакованнымъ подрядъ 5 ночей, со славой геройской отбивалъ атаки 20 непріятельскихъ миноносцевъ. Подвигъ этотъ не долженъ никогда изгладиться изъ памяти вашей. Вы боевые воины разумѣется уже научились цѣнить доблести вашихъ соратниковъ моряковъ. Ура героямъ броненосца „Севастополь“.

Когда этотъ приказъ прочелъ начальникъ отряда броненосцевъ и крейсеровъ, контръ-адмиралъ Виренъ, то немедленно рѣшилъ обратиться къ автору приказа, съ слѣдующимъ письмомъ¹⁾, прекрасно иллюстрирующимъ отношеніе Стесселя къ флоту, а также взглядъ Вирена на выходъ „Севастополя“.

„Благодарю ваше превосходительство за лестный и вполне заслуженный приказъ относительно командира²⁾ эскадреннаго броненосца „Севастополь“ и ввѣреннаго ему корабля, но видя,

1) Письмо это, въ виду быстро и неожиданно развертывавшихся событій, не было отправлено „генераль-адъютанту“.

2) Командиръ броненосца капитанъ 1-го ранга ф. Эссенъ въ плѣнъ не пошелъ, а поспѣшилъ вернуться въ Россію. Цѣль этой поспѣшности для меня понятна: желаніе открыть всю правду совершившагося въ Артурѣ.

какъ изъ этого приказа, такъ и изъ секретнаго отношенія вашего превосходительства отъ 25 ноября за № 2241, невѣрный взглядъ относительно тѣхъ требованій, которыя можно предъявлять кораблямъ, такъ и о дѣйствительно геройскихъ дѣлахъ, и чувствуя, что этотъ приказъ написанъ съ умысломъ уколоть меня и обидѣть незаслуженно командировъ судовъ отряда и весь личный составъ, я считаю своимъ долгомъ высказать вашему превосходительству слѣдующее:

Эскадренный броненосецъ „Севастополь“ вышелъ къ „Бѣлому Волку“ послѣ совѣщанія адмираловъ и командировъ. При другихъ обстоятельствахъ, т. е. если бы Портъ-Артуръ былъ настоящей крѣпостью-убѣжищемъ, выходъ „Севастополя“ былъ бы непростительной ошибкой. Общій законъ тотъ, что всякую войну слѣдуетъ вести такъ, чтобы съ наименьшими потерями себѣ, нанести наибольшій вредъ непріятелю, а не въ томъ, что бы дѣлать *геройскія* дѣла, не приносящія пользы общему дѣлу войны. „Севастополю“ грозила участь быть потопленнымъ 11" снарядами, а потому, чтобы сохранить его сколько можно и использовать остатокъ 12" дюймовыхъ снарядовъ было рѣшено вывести его къ „Бѣлому Волку“, гдѣ имѣлось еще мѣсто для одного корабля, рядомъ съ лодкой „Отважный“. Всѣмъ было ясно, что непріятель постарается подорвать его минами, такъ оно и вышло; и такъ 4-мя ночными атаками „Севастополь“ былъ настолько подорванъ, что не можетъ быть введенъ въ гавань и принужденъ затонуть у берега, гдѣ его едва ли удастся поднять, въ то время, какъ суда, затонувшія въ гавани еще могутъ быть подняты и исправлены ¹⁾. Броненосецъ „Севастополь“ стоитъ отъ 10,000,000 до 11,000,000 рублей, а непріятельскія миноносцы, которые его атаквали 200,000,—300,000 руб., а катера минные около 40,000 руб.; такимъ образомъ гибель броненосца могла бы окупиться только уничтоженіемъ около 40 миноносцевъ (а погибло ихъ лишь 4, изъ нихъ одинъ нашъ, такъ, что всего три непріятельскихъ). Такимъ образомъ, отбитіе атаки есть вынужденное геройское дѣло личного состава, но оправдываемое только исключительностью положенія судовъ въ этомъ порту-убѣжищѣ. (Пожалуй его лучше было бы затопить, а потомъ поднять).

¹⁾ Контръ-адмиралъ Виренъ живетъ еще надеждой на освобожденіе и, конечно, не допускаетъ и мысли о капитуляціи.

Выходъ „Севастополя“ былъ вынужденный и могъ быть примѣненъ только къ одному кораблю, изъ двухъ золъ пришлось выбрать меньшее и, будь на его мѣстѣ „Побѣда“ или „Пересвѣтъ“ болѣе глубоко сидящіе имъ, не удалось бы выйти въ эту ночь. Нисколько не умаляя бравое управленіе и распоряженіе командира „Севастополя“ и личнаго состава сего корабля, увѣренъ, что также удачно, а можетъ быть еще съ большими потерями для непріятеля распорядился и всякій корабль отряда, поставленный на мѣсто „Севастополя“.

Результатъ конечный былъ бы тотъ же: всякій корабль на мѣстѣ „Севастополя“ былъ бы въ концѣ концовъ подорванъ. На войнѣ повелѣваетъ обстановка, и принимая во вниманіе эту обстановку слѣдуетъ умѣло примѣнять законы войны; это должно быть главной заботой начальника, а не писать и не выдумывать случаевъ, чтобы дѣлать геройскія дѣла и писать о нихъ реляціи, не стараться радовать Государя Императора небольшими геройскими дѣлами, въ которыхъ, въ большинствѣ случаевъ, заинтересованы личности, а только думать о томъ, какъ бы благополучно, съ успѣхомъ окончить войну и съ наименьшими потерями побѣдить непріятеля, хотя бы для этого пришлось бы выжидать цѣлый годъ. Больше надо имѣть гражданскаго мужества и побольше мирныхъ героевъ, честно и добросовѣстно исполняющихъ свое дѣло въ мирное время, не ради награды, а по долгу совѣсти и присяги, тогда мы иначе, были бы приготовлены къ войнѣ, и война была бы другая и всѣ были бы героями, а главное не было бы того сраму, что мы вынесли съ первыхъ дней войны. Если вы, ваше превосходительство, и генералы считаете вѣчнымъ срамомъ потопленіе въ лужахъ крѣпости судовъ уже подорванныхъ на минахъ и бывшихъ уже въ бояхъ и послѣ того, когда они отдали для обороны крѣпости, своего убѣжища, весь свой боевой матеріалъ и личный составъ, то какъ назвать отдачу Киньчжоуской позиціи (защита Киньчжоу было геройское дѣло одного 5-го полка, но срамъ кому-нибудь другому), прославленной своей неприступностью, потерю г. Дальняго со всѣмъ имуществомъ, построеннаго на русскія денежки и стоившаго вдвое болѣе всего нашего отряда.

Не лучше ли было употребить эти средства на устройство обороны крѣпости и оборудованіе порта? Если погибъ флотъ, стоящій 100,000,000, то, за то японцы потеряли сто тысячную

армію, которая дѣйствуя противъ Куропаткина дала бы другіе результаты. И если Портъ-Артуръ, не дай Богъ, падеть, то развѣ это не будетъ вѣчный срамъ для Россіи по винѣ тѣхъ лицъ, которыя не понимая задачъ и способности флота и что необходимо для успѣшныхъ операций его, поставили и крѣпость и флотъ въ такое исключительно-невыгодное, отчаянное положение. Но въ тоже время, сама по себѣ защита крѣпости Артуръ геройское дѣло!

Что же касается, до восхожденія адмираловъ на Высокую гору по предложеніи вашего превосходительства, то мы и безъ этого восхожденія, видя эту гору, постоянно передъ глазами, сознавали ея доминирующее значеніе надъ всею крѣпостью, что, конечно, печально и для флота; а такъ какъ крѣпость построена и существуетъ исключительно для флота, другого значенія она не имѣетъ, то на эту гору слѣдовало бы обратить наиглавнѣйшее вниманіе. Для какой же цѣли генералы показывали намъ видъ съ Высокой горы? Чтобы мы уходили изъ Портъ-Артура куда хотимъ и стояли бы гдѣ хотимъ! Но это невозможно было, флотъ ни существовать, ни оперировать безъ порта-убѣжища не можетъ, а изъ этого ясно вытекаетъ, какъ слѣдовало бы укрѣпить крѣпость, чтобы она исполнила свое назначеніе.

Печально, когда къ вопросамъ первостепенной государственной важности примѣшивается ничѣмъ необъяснимый и вредный антогонизмъ къ флоту и личные интересы ставятся выше государственныхъ.

Безпристрастная исторія указываетъ, что результатомъ такого образа дѣйствій бывають пораженія. Что посѣешь, то и пожнешь.

А относительно вѣчнаго срама долженъ сказать, что для военныхъ вообще, моряковъ или сухопутныхъ, срамъ не въ томъ, гдѣ они погибли, а какъ они погибли. Безпристрастная исторія въ свое время выскажетъ свой судъ, свое мнѣніе относительно ошибокъ, сдѣланныхъ какъ до войны, такъ и во время ея, но я считаю долгомъ въ оправданіе личного состава высказать вашему превосходительству свой взглядъ и какъ обидно и иногда было оскорбительно слышать нападки нѣкоторыхъ сухопутныхъ генераловъ вообще и вашего превосходительства въ частности на дѣйствіе флота и видѣть печальный фактъ антого-

низма, ничѣмъ неоправдываемаго и имѣющаго вредное значеніе въ (настоящее тяжелое) военное время и стараніе найти въ глазу сосѣда спичу, не замѣчая бревна въ собственномъ“.

Приведенное письмо я считаю особенно цѣннымъ, такъ какъ оно написано ни кѣмъ инымъ, какъ адмираломъ Виреномъ. Адмираломъ, на котораго всѣ моряки, коимъ дороги не личные интересы, а возрожденіе нашего флота, смотрятъ съ надеждой. Они видятъ въ немъ адмирала—дѣла, офицера огромныхъ практическихъ знаній, богатаго боевымъ опытомъ, человѣка одареннаго, неумолимо-строгаго, честнаго и безпристрастнаго. Они надѣются на него и только съ нимъ въ состояніи довести русскій флотъ до высоты его призванія. Это общій голосъ честныхъ офицеровъ артурской эскадры, изучившихъ адмирала въ страдную, тяжелую пору, которую когда-либо приходилось переживать русскимъ морякамъ.

Послѣдній періодъ обороны.

Назначеніе Фока начальникомъ сухопутной обороны.

Въ исходѣ десяти вечера, 2-го декабря, въ кабинетѣ коменданта задребезжалъ звонокъ телефона...

Смирновъ взялъ трубку—говорилъ Хвостовъ.

— „Неужели всѣ?!?! Какъ!! И Кондратенко!!...“

— Неожиданный, тяжелый ударъ!

Чистаго сердцемъ и сильнаго духомъ не стало!

— „Узнайте все подробно и немедленно пріѣзжайте ко мнѣ съ докладомъ“.

Тревожныя думы посѣтили коменданта...

Одно мгновеніе и лучшаго, надежнѣйшаго помощника не существовало. Утрата тяжелая и во многихъ отношеніяхъ незамѣнимая. О! гибель Кондратенко несомнѣнно грозила цѣлымъ рядомъ тяжелыхъ осложнений и новой упорной борьбой съ Стеселемъ и К^о. При жизни Романа Исидоровича все постепенно наладилось и поэтому вмѣшательство „генералъ-адъютанта“ и его присныхъ въ дѣло чистой обороны, по мѣрѣ силъ, парализовывалось и не носило уже чрезмѣрно опаснаго, злокачественнаго характера. Но неизбежное свершилось: волею Провидѣнія Кондратенко былъ устраненъ отъ дальнѣйшаго участія въ великой оборонѣ. Самый честный, самый разумный, самоотверженный, не

бутафорно, а непреложно храбрый офицеръ, справедливый начальникъ, добрый русскій человѣкъ, вѣрный союзникъ коменданта, непримиримый врагъ Ноги, пересталъ дышать въ Артурѣ.

Около одиннадцати прибылъ къ коменданту съ подробнымъ докладомъ полковникъ Хвостовъ.

— „Ваше превосходительство, одиннадцати-дюймовая бомба разорвалась въ офицерскомъ помѣщеніи каземата форта II-го. Генераль Кондратенко, Рашевскій, Зедгенидзе ¹⁾, Сенкевичъ убиты на мѣстѣ. Полковникъ Науменко, у котораго билось еще сердце, когда его вынесли изъ каземата, несмотря на всѣ принятые мѣры, не приходя въ сознаніе, скончался“.

— „Вотъ что, Александръ Михайловичъ: сейчасъ ѣдемъ къ Стесселю.“

Кондратенко погибъ, старшимъ послѣ него является Фока. Стессель безусловно захочетъ назначить его. Необходимо во что-бы то не стало, предупредить это назначеніе. Руководительство сухопутной обороной я непосредственно беру въ свои руки. Совмѣщать функціи начальника обороны и коменданта будетъ въ значительной степени тяжело, но положеніе вещей сѣверо-восточнаго фронта настолько серьезно, что я ни въ коемъ случаѣ не могу его довѣрить Фоку. Мнѣ необходимо тамъ лично руководить обороной. На западный же фронтъ можно будетъ послать Фока, онъ давно бѣсится и изнываетъ отъ ничегонедѣланія. На томъ фронтѣ онъ намъ не опасенъ. Противникъ отъ фронта еще далеко и ему, при всемъ желаніи, такъ нечего будетъ сдавать.

Другое дѣло здѣсь!! Японцы у насъ тутъ сидятъ на брустверахъ фортовъ и укрѣпленій. На этомъ фронтѣ Фока быстро начнетъ сдавать одно за другимъ, проводя въ жизнь обороны свою теорію о комендантѣ и врачѣ ²⁾.

Однако ѣдемъ, ѣдемъ. Надо спѣшить!“

Выѣхали.

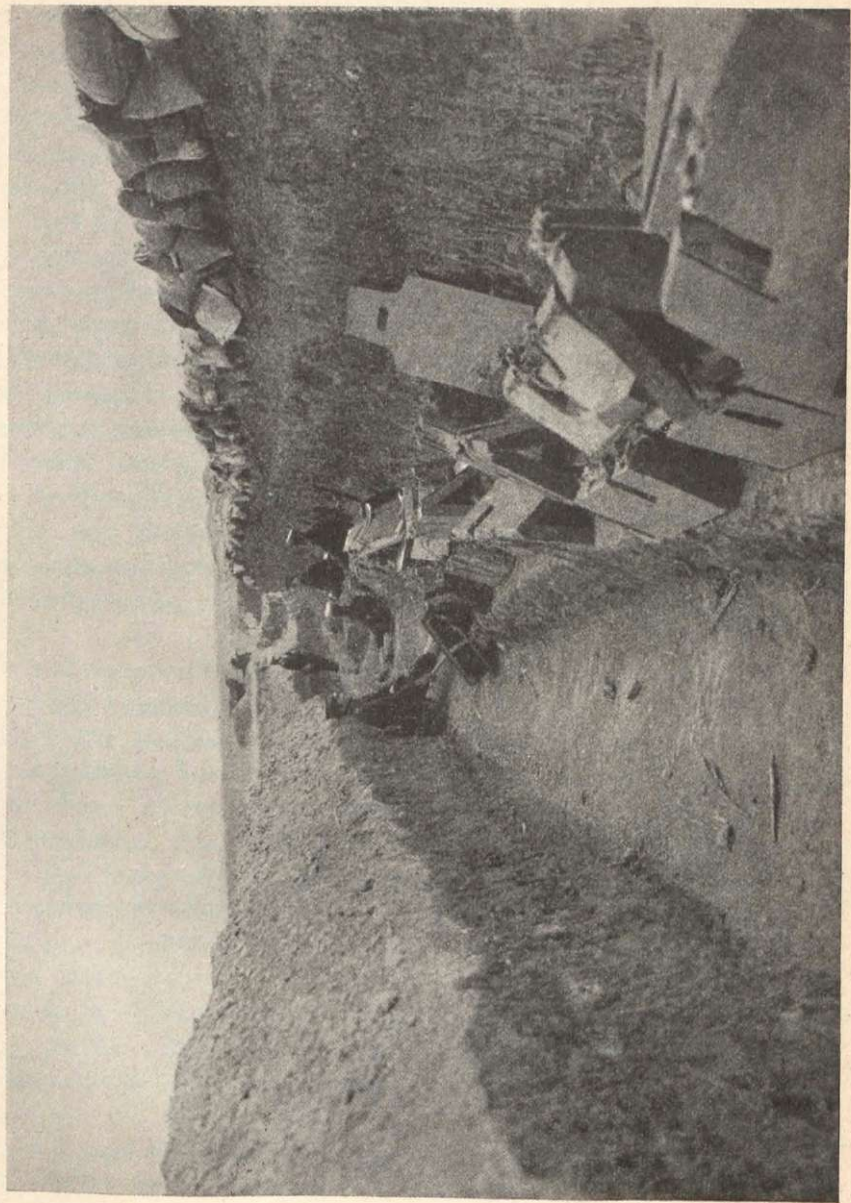
Комендантъ съ Хвостовымъ, по дорогѣ въ 10-ый полкъ, спѣшили къ Стесселю.

Поздно. Опоздалъ Смирновъ.

Неприглядная, холодная, черная ночь царила надъ Артуромъ. Ни единой звѣздочки не сверкало на густо облачномъ небѣ.

¹⁾ Одинъ изъ достойнѣйшихъ инженеровъ Артура.

²⁾ См. т. III, стр. 17.

Японская траншея противъ форта П. Переносные желѣзные щиты для стрѣлковъ.

На сѣверо-востокѣ было зловѣще тихо. Изрѣдка, погребальными факелами сверкали орудійные выстрѣлы, доносился глухой ихъ рокотъ и гроыхали взрывы!

Поздно. Опоздалъ Смирновъ.

Съ первой же вѣстью о гибели Кондратенко, стремглавъ слетѣлись къ Стесселю всѣ артурскіе вѣроны и на тайномъ совѣщаніи, когда незримый духъ погибшаго героя виталъ еще надъ измученнымъ Артуромъ, когда его бранный тѣлѣ не успѣлъ еще остыть на промерзлой, упитанной кровью землѣ, когда гарнизонъ еще не вѣдалъ о тяжелой утратѣ, когда отданныя имъ при жизни послѣднія приказанія не дошли еще до периферіи крѣпости, когда комендантъ спѣшилъ къ „генералъ-адъютанту“ съ цѣлью предупредить преступный замыселъ нескрытыхъ еще враговъ дальнѣйшей упорной обороны,—назначеніе Фока, открываго врага покойнаго, было уже безповоротно рѣшено.

Вѣроны Артура, предвкушая всю сладость, учитывая всѣ выгоды приблизившейся капитуляціи, уже разошлись по домамъ, когда къ воротамъ начальника района подѣхалъ комендантъ.

На горизонтѣ русскаго Артура забродили облака его позора.

Неприглядная, холодная, черная ночь царила надъ Артуромъ.

Домъ генерала Стесселя былъ погруженъ во мракъ, въ немъ царилъ безмятежный покой.

Ворота и двери на крѣпкихъ запорахъ. Звонковъ нѣтъ и слѣда. Заглянули въ свѣтящееся окно. Ординарецъ, облокотившись на столъ, спитъ богатырскимъ сномъ.

Комендантъ съ начальникомъ штаба принялись будить. Стучать въ окно, стучать въ двери—отвѣта нѣтъ. Домъ словно въ летаргическомъ снѣ. Кругомъ ни души. Все спитъ.

Глава крѣпости и его ординарецъ оба въ непробудномъ, сладкомъ снѣ.

Генералъ Смирновъ и полковникъ Хвостовъ, обивъ себѣ кулаки, тѣтно стремятся проникнуть въ это заколдованное царство. Но проникнуть необходимо, и они продолжаютъ стучать и ломиться.

Долго они мучились у закрытыхъ дверей уснувшаго владыки Артура.

Наконецъ дверь открылась, и въ ней показалась заспанная и нѣсколько сконфуженная фізіономія ординарца.

— Доложи Его Превосходительству, что комендантъ крѣпости прибылъ по экстренному дѣлу.

Ординарецъ мнется, совсѣмъ растерялся.

— Чего ты? Иди доложи!

— Такъ что, Ваше Превосходительство, Ихъ Превосходительство изволили полечь спать и строго приказывали никого не принимать и не будить до завтра. Осмѣлюсь доложить, Ваше Превосходительство, что я, значить, ихъ будить не могу.

— !??!

Напрасны были всѣ усилія проникнуть въ уснувшую обитель. Владыка отошелъ на покой и никакая экстренность не дерзала нарушить его отдохновенія.

— Идемте къ Фоку. Я поговорю съ нимъ и предупрежу его о моемъ рѣшеніи,—сказалъ Смирновъ.

Пошли. Съ трудомъ, спотыкаясь, за теменью на каждомъ шагу, добрались.

Постучали у дверей Фока, немедленно выскочилъ вѣстовой. Неудача ожидала и здѣсь.

— Доложили генералу, что комендантъ крѣпости хочетъ переговорить съ нимъ по экстренно важному дѣлу.

Вѣстовой скрылся. Черезъ минуту возвращается.

— Его Превосходительство приказали передать, что они въ постели лежатъ, очень болѣютъ, такъ что у нихъ сорокъ градусовъ. Имъ никакъ невозможно, Ваше Превосходительство, такъ что у нихъ очень жаръ большой, на койку покладались.

— ?!?!

— Идемте къ Рейсу. Я переговорю хотя съ нимъ,—повторилъ Смирновъ совершенно спокойно.

Отправились. По дорогѣ встрѣчаютъ Дмитревскаго (начальникъ штаба 4-ой дивизіи).

— Полковникъ, пока генераль Фокъ боленъ, я на западный фронтъ предполагаю назначить генерала Надѣина, а вась туда начальникомъ штаба.

Дмитревскій изъявилъ по этому поводу свое полное удовольствіе. Насколько же оно было искренно, судить объ этомъ, конечно, только ему.

Пришли къ Рейсу. Въ штабѣ раіона готовились ужинать. Начальникъ штаба былъ несказанно пораженъ и встревоженъ столь позднимъ визитомъ самого коменданта. Чувствуя за собой

много провинностей, Рейсъ сознавалъ это вполне опредѣленно и поэтому всегда былъ подъ страхомъ всевозможныхъ неожиданностей до ареста включительно. Онъ, хотя и велъ большую игру съ комендантомъ, но все-таки могъ ожидать, что Смирновъ рано или поздно узнаетъ о скрытой отъ него телеграммѣ главнокомандующаго.

Но Рейсу пришлось скоро успокоиться: не арестовывать его пришелъ комендантъ.

— „Я былъ у генераловъ Стесселя и Фока. Ни того, ни другого повидать мнѣ не довелось. Доложите завтра утромъ генералу Стесселю слѣдующее. Положеніе вещей на сѣверо-восточномъ фронтѣ я считаю настолько серьезнымъ, что руководство его обороной я всецѣло и непосредственно беру въ свои руки. На западный фронтъ я рѣшилъ назначить генерала Фока. Впредь до его выздоровленія (въ данный моментъ онъ очень боленъ, у него 40 градусовъ), я пошлю туда генерала Надѣина при начальникѣ штаба полковникѣ Дмитревскомъ. Прошу васъ доложить объ этомъ генераль-адъютанту рано утромъ, дабы не произошло какого-нибудь недоразумѣнія при отданіи приказа.

— Слушаю-съ, Ваше Превосходительство, завтра рано доложу объ этомъ генералу — былъ отвѣтъ „честно-исполнительнаго“ начальника штаба.

Если бы при этой бесѣдѣ присутствовалъ посторонній зритель, то ему и въ голову не пришло бы, что здѣсь разыгрывалась недостойная комедія. Ни Смирновъ, ни Хвостовъ и не подозревали, что Рейсу было уже отлично извѣстно, что вмѣсто погибшаго Кондратенко назначается Фокъ.

Глубокій сонъ Стесселя, тяжелая болѣзнь Фока были лишь недостойными уловками, чтобы до утра, до отданія приказа оттянуть время.

Подтвердивъ на прощанье свое порученіе, генераль Смирновъ, сопровождаемый полковникомъ Хвостовымъ, собрался уходить.

— „Непремѣнно, непремѣнно, Ваше Превосходительство, завтра же раннимъ рано доложу все генераль-адъютанту. Я вполне, Ваше Превосходительство, вполне понимаю, насколько все это важно и серьезно. Генераль Фокъ только на западномъ фронтѣ можетъ еще кое-какъ отвѣтить своему назначенію.

Маленькіе глазки Рейса усиленно бѣгали, въ нихъ искрилась и злость, и радость, и сознаніе своего умственного превосходства и силы надъ такъ жестоко обманываемыми простаками, товарищами-офицерами.

Рейсъ нагло, жестоко, безнаказанно обманывалъ людей, людей честно и серьезно относившихся къ своимъ обязанностямъ!

Рейсъ торжествовалъ, торжествовало съ нимъ все причастное къ штабу района.

Смирновъ же, передавъ столь серьезное порученіе Рейсу, офицеру генеральнаго штаба, вернулся домой и успокоился въ наивномъ предположеніи, что онъ имѣетъ дѣло съ достойнымъ офицеромъ, вполне оцѣнивающимъ всю страшную отвѣтственность лежащихъ на немъ, какъ на начальникѣ штаба, обязанностей.

Экстренно.

Приказъ. № 920.

День 2-го декабря, есть день печали для всѣхъ насъ защитниковъ крѣпости. Въ 9 часовъ вечера на форту № 2, въ офицерскомъ казематѣ убитъ 11" бомбой: нашъ герой, наша гордость, командующій 7-ой В.-С. Стрѣлковой дивизіей генераль-маіоръ Кондратенко, а съ нимъ вмѣстѣ убиты и выдающіеся дѣятели: командующій 28-мъ В.-С. Стрѣлк. полкомъ генеральнаго штаба подполковникъ Науменко, инженеръ-подполковникъ Рашевскій, беззавѣтный работникъ и даровитый инженеръ; инженеръ-капитанъ Зедгенидзе; 26-го В.-С. С. полка поручикъ Сенкевичъ; 28-го В.-С. Стрѣлковаго полка штабсъ-капитанъ Кавицкій; 7-го запаснаго батальона шт.-капитанъ Триковскій; 25-го В.-С. С. полка заурядъ-прапорщикъ Смоляниновъ. Миръ праху вашему герою защитники православной вѣры и русскаго дѣла. Ранено 7 офицеровъ и въ числѣ ихъ и комендантъ форта № 2, поручикъ 25-го В.-С. Стрѣлк. полка Фроловъ.

№ 921.

Назначаются: начальникъ сухопутной обороны—начальникъ 4-ой В.-С. Стрѣлковой дивизіи генераль-лейтенантъ Фокъ. Вр. командующимъ 7-ой В.-С. Стрѣлковой дивизіей—командиръ 2-ой бригады 4-ой В.-С. Стрѣлковой дивизіи генераль-маіоръ Надѣинъ.

Вр. командующимъ 28-мъ В.-С. Стрѣлковымъ полкомъ того же полка подполковникъ Глаголевъ.

№ 926.

Всѣ флаги Краснаго Креста, поставленные на разныхъ окопкахъ и лазаретахъ, особенно въ Новомъ городѣ,—снять, отмѣтивъ ихъ на стѣнѣ въ Бѣломъ Кругу краснымъ крестомъ, а флаги Краснаго Креста имѣть только на госпиталяхъ и большіе.

Казармы 9-го В.-С. Стрѣлковаго полка передать егермейстеру Балашеву тоже подъ госпиталя. Я надѣюсь, что послѣ переговоровъ егермейстера Балашева съ уполномоченнымъ отъ японскаго командующаго арміей, японцы воздержатся стрѣлять специально по нашимъ госпиталямъ, гдѣ лежатъ раненые и больные.

№ 928.

Предлагаю крѣпостному интенданту: 1) передать всѣ свободныя зданія продовольственныхъ и вещевыхъ магазиновъ, находящіеся вблизи больницы Маріинской общины Краснаго Креста въ распоряженіе главноуполномоченному Краснаго Креста егермейстеру Балашеву, для устройства въ нихъ госпиталей; 2) больше работъ на мельницѣ купца Тифонтая не производить.

Генераль-адъютантъ *Стессель*.

Второй пунктъ, четвертаго приказа положительно ничѣмъ не вызванъ.

Назначеніе капитана А. В. фонъ-Шварцъ.

Со смертью полковника С. А. Рашевскаго, естественнымъ и блестящимъ его замѣстителемъ явился инженеръ-капитанъ Алексѣй Владиміровичъ фонъ-Шварцъ, который въ періодъ времени іюнь—сентябрь завѣдывалъ всѣми инженерными работами на сѣверо-восточномъ фронтѣ ¹⁾. Въ началѣ октября капитанъ фонъ-Шварцъ серьезно заболѣлъ и былъ смѣненъ покойнымъ Рашевскимъ завѣдывавшимъ работами на восточномъ фронтѣ.

¹⁾ Въ первый періодъ кампаніи онъ завѣдывалъ работами по укрѣпленію Киньчжоуской позиціи. Много онъ потрудился тамъ. Во время боя находился на самой позиціи, въ сферѣ жесточайшаго артиллерійскаго огня.

Получивъ приказаніе, Алексѣй Владиміровичъ далеко еще не оправившійся, немедленно отправился на атакованный фронтъ, въ созданіе и оборону котораго онъ успѣлъ уже вложить столько здоровья, труда и творческой энергіи.

Въ штабѣ отряда А. В. былъ принятъ товарищами съ распростертыми объятіями. Въ помѣщеніи штаба онъ не замедлилъ занять только что осиротѣвшій уголокъ покойнаго Сергѣя Александровича.

Въ столикѣ покойнаго героя лежалъ его дневникъ, который онъ, несмотря на крайнее утомленіе, велъ съ рѣдкой аккуратностью.

Алексѣй Владиміровичъ, въ благоговѣйномъ отношеніи къ памяти погибшаго товарища, а также въ чисто историческихъ цѣляхъ, продолжалъ вести этотъ дневникъ съ неменьшей точностью вплоть до 20 декабря включительно.

Тяжелое наслѣдіе оставилъ Рашевскій Шварцу. Отъ лит. Б. до Курганной батареи все было изрыто, разрушено снарядами. Саперы и стрѣлки не покладая рукъ работали надъ исправленіемъ разрушеній.

Все вниманіе, всѣ усилія противника были устремлены на фортъ II-ой и укрѣпленіе III-е. Противникъ тамъ сидѣлъ уже на брустверахъ.

Капитанъ Шварцъ, съ свойственной ему энергіей, самоотверженіемъ и любовью къ дѣлу, началъ работать, стремясь парализовать усилія врага.

Если Рашевскій удивлялъ всѣхъ своей работоспособностью, то и Шварцъ былъ безусловно достойнымъ его замѣстителемъ. Несмотря на сильно пошатнувшееся здоровье, А. В. не зналъ усталости. Онъ все время находился въ самыхъ серьезныхъ и опасныхъ мѣстахъ оборонительной линіи. Вездѣ, гдѣ только могъ, онъ старался помочь, указать, поправить. Всѣ просьбы офицеровъ, которыхъ было болѣе, чѣмъ достаточно, онъ, по мѣрѣ силъ, стремился немедленно исполнить. Все, что мало-мальски было въ его силахъ, все, чѣмъ только онъ могъ помочь измученнымъ офицерамъ и стрѣлкамъ въ дѣлѣ защиты отъ холода снарядовъ и пуль, безотлагательно исполнялось, несмотря на то, что доставить матеріалы на линію иногда стоило большихъ затрудненій и непріятностей, благодаря инертности, нераспоря-

дительности и какой то непонятной небрежности начальника инженеро́въ крѣпости полковника Григоренко.

Добросовѣстный, энергичный и самоотверженный инженеръ—человѣкъ на оборонительной линіи атакованнаго фронта осажденной крѣпости—это ангелъ хранитель обороняющихся людей.

Алексѣй Владиміровичъ фонъ-Шварцъ, по отзыву всѣхъ доблестныхъ защитниковъ сѣверо-восточнаго фронта, являя собою примѣръ, инженера идеальной честности, человѣка выдающагося самоотверженія, отзывчиваго товарища-офицера, заслужилъ себѣ въ полной мѣрѣ славу отца-инженера.

Панихида.

Къ десяти часамъ утра у гроба Романа Исидоровича собралось много офицеровъ съ комендантомъ крѣпости во главѣ. Ожидали „генераль-адъютанта“, да такъ и недождались, Стессель уѣхалъ къ своему другу и совѣтнику генераль-лейтенанту Никитину.

Фоку тоже блестяще отсутствовалъ.

Передъ началомъ панихиды къ Смирнову подходятъ полковники Семеновъ и Киленинъ:

— Ваше превосходительство, мы отъ имени офицеровъ гарнизона рѣшили послать къ генераль-адъютанту Стесселю депутацию, которой поручено будетъ ходатайствовать передъ начальникомъ района, чтобы руководство сухопутной обороной непосредственно перешло бы въ ваши руки. Только при этомъ условіи мы можемъ рассчитывать на счастливый и, во всякомъ случаѣ, доблестный исходъ обороны крѣпости. Если же начальство надъ сухопутной оборонительной линіей перейдетъ къ генералу Фоку...

— Отлично, отлично господа! Мною приняты уже всѣ мѣры; не беспокойтесь. Все остается по старому. Доносите обо всемъ непосредственно въ штабъ крѣпости...

Началась панихида, которую соборнѣ служили нѣсколько гарнизонныхъ священниковъ. Стройно пѣлъ наскоро собранный хоръ.

Во время панихиды Смирновъ, замѣтивъ среди присутствовавшихъ Рейса, наклонился къ нему и спросилъ:

— Доложили генералу Стесселю?

— Такъ точно, ваше превосходительство! Все будетъ такъ, какъ вы хотѣли, только съ маленькими поправками,—отвѣтилъ Рейсъ.

Смирновъ успокоился.

Присутствовавшіе, потрясенные неожиданнымъ несчастіемъ, подъ стройные звуки заупокойныхъ моленій, искренно молились о упокоеніи души хорошаго, добраго, честнаго воина—человѣка.

Когда хоръ съ глубокимъ чувствомъ и пониманіемъ исполняемаго запѣлъ „со святыми упокой...“, всѣ до единого опустились на колѣни, у многихъ въ глазахъ засверкали слѣзы. Защитники Артура молились о погибшемъ, отчетливо сознавая, что они тоже стоятъ на вѣрномъ пути къ гибели. Чѣмъ кончится для каждаго начавшійся день, никто не могъ предвосхитить, но что онъ могъ быть послѣднимъ днемъ, то въ этомъ никто не сомнѣвался.

Кончилась панихида.

Всѣ разбрелись по своимъ мѣстамъ.

Смирновъ съ начальникомъ штаба уѣхалъ къ Стесселю.

„Генераль-адъютанта“ дома опять не оказалось. Приняла М-ме Стессель. Несмотря на явное недоброжелательство ея супруга къ коменданту, корректность Смирнова, рельефно выступавшая на фонѣ гарнизонной галантности окружавшихъ ее кавалеровъ, невольно покоряла ея женское сердце. Она, какъ всегда, такъ и теперь, была предупредительна и любезна, стремительно стараясь попасть въ тонъ свѣтской женщины.

Смирновъ приложился къ ручкѣ. Madame, сначала изобразивъ на своемъ лицѣ обворожительную улыбку, а затѣмъ съ томнымъ видомъ, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ грусти въ голосѣ, сказала:

— А монъ Анатоль опять уѣхалъ по дѣламъ. Онъ такъ, такъ занятъ. А тутъ еще стрѣляютъ. Страсти, ужаси что дѣлается!

Завязался преинтересный разговоръ.

Но коменданту было не до разговоровъ. Ему необходимо было переговорить съ Стесселемъ. Прошло четверть часа, полчаса, а „генераль-адъютанта“ все нѣтъ и нѣтъ.

— Анатоль скоро долженъ вернуться. Вы потерпите, онъ къ завтраку вернется. Откушаете вмѣстѣ и переговорите.

Смирновъ тѣмъ временемъ соображалъ. Онъ боялся чтобы Стессель не заѣхалъ къ Фоку и не перемѣнилъ бы своего рѣшенія. Необходимо было переговорить съ начальникомъ района до его свиданія съ Фокомъ.

Комендантъ, несмотря на настойчивыя и любезныя приглашенія остаться позавтракать, началъ прощаться.

— Ну, если вамъ не втерпежъ, идите. Только Анатолий сейчасъ вернется, онъ къ завтраку никогда не опаздываетъ.

Отъ Стесселя Смирновъ прямо отправился къ Фоку, и къ удивленію своему засталъ его совершенно здоровымъ, цвѣтущимъ и жизнерадостнымъ. О вчерашней тяжелой болѣзни не было и помину.

Фокъ давно не былъ въ такомъ отличномъ настроеніи духа, какимъ подарилъ его день 3 декабря.

— Здравствуйте, здравствуйте ваше превосходительство! Чѣмъ могу служить ваше превосходительство!—Вотъ, неожиданный то, дорогой гость! Садитесь, ваше превосходительство!—гудѣлъ голосъ гостепріимнаго хозяина, нехотѣвшаго или неумѣвшаго побороть въ себѣ радостнаго чувства торжества надъ ненавистнымъ ему комендантомъ. (Только что былъ вернувшійся отъ Никитина Стессель и здѣсь, нѣсколько минутъ ранѣе, было безповоротно рѣшено назначеніе его начальникомъ сухопутной обороны).

— Я только что былъ у начальника района, не засталъ его дома. Онъ, кажется, поѣхалъ къ генералу Никитину. Мнѣ необходимо переговорить съ нимъ по поводу назначенія васъ...

— Да, да, генералъ-адъютантъ поѣхалъ къ генералу Никитину.

— Дѣло въ слѣдующемъ. Наслѣдство послѣ Кондратенко осталось тяжелое.

Японцы на сѣверо-восточномъ фронтѣ сидятъ на брустверахъ. Я рѣшилъ, воспользоваться вашимъ знаніемъ военнаго дѣла, отправить васъ на западный фронтъ, а самъ взять непосредственно въ свои руки восточный, какъ я это дѣлалъ и при жизни покойнаго Романа Исидоровича.

— О! конечно, конечно ваше превосходительство. Только вы поторопитесь объ этомъ доложить начальнику района. Я слышалъ, что онъ предполагаетъ начальникомъ обороны назначить меня. Да, да, ваше превосходительство, поторопитесь! А то онъ

можетъ отдать приказъ и тогда могутъ быть большія затрудненія. Ничего не можетъ быть лучше, вы будете руководить восточнымъ фронтомъ а я, я западнымъ. Отлично, я западнымъ, а вы, ваше превосходительство, восточнымъ. Да, ваше превосходительство, но вы торопитесь, а то могутъ произойти большія затрудненія. Фронтъ, для пользы обороны, необходимо раздѣлить.

(Въ это время Стессель отправился въ штабъ района и тамъ отдалъ уже приказъ о назначеніи Фока).

Фокъ въ глаза, положительно ничѣмъ не стѣсняясь, обманывалъ коменданта крѣпости. Фокъ такъ былъ опьяненъ удачей, что потерялъ всякое чувство мѣры. Дѣлалось это, конечно, въ опредѣленномъ предположеніи, что вся эта возмутительная интрига никогда не увидитъ свѣта, и, по обычаю, освященному старымъ—добрымъ временемъ, пройдетъ безнаказано.

Смирновъ, все еще неподозрѣвая, что его обманываютъ (тонъ Фока самъ по себѣ ничего не говорилъ, такъ какъ этотъ генералъ, въ большинствѣ случаевъ, всегда юродствовалъ въ бесѣдѣ и съ младшими и старшими), въ неизмѣнномъ сопровожденіи полковника Хвостова отправился опять къ Стесселю.

Начальникъ района принялъ прибывшихъ стоя и крайне холодно. Обмѣнялись официальными привѣтствіями.

Стессель: (Стоя. Видъ вызывающій). Что вамъ, ваше превосходительство, угодно? Вы сегодня ко мнѣ уже заходили. Чѣмъ могу служить?

Смирновъ: Ваше превосходительство, послѣ смерти генерала Кондратенко, оборону восточнаго фронта я рѣшилъ непосредственно взять на себя. Преемникомъ покойнаго генерала по старшинству является генералъ Фокъ. Положеніе же вещей на сѣверо-восточномъ фронтѣ настолько серьезно, что генералу Фоку немыслимо одному справиться со всѣмъ двадцати-семи верстнымъ фронтомъ. Западнымъ, менѣе тревожнымъ, можетъ управлять генералъ Фокъ, руководство же восточнымъ, совмѣщая и функціи коменданта, я непосредственно возьму въ свои руки. Это будетъ вполнѣ отвѣчать обстоятельствамъ, такъ какъ генералъ Фокъ совершенно не знаетъ восточнаго, въ данный моментъ, очень тревожнаго фронта. Все же мое вниманіе

всегда было обращено на этотъ фронтъ, на которомъ уже готова на случай прорыва третья линія обороны.

Стессель: (Продолжаетъ стоять. Говорить властно и отрывисто).

По мобилизаціонному плану обороны крѣпости предусмотренъ лишь одинъ начальникъ сухопутнаго фронта.

Кондратенко же могъ управляться одинъ.

Смирновъ: При жизни покойнаго генерала Кондратенко я его всегда посылалъ на западный фронтъ, а самъ руководилъ обороной восточнаго. Такъ это было во время штурмовъ въ августъ, сентябрь, октябрь и ноябрь...

Стессель: (Выпрямившись, закинувъ голову назадъ, сильно волнуясь. Глаза налились кровью).

Ну, а я назначилъ уже генерала Фока вмѣсто покойнаго Кондратенки! Я уже отдалъ объ этомъ приказъ. Пора вамъ генералъ уже знать, что я своихъ приказовъ никогда не отмѣняю. Я своихъ приказовъ не отмѣняю...

Смирновъ: (Спокойно и вполне дисциплинарно).

Ваше превосходительство, назначеніе генерала Фока...

Стессель: (Въ сильномъ раздраженіи, грубо перебивая). Генералъ, я своихъ приказовъ не отмѣняю!

Что оставалось дѣлать генералу Смирнову??

Читатель, вы помните, что во 1) еще въ мартѣ комендантъ отдѣльнымъ приказомъ былъ подчиненъ Стесселю; 2) Стессель былъ пожалованъ званіемъ генералъ-адъютанта, которое въ высокой степени въ глазахъ войскъ поднимаетъ авторитетъ даже самаго бездарнаго и недобросовѣстнаго начальника; 3) что въ рукахъ коменданта не было еще явныхъ доказательствъ, фактовъ предательской дѣятельности Стесселя и Фока, и 4) наконецъ, онъ, Смирновъ, былъ окруженъ тайными и явными врагами¹⁾, которые о каждомъ его шагѣ, о каждой высказанной мысли доносили Стесселю и Фоку.

Что оставалось дѣлать Смирнову?

Какъ онъ долженъ былъ поступить.

¹⁾ Надъ нимъ былъ даже установленъ негласный, но строгій дозоръ, который подробно и немедленно доносилъ: кто, когда и сколько у него бываютъ, что говорятъ и по долгу ли остаются. Въ „районѣ“ знали всѣхъ, кто бывалъ у коменданта и за ними былъ также учрежденъ строжайшій надзоръ.

Какія онъ долженъ былъ принять мѣры?

Пусть читатель самъ отвѣтитъ на этотъ вопросъ.

Я отвѣтитъ на него отказываюсь.

Я могу лишь свидѣтельствовать, что комендантъ послѣ дерзко-вызывающаго отвѣта „генераль-адъютанта“ удалился, встрѣтивъ его въ Артурѣ лишь одинъ и послѣдній разъ въ день военнаго совѣта 16-го декабря.

Стессель, а въ особенности Фокъ имѣли полное основаніе бояться генерала Смирнова, такъ какъ они видѣли въ немъ человѣка, во-первыхъ, недюжинныхъ способностей, а во-вторыхъ, человѣка съ желѣзной силой воли, съ которымъ бороться было страшно тяжело несмотря на то, что онъ былъ очень слабо вооруженъ въ смыслѣ власти. Они великолѣпно понимали, что, если бы онъ почувствовалъ бы за собой власть, онъ скрутилъ бы ихъ въ бараній рогъ.

Въ особенности онъ сталъ для нихъ опасенъ съ тѣхъ поръ, когда они утаили отъ него телеграммы главнокомандующаго и поэтому окружили его непроницаемымъ шпионажемъ.

Непримиримыми же врагами его они стали тогда, когда Рейсъ передалъ имъ то, что сказалъ ему Смирновъ послѣ одного крупнаго и бессмысленнаго ихъ вмѣшательства въ его дѣятельность, въ корнѣ подрывающаго авторитетъ коменданта крѣпости. А сказалъ Смирновъ Рейсу слѣдующее:

— У меня тоже есть тщеславіе, но другое! Я потащу въ могилу всѣхъ генераловъ и своей смертью припечатаю паденіе Артура!

Когда эта фраза стала достояніемъ Фока, Стесселя, Никитина—отношенія ихъ вполне опредѣлились.

Опредѣлились они настолько, что послѣ смерти Кондратенко они и мысли не могли допустить, чтобы Смирновъ совмѣстилъ функціи коменданта и начальника сухопутной обороны.

Допустить его непосредственно къ фронту значить, фактически выпустить изъ рукъ власть и этимъ подписать свой смертный приговоръ.

А умирать, хотя бы за честь и достоинство Россіи, вовсе не входило въ ихъ планы.

Они больше, чѣмъ кто-либо, хотѣли жить, жить во что бы то ни стало, но жить не все равно какъ, а хорошо, привольно. Имъ хорошо и привольно жилось въ Артурѣ, въ Артурѣ же

дешево приобрести, за счетъ честно погибшихъ массу чиновъ и орденовъ, они жаждали славы и власти на родинѣ, которой собирались также вѣрно служить, какъ вѣрно служили ей въ Артурѣ.

Допустить Смирнова къ оборонительной линіи они не имѣли рѣшимости. Они были непреложно убѣждены въ томъ, что Смирновъ, какъ офицеръ и человѣкъ съ огромнымъ самолюбіемъ, какъ комендантъ Артура никогда не допуститъ позорной его капитуляціи, погибнетъ самъ, но и подъ развалинами павшей крѣпости не постѣсняется погребсти всѣхъ генераловъ.

Генераль Смирновъ неоднократно и мнѣ въ Артурѣ, во время нашихъ безконечныхъ объѣздовъ оборонительной линіи, говорилъ въ глубочайшемъ возмущеніи:

— Мнѣ на каждомъ шагу, положительно на каждомъ шагу мѣшаютъ защищать крѣпость, а падетъ Артуръ, и весь позоръ, вся отвѣтственность обрушится на мою голову. Но нѣтъ! Напрасно! Погибнетъ Артуръ, погибну съ нимъ и я, а со мной и всѣ генералы.

Когда Смирновъ говорилъ мнѣ эту фразу, въ его суровыхъ выразительныхъ глазахъ свѣтилось столько холодной, давно продуманной, взлелѣянной, въ жестокихъ нравственныхъ пыткахъ выношенной рѣшимости, что я ни мгновенья не сомнѣваюсь, что онъ поступилъ бы именно такъ, какъ рѣшилъ, если бы его предательски не обманули.

Капитуляція крѣпости для него, ея коменданта, была сюрпризомъ, какъ была она сюрпризомъ для всего гарнизона.

Итакъ, только заранѣе и всесторонне обдуманное намѣреніе Фока, Стесселя, Никитина, какъ можно скорѣе и обманымъ путемъ, минуя коменданта, сдать крѣпость можно объяснить назначеніе Фока, этого злѣйшаго врага планомѣрной обороны, начальникомъ сухопутной оборонительной линіи.

Въ предшествующихъ двухъ книгахъ я привелъ массу данныхъ, которая ярко иллюстрируютъ преступную дѣятельность Стесселя.

О дѣятельности Фока обличительныхъ фактовъ приведено очень мало, мало ихъ и въ слѣдственной комиссіи.

Дѣйствительно, куда ни обратишься все исходитъ отъ имени „генерала“ Стесселя. Все зло отъ него, отъ Стесселя.

Но не слѣдуетъ быть близорукимъ.

За спиной Стесселя стоялъ Фокъ.
Фокъ диктовалъ все Стесселю.
Фокъ игралъ Стесселемъ, какъ маріонеткой.
Фокъ сѣялъ вражду между комендантомъ и Стесселемъ.
Фокъ не дуракъ — говорилъ о себѣ Фокъ, это безусловно
вѣрно.
Фокъ пять лѣтъ служилъ жандармомъ въ Привислянскомъ
краѣ.
Фокъ же очутился начальникомъ боевой дивизіи.
Фокъ не дуракъ — это совершенная истина.
Фокъ всегда говорилъ, что онъ гордится своимъ не—сла-
вянскимъ происхожденіемъ.
Фокъ въ своихъ показаніяхъ всю вину взваливаетъ на
Стесселя.
Фокъ, спасая себя, не щадитъ Стесселя.
Фокъ — это синонимъ злого генія Артура.
Фокъ — начало гибели Артура.
Фокъ — гибель его.
Фокъ — имя въ Россіи.

Изъ дневника¹⁾.

3-го Декабря.

„...Непріятельскія минныя работы на фортахъ № II и III
на укрѣпленіе № III продолжаются; на послѣднемъ онѣ такъ
приблизились, что явилась возможность взорвать нашъ камуфлетъ,
что и было исполнено въ 2 часа ночи инженеромъ капитаномъ
Затурскимъ и штабсъ-капитаномъ Симоновымъ. Взрывъ удачный;
непріятель прекратилъ свои работы въ этой галлерей, и мы сей-
часъ же приступили къ продолженію нашей галлерей вправо...
.....
.....“ „Вечеромъ
въ 6 часовъ ѣздилъ въ церковь своднаго госпиталя на панихиду
по Рашевскомъ и Зедгенидзе. Они лежатъ въ двухъ деревянныхъ
гробахъ рядомъ, раздѣленные паникадиломъ. Справа Рашевскій,
слѣва Зедгенидзе. Первый сильно измѣнился, второй ничуть, но
на лѣвой щекѣ и вискѣ нѣсколько разсѣчныхъ ранъ. На па-

¹⁾ Одного изъ выдающихся защитниковъ сѣверо-восточнаго фронта.

нихидѣ присутствовали всѣ инженеры, нѣсколько другихъ офицеровъ и много нижнихъ чиновъ саперъ. Славные товарищи—мирѣ вамъ...”

Да простить мнѣ глубокоуважаемый авторъ цитируемаго дневника, когда къ своему глубокому изумленію прочтетъ въ моей книгѣ свои воспоминанія. Я эти выписки считаю настолько цѣнными для освѣщенія истиннаго положенія вещей, что даже позволилъ себѣ напечатать ихъ безъ разрѣшенія автора, такъ какъ заранѣе зналъ (знакомый уже съ скромностью автора), что получу категорическій отказъ.

Къ сожалѣнію я могу привести изъ дневника только маленькія выдержки, которыя удалось мнѣ получить, минуя невѣроятныя трудности.

Погребеніе Кондратенко, Рашевского, Науменко, Зедгенидзе, Сенкевича, Кавицкаго, Триковскаго и Смолянинова.

Свѣтилось покойное, холодное, сѣрое утро осажденнаго Артура.

Утро четвертаго декабря.

На фронтѣ тихо.

Молчатъ японцы. Притаился и скорбный Артуръ. Сегодня онъ хоронитъ Кондратенко.

Въ церкви десятаго полка девять гробовъ. Идетъ Божественная литургія. Хоръ стройными аккордами аккомпанируетъ молитвеннымъ возгласамъ предстоятеля.

Пестрая толпа офицеровъ неподвижна: она молится. Видъ у большинства измученный, болѣзненный, вялый, безучастный и покорный: люди утомились.

Въ простыхъ деревянныхъ гробахъ покоятся дорогіе останки вѣрныхъ, самоотверженныхъ сыновъ далекой Россіи.

Девять гробовъ.

Жалкій слѣдъ недавно цвѣтущихъ и много обѣщавшихъ жизней! Жестокая насмѣшка неумолимой судьбы!

Вотъ Кондратенко, съ лицомъ отражающимъ тяжелую, гнетущую, тревожную думу за судьбу покинутаго имъ Артура. Онъ словно живъ еще, словно встать онъ хочетъ, встать и грозно сказать:

— Остановитесь, враги славнаго конца Артура. Опомнитесь! Напрасны, тщетны всѣ ваши замыслы, я живъ еще!

Мужайтесь, честные бойцы, я еще съ вами!

Мы дешево не продадимъ дорогого пріобрѣтенную кровавую славу Артура. Не опозоримъ память мучениковъ долга. Не дерзнемъ и не позволимъ на костяхъ товарищей-героевъ основывать грядущее сомнительное благополучіе.

Мы воины! Мы призваны сюда не жить и разсуждать, а умереть.

Бьютъ послѣдніе часы и мы до конца совершимъ великій подвигъ и исполнимъ долгъ передъ воспитавшимъ насъ народомъ.

Нашъ предѣлъ смерть и каждый изъ насъ сумѣетъ сорвать заслуженный вѣнецъ, вѣнецъ смерти.

Артура, Артура довѣреннаго намъ Россіей, мы не продадимъ за право жить!..

Вотъ, вотъ казалось разомкнулся вѣки, честные глаза озарятъ уснувшій ликъ роднаго героя, раскроются уста и властно зазвучитъ его грозная, вдохновляющая рѣчь.

Но нѣтъ, Кондратенко уснулъ навѣки, душа отлетѣла, лишь память о немъ среди насъ, она воспитаетъ грядущія поколѣнія въ началахъ гражданской доблести.

Ничего не сказалъ Кондратенко. Церковь молилась, густо ладонъ клубился и клиръ молитвословилъ о упокоеніи его кристальной души.

А вотъ Рашевскій. Онъ давно, при жизни примирился съ мыслью о смерти, но на лицѣ его застыла гримаса, гримаса какъ бы мучительнаго удивленія. Къ чему, зачѣмъ была вся моя стремительность въ жизнедѣятельности, понесенные труды, заботы, волненія, когда всему такой и все-таки преждевременный конецъ!?

Далѣе, Зедгенидзе—красавецъ. На смертномъ одрѣ онъ еще краше, еще привлекательнѣй. Въ складкѣ лба, плотно сжатыхъ, красиво очерченныхъ губахъ, въ мгновеніе смерти задержались послѣдняя мысль, послѣдній вздохъ,—привѣтъ, сожалѣніе о разлучаемой навсегда семьѣ...

Вотъ Сенкевичъ,—всегда веселый, жизнерадостный, одаренный недюжиннымъ юморомъ. Черепъ раскроенъ, повязка сползла, кровавые сгустки, мозги...

Траншеи противъ форта I.

Науменко Евгений Николаевичъ. Лицо перекошено, ужасъ смерти положилъ на немъ свою тяжелую печать. А какъ ему хотѣлось жить! Какъ онъ, еще на Зеленыхъ горахъ, мечталъ о покойной жизни отставного полковника!

— „Кончится война, немедленно уйду въ отставку, нѣтъ силъ служить при нашихъ порядкахъ. Не служба, а подслуживаніе...“—говорилъ онъ мнѣ неоднократно.

Кончилось отпѣваніе. Засуетились церковники. Застучали молотки. Все по обыкновенному. Пропѣли вѣчную память. Генералы подняли гробъ Кондратенко, другіе гробы—офицеры.

На улицѣ ожидалъ, для отданія воинскихъ почестей, нарядъ изъ двухъ взводовъ стрѣлковъ при знамени и хоръ музыки.

Тронулась печальная процессія. Впереди Стессель, пѣвчіе, священники, девять гробовъ, полурота и рѣдкія группы провожавшихъ съ комендантомъ и егермейстеромъ Балашовымъ во главѣ.

Оркестръ молчалъ. Барабаны не били ¹⁾.

Не свѣтило холодное, непривѣтливое зимнее утро. Кругомъ царила тишина. Облачный, низкій небосклонъ давилъ на землю. Посѣдѣвшія отъ снѣга вершины горъ угрюмо глядѣли въ низину Артура. Надъ стальными, пѣнившимися бурунами, глухо, злобно шумѣвшаго океана, висѣла, все сгущалась мгла.

Ни день, а сумракъ.

Печальный cortege медленно тянулся по военной дорогѣ, постепенно поднимаясь приближался къ подошвѣ горы увѣнчанной батареей № 20-ый. На холмѣ, на раздѣланной ровной площадкѣ, съ которой открывается восхитительный видъ на востокъ, на безконечную даль океана, ожидали уже готовыя, свѣжія могилы. На холмъ этотъ прямо въ упоръ глядитъ Дагущань, видятъ его кружныя высоты, разглядѣть его и съ Зеленыхъ горъ.

Cortege былъ близокъ къ могиламъ. Стессель стоялъ уже на площадкѣ и размахивая руками разносилъ полковника Хвостова.

Подошелъ комендантъ.

— Я ему сказалъ, чтобы онъ на этой горушкѣ вырылъ

¹⁾ Въ стрѣлковыхъ частяхъ барабановъ не полагается. Могъ бить оркестровый барабанъ.

могилы, а онъ гдѣ выбралъ — страшно нервничая, возмущался „генераль-адъютантъ“.

— Отсюда открывается чудный видъ на море. Площадку можно засадить деревьями. На эту гору запрета не было.

— Но я вѣдь здѣсь (мѣсто очень неудобное, неуютное, почти въ ямѣ, никакого вида), здѣсь приказалъ — настаивалъ, почти кричалъ Стессель.

Недовольство и невѣроятное волненіе генерала было вполне понятно. На Дагушанѣ стояло нѣсколько орудій и мѣсто, гдѣ вырыты могилы — было на постоянномъ прицѣлѣ. Японцы могли ежеминутно открыть орудійный огонь, но огня они не открывали. Напрасно волновался генераль.

Вереница гробовъ уже втягивалась на площадку молодого кладбища.

Начальникъ района затихъ и злобно смотрѣлъ изподлобья на длинную вереницу гробовъ. Вѣдь долго продолжится процедура опусканія ихъ въ могилу! А вдругъ начнутъ палить!?

Фокъ отсутствовалъ. Онъ уѣхалъ на фронтъ распоряжаться наслѣдіемъ покойнаго.

Не выносилъ Фокъ покойнаго при жизни ¹⁾, не въ состояніи былъ отдать ему и послѣдній земной долгъ.

Началась у отверстыхъ могилъ послѣдняя литія.

Все было тихо вокругъ, лишь бурнымъ говоромъ шумѣлъ океанъ. Притаился скорбный Артуръ, молчали японцы.

Дымъ кадильницъ тянулся къ небесамъ, звучала „вѣчная память“ и горсти промерзлой земли глухо стучали, падая на крыши гробовъ...

Салюта не было.

Сѣрыя, непомпезныя, скромныя похороны.

Но въ простотѣ этой было само величіе.

Все было тихо вокругъ. Сумракъ утра сгушался. Бурнымъ говоромъ шумѣлъ океанъ, похитившій у Артура Макарова.

Молчали японцы. Притаился скорбный гарнизонъ, когда холодная земля Артура заключала въ свои объятія Кондратенко.

Когда приступили къ задѣлыванію могилъ, „генераль-адъ-

¹⁾ Онъ вездѣ и всюду, даже не стѣсняясь личнымъ присутствіемъ, прямо поносилъ Романа Исидоровича и распространялъ о немъ самыя возмутительнѣйшія сплетни.

ютантъ“ обратился къ присутствовавшимъ съ довольно странной рѣчью, которую закончилъ:

— ... И въ блиндажѣ быть убитымъ въ Артурѣ геройство. Въ честь покойнаго Романа Исидоровича, ура!

Изъ дневника.

4-го Декабря.

„... Съ 2-хъ часовъ дня непріятель бомбардировалъ фортъ № II и Малое Орлиное Гнѣздо. На форту № II осколки одного 11-дюймоваго снаряда попали въ тотъ же казематъ и ранили еще 3-хъ офицеровъ, три снаряда попали въ кухню и разбили ее.

Вечеромъ генераль Фокъ вызвалъ меня къ себѣ въ казармы 10-го полка съ чертежами форта № II. Поѣхалъ къ нему въ 7 часовъ вечера. Оказалось, что онъ хотѣлъ узнать о положеніи минныхъ работъ непріятеля и нашихъ.

Говорятъ, что вышелъ приказъ генерала Фока объ уменьшеніи гарнизона на фортахъ на половину. Вторую половину приказано будто бы отвести въ резервъ. Казалось бы, что слѣдовало сдѣлать на оборотъ, но генераль Фокъ находитъ, что скученность и бездѣятельность гарнизона на фортахъ порождаетъ болѣзни, поэтому гарнизонъ слѣдуетъ уменьшить. Для подвоза матеріаловъ сегодня дали всего 7 двуколокъ. Что же можно сдѣлать съ этимъ количествомъ, когда на позиціяхъ нѣтъ ни мѣшковъ, ни лѣса. Нужно по крайней мѣрѣ 40, а даютъ 7-мь...”

Сдача форта II-го.

Еще не былъ погребенъ Кондратенко, когда Фокъ, наконецъ, очутившись у власти, заступивъ мѣсто покойнаго героя, началъ распоряжаться по своему на оборонительной линіи.

Первымъ его дѣломъ по принятіи начальства надъ сухопутной обороной было уменьшеніе численности гарнизона на фортахъ и укрѣпленіяхъ. Онъ немедленно и въ значительной степени ослабилъ гарнизоны.

— Нельзя густо напихивать людей. Снаряды всѣхъ перебьютъ. Некому будетъ защищать Артуръ. Только измѣнники могутъ это дѣлать — были его постоянныя слова. Теперь отъ словъ онъ перешелъ къ дѣлу.

Покойный же Романъ Исидоровичъ, вполнѣ подчиняясь приказаніямъ коменданта, старался по возможности усиливать гарнизоны фортовъ и укрѣплений, въ особенности, когда японцы сидѣли уже на брустверахъ. Мѣра эта вызывалась крайней необходимостью во время, въ случаѣ взрыва бруствера, увѣнчать воронку и отбить всегда слѣдующій за взрывомъ штурмъ. Моменты между взрывомъ и увѣнчаніемъ воронки настолько дороги, что оперировать нужно и возможно только съ наличными силами, и ждать прибытія поддержки положительно нѣтъ времени. Кто первымъ увѣнчаетъ воронку, на сторонѣ того остается преобладающая инициатива. И горе обороняющемуся, если онъ дастъ увѣнчать воронку наступающему!

5-го декабря положеніе форта было очень и очень тревожное. Японцы сидѣли на контръ-эскарпѣ и ежеминутно можно было ожидать взрыва.

Численность гарнизона была въ значительной степени ослаблена. Гарнизонъ былъ утомленъ. Смѣны же людей не производилось, и поэтому отъ переутомленныхъ, ослабленныхъ численностью людей нельзя было требовать того, что могли сдѣлать свѣжія войска, взятые хотя бы съ менѣ тяжелыхъ пунктовъ.

Настроеніе гарнизона на фортъ II-мъ послѣ смерти Кондратенко, а въ особенности съ назначеніемъ вмѣсто него Фока, за которымъ уже установилось прозвище „генерала отъ отступленія“—было пассивное. Фокъ, конечно, и не подумалъ пріѣхать на фортъ и подбодрить многострадальных защитниковъ. Защитники же его отлично помнили, какъ онъ давно еще изъ своего логовища, сидя не у дѣлъ, пророчилъ имъ гибель и рисовалъ грозныя картины разрушенія фортовъ отъ японскихъ взрывовъ.

Одно имя Фока убивало духъ и бодрость въ гарнизонѣ.

Съ ранняго утра 5-го декабря жизнь на фортѣ потекла обычнымъ путемъ. Рѣдкая перестрѣлка, киданіе бомбочекъ, одиночные орудійные выстрѣлы. Раненые, убитые. Томительно, скучно, однообразно и опасно.

Для полноты описанія того, что происходило въ этотъ день на фортѣ и вокругъ него, что предшествовало его штурму, какъ произошелъ взрывъ, какъ японцы первыми увѣнчали воронку, какъ геройски защищались наши и какъ произошло очищеніе форта, я разверну картину, какъ со стороны обороны, такъ и со стороны наступленія.

На всемъ атакованномъ фронтѣ полное затишье, нарушаемое лишь обыденной, рѣдкой перестрѣлкой. Гарнизонъ въ казематѣ, часовые у брустверовъ. Какъ вчера въ этотъ часъ, такъ и сегодня. Только день былъ великолѣпный, яркій, солнечный, безвѣтренный. Природа ликовала. Ликовали и враги, предвосхищая скорое паденіе геройскаго форта.

Японцы рѣшили съ нимъ сегодня покончить, они готовились погубить фортъ. Для взрыва напольнаго бруствера у нихъ уже все было готово. Они задались цѣлью овладѣть имъ врасплохъ. Къ 11 часамъ утра назначенные въ атаку войска въ то время, когда шла смѣна траншейныхъ карауловъ, сопровождавшаяся всегда относительной суматохой, были незамѣтно продвинуты въ послѣдніе къ форту подступы и тамъ ожидали взрыва.

Нижніе чины, вызвавшіеся на это дѣло, съ явнымъ смертельнымъ исходомъ, были разбиты на двѣ партіи. Одна съ красными повязками на рукавахъ была продвинута къ капонирамъ. Въ моментъ взрыва эта часть охотниковъ должна была атаковать внутренность форта. На плечахъ у нихъ должна была ворваться вторая партія, засѣвшая въ послѣднемъ подступѣ. Если бы имъ не удалось выбить нашихъ, къ нимъ въ помощь должны были броситься войска всего отряда и задавить гарнизонъ форта подавляющей численностью.

Враги были увѣрены въ несомнѣнномъ успѣхѣ, но, зная уже по гибельнымъ предшествующимъ примѣрамъ, каково отчаянное упорство защитниковъ Артура, приготовились къ смерти. Они помѣчали сапоги, мундиры, фуражки своими именами, въ предположеніи, что, если впослѣдствіи будетъ найдена хоть часть ихъ тѣла, оставшіеся въ живыхъ повѣдуютъ роднымъ и близкимъ о постигшей ихъ судьбѣ.

Эти хладнокровныя приготовленія еще живыхъ, здоровыхъ, сильныхъ людей къ своей собственной смерти, — рассказываетъ англійскій военный корреспондентъ г. Норригардъ, — гораздо сильнѣе характеризуетъ удивительную храбрость и преданность долгу японскихъ солдатъ, чѣмъ наиболѣе доблестные подвиги и отчаянная смѣлость во время самого сраженія. Легко быть храбрымъ въ пылу битвы, когда люди въ состояніи аффекта. Но вызваться охотникомъ, идти на вѣрную смерть и передъ этимъ безстрастно, покойно сдѣлать всѣ приготовленія для своего соб-

ственного погребенія—для этого нужно имѣть много великолѣпной силы воли и бодрости духа.

Да, такъ вотъ какой врагъ готовился броситься на нашъ фортъ. Вотъ съ какимъ врагомъ предстояло опять лицомъ къ лицу сразиться непоколебимымъ защитникамъ Артура.

Полдень. На линіи все покойно. Противникъ ничѣмъ не выдавалъ себя. На форту II-мъ люди, сгорая на медленномъ огнѣ, не ожидали, что имъ готовилъ упорно-настойчивый врагъ.

Уже часъ пополудни. Все спокойно.

Но едва стрѣлка часовъ дошла до четверти второго... надъ брустверомъ съ молніеносной быстротой взметнулось огромное, черное, съ сѣрымъ отливомъ по краямъ, облако дыма, и раздался оглушительный ударъ взрыва. За нимъ, черезъ двѣ минуты, второй взрывъ.

Ужась и смятеніе обуяли безстрашныхъ защитниковъ форта.

Сверху сыпались брусья, камни, мѣшки, а въ тылъ форта полился дождь снарядовъ. Люди заметались отъ неожиданности, оставаясь людьми, они, ожидая третьяго взрыва, искали спасенья и быстро отошли за брустверь готоваго ретраншаментъ, открывъ оттуда бѣглый ружейный огонь по показавшимся на форту японцамъ съ красными повязками, которые на глазахъ защитниковъ погребались подъ рушившимися каменьями и глыбами бетона, поднятыми на воздухъ двумя предшествовавшими взрывами.

Сѣверо-восточный уголъ напольнаго бруствера былъ развороченъ, тамъ образовалась огромная воронка.

Сосѣднія наши батареи: Курганная, Лалеровская, Заредутная, лит. Б. открыли жесточайшій огонь по всѣмъ подступамъ къ форту, парализовавъ этимъ дальнѣйшій штурмъ и не давъ японцамъ увѣнчать воронку.

Г. Норригардъ, непосредственно наблюдавшій за картиной этой атаки, такъ рассказываетъ о ней. Движеніе впередъ черезъ открытую мѣстность, безъ всякаго прикрытія, подъ страшнымъ огнемъ русскихъ батарей, было совершенно невозможно. Японцы начали очищать ходы сообщенія и параллели отъ обломковъ въ предположеніи по нимъ уже продвинуться впередъ для дальнѣйшей атаки форта.

Удивительны, повторяю я за полковникомъ Рашевскимъ, были въ этомъ отношеніи японцы; они положительно не понимали, какое огромное значеніе имѣетъ шокъ и поэтому никогда не поль-

зовались этимъ правда губительнымъ для наступающаго, но зато вѣрнымъ и въ конецъ деморализующимъ обороняющагося пріемомъ.

Огонь нашихъ батарей былъ губительный, сосредоточенный и сильный. Противникъ остановился и не двигался впередъ. Передняя часть форта съ разрушеннымъ валомъ стала нейтральной зоной.

Наша артиллерія, какъ всегда, была на высотѣ своего призванія: она приковала противника на мѣстѣ—ни шагу впередъ.

Генераль Фокъ не воспользовался этимъ удобнымъ періодомъ, не подкрѣпилъ гарнизонъ въ достаточной степени и этимъ лишилъ его возможности увѣнчать воронку и вновь утвердиться на наружномъ брустверѣ.

Японцы же, тѣмъ временемъ очищая ближайшія къ форту параллели отъ обломковъ, утверждались тамъ, собирались съ силами для новаго штурма.

Гарнизонъ форта отойдя за жидкій брустверъ ретраншмента сильно страдалъ отъ снарядовъ и ружейнаго огня. Положеніе его было критическое, но собственными средствами вновь окончательно утвердиться не было силъ, а пожалуй и энергіи.

Необходима была сильная поддержка: она спасла бы фортъ. Но Фокъ, проводя въ жизнь теорію о врачѣ и комендантѣ, внѣ всякаго сомнѣнія съ момента взрыва рѣшилъ уже фортъ уступить. Поддержка была послана. Сюда шли роты моряковъ съ „Побѣды“ и „Полтавы“, но, слѣдуя по пространству страшно поражаемому артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, большую часть людей теряли на дорогѣ и своимъ прибытіемъ не могли оказать существенной помощи обезсиленному гарнизону. И приходили то они на фортъ совершенно измученными, что называется изъ огня, да въ полямя.

А японцы тѣмъ временемъ не теряли драгоцѣннаго времени.

При наступленіи сумерокъ, рассказываетъ г. Норригардъ, къ разрушенному брустверу передняго фаса былъ подведенъ баталіонъ 22-го полка. Въ этомъ мѣстѣ бруствера были очень высоки, около двадцати футъ надъ валгангомъ форта. Бруствера эти были для защиты отъ огня съ Дагушаня, который возвышался огромный и страшный, вдали, въ 2800 ярдахъ. Онъ былъ, какъ сказалъ мнѣ одинъ изъ офицеровъ, словно нарочно

установленъ у бухты для наблюденія, какъ все живущее у его подножія превратится въ котель, полный крови и ужасовъ.

До пяти часовъ на форту продолжалось неопредѣленное положеніе. Разрушенный брустверь все еще былъ нейтральнымъ. Гарнизонъ продолжалъ по мѣрѣ силъ укрѣпляться за ретраншаментомъ.

Солнце низко склонилось. Близокъ заходъ. Позолотился Ляотѣшань. Сумерки надвигались.

Подъ фортомъ сосредоточился баталіонъ 22-го полка. Командовать штурмующимъ отрядомъ былъ назначенъ инженеръ-генералъ Самейеда. Генералъ въ полной парадной формѣ ¹⁾ обошелъ роты и отправилъ ихъ назадъ. Онѣ были замѣнены баталіономъ 38-го полка. „Я видѣлъ страхъ въ ихъ глазахъ и поэтому приказалъ имъ вернуться обратно“, такъ объяснилъ Норригарду генералъ Семейеда свое распоряженіе.

Солнце закатилось.

Японцы бросились на штурмъ форта черезъ разрушенный брустверь и одновременно загремѣли всѣ непріятельскія батареи, сосредоточивая всю силу огня по подступамъ къ форту съ нашей стороны съ цѣлью прервать всякое съ нимъ сообщеніе. Дѣйствительно за фортомъ поднялась такая буря, закипѣлъ такой адъ, что посылаемые подкрѣпленія таяли по дороге, до форта доходили измученныя горсточкой людей.

На форту кипѣлъ бѣшенный бой. Наши и японцы дрались, какъ львы. Дрались въ рукопашную. Наши пулеметы валили враговъ. Японцы втащили на брустверь форта два горныхъ орудія и скоро пулеметы замолчали.

Шелъ рукопашный бой, подъ грохотъ орудій, трескъ винтовокъ. Прожектора впились въ борющихся. Непрестанно свѣтили боевыя ракеты. Кровь лилась. Японцы какъ заколдованные. Чѣмъ больше ихъ бьютъ, тѣмъ число ихъ все увеличивается. Гарнизонъ изнываетъ въ борьбѣ, подкрѣплений нѣтъ. Надежда удержать фортъ—тускнѣетъ.

Фортъ многострадаальный, фортъ страстотерпецъ былъ въ агоніи. Часы его были сочтены.

¹⁾ Японцы по освященнымъ Бусидо обычаю, идя въ смертный бой, одѣваютъ самыя дорогія одежды, берутъ самое драгоцѣнное оружіе.

Въ штабѣ отряда, въ штабѣ обороны шли переговоры, отдавались приказанія, посылались донесенія, которыя вылились въ слѣдующихъ телефонограммахъ:

К о п і я.

ТЕЛЕФОНОГРАММА

Генералу Горбатовскому.

Генераль Стессель приказалъ немедленно минировать казематы форта № 2 и затѣмъ, если японцы сами не отойдутъ отъ форта, т. е. съ бруствера, то гарнизонъ отвести изъ форта и взорвать казематы. Не давать утвердиться японцамъ на брустверѣ обстрѣливая его изъ орудій и изъ минныхъ аппаратовъ. Въ виду доклада капитана Степанова о томъ, что передъ закатомъ солнца онъ лично съ подполковникомъ Мехмандаровымъ съ Большого Орлинаго Гнѣзда видѣлъ на брустверѣ форта № 2 только одного японскаго офицера и 3 нижнихъ чиновъ, укладывавшихъ мѣшки, предоставляю вашему превосходительству держать фортъ покуда найдете это необходимымъ. Генераль Стессель, отдавая распоряженіе по моему докладу, принялъ такое рѣшеніе только потому, что полагалъ, что другого исхода при нынѣшнихъ обстоятельствахъ нѣтъ. На закатѣ солнца изъ форта пришелъ ко мнѣ матросъ и доложилъ, что взрывомъ мины брошенной японцами выбило у насъ изъ строя 15 человѣкъ и разметало мѣшки.

Генераль-лейтенантъ *Фокъ.*

Передалъ полковникъ *Дмитревскій.*

5-го декабря въ 7 ч. 40 м. веч.

К о п і я.

ТЕЛЕФОНОГРАММА

Въ штабъ сухопутной обороны.

Съ форта № 2 доносятъ, что тамъ большія потери отъ разрывовъ минъ бросаемыхъ непріателемъ. Брустверъ намъ занять не удалось. Поэтому я предполагаю воспользоваться полученнымъ разрѣшеніемъ—взорвать казематы форта и приказалъ гарнизону держаться до тѣхъ поръ, пока наши минеры не окончатъ свои работы. Для предотвращенія могущихъ возникнуть неожиданностей при очищеніи форта прошу временно пока не-

установится по очищеніи форта новый порядокъ вещей выдвинуть къ питательному погребу одну роту изъ Комендантскаго резерва. Самъ ѣду сейчасъ къ подполковнику Глаголеву, чтобы на мѣстѣ отдать необходимыя распоряженія. Прошу объ этомъ доложить генералу Фоку.

Генераль *Горбатовскій*.

5 декабря 1904 г. въ 9 час. 35 мин. вечера.

ТЕЛЕФОНОГРАММА

Генералу Горбатовскому.

Генераль Фокъ вполне согласенъ съ мнѣніемъ вашего превосходительства относительно форта № 2 и проситъ только вашего распоряженія о возможно энергичномъ возстановленіи разрушеній, произведенныхъ японскими снарядами на Куропаткинскомъ люнетѣ.

Подполковникъ *Дмитревскій*.

5 декабря 1904 г. въ 9 час. 40 мин. вечера.

ТЕЛЕФОНОГРАММА

Генералу Горбатовскому.

Начальникъ сухопутной обороны генераль Фокъ проситъ сейчасъ-же начать уборку съ форта № 2 патроновъ, снарядовъ и вообще всѣхъ вещей, а также уничтожить рельсовый мостъ.

Подпоручикъ *Кондрашевъ*.

5 декабря 1904 г. въ 9 час. 45 мин. вечера.

К о п і я.

ТЕЛЕФОНОГРАММА

Въ штабъ 4-го В.-С. Стрѣлковой дивизіи.

Въ теченіи дня непріятель оживленно обстрѣливалъ артиллерійскимъ огнемъ 2 и 3 отдѣлы, при чемъ обстрѣливали не только форты и батареи, но и вторую линію, всѣ дороги и ходы сообщенія. Послѣ 12 часовъ дня артиллерійскій огонь усилился особенно на форту № 2, Куропаткинскомъ люнетѣ и батарее лит. „Б“. Въ 11 час. 15 мин. пополудни противникъ произвелъ

взрывъ напольнаго бруствера форта № 2. Взрывомъ была обрушена средняя часть бруствера. Японцы пробовали вылезать изъ рва подступами подъ огнемъ нашихъ стрѣлковъ изъ ретранша-мента и артиллеріи, стрѣлявшей съ Заредутной и Малаго Орли-наго. Послѣ этого они стали сосредоточиваться въ наружномъ переднемъ рву. Наши выбѣгали изъ ретранша-мента и бросали въ нихъ бомбочки. Передъ закатомъ солнца нѣсколько япон-цевъ начали вѣнчать воронку взрыва, но въ настоящее время брустверь напольнаго фаса занятъ японцами сильно. Наши на-ходятся за ретранша-ментомъ, пробовали выбѣгать, но это не удалось, сейчасъ непріятель обстрѣливаетъ минами ретранша-ментъ и горжевую часть большими снарядами, потери значи-тельны.

Капитанъ *Степановъ*.

5 декабря 1904 года въ 10 час. 20 мин. вечера.

Принята въ штабъ крѣпости въ 12 час. 40 мин. ночи.

Въ 11 часовъ 30 минутъ, гарнизонъ согласно полученному приказанію непосредственно отъ начальника сухопутной обороны генерала Фока, разрушивъ мостъ, уступилъ наконецъ, только благодаря приказанію, послѣ четырехмѣсячной упорной борьбы многострадальный фортъ. Генераль Горбатовскій въ телефоно-граммѣ отъ 5 декабря въ 9 ч. 35 м. вечера, хотя и предлагалъ на основаніи предшествовавшихъ донесеній и распоряженій, сдать фортъ, но приказа объ очищеніи его не отдавалъ, даже тогда, когда получилъ телефонограмму въ 9 ч. 40 м. и 9 ч. 45 м. вечера.

Послѣ 11-ти онъ поѣхалъ лично на фортъ, чтобы на мѣстѣ убѣдиться въ положеніи вещей, но встрѣтилъ уже людей уходявшихъ изъ форта.

Когда онъ имъ приказалъ вернуться, они не пошли на томъ основаніи, что уходили по приказанію Фока.

Только послѣ четырехъ мѣсяцевъ страшной борьбы, десят-ковъ тысячъ смертей, безконечнаго количества раненыхъ, моря пролитой крови, цѣлаго ада человѣческихъ страданій, слезъ горя, при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, въ которыхъ находи-лись наши защитники, японцамъ удалось овладѣть первымъ фор-томъ долговременнаго профиля.

Не достался бы онъ японцамъ и теперь, если бы генераль Фокъ, это убѣжденіе всѣхъ честныхъ защитниковъ, не рѣшилъ его самовольно и преждевременно уступить, а своевременно поддерживалъ сильнымъ подкрѣпленіемъ. Онъ хотѣлъ провести въ жизнь свою теорію о врачѣ и комендантѣ и, вопреки долгу, исключительно въ достиженіи своекорыстныхъ цѣлей сдать фортъ, не убоявшись опозорить славную его защиту.

Комендантъ крѣпости, въ противорѣчіи самыхъ элементарныхъ правилъ дисциплины, не былъ даже увѣдомленъ о томъ, что начальникъ обороны собирается сдать фортъ. О разрѣшеніи сдать фортъ Фокъ, конечно, и не думалъ спрашивать Смирнова. Онъ игнорировалъ его въ полной мѣрѣ, сносаясь лишь для формы съ Стесселемъ.

Комендантъ о сдачѣ форта узналъ *post-factum*, какъ узналъ онъ *post-factum* и о сдачѣ вѣренной ему крѣпости.

Читатель, это не фантазія—это неопровержимый фактъ!

Изъ дневника.

5-го Декабря.

„...Наканунѣ вечеромъ на совѣтѣ въ штабѣ отряда, рѣшено было приступить 5-го декабря къ зарядженію булевыхъ колодцевъ, на банкетѣ напольнаго фаса форта № 2 и взрывомъ нашихъ камуфлетовъ предупредить взрывъ непріятельскихъ горновъ. Однако оказалось, что непріятельская минная работа на этомъ форту уже окончена и въ 1 часъ дня непріятель произвелъ одновременно 3 взрыва. Послѣ взрыва непріятель тотчасъ открылъ изъ своего окопа на гласисѣ сильную стрѣльбу по внутреннему двору форта изъ ружей, пулеметовъ и изъ минныхъ аппаратовъ, стрѣляя въ то же время изъ 11-ти дюймовыхъ мортиръ по горжевымъ казармамъ.

Въ то же время онъ приступилъ къ вѣнчанію сдѣланной воронки, укладывая по краямъ мѣшки. Гарнизонъ форта мѣшалъ этой работѣ стрѣльбой изъ нашего внутренняго ретраншамента и до наступленія темноты работа эта велась японцами очень вяло, но съ заходомъ солнца они ввели на бруствера больше людей и работа ускорилась. Одновременно со взрывомъ горновъ, непріятель открылъ сильный артиллерійскій огонь по всему восточному фронту крѣпости, стрѣляя по первой и второй линіи

обороны по мѣстамъ расположенія резерва, по дорогамъ и ходамъ сообщенія.

Начальникъ отряда генераль Горбатовскій приказаль выбить японцевъ изъ занятаго ими напольнаго бруствера и затѣмъ исправить его. Чтобы организовать работу по исправленію поврежденій, я отправился туда чтобы условиться съ начальникомъ третьяго оборонительнаго пункта полковникомъ Глаголевымъ. Туда же прибылъ и инженеръ капитанъ Барминъ съ поручикомъ Ксидо и командой саперъ. Собравъ инструментъ и заготовивъ достаточное количество мѣшковъ, перенесли этотъ матеріаль къ горжевому рву форта, чтобы тотчасъ по выбитіи японцевъ приступить къ работѣ. Одновременно съ этимъ, штабсъ-капитанъ минной роты Адо, оканчиваль закладку фугасовъ въ казематахъ форта, чтобы въ случаѣ очищенія форта взорвать казематы. Несмотря на попытки гарнизона выбить японцевъ обратно, несмотря на посланный резервъ, вернуть напольный брустверь не удалось. Бросаемая непріятелемъ мины, производили сильныя опустошенія въ рядахъ защитниковъ, вынося по 10—15 человекъ сразу; резервъ таялъ, какъ воскъ и поэтому пришлось рѣшиться на оставленіе форта.

Къ 10¹/₂ час. фугасы были заложены числомъ 11 въ казематахъ и 2 въ пороховомъ погребѣ...

...Говорять, что одновременно со взрывомъ на форту № 2 былъ взрывъ на Высокой горѣ, произведенный нашимъ снарядомъ, попавшимъ въ пороховой погребъ.

Для меня лично сегодняшній день сошелъ счастливо: рядомъ со мной былъ смертельно раненъ подполковникъ Глаголевъ, командиръ 28-го полка и той же шрапнелью (осколкомъ) контуженъ подполковникъ Вольскій ¹⁾, а когда я возвращался въ 3 часа ночи въ штабъ отряда, то шрапнелька разорвалась почти надо мною. Одна пуля скользнула по полю пальто, другая по лѣвому рукаву. Шедшему со мной десятнику попала въ сапогъ и пробила голенище.

Въ блиндажѣ нашемъ было уже темно, когда я пришелъ. Все уже спало, кромѣ генерала Горбатовскаго, который былъ видимо сильно огорченъ и взволнованъ потерей форта..."

¹⁾ Читатель его долженъ помнить по нашимъ операціямъ на Зеленыхъ горахъ.

Фокъ у коменданта.

Рано утромъ Фокъ прїѣзжаетъ къ коменданту съ докладомъ о сдачѣ форта II-го.

— Кто вамъ разрѣшилъ сдать фортъ II-ой — спрашиваетъ Смирновъ.

— Я, я, ваше превосходительство, получилъ на это категорическое приказаніе генераль-адъютанта Стесселя. Это онъ, онъ, ваше превосходительство, мнѣ приказалъ. Развѣ бы я осмѣлился это сдѣлать? Онъ приказалъ, я сдалъ.

— А вамъ, генераль, можетъ быть извѣстно, что пока, что Царскимъ велѣніемъ комендантомъ крѣпости состою я.

Вы, генераль, на точномъ основаніи закона, какъ начальникъ сухопутной обороны, подчинены мнѣ непосредственно, и безъ моего разрѣшенія вы не имѣете и тѣни права что-либо сдавать въ вѣренной мнѣ Высочайшей властью крѣпости.

Я комендантъ ея и отвѣчаю я за нее.

— Я, ваше превосходительство, вчера вечеромъ искалъ васъ, долго искалъ на дачныхъ мѣстахъ. Искалъ и не нашелъ.

— Напрасно вы искали меня на дачныхъ мѣстахъ. Я, ваше превосходительство, не слѣдую примѣру генераль-адъютанта Стесселя и вашему и не мѣняю своей квартиры въ зависимости отъ полета и паденія непріятельскихъ снарядовъ. Въ крѣпости всѣмъ извѣстно, что я живу здѣсь и выѣзжаю отсюда только на оборонительную линію.

(Генераль Фокъ беззастѣнчиво лгалъ въ глаза. На дачныя мѣста онъ не ѣздилъ, такъ какъ отлично зналъ, что комендантъ живетъ на старой квартирѣ, несмотря на то, что въ нее попало уже нѣсколько снарядовъ и что всѣ кругомъ съ Стесселемъ и „райономъ“ во главѣ давно уже выѣхали и поселились въ совершенно безопасныхъ мѣстахъ. Заговорилъ онъ о дачныхъ мѣстахъ, основываясь на сплетнѣ. Дѣло въ томъ, что коменданту, дѣйствительно, предлагали переѣхать въ болѣе безопасное мѣсто, но онъ отклонилъ эти заботы, такъ какъ считалъ переѣздъ въ безопасное мѣсто не совмѣстимымъ съ достоинствомъ коменданта. Напротивъ, онъ рѣшилъ, совмѣстивъ функціи начальника обороны, переѣхать жить на атакованный фронтъ, гдѣ, находясь въ непосредственномъ соприкосновеніи съ боевой

линей, своимъ личнымъ присутствіемъ ободрять уставшій гарнизонъ. Все это было отлично извѣстно Фоку.

Но Фокъ, какъ жалкій комедіантъ, паясничавшій вездѣ—спаясничалъ и здѣсь. Кромѣ того, живя, по своей трусости постоянно, въ своей городской квартирѣ въ районѣ 10-го полка, сознавалъ, что онъ и въ этомъ отношеніи далекъ отъ своего назначенія).

— Виновать, виновать ваше превосходительство, а я былъ увѣренъ, что вы туда переселились, долго васъ тамъ искалъ. Виновать, виновать.

(Фокъ паясничалъ. Если онъ, дѣйствительно, хотѣлъ найти коменданта, то онъ всегда бы могъ найти его. Комендантъ черъ-чуръ крупная величина въ осажденной крѣпости, чтобы его сразу нельзя было найти. Но Фокъ зная, что за его спиной Стессель, и поэтому, какъ холопъ, неожиданно почувствовавшій силу, упивался ею).

— Повторяю, продолжалъ Смирновъ, вы не имѣли ни малѣйшаго права, безъ моего, коменданта, разрѣшенія сдать фортъ. Я могъ бы влить для его защиты сколько угодно резервовъ. Въ крѣпости подъ ружьемъ свыше 35,000 человекъ. Сдачу форта ни коимъ образомъ нельзя было допустить теперь, а удержать фортъ представлялась полная возможность.

Кромѣ того, отдача форта имѣла огромное растлѣвающее значеніе въ моральномъ отношеніи. Вы расшатали мнѣ въ корнѣ принципъ, что фортъ умираетъ, а не сдается.

Принципъ этотъ я съ покойнымъ генераломъ Кондратенко и другими начальствующими лицами съ неуклоннымъ постоянствомъ внушалъ ввѣренному мнѣ гарнизону. Защитники другихъ фортовъ на примѣрѣ форта II-го убѣдились, что все, что мы имъ внушали, ерунда, что фортъ вовсе не святыня, которою неприятель можетъ овладѣть только послѣ гибели всѣхъ его защитниковъ, а — простое укрѣпленіе, которое такъ легко всегда уступалось при нашемъ благосклонномъ участіи вначалѣ въ качествѣ начальника, а затѣмъ въ лицѣ совѣтника генералъ-адъютанта.

Вы мнѣ расшатали гарнизонъ, и я теперь не могу поручиться за то, что гарнизоны фортовъ не начнутъ сдаваться самовольно. Начало положено. Гарнизонъ же измученъ, питаніе плохое. А примѣръ этотъ заразителенъ и пагубенъ для дальнѣй-

шей обороны¹⁾. Люди остаются людьми, они хотятъ жить, чувство самосохраненія въ ничѣмъ не вытравите.

— Резервы, которые бы вы мнѣ прислали, меня бы только стѣснили.

— Это почему?

— А потому, что солдаты бы не пошли. Ихъ въ шею, а они тебѣ назадъ. Иди молъ, если хочешь. Я-то, солдатъ отлично знаю. Я ихъ насквозь вижу. Чтобы я съ ними дѣлалъ? Одинъ у нихъ скажъ: не пойдемъ и кончено. Утомились бѣдные, больные, изголодавшіеся солдатики и не хотятъ больше драться. А то иди впередъ! Шагай впереди, и они пожалуй потянутся, а потомъ и прыснутъ, смотришь, анъ ты одинъ. А одинъ въ полъ— не воинъ.

— Позвольте-съ. Еще при жизни Кондратенко они великолѣпно дрались. У васъ только они бѣгунцами были, а у Романа Исидоровича и у меня они все время выше похвалъ! А у васъ опять. Если они васъ не слушаются, я приѣду, они меня послушаютъ, пойдутъ, ручаюсь вамъ, пойдутъ за мной.

(Этого-то Фокъ съ Стесселемъ больше всего и боялись. Наивенъ былъ Смирновъ).

— Жаль, очень жаль, ваше превосходительство, что у васъ въ академіи не читаютъ психологію — неожиданно огоршилъ Фокъ несуразной репликой.

Смирновъ только руками развелъ.

— До свиданія ваше превосходительство. А что у васъ въ академіи психологію не читаютъ, то это очень, очень жаль.

Что Смирнову оставалось дѣлать съ этимъ зловреднымъ юродивымъ?

Отъ Смирнова Фокъ прямо отправился къ „генераль-адъютанту“.

На тайномъ совѣщаніи друзья, всесторонне обсудивъ событіе 5 декабря, пришли къ заключенію, что преждевременное очищеніе форта безъ вѣдома коменданта, вещь очень серьезная, и рѣшили со свойственной имъ наглостью подтасовать факты и смаху разрубить завязавшійся гордіевъ узелъ. На основаніи донесеній штабсъ-капитана Кватца (смѣнившего въ самый день сдачи форта его героя, коменданта, капитана

¹⁾ Черезъ 10 дней сдался фортъ III.

РЕКОГНОСЦИРОВКА.

Полковникъ Бутусовъ.

Генералъ Кондратенко.

Генералъ Смирновъ.

Фролова) и подполковника Глаголева пишется слѣдующій приказъ. Приказомъ этимъ хотѣли доказать гарнизону, что фортъ былъ очищенъ своевременно и что удержать его было немыслимо.

Но было уже поздно. Сдача форта дѣло свое сдѣлала. Той стойкости, которая была въ гарнизонѣ до сдачи форта II-го, уже не было. Фокъ же своимъ поведеніемъ и присутствіемъ на линіи въ конецъ растлѣвалъ гарнизонъ.

Вотъ, этотъ приказъ:

„... Начальникъ сухопутной обороны генераль-лейтенантъ Фокъ, при рапортѣ за № 20, представилъ рапортъ коменданта форта № 2 25-го В.-С. С. полка штабсъ-капитана Кватцъ о порядкѣ очищенія форта и копіи съ записокъ бывшаго командующаго 28-мъ В.-С. С. полкомъ подполковника Глаголева къ штабсъ-капитану Кватцъ.

Въ заключеніе своего рапорта генераль-лейтенантъ Фокъ доноситъ, что онъ признаетъ всѣ распоряженія, какъ подполковника Глаголева, такъ и штабсъ-капитана Кватцъ совершенно правильными. Прочтя рапортъ шт.-капитана Кватцъ за № 60 и двѣ служебныхъ записки подполковника Глаголева, я вижу, что мое приказаніе объ очищеніи форта № 2 было приведено въ исполненіе генераль-лейтенантомъ Фокъ образцово, за что долгомъ и особеннымъ удовольствіемъ считаю объявить его превосходительству сердечную благодарность. Фортъ № 2 поглотилъ во все время его обороны массу геройскихъ защитниковъ; сначала капитанъ 25-го В.-С. С. полка Рѣзановъ ¹⁾, затѣмъ поручикъ того же полка Фроловъ и наконецъ штабсъ-капитанъ Кватцъ исполнили долгъ на славу, несмотря на громадныя потери. 5 декабря японцы взорвали фортъ и защитники форта были принуждены сѣсть за траверсъ и казематы; мостъ былъ сломанъ, положеніе стало отчаянное; не нанося врагу существеннаго вреда, приходилось или выводъ защитниковъ взорвать фортъ и сохранить геройскій гарнизонъ для дальнѣйшей борьбы съ врагомъ, или сидѣть и ждать когда уничтожатъ всѣхъ: я приказалъ генераль-лейтенанту Фокъ вывести гарнизонъ и затѣмъ взорвать фортъ, такъ какъ подготовить къ взрыву давно уже мною было приказано. Всѣ распоряженія генераль-лейтенанта Фока были

¹⁾ Капитанъ Рѣзановъ въ бытность комендантомъ форта явилъ собою примѣръ дѣйствительнаго героя. Застрѣлился въ госпиталѣ, страшно страдая отъ ранъ.

отлично выполнены, гарнизонъ въ полномъ порядкѣ выведенъ, Куропаткинскій люнетъ обезпеченъ и когда все было подготовлено, фортъ взорванъ и наши герои-защитники отъ взрыва не пострадали. Изъ рапорта штабсъ-капитана Кватцъ видно, что въ этотъ трудный періодъ для форта, поведение гг. офицеровъ и нижнихъ чиновъ было геройское, такъ: Квантунской крѣпостной артиллеріи поручикъ Голдинъ руководилъ лично стрѣльбой: оставшись только съ тремя нижними чинами, самъ наводилъ орудія и нѣсколько разъ удачными выстрѣлами картечью сбрасывалъ, вскакивающихъ японцевъ на брустверъ, обратно въ ровъ.

Одинъ разъ, когда группа японцевъ въ нѣсколько человекъ бросилась на гребень бруствера, онъ скомандовалъ орудію стрѣлять, самъ схватилъ винтовку и на моихъ глазахъ уложилъ перваго же японца, который во весь ростъ показался на брустверѣ.

Мичманъ Витгефтъ, придя на фортъ со своими моряками въ поддержку гарнизону и, получивъ отъ меня указанія, гдѣ на брустверѣ помѣстить своихъ, онъ лично разставивъ всѣхъ моряковъ, указалъ имъ задачу, лично руководилъ бросаніемъ бомбочекъ, а въ то время, когда одна изъ пироксилиновыхъ бомбъ попала въ брустверъ и разрушила его, убивъ около 15 человекъ, когда люди оглушенные бросились съ бруствера, онъ своимъ примѣромъ, вскочилъ самъ на брустверъ, задержалъ всѣхъ, восстановилъ полный порядокъ и подъ его наблюденіемъ брустверъ былъ быстро задѣланъ.

26-го В.-С. Стрѣлковаго полка подпоручикъ Витвинскій, руководилъ по моему приказанію обороной горжи и несмотря на убійственный огонь съ редутовъ, онъ все время находился на горжѣ и даже лично указывалъ цѣли матросу, который стрѣлялъ изъ 37" пушки по японскимъ окопамъ передъ люнетомъ „Куропаткина“ и разрушилъ ихъ до основанія.

25-го В.-С. С. полка заурядъ-прапорщикъ Иванъ Колосовъ: въ то время, когда одна изъ пироксилиновыхъ бомбъ попала въ то мѣсто бруствера, гдѣ стоялъ пулеметъ и завалила его мѣшками, онъ несмотря на то, что самъ былъ придавленъ и сильно ушибленъ, быстро вскочилъ, прекративъ общее замѣшательство, приказалъ вытаскивать пулеметъ, лично помогая въ этомъ стрѣлкамъ, а пулеметчикамъ приказалъ тутъ же его чистить,

что и было исполнено, такъ что въ короткій промежутокъ времени пулеметъ былъ поставленъ на свое мѣсто и началъ опять дѣйствовать.

Командиръ 3-й роты 7-го запасного баталіона заурядъ-прапорщикъ Трофимъ Барановъ и его младшій офицеръ Михаилъ Корсуновъ, выдѣлялись своей храбростью, все время находясь на брустверѣ, руководили бросаніемъ бомбочекъ; оба ранены, отказались итти на перевязочный пунктъ, а ограничившись перевязкой фельдшера, вернулись обратно на брустверъ и ушли только тогда, когда фортъ былъ всѣми оставленъ.

Саперный офицеръ штабсъ-капитанъ Адо пришелъ на фортъ приблизительно черезъ $\frac{1}{2}$ часа по полученіи записки. Матеріалы для взрыва казематовъ были принесены на фортъ еще засвѣтло; часть фугасовъ со времени прихода штабсъ-капитана Адо уже была заложена нижними чинами и оставалось вложить только два фугаса.

Подполковникъ Глаголевъ во 2-й запискѣ пишетъ: эти выдающіеся подвиги должны быть въ памяти у каждаго. Геройское поведеніе офицеровъ дало возможность спасти гарнизонъ форта. Съ благодарностью вспоминаю память покойнаго подполковника Глаголева, приношу свою душевную благодарность коменданту форта штабсъ-капитану Кватцъ, поручику Голдину, мичману Витгефтъ, подпоручику Витвинскому, заурядъ-прапорщикамъ: Колосову, Баранову и Корсунову и саперной роты штабсъ-капитану Адо за своевременное исполненіе работъ по форту. Прошу немедля войти съ представленіемъ о награжденіи сихъ достойныхъ офицеровъ по ихъ заслугамъ. Нижнимъ чинамъ форта № II-го за всю ихъ геройскую службу объявляю мое спасибо и представить немедля по 5-ть человѣкъ на роту для награжденія знакомъ отличія военного ордена. Нынѣ мы утвердились на Куропаткинскомъ люнетѣ и положеніе наше гораздо улучшилось...“

Генераль-адъютантъ *Стессель*.

Изъ дневника.

6-го Декабря.

Утромъ былъ у казармъ 10-го полка парадъ. Днемъ неприятель обстрѣливалъ около 2 часовъ Курганную батарею. На

укрѣпленіи № 3 наша галлерей сближается съ непріятельской. На форту № 3 непріятельская работа слышна по прежнему.

Въ общемъ положеніи перемѣнъ нѣтъ, но постоянныя бомбардировки сильно разрушаютъ китайскую стѣнку и батареи. Необходимо все время исправлять, а матеріаловъ нѣтъ. Просилъ штабъ крѣпости назначить 30 двуколокъ — отказали. Просилъ полковника Григоренко — далъ только 5. Просилъ штабъ сухопутной обороны и оттуда подполковникъ Дмитревскій отвѣтилъ, что не можетъ. Тогда я заявилъ, что прекращаю всѣ работы, а въ отвѣтъ получилъ, что пришлютъ 8 двуколокъ.

Такимъ образомъ удалось набрать 13 двуколокъ. Вечеромъ въ 8 часовъ снова былъ съ докладомъ въ 10-мъ полку у генерала Фока.

Телеграмма Смирнова Куропаткину.

Неожиданное паденіе форта II-го, не вызваннаго ни временемъ, ни обстоятельствами и сданнаго помимо совѣта обороны, утвердило коменданта въ мысли, что между „генераль-адъютантомъ“ и Фокомъ состоялось соглашеніе о томъ, чтобы какъ можно скорѣе привести оборону крѣпости въ такое состояніе, которое могло-бы оправдать ея сдачу.

Убѣдившись въ этомъ, Смирновъ для того, чтобы помѣшать осуществленію этого преступнаго замысла, посылаетъ главнокомандующему слѣдующую шифрованную телеграмму:

— „Главномандующему арміями и флотомъ. 2-го декабря „убить генераль Кондратенко, исполнявшій обязанности начальника сухопутной обороны. На его мѣсто генераль-адъютантомъ „Стессель назначенъ генераль Фокъ, хотя я просилъ, чтобы генералу Фоку былъ врученъ только западный фронтъ, отъ фортовъ котораго противникъ находится еще въ верстѣ, а на себя „хотѣлъ принять, кромѣ комендантскихъ, еще непосредственно „обязанности начальника сухопутной обороны восточнаго фронта, „гдѣ на форту II, форту III и укрѣпленіи III непріятель сидитъ „на брустверахъ. Первымъ дѣломъ новаго начальника обороны „было распоряженіе, основанное на данномъ ему непосредственно „генераломъ Стесселемъ указаніи, взорвать казематы форта II и „очистить послѣдній. Сдѣлано было это помимо меня, даже объ „этомъ меня не уведомивъ и не спрашивая ни моего, ни совѣта

„обороны заключенія, вопреки выраженному ранѣ моему по
„этому предмету мнѣнію. Систематическое игнорированіе гене-
„раломъ Стессель моихъ правъ коменданта крѣпости, въ осо-
„бенности по части административной и госпитальной, практи-
„куется съ сентября мѣсяца и хотя престижъ мой подрывался
„постоянно разными распоряженіями по крѣпости помимо меня,
„но самая оборона крѣпости мало страдала вслѣдствіе полного
„согласованія съ моими взглядами начальника сухопутной обо-
„роны, начальника артиллеріи и начальника инженеровъ. Въ на-
„стоящее время, когда столь важный вопросъ, какъ сдача форта,
„рѣшенъ помимо меня, и, по моему разумѣнію, въ ущербъ дѣлу
„обороны, я прошу о подтвержденіи генералу Стесселю моихъ
„правъ коменданта крѣпости согласно положенія объ управленіи
„крѣпостями съ воспрещеніемъ вмѣшательства или же о снятіи
„съ меня всякой отвѣтственности за послѣдующую оборону крѣ-
„пости и о сложеніи съ меня обязанностей коменданта. 7 декабря
„№ 1282. Генераль-лейтенантъ Смирновъ“.

Отправляя эту телеграмму, генераль Смирновъ надѣялся,
что оборона крѣпости не успѣетъ сойти на нѣтъ до времени
полученія отвѣта, который по максимальному разсчету могъ
прійти черезъ три недѣли. Если бы отвѣтъ для коменданта по-
лучился благопріятный и оборона всецѣло перешла бы въ его
руки, то онъ, несмотря на все испорченное Фокомъ на линіи,
былъ вполнѣ увѣренъ, что паденіе крѣпости можно будетъ от-
далить до половины февраля.

Къ несчастію крѣпость послѣ отправленія приведенной де-
пеші просуществовала всего лишь двѣнадцать дней.

Изъ дневника

7-го Декабря.

„... Около 5-ти часовъ утра на укрѣпленіи № 3, капитанъ
Затурскій окончилъ забивку и взорвалъ камуфлетъ. Часть газовъ
проникла въ потерну Непріятельская работа прекратилась. Спу-
стя нѣкоторое время, ихъ работа стала слышна дальше (правѣ).
Тогда нашу галлерею стали продолжать дальше. Днемъ неприя-
тель сильно обстрѣливалъ фортъ № 3, укрѣпленіе № 3 и Кур-
ганную батарею; первые 11-дюймовыми мортирами, а батарею,
кромѣ мортиръ, еще и другими.

День въ общемъ прошелъ довольно тихо. Мы работали въ ходахъ сообщенія, углубляя ихъ, а ночью производили слѣдующія работы:

1) Продолжали постройку двухъ окоповъ на Куропаткинскомъ люнетѣ, впереди его устраивали проволочную сѣть, а сзади заложили два камуфлета. Работалъ штабсъ-капитанъ Барминъ.

2) Заложены камнеметы на Заредутной, Курганной и фугасы по укрѣпленію № 3. Работалъ поручикъ Дебагорій-Мокріевичъ.

3) Продолжали устройство пещерного блиндажа на Орлиномъ.

Утромъ генераль Горбатовскій со мной и съ полковникомъ Мехмандаровымъ осматривалъ окопы отъ Курганной и укрѣпленія № 3 до арсенала и Китайскую стѣнку промежутка между укрѣпленіемъ № 3 и фортомъ № 3. Мѣшки теперь шьемъ не только изъ холста и коленкора, но даже изъ разнаго цвѣта шерстяной и драпировочной матерій. Извѣстій съ сѣвера никакихъ. Больные прибываютъ. Цынга все развивается. Люди слабѣютъ. Сегодня отданъ приказъ по отряду о мѣрахъ, которыя необходимо принять на случай взрыва горновъ на форту № 3 или на укрѣпленіи № 3... “

Записка „генерала“ Фока о сдачѣ форта II-го.

Для полной характеристики „генерала“ Фока считаю не безинтереснымъ привести его записку, въ которой онъ оправдывается въ возводимомъ на него обвиненіи въ сдачѣ форта II-го.

Я привожу ее въ неприкосновенномъ видѣ, но считаю необходимымъ, въ интересахъ возстановленія истины, дополнить ее тѣмъ, что Фокомъ умышленно пропущено, доказать, гдѣ имъ передернуто, подтасовано, а гдѣ и прямо сказать, что Фокъ лжетъ.

Приводимая записка написана съ потугами на искренность, въ тонѣ не дѣловаго оправданія, а болтовни закоренѣлой преступницы старушки, мнящей себя очень умной, съ претензіями даже на оскорбленное чувство дѣвственной нравственности, по одряхлѣвшимъ мозгамъ которой когда то, въ дни далекой юности, скользнулъ лучъ просвѣщенія.

На лицѣ, совсѣмъ или плохо ознакомленныхъ съ той сѣтью

интригъ, которую плелъ Фокъ въ Артурѣ, съ дѣятельностью его, какъ человѣка и генерала, обстановкой и всѣми перипетіями обороны крѣпости, записка эта, пожалуй, можетъ произвести впечатлѣніе.

Таковъ ужъ складъ ума у Фока, что онъ своими длиннѣйшими разглагольствованіями прямо гипнотизируетъ лицъ, которыя не привыкли къ самостоятельному мышленію, и по своей умственной скудости, не въ состояніи реагировать на дѣйствительность. Я знаю среди артурскихъ офицеровъ много лицъ, которыя до сихъ поръ считаютъ Фока если не гениемъ, то во всякомъ случаѣ, выдающимся генераломъ.

Привожу записку Фока съ моими къ ней комментаріями.

Сдача Портъ-Артурскаго форта II-го.

„5 декабря 1905 г. съ разрѣшенія генерала Стесселя, по моему приказанію, былъ очищенъ въ Портъ-Артурѣ фортъ № 2. На другой день послѣ сдачи я имѣлъ по этому поводу разговоръ съ генераломъ Смирновымъ, который, между прочимъ, сказалъ: зачѣмъ Вы сдали фортъ, я присылалъ бы Вамъ сколько угодно людей для его защиты; у меня ихъ на довольствіи находится 30 тысячъ. Вы подорвали сдачей мой принципъ, всѣ должны знать, что у меня кто вошелъ въ фортъ, тотъ изъ него не возвратится...“

Генераль Смирновъ, говоря это, былъ совершенно правъ. Фокъ своевременно и въ достаточной степени не поддержалъ гарнизонъ форта, хотя имѣлъ для этого полную возможность. Вся защита крѣпости, въ концѣ концовъ, благодаря вполнѣ усвоенной Смирновымъ тактики Ноги, сводилась къ искусному комбинированію силъ. Только умѣлое, всегда отвѣчающее дѣйствительности, комбинированіе комендантомъ силъ гарнизона удерживало атакующаго отъ рѣшительнаго натиска и часто положительно ставило его въ тупикъ.

„...Значительно позднѣе, а именно въ комиссіи генерала Роопа, при допросѣ меня, мнѣ былъ предъявленъ, между прочимъ, такой вопросъ: приняты ли были Вами мѣры, чтобы примѣръ форта 2-го не повторялся и принципъ: гарнизонъ падаетъ вмѣстѣ съ фортомъ—болѣе не колебался?

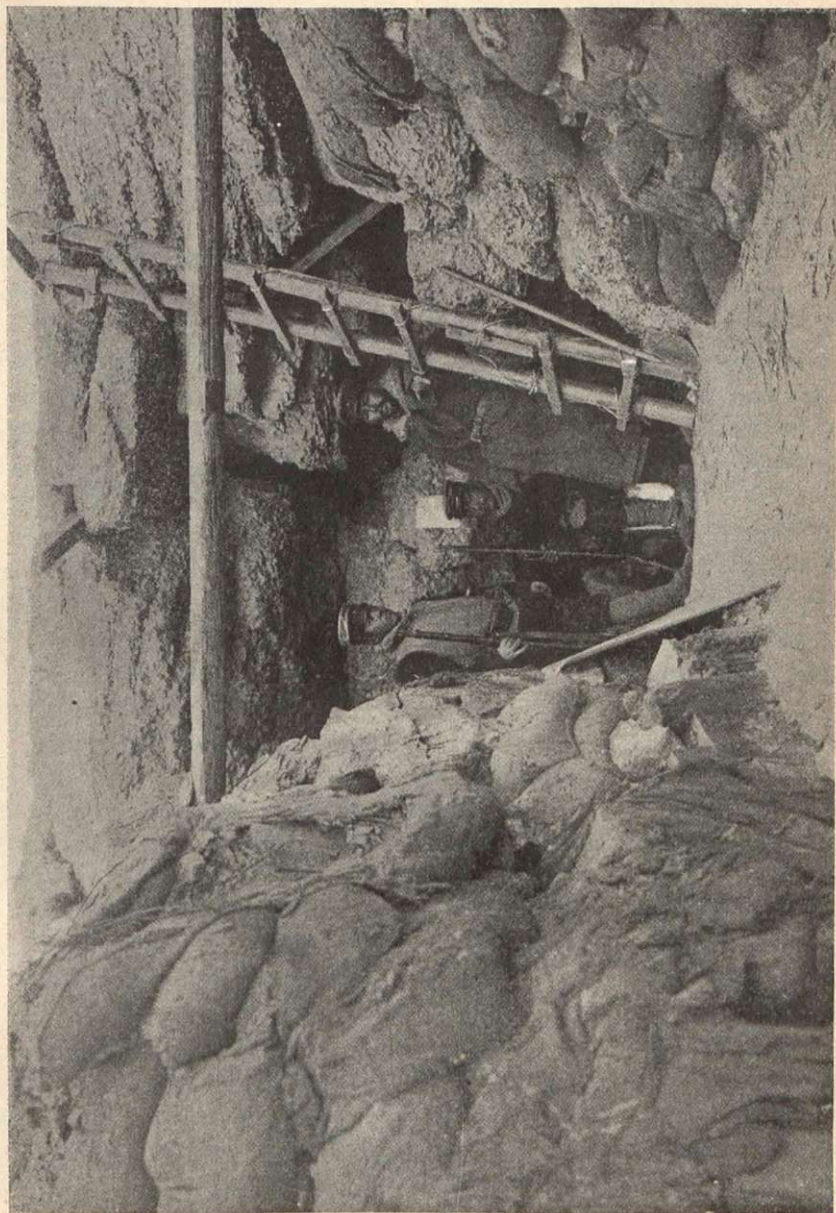
„Меня тогда крайне удивилъ этотъ вопросъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что принципъ, котораго я раньше никогда не слышалъ и котораго, какъ мнѣ извѣстно, не найти ни въ одномъ учебникѣ тактики и наставленіи для дѣйствія войскъ въ бою, былъ облеченъ комиссіей въ какой-то неоспоримый и непогрѣшимый догматъ, несоблюденіе котораго является преступленіемъ.

„Но еще болѣе меня удивило, когда я недавно прочелъ въ запискѣ, поданной генераломъ Смирновымъ военному министру, а также пущенной въ обращеніе между сановниками и литераторами, слѣдующія слова: „сдача форта расшатала въ корнѣ тотъ принципъ, что фортъ умираетъ, а не сдается, каковой принципъ съ такимъ постоянствомъ былъ внушаемъ мною и всѣми начальствующими лицами; защитники фортовъ на примѣрѣ 2-го увидѣли, что фортъ не есть святыня, которой неприцѣль можетъ завладѣть только послѣ смерти всѣхъ ея защитниковъ, а то же самое, что и обыкновенныя укрѣпленія, которыя свободно уступались непріятелю, когда на нихъ становилось трудно отстаиваться; спустя 10 дней примѣръ форта 3-го подтвердилъ этотъ фактъ.

„Только теперь, когда я ознакомился съ запиской генерала Смирнова, мнѣ становится понятнымъ вопросъ комиссіи генерала Роопа, такъ какъ трудно не усмотрѣть въ этомъ предъявленномъ мнѣ вопросѣ прямой связи со словами генерала Смирнова. А слѣдовательно и въ этомъ крайне важномъ вопросѣ, какъ и въ предыдущихъ, комиссія первоначально базировалась не на детальномъ разборѣ дѣла, а на указанной мною тенденціозной запискѣ бывшаго коменданта крѣпости Портъ-Артура...”

„Генералъ“ Фокъ, доживя до сѣдыхъ волосъ, не зналъ и неслыханно удивился, когда ему сказали, что фортъ умираетъ, а не сдается, что у знамени полка должны лечь всѣ костыми, что у орудія дерутся до послѣдняго человѣка и т. д. Фокъ этого не зналъ, онъ ни въ одномъ учебникѣ этого не читалъ.

Конечно, Фокъ этого не зналъ и не могъ знать. Сознаніе святости долга пріобрѣтается не чтеніемъ учебниковъ и всевозможныхъ наставленій. Чувство чести не пріобрѣтешь чтеніемъ „хорошаго тона“. Долгъ и честь гражданина-воина—не писанный кодексъ, а длинный, блестящій перечень великихъ подви-

Входъ въ капониръ изъ наружнаго рва форта II. Наружный ровъ съ поперечными японскими траверсами

говъ долга и чести отъ временъ далекихъ, сѣдой старины и до нашихъ дней.

На этихъ преданіяхъ, культивируемыхъ временемъ, воспитываются народы, ихъ арміи и отдѣльныя лица.

Сознаніе долга и чести не вѣдряется ученіемъ, а передается съ молокомъ матери и развивается послѣдующимъ воспитаніемъ.

Я думаю, что ни въ одной европейской арміи не найдется (я уже не говорю про японскую армію, гдѣ офицеры и генералы воспитаны на этикѣ рыцарскаго эпоса „Бусидо“) генерала, который съ такимъ цинизмомъ печатно удивился тому, что фортъ умираетъ, а не сдается.

Какъ могъ русскій генераль этого не знать? Вѣдь это признаніе ложится пятномъ на всѣхъ генераловъ русской арміи! Нѣтъ, здѣсь что нибудь не такъ. Въ неосвѣдомленности генерала Фока въ самыхъ элементарныхъ требованіяхъ воинскаго долга нужно искать болѣе глубокихъ причинъ, и причины эти есть.

Генераль Фокъ, кажется, въ Петроковѣ почти 5 лѣтъ служилъ въ корпусѣ жандармовъ, которые по своей дѣятельности, конечно, очень далеки отъ задачъ, преслѣдуемыхъ арміей. Это совершенно чуждыя другъ другу сферы. Армія для борьбы съ врагомъ внѣшнимъ, жандармы для борьбы съ врагомъ внутреннимъ. У однихъ одна этика, у другихъ другая.

Благодаря сюрпризамъ, которыми насъ такъ щедро дарилъ добрый старый режимъ, генераль Фокъ очутился опять въ строю, а затѣмъ на востокъ начальникомъ боевой, доблестной четвертой дивизіи, другомъ совѣтникомъ Стесселя и, въ сущности, единоличнымъ вершителемъ Артурскихъ судебъ.

Вотъ гдѣ, мнѣ кажется, кроются причины, почему Фоку было откровеніемъ, что фортъ умираетъ, а не сдается!

Оборона форта дѣло чисто военное, а не жандармское.

„... Окончательное обвиненіе меня въ сдачѣ форта вылилось въ слѣдующую форму:

„Въ бытность начальникомъ сухопутной обороны, генераль-лейтенантъ Фокъ приказалъ очистить фортъ № 2, не испросивъ разрѣшенія коменданта крѣпости и даже не предупредивъ его объ этомъ, въ каковомъ поступкѣ заключаются признаки „превышенія власти, предусмотрѣнные статьями 141 и 145, кн. XXII (изд. 3), С. В. П. 1869 г.“

„...Обвиненіе это формулировано очень странно. Я обвиняюсь въ превышеніи власти; между тѣмъ комиссіи безызвѣстно, что я сдалъ фортъ не самовольно, а съ разрѣшенія генерала Стесселя, который, будучи старше генерала Смирнова, своею властью назначилъ меня начальникомъ сухопутной обороны и отдавалъ мнѣ приказанія безъ всякаго посредничества генерала Смирнова. Слѣдовательно, превышенія власти съ моей стороны быть не могло...“

По точному смыслу положенія объ управленіи крѣпостями, начальникъ сухопутной обороны непосредственно подчиненъ коменданту крѣпости и сдавать форты безъ санкціи послѣдняго и совѣта обороны не имѣетъ права. Если генераль Стессель, узурпировавъ власть коменданта, вмѣшивался въ чистую оборону крѣпости и вмѣшательство это было вредно для обороны, то Фокъ, какъ честный офицеръ, не долженъ былъ исполнять этихъ приказаній хотя и исходившихъ отъ старшаго въ крѣпости начальника. Наоборотъ, всѣми зависящими отъ него мѣрами долженъ былъ обезвреживать пагубное вліяніе, какъ это въ теченіи всей своей дѣятельности проводилъ въ жизнь покойный Кондратенко.

Онъ обо всемъ совѣтовался съ комендантомъ и точно исполнялъ всѣ его приказанія.

Но дѣло въ томъ, что генераль Стессель отдавалъ всѣ приказанія подъ диктовку Фока и шага не ступалъ безъ указанія послѣдняго.

Стессель такъ мало былъ освѣдомленъ о томъ, что творится на фронтѣ, что никогда не рѣшился бы самостоятельно отдать хоть какое-нибудь приказаніе, а въ особенности, столь серьезное, какъ очищеніе перваго форта.

Фокъ умалчиваетъ объ этомъ, а тѣмъ не менѣе это такъ.

Въ сдачѣ форта II-го было много нечистаго и нечистое это—предательская дѣятельность Фока.

„...Однако, помимо этого юридическаго обвиненія, которое отпадаетъ само собой, ко мнѣ можетъ быть всякимъ предъявлено еще, такъ сказать, нравственное обвиненіе въ сдачѣ форта. Предъявленныя мнѣ въ обвиненіи статьи закона вполне могутъ быть поняты, какъ натяжки, и каждый въ правѣ подумать, не было ли чего нечистаго при оборонѣ форта и его оставленіи?

Это и заставляет меня не ограничиться только прямымъ отвѣтомъ на предъявленное обвиненіе, а поставить вопросъ прямо, т. е. могъ ли фортъ 2-й держаться или нѣтъ?

Когда я въ первый разъ предсталъ передъ комиссіей генерала Роопа, этотъ вопросъ мнѣ былъ предъявленъ ясно: „почему Вы не защищали форта и сдали его безъ боя, не дождавшись даже генерала Горбатовскаго“.

Я никакъ не ожидалъ, чтобы столь высокая, въ моихъ глазахъ, комиссія могла предъявить ко мнѣ такое обвиненіе; это такъ меня взволновало, что я не могъ отвѣчать безъ раздраженія. И какъ мнѣ было не раздражаться, когда приходилось выслушивать возмутительно несправедливыя обвиненія противъ защитниковъ форта, изъ устъ кого же? генерала Роопа, того самого генерала, слова котораго лѣтъ 20 тому назадъ были для меня и для всѣхъ насъ, строевыхъ офицеровъ, закономъ. Мы по цѣлымъ часамъ выслушивали его разборъ маневровъ, и эти часы казались намъ минутами. Теперь онъ говорилъ также хорошо, цѣдя каждое слово, и отгнѣняя его особою саркастическою улыбкою.

Теперь, когда я познакомился съ показаніями всѣхъ генераловъ, спрошенныхъ по этому дѣлу, я понимаю, что генераль Роопъ могъ быть введенъ въ заблужденіе.

Обвиненіе, возведенное генераломъ Смирновымъ на доблестныхъ защитниковъ форта, было поддержано не только всѣми генералами, не принимавшими никакого участія въ его оборонѣ и не видѣвшими ее, но даже и генераломъ Никитинымъ, которому положеніе форта было очень хорошо извѣстно; настолько хорошо, что онъ пересталъ сопровождать генерала Кондратенко по фортамъ, послѣ того какъ японцы заложили горны подъ брустверами; этому мы и обязаны, что видимъ его въ нашей средѣ.

Это не помѣшало генералу Никитину утверждать въ своемъ показаніи, что штурмъ форта можно было отбить и въ декабрѣ также, какъ отбили его въ октябрѣ.

Что же касается генерала Мехмандарова, то онъ увѣрялъ даже, что послѣ взрыва трехъ горновъ, онъ видѣлъ часовыхъ стоявшихъ у бруствера.

Генераль Ирманъ въ своихъ показаніяхъ ссылаясь на генерала Мехмандарова, такъ какъ онъ самъ былъ въ это время на западномъ фронтѣ.

Показанія всѣхъ другихъ такого же рода.

Какъ ни разнорѣчивы показанія, но всѣ сходятся въ одномъ: что гарнизонъ не исполнилъ своего долга; не вѣнчалъ воронку бруствера.

Это заслуживаетъ вниманія.

Обыкновенно вѣнчаютъ воронки атакующій; подъ Севастополемъ же наши саперы прославились тѣмъ, что сами вѣнчали неудачныя воронки атакующаго; однако эти воронки не заряжались 130 пудами пироксилина, какъ было въ фортѣ № 2...

Приплетать возведенное яко-бы обвиненіе на защитниковъ форта и этимъ парировать направленный противъ себя ударъ—это очень неудачная уловка.

Гарнизонъ форта геройски исполнилъ долгъ до конца: дрался до тѣхъ поръ, пока ему не приказали отступить. Гарнизонъ въ этой сдачѣ ровно не при чемъ, и въ защитѣ и похвалѣ Фока онъ не нуждается. Онъ сдѣлалъ все, что могъ. Если онъ до пяти часовъ не увѣнчалъ воронки, то въ этомъ виноватъ опять же Фокъ: во-первыхъ, уменьшивъ гарнизонъ, во-вторыхъ, не подведя во время поддержки.

„...Далѣе увидимъ, какъ вѣнчали эту воронку японцы.

Въ общемъ, показанія помянутыхъ генераловъ настолько фантастичны и бездоказательны, что не заслуживаютъ серьезнаго вниманія...”

Исключая, конечно, генерала Никитина, который ничего въ крѣпости не дѣлалъ и никакого касательства къ оборонѣ не имѣлъ, показанія всѣхъ генераловъ строго основаны на фактахъ. А эти генералы лица, которыя всю осаду безотлучно провели на атакованномъ фронтѣ.

Но это честные генералы, имена которыхъ составляютъ гордость арміи, и поэтому, по мнѣнію Фока, показанія ихъ не заслуживаютъ вниманія.

„...Совершенно другого рода показанія генерала Горбатовскаго.

Согласно показанію его, въ 11 часовъ ночи, онъ подъѣзжаетъ къ форту 2-му и видитъ, что оттуда идутъ люди; онъ гонитъ ихъ назадъ, зоветъ коменданта штабсъ-капитана Кватцъ, грозитъ ему судомъ за самовольное очищеніе форта и только тутъ узнаетъ, что фортъ очищенъ по моему приказанію.

Показанію генерала Горбатовскаго дается вѣра и вѣроятно на немъ строится обвиненіе. И какъ такому показанію не дать

вѣры; это показываетъ генераль — начальникъ обороны восточнаго фронта.

Судя по этому показанію, можно подумать, что очищеніе форта было для генерала Горбатовскаго полной неожиданностью, что онъ видѣлъ въ немъ преступленіе и что, будь онъ на фортѣ, послѣдній очищенъ не былъ бы. Возражать противъ этого показанія генерала Горбатовскаго и увѣрять, что очищеніе форта 2-го для послѣдняго не было неожиданностью, я бы не могъ, мнѣ все равно не повѣрили бы. Но къ моему счастью, военный слѣдователь дѣйств. тайный сов. Быковъ не ловилъ меня при допросѣ на словахъ и не скрывалъ документовъ. Я попросилъ у него разрѣшенія просмотрѣть телефонограммы, относящіяся къ этому періоду. Просьба моя была уважена; просматривая поданную мнѣ пачку телефонограммъ, я наткнулся на одну, объ которой совершенно забылъ; вѣроятно забылъ объ ней и генераль Горбатовскій.

Телефонограмма эта снимаетъ возводимое на меня обвиненіе генерала Горбатовскаго и нѣсколько иначе освѣщаетъ участіе послѣдняго въ сдачѣ форта. Вотъ этотъ документъ:

Телефонограмма генерала Горбатовскаго въ штабъ сухопутной обороны отъ 5 декабря 9 час. 35 мин. вечера.

„Съ форта № 2 доносятъ, что тамъ большія потери отъ разрывныхъ минъ, бросаемыхъ непріателемъ. Брустверь занятъ намъ не удалось. Поэтому я полагаю воспользоваться полученнымъ разрѣшеніемъ взорвать казематы форта и приказалъ гарнизону держаться до тѣхъ поръ, пока наши минеры не окончатъ своей работы. Самъ ѣду сейчасъ къ полковнику Глаголеву, чтобы на мѣстѣ отдать необходимыя распоряженія.

Для предупрежденія могущихъ быть неожиданностей при очищеніи форта прошу временно, пока не установится по очищеніи форта новый порядокъ вещей, выдвинуть къ питательному погребу одну роту изъ комендантскаго резерва.

Генераль Фокъ вполне согласенъ съ мнѣніемъ Вашего Превосходительства относительно форта 2-го и проситъ только Вашего распоряженія о возможно энергичномъ восстановленіи разрушеній, произведенныхъ японскими снарядами на Куропаткинскомъ люнетѣ“.

Слѣдовательно въ 9 час. 35 мин. генераль Горбатовскій не только не противился сдачѣ форта, но самъ отдалъ приказаніе

его очистить, а въ 11 часовъ пришелъ отъ своего же приказанія въ ужасъ и нашелъ въ немъ признаки преступленія, караемаго судомъ.

Я надѣюсь, что изученіе всѣхъ документовъ, приложенныхъ къ слѣдственному дѣлу, подобно вышеуказанному, снимутъ съ меня въ глазахъ каждаго всѣ обвиненія, предъявленные мнѣ комиссіею генерала Роопа...“

Совершенно вѣрно! Генераломъ Горбатовскимъ была послана эта телефонограмма но только послѣ того, какъ получена была отъ Фока телефонограмма въ 7 час. 40 мин. вечера слѣдующаго содержанія:

— „Генераль Стессель приказалъ немедленно минировать казематы форта № 2 и затѣмъ, если японцы сами не отойдутъ отъ форта, т. е. съ бруствера, то гарнизонъ отвести изъ форта и взорвать казематы. Не давать утвердиться японцамъ на брустверѣ обстрѣливая его изъ орудій и изъ минныхъ аппаратовъ. Ввиду доклада капитана Степанова о томъ, что передъ закатомъ солнца онъ лично съ полковникомъ Мехмандаровымъ съ Большого Орлинаго Гнѣзда видѣлъ на брустверѣ форта № 2 только одного японскаго офицера и 3 нижнихъ чиновъ, укладывавшихъ мѣшки, предоставляю вашему превосходительству, держать фортъ покуда найдете это необходимымъ. Генераль Стессель отдавая распоряженіе по моему докладу, принялъ такое рѣшеніе только потому, что полагалъ, что другого исхода при нынѣшнихъ обстоятельствахъ нѣтъ. На закатѣ солнца пришелъ ко мнѣ матросъ и доложилъ, что взрывомъ мины брошенной японцами выбило у насъ изъ строя 15 человѣкъ и разметало мѣшки“

Генераль лейтенантъ *Фокъ*.

Передалъ подполковникъ *Дмитревскій*.

5-го декабря 7 час. 40 мин. веч.

Беллетристика, а не точное приказаніе. Изъ нея какъ видитъ читатель, ровно ничего нельзя понять, какъ далѣе предполагать дѣйствовать Фокъ, что онъ хочетъ предпринять. Зная же по опыту, что отъ него можно ожидать всевозможныхъ несуразныхъ неожиданностей, и убѣдившись въ томъ, что Фокъ еще днемъ, непосредственно послѣ взрыва горновъ, махнулъ на фортъ рукой, Горбатовскій рѣшилъ принять всѣ мѣры къ планомѣрному очищенію форта и предотвратить возможную панику

и прорывъ; только поэтому послалъ приведенную Фокомъ телефонограмму, но приказа объ очищеніи форта не давалъ.

Въ отвѣтъ на нее Горбатовскій получаетъ слѣдующую:

— „Генералъ Фокъ вполне согласенъ съ мнѣніемъ вашего превосходительства относительно форта II-го и проситъ только вашего распоряженія о возможно энергичномъ возстановленіи разрушеній произведенныхъ японскими снарядами на Куропаткинскомъ люнетѣ“.

Подполковникъ *Дмитревскій*.

5 декабря 1904 г. въ 9 час. 40 мин. вечера.

Непосредственно за ней поступаетъ слѣдующая;

— „Начальникъ сухопутной обороны генералъ Фокъ проситъ сейчасъ же начать уборку съ форта 2 патроновъ, снарядовъ и вообще всѣхъ вещей, а также уничтожить рельсовый мостъ.“

Поручикъ *Кондрашевъ*.

5 декабря 1904 г. 9 час. 45 мин. вечера.

Когда получились эти телефонограммы, генералъ Горбатовскій выѣхалъ на фортъ II-ой, гдѣ уже получилось распоряженіе Фока „фортъ очистить“. Последнее началось до времени прибытія туда генерала Горбатовскаго. Генералъ же Горбатовскій ѣхалъ съ цѣлью на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ обороны и, подъѣзжая къ нему, послѣ 11 часовъ встрѣтилъ отступавшій гарнизонъ. Для него это было такой неожиданностью, что онъ обрушился на штабсъ-капитана Кватца, грозя ему судомъ за самовольное очищеніе форта. Штабсъ-капитанъ Кватцъ доложилъ, что фортъ очищенъ согласно приказанію генерала Фока.

„... Однако, чтобы дать болѣе рельефное представленіе о ходѣ всего дѣла, я рѣшаюсь описать бой такъ, какъ я его видѣлъ и какое я о немъ составилъ представленіе.“

Описаніе боя за фортъ 2-й мною было представлено, кажется, еще въ мартѣ въ комиссію генерала Роопа, но на это описаніе посмотрѣли какъ на чистую ложь...”

Къ сожалѣнію, истинное положеніе вещей при очищеніи форта II-го заставляетъ непреложно убѣдиться, что комиссія генерала Роопа совершенно правильно посмотрѣла на показаніе Фока, какъ на искреннюю ложь.

„...По словамъ генерала Смирнова, я такъ деморализовалъ нижнихъ чиновъ „что 5 декабря, когда послѣдовалъ на брустверъ форта № 2 взрывъ горна, не нашлось у насъ охотниковъ вѣнчать воронку“.

Прямо обидно не за себя, а за доблестныхъ защитниковъ форта, читать подобное злословіе генерала Смирнова; за кого принимаетъ онъ коменданта форта штабсъ-капитана Кватца и гарнизонъ?

Если было бы надо, чтобы гарнизонъ былъ на валу, то шт.-капитанъ Кватцъ не сталъ бы въ эту ужасную критическую минуту искать охотниковъ вѣнчать воронку, а крикнулъ бы: „за мной впередъ“, и всѣ бы ринулись за нимъ. Но очевидно, что это было совершенно неумѣстно.

Какъ я говорилъ выше, мои показанія о гибели форта считались многими преднамѣренной ложью, и больше вѣры придавали показаніямъ генерала Мехмандарова, видѣвшаго человѣка на валу послѣ взрыва, и тому подобнымъ...“

Говорить о томъ, что Фокъ совершенно деморализовалъ гарнизонъ, это было бы повтореніемъ предыдущаго; въ Артурѣ въ этомъ никто не сомнѣвался.

Напрасно Фокъ обижается за гарнизонъ. Рѣчь идетъ о немъ. Доблесть гарнизона никто не отрицаетъ. Умѣстно или неумѣстно было Кватцу броситься впередъ и увлечь за собой людей для вѣнчанія воронки, это остается на совѣсти капитана Кватца. Дѣло требовало большаго присутствія духа, а гарнизонъ былъ деморализованъ.

„...За взрывомъ, имѣвшемъ мѣсто въ 12 часовъ дня, посыпался градъ снарядовъ на весь фортъ. Наши бросились къ ретраншементу и заняли его. Этимъ своевременнымъ занятіемъ ретраншемента я объясняю себѣ гибель японскихъ охотниковъ. Японскіе охотники, вскочивъ на брустверъ и увидя, что наши готовы ихъ встрѣтить, запнулись на одну минуту и этого достаточно было для ихъ гибели; они были погребены подъ глыбами взрыва. Вмѣстѣ съ тѣмъ японскія батареи открыли огонь по всѣмъ прилежающимъ батареямъ. Когда наши батареи прекратили огонь, цѣлые японскіе полки бросились на брустверъ, но картечью и ружейнымъ огнемъ они были отбиты, только нѣсколько человѣкъ зашло въ воронкахъ и оттуда стали кидать бомбочки и въ то же время съ гласиса форта стали кидать морскія мины и бомбы съ капонира № 2...“

47 м.м. морское орудіе на Куропаткинскомъ люнетѣ.

Повѣствованіе о бросившихся цѣлыхъ японскихъ полкахъ, то это изъ области чистой фантазіи генерала Фока, сидѣвшаго въ это время за пять верстъ отъ мѣста боя. Г. Норригардъ, наблюдавшій непосредственно за этимъ штурмомъ, свидѣтельствуешь, что, съ гибелью подъ обломками взрывовъ первой партіи охотниковъ и страшнаго огня нашихъ батарей, японцы вплоть до вечера не штурмовали форта, а занялись очисткой отъ обломковъ подступовъ къ форту.

„...Наличный гарнизонъ былъ почти весь уничтоженъ; тогда былъ посланъ въ фортъ резервъ, состоящій изъ моряковъ. Жалѣю, что не могу сказать, какой это былъ экипажъ и съ какими онъ былъ офицерами; одно могу сказать, что всѣ отъ перваго до послѣдняго были героями. Морякамъ надо было пройти съ китайской стѣнки чрезъ Куропаткинскій люнетъ.

Но, что въ это время представлялъ изъ себя Куропаткинскій люнетъ?

Камни, доски, мѣшки, трупы завалили траншеи; у входа сообщенія съ фортомъ № II отъ бруствера не осталось и слѣда. И вотъ люди этого экипажа бѣгутъ сначала по траншеѣ, потомъ, видя что они завалены, выскакиваютъ изъ нихъ вправо—влѣво и бѣгутъ открыто, офицеры впереди и все это подъ ужаснымъ огнемъ. Подбѣгаютъ къ входу сообщенія—онъ сплошь набитъ ранеными и убитыми; бѣгутъ внизъ, прямо въ рассыпную, подбѣгаютъ ко рву, часть бѣжитъ по мостику, другая спускается въ ровъ, скача съ глыбу на глыбу, наполнившій ровъ.

Глыбы эти образовали 11-ти дюймовыя бомбы.

Люди прибѣжали въ фортъ № II вовремя, чтобы пополнить ряды порѣдѣвшихъ защитниковъ, и тотчасъ же 17 человекъ изъ этихъ матросовъ были вынесены одною миною.

Съ прибытіемъ экипажа можно было быть спокойнымъ, что фортъ японцы скоро не возьмутъ. Стало темнѣть, крики „бан-зай“ стали чаще раздаваться, наконецъ, они обратились въ одинъ почти непрерывный ревъ.

Раненые стали приходить рѣже, но зато стали рассказывать ужасы.

Изъ ихъ рассказовъ я заключилъ, какъ трудно перейти ровъ и что немногимъ это удастся, а потому, опасаясь, что сообщеніе будетъ совсѣмъ прекращено, я просилъ прислать

бамбуковыя лѣстницы, взятые у японцевъ, кажется 13 ноября, на третьемъ форту по отбитіи атаки.

Положеніе гарнизона становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. Чтобы послать какое-либо приказаніе, надо было вызывать охотниковъ; выполнявшій порученіе жаловался Георгіевскимъ крестомъ. Мнѣ и всѣмъ присутствующимъ становилось ясно, что при такихъ условіяхъ фортъ уже держать нельзя, а потому я считалъ своимъ долгомъ вывести ночью остатки столь доблестнаго гарнизона. Я доложилъ генералу Стесселю о положеніи гарнизона и состояніи форта и просилъ въ то же время разрѣшить очистить фортъ, на что и получилъ разрѣшеніе.

Послѣ чего я отдалъ приказаніе подполковнику Глаголеву фортъ держать, а ночью вынести все, что можно, особенно продукты, затѣмъ вывести гарнизонъ и взорвать фортъ. Все это сдѣлать до 2-хъ часовъ ночи.

Въ 11^{1/2} часовъ гарнизонъ очистилъ фортъ и отошелъ на Куропаткинскій люнетъ послѣ четырехмѣсячной обороны, при чемъ японцы уже въ октябрѣ овладѣли капониромъ и сидѣли во рвѣ. Въ военной исторіи немного примѣровъ такой упорной и продолжительной обороны.

На другой день генералъ Смирновъ имѣлъ со мной вышеприведенный разговоръ: „зачѣмъ Вы сдали фортъ? Я присылалъ бы Вамъ сколько угодно людей, у меня ихъ на довольствіи 30 тысячъ. Вы подорвали мой принципъ, всѣ должны знать, что у меня кто вошелъ въ фортъ, тотъ изъ него не возвратится“.

На это я ему отвѣтилъ: „мнѣ Вашихъ людей не надо было, они меня только бы стѣснили“. Генерала Смирнова этотъ отвѣтъ удивилъ и онъ спросилъ—„почему“?—„а потому“, отвѣтилъ я, „что солдаты просто бы не пошли и что тогда бы я подѣлалъ? А не пошли бы потому, что идти нельзя было“. — „Да, Ваши стрѣлки смерды и бѣгунцы“, возразилъ онъ и пошелъ говорить на эту тему, какъ всегда говорилъ. Я ему привелъ нѣсколько примѣровъ изъ исторіи, въ томъ числѣ сослался на Аустерлицъ, что такъ всегда было и будетъ и закончилъ, сказавъ: „жаль, что у Васъ въ Академіи не читають психологію...“

Никто не оспариваетъ, что положеніе форта было тяжелое. Но таковы уже условія войны, вѣдь не розами усыпается боевой путь къ славѣ!

Разъ положеніе было тяжелое, необходимо было усилить

гарнизонъ, чего Фокомъ сдѣлано не было. Онъ днемъ уже рѣшилъ, что удерживать фортъ не слѣдуетъ, и только поэтому сдалъ его. Это входило въ его планъ: привести оборону въ такое состояніе, которымъ можно было оправдать сдачу крѣпости. Это мнѣніе всѣхъ дѣйствительно выдающихся защитниковъ сѣверо-восточнаго фронта.

Разсказывая о своемъ разговорѣ со Смирновымъ, Фокъ все извращаетъ. Мною въ предыдущей главѣ подробно изложена эта оригинальная бесѣда.

Затронувъ вопросъ о психологіи, крайне интересно знать, какую психологію подразумѣвалъ Фокъ: психологію жандарма или психологію воина?

Смирновъ дѣйствительно, въ строго интимной бесѣдѣ иногда называлъ нижнихъ чиновъ „бѣгунцами“, но онъ далекъ былъ отъ мысли, что войска могутъ оказать неповиновеніе. Фразой своей: „что солдаты просто бы не пошли и что тогда бы я подѣлалъ“, Фокъ самолично и, конечно, нечаянно росписывается въ томъ, въ чемъ его обвиняютъ—деморализаціи гарнизона. При жизни Кондратенко объ этомъ не было и намека.

„...Послѣ этого разговора я убѣдился, что генерала Смирнова нельзя въ этомъ убѣдить по той простой причинѣ, что онъ, какъ и полковникъ Хвостовъ, смотритъ на всѣхъ не генераловъ и не офицеровъ генеральнаго штаба, какъ наши прабабушки смотрѣли на своихъ крѣпостныхъ дѣвокъ...“

Что хотѣлъ сказать этимъ генераль Фокъ, я положительно не знаю.

„...Прабабушки говорили и вѣрили, что Палашка не можетъ любить.“

Такъ генераль Смирновъ и полковникъ З. думаютъ, что солдату совершенно недоступно чувство самосохраненія, а если у кого оно есть, то незаконно, а потому съ нимъ считается нечего. Даръ самосохраненія присущъ, по ихъ мнѣнію, только генераламъ и офицерамъ генеральнаго штаба, а потому ихъ право о немъ позаботиться.

Полковникъ З. уразумѣлъ эту истину и повѣдалъ о ней генералу Н. въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Офицеры генеральнаго штаба дорого обходятся государству, а потому они должны беречь свою жизнь.“

Отвратительно цинично звучитъ эта часть записки. Прежде всего отвратительна она тѣмъ, что Фокъ лжетъ, и лжетъ нагло. Проявляя на каждомъ шагу свою трусость, онъ, не стѣсняясь, бросаетъ это обвиненіе Смирнову, съ которымъ я безконечное число разъ былъ по долгу въ огнѣ, что нелицепріятно могутъ подтвердить всѣ.

„... Теперь остановлюсь на словахъ генерала Смирнова, а именно, на слѣдующихъ словахъ: „Оно расшатало въ корень тотъ принципъ, каковой съ такимъ постоянствомъ былъ внушаемъ мною“.

Изъ этихъ словъ прежде всего видно, что генераль Стессель уже не такъ стѣснялъ генерала Смирнова, какъ онъ на то жалуется, когда это ему выгодно. Далѣе, каждому, кто пробылъ осадѣ въ Артурѣ, было бы любопытно узнать, какимъ способомъ генераль Смирновъ внушалъ свой столь строгій принципъ. Принципы можно внушать приказами, рѣчами и примѣрами. Но приказами генераль Смирновъ не злоупотреблялъ: они главнымъ образомъ заполнялись переводами сестеръ милосердія изъ одного госпиталя въ другой. Да и хорошо онъ дѣлалъ: писать такіе приказы могутъ только вожди, извѣстные войскамъ, каковы были царь Петръ, Суворовъ, Наполеонъ.

Рѣчами генераль Смирновъ тоже не злоупотреблялъ, да гдѣ, когда и передъ кѣмъ ихъ говорить? Церковные парады были рѣдки, да и представителей отъ частей человѣкъ 20—30 на полкъ. Для человѣка новаго, никому неизвѣстнаго, каковымъ былъ для Артура генераль Смирновъ, оставался только одинъ способъ— „примѣръ“. Но это способъ старый и непригодность его уже доказали Густавъ Адольфъ, Нахимовъ, Корниловъ, Истоминъ, и потому этотъ способъ генерала Смирнова не увлекалъ.

Все это свидѣтельствуетъ, что генераль Смирновъ не проводилъ принципъ: „гарнизонъ падаетъ вмѣстѣ съ фортомъ“ въ рядахъ Артурскаго гарнизона. Но одно несомнѣнно, что онъ оповѣстилъ о немъ будущія поколѣнія чрезъ комиссію генерала Роопа...“

Совершенно правильно, что генераль Смирновъ не злоупотреблялъ рѣчами: онъ вмѣстѣ съ Кондратенко работалъ надъ созданіемъ крѣпости и ея обороной въ то время, когда генераль Стессель ораторствовалъ на церковныхъ парадахъ и писалъ подъ диктовку Фока и Никитина длиннѣйшіе приказы и всеподдан-

нѣйшія телеграммы, въ которыхъ самымъ возмутительнѣйшимъ образомъ извращалась истина.

Принципъ же, что фортъ умираетъ, а не сдается, не проводился въ приказахъ, такъ какъ онъ отлично сознавался всѣми честными офицерами. Объ этомъ не могло быть двухъ мнѣній. Генералы, Смирновъ, Кондратенко, Горбатовскій, Ирманъ, Третьяковъ, стоя во главѣ войскъ оборонявшихъ Артуръ, примѣромъ своей неустрашимости, отстаивая каждую пядь ввѣренной имъ земли Артура—примѣромъ, а не словами, поддерживали этотъ непонятный и безразсудный, по мнѣнію Фока, принципъ.

Послѣдующія поколѣнія черезъ комиссію генераль-адъютанта Роопа дѣйствительно узнаютъ, что артурскій гарнизонъ неуклонно проводилъ въ жизнь этотъ принципъ, поливая кровью и усыпая костями ввѣренные ему форты, но вмѣстѣ съ тѣмъ они узнаютъ, что Фокъ для Артура былъ злымъ геніемъ.

„...Ссылка на фортъ III-й мнѣ напоминаетъ поученіе изъ одной басни дѣдушки Крылова: „Иванъ киваетъ на Петра“ Генераль Смирновъ упрекаетъ гарнизонъ III-го форта въ томъ, что онъ не поспѣшилъ выйти изъ каземата по взрывѣ напольнаго вала, хотя я и всѣ бывшіе на Большомъ Орлиномъ Гнѣздѣ видѣли, что много защитниковъ форта дрались долго бомбочками и камнями на ретраншементѣ.

Но кого онъ будетъ обвинять, что онъ самъ не только не спѣшилъ, но вовсе не вылѣзалъ изъ своей квартиры, когда взрывали фортъ III-й, укрѣпленіе III-е и штурмовали китайскую стѣнку, Скалистый хребтикъ и Большое Орлиное Гнѣздо. И это несмотря на то, что онъ уже въ оборонѣ форта № II-го усмотрѣлъ измѣну съ моей стороны, о чемъ оповѣстилъ въ своей докладной запискѣ. А то, что онъ не вылѣзалъ и былъ чуждъ войскамъ, можетъ свидѣтельствовать слѣдующій фактъ. Когда японцы, послѣ сдачи, принимали гарнизонъ у V-го форта, пріѣхалъ туда генераль Смирновъ и сталъ здороваться съ солдатами. На привѣтствіе его: „здорово, родные“ — одни кричали: „откуда ты родненькій прибылъ?“ а другіе спрашивали своихъ офицеровъ: „кто этотъ генераль?“ Большинство офицеровъ тоже въ первый разъ видѣли генерала Смирнова, а потому отвѣчали: „не знаю, подождите, справлюсь“, и только послѣ справки у счастливецъ, которымъ удавалось видѣть генерала, объявляли солдатамъ, что это комендантъ крѣпости генераль Смирновъ...”

Фокъ, преступный Фокъ, обвиняетъ Смирнова, что тотъ якобы не вылъзалъ изъ своей квартиры и былъ чуждъ войскамъ!

На протяженіи повѣствованія всѣхъ моихъ трехъ книгъ, я фактами доказываю, кѣмъ былъ для крѣпости Смирновъ, что имъ было сдѣлано для обороны крѣпости и какъ на каждомъ шагу ему мѣшали защищать ее.

Въ предыдущихъ главахъ я, по мѣрѣ силъ, старался возможно ярче и правдивѣе нарисовать картину той безнадежной обстановки, въ которую былъ поставленъ Смирновъ.

Фокъ, очутившись начальникомъ обороны, явился въ дѣйствительности полновластнымъ хозяиномъ крѣпости. Стессель уже безпрекословно подчинялся ему, и комендантъ былъ игнорируемъ въ полной мѣрѣ.

Смирновъ, пославъ телеграмму главнокомандующему, ожидалъ отвѣта. До его полученія онъ безсиленъ былъ (безъ власти) что-либо предпринять и, какъ разумный человѣкъ, не могъ портить уже испорченное.

Но приди отвѣтъ и отвѣтъ для коменданта благоприятный, Смирновъ круто повернулъ бы все по своему.

О! Смирновъ, облеченный властью сумѣлъ бы спасти вѣнецъ славы Артура.

Въ Россію, быть можетъ, не вернулось столько здоровыхъ, столько калѣкъ, въ арміи не блистало столько артурскихъ орденовъ, увеличилось бы число вдовъ и сиротъ, не было бы коммисіи Роопа, верховный народный судъ судилъ бы высшихъ творцовъ проигранной кампаніи, но за то Артуръ бы не сдался, а палъ!

Россія и міръ преклонились бы передъ величіемъ конца великой обороны, и въ исторіи всѣхъ временъ и народовъ надъ Артуромъ горѣлъ бы неугасаемый вѣнецъ славы!

Фокъ инсинуируетъ по поводу того, что Смирнова многіе въ первый разъ видѣли, и старается этимъ доказать, что комендантъ нигдѣ не бывалъ и ничего не дѣлалъ. Онъ смакуетъ дерзкіе отвѣты нижнихъ чиновъ послѣ капитуляціи, но не рассказываетъ о томъ, какъ встрѣчали его и Стесселя солдаты. Онъ вѣрно забылъ, что гдѣ только онъ и Стессель ни появлялись (кстати, оба ѣздили по городу съ конвоемъ, Смирновъ же безъ конвоя), нижніе чины и раненые кричали:

— „А, мерзавцы, сидѣли все время въ блиндажахъ, а какъ плохо пришлось—продали и насъ и крѣпость японцамъ! Подождите, мы до васъ доберемся!“

Онъ забылъ это, забылъ, какъ они молча удирали отъ возбужденной толпы.

„...Теперь мнѣ повѣрятъ, если я скажу, что въ Артурѣ никто не вѣдалъ упомянутого выше принципа и никто не слышалъ его отъ генерала Смирнова; только одинъ я слышалъ его, а грозный смыслъ его мнѣ повѣдали въ комиссії генерала Роопа, ужъ въ очень обидной для меня метафорѣ: „приняты ли были вами мѣры, чтобы примѣръ форта № 2 не повторялся и принципъ: гарнизонъ падаетъ вмѣстѣ съ фортомъ—болѣе не колебался“? Я сразу понялъ, что чудную оборону низвели на простое предательство и стали издѣваться надо мною. Развѣ это не издѣвательство, спросятъ меня: „приняты ли были вами мѣры, чтобы примѣръ форта 2-го не повторялся“? Вѣдь комиссії было извѣстно, что гарнизонъ оставилъ фортъ не самовольно, а по моему приказанію.

На это оскорбленіе, я отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ: „мною никакихъ мѣръ не было принято и не могло быть принято, такъ какъ фортъ 2-й былъ очищенъ по моему приказанію; значить, мнѣ надо было принять мѣры противъ себя, что очень хитро. Оборonoю форта я доволенъ и ею горжусь, это одна изъ блестящихъ страницъ обороны, которая будетъ поставлена въ образецъ, въ этой оборонѣ проведенъ принципъ, что солдаты никогда не оставляютъ поста безъ приказанія, а начальникъ, стоя на стражѣ, не даетъ никому пропасть напрасно“.

Это я писалъ въ февралѣ или въ мартѣ, когда у насъ еще не появлялись переводы сочиненій англійскихъ авторовъ объ осадѣ Артура.

Мое описаніе боя нисколько не расходится съ описаніями Норригарда и Джемса¹⁾, и это понятно, такъ какъ я писалъ только то, что прошло передъ моими глазами, а иностранцы писали только то, что слышали отъ пережившихъ всѣ ужасы этого боя.

Мнѣ не повѣрили, такъ какъ у насъ хотѣли и хотятъ еще и теперь вѣрить тѣмъ, кто отрекся отъ славы Артура. А такъ

¹⁾ „Осада Портъ-Артура“. Д. Джемсъ. Переводъ съ англійскаго, капитановъ фонъ-Шварца и Романовскаго. „Военный Сборникъ“, 1906 г., № 11.

какъ таковыми оказались только генералы, то только ихъ комиссія и спрашивала...“

Во-первыхъ, все, что пишетъ объ оборонѣ Фокъ, онъ пишетъ исключительно со словъ англійскихъ корреспондентовъ, такъ какъ до 5 декабря онъ былъ не у дѣлъ, а съ 5-го декабря тоже продолжалъ сидѣть у себя дома, изрѣдка навѣщая въ самыхъ безопасныхъ мѣстахъ атакованный фронтъ; и поэтому ничего не проходило передъ его глазами.

Во-вторыхъ, Фокъ, Фокъ оскорбляется предложеннымъ ему въ комиссіи вопросомъ: „приняты ли были вами мѣры, чтобы примѣръ форта № 2 не повторялся и принципъ: гарнизонъ падаетъ вмѣстѣ съ фортомъ — болѣе не колебался!? Онъ гордо отвѣчаетъ, что никакихъ мѣръ имъ принято не было и что въ оборонѣ форта онъ провелъ принципъ: „солдаты никогда не оставляютъ поста безъ приказанія, а начальникъ, стоя на стражѣ, не даетъ никому пропасть даромъ“.

Проводить этотъ принципъ въ полевой войнѣ, гдѣ съ такимъ совершенствомъ проводилъ его Фокъ въ районѣ, еще можно и, пожалуй, даже должно. Но въ крѣпостной войнѣ, когда противникъ насѣдаетъ на основную оборонительную линію, когда онъ штурмуетъ форты, когда паденіе одного форта (въ Артурѣ) влекло паденіе другихъ и грозило большими осложненіями, когда отступать дѣйствительно было уже почти некуда (осталась третья линія обороны, созданная Смирновымъ и въ полной мѣрѣ игнорируемая Фокомъ), фортъ долженъ дѣйствительно умирать, а не сдаваться: этимъ поддерживается духъ въ другихъ фортахъ и стойкость ихъ удесятируется.

Не о солдатахъ заботился Фокъ, а о своемъ грядущемъ благополучіи.

„...Возвращаясь къ оспариванію принципа генерала Смирнова.

Принципъ этотъ можно проводить не въ жизни, а на юношескихъ скамейкахъ — тамъ ему мѣсто, а разъ это принципъ, кто бы попробовалъ провести въ жизнь на войнѣ, то войска, даже самыя храбрыя, послѣ перваго же дѣла отказались бы ему повиноваться. Чѣмъ чловѣкъ разумнѣе, чѣмъ онъ храбрѣе, тѣмъ онъ желаетъ дороже продать свою жизнь.

Генераль Смирновъ позволялъ себѣ, сидя въ своемъ кабинетѣ, называть войска „бѣгунцами и смердами“ за то, что они, на его приказаніе изъ кабинета, не сидѣли въ разрушенныхъ

ложементахъ, а бѣжали въ цѣлые ложементы и продолжали драться. Теперь только тотъ начальникъ будетъ имѣть цѣну въ глазахъ солдата и офицера, который внушитъ имъ вѣру въ себя, что онъ не дастъ никому погибнуть даромъ. Солдатъ не требуетъ отъ начальника, чтобы тотъ непременно лѣзъ впередъ. У насъ въ Артурѣ былъ полковникъ, нынѣ генералъ, удивительной храбрости, но цѣна ему въ глазахъ солдата и офицера была далеко ниже его храбрости. Но Боже упаси, чтобы солдаты и офицеры узнали, что генералъ жизнью ихъ распоряжается ради принципа, даже такого красиваго, какъ тотъ, за который я теперь долженъ держать отвѣтъ.

Принципъ—„гарнизонъ падаетъ вмѣстѣ съ фортомъ“ заслуживаетъ быть разобраннѣмъ, чтобы взглядъ на него въ нашей средѣ хотя въ главныхъ основаніяхъ своихъ былъ установленъ въ томъ или другомъ смыслѣ, чтобы знать, какъ же дѣйствовать въ слѣдующую войну.

Конечно, не мнѣ устанавливать тѣ или другіе взгляды на эти принципы, но для меня было бы уже много, если бы мой починъ заслужилъ вниманія. А если бы установили тотъ или другой взглядъ, то тѣмъ бы избавили въ будущемъ начальника, въ моемъ положеніи находившагося, отъ ужаса переживать тѣ муки, которыя мнѣ приходилось пережить, слушая укоры, ко мнѣ относящіяся, отъ столь высокой комиссіи, а равно укоры, относящіяся къ беззавѣтнымъ исполнителямъ своего долга—защитникамъ форта. Я признаю, что этимъ принципомъ мой образъ дѣйствій осужденъ, но я все-таки надѣюсь оправдаться.

Это оправданіе я вижу въ томъ, что принципъ этотъ возвѣщенъ генераломъ Смирновымъ, но не Суворовымъ, не царемъ Петромъ, природа которыхъ не выносила ничего отвлеченнаго.

Умозрительные принципы появились у насъ вмѣстѣ съ генералами, дѣятельность которыхъ въ послѣдней кампаніи такъ мѣтко охарактеризовалъ одинъ пластунскій подполковникъ въ собраніи арміи и флота, дѣлая нѣкоторыя возраженія на сообщеніе генеральнаго штаба подполковника Галкина: „при чемъ тутъ командующій и главнокомандующій; во всемъ виноваты мы сами: гдѣ былъ генералъ, тамъ не было солдата, а гдѣ былъ солдатъ, тамъ не было генерала.“

Вотъ эти-то самые генералы и есть носители и творцы принциповъ, подобныхъ тому, который возвѣщалъ генералъ

Смирновъ. Не таковы были генералы въ японской арміи. Тамъ, правда, главнокомандующіе и командующіе арміями какъ Ояма, Ноги и другіе не командовали ротами и баталіонами, но зато подчиненные имъ генералы находились въ головѣ своихъ войскъ и сплошь и рядомъ водили въ атаку даже охотничьи команды, чему въ Артурѣ мы были свидѣтелями неоднократно. Обращаю на это вниманіе потому, что когда я говорилъ о томъ, что японскіе генералы сидѣли въ передовыхъ траншеяхъ, то мнѣ нѣкоторые изъ генераловъ, наслушавшись отъ генерала Смирнова о геройствѣ японскихъ солдатъ, возражали, что мое утвержденіе невѣрно— „чудный японскій солдатъ не требовалъ этого отъ генерала“. На дѣлѣ же было иначе. Даже „чудный японскій солдатъ“ требовалъ отъ генераловъ личнаго примѣра. Нашъ же, по мнѣнію многихъ, „не чудный“ солдатъ былъ глубоко признателенъ и такому генералу, котораго онъ видѣлъ хоть какъ „милолетное видѣніе“.

Въ общемъ если перевести на простой языкъ смыслъ поставленнаго мнѣ слѣдственной комиссіей вопроса, какія я принялъ мѣры къ тому, чтобы принципъ „гарнизонъ падаетъ вмѣстѣ съ фортомъ“ — болѣе не колебался, то изъ этого надо прямо заключить, что начальникъ по мнѣнію комиссіи не долженъ выпустить ни одного человѣка живымъ изъ форта.

Теперь является вопросъ, имѣетъ ли право обвиненіе предъявить такое требованіе къ начальнику, какъ со стороны закона, такъ нравственности и пользы дѣла.

Я думаю, что нѣтъ.

а) Если законъ разрѣшаетъ сдачу крѣпости при извѣстныхъ данныхъ, то какъ можно допустить, что онъ запрещаетъ очищеніе форта, когда защитники его могутъ быть полезны при защитѣ другихъ укрѣпленій той же крѣпости?

б) Со стороны пользы дѣла можно ли допустить, чтобы часть, предназначенная защищать фортъ, шла туда съ тѣмъ же чувствомъ, съ которымъ шелъ осужденный переходя „мостъ вздохъ“ въ Венеціи?

Если такъ, то надо быть послѣдовательнымъ и итти дальше, т. е. приказывать каждому вошедшаго въ фортъ, сажать на цѣпь по его рангу надлежащую, а то раненый уйдетъ живымъ, а тогда можетъ случиться, что каждый пожелаетъ быть раненымъ, а

тотъ кто не пожелаетъ быть раненымъ и навѣрно — убитымъ, тотъ просто уйдетъ.

Теперь прошу обсудить, было ли для меня возможнымъ провести этотъ принципъ въ данномъ случаѣ.

Фортъ 2-й уже нѣсколько часовъ представлялъ изъ себя, по словамъ Норригарда, „котелъ вѣдмы, изрыгавшій изъ себя огонь, дымъ и пламя отъ разрыва безчисленныхъ шимозъ, бомбъ, ручныхъ гранатъ и морскихъ минъ. Въ глубинѣ, за мѣшками, горсть русскихъ съ ружьями и пулеметами отбивается отъ безчисленныхъ атакъ. Японцы прервали сообщеніе гарнизона съ крѣпостью, подкрѣпленія уже не вливаются въ фортъ, горсть защитниковъ становится все меньше и меньше. Японцы добиваютъ защитниковъ однимъ огнемъ и часы форта уже сочтены“.

Вотъ каково было положеніе форта въ ту минуту, когда мнѣ пришлось рѣшать вопросъ: спасти ли горсть храбрецовъ, вѣрныхъ своему долгу, или обречь ихъ на гибель ради принципа генерала Смирнова.

Я предпочелъ первое, и вовсе не изъ гуманности, а потому, что другого рѣшенія я и принять не могъ, и всякій бывшій на моемъ мѣстѣ, такъ и поступилъ бы. Чтобы судить правильно, надо имѣть въ виду, что когда мнѣ пришлось рѣшать этотъ вопросъ, я находился не за зеленымъ столомъ комиссіи и не въ квартирѣ генерала Смирнова, а на Китайской стѣнкѣ ¹⁾. И я находился не въ торричелевой пустотѣ, а среди защитниковъ Куропаткинскаго люнета и Китайской стѣнки, на которыхъ долженъ былъ обрушиться первый ударъ послѣ паденія форта 2-го ²⁾.

Для нихъ было не все равно, какъ я рѣшу этотъ вопросъ, т. е. буду ли я палачемъ этихъ чудо-богатырей или я останусь такимъ, какимъ они привыкли видѣть меня. Мнѣ не могло быть все равно, какъ обо мнѣ подумаютъ офицеры и стрѣлки, потому что отъ этого будетъ зависѣть, какъ они будутъ защищаться далѣе.

Подумайте, могъ ли генераль-палачъ явиться и сказать: „здорово дѣти, здорово друзья“, „спасибо за славную работу,

¹⁾ Генераль Фокъ сидѣлъ въ это время у себя на квартирѣ очень далеко отъ атакованнаго фронта.

²⁾ Повторяю, генераль Фокъ былъ далеко отъ атакованнаго фронта, и все пишетъ, основываясь на книгѣ англійскаго корреспондента г. Норригарда.

постарайтесь же еще" и получить восторженный отвѣтъ— „постараемся Ваше Превосходительство“.

Генераль Смирновъ во время боя не выходилъ изъ своей квартиры, что однако не помѣшало ему представить этотъ бой въ своемъ докладѣ въ слѣдующемъ видѣ:

Стр. 33. „Въ 11 часовъ вечера я узналъ, что фортъ № 2-й уже нами очищенъ и казематы взорваны. Это было сдѣлано непосредственно назначеннымъ въ тотъ же день новымъ комендантомъ форта шт.-капитаномъ Кватцъ, по распоряженію начальника участка подполковника Глаголева, который, дѣйствовалъ на основаніи приказанія генерала Фока, не выждавъ даже прибытія на мѣсто и окончательно къ сему распоряженія начальника обороны генерала Горбатовскаго“

Стр. 34. „Между тѣмъ генераль Стессель, чувствуя, что учинилъ весьма недоброе дѣло, отдалъ впослѣдствіи приказъ отъ 14 декабря за № 961, въ которомъ, на основаніи извращенныхъ представлений шт.-капитана Кватцъ и подполковника Глаголева, расписалъ это позорное дѣло какъ подвигъ... Спустя 10 дней, примѣръ форта 2-го подтвердилъ этотъ самый фактъ сдачи форта 3-го и помимо совѣта обороны утвердилъ меня въ мысли, что между генералами Стесселемъ и Фокомъ состоялось соглашеніе касательно того, чтобы привести крѣпость въ скорѣйшій срокъ въ такое положеніе, чтобы можно было оправдать сдачу“.

О томъ, что генераль Смирновъ усмотрѣлъ въ сдачѣ форта измѣну со стороны генерала Стесселя и моей—я пока умолчу, но не могу умолчать о томъ, что онъ позволилъ себѣ назвать защиту форта 2-го позорнымъ дѣломъ.

Это только свидѣтельствуетъ, что между генераломъ Смирновымъ и защитниками Артура, столько же общаго, сколько было между тѣмъ ребенкомъ и тою матерью, которая кричала Соломону „руби его...“

Принципъ— „фортъ умираетъ, а не сдается“ долженъ проводиться въ военной средѣ отъ юношескихъ лѣтъ до глубокой старости. Только тотъ офицеръ—истинный воинъ, который сознаетъ, что пользуясь всѣми прерогативами военнаго въ мирное время, первымъ долженъ принести свою жизнь въ жертву отечества и въ теченіи всей войны помнить, что весь грядущій успѣхъ борьбы съ врагомъ зиждется на ясномъ пониманіи идеи самопожертвованія отъ простого солдата до главнокомандующаго включительно.

Война—призывъ къ смерти.

Смерть—вѣнецъ война.

Каждый воинъ, въ истинномъ значеніи этого слова, рѣшившій въ борьбѣ съ врагомъ умереть, предвосхищающій въ смерти наивысшую цѣль своего существованія (до окончанія войны онъ разрываетъ всѣ связи съ роднымъ и близкимъ его сердцу и уму) уже однимъ этимъ сознаниемъ поднимаетъ настроеніе также чувствующихъ товарищей до предѣла, который обезпечиваетъ побѣду въ конечномъ результатѣ борьбы. Большинство погибнетъ, но за то уцѣлѣвшіе возвратятся истинными триумфаторами, и тогда только съ сознаниемъ исполненнаго долга могутъ принять вѣнецъ славы. Лавровые вѣнки побѣдителей и героевъ время замѣнило крестами съ арматурою мечей. Кресты имѣютъ символическое значеніе: оставшіеся въ живыхъ, возлагая на свою грудь эти кресты, напоминаютъ другъ другу и окружающимъ о погибшихъ товарищахъ, уже украшенныхъ вѣчной славой—вѣнцомъ смерти.

При настоящей техники огнестрѣльнаго оружія это сознаніе, какъ въ отдѣльныхъ личностяхъ, такъ и въ массахъ, должно быть еще глубже, еще опредѣленнѣе. Борьба и обстановка борьбы стала несравненно тяжелѣе, чѣмъ во времена минувшія.

И на той изъ борющихся сторонъ, гдѣ сознаніе это глубже, гдѣ техника лучше, гдѣ военачальники разумнѣе и самоотверженнѣе—успѣхъ обезпеченъ.

И горе той странѣ и тѣмъ войскамъ, во главѣ которыхъ станеть прототипъ Фока!

Рядовой Рябовъ.

Въ приказѣ по крѣпости отъ 7-го декабря было опубликовано слѣдующее сообщеніе, полученное изъ японской арміи:

„Запасный солдатъ Василій Рябовъ 33 лѣтъ, изъ охотничьей команды 284-го пѣхотнаго Чембарскаго полка, уроженецъ Пензенской губ., Пензенскаго уѣзда, села Лебедевки, одѣтый, какъ кистайскій крестьянинъ,—27-го сентября с. г. былъ пойманъ нашими солдатами въ предѣлахъ нашей передовой линіи. По его устному показанію выяснилось, что онъ, по изъявленному имъ желанію, былъ посланъ къ намъ для развѣдыванія о мѣстоположеніяхъ

„и дѣйствіяхъ нашей арміи и пробрался въ нашу цѣпь 27 (по русскому стилю 14 сентября) черезъ Янтай, по юго-восточному направленію. Послѣ разсмотрѣнія дѣла установленнымъ порядкомъ, Рябовъ приговоренъ къ смертной казни. Послѣдняя была совершена 30 сентября (по русскому стилю 17 сентября) ружейнымъ выстрѣломъ. Доводя объ этомъ событіи до свѣдѣнія русской арміи, наша армія не можетъ не высказать наше искреннѣйшее пожеланіе уважаемой арміи, чтобы послѣдняя воспитывала побольше такихъ, истинно-прекрасныхъ, достойныхъ полнаго уваженія воиновъ, какъ означенный Рябовъ. На вопросъ: не имѣетъ-ли что высказать передъ смертью, онъ отвѣтилъ: „готовъ умереть за Царя, за Отечество, за Вѣру“. На предложеніе: мы вполне входимъ въ твое положеніе, общаемся по-стараться, чтобы было передано твоимъ родителямъ, женѣ, дѣтямъ, что ты такъ храбро и твердо шелъ на подвигъ смерти за Царя и Отечество, при томъ, если есть что передать имъ отъ тебя, пусть будетъ сказано,—отвѣтилъ: покорнѣйше благодарю, передайте, что было... и не могъ удержаться отъ слезъ. Перекрестившись, помолился долго въ четыре стороны свѣта съ колѣнопреклоненіями и самъ вполне спокойно сталъ на свое мѣсто. Присутствующіе не могли удержаться отъ горячихъ слезъ. Сочувствіе къ этому истинно-храброму, преисполненному чувства своего долга, примѣрному солдату достигло высшаго предѣла“.

Подписано: съ почтеніемъ, капитанъ штаба японской арміи.

Когда гарнизонъ крѣпости читалъ съ захватывающимъ интересомъ японское сообщеніе о выдающемся, самоотверженномъ подвигѣ рядового Рябова, генераль Фокъ, объѣзжая оборонительную линію, совершенно спокойно, въ тонѣ согласія, бесѣдовалъ на одномъ изъ укрѣпленій о недостаткѣ въ крѣпости снарядовъ и о томъ, что нѣтъ смысла болѣе держаться; на другомъ, собравъ нижнихъ чиновъ, своей дивизіи, по поводу подброшеннаго письма, повелъ съ ними продолжительную бесѣду о томъ, кому будетъ лучше въ плѣну: генераламъ или нижнимъ чинамъ. Наконецъ, прибывъ на Голубиную бухту, прямо объявилъ защитникамъ, что отъ нихъ вовсе не требуется упорнаго сопротивленія при защитѣ этой позиціи и т. д. ¹⁾.

¹⁾ Докладъ генерала Смирнова.

Вѣсть объ этихъ разговорахъ быстро распространилась по крѣпости, и дѣло свое сдѣлала. Люди несильные волей и сознаниемъ долга, люди утомленные, люди голодные, люди больные, съ разстроеннымъ воображеніемъ сильно реагировали на эти разговоры. Повсюду, начиная съ госпиталей, окологдовъ, гдѣ кстати сказать творилось нѣчто невѣроятное въ санитарномъ отношеніи, вплоть до боевой линіи включительно, зашла глухая рѣчь о скорой сдачѣ. Это была еще глухая рѣчь. Сильные люди импонировали массѣ и масса имъ подчинялась. Гарнизонъ былъ еще стоекъ, онъ еще готовъ былъ защищаться до конца. Примѣръ рядового Рябова въ противовѣсъ предательской тактикѣ Фока произвелъ среди офицеровъ и нижнихъ чиновъ сильное впечатлѣніе. Но ядъ, сознательно пущенный Фокомъ въ организмъ крѣпости, былъ медленный, но вѣрно дѣйствующій ядъ.

Изъ дневника.

8-го Декабря.

„... Утромъ я ходилъ на фортъ № III. Слушалъ въ потернѣ ходъ непріятельскихъ работъ. Стукъ слышенъ глухо съ обѣихъ сторонъ. Непріятель обстрѣливалъ фортъ и укрѣпленіе днемъ до 12 часовъ рѣдкимъ мортирнымъ огнемъ. День прошелъ очень спокойно. Офицеры морского резерва сегодня перешли въ новый блиндажъ и по этому случаю устроили у себя банкетъ, на который пригласили начальниковъ отряда и офицеровъ штаба. Банкетъ прошелъ очень оживленно. Утромъ генералъ Фокъ и генералъ Горбатовскій осматривали Куропаткинскій люнетъ и Китайскую стѣнку. Утромъ обнаружилось, что непріятель заложилъ противъ нашего окопа у лит. Б. въ 30 шагахъ новую параллель.

Мы ночью намѣтили работы:

- 1) Окопъ у Куропаткинскаго люнета окончить.
- 2) Сдѣлать окопъ сзади люнета противъ редута № I.
- 3) Продолжать работу на Большомъ Орлиномъ по устройству пещеръ.
- 4) Углубить ходъ сообщенія сзади Большого Орлинаго на перевалѣ.

Всѣ эти работы исполнили несмотря на обстрѣливаніе. Японцы изъ окопа противъ нашего люнета пускали метательныя

мины. Одна изъ нихъ разорвалась на горжевомъ брустверѣ люнета, который въ это время утолщался. Одного стрѣлка ранило, другого придавило мѣшками. Къ минѣ были привязаны два открытыхъ японскихъ письма, присланныхъ изъ Японіи. При взрывѣ письма загорѣлись, но во время замѣчены и загашены кондукторомъ Яновымъ. Письма отправлены въ штабъ укрѣпленнаго района. На устройствѣ проволочной сѣти у Куропаткинскаго люнета ранено три стрѣлка. На фортъ № III мы начали изъ потерны минную галлерею вправо. Работаетъ инженеръ-капитанъ Добровъ...“

Изъ дневника.

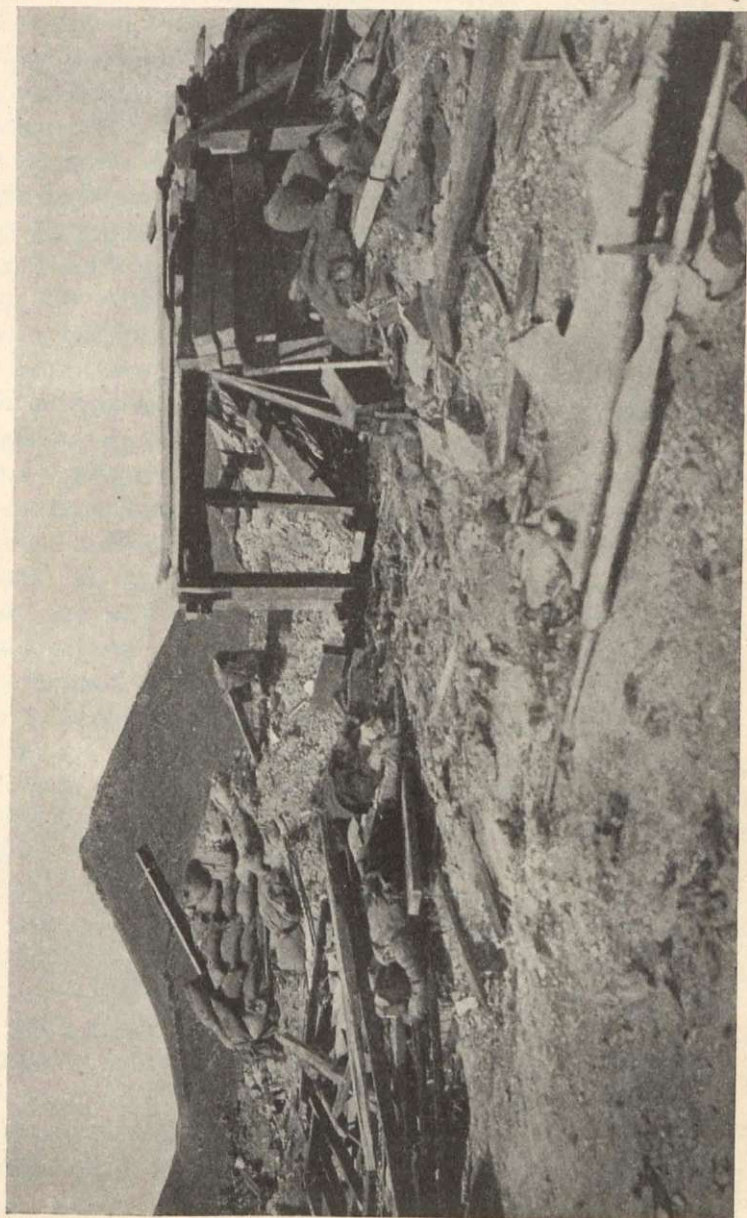
9-го Декабря.

„... Утромъ около десяти часовъ непріятель открылъ довольно сильный огонь изъ мелкихъ орудій и изъ минъ по третьему укрѣпленію. Одна мина попала въ гребень напольнаго бруствера и разбросала мѣшки (штукъ 5), послѣ чего четыре японца появились на брустверѣ, но тотчасъ же брошенными въ нихъ бомбочками одинъ былъ убитъ, другой уползъ раненымъ, а два убѣжали. Замѣтно, что за ночь японцы сдѣлали на лѣваго фланга форта № III окопъ, а во рву праваго фланга выложили два траверса, между которыми замѣчена яма, отъ праваго исходящаго угла форта сдѣлали новый ходъ къ капониру № III.

Минныя работы на фортъ № III продолжаются повидимому не особенно энергично, а на укрѣпленіи № III видимо торопятся. Мы продолжаемъ нашу галлерею. Я думаю, что эта работа запоздала и не принесетъ пользы...“

Памяти капитана В. Ѳ. Линдера.

Скончался старшій офицеръ Квантунской саперной роты, капитанъ Владиміръ Ѳеодоровичъ Линдеръ. Казалось, всякая опасность для жизни дорогого товарища миновала, — трудная и мучительная операція была удачно исполнена, силы больного начали было возстановляться, но судьба рѣшила иначе, и 25-го октября всю саперную семью облетѣла грустная вѣсть о тяжелой утратѣ.

На атакованномъ фронтѣ. Группы погибшихъ.

Покойный Владиміръ Θεодоровичъ, по окончаніи курса Николаевскаго инженернаго училища, былъ выпущенъ подпоручикомъ въ 11-й саперный баталіонъ, откуда перевелся въ л.-гв. егерскій полкъ и въ началѣ 90-хъ годахъ вновь вернулся въ семью саперъ 3-й бригады, стоявшей въ Кіевѣ.

По семейнымъ обстоятельствамъ 1895 года покойный вышелъ въ запасъ и былъ назначенъ въ распоряженіе губернатора Приморской области. Въ 1899 году Владиміръ Θεодоровичъ опять надѣвается саперный мундиръ, съ назначеніемъ въ 1-й Вост.-Сиб. саперный баталіонъ, гдѣ 1-го августа 1900 года получилъ чинъ капитана. Послѣ участія въ китайской кампаніи, за которую онъ получилъ Св. Анну 4-й ст. съ надписью „за храбрость“ и Св. Станислава 3-й степени, Владиміръ Θεодоровичъ вышелъ въ запасъ и жилъ въ мирной обстановкѣ до настоящей кампаніи. Призванный изъ запаса, съ началомъ военныхъ дѣйствій капитанъ Линдеръ служилъ въ Квантунской саперной ротѣ, руководя саперными работами обороны, начиная почти отъ Кинчжоу. Участникъ Зеленыхъ горъ, августовскихъ штурмовъ, боевъ Кумирнинскаго и Водопроводнаго редута, Владиміръ Θεодоровичъ выработалъ въ себѣ замѣчательное хладнокровіе и постоянно твердилъ: „что отъ судьбы не уйдешь“. Много разъ приходилось покойному ходить по траншеямъ и по открытой мѣстности въ непосредственной близости къ непріятелю, въ ночное время, что особенно трудно было Владиміру Θεодоровичу, благодаря плохому зрѣнію, а также и днемъ; все было счастливо до утра 14-го октября, когда одиночная пуля японскаго часового рикошетомъ ранила покойнаго въ животъ, на дорогѣ отъ временнаго укрѣпленія № III—въ штабъ отряда.

Владиміръ Θεодоровичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ лицъ, которые однимъ своимъ видомъ внушаютъ симпатію и довѣріе, и дѣйствительно ровный, спокойный и твердый характеръ покойнаго, дѣлалъ его чуднымъ сослуживцемъ, а умѣнье, даже пожалуй, талантъ разсказывать и быть веселымъ собесѣдникомъ, дѣлали его всюду, куда бы онъ не зашелъ, желаннымъ гостемъ. В. Θ. обладалъ и перомъ, сотрудничая въ обличительномъ тонѣ въ сибирскихъ газетахъ. Нѣсколько его корреспонденцій изъ Хабаровска до настоящей войны были помѣщены на страницахъ „Новаго Края“. Въ послѣднее время онъ печаталъ свои стихотворенія, написанныя въ тонѣ горячаго па-

тріотизма. Постоянная готовность помочь, сдѣлать какое-нибудь одолженіе, принесла много друзей Владиміру Θεодоровичу, съ грустью оплакивающихъ раннюю кончину общаго любимца и сохранившихъ о немъ наилучшія воспоминанія.

Артурскіе саперы.

Прежде чѣмъ говорить о дѣятельности саперъ въ Портъ-Артурѣ за время его славной обороны, нужно упомянуть о весьма интересномъ обстоятельстве, которое заслуживаетъ вниманія, какъ отличный примѣръ ничѣмъ не оправдываемой халатности, какъ со стороны высшихъ инстанцій въ Петербургѣ, такъ и со стороны мѣстнаго начальства.

Давно уже было ясно, что оборона Ляодунскаго полуострова при наступленіи непріятеля сведется къ защитѣ территоріи простиравшейся отъ моря до моря въ поперечникѣ около 27-ми верстъ и отъ позиціи Кинчжоу до горы Ляотѣшань, въ длину на протяженіи 60 верстъ. Какъ видно изъ самыхъ цифръ, раіонъ не представлялъ изъ себя маленькой площади.

Благодаря топографическому характеру полуострова, обилующаго возвышенностями не малыхъ размѣровъ, можно было предположить, что окажется не мало позицій могущихъ заставить непріятеля поудержать свой пылъ и не разсчитывать, что въ войнѣ съ такой „передовой страной“, какъ Россія, онъ будетъ въ состояніи проникнуть въ Артуръ съ такою же стремительностью, съ какою ему удалось это провести въ 1894 году въ войнѣ съ такою отсталою странюю, какъ Китай.

Не считая уже оборонительныхъ работъ, которыя можно было предвидѣть въ виду незаконченности вообще постройки фортовъ и укрѣпленій крѣпости сколько еще нужно было предпринять оборонительныхъ работъ на передовыхъ позиціяхъ Квантунскаго района между Кинчжоу и самой крѣпостью.

При нѣкоторой предусмотрительности руководившихъ защитою Кинчжоуской позиціи, которая представляла изъ себя наиболѣе серьезную преграду для вторженія въ Квантунскій районъ, можно было надѣяться, что не будетъ забытъ и тотъ принципъ, что всякій серьезный опорный пунктъ въ оборонительной войнѣ, дабы отдалить овладѣніе имъ непріятеля, долженъ имѣть вынесенные впередъ укрѣпленные пункты.

А такихъ пунктовъ, опять таки благодаря природѣ полуострова, впереди Кинчжоуской позиціи было болѣе, чѣмъ достаточно.

Съ укрѣпленіемъ этихъ новыхъ передовыхъ пунктовъ количество оборонительныхъ работъ, еще болѣе увеличивалось.

Маневры въ годы, предшествовавшіе войнѣ, достаточно ярко отгѣнили важность каждой изъ позицій, на которой гарнизону Квантунскаго района пришлось бы въ военное время упорно задерживать насѣдающаго непріятеля.

Который, въ дѣйствительности, вовсе не насѣдалъ.

Противникъ очевидно предполагалъ, что русскія войска используютъ въ полной мѣрѣ все то, что давала имъ въ руки сама природа полуострова, въ связи съ примѣненіемъ техники, уваженіе къ каковой, предполагали японцы даже и въ нашихъ военачальникахъ.

Но не то было на самомъ дѣлѣ.

Не говоря уже о томъ, что Портъ-Артуръ совершенно небылъ подготовленъ къ оборонѣ къ моменту возникновенія давно ожидавшейся войны; не говоря уже объ этомъ дефектѣ, явно преступномъ, нельзя не упомянуть еще и о слѣдующемъ обстоятельствѣ.

Позаботился-ли кто-нибудь въ Петербургѣ или на Квантунѣ своевременно, хотя бы о томъ, чтобы въ острый періодъ обороны крѣпости, не было-бы недостатка въ техникахъ?!

Начнемъ съ цифръ, которыя кстати сказать, всегда служили лучшимъ масштабомъ для доказательства даже самыхъ простыхъ принципіальныхъ истинъ.

Въ крѣпости ко дню начала серьезныхъ дѣйствій для руководства производствомъ оборонительныхъ работъ, состояло:

Въ числѣ 8 военныхъ инженеровъ, оставшихся по доброй волѣ (прочіе нашли болѣе удобнымъ заблаговременно выѣхать изъ Портъ-Артура съ Начальникомъ Инженеровъ генераломъ Базилевскимъ во главѣ): 1) въ Крѣпостномъ Инженерномъ Управленіи подполковники: Рашевскій и Крестинскій, капитаны: Шварцъ, Родіоновъ и Лилъе, штабсъ-капитаны: Зидгендзе и Барминъ со своимъ начальникомъ инженеровъ крѣпости полковникомъ Григоренко во главѣ.

Кромѣ того въ крѣпости оказались 6 военныхъ-же инженеровъ, но состоявшихъ на службѣ въ Морской строительной

части. Этими инженерами были капитаны: Бутлеръ (въ роли штабъ-офицера), Затурскій, Добровъ, Заборовскій и Авеланъ, съ полковникомъ Дубицкимъ во главѣ.

Итого пятнадцать инженерныхъ офицеровъ.

Но надо оговорить: что такое офицеръ-военный инженеръ, да безъ соотвѣтствующаго десятника.

Что?—Ровно ничего.

Инженеръ военный, да безъ десятника, да онъ безъ него служить не въ состояніи.

Инженеру десятникъ необходимъ, но послѣднему надо платить. Законъ этого обстоятельства не предусматриваетъ, а храбрый защитникъ Артура Стессель и подавно не усматриваетъ законности платить какимъ то десятникамъ, да еще изъ казенныхъ суммъ, подъ фактическимъ контролемъ.

Стессель въ этомъ случаѣ съ своей точки зрѣнія былъ правъ. Столько инженеровъ, и вдругъ какіе то наемные десятники, которымъ, нужно еще что то платить, когда есть саперы, роль которыхъ, собственно говоря, и сводится къ роли десятниковъ въ рукахъ инженеровъ и своихъ же саперныхъ офицеровъ.

И вотъ тогда только обратились къ саперамъ.

Итакъ, въ крѣпости къ началу ея осады было 15 инженеровъ.

Но вѣдь повторяю, что военный инженеръ все-таки обойтись безъ мелкихъ помощниковъ не можетъ. На долю же каждаго приходилось не малая площадь укрѣпленнаго района.

Если же принять во вниманіе, что—изъ общаго числа наличныхъ военныхъ инженеровъ нужно было исключить: двухъ начальниковъ (полковники Григоренко и Дубицкій), шестерыхъ инженеровъ Морской строительной части, четырехъ инженеровъ крѣпостныхъ, которые должны были продолжать работы на фортахъ и укрѣпленіяхъ, то изъ 15-ти военныхъ инженеровъ, имѣвшихъ возможность принять участіе въ приведеніи въ оборонительное состояніе укрѣпленнаго района оказалось только всего три военныхъ инженера, а именно: подполковникъ Крестинскій—сталъ во главѣ оборудованія фугасной обороны впереди фортовъ и укрѣпленій крѣпости, капитанъ Шварцъ—по окончаніи работъ по приведенію въ оборонительное состояніе Кинчжоуской позиціи и штабъ-капитанъ Зидгенидзе—на рабо-

тахъ по оборонѣ города Дальняго и лежащихъ впереди его небольшихъ позицій.

Укрѣплять же районъ явилась настоятельная необходимость.

Позади Кинчжоуской позиціи, которое не было еще закончено, были еще Наньганлинскія высоты, а за ними цѣлый рядъ позицій: Суантангоу, Шининзинскій переваль, Уайчеладзе, Хаянсанъ, Зеленя горы, и еще далѣе Волчы горы, Дагушанъ, Сяогушанъ, а еще южнѣе Сиротка, Панлуншанъ Трехголовая, Угловая, Высокая, Сѣдловая, Плоская и Дивизионная горы, районъ Кумирнинскаго и Водопроводнаго редутовъ, Казачій плацъ и т. д.

И вотъ, для всѣхъ этихъ оборонительныхъ работъ, какъ по возведенію новыхъ полевыхъ сооружений, такъ и по возстановленію и по исправленію всѣхъ готовыхъ сооружений, разрушаемыхъ беспощаднымъ артиллерійскимъ огнемъ непріятеля, козломъ отпущенія на всемъ обширномъ районѣ оказалась одна лишь славная Квантунская саперная рота въ составѣ 450 нижнихъ чиновъ и 9 офицеровъ.

Конечно, при особой прозорливости военачальниковъ имъ показалось, что этого было болѣе, чѣмъ достаточно для района, поэтому поспѣшили сейчасъ же взять изъ офицерскаго состава двухъ офицеровъ: одного старшаго (капитанъ Шульженко) и одного младшаго (прапорщикъ запаса Четвериковъ), которыхъ и отправили въ Маньчжурскую армію (какъ будто было мало тамъ или въ Россіи саперныхъ офицеровъ!?)

Кромѣ того сейчасъ же изъяли изъ состава роты одного, прославившагося впоследствии, офицера (поручика Дебогорія Мокріевича), отдавъ его въ вѣдѣніе военнаго инженера подполковника Крестинскаго для работъ по фугасной оборонѣ крѣпости и по завѣдыванію мастерскими, снабжавшими всѣ пункты крѣпости и района всѣмъ необходимымъ для производства фугасныхъ работъ. Въ эту же команду отдѣлено было изъ состава роты 50 нижнихъ чиновъ вмѣстѣ съ указаннымъ офицеромъ...

Но прежде, чѣмъ итти дальше, я долженъ остановиться на слѣдующей детали, это — на правильномъ пониманіи: что такое саперъ вообще, будь это офицеръ или нижній чинъ.

Деталь, которая собственно должна быть извѣстна всякому военнообразованному человѣку.

Деталь эта состоитъ въ простомъ пониманіи, что саперъ, офицеръ-ли это, или нижній чинъ, все равно, но каждый изъ нихъ представляетъ изъ себя отнюдь не грубую рабочую силу, а просто на просто — руководитель, инструкторъ надъ тѣмъ, что представляетъ изъ себя рабочую силу, независимо отъ того, будутъ-ли это стрѣлки, артиллеристы или просто на просто наемные рабочіе, которые и должны выполнить валовую работу, сознательное руководство которою въ рукахъ сапера создаетъ цѣлыя укрѣпленія, батареи, позиціи съ ихъ искусственными препятствіями, однимъ словомъ всѣ чудеса фортификаціоннаго искусства.

Насколько не понимали значенія саперовъ въ крѣпости, примѣромъ служить слѣдующій эпизодъ.

Когда непріятель уже былъ наканунѣ своихъ успѣшныхъ штурмовъ на Кинчжоускую позицію, командиръ саперной роты 11-го мая получилъ изъ Артура телеграмму такого содержанія:

„Подполковнику Жеребцову. По приказанію генералъ-лейтенанта Стесселя прошу васъ немедленно организовать работы по подорванію южной стѣнки города Кинчжоу и произвести эту работу. Кондратенко“.

12-го утромъ, командиръ роты вмѣстѣ съ своимъ офицеромъ, поручикомъ Ксидо, ѣдетъ осмотрѣть, что представляетъ изъ себя стѣнка города Кинчжоу, которую понадобилось такъ спѣшно взорвать.

Городъ Кинчжоу расположенъ впереди лѣваго фланга Кинчжоуской позиціи и былъ занятъ одною ротою нашихъ стрѣлковъ.

Кинчжоу, какъ большинство китайскихъ городовъ, имѣющихъ назначеніе цитадели, окруженъ со всѣхъ сторонъ, вѣроятно съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ китайской фортификаціи, каменною стѣнкой съ бойницами на манеръ башенъ средневѣковой эпохи.

Но что самое главное, что должно быть отнесено къ особенностямъ укрѣпленія такого характера какъ Кинчжоу, что къ сожалѣнію оказалось совершенно неизвѣстнымъ возсѣдающимъ въ Портъ-Артуръ военачальникамъ, это-то, что стѣнка города Кинчжоу вовсе не представляла изъ себя чего-то рыхлаго, въ родѣ Псковскихъ, Новгородскихъ или Кіевскихъ противостурмовыхъ стѣнъ съ башнями.

Она оказалась не стѣною, а стѣною, представляющую изъ себя каменную кладку на цементномъ растворѣ.

По размѣрамъ 8¹/₂ аршинъ высоты, 9 аршинъ по толщинѣ основанія, да 8¹/₂ аршинъ по толщинѣ вверху.

По образуемой на этой стѣнкѣ на верху площадкѣ „батарея справа въ одно орудіе“ отлично могла продефилировать, да еще на протяженіи цѣлой версты.

Вотъ что представляла изъ себя южная стѣнка города Кинчоу, которую приказано было изъ Артура взорвать немедленно.

Подведя итоги, нужно было взорвать на воздухъ, ни болѣе ни менѣе, какъ 1.435.000 куб. фут. каменной кладки.

И это приказаніе передавалъ кто-же—бывшій саперъ (1-го Кавказскаго Сапернаго баталіона), а затѣмъ военный инженеръ, окончившій кстати и академію генеральнаго штаба, генераль.

Конечно, какъ человѣкъ на Квантунѣ новый, онъ могъ и незнать, что такое Кинчоуская стѣнка и что она такая машина.

Но вотъ что странно:

Когда полковникъ Жеребцовъ начертивъ съ поручикомъ Ксидо, профиль знаменитой стѣнки, явился въ Артуръ для доклада генералу Кондратенко о невозможности „немедленнаго подорванія“ указанной стѣнки, и обстоятельно доложилъ генералу, то между ними произошелъ слѣдующій разговоръ:

„Мы вамъ дадимъ сколько угодно рабочихъ рукъ отъ 5-го В.-С. Стрѣлковаго полка, хоть нѣсколько ротъ...“

Но вѣдь ваше превосходительство, отвѣтилъ полковникъ: „мнѣ на каждую камеру для закладки горна больше двухъ человѣкъ поставить не удастся, на протяженіи же одной версты стѣнки понадобится не менѣе 500 камеръ, слѣдовательно около 1000 человѣкъ, но все-таки въ такой кладкѣ выдѣлка камеры на глубину 4—4¹/₂ аршина времени потребуетъ гораздо болѣе, чѣмъ кажется, а потому „немедленнаго подорванія такой стѣнки“ достигнуть при всемъ желаніи невозможно“.

Отвѣтъ на это послѣдовалъ болѣе, чѣмъ оригинальный:

„Теперь, полковникъ, не время разговаривать, потрудитесь ѣхать и исполнять то, что вамъ приказано“.

И полковникъ Жеребцовъ въ ту-же ночь выѣхалъ по желѣзной дорогѣ, но поѣздъ далѣе станціи Инчендзы слѣдовать уже не могъ, такъ какъ путь обстрѣливался съ непріятельскихъ канонеровъ.

Въ силу этого, ему отъ станціи Инчендзы до станціи Наньганлинь пришлось проѣхать верхомъ, откуда онъ двинулся далѣе опять на поѣздѣ.

Но до Кинчжоуской позиціи добраться такъ и не удалось, такъ какъ она вмѣстѣ съ городомъ Кинчжоу уже была въ рукахъ непріятеля.

На разѣздѣ (между станціями Наньганлинь и Тафашинь) полковнику Жеребцову была вручена телеграмма:

„Генераль Стессель приказалъ вамъ немедленно взорвать южную стѣнку города Кинжоу. Кондратенко...“

А что думалъ объ этомъ дѣлѣ и тому подобныхъ дѣлахъ генераль Стессель?

А вотъ я вамъ расскажу и по этому поводу фактъ.

14-го апрѣля, тогда, когда генераль Стессель возвращался съ осмотра Кинчжоуской позиціи и когда по немъ въ тотъ моментъ, когда онъ долженъ былъ, миновавъ водокачку, ѣхать въ поѣздѣ вдоль берега бухты Инчендзы, въ которой дерзостно расположились японскіе миноносцы съ нѣсколькими канонерками и осмѣлились открыть огонь по желѣзнодорожному пути, по которому долженъ былъ ѣхать, но не поѣхалъ, генераль Стессель, благоразумно укрывшись съ генераломъ Никитинымъ и со всею своею свитою въ соотвѣтствующія складки мѣстности, полковникъ Жеребцовъ ожидалъ его превосходительство въ его квартирѣ, въ обществѣ его благовѣрной супруги, страшно волновавшейся и говорившей въ этотъ вечеръ.

„Какъ бы съ моимъ Анатолъ чего-нибудь не случилось“.

Дождавшись наконецъ повелителя Артура, полковникъ имѣя счастье сидѣть съ нимъ рядомъ за ужиномъ, vis-à-vis генерала Никитина, предложилъ свой проектъ, заключавшійся въ томъ, чтобы на Кинчжоуской позиціи, заботливо укрѣпленной на всѣ, исключая неба, фронты, минировать тыльный фронтъ, и взорвать его, какъ только онъ будетъ занятъ непріателемъ.

Мудрый повелитель, выслушавъ не менѣе мудрое предложеніе, изрекъ:

— „Я въ этомъ ничего не понимаю, вы пойдите и расскажите все это Кондратенкѣ. Слава Богу, хоть одинъ у меня умный есть такой генераль въ крѣпости...“

Полагаю, что о ширинѣ горизонта міровоззрѣнія генерала Стесселя вообще, и въ отношеніе его способностей рѣшенія вся-

каго рода технических вопросов въ частности, распространяться болѣе нечего! И одного примѣра достаточно!

Но я опять уклонился отъ разсказа о тѣхъ эпизодахъ, которые даютъ характеристику взгляда начальства на саперъ.

Разскажу еще одинъ случай, тоже изъ Портъ-Артурской эпопеи, характеризующій взглядъ на саперъ и на саперныхъ офицеровъ одного „изъ истинныхъ героев и помощниковъ“—это генерала Фока.

На Лунвантанскомъ перевалѣ (позиція Зеленыхъ горъ), на самой вершинѣ приказано было изъ штаба восточнаго отряда устроить нѣчто въ родѣ перегородки для непріятеля изъ непрерывнаго ряда окоповъ, кои и должны были поддерживаться ружейнымъ огнемъ изъ блокгауза, на уступѣ сосѣдней „Высокой горы“.

Надо замѣтить, чтобы попасть, на этотъ уступъ, приходилось подниматься по совершенно отвѣсной стѣнкѣ сажени три, пользуясь лишь высѣченными въ скалѣ едва замѣтными ступеньками.

Черезъ нѣкоторое время на „Перевалѣ“ и на упомянутомъ уступѣ уже были готовы: на первомъ окопы съ прикрытіями изъ 3-хъ дюймовыхъ досокъ съ нѣкоторой насыпкой земли исключительно для защиты стрѣлковъ отъ шрапнельныхъ поражений, а на второмъ такого-же типа окопа съ сомкнутой горжей, за что его въ шутку прозвали „фортъ Шаброль“. Приѣхалъ призирающій всякую науку генераль Фокъ и увидавъ работу, заявилъ:

— „Какъ это можно было дѣлать такое тонкое, слабое перекрытіе, когда есть же китайскіе брусъя (9×5 вершковъ въ поперечникѣ, длиною 1½—2 саженей). Вотъ посмотрите какъ у меня сдѣлано у штабсъ-капитана Зидгендизе и капитана Сахарова, поѣзжайте посмотрите и сдѣлайте также“.

Полковникъ поѣхалъ и посмотрѣлъ: правда, на видъ какъ будто и здоровая штука, но невольно приходило въ голову: да вѣдь это все равно размететъ непріятель своими гранатами и только къ убитымъ прибавится солидный процентъ придавленныхъ.

(Такъ это и случилось во время 13, 14 и 15 іюльскихъ боевъ). Тѣмъ не менѣе пришлось подчиниться приказанію, и перекрыть китайскими брусъями свои окопы съ тою лишь разни-

цею, что не сплошь, а участками. Остальные же участки оставить по старому, чтобы было хоть куда-нибудь прятаться, когда неприятель начнет стрѣлять гранатами!

Пріѣзжаетъ недѣли черезъ двѣ опять генераль Фокъ на „Переваль“, увидаль китайскіе брусья на окопахъ и совершенно неожиданно для себя заявилъ:

— „Какой это дуракъ выдумаль это сдѣлать!“

Не выдержаль покойный капитанъ Линдеръ и категорически отвѣтилъ Фоку:

— „Это по Вашему приказанію командиръ роты сдѣлаль“.

Но генераль Фокъ привыкъ и не такими отвѣтами не смущаться.

Также оригинально, чтобы не сказать больше, отозвался генераль Фокъ, не знаю по какому-то случаю посѣтившій ни съ того ни съ сего (въ это время онъ былъ не у дѣлъ, состоя начальникомъ резерва въ Артурѣ) минныя галереи противъ редутовъ №№ 1 и 2, и назвавшій эти работы „идіотскими“.

Насколько онъ были „идіотскими“ и какую онъ принесли пользу при отбитіи штурма 13-го ноября, то это лучше всего видно изъ реляціи начальника инженеровъ крѣпости, подтвержденной въ полномъ объемѣ комендантомъ крѣпости и изъ реляціи генерала Горбатовскаго.

Не менѣе оригинальна была оцѣнка генераломъ Стесселемъ дѣятельности саперъ въ смыслѣ поощренія этой дѣятельности награжденіемъ знаками отличія военного ордена.

Въ головѣ генерала Стесселя никакъ не укладывалась мысль, что въ саперной ротѣ можетъ имѣть мѣсто столь обильное число случаевъ проявленія храбрости и совершенія подвиговъ отдѣльными людьми.

Онъ забываль, вѣрнѣе сказать вовсе не зналь, что саперы не стрѣлки.

Артурскіе саперы, за малочисленностью, въ полномъ составѣ не только роты, но даже отдѣлений никуда на работы назначены быть не могли. Всю роту приходилось разбивать на мелкія группы, численностью доходившихъ до двухъ человѣкъ въ группѣ. Въ этомъ составѣ въ качествѣ инструкторовъ для фортификаціонныхъ работъ, они попадали въ вѣдѣніе не только военныхъ инженеровъ, или своихъ же саперныхъ офицеровъ, но

и въ вѣдѣніе стрѣлковъ и артиллерійскихъ офицеровъ до заурядъ-прапорщиковъ включительно.

Въ силу этого, получалась полная возможность совершенія подвиговъ отдѣльными маленькими группами саперъ, или единичными людьми въ цѣлой серіи маленькихъ группъ.

Генераль же Стессель зналъ одно: саперная „рота“, и это ему было достаточно для того, чтобы къ ней примѣнять статью статута, гласящую, что при случаяхъ проявленія войсковою частью доблестей, на роту назначается опредѣленное число крестовъ.

Когда въ маѣ въ саперной ротѣ съ штатною при ней командою телеграфистовъ успѣло уже накопиться до 30 георгіевскихъ кавалеровъ, то Стессель, въ порывѣ еще тогда благорасположенія къ полковнику Жеребцову, на одномъ изъ парадовъ, показывая ему нѣчто въ родѣ кукиша, заявилъ:

„Нѣтъ больше, братъ, — въ роту крестовъ не получишь“.

При этомъ взглядѣ на награжденіе саперъ крестами остался генераль Стессель и до конца осады...

А люди изъ за этого страдали, такъ какъ подвиги ими совершались, достовѣрность этихъ подвиговъ завѣрялась каждый разъ ихъ случайными временными начальниками и, въ большинствѣ, случаевъ, кресты обѣщались, но... крестовъ люди не получали, и многіе изъ нихъ, не дождавшись вождельннаго крестика, гибли, совершая новые подвиги.

Генераль же Стессель, по своему обыкновенію не давалъ себѣ труда надъ этимъ призадуматься.

Безпристрастный и справедливый въ оцѣнкѣ трудовъ всѣхъ чиновъ Портъ-Артурскаго гарнизона, вполне въ этомъ освѣдомленный и ясно представляющій себѣ дѣйствительную картину боевой дѣятельности инженерныхъ войскъ крѣпости комендантъ ея генераль Смирновъ ни одного изъ требовавшихъ его санкціи представленій нижнихъ чиновъ инженерныхъ частей войскъ къ знаку отличія военнаго ордена не отклонилъ.

Также относился къ оцѣнкѣ дѣятельности саперъ и генераль Кондратенко, не разъ говорившій, что если только онъ останется въ живыхъ, то послѣ войны его первою заботою будетъ вездѣ и всюду ратовать противъ такой безмыслицы, какъ приданіе къ цѣлымъ двумъ дивизіямъ стрѣлковъ всего одной полевой роты саперъ, какъ это было въ Портъ-Артурѣ. Онъ воочію убѣждался, что за цѣнный матеріалъ саперы при нынѣшнемъ харак-

терѣ войны, и какъ онъ дорогъ. Онъ хорошо понималъ, что изъ сапера стрѣлка въ одинъ мигъ можно сдѣлать, а стрѣлка въ саперъ не превратитъ въ мгновенье, какъ это казалось Стесселю, вѣчно ставившему въ укоръ, что командиръ роты берегъ своихъ саперъ и не допускалъ безсмысленныхъ, безразсудныхъ жертвъ, что требовалось Стесселемъ для полученія боевыхъ отличій.

Впрочемъ, по части награжденій вообще отдѣльныхъ чиновъ гарнизона за проявляемыя доблести, у генерала Стесселя былъ довольно своеобразный на это взглядъ, но яслишкомъ-бы отвлекся отъ намѣченной программы, если-бы сталъ объ этомъ здѣсь распространяться. Для любознательныхъ въ этомъ отношеніи предлагаю прочесть интересную и вполне правдивую характеристику генерала Стесселя, сдѣланную однимъ изъ томившихся въ плѣну офицеровъ въ его письмѣ въ Россію:

... „1) Думается мнѣ, что никому въ голову не придетъ не только увѣрять, но даже предполагать, что мы добровольно ушедшіе въ плѣнъ, переживъ всѣ ужасы и тягости Портъ-Артурской осады, имѣемъ что-либо похожее на возможность хоть нѣсколько отдохнуть здѣсь душою, возстановить свое разстроенное здоровье или стряхнуть съ себя одурманивающія голову и щемящія душу впечатлѣнія пережитого, и переживаемаго. Нѣтъ, нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ! Къ незажившимъ душевнымъ ранамъ, здѣсь, въ плѣну, прибавляется еще много новыхъ: душевныя страданія за близкихъ своихъ въ Россіи, томящихся за насъ, грядущія событія, вѣсти о которыхъ до насъ доходятъ очень поздно, сознаніе своего безсилія при полнѣйшемъ желаніи, если-бы было-бы возможно, принести какую-нибудь пользу общему дѣлу, тысяча другихъ впечатлѣній, возникающихъ въ силу самой обстановки, въ которой мы живемъ,— все это, говорю, не даетъ возможности хотя на нѣкоторое время забыться и успокоиться. Ко всему же этому прибавилось еще не малое сознаніе обидъ, причиняемыхъ тою горькою несправедливостью, которая была проявлена ко многимъ изъ насъ артурцевъ, въ отношеніи полученія заслуженныхъ нами наградъ. Много недостойныхъ обременены наградами, обильно изливавшимися на нихъ по ходатайству генерала Стесселя, которыхъ онъ въ силу личныхъ соображеній хотѣлъ выдвинуть; это въ большинствѣ — или лица, высоко стоявшія, бывшія съ нимъ даже на „ты“, или тѣ, съ кѣмъ

онъ воевалъ еще въ Китайскую кампанію, или, наконецъ, тѣ, кто стоялъ близко къ нему или его семьѣ. Можно даже перечислить ихъ, ибо всѣ они слишкомъ бросаются въ глаза. Подъ относящимися къ первой категоріи я подразумѣваю конечно генераловъ Фока и Никитина, получившихъ всѣ высшія награды. Первый, какъ извѣстно, своими систематическими отступленіями сократилъ срокъ стойкости крѣпости, а за послѣдніе дни, въ особенности, усердно ускорилъ ея паденіе, а для второго, абсолютно не имѣвшаго какого-либо опредѣленнаго назначенія, Стессель, вѣроятно для оправданія своихъ представленій его къ наградамъ, выдумалъ удивительную роль: „повѣрять на позиціяхъ бдительность офицеровъ и нижнихъ чиновъ“. Къ этой же категоріи слѣдуетъ причислить генераловъ Надѣина, Рейса. Первый въ періодъ штурмовъ крѣпости не выѣзжалъ изъ своего блиндажа, про него даже самъ Стессель на парадѣ сказалъ, что онъ зарылся въ свой блиндажъ; второй же всю осаду просидѣлъ у себя въ штабѣ и на позиціи не выѣзжалъ вовсе. А вѣдь все это георгіевскіе кавалеры! Изъ 2-ой категоріи я назову подполковниковъ Петренко, ..., капитана Правикова и многихъ другихъ, изъ стрѣлковъ, фамилій которыхъ не припомню; названные лица получили много высшихъ наградъ и не скажу, чтобы по заслугамъ. Возьмемъ хотя бы Правикова, адъютанта генерала Никитина, который не бывалъ нигдѣ на позиціяхъ, а просидѣлъ всю осаду дома и, между нами говоря, проводилъ большую часть времени въ оргіяхъ и за картами. Онъ получилъ даже золотое оружіе. Перейду къ 3-й категоріи, изъ которыхъ назову наиболѣе рѣзко выдающіеся 2 примѣра: подполковникъ Водяга, ...

. завѣдомый трусъ, боявшійся даже по городу въ банкъ проѣхать за полученіемъ казенныхъ денегъ, не говоря уже о посѣщеніи позицій и, тѣмъ не менѣе, получившій въ награду за отличіе „въ дѣлахъ противъ японцевъ“—цѣлыхъ 2 чина, да еще изъ нихъ одинъ штабъ-офицерскій. Второй примѣръ—это адъютантъ генерала Стесселя, капитанъ Колесниковъ не бывшій не только въ бою, но и гдѣ-либо, гдѣ пахло порохомъ, но зато „свой чловѣкъ“ въ домѣ Стесселя и получившій за это 3 ордена и чинъ. Вотъ такъ давались у насъ награды. Я указалъ только выдающіеся случаи, а сколько еще тѣхъ, которыхъ я не знаю и не

помню. Не говорю уже о томъ, что всѣ эти награды, а также тѣ, которые исходили отъ генерала Фока, почему-то поступали непосредственно къ генералу Стесселю, минуя такой авторитетъ, какъ комендантъ крѣпости, генерала Смирнова, который, съ увѣренностью и съ полнымъ убѣжденіемъ могу сказать, многого не допустилъ бы... Но... генераль Стессель безъ всякаго права и безъ какого-либо основанія игнорировалъ властью генерала Смирнова, а за генераломъ Стесселемъ тоже дѣлалъ и генераль Фокъ, рѣшавшійся въ своемъ самообольщеніи, не разъ даже не исполнять приказаній своего начальника, генерала Смирнова, нарушая этимъ коренной законъ. Да, такъ вотъ сознаніе необличенныхъ такихъ горькихъ несправедливостей конечно въ нашихъ умахъ и сердцахъ не могутъ пройти безслѣдными; и они вносятъ не мало горечи въ общую чашу нравственныхъ мукъ, неудовлетворенности и обидъ. На ряду со всѣмъ этимъ цѣлая масса лицъ, проявившихъ свой героизмъ въ той или въ другой формѣ, остались вовсе безъ наградъ—такихъ много!.. Нѣкоторые, правда, своимъ ближайшимъ начальствомъ были представлены и не одинъ разъ, но ихъ наградные листы, по злой волѣ судьбы застрѣвали или въ штабѣ главнокомандующаго, или по волѣ генерала Стесселя въ его штабѣ, а иногда даже въ этомъ же штабѣ терялись завѣдывавшимъ этимъ отдѣломъ адъютантомъ; все тѣмъ же капитаномъ Колесниковымъ. Теперь же, въ довершеніе всего, до насъ дошелъ слухъ, что всѣ награды по представленіямъ генерала Стесселя еще невышедшія, будутъ назначены послѣ окончанія слѣдствія надъ нимъ за сдачу крѣпости. Не понимаю, при чемъ тутъ слѣдствіе, слѣдственная комиссія? За что спрашивается многіе, истинные герои, вполне заслужившіе награды, хотя-бы въ этомъ отношеніи не могутъ имѣть хотя маленькое утѣшеніе въ плѣну, а должны ждать конца какого-то слѣдствія о сдачѣ. Подвиги вѣдь совершались не во время сдачи, а до нея! Если получили уже многіе и при томъ даже не по заслугамъ, какъ это всѣ мы знаемъ, то за что-же обижать тѣхъ, чьи наградные листы почему-либо запоздали и не успѣли попасть въ Петербургъ до начала слѣдствія. Никакъ понять этого не могу. Мнѣ бы хотѣлось всѣхъ ихъ здѣсь пересчитать, но я о многихъ не знаю деталей ихъ подвиговъ, за что они представлены, но во имя справедливости и для примѣра назову хотя нѣкоторыхъ:

.

2) Въ нашей крѣпости въ концѣ концовъ, считая и вновь произведенныхъ,—оказалось 14 генераловъ, изъ нихъ, кто имѣлъ раньше Георгія 4-ой степени, тотъ получилъ 3-ю степень, а кто первую не имѣлъ, то награжденъ ею; одинъ только генераль оказался безъ этой награды, это—комендантъ крѣпости генераль Смирновъ, но... причина, я думаю, ясна: всѣмъ извѣстны отношенія между нимъ и генераломъ Стесселемъ, созданныя послѣднимъ. Впрочемъ, объ этомъ нельзя пока распространяться, пока, какъ я искренно увѣренъ, не восстановлена будетъ истина о Портъ-Артурѣ путемъ суда.

3) Обидно еще и за бѣдныхъ солдатъ, изъ коихъ въ Артурѣ героямъ счета не было,—многіе изъ нихъ были представлены къ знаку отличія военного ордена, совершивъ рядъ подвиговъ и въ плѣнѣ ушли безъ этого знака, повидимому всѣ эти представленія такъ въ штабѣ генерала Стесселя и остались безъ движенія, а ихъ то обижать по моему совсѣмъ не слѣдовало, разъ подвиги ихъ свидѣтельствовались не только своимъ, но и постороннимъ начальствомъ.

4) Раздумывая объ описанномъ порядкѣ вещей, въ отношеніи наградъ, практиковавшемся въ Артурѣ, невольно приходитъ на умъ, не лучше ли было бы дѣло это поставить такъ, какъ это сдѣлано у „другихъ“, т. е. замѣчать достойныхъ и намѣчать имъ награды въ періодъ кампаніи, а назначать ихъ послѣ ея окончанія. Думается, что и равномѣрность и справедливость отъ этого только бы выиграла и были бы устранены и игра страстей, и такіе печальные случаи, что лицо, получившее, скажемъ, Георгія, послѣ этого перестаетъ, такъ сказать, стараться, а иногда, подъ какимъ-либо благовиднымъ предлогомъ, начинаетъ уклоняться отъ дальнѣйшаго участія въ бояхъ; а такіе случаи были, и я бы могъ назвать ихъ точно, да не хочется во имя хотя бы того, что военный орденъ они получили дѣйствительно заслуженно, а не по протекціи.

Вотъ еще примѣръ: командиръ Квантунской саперной роты подполковникъ Жеребцовъ. Этотъ начальникъ единственный на столь большой блокированный районъ саперной части, разрывался, что называется на части, встрѣчая всюду лишь со сто-

роны инженеровъ одни препятствія, хотя-бы напрімѣръ въ отношеніи снабженія его роты всѣми необходимыми матеріалами, которыя ему приходилось, рыская по городу, самому разыскивать, ибо полковникъ Григоренко вѣдь не позаботился создать положеннаго въ осажденной крѣпости „депо“ или „дѣловаго двора“, такъ какъ у каждаго изъ его инженеровъ было въ запасѣ матеріаловъ болѣе, чѣмъ нужно, а до саперъ ему было мало дѣла. Этотъ начальникъ изъ своей роты потерялъ изъ наличныхъ 12 офицеровъ и 350 нижнихъ чиновъ—5 офицеровъ убитыми и 2 умершими и до 100 нижнихъ чиновъ убитыми, вынужденъ былъ неоднократно выходить на работы за недостаткомъ офицеровъ, какъ младшій офицеръ, что безропотно исполнялъ. Работами руководилъ непрерывно и днемъ и ночью съ 1-го апрѣля, а съ 18-го іюня вплоть до сдачи крѣпости — подъ систематическимъ огнемъ непріятеля; съ 15-го сентября въ теченіи 1½ мѣсяцевъ подъ непрерывнымъ почти огнемъ руководилъ сапными и минными работами на своемъ участкѣ и 13-го ноября, выждавъ подъ неопикуемой артиллерійской непріятельской канонадой въ теченіе 4½ часовъ, и потерявъ при этомъ раненымъ своего помощника офицера и изъ 6 нижнихъ чиновъ — трехъ, удачными взрывами горновъ въ теченіе этого дня днемъ и вечеромъ разстроилъ ряды переднихъ штурмовавшихъ непріятельскихъ ротъ. На ряду съ руководствомъ работами по ночамъ, онъ днемъ, лишившись и адъютанта, и казначея, и старшаго офицера, вынужденъ былъ работать за всѣхъ, заботясь, чтобы, разбросанные повсюду, его нижніе чины получали все своевременно и были бы удовлетворены хорошою пищею. Этому человеку за послѣдніе 4—4½ мѣсяца, если удалось хотя 10—15 ночей проспять по человѣчески, то—слава Богу. И что же?—Когда всѣхъ своихъ оставшихся въ живыхъ 5 офицеровъ, онъ вполне по заслугамъ представилъ къ 4—6 наградамъ и въ томъ числѣ къ Георгію 4 ст. (2 изъ нихъ уже получили) ¹⁾, когда болѣе 50% его нижнихъ чиновъ — георгіевскіе кавалеры, и когда его товарищи командиры минной роты и крѣпостного телеграфа, подполковникъ Бородацовъ и Глоба, первый просидѣвшій всю осаду

¹⁾ Въ настоящій моментъ, считая и въ послѣдствіи прикомандированныхъ къ ротѣ 3-хъ офицеровъ, а всего значить изъ 8 оставшихся въ ротѣ вмѣстѣ съ чужими офицерами—6 награждены Георгіемъ 4-й степени.

Одинадцати дюймовыя японскія орудія у 11-ой версты желѣзной дороги.
Бомбардировка крѣпости. Первый выстрѣлъ 19-го Сентября.

у себя на берегу моря, а другой у себя въ казармахъ и никогда не выѣзжавшій на позиціи, получили: первый золотое оружіе, а второй Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ—что же?—Подполковникъ Жеребцовъ получилъ до сего времени, какъ не курьезно это, только мечи къ полученной ему еще въ мирное время Аннѣ 3-ей ст. и... только. Хотя я знаю, что онъ былъ представленъ генераломъ Кондратенко еще въ августъ за Зеленые горы къ Станиславу 2-й ст., а полковникомъ Григоренко за штурмъ 13-го ноября по статуту къ Георгію 4-й ст., но ничего этого онъ не получалъ; а произошло все это по той простой причинѣ, что онъ, будучи отъ природы скромнѣе, — объ себѣ не кричалъ, никого о наградахъ не просилъ и громкихъ реляцій не писалъ, заботясь лишь объ одномъ, чтобы его подчиненные не были обижены.

5) Что же говорить о тѣхъ несправедливостяхъ, которыми генераль Стессель такъ легко награждалъ многихъ. Стоитъ припомнить исторію, какъ онъ прямо придирался къ 28-му полку, издѣвался надъ нимъ и, если-бы не генераль Кондратенко, то даже, не имѣя правъ, хотѣлъ расформировать его, въ чемъ генерала Стесселя особенно ретиво поддерживалъ генераль Рейсъ. Стессель не взлюбилъ Мурмана и довольно, въ концѣ концовъ отрѣшилъ отъ командованія полкомъ. Раньше же, еще до начала осады, отрѣшилъ отъ командованія 27-мъ полкомъ (на почвѣ интригъ) и боевого кавказца полковника Селенина, — георгіевскаго кавалера. Грозилъ отрѣшить отъ командованія 26-мъ полкомъ полковника Семенова, но когда послѣдній получилъ флигель-адъютанта, то перемѣнилъ сразу тонъ. Хотѣлъ отрѣшить и подполковника Жеребцова отъ командованія саперной ротой за то, что произошелъ взрывъ въ лабораторіи ручныхъ бомбочекъ, которая еще до начала осады и до пріѣзда Жеребцова была изъята изъ вѣдѣнія командира роты и находилась въ вѣдѣніи военныхъ инженеровъ и едва уговорили генерала не дѣлать этой несправедливости. По представленію генерала Фока отрѣшилъ генераль Стессель отъ командованія 13-мъ полкомъ подполковника князя Мочабелли, этого отличнаго офицера и боевого кавказца, который будучи глубоко потрясенъ и удрученъ послѣ этого, не получивъ изъ объясненія съ генераломъ Стесселемъ никакого удовлетворенія, сталъ искать смерти и нашелъ ее въ

первой же стычкѣ съ непріятелемъ на Панлуншанѣ, но уже въ качествѣ командира баталіона 15-го полка, благодаря чему его осиротѣвшая семья приобрѣла право на несравнимо меньшую пенсію.

6) А тотъ дамокловъ мечъ, который повѣсилъ генераль Стессель надъ честною головою коменданта крѣпости генераломъ Смирновымъ

Развѣ все это вмѣстѣ взятое не есть глумленіе надъ людьми, подставлявшими честно свою грудь подъ огонь непріятеля въ теченіи долгихъ мѣсяцевъ и глумленіе со стороны того человѣка, который въ результатѣ лишь поспѣшилъ безъ согласія коменданта и генераловъ сдать на позорныхъ условіяхъ раньше времени крѣпость врагу, спасая лишь свою шкуру и преждевременной сдачей, хотя и косвенно, но поспѣшествовалъ врагу для послѣдовавшихъ нашихъ неудачъ подъ Мукденомъ?

Гдѣ же справедливость? Откуда же можетъ у насъ томящихся въ плѣну русскихъ людей, не щадившихъ своей жизни въ Артурѣ, явиться успокоеніе, если нашъ умъ точитъ непрерывно сознаніе пережитыхъ ужасовъ осады, гнета въ ожиданіи незаслуженныхъ оскорбленій отъ самодура начальника, фальши, лжи, интригъ и всякихъ другихъ гадостей и мерзостей? Одно, да будетъ намъ утѣшеніемъ: это сознаніе честно передъ Богомъ, Царемъ и Родиной исполненнаго долга.

7) Къ характеристикѣ личности генерала Стесселя уже достаточно кажется извѣстной русской публикѣ, я долженъ отнести, по чувству справедливости просто наблюдательнаго человѣка, слѣдующее. Это—типъ ротнаго командира, не ушедшаго дальше пониманія своего излюбленнаго ротнаго ученія, „трамти-трамти—и ружейной прикладки, забывая совершенно о той роли, которая во главѣ другихъ при оборонѣ всякой крѣпости падаетъ на долю артиллерійскаго и инженернаго искусства, онъ всю свою незамысловатую увѣренность полагалъ на стрѣлковую пулю и штыкъ, упуская изъ вида вовсе, что эти элементы являются только въ самый послѣдній моментъ завершителями дѣла обороны, а до тѣхъ поръ главными факторами защиты являются пушка и фортификаціонныя сооруженія. Но, повторяю, гдѣ же ему было задумываться надъ этимъ, а научить его было некому,

да и поздно учить было въ періодъ наступившаго для него экзамена въ познаніяхъ, которыя онъ пріобрѣлъ въ мирное время. Онъ вѣдь все рѣшалъ „по своему крайнему разумѣнію“, котораго у него и отъ природы было мало, а совѣтчиковъ... совѣтчиковъ у него не было вовсе. Смирнова онъ самъ отстранилъ, Фокъ—этотъ „сумасшедшій мулъ“, развѣ онъ способенъ былъ изрѣчь что-либо разумное; „единственный“, по выраженію Стесселя, „умный генералъ“ Кондратенко, не дождавшійся, но и не допустившій-бы если-бы остался живъ, позорной сдачи крѣпости, со славою погибъ; генералъ Никитинъ, хотя и былъ „истиннымъ героемъ и помощникомъ“, но А остальные... остальные всѣ стояли настолько, сравнительно конечно, низко по своему служебному положенію, что или крѣпко памятовали, что „младшіе не смѣютъ свои сужденія имѣть“, или „держали носъ по вѣтру, или просто напросто думали“: „куда намъ—давай Богъ унести ноги, и то слава Богу!...“

Съ своей стороны не могу умолчать еще объ одномъ случаѣ, рельефно очерчивающимъ характерную черту генерала Стесселя выдѣлять своихъ „присныхъ“.

На одномъ изъ парадовъ генералъ Стессель, отвѣдая полковника Жеребцова въ сторону, сказалъ: „Вы все-таки не забудьте представить Ксидо...“ А всѣмъ отлично было извѣстно, въ какой холѣ, былъ этотъ поручикъ въ семьѣ Стесселя!

Когда совершенно неподвѣдомственная командиру саперной роты лабораторія для изготовленія ручныхъ бомбочекъ, находившаяся въ вѣдѣніи начальника инженеровъ крѣпости, взорвалась, унеся съ собой много жертвъ, главнымъ образомъ матросовъ (и ни одного сапера), то генералу Стесселю вдругъ ни съ того ни съ сего пришло въ голову всю вину взвалить на полковника Жеребцова лишь потому, что лабораторія была расположена около района казармъ саперной роты. Онъ-то тутъ рпи чемъ? Вѣдь устраивали лабораторію военные инженеры, да еще задолго до его пріѣзда въ Артуръ, вѣдали лабораторіей инженеры, а когда она отъ неосторожнаго сверленія пероксилина взорвалась, то отвѣчать долженъ почему то командиръ саперовъ.

Но умыселъ другой тутъ былъ.

Стессель заявилъ, что онъ Жеребцова отрѣшить за это отъ должности командира роты.

Когда начальник инженеровъ, полковникъ Григоренко, спросилъ: кто же долженъ принять роту, то Стессель, не задумываясь, отвѣтилъ:

„Пусть принимаетъ Ксидо“...

Поручикъ, при наличіи штабсъ-капитановъ въ ротѣ, наконецъ, при наличіи въ крѣпости капитановъ, военныхъ инженеровъ, — вдругъ поручикъ будетъ принимать отдѣльную роту, права командира которой равны правамъ командира полка и на каковой должности по штату положенъ полковникъ или подполковникъ...

Согласитесь, что это явленіе болѣе, чѣмъ странное, пожалуй понятное только одному генералу Стесселю! Къ счастью, генерала Стесселя убѣдили въ концѣ концовъ въ его грубѣйшей несправедливости и онъ уgomонился...

Въ законѣ ясно указана организація въ подчиненіи саперъ въ военное время, но для генерала Стесселя, не всегда законъ служилъ руководящимъ началомъ. Не отдавая себѣ яснаго отчета о предстоящей роли саперъ въ Портъ-Артурѣ и оставаясь въ томъ же блаженномъ невѣдѣніи втеченіе всего періода обороны крѣпости, онъ саперную роту какъ мячикъ перешвыривалъ изъ рукъ въ руки.

До войны Квантунская саперная рота находилась, то въ прямомъ подчиненіи начальнику инженеровъ Квантунской области, то въ подчиненіи командиру 3-ей Восточно-Сибирской Стрѣлковой бригады (стоявшей въ Портъ-Артурѣ).

3-го февраля 1904 года по докладу генерала Стесселя, намѣстникъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА на Дальнемъ Востокѣ отдаетъ приказъ № 94: „въ отмѣну ранѣе отданныхъ распоряженій Квантунская саперная рота подчиняется во всѣхъ отношеніяхъ коменданту крѣпости Портъ-Артуръ“.

16-го мая генераль Стессель въ своемъ приказѣ по Квантунскому укрѣпленному району № 267 уже пишетъ: „Квантунская саперная рота подчиняется во всѣхъ отношеніяхъ начальнику 7-ой Восточно-Сибирской Стрѣлковой дивизіи, а только въ отношеніи техническомъ начальнику крѣпостного инженернаго управленія“.

(Такого не было—былъ начальникъ инженеровъ крѣпости, но Стессель, какъ ничего не зналъ, такъ и этого не зналъ, конечно).

13-го августа генераль Стессель въ томъ же приказѣ за № 533 пишетъ опять новое: „Квантунская саперная рота подчиняется начальнику крѣпостного инженернаго управленія“.

Такая аномалія, перепархиваніе цѣнной въ крѣпости технической части отъ одного начальника къ другому, ничѣмъ не вызывалась и приносила лишь вредъ дѣлу, давая возможность людямъ совершенно не освѣдомленнымъ въ силахъ и средствахъ Квантунской саперной роты предъявлять къ ней несуразныя требованія.

Что дѣло организаціи саперъ въ крѣпости на случай военнаго времени не было достаточно обдуманно и предусмотрѣнно, доказательствомъ можетъ служить слѣдующее. Квантунская саперная рота, имѣвшая назначеніе обслуживать не только крѣпость, но и весь районъ, который при другихъ обстоятельствахъ могъ расширяться и на всю площадь Квантунской области, почему она и не называлась Портъ-Артурскою крѣпостною саперною ротою, а просто полевою,—имѣла рѣзко отличавшійся отъ крѣпостныхъ ротъ штатный составъ, т. е. состояла изъ полевой собственно саперной роты усиленнаго состава и телеграфной команды въ половинномъ противу полевыхъ телеграфныхъ ротъ составѣ.

И вотъ, съ объявленіемъ мобилизаціи начались лукавыя мудрствованія. Въ крѣпости крѣпостныхъ саперъ нѣтъ, не было и крѣпостного телеграфа, а потому согласно предположеній мирнаго времени, начали изъ Квантунской саперной роты выдѣлять особую крѣпостную саперную команду и крѣпостной телеграфъ, на организацію коихъ затрачено было непроизводительно не мало времени.

Съ теченіемъ времени все это оказалось несостоятельнымъ: крѣпостная саперная команда признана была ненужной, а крѣпостной телеграфъ вновь сформированный прибылъ изъ Россіи и вотъ люди и офицеры потянулись обратно въ Квантунскую саперную роту и окончательно влились въ нее.

Насколько составъ Квантунской саперной роты оказался недостаточнымъ и несоотвѣтственнымъ тому количеству работъ, которыя пришлось производить въ періодъ обороны крѣпости, несмотря на то, что рота призывомъ и запаса была доведена до полуторнаго (противу штата) состава,—доказывать то, что уже 20-го іюля пришлось возбудить ходатайство о привлеченіи къ участію въ работахъ роты еще роту 1-го Уссурийскаго желѣзно-

дорожного батальона, оставшуюся въ отрѣзанномъ Портъ-Артурѣ вмѣстѣ съ доблестнымъ ея командиромъ капитаномъ Алексѣевымъ, что и было уважено. Изъ нея еще ранѣе 120 человекъ уже работали съ 1-го мая на горахъ Высокой, Угловой и Панлуньшанѣ.

Что касается входившей въ составъ Квантунской саперной роты телеграфной команды, то съ нею также было не мало курьезовъ. Прямой смыслъ подсказывалъ, что разъ прибылъ въ крѣпость вновь сформированный штатный Портъ-Артурскій крѣпостной телеграфъ, слѣдовало бы сейчасъ же все, что касалось содержанія Квантунской саперной ротыю телеграфныхъ и телефонныхъ линій собственно въ крѣпости, передать новому крѣпостному телеграфу. Содержаніе же этихъ линій внѣ крѣпости, т. е. на протяженіи отъ крѣпости до всѣхъ передовыхъ позицій, возложить на полевую телеграфную команду Квантунской саперной роты. Но сдѣлали не такъ. Сначала было что-то неопредѣленное, путались и Квантунская саперная рота и крѣпостной телеграфъ безъ какихъ-либо ясныхъ разграниченій въ своихъ работахъ. Затѣмъ приказано было телеграфную команду съ ея офицерами изъ Квантунской саперной роты передать въ крѣпостной телеграфъ и наконецъ, лишь по настойчивому докладу командира саперной роты начальнику инженеровъ крѣпости сдѣлали такъ, какъ надо было сдѣлать съ самаго начала. Телеграфисты саперной роты знали лишь линіи, идущія изъ центральной станціи крѣпости въ пункты впереди крѣпости и линіи между этими послѣдними; таковыхъ пунктовъ въ концѣ концовъ оказалось до 200.

Вотъ при какой внѣшней обстановкѣ пришлось Квантунской саперной ротѣ нести на себѣ всѣ тяготы оборонительныхъ работъ на цѣломъ укрѣпленномъ районѣ и въ крѣпости.

Извѣстія „Новаго Края“.

(Официально).

Сего 3 декабря я получилъ изъ Москвы пакетъ адресованный.
„Чифу (Китай)“

„Русскому консулу для передачи въ Портъ-Артуръ генераль-адъютанту Стессель“.

Въ пакетѣ образъ Иверской Божіей Матери при запискѣ слѣдующаго содержанія:

„Москва. Пришлите въ газетной телеграммѣ, что получили сіе посылаемое С. Ф. Я.“

На оборотной сторонѣ надпись:

„О, Царица Небеси, сохрани русское войско и сниспошли побѣду надъ врагомъ и сохрани раба война **Анатолія** за его трудные подвиги“.

Письмо это я получилъ черезъ передовые посты, такъ какъ вся почта, слѣдующая изъ Чифу на шаландѣ, была захвачена японцами.

Приношу глубокую благодарность г-жѣ С. Ф. Я.

Генераль-адъютантъ *Стессель*.

№ 960.

Вновь прошу нашихъ священниковъ объѣзжать и обходить полковые участки обороны, дабы дать возможность нашимъ геройскимъ защитникамъ помолиться на Святомъ Крестѣ и, приложившись къ Нему, получить благословеніе и услышать слова духовнаго отца. Я знаю, что всѣ служители алтаря выполнять это, также какъ на „Высокой“ священники 5 и 27-го В.-С. Стрѣлковаго полковъ, съ крейсера „Баяна“ и броненосца „Побѣда“ исполнили свой долгъ, какъ только можетъ исполнить его вѣрующій христіанинъ. Командирамъ частей представлять возможность бывать священникамъ на позиціяхъ и указать время.

Изъ дневника.

„10-го декабря, ночью, мы продолжали наши работы на Куропаткинскомъ люнетѣ. Во время работъ кондукторъ Рыбниковъ скатилъ въ ближайшій японскій окопъ шаровую мину. Она попала въ ближайшій окопъ, разбила тамъ блиндажъ и разрушила окопъ на протяженіи около 7 саж. Тотчасъ у японцевъ поднялся шумъ, крикъ, стоны, появились носилки, но скоро японцы пришли въ себя и открыли стрѣльбу, продолжавшуюся нѣсколько минутъ. Почти всю ночь японцы изъ своихъ окоповъ бросали на нашу китайскую стѣну мины и около часу ночи стрѣляли изъ пушекъ, поставленныхъ по редуту № 1, № 11 и капонирѣ № 2. На люнетѣ противъ редута № 1 мы дѣлали ходы

сообщенія и утолщали бруствера. Японцы мѣшали работамъ ружейнымъ огнемъ и метаньемъ минъ. Одна мина разорвалась вблизи кондуктора Янова, который замѣтилъ, что къ минѣ привязаны два письма. Послѣ разрыва мины письма загорѣлись, но Яновъ быстро схватилъ ихъ, загасилъ и доставилъ утромъ мнѣ. Это уже второй разъ.

Днемъ была стрѣльба съ обѣихъ сторонъ, но со стороны японцевъ сильная, а съ нашей слабая.

Около 6 час. вечера, на укрѣпленіи № 3, былъ взорванъ камуфлетъ, которымъ разрушена часть непріятельской галлерей, но наша галлерей пришла въ соприкосновеніе съ непріятельской, и потому, когда мы стали разбирать забивку, то были встрѣчены ужаснымъ ружейнымъ огнемъ, а вскорѣ непріятелю удалось подбросить зарядъ и взорвать его, причемъ одинъ саперъ былъ убитъ, одинъ раненъ и два контужено. На форту № 3 работы непріятельскихъ минеръ продолжаются...

Забава въ окопѣ.

Разсказъ очевидца.

Въ одномъ мѣстѣ, около Портъ-Артурскихъ передовыхъ окоповъ, японцы настолько близко находятся отъ нашихъ стрѣлковъ, что свободно можно слышать громкіе разговоры, приказанія, команды. Сначала наши солдаты—отъ нечего дѣлать—перебранивались съ японцами, шутили надъ ними, и тѣ отвѣчали тѣмъ же на коверканномъ русскомъ языкѣ.

Но дни все идутъ и идутъ и однообразіе надоѣло; тогда наши молодцы придумали забаву: нѣсколько смѣльчаковъ пристроилось за валомъ въ разныхъ мѣстахъ, а одинъ изъ нихъ сталъ на флангѣ и сквозь маленькую амбразуру крикнуть японцамъ:—Эй вы! япоши! макаки, слушай мою команду! Заряди ружья да приготовься!.. Пальба ротою, по выскакивающей цѣли! Разъ! два! три!..

По послѣднему счету смѣльчаки быстро поднялись до пояса надъ валомъ и моментально назадъ. А японцы даютъ по нимъ выстрѣлы, да не попадаютъ. Въ нашемъ окопѣ взрывъ хохота и восклицанія:

— Промыхъ! промахъ!... Вотъ такъ стрѣлки!... Дураки япошата!...

Японцамъ это развлеченіе тоже очень понравилось—слышны и въ ихъ окопахъ восклицанія и звонкій смѣхъ.

А смѣльчаки бѣгутъ тѣмъ временемъ совсѣмъ въ противуположный край окопа и опять изготавились. Снова раздается команда:

— По появляющейся цѣли! пальба ротою, разъ! два! три!..

Опять появляются и исчезаютъ цѣли, опять выстрѣлы и промахъ и съ обѣихъ сторонъ неистовый хохотъ...

Затѣмъ японцы, въ свою очередь тоже кричатъ нашимъ.

— Пальба ротой!—и такъ дальше.

А взводный командиръ въ нашемъ окопѣ приказываетъ зарядить ружья и лишь только раздается команда японца—„два!“ сдѣлать маленькую выдержку и передъ самой командой „три!“—хватить по всему гребню не ожидая цѣли и не мѣтаясь въ фигуру.

— Потому, — говоритъ унтеръ-весельчакъ, — все одно не успѣешь прицѣлиться въ одну секунду, значить вали по всѣмъ мѣстамъ!—авось зацѣпишь“...

Вотъ раздался счетъ „разъ! два!“ И наши стрѣлки одновременно съ командой „три!“ и появленіемъ надъ японскимъ окопомъ шести фигуръ, почти залпомъ хватили изъ всѣхъ ружей. Пыль поднялась по гребню и два японскихъ солдата, взмахнувъ руками, опрокинулись назадъ.

Въ нашемъ окопѣ раздался хохотъ и крики:

— Попали! попали!..

А у японцевъ—ругань и замѣтная суета,—должно быть понесли раненыхъ.

— Вотъ мы какъ перехитрили супостата!—небось ужъ больше не станетъ командовать нашему брату!..

Общее оживленіе, радость и подъемъ духа на новую отвагу, на новые подвиги.

Вышіе начальники, узнавъ про эту забаву въ окопѣ, отъ души посмѣялись, но повторять ее больше ужъ не позволили.

Изъ дневника.

„...11-го декабря. День прошелъ довольно тихо. Непріятель обстрѣливалъ фортъ № 3-й, укрѣпленіе 3-ье и Курганную ба-

тарею рѣдкимъ огнемъ изъ мортиръ. У насъ все тѣ-же работы. Нового ничего.

Чтобы улучшить сообщеніе отъ штаба и изъ крѣпости къ форту № 3, дѣлаемъ сегодня новый ходъ сообщенія, въ направленіи отъ перевязочнаго пункта № 3, къ перевалу между Лаперовой и Владимірской горой.

Кромѣ того старый ходъ углубляемъ. Боже мой, какъ измѣнились многіе офицеры: сегодня встрѣтилъ пріятеля, вернушагося изъ госпиталя. У него была и есть цынга. Онъ ужасно обрюзгъ и пополнилъ, но эта полнота нездоровая. Заросъ весь бородой, потому, что ротнаго стригуна убило и стричься негдѣ. Вѣроятно и я также выгляжу. Сегодня къ намъ приходила сестра милосердія Вильгельмина Кригъ. Наши старики растаяли и ухаживали за ней. В. Н. приподнесъ конфетъ. Все-же минута развлеченія отъ этого кошмара. Генераль Фокъ прислалъ телеграмму генералу Горбатовскому такого содержанія: „Ввиду важнаго значенія, приобрѣтаемаго теперь батареей лит. Б., прошу васъ командировать ко мнѣ капитана Шварца съ вашими соображеніями объ усиленіи обороны этого пункта“. Поэтому генераль Горбатовскій передалъ мнѣ эту телефонограмму и поручилъ мнѣ самому осмотрѣть лит. Б., составить проектъ и доложить генералу. Завтра утромъ сдѣлаю. Сегодня по знакомству выпросилъ у поручика Гриневича 14 двуколокъ отъ 7-й дивизіи...

... 12-го декабря. Ночью нашъ храбрый Рыбниковъ¹⁾ опять пустилъ японцамъ съ Куропаткинскаго люнета двѣ шаровыя мины въ тотъ же окопъ и снова сильно повредили его. Мы за эту ночь окончили оборудованіе Куропаткинскаго люнета и продолжали работы на Большомъ Орлиномъ и на люнетѣ. На китайской стѣнкѣ перебрасывались съ японцами минами изъ аппаратовъ. Какъ жаль, что у насъ ихъ мало, а у японцевъ много. На форту № 2 японцы поставили полевую пушку. Утромъ я осматривалъ батарею лит. Б. Тамъ отъ батареи остались однѣ развалины, безобразная груда мусора и камня, среди которыхъ торчатъ нѣсколько пушекъ, живутъ люди и съ отчаяніемъ защищаютъ ее. Осмотрѣвъ, рѣшилъ усилить нижній окопъ вокругъ батареи, а самую батарею имѣть какъ редюитъ. Кромѣ того углубить средній (2-й) ярусъ окоповъ и сдѣлать ходы со-

¹⁾ Инженерный кондукторъ.

общенія отъ него къ первому. Съ утра до 3 час. непріятель обстрѣливалъ очень сильно Курганную батарею, выпустивъ по ней болѣе сотни снарядовъ изъ 11-ти дюймовыхъ мортиръ. На Куропаткинскомъ люнетѣ мы начали контръ-минную галлерею изъ праваго угла, этимъ я обезпечу люнетъ отъ взрыва. Получено донесеніе, что на укрѣпленіи № 3 непріятель окончилъ свои работы около 1 часу дня, онъ подорвалъ кофръ во рву, а въ 4 часа подорвалъ сводъ потерны, опустившись къ ней булевымъ колодцемъ—мы должны были отойти назадъ и устроить въ потернѣ новый траверсъ изъ уровня артиллерійскаго валганга и за нимъ поставили пушку 37 мм., въ которой открыли огонь по потернѣ. Около 9 часовъ вечера, японцы черезъ кофръ тоже ввели въ потерну свою пушку и стали стрѣлять по насъ, но вреда не причинили...”

Изъ дневника.

“... 13-го декабря. Утро прошло довольно тихо. Около трехъ часовъ дня непріятель произвелъ въ напольномъ брустверѣ укрѣпленія № 3 взрывъ, не произведшій никакихъ наружныхъ измѣненій на поверхности бруствера. Послѣ взрыва онъ открылъ тотчасъ же сильный шрапнельный огонь по внутренности укрѣпленія, но не рѣшился штурмовать. Когда все успокоилось, то оказалось, что японцы имѣли намѣреніе подорвать лѣвую стѣну потерны, чтобы проникнуть въ нее и продвинуть впередъ свой траверсъ. Вѣроятно, они не рассчитывали забивки, потому, что потерна осталась цѣла и видно было, что снопъ пламени былъ выброшенъ обратно въ ровъ. Въ главныхъ ихъ галлереяхъ, ведущихся изъ плачевныхъ угловъ бруствера, работа продолжается...”

Гибель форта III-го.

15-го декабря.

Сдача форта третьяго носитъ въ себѣ массу недосказаннаго, туманнаго и возбуждаетъ всегда самые страстные споры среди младшихъ офицеровъ, и, въ особенности, старшихъ начальниковъ. Все это заставляетъ меня въ цѣляхъ возстановленія истины воздержаться отъ описанія послѣдняго штурма и оставленія гарнизонамъ форта, а привести только два показанія по этому дѣлу.

Я привожу точное показаніе двухъ сильно разнствующихъ величинъ въ крѣпости: одно генерала Смирнова, другое комендора Дыренкова и иллюстрирую оба показанія выпиской изъ дневника одного изъ защитниковъ сѣверо-восточнаго фронта.

„14-го декабря въ 7 часовъ вечера ¹⁾ японцы закончили всѣ „работы подѣ нашимъ переднимъ брустверомъ, о чемъ и было „донесено коменданту форта и саперному офицеру, наблюдавшему „и записывавшему работы японцевъ все время, съ самаго начала; „но комендантъ, а также и саперный офицеръ не придали особаго „значенія затишью японскихъ работъ, думали, что они прекра- „тили ихъ временно, но оказалось, что они всѣ работы закон- „чили, только осталось взорвать.

„Въ этотъ день японцы ни въ чемъ не выказали себя, что „хотятъ взорвать нашъ брустверъ, какъ и всегда бросали мины „и 11-ти дюймовые бомбы изрѣдка по нашему форту. Ночь прошла „спокойно, взрыва мало кто предвидѣлъ.

„15-го декабря въ 7^{1/2} часовъ утра, японцы произвели пер- „вый взрывъ, но не удачно, этотъ взрывъ мало былъ ощутимъ „на форту, такъ какъ всю ихнюю забивку выбросило обратно „къ нимъ же въ ровъ. Въ 8 часовъ одинъ японецъ выскочилъ „на нашъ брустверъ и успѣлъ убѣжать обратно. Черезъ пять „минуть спустя, я шелъ со второго бруствера и не успѣлъ войти „въ капониръ, какъ раздался взрывъ, отчего весь фортъ задро- „жалъ отъ основанія горы; съ капонира посыпалась земля и „камни и заполнило весь капониръ пылью.

„Одновременно со взрывомъ, японцы открыли адскій огонь „изо всѣхъ орудій, пулеметовъ, а также начали бросать массу „бомбочекъ и минъ, но ружейный огонь съ ихъ стороны былъ „слабый, они въ это время занялись возводить по эту сторону „рва окопъ изъ мѣшковъ, наполненныхъ землею, и убирать на- „шихъ раненыхъ, лежащихъ на переднемъ брустверѣ ближе къ „нимъ.

„Во время взрыва наши потери до 100 человѣкъ убитыми „и ранеными, нѣкоторые задохлись газами въ капонирѣ, а также „порвало нѣсколько человѣкъ своими бомбочками и минами, ко- „торые воспламенились отъ своего камелька, человѣкъ до 20-ти

¹⁾ Показаніе комендора Дыренкова.

„успѣли уползти живыми, но оглушенными, до нашего капонира. „Было скомандовано въ ружье; что и было исполнено въ мигъ. „Въ моментъ выкатили наши пулеметы, но стрѣлять могъ только „одинъ пулеметъ, и то успѣлъ выпустить три ленты, а затѣмъ „пролетѣвшей миной убило унтеръ-офицера, который стрѣлялъ „и подбило пулеметъ. Наши стрѣлки и матросы бросали бом- „бочки, но люди на форту таяли какъ воскъ, всѣхъ било и сме- „тало вмѣстѣ съ брустверомъ какъ ураганомъ, смерть и разру- „шеніе царствовали до самой ночи. Поэтому комендантъ форта „приказалъ убрать людей въ корридоръ капонира, такъ какъ „послѣднихъ людей высылать на вѣрную смерть безо всякаго „толку не было расчета. Комендантъ послалъ въ штабъ гене- „ралъ-маіора Горбатовскаго сказать, „что у насъ японцы произ- „вели взрывъ передняго бруствера, наши потери большія, прошу „прислать подкрѣпленіе“.

„Подкрѣпленіе къ намъ пришло, я не замѣтилъ черезъ „сколько времени, 70 человѣкъ команды броненосца „Ретвизанъ“, „полу-рота броненосца „Севастополь“ и двѣ роты стрѣлковъ, „какого полка не знаю, я такъ предполагаю, что человѣкъ до „500 всего стрѣлковъ и матросовъ. Съ наступленіемъ темноты „японцы прекратили артиллерійскій огонь, часамъ къ 6-ти зати- „хло почти совсѣмъ, только слабый ружейный огонь нарушалъ „тишину. Комендантъ приказалъ уносить раненыхъ, такъ какъ „ихъ было навалено полный капониръ, а которые легко раненые „сидѣли и ходили на своихъ ногахъ. Часамъ къ 10-ти раненые „были всѣ вынесены съ форта.

„Затѣмъ комендантъ послалъ человѣка въ штабъ передать „генералу: „Ш-й фортъ окруженъ японцами. Что прикажете дѣ- „лать?“ Генералъ Горбатовскій передалъ: „Дѣлайте что знаете, „резерва больше не будетъ“. Комендантъ послалъ 50-ть чело- „вѣкъ „Ретвизанскихъ“ матросовъ подъ командой прапорщика „выбить японцевъ со второго бруствера, но не успѣла команда „выйти изъ корридора капонира, какъ ихъ японцы минами и бом- „бочками почти всѣхъ уничтожили. Оказалось, что японцы за- „няли не только брустверъ, но залѣзли и на капониръ. Оттуда „японцы, какъ только кто покажется на фортъ, сейчасъ же на- „чнутъ бросать бомбочки и стрѣлять изъ пулемета; поэтому не „было никакой возможности отстоять фортъ, давши имъ занять „весь фортъ, и выбить ихъ обратно. Три раза бросались наши

„стрѣлки и матросы выбивать, но съ большимъ уропомъ были „принуждены войти въ капониръ обратно. Японцы успѣли къ „9-ти часамъ вечера на нашемъ капонирѣ возвести брустверъ изъ „мѣшковъ, а также подтащить минные аппараты и пулеметы „совсѣмъ на фортъ.

„Часу въ 10-мъ должно было быть приказано уходить съ „форта саперамъ и артиллеристамъ, намъ тоже комендантъ при- „казалъ вынуть замки отъ 37 м/м орудій и итти съ форта къ „штабу генерала Горбатовскаго и сдать замки, что мы и испол- „нили. Генераль Горбатовскій приказалъ намъ итти, кому въ „экипажъ, а кому на дачу. Когда мы уходили, людей оставалось „въ капонирѣ человекъ до 100, раненыхъ человекъ 5-ть. Я пред- „полагаю наши потери до 600 человекъ убитыми и ранеными. „Орудій осталось въ пользу японцевъ: 6"—3 оруд. всѣ подбитые. „Одно орудіе Барановскаго. Два орудія полевыхъ 4-хъ фунто- „выхъ, 7 орудій 37 м/м, бомбочки израсходовали всѣ, капониръ „остался цѣлъ, штукъ до 300 ружей, шансовый инструментъ, „двѣ мины шаровыя, не снаряженные. Къ 37 м/м орудіямъ па- „троновъ 2,000 съ лишнимъ штукъ, 200 штукъ къ орудію Бара- „новскаго, къ 6" незнаю, ихъ оставили съ замками, и сколько „къ нимъ зарядовъ—не знаю; а почему замки не вынули армей- „скіе артиллеристы,—не могу знать. Убитые остались тамъ на „фортѣ. Пищевыхъ продуктовъ осталось: 30-ть мѣшковъ черныхъ „сухарей, пудовъ 10 хлѣба, полтора ящика мясныхъ консервовъ, „крупы нѣсколько пудовъ. Наши и офицерскія вещи. Вотъ все, „что я знаю“.

„... Наконецъ ¹⁾ 15-го числа въ 9 часовъ утра послѣдоваль большой взрывъ на брустверѣ форта III. Образовавшуюся воронку непріятель вѣнчалъ, несмотря на нашъ сильный огонь. Въ то же время противникъ открылъ сильный огонь по ретраншменту. Этого огня наши не выдержали и попрятались въ казематы подъ ретраншментомъ. Около 5 часовъ пополудни нѣсколько японцевъ забрались на нашъ ретраншментъ, между тѣмъ, какъ другая часть ихъ стала распространяться по боковымъ рвамъ форта. Хотя гарнизонъ форта составлялъ болѣе 300 человекъ при 7—9 офицерахъ, но духъ его настолько былъ подорванъ примѣромъ ухода гарнизона форта II-го и разговорами

¹⁾ Изъ доклада коменданта крѣпости.

генерала Фока, что нижніе чины не слушались офицеровъ, посылавшихъ ихъ изъ казематовъ на ретраншаментъ; сами же офицеры не подавали примѣра нижнимъ чинамъ. Я посылалъ изъ резерва одну роту за другой съ приказаніемъ генералу Горбатовскому выбить японцевъ съ ретраншамента, но духъ гарнизона передавался прибывающимъ ротамъ; онѣ тоже деморализировались и въ контръ-атаку не шли. Опасаясь огласки при сообщеніи мнѣ такого свѣдѣнія по телефону, генераль Горбатовскій послалъ ко мнѣ для личнаго доклада капитана Степанова, убѣдительно прося разрѣшенія очистить фортъ, иначе весь гарнизонъ форта погибнетъ. Я сообщилъ о семъ для свѣдѣнія полковнику Рейсу, самъ же медлилъ давать такое разрѣшеніе, выжидая прибытія капитана Степанова. Но прежде, чѣмъ послѣдній прибылъ ко мнѣ, генераль Горбатовскій получилъ отъ генераль-адъютанта Стесселя черезъ штабъ района приказаніе очистить фортъ III. Очистивъ фортъ III, наши заняли въ тылу его полуподготовленную позицію отъ Скалистаго Кряжа къ укрѣпленію III-му шагахъ въ 300—500 отъ форта“.

15-го декабря ¹⁾).

„... Съ 7-ми часовъ утра непріятель обстрѣливалъ рѣдкимъ огнемъ 11-дюймовыхъ мортиръ укрѣпленіе № III и фортъ № III, работы непріятельскихъ минеръ на форту и укрѣпленіи продолжались. Въ 9 часовъ утра непріятель внезапно прекратилъ стукъ въ своей миной галлерей и тотчасъ же произвелъ взрывъ двухъ своихъ горновъ въ исходящихъ углахъ напольнаго фаса форта № III. Въ моментъ взрыва въ казематѣ для противуштурмовыхъ пушекъ помѣщалась дежурная часть, а остальной гарнизонъ находился въ горжевой казармѣ. Силой взрыва отвалились куски внутреннихъ слоевъ бетона въ убѣжищѣ, завалили выходъ и придавили нѣсколькихъ человекъ. Въ брустверѣ же въ право и въ лѣво отъ убѣжища образовались двѣ широкія воронки.

Чтобы облегчить положеніе защитниковъ форта и помѣшать движенію штурмующихъ японскихъ колоннъ, было приказано нашимъ батареямъ открыть огонь по подступамъ къ форту № III, по его гласису и по напольному рву, но что-же могъ сдѣлать нашъ огонь, когда съ заредута батареи могла стрѣлять лишь

¹⁾ Выписка изъ дневника.

одна шестидюймовая пушка, съ Лаперовой горы тоже только одна шестидюймовая, съ Митрофаньевской горы одна сорока-миллиметровая, да съ Лаперовой же горы батарея, скорострѣльная полевая батарея и 4 орудія съ Курганной. Всѣ эти батареи обстрѣливались чрезвычайно сильно непріятельскимъ огнемъ, дѣлали все, что могли. Полковникъ Менмандаровъ и подполковникъ Стольниковъ¹⁾ руководили огнемъ нашихъ батарей. Около 11-ти часовъ въ штабъ отряда было получено первое донесеніе коменданта форта III-го, штабсъ-капитана Булгакова, доносившаго, что вслѣдствіе сильнаго взрыва непріятель обрушилъ и захватилъ напольный брустверъ форта, что въ гарнизонѣ паника, что онъ еще держится на ретраншементѣ, но положеніе его очень трудное. Тогда генераль Горбатовскій немедленно послалъ на фортъ роту резерва съ капитаномъ Шпаковскимъ для замѣны Булгакова, съ приказаніемъ выбить японцевъ изъ форта. Однако, несмотря на посланный резервъ, не только не удалось выбить японцевъ, но гарнизонъ не могъ удержаться и на ретраншементѣ. Когда капитанъ Шпаковскій и Булгаковъ попробовали перейти въ контръ-атаку и когда при выходѣ изъ ретраншемента первые пять стрѣлковъ были убиты, остальные отказались итти, и гарнизонъ, очистивъ ретраншементъ, занялъ горжевую казарму. Пользуясь же темнотой, они, японцы, стали небольшими частями распространяться на пораженномъ фланговомъ звенѣ, грозя обойти фортъ съ тыла, захватить горжевой ровъ и отрѣзать сообщеніе форта съ центромъ крѣпости.

Артиллерійскій огонь непріятеля продолжался весь день; ходы сообщеній, ведущіе къ форту, были сильно разрушены, но весь день поправлялись нашими саперами. Эта работа особенно подвинулась съ наступленіемъ темноты. Очищеніе форта было начато послѣ полуночи и окончилось около 2-хъ часовъ. Уходя съ форта, штабсъ-капитанъ Булгаковъ приказалъ облить керосиномъ и зажечь нары въ казармѣ, а также приказано было поджечь длинные фитили шаровыхъ минъ, сложенныхъ въ потернѣ. Въ 2 часа ночи генераль Горбатовскій приказалъ мнѣ утромъ съѣздить къ генералу Фоку и передать его мнѣніе о необходимости удержать III-е укрѣпленіе до конца... “

¹⁾ Выдающійся артиллеристъ крѣпости. По своей энергіи, самоотверженію и храбрости служилъ примѣромъ для всѣхъ офицеровъ. Это общій голосъ всѣхъ офицеровъ.

Линія японскихъ сторожевыхъ постовъ.

Въ такомъ освѣщеніи представляется дѣло съ нашей стороны.

Англійскій военный корреспондентъ, г. Норригардъ, рисуетъ картину штурма, защиты и очищенія форта со стороны японцевъ въ слѣдующемъ видѣ:

... Взрывъ минъ подѣ валами Эрлунгъ ¹⁾ произошелъ 28-го ²⁾ декабря въ 10 часовъ утра, безъ всякой предварительной бомбардировки. Устройство минныхъ галлерей, число и вѣсъ зарядовъ были тѣ же самые, что у сѣвернаго Киквана ³⁾ планъ атаки тотъ-же; но японцы произвели здѣсь взрывы съ большею удачею, чѣмъ тамъ. Ровъ и сапы, ведущіе къ брустверу, были заполнены развалинами, атакующимъ войскамъ былъ значительно облегченъ путь, но въ то же самое время они подвергались опустошительному огню съ батарей Итцешана во время наступленія.

Немедленно послѣ взрыва посыпались со всѣхъ японскихъ позицій сотни снарядовъ и шрапнели на фортъ и въ то же время пѣхота приготовилась къ атакѣ. 19-ый и 38-ой полки, назначенные для этого дѣла, были двинуты въ апроши и послѣднія параллели. Впередъ шли развѣдчики, имъ удалось отыскать мертвое пространство подѣ брустверомъ и они подавали знаки слѣдовать за ними. Черезъ обстрѣливаемую зону солдаты перебѣгали во всю прыть къ защищеннымъ мѣстамъ, группами по два и по три человѣка. Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ скопилась значительная сила подѣ парпетомъ, защищеннымъ отъ артиллерійскаго огня грудами развалинъ отъ взрыва, отсюда они проникли во внутренность укрѣпленія.

Русскій гарнизонъ на Эрлунгѣ ⁴⁾ состоялъ приблизительно изъ 500 солдатъ 26-го Восточно-Сибирскаго Стрѣлковаго полка. Приблизительно половина людей находилась на нижней батарее форта. Нѣкоторые были убиты во время взрыва, другіе настолько ошеломлены ударомъ, что не были въ силахъ оказать серьезное сопротивленіе японской атакѣ. Всѣ эти войска были истреблены и японцы овладѣли гласисомъ форта; среди грудъ земли и глыбъ бетона они могли найти укрытіе, въ ожиданіи рѣшенія старшихъ офицеровъ, атаковать ли сразу верхнюю батарею или продолжать минныя операціи противъ этой части укрѣпленія.

1) Фортъ III.

2) 15 декабря ст. ст.

3) Фортъ II.

4) Фортъ III.

Была произведена тщательная развѣдка, а тѣмъ временемъ солдаты стали окапываться во внутренней форты и вести сапы отъ послѣдней параллели, съ цѣлью обезпечить себѣ путь отступленія.

По полученіи донесеній отъ развѣдочныхъ отрядовъ, японцы рѣшили атаковать сразу верхнюю батарею и въ четыре часа пополудни былъ произведенъ натискъ всею силою, оба полка вмѣстѣ вели наступленіе. Одинъ отрядъ дѣйствовалъ около узкаго прохода, другіе атаквали передніе брустверы и со всѣхъ сторонъ японцы тѣснили защитниковъ. Однако, послѣдніе сражались блестяще, отстаивая каждую пядь земли съ величайшимъ упорствомъ, бились повсюду, возлѣ пушечныхъ эполементовъ, бараконъ, кухни, то на открытомъ мѣстѣ въ отчаянныхъ схваткахъ, то укрываясь за земляными мѣшками, за валами и вокругъ угловъ, дѣйствуя ружьями и ручными гранатами.

Такъ проходилъ часъ за часомъ, а борьба продолжалась съ неослабною яростью, движеніе японцевъ впередъ было очень медленное—они потеряли много людей.

Тѣмъ не менѣе исходъ былъ внѣ сомнѣнія. Русскіе не могли подсылать подкрѣпленій и 250 человекъ, оставшихся изъ гарнизона послѣ штурма нижней батареи, мало-по-малу, конечно, выбывали изъ строя, японцы же, располагая неистощимыми резервами, могли посылать непрерывно свѣжія войска. Около трехъ часовъ утра остатокъ храбраго гарнизона послѣ одиннадцатичасоваго непрерывнаго боя въ сомкнутомъ строю, прекратилъ безнадежную борьбу и отступилъ, предавъ огню все, что можно было зажечь. Японцы взяли въ плѣнъ трехъ,—около 150 человекъ ушли, остальная часть погибла. Потери японцевъ исчислялись свыше тысячи убитыми и ранеными.

Бой велся превосходно съ обѣихъ сторонъ, но оборона маленькаго гарнизона противъ сильнѣйшаго непріятеля была выше всякой похвалы. Дѣло это было уже лебединою пѣснею. Съ этого дня русскіе, казалось, совершенно потеряли бодрость духа отраженіе дальнѣйшихъ атакъ было очень слабое и не можетъ итти въ сравненіе съ сопротивленіемъ, которое они оказывали во всѣхъ предыдущихъ бояхъ со времени первой генеральной атаки въ августѣ...

Мнѣніе подавляющаго большинства защитниковъ Артура вообще, а доблестныхъ защитниковъ сѣверо-восточнаго фронта

съ генераломъ Горбатовскимъ во главѣ въ частности, сводится къ тому, что очищеніе форта III было вызвано, главнымъ образомъ, паденіемъ духа въ гарнизонѣ форта. Главной же причиной этого, было растлѣвающее вліяніе на войска генерала Фока и примѣръ очищенія форта II-го.

Для каждаго, болѣе или менѣе знакомаго съ психологіей войсковыхъ массъ, прекрасно извѣстно, какой огромный факторъ въ жизнедѣятельности ихъ—примѣръ.

На обыкновенныхъ маневрахъ мирнаго времени стоитъ только ротному командиру на маршѣ не сумѣть скрыть своего утомленія, какъ въ ротѣ непременно увеличится процентъ отсталыхъ. Это дѣйствіе примѣра въ мирное время.

Какъ же велико его дѣйствіе во всеугрожающей обстановкѣ осажденной крѣпости!

Какъ, слѣдовательно, вредно было присутствіе Фока на оборонительной линіи?! Теперь становится яснымъ, чѣмъ былъ Фокъ для обороны крѣпости и какъ страшно Фокъ деморализовалъ ввѣренные ему войска.

Можно ли послѣ этого винить изнывавшій въ нечеловѣческой борьбѣ гарнизонъ?!

Удивительно-ли, что съ паденіемъ форта II палъ фортъ III?!

Послѣдній военный совѣтъ.

16-го декабря въ 6 часовъ вечера, въ помѣщеніи штаба района, согласно разосланнымъ повѣсткамъ, собрались всѣ старшіе начальники крѣпости.

Прибыли слѣдующія лица:

- 1) Капитанъ Головань, и. д. начальника штаба 7-ой Восточно-Сибирской Стрѣлковой бригады.
- 2) Подполковникъ Дмитревскій, начальникъ штаба 4-ой Восточно-Сибирской Стрѣлковой дивизіи.
- 3) Полковникъ Хвостовъ, начальникъ штаба крѣпости.
- 4) Полковникъ Рейсъ, начальникъ штаба Квантунскаго укрѣпленнаго района.
- 5) Подполковникъ Некрашевичъ-Покладъ, командиръ 25-го полка.
- 6) Полковникъ Петруша, командиръ 28-го полка.
- 7) Подполковникъ Гандуринъ, командиръ 15-го полка.

8) Флигель-адъютантъ полковникъ Семеновъ, командиръ 26-го полка.

9) Полковникъ Савицкій, командиръ 14-го полка.

10) Полковникъ Грязновъ, командиръ полка.

11) Полковникъ Мехмандаровъ, командиръ 7-го Восточно-Сибирскаго артиллерійскаго стрѣлковаго дивизіона.

12) Полковникъ Ирманъ, командиръ 4-го Восточно-Сибирской артиллерійской стрѣлковой бригады.

13) Полковникъ Григоренко, начальникъ инженеровъ крѣпости:

14) Контръ-адмиралъ Виренъ.

15) Контръ-адмиралъ Лошинскій.

Генералъ-маіоры:

16) Горбатовскій, начальникъ восточнаго отряда.

17) Бѣлый, начальникъ артиллеріи крѣпости.

18) Надѣинъ, командиръ бригады.

19) Никитинъ, не у дѣлъ.

Генералъ-лейтенанты:

20) Фокъ, начальникъ 4-ой Восточно-Сибирской Стрѣлковой дивизіи.

21) Смирновъ, комендантъ крѣпости.

22) Генералъ-адъютантъ Стессель.

Въ городѣ и на фронтѣ стояло затишье. Вечеръ уже былъ. Собравшіеся, ожидая начала засѣданія, оживленно бесѣдовали, передавали другъ другу свои впечатлѣнія. Всѣхъ, конечно интересовалъ предстоящій совѣтъ и большинство догадывалось уже зачѣмъ начальникъ раіона собралъ всѣхъ старшихъ начальниковъ.

Наконецъ, засѣданіе открылось.

Стессель: Господа, я собралъ васъ сюда для того, чтобы высказали совершенно откровенно свое мнѣніе касательно настоящаго положенія крѣпости и мѣръ, которыя надлежало бы принять въ будущемъ.

Въ концѣ засѣданія, господа, я васъ познакомлю вотъ съ этой запиской (въ рукахъ у него записка. Говоритъ спокойно съ достоинствомъ).

Приступимъ. Начнемъ съ самаго младшаго. Капитанъ Головань, что вы можете сказать по данному вопросу.

Головань:¹⁾ Необходимо обороняться до послѣдней крайности.

Дмитревскій: (очень складно и пространно). Плохое питаніе у гарнизона. Очень мало снарядовъ. Никакого успѣха отъ дальнѣйшей обороны ожидать нельзя.

Некрашевичъ-Покладъ: Снарядовъ у насъ нѣтъ. Цынга увеличивается, больныхъ много. Войскъ на веркахъ крѣпости мало. Какой при этихъ условіяхъ можетъ быть успѣхъ въ дальнѣйшей оборонѣ?

Петруша: До сихъ поръ оборонялись, и дальше будемъ обороняться. А тамъ что Богъ дастъ.

Савицкій: } Обороняться очень тяжело.

Грязновъ: } Все плохо.

Семеновъ: Необходимо и впредь обороняться. Духъ войскъ у меня бодрый.

Мехмандаровъ: Необходимо продолжать упорную оборону...

Стессель: Вамъ полковникъ должно быть извѣстно, что противникъ занявъ фортъ III, какъ командующій надъ сосѣдними батареями и укрѣпленіями, можетъ оттуда обстрѣливать насъ орудійнымъ огнемъ. Можете ли вы поручиться, что тамъ непріятель не поставитъ пушекъ?

Мехмандаровъ: За это я поручиться не могу, но я ручаюсь головой за то, что собью эти пушки, если таковыя тамъ будутъ поставлены. Отдача форта III-го пока ничего критическаго еще не представляетъ, разъ мы еще находимся на Скалистомъ кряжѣ. Мы долго еще можемъ обороняться. У насъ еще много великолѣпныхъ арріергардныхъ позицій. Мы можемъ и мы должны еще обороняться, обороняться до тѣхъ поръ, пока мы живы.

Ирманъ: Во всякомъ случаѣ необходимо обороняться, какъ мы и раньше оборонялись. Вѣдь въ сущности говоря, мы до сихъ поръ оборонялись на позиціяхъ, которыя нужно считать полевыми, а не долговременными. Впредь мы будемъ на такихъ же полевыхъ позиціяхъ съ успѣхомъ сражаться.

Григоренко: Мы обязаны дальше защищаться. Посмотримъ на вопросъ объ оборонѣ шире. Для успѣха защиты я предложилъ бы ослабить тѣ наши укрѣпленія, на которыя не ведется атаки (Ляотъшань, Сигнальная горка), и оттуда стягивать войска къ наиболѣе угрожающимъ пунктамъ.

¹⁾ Я, конечно, передаю лишь смыслъ сказаннаго членами совѣта.

Фокъ: (мотая головой). О! Ляотъшань нельзя трогать. Ляотъшань—это пупъ Артура.

Рейсъ: Миссія Портъ-Артура въ смыслѣ защиты флота кончилась, такъ какъ флотъ пересталъ существовать. Для оперирующей же на сѣверѣ арміи Артуръ совершенно не нуженъ, такъ какъ армія собралась въ большихъ силахъ. Дальнѣйшая защита Портъ-Артура можетъ привести только къ рѣзнѣ на улицахъ, чего не должно допускать.

Вирень: } Категорически заявили, что необходимо обо-
Лощинскій: } роняться до конца.

Горбатовскій: Если предстоитъ крѣпости пасть или сдать, то этотъ моментъ нужно отдалить, какъ можно дальше. Одна мысль объ этомъ терзаетъ душу. Мы должны драться до послѣдней крайности.

Бѣлый: Напрасно здѣсь подполковникъ Дмитревскій такъ подробно распространялся объ отсутствіи снарядовъ. Снарядовъ у насъ еще хватитъ для отбитія двухъ большихъ штурмовъ (102 тысячи снарядовъ наличныхъ и еще 100 тысячъ снарядовъ не принятыхъ отъ флота. 8 миллионъ ружейныхъ патроновъ). Съ точки зрѣнія артиллериста, я не считаю что мы находимся въ критическомъ положеніи. Надлежитъ продолжать упорную защиту.

Надѣинъ: Необходимо защищаться.

Никитинъ: (съ большой экспрессіей). Обязательно и необходимо защищаться до конца. Если наше положеніе скверно, то и японцевъ положеніе не казисто. Дальнѣйшая борьба возможна и будетъ успѣшна, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ еще рядъ великолѣпныхъ позицій, и въ новомъ китайскомъ городѣ рядъ хорошихъ помѣщеній для гарнизона.

Фокъ: Я недавно былъ въ траншеяхъ и видѣлъ тамъ „бѣгунцовъ“ (многозначительно смотритъ на Смирнова. Стессель улыбается). Боже мой, великій Боже, что я тамъ видѣлъ! Я видѣлъ этихъ мучениковъ, которыхъ жестокосердные люди осмѣливаются называть „смердами“. Я видѣлъ этихъ мучениковъ! Я видѣлъ этихъ страдальцевъ. Они овшивѣли. Вши кишатъ цѣлыми стаями, ползаютъ по нимъ и ѣдятъ ихъ немоющее тѣло. Но я готовъ пасть къ ихъ ногамъ, цѣловать ихъ и молится на нихъ и о нихъ за тѣ страданія, которыя они переносятъ!

(Никитинъ глубоко вздыхаетъ, въ глазахъ сверкаютъ слезы. Стессель началъ манипулировать съ платкомъ у глазъ и носа

У Рейса упало нѣсколько кристальныхъ слезъ. Нѣкоторые сидятъ серьезно. Большинство улыбается).

Что можетъ быть выше русскаго солдата? Кто можетъ сравниться съ нимъ по доблести, героизму, самоотверженію и выносливости? Русскій солдатъ въ Артурѣ показалъ опять, что онъ чудотворецъ. Нѣтъ предѣла величію души этого чудотворца! Не надо его только истреблять напрасно. Его надо истреблять умѣло, съ пользою для дѣла. Его теперь опять будутъ истреблять, если японцы на форту III поставятъ орудія. Бѣдные, бѣдные солдатики...

Мехмандаровъ: Я головой ручаюсь, что ни одной пушки не позволю японцамъ поставить на фортъ III-мъ.

(Стессель протягиваетъ Фоку записку — рукопись. Фокъ отстраняетъ ее рукой).

Фокъ: Извелись, изголодались, овшивѣли наши стрѣлочки. Я все, все сказалъ.

Смирновъ: Полагаю, что все то, что было изложено здѣсь, достаточно и со всѣхъ сторонъ освѣтило вопросъ, предложенный на обсужденіе; я, съ своей стороны, считаю долгомъ заявить слѣдующее: по существующимъ правиламъ, въ каждой крѣпости имѣется Высочайше утвержденная секретная инструкция, въ которой категорически указывается цѣль и назначеніе крѣпости на мѣстномъ театрѣ военныхъ дѣйствій. На основаніи этой инструкции комендантъ можетъ судить въ извѣстный періодъ войны, въ какой мѣрѣ и степени крѣпость выполнила свое назначеніе. Таковой инструкции въ дѣлахъ штаба крѣпости, къ сожалѣнію, не имѣется. Въ данномъ случаѣ, о задачахъ нашихъ приходится судить самимъ. Одна изъ таковыхъ задачъ служить прибѣжищемъ и защитой флоту, — уже нами исчерпана, вслѣдствіе гибели флота. Другая наша задача, прикрывать армію или содѣйствовать стратегическому развертыванію нашей арміи — еще не закончена; иначе мы, не только узнали бы о ея наступленіи, но были бы освобождены отъ осады. Какое-бы ни было на этотъ счетъ мнѣніе, но положеніе объ управленіи крѣпостями категорически требуетъ вести оборону крѣпости до полного истощенія силъ и средствъ, чего у насъ далеко еще не наступило (Стессель выказываетъ всѣ признаки волненія, мечетъ молніеносные взоры, при послѣдней фразѣ затихаетъ. Фокъ и Никитинъ серьезно слушаютъ, изрѣдка усмѣхаются. Рейсъ вопло-

щеніе злости. Дмитревскій очень непокоенъ. Остальные слушаютъ съ глубокимъ, серьезнымъ вниманіемъ. Нѣкоторые одобрительно качаютъ головой). Посему дальнѣйшая оборона крѣпости для насъ обязательна.

Самый же планъ обороны, сообразуясь съ существующей обстановкой, долженъ быть такой: пока возможно, мы должны держаться Китайской стѣнки, такъ какъ изъ-за нея мы можемъ дѣйствовать бомбочками и стрѣлять минами, что для насъ является суррогатомъ артиллерійскаго огня. Для усиленія нашей боевой линіи надо ослабить наши выдающіеся (Фокъ мотаетъ головой) фланги Ляотъшань (Фокъ усиленно трясетъ головой, хочетъ перебить Смирнова, но не рѣшается. Смирновъ говоритъ громко и рѣзко) и Сигнальную горку, взявъ оттуда часть силъ. Полагаю, что Китайскую стѣнку мы можемъ держать не менѣе двухъ недѣль.

(На лицахъ Стесселя, Фока, Никитина и Рейса—блуждаетъ усмѣшка. Фокъ смотритъ на Стесселя, тотъ въ упоръ на Смирнова).

Затѣмъ мы отойдемъ на 2-ю позицію, т. е. Курганную батарею, Владимірскую, Митрофаніевскую и Безымянную горы. Эта позиція имѣетъ то неудобство, что невозможно держать близко къ ней поддержки и резервы, по причинѣ малаго количества блиндажей и холоднаго времени. Поэтому на эту позицію надо смотрѣть, какъ на арріергардную, но все-таки я полагаю на ней можно будетъ задержать противника до одной недѣли. Наконецъ, третья позиція, на Каменнололинномъ краѣ, примыкающая слѣва къ сѣверной части городской ограды, а справа—къ Большой горѣ, въ настоящее время хорошо укрѣплена и имѣетъ непосредственно сзади себя много построекъ (Стессель растерянно и вопросительно смотритъ на Фока. Фокъ дѣлаетъ нетерпѣливый жестъ, а затѣмъ, улыбнувшись, успокоительно качаетъ головой. Рейсъ какъ на иголкахъ. Никитинъ одобрительно качаетъ головой) для расположенія поддержекъ и резервовъ. Позиція эта, благодаря своей силѣ и удобствамъ (Фокъ, Рейсъ, Никитинъ саркастически улыбаются. Стессель тупо глядитъ впередъ. Смирновъ возвышаетъ голосъ), позволить намъ держаться по меньшей мѣрѣ недѣли три. (Всѣ сосредоточенно слушаютъ. У Стесселя видъ негодующій, но онъ быстро овладѣваетъ собой. Фокъ, Никитинъ и Рейсъ продолжаютъ улы-

баться). Къ этому времени средства наши будутъ на исходѣ и тогда, только тогда (значительно повышая тонъ) можетъ быть затронутъ вопросъ о дальнѣйшей жизни крѣпости.

Смирновъ кончилъ.

Всѣ молчали, никто не рѣшался возражать, да и возражать было нечего. Устами коменданта говорила сама истина.

Неожиданно для всѣхъ заговорилъ Стессель.

Стессель: А я нахожу, что вторая линія не представляетъ никакой силы. Да впрочемъ, это и не важно.

Итакъ, господа, почти всѣ, да что я говорю, собственно говоря, всѣ за дальнѣйшую оборону. Такъ и будемъ дѣлать. Такъ оно и подобаешь русскимъ воинамъ. Приношу всѣмъ собравшимся свою искреннюю сердечную благодарность.

Засѣданіе кончилось.

Было уже довольно поздно, начали расходиться.

Стессель, прощаясь съ расходившимися, особенно усердно приглашалъ къ себѣ ужинать Фока, Никитина, Дмитревскаго, Рейса и другихъ. Съ Ирманомъ, паче чаянія, Стессель простился очень холодно.

Ирманъ никакъ не могъ понять, чѣмъ навлекъ на себя эту немилость и былъ крайне ею огорченъ, о чемъ наивно всѣмъ рассказывалъ.

Объясненіе же было простое. Настойчиво приглашались только тѣ, кто высказался на совѣтѣ или неопредѣленно или прямо ратовалъ за сдачу. Фокъ и Никитинъ въ счетъ не шли. Никитинъ, въ качествѣ второго совѣтника и друга, зналъ, что дѣлалъ, когда говорилъ противъ сдачи.

Вѣсть о томъ, что на состоявшемся военномъ совѣтѣ поднимался вопросъ о сдачѣ, быстро разнеслось по гарнизону.

То, что говорилъ Фокъ и другіе, тоже, при соотвѣтствующихъ, конечно, преувеличеніяхъ, быстро дошло до нижнихъ чиновъ.

Почва же для воспринятія всего этого была предусмотрительно подготовлена.

Изъ дневника.

„...16-го декабря. съ паденіемъ форта № 3 пришлось оставить участокъ Китайской стѣны влѣво отъ форта. Очищеніе нами форта произвело удручающее впечатлѣніе на войска

и на жителей города. Теперь всѣ ходятъ повѣся носъ и потерявъ надежду на выручку. Утромъ въ 6 часовъ я ѣздилъ по приказанію генерала Горбатовскаго къ генералу Фоку съ докладомъ о положеніи укрѣпленія № 3. Весь день непріятель не открывалъ огня по форту, стрѣляя исключительно по укрѣпленію № 3. Въ 4 часа дня у генерала Стесселя состоялся совѣтъ начальниковъ отдѣльных частей, обсуждавшій положеніе дѣла. Совѣтъ не пришелъ ни къ какому опредѣленному рѣшенію. На укрѣпленіи № 3 работа японцевъ не слышна. Мы ночью работали въ ходахъ сообщенія и на новыхъ окопахъ сзади и лѣвѣе форта № 3..“

„...17-го декабря. Опять съ ранняго утра непріятель громить 3-е укрѣпленіе, а на форту уложилъ мѣшками горжу и видимо устраивается. Около 3-хъ часовъ дня на форту отъ невыясненной причины, произошелъ взрывъ. Поднялся столбъ густого черного дыма, видно было, какъ человѣческія тѣла летѣли въ воздухъ и какъ японцы въ ужасѣ бѣжали въ ровъ. Около 6-ти часовъ, снарядъ непріятеля попалъ въ цинковый сарай близъ арсенала, въ которомъ хранились снаряды (съ гильзами) полевыхъ орудій и патроны Манлихера. Что-то тамъ загорѣлось и начались почти непрерывные взрывы снарядовъ и патроновъ, продолжавшіеся до 8½ часовъ. Мы торопились закончить окопы влѣво отъ скалистаго кряжа (сзади форта № 3) и поставить здѣсь возлѣ перевязочнаго пункта два полевыхъ орудія. Перевязочный пунктъ перенесенъ назадъ ближе къ оградѣ. Здѣсь же строится блиндажъ для штаба отряда, для чего употребили срубъ разобранной сигнальной станціи..“

Укрѣпленіе III-ье.

День 18 декабря, день гибели укрѣпленія III-го былъ продолженіемъ несчастія съ фортомъ II-мъ.

Стойкость гарнизона съ каждымъ днемъ падала и о томъ упорномъ сопротивленіи, которое наши оказывали въ самомъ началѣ декабря, не могло быть и рѣчи. Началась невѣроятная безтолковщина, которую сознательно поддерживалъ генералъ Фокъ. Тѣ лица, которые успѣли понять, что дѣло идетъ къ сдачѣ крѣпости, превосхищая всю прелесть освобожденія отъ тисковъ осажденной крѣпости, оставаясь людьми, страстно же-

лавшими жить, жить во что-бы то ни стало, были хотя и не открытыми, но дѣятельными пособниками Фока въ этой безтолковщинѣ. Лица, которыя хотя и составляли подавляющее большинство, были безсильны парализовывать въ массѣ тотъ развалъ, который начался съ момента гибели форта II-го.

Масса нижнихъ чиновъ, почуявъ, что повѣяло жизнью, не могла она, какъ всякое живое, стремящееся сохранить жизнь, не могла, какъ лепестокъ къ свѣту, не потянуться туда, гдѣ торжествовала жизнь, откуда отлетала черная грозная, кровавая и безпощадная смерть.

Справиться съ десятками тысячъ людей, считавшихъ себя обреченными на вѣрную гибель и вдругъ почувствовавшихъ, что все это вздоръ, что выходъ есть, что впереди блещетъ красота и манитъ къ себѣ жизнь—не подъ силу было измученнымъ нравственно и физически офицерамъ.

Въ гарнизонѣ забурило страстное желаніе жить и убѣдить теперь гарнизонъ въ томъ, что онъ долженъ погибнуть, погибнуть во имя долга—былъ абсурдъ.

Желаніе жить, какъ горный потокъ разметало на своемъ пути всѣ условности, и жизнь въ крѣпости восторжествовала.

Перехожу къ изложенію историческаго хода вещей 18 декабря.

Рано утромъ, генераль Гербатовскій былъ вызванъ къ генералу Фоку для совѣщанія, и нашелъ послѣдняго въ новомъ китайскомъ городѣ.

(По крайней мѣрѣ въ полуторахъ верстахъ отъ атакованнаго фронта).

Генералы начали бесѣдовать. Фокъ, по обыкновенію, обильно словоизвергался о доблести стрѣлковъ и ужасныхъ условіяхъ, въ которыхъ живутъ и борются „чудотворцы“.

Вдругъ въ сторонѣ укрѣпленія III-го взрывается огромный столбъ дыма и доносится громоподобный взрывъ. Что случилось никто не зналъ.

— Ваше превосходительство, я ѣду назадъ и затѣмъ немедленно донесу вамъ о происшедшемъ.

— Поѣзжайте, поѣзжайте, осмотрите все и подробно доложите.

Гербатовскій ускакалъ.

Фокъ остался съ инженеръ-капитаномъ Родіоновымъ.

Оказалось, что произошелъ взрывъ на укрѣпленіи III-мъ.

Фокъ, не дождавшись доклада о происшедшемъ генерала Горбатовскаго и не имѣя, слѣдовательно, ни малѣйшаго представленія, что собственно произошло на оборонительной линіи, въ присутствіи капитана Родіонова пишетъ и отправляетъ (если не ошибаюсь съ матросомъ) приказаніе очистить укрѣпленіе Ш-е.

Фактъ достаточно краснорѣчивъ и въ полной мѣрѣ подтверждающій; что Фокъ дѣйствовалъ помимо генерала Стесселя, совершенно игнорируя коменданта и во вредъ оборонѣ крѣпости.

О судьбѣ этого приказанія я не знаю, но что подобное, своевольное приказаніе было отдано, то это можетъ подтвердить капитанъ Родіоновъ.

Капитанъ Родіоновъ, какъ я уже, кажется, говорилъ неоднократно, былъ послѣ Рашевскаго и Щварца, однимъ изъ самыхъ дѣятельнѣйшихъ и геройски храбрыхъ инженеровъ. Подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ создалась третья линія обороны.

Теперь я переношу вниманіе читателя на самое укрѣпленіе Ш-е и предоставляю прочесть показаніе поручика Х. собственноручно имъ написанное и подписанное:

„Къ 18-му декабря японцы владѣли контръ-эскарповымъ ка-
„пониромъ, кофромъ укрѣпленія, гдѣ у траверса, построеннаго
„у входа изъ потерны въ кофрѣ, находился японскій часовой;
„нашъ часовой находился почти подъ линіей огня, также за тра-
„версомъ, сложеннаго изъ камня и цемента; у траверса находи-
„лась и 37 м/м пушка, шагахъ въ 4-хъ передъ траверсомъ бетон-
„ный потолокъ потерны пробить, и въ это отверстіе діаметромъ до
„1 аршина, непріятель бросалъ бомбочки, газами которыхъ отра-
„влялъ часового и комендора, находившихся у траверса. Сквозь
„никъ и Широкая потерна были вполнѣ исправлены. Горжевые
„казематы цѣлы; горжевые капониры гарнизонъ былъ вынужденъ
„засыпать, такъ какъ стѣны этихъ капонировъ были разрушены
„11-дюймовыми бомбами.

„Гарнизонъ укрѣпленія состоялъ изъ слѣдующихъ частей:

„8-й роты 25-го В.-С. Стрѣлковаго полка—командующій ро-
„той штабсъ-капитанъ Спредовъ; онъ-же комендантъ укрѣпленія;
„1-ой роты 15-го В.-С. Стрѣлковаго полка—заурядъ-прапор-
„щикъ Батуринецъ;

„7-ая рота того же полка—поручикъ Орловскій и заурядъ-
„прапорщикъ Коваленко;

„4-ая рота 16-го В.-С. Стрѣлковаго полка—поручикъ Целларіусъ и подпоручикъ Терскій;

„7-ая рота 16-го В.-С. Стрѣлковаго полка—подпоручикъ Имнадзе и заурядъ-прапорщикъ Павловъ;

„11-ая рота того же полка—заурядъ-прапорщикъ Забусовъ.

„40 чел. матросовъ съ крейсера „Баянъ“ подъ командой боцмана; саперъ около 30 чел. при шт.-кап. Квантунской крѣпостной минной роты Протасовъ, и военномъ инженерѣ капитанѣ Затурскомъ, и около 25 артиллеристовъ и пулеметчиковъ. Артиллерія укрѣпленія состояла изъ 2 поршневыхъ и 2 пушекъ Барановскаго, которыя стояли на брустверѣ; 1-ой картечницы, стоявшей на горжѣ; 2-хъ 37 м/м пушекъ, изъ которыхъ одна стояла на горжѣ, другая въ узкой потернѣ у траверса; 4-хъ пулеметовъ—три на брустверѣ и одна на горжѣ. Снарядовъ почти не было, кромѣ 37 м/м, которыхъ было до 400 шт. Бомбочекъ болѣе 700 шт.; сложены онѣ были въ проходѣ какъ разъ въ серединѣ.

„Уже къ 15-му декабря японцы закончили минныя работы подъ брустверомъ, и съ этого времени мы ежеминутно ожидали взрыва, а вслѣдъ за нимъ и штурм укрѣпленія. Ретраншаментъ и проволоочная сѣть передъ нимъ были сооружены еще къ 10-му декабря.

„Въ моментъ взрыва роты были расположены слѣдующимъ образомъ:

„11-ая и 7-ая роты 16-го и 15-го полковъ занимали окопъ на брустверѣ въ 3 смѣны, 2 смѣны находились въ широкой потернѣ; въ поддержку этимъ ротамъ на случай штурма были моряки и 1 рота 15-го полка; находились они также въ широкой потернѣ и частью въ правомъ казематѣ; 7-я рота 16-го полка и 8-я рота 25-го полка занимали окопы въ правомъ и лѣвомъ рву; 4-я рота 16-го полка составляла резервъ и находилась въ лѣвомъ казематѣ, гдѣ жили также артиллеристы, саперы и минеры. Кромѣ того на укрѣпленіи была сформирована команда „бомбовщиковъ“ въ 30 человѣкъ, которые находились въ моментъ взрыва въ широкой потернѣ.

„Взрывъ японцами былъ произведенъ около 9 часовъ утра. По взрывѣ шт.-кап. Спредовъ, поруч. Орловскій, подпоручикъ Терскій и заурядъ-прапорщики: Павловъ, Батуринецъ и Забусовъ отправились на брустверъ, вслѣдъ за ними (минуты черезъ три)

„я направился въ ровъ, но едва дошелъ до входа въ потерну, какъ произошелъ взрывъ и казематъ моментально наполнился „пороховыми газами, въ которыхъ я сталъ задыхаться, черезъ „нѣсколько мгновений я снова почувствовалъ сильный толчекъ „и ударъ въ грудь и голову—тутъ я потерялъ сознание.

„Черезъ нѣкоторое время послѣ того какъ нижніе чины „освободили меня изъ подъ навалившихся труповъ и раненыхъ, „а также досокъ и козелъ отъ паръ, я пришелъ въ сознание. „Оправившись нѣсколько, я изъ разспросовъ выяснилъ нижеслѣдующее: очевидно шт.-кап. Спредовъ, поручикъ Орловскій и под- „поручикъ Терскій, а также заурядъ-прапорщики: Батуринецъ, „Павловъ и Забусовъ, успѣли дойти лишь до склада бомбочекъ, „когда произошелъ первый взрывъ, причину котораго выяснить „мнѣ не удалось; мое личное убѣжденіе, что взрывъ первый „произойти могъ отъ двухъ причинъ: или въ бетонъ-потернѣ, „въ томъ мѣстѣ, гдѣ были сложены бомбочки, ударила 11-дюймовая бомба и, пробивъ бетонъ, разорвалась внутри укрѣпленія, „или отъ неосторожности разорвало бомбочку или снарядъ, которые несли на брустверъ; въ томъ и другомъ случаѣ отъ детонации взорвался зарядъ, заложенный подъ укрѣпленіе и въ „то же время взорвались заряды пироксилина, приготовленные „для подрыва стѣнъ казематовъ, но которые еще не были заложены и лежали на полкахъ въ казематахъ въ каждомъ по два, „если не по три. Все что было въ широкой потернѣ, частью „было прибито осыпавшимся или вѣрнѣе рухнувшимъ бетономъ, „частью вынесено наружу. Широкою потерну засыпало отъ середины потерны и почти до сквозника, такимъ образомъ выходъ „изъ укрѣпленія на линію огня былъ запертъ. Въ лѣвомъ казематѣ взрывомъ убитые и раненые нижніе чины были перемѣшаны съ кусками досокъ, винтовокъ и прочаго имущества, „бывшаго въ казематѣ, раненые были извлечены изъ этой массы, „Въ этомъ казематѣ взрывъ не коснулся лишь отдаленнѣйшей „части его, гдѣ находилась 4-я рота 16-го полка. Въ правомъ „казематѣ за исключеніемъ нѣсколькихъ раненыхъ и контуженныхъ, всѣ были разорваны въ клочки.

„Въ лѣвомъ казематѣ былъ раненъ также капитанъ Затурскій. Другихъ гг. офицеровъ, какъ, напримѣръ, поручика У. „и шт.-кап. Z. на укрѣпленіи не оказалось; нижніе чины „мнѣ доложили, что названные выше офицеры, послѣ того какъ

„дымъ нѣсколько разошелся, приказали положить винтовки и, выкинуть бѣлый флагъ,—убѣжали.

„Японцы, тѣмъ временемъ, пока люди пришли въ себя, заняли горжу, гдѣ поставили, кромѣ нашего, еще своихъ два пулемета, которыми на дистанціи всего лишь 30—40 шаговъ обстрѣливали единственный ходъ на укрѣпленіи совершенно разбитый, по которому можно было пройти лишь до занятія японцами горжи. Кромѣ того, на верху обвала въ потернѣ они сдѣлали отверстіе діаметромъ въ $\frac{1}{2}$ аршина, въ который поставивъ пулеметъ, они бы отрѣзали намъ выходъ изъ каземата въ потерну.

„Узнавъ, что телефонъ укрѣпленія дѣйствуетъ съ штабомъ отряда, я доложилъ генералу Горбатовскому о безвыходномъ положеніи оставшагося въ живыхъ гарнизона укрѣпленія, на что я получилъ приказаніе держаться и ждать выручки, которая, по словамъ начальника отряда, должна была занять выгодную относительно горжи укрѣпленія позицію, и ружейнымъ огнемъ заставить японцевъ уйти съ горжи; но часа въ половинѣ второго дня, генераль Горбатовскій передалъ мнѣ отъ имени генералъ-адъютанта Стесселя, что за невозможностью выйти изъ укрѣпленія съ гарнизономъ, мнѣ предлагается сдать въ плѣнъ. Къ утру 19-го декабря японцами были вынесены изъ укрѣпленія и всѣ раненые. Указать точно число штыковъ въ каждой ротѣ, за неимѣніемъ данныхъ я не могу, но всего на укрѣпленіи было не менѣе 250 чел., изъ коихъ я считаю убитыми 122, остальные 128 чел. были взяты въ плѣнъ со мною. Изъ числа послѣднихъ 65 чел. были ранены или сильно контужены, такимъ образомъ людей, съ которыми я могъ предпринять что-либо, было не болѣе 40—45 чел., въ числѣ которыхъ были и оправившіеся отъ взрыва.

„Я могъ бы лишь атаковать непріятеля на горжѣ, для чего мнѣ нужно было лѣзть на укрѣпленіе сзади, для чего не имѣлось приспособленій, да и при этомъ штурмѣ 40—45 чел. истребить непріятелю ничего не стоило-бы, такимъ образомъ я былъ связанъ и въ этомъ отношеніи; вдобавокъ ко всему отъ генерала Горбатовскаго было передано вновь, возможно скорѣе очистить укрѣпленіе въ ту или другую сторону; по полученіи этого приказанія участь гарнизона была рѣшена.

„16-го Вост.-Сиб. Стрѣлковаго полка подпоручикъ Х.“

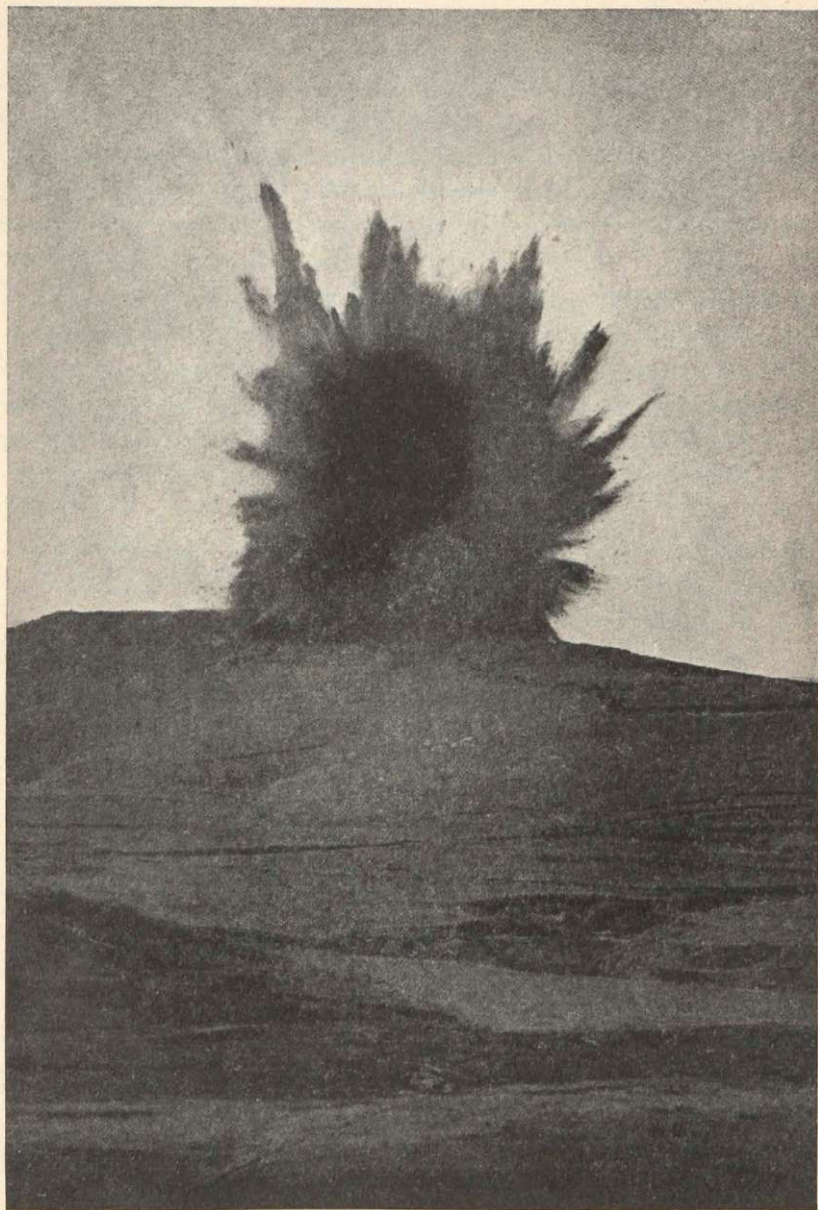
Изъ дневника.

18-го Декабря.

„Около 6-ти часовъ утра генераль Горбатовскій былъ вызванъ генераломъ Фокомъ на третью линію обороны для совѣщанія. Вдругъ въ 9 часовъ на укрѣпленіи № III раздались одинъ за другимъ три послѣдовательныхъ взрыва снарядовъ. Черезъ нѣсколько минутъ въ штабѣ отряда зазвонилъ тревожно телефонъ съ III-го укрѣпленія, и оттуда сообщили, что японцы взорвали два своихъ горна въ углахъ напольнаго фаса. Въ тотъ моментъ, когда гарнизонъ форта во главѣ съ комендантомъ, штабсъ-капитаномъ Спредовымъ, бросился изъ казармы въ потерну, чтобы выскочить во внутрь укрѣпленія и раньше японцевъ завладѣть брустверомъ, они взорвали третій горнъ, заложенный въ самой потернѣ. Взрывъ этотъ имѣлъ послѣдствія: онъ обрушилъ потерну и подъ ея обваломъ было моментально погребено 140 защитниковъ и комендантъ¹⁾. Обрушенію способствовала также детонація ручныхъ пироксилиновыхъ бомбочекъ, сложенныхъ въ кучу въ потернѣ, и 4-хъ минъ, заложенныхъ въ ней подъ фундаментомъ. При обрушеніи былъ заваленъ выходъ во внутрь двора. Раненые и остатки гарнизона оказались запертыми въ казематѣ, имѣющемъ лишь небольшой выходъ въ горжевой ровъ, черезъ который нужно было пролѣзть. Не будучи въ состояніи проникнуть во дворъ, гарнизонъ укрѣпленія, естественно, не могъ ничего сдѣлать, чтобы удержать укрѣпленія за собой; японцы моментально поняли это, быстро проникли во внутрь форта и захватили горжу, гдѣ поставили пулеметы.

Около 10-ти часовъ, на укрѣпленіи № III, мы замѣтили какой-то бѣлый флагъ. Неизвѣстно, кто его выбросилъ. Дали знать генералу Стесселю и коменданту крѣпости, и черезъ четверть часа былъ полученъ приказъ отъ генерала Стесселя приблизительно слѣдующаго содержанія: „Ввиду затруднительности выхода изъ укрѣпленія, остатокъ гарнизона можетъ сдать ся непріятелю, кто можетъ спастись, пусть попытается.“ Этотъ приказъ былъ переданъ по телефону на укрѣпленіе, и оттуда же по телефону былъ

¹⁾ Капитанъ Спредовъ былъ одинъ изъ выдающихся защитниковъ крѣпости. Это былъ офицеръ, которымъ вправѣ гордиться наша армія.

Взрывъ на форту III 18 Декабря.

переданъ списокъ оставшихся живыхъ и раненыхъ, между которыми былъ и инженеръ капитанъ Затурскій. Послѣ этого телефонъ на укрѣпленіи былъ перерѣзанъ, чтобы непріятель не могъ подслушивать наши разговоры. Предполагается, что, завладѣвъ укрѣпленіемъ, непріятель попытается штурмовать Курганную батарею. Генераль Горбатовскій приказалъ: усилить гарнизонъ этой батареи одной ротой и назначилъ комендантомъ капитана 26-го полка Кириленка ¹⁾ вмѣсто капитана Музеуса и роту морского десанта разсыпалъ въ окопы 2-й линіи отъ Лаперовой по Владимірской и Митрофаньевской.

Около 11-ти часовъ стрѣльба непріятеля утихла.

Генераль Горбатовскій рѣшилъ очистить и занять вторую оборонительную линію, имѣя фланговыми пунктами слѣва Курганную батарею и вправо Большое Орлиное Гнѣздо. Сообщивъ объ этомъ коменданту крѣпости, генераль Горбатовскій говорилъ съ нимъ по телефону и просилъ разрѣшенія сдѣлать это ночью... "

Въ этотъ день „генераль-адъютантомъ“ былъ отданъ приказъ-диспозиція (№№ 979 — 980), въ которомъ, не представляя себѣ соотношенія и относительнаго положенія 2-й и 3-й линіи, предписывалъ удерживать лѣвый флангъ 2-й линіи, перейдя въ то же время на фронтъ третьей линіи (Каменноломенный хребетъ и Большую гору). Изъ этого приказа-диспозиціи было очевидно ясно, что Стессель и Рейсъ, отдававшіе его, никогда не видѣли второй позиціи и никогда не были на прилежащихъ горахъ.

Послѣ сдачи форта III-го, осаждающій открылъ сильную бомбардировку сѣверо-восточнаго фронта отъ Курганной батареи до Орлинаго Гнѣзда.

Въ часъ пополудни началось наступленіе отъ павшаго форта III-го къ Скалистому кряжу.

Войска, потерявшія бодрость духа, попятились, но сильный и удачный огонь нашей артиллеріи парализовалъ дальнѣйшій штурмъ; позиціи остались за нами.

Тѣмъ не менѣе, генераль Фокъ, несмотря на отданное комендантомъ строжайшее приказаніе, во чтобы-то ни стало удерживать Китайскую стѣнку со Скалистымъ Кряжемъ (а удерживать

¹⁾ Испытанный герой Водопроводнаго редута.

таковую представлялась несомнѣнная возможность), самовольно, прикрываясь приказаніемъ Стесселя, началъ ее очищать.

Съ первыми сумерками началось очищеніе Китайской стѣнки и Скалистого Кряжа.

Отступленіе съ этихъ важныхъ позицій произошло безъ всякой помѣхи со стороны японцевъ. Намъ удалось увезти всѣ орудія, за исключеніемъ 9" мортирь и 6" пушекъ.

Въ 5 часовъ, 19-го декабря, наши войска расположились на второй линіи: Курганная батарея, Владимірская, Митрофаніевская горы, Большое Орлиное Гнѣздо, участокъ Китайской стѣнки за фортомъ II-мъ и Куропаткинскій люнетъ.

Квантунская Крѣпостная артиллерія ¹⁾.

Съ появленіемъ непріятеля подъ Портъ-Артуромъ и началомъ непріязненныхъ его дѣйствій, сначала съ одной приморской стороны, а затѣмъ и съ сухопутной, крѣпость ускоренно стала приводиться въ окончательную готовность къ оборонѣ, какъ въ инженерномъ, такъ и въ артиллерійскомъ отношеніяхъ.

Чтобы дать нѣкоторыя объясненія тому, почему то или другое по части артиллерійскихъ вооружительныхъ работъ въ крѣпости и вообще на Квантунѣ, производилось такъ, а не иначе,—нахожу не лишнимъ предпослать содержанію настоящаго очерка, слѣдующія краткія объяснительныя свѣдѣнія.

Предшествовавшее началу войны время не оставалось тоже, конечно, безъ работъ въ отношеніи подготовки къ оборонѣ и Портъ-Артура и Квантуна вообще. Командующимъ войсками Квантунской области, генераломъ-адъютантомъ Алексѣевымъ, учреждена была еще въ 1902 году особая комиссія по оборонѣ Квантунской области, на обязанность которой возложено было подробно разработать планъ обороны, какъ области вообще, такъ и Портъ-Артура въ частности.

Членами въ комиссію входили: начальникъ сухопутныхъ войскъ въ области (онъ же и. д. Портъ-Артура коменданта), начальникъ морского штаба Тихо-Океанской эскадры, начальникъ штаба области, завѣдывающій инженерной частью, област-

¹⁾ Изъ отчета генерала Бѣлаго, командира Квантунской крѣпостной артиллеріи.

ной интендантъ и командиръ Квантунской Крѣпостной артиллеріи. Предсѣдательствовалъ помощникъ командующаго войсками.

Объѣздами по мѣстности въ 1902 и 1903 годахъ, комиссія постановила, въ случаѣ войны, выставить части крѣпостной артиллеріи въ слѣдующихъ пунктахъ:

Г. Инкоу—въ старомъ китайскомъ форту у устья р. Ляо-хе, для защиты входа въ рѣку.

У г. Дальняго и Талиенвана нѣсколько батарей полевого калибра, для защиты нашихъ минныхъ загражденій въ Талиенванскомъ заливѣ.

На позиціи города Цзиньчжоу, для воспрепятствованія прорыву непріятеля на Квантунскій полуостровъ съ суши черезъ узкій перешеекъ между бухтами: Хенуэза и Цзиньчжоу намѣчено 12 батарей.

Намѣчены полевая, передовая позиціи Нангалинскія и Волчьи горы.

Непосредственно подъ крѣпостью проектированы артиллерійскіе окопы на Панлуньшанскомъ хребтѣ, независимо форта здѣсь, и на высотѣ у кумирни Мяосань.

По представленію генерала Бѣлаго, предположено было усилить артиллерійскую оборону еще слѣдующими орудіями военной добычи, взятыми нами въ 1900 году у китайцевъ: одною—28 см. пушкой, двумя—24 см., двумя—21 см., четырьмя—120 м.м., двумя—150 м.м., двадцатью восемью—87 м.м., свыше 20—75 м.м. и десятью—57 м.м.—Всѣ эти орудія исправлялись и подготавливались къ тому, чтобы возможно было воспользоваться ими, когда потребуется. Боевые припасы для большинства этихъ орудій имѣлись хотя и не въ большомъ количествѣ, но все же ихъ достаточно было для того, чтобы использовать указанныя орудія для обороны. Для пушекъ же 120 м.м., 87 м.м. и 57 м.м. сдѣланъ былъ дополнительный заказъ снарядовъ, патроновъ и трубокъ въ Германіи заводу Круппа. Это было въ 1903 году.

Какъ по неготовности однихъ орудій, изъ числа китайскихъ—военной добычи, такъ по недостатку боевыхъ припасовъ для другихъ, наконецъ, вслѣдствіе неизвѣстности заранее тѣхъ условій, при какихъ придется воспользоваться этими орудіями,—мѣстъ для нихъ въ крѣпости не было назначено и онѣ предназначались служить резервомъ крѣпостныхъ орудій. Но 87 и

75 м.м. пушки, во всякомъ случаѣ, предназначались для Талиенванскаго залива и Цзиньчжоуской позиціи.

Тогда же, предвидя возможность того, что непріятельскіе корабли, ставъ за Ляотешанскимъ хребтомъ, могутъ безнаказанно бомбардировать крѣпость, нашъ флотъ и городъ (что и случилось въ дѣйствительности), генералъ Бѣлый внесъ въ комиссію по оборонѣ предложеніе о постановкѣ на вершинѣ Ляотешана одной 28-ми см. и двухъ 24-хъ см. китайскихъ пушекъ. Но предположеніе это было отвергнуто потому, что самопредположеніе о возможности подобныхъ дѣйствій непріятельскаго флота казалось комиссіи невѣроятнымъ, такъ и вслѣдствіе боязни той трудности и стоимости работъ по этой установкѣ, которыя казались комиссіи колоссальными. Впослѣдствіи читатель увидитъ всю неосновательность боязни и отказа комиссіи по этому предложенію.

Не одобрено было также и предложеніе Бѣлаго о постановкѣ этихъ орудій гдѣ-либо на береговомъ фронтѣ, напримѣръ, въ группѣ батарей на Крестовой горѣ.

Впослѣдствіи, уже когда война была объявлена, намѣстникъ Дальняго Востока предложилъ Бѣлому установить 28-ми см. пушку на Цзиньчжоуской позиціи. Но, ко времени оставленія нами послѣдней, пушка еще не была окончательно приведена въ исправность, и потому предложеніе намѣстника не было исполнено. Какъ увидимъ дальше, какъ эта пушка, такъ и другія предполагавшіяся, все-же были установлены и на Ляотешанѣ и на Крестовой горѣ.

Плана приведенія крѣпости въ готовность къ оборонѣ не было вовсе составлено, за исключеніемъ артиллерійской части, планъ которой былъ составленъ генераломъ Бѣлымъ и доложенъ комиссіи по оборонѣ въ 1903 г. и ею одобренъ.

Отсутствіе въ крѣпости хорошо устроенной телефонной сѣти, наблюдательныхъ пунктовъ и оріентировочныхъ знаковъ, наконецъ, топографическихъ плановъ мѣстности и нѣкоторыхъ нужныхъ для стрѣльбы и наблюденія приборовъ, заставили генерала Бѣлаго съ 1902 г.—когда уже достаточно опредѣленно установлено было будущее вооруженіе и состояніе крѣпости, входить съ представленіями, куда слѣдовало, объ отпускѣ средствъ на заведеніе всего необходимаго. Но по разнымъ причинамъ, уже не зависѣвшимъ отъ генерала Бѣлаго, дѣло это

протянулось до конца 1903 года, когда удалось, наконецъ, исхлопотать разрѣшеніе на производство просимаго расхода на указанныя надобности изъ особой суммы, вырученной отъ продажи китайскаго артиллерійскаго имущества—военной добычи 1900 г., и находившейся въ распоряженіи командующаго войсками области.

Были тотчасъ-же сдѣланы заказы частнымъ фирмамъ (Круппъ, Кунстъ, Альберсъ и др.) на выпуску того, что нельзя было приобрести въ Артурѣ, а кое-что (нѣсколько десятковъ телефоновъ, проволока, столбы, изоляторы и т. п.) куплено въ мѣстныхъ магазинахъ. Не успѣли отремонтировать достаточно уже поношенную старую телефонную линію, какъ вспыхнула война, помѣшавшая получить все, что было заказано.

Наконецъ, остается сказать еще то, что можетъ служить нѣкоторымъ объясненіемъ той системы, какая принята была въ распоряженіи батарей съ морскими орудіями, выданными съ судовъ флота; въ какихъ условіяхъ находилось это дѣло и какъ осуществлялось вообще.—Тоже самое и отчасти касательно собственныхъ, крѣпостныхъ орудій, доставленныхъ въ крѣпость уже послѣ начала военныхъ дѣйствій.

Въ планъ обороны крѣпости, конечно, не входило заранѣе предположеніе о разоруженіи флота для надобностей крѣпости, и мысль о постановкѣ морскихъ орудій на сухопутную оборону явилась лишь тогда, когда наши, поврежденные въ ночь на 27-е января корабли: „Цесаревичъ“, „Ретвизанъ“ и „Паллада“, были обречены на долгое бездѣйствіе. Прежде всего имѣли въ виду поставить 4—6 дм. морскія пушки Канэ съ корабля „Ретвизанъ“ у Ляотешанскаго маяка, гдѣ уже сначала марта стояли двѣ 6 дм., вѣсомъ 190 пуд., крѣпостныя пушки. Назначеніе сюда пушекъ Канэ отчасти служило исполненіемъ того предложенія, которое дѣлалось генераломъ Бѣлымъ въ комиссію по оборонѣ области и о которомъ этотъ генералъ не переставалъ докладывать исполняющему обязанности коменданта крѣпости ген.-лейт. Стесселю уже когда война началась.

За неимѣніемъ сначала орудій, кромѣ 6 дм., вѣсомъ 190 пуд., орудія эти и начали ставить съ конца февраля. Въ это время вооруженіе Ляотешаня стало уже необходимостью, такъ какъ предположенія генерала Бѣлаго о возможности дѣйствій непріятельскаго флота съ этой стороны стали уже фактомъ: 26-го февраля, а затѣмъ 9-го и 10-го марта и 2-го апрѣля непріятельскіе корабли

бомбардировали изъ за Ляотешаня—Тигровый полуостровъ, Западный бассейнъ, гдѣ стояли наши суда. Новый городъ, батарею 6 дм., вѣсомъ 190 пуд., пушекъ у Ляотешанскаго маяка и разрушили самый маякъ. Конечно, постановка орудій у маяка не отвѣчала исполнѣ предложенію генерала Бѣлаго, но невозможность спѣшно сдѣлать вооруженіе на вершинѣ хребта, вслѣдствіе затруднительности работъ и, какъ показалъ случай 26-го февраля, насущная необходимость имѣть хоть какія-нибудь орудія для дѣйствія по взморью за Ляотешань, вынудили воспользоваться тѣмъ, что было, лишь-бы скорѣе орудія были поставлены.

Съ апрѣля мѣсяца, когда на Ляотешанѣ стояли уже 4 пушки Канэ и 2—вѣсомъ 190 пудовъ, и когда была организована перекидная стрѣльба за Ляотешань и съ нашихъ кораблей изъ Западнаго бассейна,—непріятельскій флотъ прекратилъ свои бомбардировки съ этой стороны.

Располагая морскими орудіями, крѣпость становилась много сильнѣе артиллерійскимъ вооруженіемъ, а въ расположеніи батарей съ этими орудіями руководствовались тѣми задачами, которыя слѣдовало дать имъ въ оборонѣ 6 дм. и 120 м.м. пушки, какъ сильныя и дальнобойныя орудія, ставились на такихъ пунктахъ, откуда возможно было, всего успѣшнѣе, бороться при помощи ихъ съ осадными батареями непріятеля. 47 и 37 м.м. и прочія, мелкихъ калибровъ, пушки назначены были въ первую линію, на укрѣпленія и въ окопы между ними, главнымъ образомъ какъ противуштурмовыя орудія. Хотя пушки эти, за исключеніемъ впрочемъ 2¹/₂ дм. Барановскаго, имѣли въ комплектѣ своемъ только гранаты, но мѣткость орудій этихъ, скорострѣльность и обиліе для нихъ боевыхъ припасовъ, всего болѣе соотвѣтствовали этому назначенію. 75 м.м. пушки, имѣвшія тоже только гранаты, предназначались и въ первую и во вторую линію обороны, какъ вспомогательныя орудія, для дѣйствія по ближайшимъ осаднымъ и полевымъ батареямъ непріятеля.

Вполнѣ строгому выполненію этой системы въ расположеніи батарей съ морскими орудіями мѣшало еще то, что первоначально предполагалось воспользоваться этими орудіями лишь временно, до окончанія исправленія судовъ, съ которыхъ они были даны, послѣ чего орудія подлежали возвращенію на суда. Поэтому, а также въ заботѣ о скорѣйшей установкѣ морскихъ орудій на верки крѣпости, въ виду приближенія непріятеля, 6 дм. пушки

Канэ, напрімѣръ, устанавливались и на отдѣльныхъ, заново построенныхъ специально для нихъ батареяхъ и на готовыхъ уже фортахъ и укрѣпленіяхъ. Последнее, хотя и не признавалось рациональнымъ вообще, но было принято въ виду ускоренія дѣла.

Впослѣдствіи, когда непріятель сталъ обстрѣливать форты, на которыхъ находились пушки Канэ, послѣднія мало того, что были, конечно, скоро подбиты, но и замѣнить ихъ представлялось затруднительнымъ, а кое-гдѣ и невозможнымъ вслѣдствіе уничтоженія непріятельскимъ огнемъ, напрімѣръ, мостовъ черезъ рвы.

Крѣпостныя мортиры вовсе не положены были по табели нормальнаго вооруженія для сухопутнаго форта, тогда какъ характеръ мѣстности у Портъ-Артура, и съ положительныхъ и съ отрицательныхъ сторонъ обороны, обязательно требовалъ этихъ орудій. Отчасти отсутствіе крѣпостныхъ мортиръ могло восполняться, положенными по табели и имѣвшимися въ крѣпости 6 дм. полевыми мортирами. Но, имѣя малую дальность, онѣ принесли впослѣдствіи малую пользу крѣпости. Вотъ, почему на сухопутномъ фронтѣ поставлены были по приказанію генерала Смирнова восемь 9 дм. береговыхъ мортиръ на двухъ батареяхъ, принесшихъ большую пользу въ оборонѣ, въ особенности тѣмъ, что будучи сняты съ приморскихъ батарей,—гдѣ онѣ во все время морской обороны совершенно бездѣйствовали,—ихъ поставили сейчасъ за первой линіей обороны, откуда эти мортиры съ успѣхомъ использовали дальность дѣйствія своего и по осаднымъ батареямъ и по подступамъ атаки непріятеля и по мѣстамъ его расположенія, по пунктамъ сосредоточенія передъ штурмами и т. п. Батареи эти были замѣчательно хорошо примѣнены къ мѣстности и дѣйствовали до конца обороны.

Для доставленныхъ въ крѣпость уже къ марту мѣсяцу 20—6 дм., вѣсомъ 120 пуд., пушекъ и отдѣльно 21 лафета, образца 1877 года, по преимуществу пришлось построить новыя батареи. Лафеты подлежали упрочненію для стрѣльбы изъ нихъ бездымнымъ порохомъ; но, по полученіи добавочныхъ частей для этого, упрочненіе не могло быть произведено вполне, да и несвоевременно было уже работать надъ этимъ. Поэтому ограничились упрочненіемъ подручными средствами. Слабость и порча лафетовъ сказались очень скоро, и ихъ постоянно приходилось исправлять.

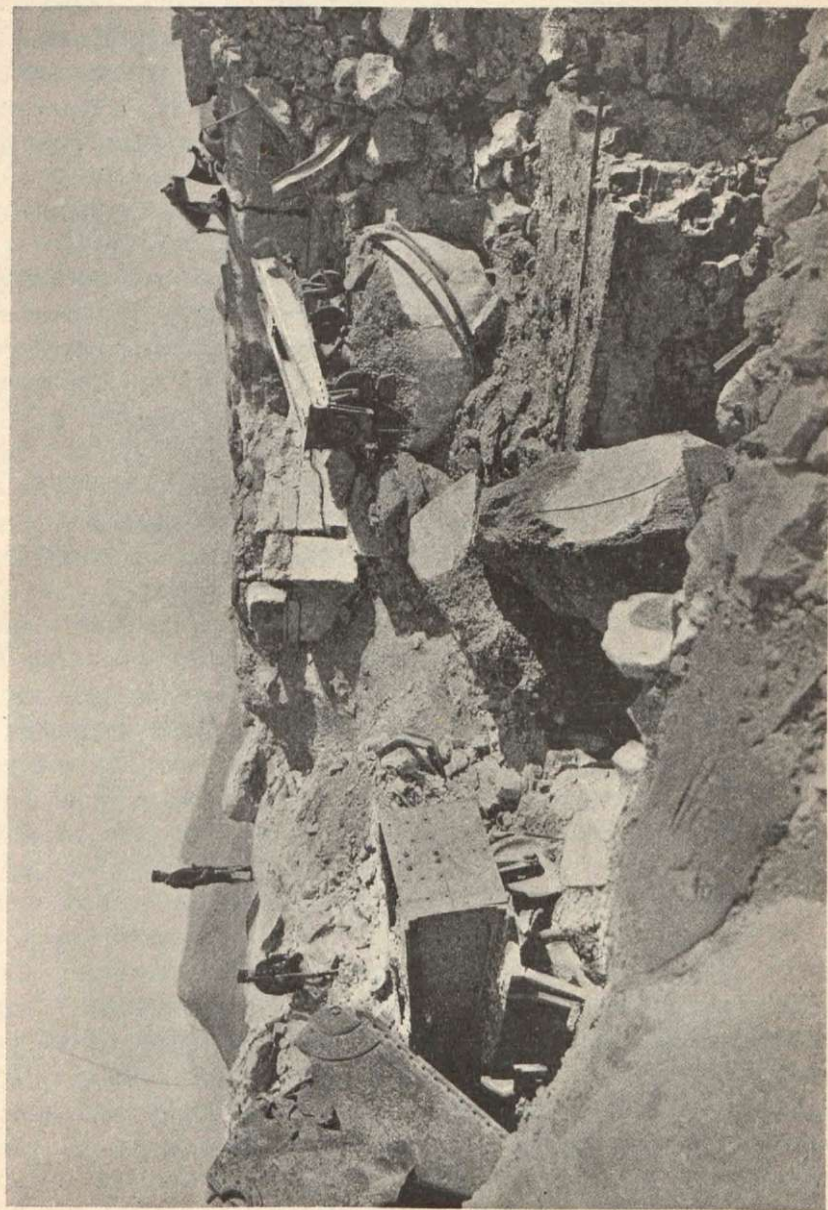
Новыя батареи по личному указанію коменданта крѣпости пристраивались на атакованныхъ фронтахъ непрерывно до конца обороны. Происходило это потому, что или поступили съ флота новыя орудія, или постепенно приводились въ годность китайскія орудія—добыча 1900 года.

Наконецъ и мѣнявшаяся обстановка обороны заставляла измѣнять мѣста расположенія артиллеріи.

Наконецъ, нѣсколько словъ относительно примѣненія крѣпостныхъ батарей вообще къ мѣстности, и о резервѣ орудій.

Окружающія Портъ-Артуръ высоты, по которымъ сила линіи фортовъ и батарей, назначенныхъ еще комиссіями, проектировавшими нормальное вооруженіе для крѣпости, имѣли тотъ общій характеръ, что къ внѣшней сторонѣ имѣли, относительно говоря, скаты еще пологіе, тогда какъ къ сторонѣ внутренней онѣ, по преимуществу, круто спускались въ глубокіе овраги. Поэтому располагать на этихъ высотахъ батареи укрыто, что было бы, конечно, весьма полезно, для сбереженія батарей отъ огня непріятеля,—представлялось почти невозможнымъ: или не было сзади вовсе мѣстъ, или мѣшали бы стрѣльбѣ по осаднымъ батареямъ впереди лежація возвышенности, или, наконецъ, надо было-бы вовсе отказаться отъ задачъ обстрѣливанія ближайшихъ подступовъ и подъёмовъ къ оборонительной линіи. Изъять изъ этого назначенія орудія крѣпостныхъ калибровъ, 6 дм. и 42 лин., имѣя недостаточное число соотвѣтствующихъ орудій, представлялось невозможнымъ.—Тотъ же характеръ высотъ и мѣстности былъ причиной того, что и самые факты, долго временныя батареи и укрѣпленія поставлены были на мѣстахъ совершенно открытыхъ и выдающихся повидимости ихъ съ непріятельскихъ позицій, а орудія на фортахъ ставились открыто, для стрѣльбы черезъ банкъ.

Резервъ орудій предполагался по плану приведенія крѣпости въ готовность къ оборонѣ по части артиллерійской, и былъ выдѣленъ въ дѣйствительности при началѣ военныхъ дѣйствій. Но уже съ апрѣля мѣсяца пришлось этотъ резервъ весь израсходовать на вооруженіе новыхъ мѣстъ въ оборонительной линіи, по требованію генерала Смирнова. Впослѣдствіи назначеніе резерва и запаса орудій выполняли батареи неатакованнаго лѣваго фланга Западнаго фронта, а также Центральная ограда, съ которыхъ брались орудія на другія мѣста.

Фортъ III послѣ капитуляціи.

Въ заключеніе остается сказать, что такое „Китайская стѣнка“, игравшая на оборонительной линіи Восточнаго фронта такую важную роль и, дѣйствительно, сослужившая большую службу въ оборонѣ.

Начиная отъ батареи литера А. и до Курганной батареи включительно, по той же линіи бывшихъ китайскихъ батарей, по которой располагались и наши укрѣпленія, непрерывно построены были еще китайцами, этими любителями всякихъ стѣнъ, глинобитный валъ, толщиною въ основаніи около 2-хъ саж., вверху отъ 2-хъ до 4-хъ футъ, имѣвшій съ внутренней стороны сплошной по всей длинѣ банкетъ, а съ наружной—наружную крутость болѣе 45°. Высота вала была около 1½ саж. Валъ представлялъ изъ себя весьма плотную массу глины, обложенной камнемъ.

Валъ этотъ, или, какъ его всѣ называли, „Китайская стѣнка“, въ мѣстахъ, гдѣ шли дороги изъ города въ окрестности, имѣлъ проходы, которые закрывались впереди такимъ-же валомъ съ барьерами для орудій. Проходовъ на Восточномъ фронтѣ было три: у бат. лит. А., у „Волчьей“ батареи и въ оврагѣ между фортомъ III-мъ и укрѣпленіи 3-мъ. О полезности этого вала для обороны никто до войны не думалъ: не заботились о какой-либо поддержкѣ въ цѣлости, напротивъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разрушали его, беря изъ него глину и камни. Строители крѣпости вовсе не предполагали и не думали воспользоваться для обороны этимъ уже готовымъ и сохранившимся, въ общемъ видѣ, еще довольно хорошо, препятствіемъ.

Но въ оборонѣ 1904 г., Китайская стѣнка очень пригодилась и, не будь ее, кто знаетъ, удалось-ли-бы намъ такъ успѣшно отбить тѣ четыре штурма, которые выдержалъ фронтъ съ этою стѣнкой.

Съ занятіемъ войсками гарнизона восточнаго фронта, генераломъ Смирновымъ было обращено вниманіе на китайскую стѣнку: всѣ поврежденія ея были исправлены самими войсками, наверху сдѣланы бойницы изъ мѣшковъ съ землею, у внутренней отлогости ниши и блиндажи для жилья людей; придѣланы барбеты для артиллеріи и поставлены противуштурмовыя мелкія орудія. Стѣнка эта много разъ подвергалась жестокому обстрѣливанію непріятельскихъ батарей, даже 11 дм. гаубицъ; но разбивалась ими очень мало, быстро исправлялась мѣшками съ зе-

млей и до конца осады непріятель не могъ ни выбить насъ изъ за нея, ни разрушить настолько, чтобы она не могла быть быстро восстановлена вновь.

Только небольшой участокъ стѣнки, примыкавшій къ форту III-му былъ очищенъ нами самими уже на канунѣ общей капитуляціи крѣпости. Да, случилось это, какъ уже знаетъ читатель, благодаря Фоку, а вовсе не въ силу необходимости.

1) Количество орудій къ 1-му января 1904 года.

По Высочайше утвержденной къ 1900 году таблицы нормального вооруженія съ одной стороны, и въ наличности съ другой, артиллерійское вооруженіе составляли слѣдующія орудія:

Калибры орудій.	По таблицы норм. вооруж.	Находилось въ крѣпости.
10" пушекъ, обр. 1877 г.	10	5
9" " " 1877 г.	12	12
6" скор. пуш. Канэ	20	20
6" пушекъ 77 г., вѣс. 190 пуд.	37	30
6" пушекъ 77 г., " 120 пуд.	38	18
42 лин.	28	24
Батарейныхъ, образца 1877 г.	12	12
Легкихъ полевыхъ	233	146
57 м.м. береговыхъ	24	28
57 м.м. капонирныхъ.	84	14
11 дм. морт., образца 1877 г.	10	10
9 " " " "	32	32
6 дм. полевыхъ мортиръ.	26	24
3 лин. пулеметовъ	48	38
Всего	604	413

Примѣчаніе: 4 ф. пушки, какъ не имѣющія комплекта, не показаны.

2) Расположеніе орудій на веркахъ крѣпости къ 1-му января 1904 года.

Вслѣдствіе начавшейся въ 1902 и 1903 гг., перестройки временныхъ батарей и укрѣпленій сухопутнаго фронта въ долго-

временная, крѣпость имѣла вооруженнымъ только приморскій фронтъ, на которомъ имѣлось 18 батарей (подъ №№ 1, 2, 3, 4, 5, 7, 9. Артиллерійская, Тигроваго хвоста, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 20 и 21), двѣ оканчивались и вооружались (№№ 6 и 16). Вооруженіе ихъ составляли орудія: 5—10 дм. пушекъ, 12—9 дм. пушекъ, 15—6 дм. Канэ, 12—6 дм., вѣсомъ 190 пуд., 28—57 м.м. береговыхъ, 4—батарейныя, 10—11 дм. мортирь, 24—9 дм. мортирь; ставились на вооруженіе: 5—6 дм. Канэ и 8—9 дм. мортирь. Всего готовыхъ къ бою стояло 110 орудій.

На сухопутномъ фронтѣ вооружены были только двѣ батареи: лит. Б.—4—6 дм. пушекъ, вѣсомъ 190 пуд. и лит. Г. (Саперная) 4—6 дм., вѣсомъ 190 пуд., пушки. Оканчивались постройкой: фортъ 1-й и батарея лит. В. (Зубчатая) и лит. Д. Всего, слѣдовательно, на сухопутномъ фронтѣ было готовыхъ къ бою 8 крѣпостныхъ орудій.

Всѣ остальные орудія расположены были въ паркахъ, по секторамъ или участкамъ, вблизи тѣхъ батарей, для которыхъ предназначились. А именно:

Участокъ 5, для форта I-го и промежуточныхъ батарей между бат. № 21 и форт. I-мъ; паркъ у батарей подъ №№ 19 и 20 (4—6 дм., вѣсомъ 190 пуд., 18 легкихъ на колесныхъ лафетахъ и 8 пулеметовъ).

Участокъ 6, для укрѣпленія № 1, горы Дагушань, батарей подъ лит. А. и Б., укр. № 2, фортъ II-го и Большой горы. Паркъ у питательнаго погреба передъ Большой горой (6 дм., вѣсомъ 120 пуд.—6, 57 м.м. капонирныхъ—6, легкихъ на колесахъ—22, легкихъ на тумбахъ—6, 6 дм. пол. мортирь—8, пулеметовъ 4).

Участокъ 7, для Орлинаго Гнѣзда, тылового капонира редутовъ 1 и 2, форта III-го, укр. у головы Водопровода, укр. 3. Паркъ у казармъ 7-ой роты (6 дм., вѣсомъ 120 пуд.—4, легкихъ на колесахъ 20, батарейныхъ—4, пулеметовъ—2).

Участокъ 8, для батарей подъ В. и Г. (Зубчатая и Саперная), форта IV и укр. 4. Паркъ у бат. лит. Г. (6 дм., вѣсомъ 120 пуд.—8, 57 м.м. капонирныхъ—6, легкихъ на колесахъ—24, пулеметовъ—4).

Участокъ 9, для фортовъ V-го и VI-го, батарей лит. Д. и Соляной, укр. 5 и редутовъ 3, 4 и 5-го. Паркъ у батарей лит. Д. (6 дм., вѣсомъ 190 пуд.—6, 57 м.м. капонирныхъ—2, 42 лин.—6, пулеметовъ—6).

Въ запасѣ и въ резервѣ, въ паркѣ въ китайскомъ арсеналѣ: легкихъ на колесахъ—56, 6 дм. полевыхъ мортиръ—16, 42 лин. пушекъ—18, пулеметовъ—14, батарейныхъ—4.

Такимъ образомъ, предстояло поставить на вооруженіе батарей и укрѣпленій, по мѣрѣ окончанія постройки ихъ, еще пушекъ 244, пулеметовъ 38.

Электроосвѣтительныхъ аппаратовъ, исправныхъ, состояло въ крѣпости 5. Изъ нихъ уже стояло на приморскихъ батареяхъ подъ №№ 4, 15 и 20 — три и два, предстояло еще установить на укрѣпл. 5 и у форта II-го. Эти послѣдніе аппараты имѣли керосиновые двигатели.

Затѣмъ предстояло еще: довести до 3-хъ дневнаго запаса комплекты огнестрѣльныхъ припасовъ на береговыхъ батареяхъ, а на сухопутномъ, вновь развести 4-хъ дневные комплекты, или иные въ зависимости отъ того, какой величины будутъ на батареяхъ погреба. Развести на всѣ батареи свѣтящіяся ракеты и факелы. Разсосредоточить изъ центральныхъ пороховыхъ погребовъ, совершенно неспособныхъ сопротивляться разрушенію ихъ непріятельскими выстрѣлами (погреба, эти типа сараевъ изъ кирпича съ черепичной крышею, были еще китайской постройки), готовые заряды, порохъ и снаряженные снаряды въ участковые питательные погреба, которыхъ состояло, только оконченныхъ и принятыхъ отъ инженернаго вѣдомства въ январѣ 1904 г.—4 (два—для приморскихъ батарей, на Тигровомъ и подъ батареей № 17, и два—для сухопутныхъ, впереди Большой горы и подъ батареей лит. В.), а также по тѣмъ батареямъ, на которыхъ имѣлись свободные бетонные погреба, превосходившіе размѣрами своими батарейную потребность.

Состояніе въ крѣпости огнестрѣльныхъ припасовъ къ 1-му января 1904 года.

Снарядовъ состояло:

Къ 10 дм. пушкамъ	790
„ 9 дм.	2889
„ 6 дм. пушкамъ Канэ.	4951
„ 6 дм. пуш., вѣсомъ въ 190 пуд.	17512
„ 6 дм. „ „ „ 120 „	10459
„ 42 лин. пушкамъ	10927

Батарейнымъ	2409
Легкимъ	41227
57 м.м. береговымъ	24078
57 м.м. капонирнымъ	3210
11 дм. мортирамъ	2004
Къ 9 дм. мортирамъ	7819
„ 6 дм. „ полевымъ	11981
Зл. патроновъ для пулеметовъ	957615

По сравненію положеннаго съ наличностью—недоставало: для 9 дм. пушекъ—116; для 6 дм., вѣсомъ 120 пуд.—3341; для батарейныхъ—231; для легкихъ—21473; для 57 м.м. береговыхъ—25122.

Излишествовало: для 6 дм., вѣсомъ 190 пуд.—2712; для 42 лин. пушекъ—2527; для 11 дм. мортиръ—4, для 9 дм. мортиръ—1419; для 6 дм. полевыхъ мортиръ—4181.

Пороха состояло:

Бездымнаго разныхъ марокъ, въ готовыхъ зарядахъ и въ порохѣ	17270 пуд.
Призматическаго бураго и чернаго	6355 „
Крупнозернистаго	16549 „
Артиллерійскаго	1855 „
Новоружейнаго	893 „
Влажн. пироксилина	7939 „

Трубки:

Ударныхъ, обр. 84 г.	46099
„ дон., 83 г.	3529
Мелинит. и донныхъ взрывает.	1086
Ударныхъ для 57 м.м.	10831
Мелинит. голов. взрывает.	800
Двойн. дѣйств. для 6 дм. морт.	4792
Дистанц., 16 сек. горѣн.	3105
„ 12 сек. „ обр. 84 г.	19196
„ „ „ „ „ 91 г.	20764
„ 8 сек. для 57 м.м.	14409
Трубокъ вытяжныхъ обтюрирующихъ	5639

Вытяжныхъ прямыхъ	41947
„ колѣнчатыхъ	21395
Такихъ же облегченныхъ	56900
Свѣтящихся ракетъ	3362
Станковъ ракетныхъ	54
Смоляныхъ факеловъ	30

Рабочія средства:

Желѣзная переносная дорога Тахтарева, для грузовъ до 3000 пуд.	50 сажень
Такая же Дековилля, для грузовъ 250 пуд.	7 верстъ
Лебедекъ тяжелыхъ и легкихъ	8 „
Телѣжекъ 67 г. и японскихъ	107 „
Передковъ крѣпостныхъ	2 „
„ осадныхъ	10 „
„ полевыхъ	24 „
Подъемовъ разныхъ	40 „
Баркасовъ водяныхъ	6 „
Баржъ	1 „
Паровой катеръ	1 „
Пароходъ	1 „

Приборы для стрѣльбы, какъ то: зрительныя трубы, бинокли, секундомѣры, квадранты, угломѣры, дальномѣры и проч., а также принадлежности для заряженія орудій,—имѣлись въ достаточномъ количествѣ съ запасомъ.

Въ общемъ къ 1-му января 1904 г., крѣпость имѣла огне-стрѣльныхъ припасовъ:

Для 10 дм. пушекъ	по 158	выстр. на кажд. орудіе		
„ 9 „ „ и мортиръ „	243	„ „ „ „		
„ 6 „ „ Канэ . . . „	247	„ „ „ „		
„ 6 „ „ вѣс. 190 и 120 п.	583	„ „ „ „		
„ 42 лин. и батар. пушекъ по	370	„ „ „ „		
„ 57 м.м. береговыхъ . . . „	860	„ „ „ „		
„ „ капонирныхъ . . . „	230	„ „ „ „		
„ полевыхъ легкихъ . . . „	282	„ „ „ „		
„ 11 дм. мортиръ	200	„ „ „ „		
„ 6 „ полевыхъ мортиръ „	500	„ „ „ „		

Въ Артиллерійскомъ магазинѣ, для полевой артиллеріи, находилось: а) для 3 дм. скорострѣльной артиллеріи патроновъ 6957, трубокъ двойного дѣйствія—8479.

Матеріаловъ для снаряженія 3 дм. патроновъ:

Зарядовъ боевыхъ бездымн. пороха	3100
Трубокъ двойного дѣйствія	3120
Втулокъ капсюльныхъ, большихъ	3250
Снарядовъ 3 дм.	2950
Картонныхъ чашекъ къ нимъ	3165
Цинковыхъ втулокъ съ винтами	147

Для ручного оружія:

Патроновъ боевыхъ, 3 лин.	12621176
" " 3 лин. револьверн.	14512
" " 4 " "	5357
" " 4 " Бердана	41635
" " китайскихъ	2122050

Оружіе:

3 дм. скорострѣльныхъ пушекъ	11
Винтовокъ 3-хъ лин.	1678
Винтовокъ Бердана и китайск.	354
Револьверовъ 3 и 4, 2 лин.	123
Шашекъ драгунск. и артиллер.	390

Причины, вызвавшія въ постройкѣ и вооруженіи нѣкоторыхъ укрѣпленій измѣненія противъ таблицы нормальнаго вооруженія и сдѣланныя по нимъ распоряженія.

Надъ Портъ-Артуромъ никогда собственно, со дня занятія его нами, а въ особенности, во время безпорядковъ въ Китаѣ 1900 г. и послѣ, не разсѣивались политическія облака и періодически, но весьма часто, политическій барометръ давалъ рѣзкіе скачки, то къ бурѣ, то къ штилю. Но 1903 г. представлялъ въ этомъ отношеніи наибольшія колебанія, заставившія, наконецъ, серьезно подумать объ укрѣпленіи Портъ-Артура и заняться этимъ не только на словахъ и письмѣ, но и на дѣлѣ. Въ особенности этому далъ толчекъ военный министръ генераль-адъютантъ Куропаткинъ въ пріѣздѣ свой въ Портъ-Ар-

туръ въ 1903 году. Главный начальник инженеровъ генераль-лейтенантъ Вернандеръ ничего въ сущности не внесъ жизненнаго въ работу по укрѣпленію Квантуна вообще и Портъ-Артура въ частности, и только затягивалъ ее долѣе новыми проектами и въ цѣломъ и въ деталяхъ того, что уже считалось рѣшеннымъ и что сформулировано уже было въ артиллерійскомъ отношеніи,—въ Высочайше утвержденной табели нормальнаго вооруженія 1900 года.

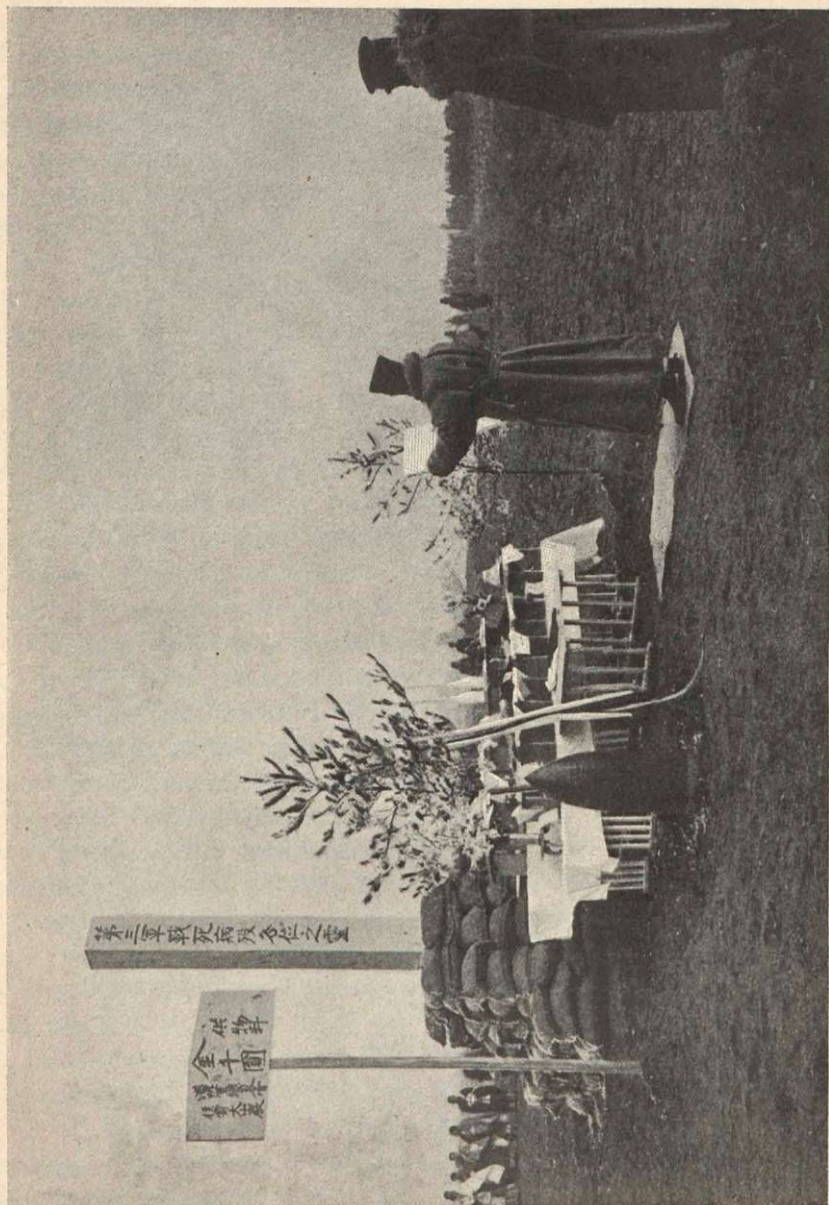
Генераль-адъютантъ Куропаткинъ, пробывъ въ Портъ-Артурѣ около трехъ недѣль и ознакомившись лично, на каждомъ мѣстѣ, во всѣхъ подробностяхъ, со всѣмъ периметромъ крѣпости и съ каждымъ пунктомъ, гдѣ предполагалось возводить, или гдѣ уже строились укрѣпленія, и съ планами самихъ укрѣпленій, многое одобрилъ, а кое-что измѣнилъ, или дополнилъ своими указаніями. То же сдѣлано было имъ и касательно Циньчжоуской позиціи.

Но главнымъ изъ посѣщенія Артура, генераль-адъютантомъ Куропаткинымъ было то, что онъ измѣнилъ, согласно съ дѣйствительною надобностью и важностью укрѣпленій,—очередь постройки ихъ, намѣченную составителями плана крѣпости и приказалъ немедленно приступить къ оборонительнымъ работамъ, одновременно вездѣ, что поставлено было въ первой очереди, а не по частямъ, и приказалъ вести ихъ, сколь возможно энергично.

Только благодаря этому, вездѣ закипѣла работа по постройкѣ Портъ-Артурскихъ укрѣпленій. По этой причинѣ съ перестраивающихся батарей и укрѣпленій сухопутнаго фронта артиллерійское вооруженіе было снято и собрано въ паркахъ по участкамъ.

По соглашенію съ инженернымъ вѣдомствомъ, утвержденнымъ комиссіею по вооруженію крѣпости Портъ-Артуръ, предполагалось ставить артиллерію на укрѣпленія не послѣ окончательной отдѣлки ихъ, а какъ только будутъ готовы мѣста для орудій, предоставляя одновременно съ этимъ и послѣ производить уже дальнѣйшую отдѣлку и заканчиваніе.

По артиллерійскому вооруженію былъ сдѣланъ командиромъ артиллеріи, въ присутствіи командующаго войсками Квантунской области, подробный докладъ генераль-адъютанту Куропаткину, генераль высказалъ слѣдующія заключенія свои для

Баронъ Ноги послѣ капитуляціи Артура читаетъ, въ присутствіи всей своей арміи, заупокойную молитву о погибшихъ.

дополненія ими принятой уже общей системы артиллерійскаго вооруженія крѣпости.

1) Къ востоку и западу бат. № 18 (Плоскій мысъ) лежатъ удобныя прибрежныя полосы для производства на нихъ высадки, въ особенности въ туманъ и ночью. Приморскія батареи не доставляютъ ближняго обстрѣла этимъ мѣстамъ, а назначенныя для этого 4 батарейныя пушки на бат. № 18 мало будутъ полезны здѣсь, и ихъ желательно замѣнить орудіями скорострѣльными (!?!?)

2) Лѣвый флангъ морского фронта—группа батарей Крестовой горы—представляющій въ то же время собой правый флангъ всей сухопутной линіи обороны, въ особенности слабъ. Не построенная еще батарея № 22, въ виду ея важнаго значенія на смычкѣ морского и сухопутнаго фронтовъ и изолированнаго положенія, непременно должна быть обращена въ опорный пунктъ и обезпечена отъ открытаго нападенія (!?!?)

Промежутокъ между батареями подъ №№ 21 и 20 представляетъ удобную позицію для помѣщенія здѣсь легкихъ противудесантныхъ орудій, могущихъ дѣйствовать и по бухтѣ Тахэ и въ тылъ по взморью передъ бат. № 18.

Вообще, генераль рекомендовалъ обратить серьезное вниманіе на усиленіе группы Крестовыхъ батарей и на развитіе всякихъ преградъ противъ атаки этого пункта открытою силой, ибо мѣстность здѣсь чрезвычайно пересѣченная и закрыта глубокими оврагами съ крутыми берегами.

3) На сухопутной линіи обороны, гдѣ подобныя же свойства и характеръ мѣстности передъ нѣкоторыми укрѣпленіями образуютъ много мертвыхъ пространствъ, вовсе недосигаемыхъ на близкихъ разстояніяхъ для обстрѣливанія ихъ пушечнымъ огнемъ и даже крѣпостными мортирами, которыя имѣются въ крѣпости, генераль рекомендовалъ примѣнить $1\frac{1}{2}$ пуд. гладкія мортиры.

Затѣмъ вершину горы Дагушанъ генераль-адъютантъ Куропаткинъ выразилъ желаніе укрѣпить устройствомъ блокауза на 100 человекъ при 4-хъ, или даже при 2-хъ скорострѣльныхъ орудіяхъ, помѣщенныхъ въ капонирѣ для обстрѣливанія подступовъ къ укрѣпленіямъ и къ самой горѣ.

Передъ водопроводомъ нужно небольшое укрѣпленіе, обезпеченное отъ атаки открытою силой.

Генераль-адъютантъ Куропаткинъ находилъ также необходимымъ серьезно укрѣпить высоту у кумирни за дер. Шуйшинъ, закрывающую доступъ въ долину рѣки Лунхэ и командующую дер. Шуйшинъ. Затѣмъ поставить блокгаузъ съ двумя орудіями на ближней вершинѣ на западъ отъ форта IV для обстрѣливанія подошвы и скатовъ возвышенности, на которой поставленъ этотъ фортъ, и соединить блокгаузъ съ фортомъ траншеей.

Онъ нашелъ также, что промежутокъ между укрѣпл. 5-мъ и фортомъ VI-мъ слишкомъ великъ, и находилъ здѣсь необходимымъ устроить промежуточное укрѣпленіе и спланировать вершину высоты передъ фортомъ VI-мъ.

Распространять оборону далѣе (Панлуншань) занятіемъ Угловой горы и пунктовъ Д. и Е. (Высокая и Длинная горы) генераль не представлялъ возможнымъ, чтобы не раздроблять силъ гарнизона.

Комиссія по вооруженію крѣпости, рассмотрѣла эти вопросы, по скольку они касались артиллеріи, и журналомъ 1903 г. за № 2, постановила:

По пункту 1-му.—Бат. № 18 (Плоскій мысъ) строить не на 4 батарейныя пушки, а на четыре 57 м.м. скорострѣльные береговые и такъ устроить батарею, чтобы орудія были расположены возможно ниже къ водѣ берега моря и были укрыты отъ видимости ихъ съ моря. И чтобы два орудія, одновременно оба, могли дѣйствовать по взморью къ сторонѣ Электрическаго утеса, а другія два—къ сторонѣ Крестовой горы. Для обстрѣливанія же взморья, прямо передъ батареей сдѣлать на верху площадку для 4-хъ легкихъ, выкатныхъ, полевыхъ пушекъ.

По пункту 2-му.—Комиссія находила бесполезнымъ ставить на бат. № 22—9 дм. мортиры, а считала необходимымъ вооружить эту батарею четыре 10 дм. пушками образца 1887 г. или хотя-бы 9 дм. пушками и двумя 57 м.м. береговыми.

На промежутокъ батарей №№ 20 и 21, рѣшено поставить 10 легкихъ полевыхъ пушекъ такъ, чтобы 5 могли дѣйствовать въ сторону Тахэ, а 5—въ тылъ къ Плоскому мысу.

Для ближняго обстрѣла овраговъ передъ Крестовой горой и передъ другими укрѣпленіями, имѣющими такой же характеръ мѣстности, постановлено просить двадцать $1\frac{1}{2}$ пуд. мортиръ.

По пункту 3-му.—Въ блокауэ на Дагушань назначено четыре 57 м.м. скорострѣльные пушки, а въ блокауэ у форта IV—двѣ легкія полевые.

На Водопроводный редутъ—4 легкихъ пушки, на Кумирнинскій редутъ—4 легкихъ, на Лѣсной (между укрѣпл. 5-мъ и фортъ VI-мъ)—4 легкихъ и батарейныхъ.

Согласно съ этимъ, представляя въ Главное Артиллерійское Управленіе, при рапортѣ отъ 12 Января 1904 г. за секр. № 21, журналъ комиссіи за № 2, командиръ крѣпостной артиллеріи просилъ о дополненіи нормальной таблицы и о назначеніи въ Портъ-Артуръ слѣдующихъ орудій:

10 пушекъ, обр. 1887 г.	4
Полевыхъ легкихъ . .	41 (въ томъ числѣ для резерва—24)
$1\frac{1}{2}$ п. мѣдныхъ мортиръ	20
57 м.м. береговыхъ . .	8
Батарейныхъ пушекъ .	4

Вслѣдствіе установившихся все болѣе и болѣе натянутыхъ отношеній нашихъ съ Японіей, постройка всѣхъ укрѣпленій по планамъ уже не могла быть выполнена, а надо было торопиться привести скорѣе неоконченныя батареи и укрѣпленія хотя въ такое состояніе, опять временнаго характера, чтобы вооруживъ ихъ, возможно было противостоять первымъ атакамъ противника. Дальнѣйшее же упрочненіе приходилось сдѣлать уже впоследствии, исподволь, въ продолженіи самой обороны.

Уже къ январю 1904 г. приведена была въ инженерномъ отношеніи въ готовность къ оборонѣ внутренняя центральная ограда, закрывавшая Старый городъ. Валъ ея продолжень былъ съ праваго фланга до городской бойни у берега моря и оканчивался здѣсь вновь построеннымъ редутъ. Лѣвый флангъ, продолженный за Центральные пороховые погреба подъ Перепелиной горой, замыкался открытой батареей на 2 орудія, между ближними и дальними пороховыми погребами.

Не ожидая выполненія послѣдовательности въ инженерныхъ работахъ и не мѣшая самому производству ихъ, крѣпостная артиллерія торопливо работала надъ своимъ дѣломъ, сама же выполняя и мелкія инженерныя работы, гдѣ это было возможно. Одновременно съ этимъ, обращено было особенное вниманіе на подготовку артиллеріи въ учебномъ отношеніи. Къ кадру имѣв-

шихся уже пулеметчиковъ стали обучать еще 36 человѣкъ. Налегли на повторительныя занятія съ наводчиками. Въ особенности же обращено было вниманіе на занятія съ прибывшими и продолжавшими прибывать молодыми солдатами, а потомъ и съ призывными изъ запаса. Съ тѣми и другими занятія пришлось форсировать, ограничиваясь сокращенною программой, главнымъ образомъ по практическому дѣлу. Но что объявленіе войны было такъ близко, этого все-же не ожидали.

Ночная атака непріятеля на нашу эскадру въ ночь на 27 января и бой на слѣдующій день.

Ночь на 27 января и утро этого дня показали совсѣмъ иное и прекратили всякія сомнѣнія на этотъ счетъ: война была фактически объявлена Японіей дѣйствіемъ морскихъ ея силъ, атаковавшихъ неожиданно ночью нашу эскадру, вышедшую на Портъ-Артурскій внѣшній рейдъ, а днемъ вторично уже главными силами, атаковавшую наши корабли и обстрѣлявшую ихъ, а также городъ и приморскія батареи, своею артиллеріею.

Еще въ ночь на 27 января крѣпостная артиллерія, по тревогѣ, была выведена на приморскія батареи, отчасти и на сухопутныя, и закинула спѣшная работа по мобилизаціоннымъ дневникамъ.

Приказомъ Намѣстника и Командующаго войсками на Дальнемъ Востокѣ отъ 27 января, за № 39, крѣпость Портъ-Артуръ объявлена въ осадномъ положеніи.

Съ 30 января стали прибывать призывные изъ запаса.

По плану приведенія крѣпости въ готовность къ оборонѣ по части артиллерійской, срокъ окончанія всѣхъ мобилизаціонныхъ работъ этого рода исчислялся въ три недѣли. Но комиссія по оборонѣ Квантунской области, которой доложенъ былъ этотъ планъ, нашла, что времени на его выполненіе будетъ не менѣе двухъ мѣсяцевъ. Какъ ошиблась въ этомъ и какъ дѣйствительно слѣдовало и пришлось торопиться съ этимъ, показало наступившее время, заставшее крѣпость со стороны суши, совершенно неготовой ни къ какой оборонѣ и ставившее ее не только въ рискъ, но въ несомнѣнную возможность быть взятой съ суши въ два—три дня, если бы непріятель, атаковавъ днемъ 27 января нашу эскадру, уже потерявшую за

ночь три лучшихъ корабля и смущенную этимъ, не прекратилъ бы атаки, а одновременно сдѣлалъ десантъ хотя бы въ Голубиной бухтѣ. Но этого не случилось. Непріятель былъ слишкомъ неувѣренъ въ себѣ, остороженъ и, вѣроятно, черезчуръ считалъ насъ сильными. Вообще, при восхваляемыхъ впослѣдствіи его шпіонствѣ и развѣдкахъ о насъ до мелочей, онъ въ первые дни подъ Артуромъ показалъ совершенное незнаніе ни самой крѣпости, ни силъ ея гарнизона. Какъ бы то ни было, но страхъ нашъ прошелъ, рѣшительныя дѣйствія пріостановились и затянулись на 3 мѣсяца. Это дало намъ возможность, во 1-хъ, мобилизовать гарнизонъ, получить запасы и средства обороны и жизни, одуматься и составить планъ укрѣпленія и обороны крѣпости съ суши, а отчасти и съ моря и, во 2-хъ, что главное, исполнить всѣ эти мѣропріятія и затѣмъ, въ весьма осторожномъ опять-таки и неувѣренномъ движеніи непріятеля къ крѣпости,—познакомиться съ нимъ и оцѣнить болѣе или менѣе правильно, и его и себя. Бои подъ Цзиньчжоу и на передовыхъ позиціяхъ у Портъ-Артура (высоты Уайцхелаза—Юпилаза—Хуинсанъ—Зеленыхъ горы) не показали ни особаго мужества, ни превосходства надъ нами противника; наоборотъ, они рельефно обнаружили собственное наше неумѣніе и боязнь сразиться съ врагомъ и отбросить его. Нашъ полевой, Дальнинскій отрядъ генерала Фока, сдѣлавъ мимолетную попытку встрѣтить японцевъ на позиціи впереди г. Цзиньчжоу, быстро отошелъ на укрѣпленную позицію за этимъ городомъ и затѣмъ, сдавъ ее въ шестнадцать часовъ, потерявъ всю ея позиціонную артиллерію и батареи у Дальняго и Талиенвана, болѣе чѣмъ поспѣшно отступилъ къ Артуру и занялъ сильную по топографическимъ свойствамъ, но длинную позицію по линіи горъ Уайцхелаза—Юпилаза—Хуинсанъ. Но и отсюда этотъ отрядъ все какъ-бы тяготѣлъ къ веркамъ крѣпости и 17 іюля сразу почти отошелъ къ ней, отказавшись отъ обороны позицій на Волчьихъ горахъ, которыя между тѣмъ зачѣмъ-то укрѣпляли раньше и на которыхъ ранѣе рѣшено было обороняться.

Такимъ образомъ всѣ планы обороны Квантуна вообще и Портъ-Артура въ частности, какіе были составлены еще въ мирное время, разстроились при первомъ появленіи непріятеля, а всѣ лица, составлявшія эти планы и готовившіяся по нимъ защищать область и крѣпость, быстро уѣхали изъ предѣловъ края,

на который ожидалось нападеніе и который приготавлился служить ареной долгихъ кровавыхъ событій.

Новые дѣятели и новые планы обороны Портъ-Артура въ результатахъ выполненія составили въ послѣдствіи блестящую страницу 10-мѣсячной обороны Портъ-Артура въ исторіи войны нашей съ Японіей въ 1904 году.

Артиллерійскія вооружительныя работы въ январѣ и февралѣ 1904 г.

Въ теченіе января, а главнымъ образомъ февраля производились непрерывныя, часто по ночамъ, работы по вооруженію сухопутныхъ укрѣпленій и двухъ батарей подъ №№ 6 и 16, береговыхъ. Работы эти прерывались часто, а по ночамъ ежедневно, бомбардировками непріятеля съ моря и различными морскими операціями его же противъ нашего входа во внутренній рейдъ.

Прибытіе новыхъ орудій и огнестрѣльныхъ припасовъ въ крѣпость и отправка изъ крѣпости.

Въ теченіе января и февраля въ крѣпость прибыло:

6 дм., вѣсомъ 120 пуд., пушекъ	20
6 дм. полевыхъ мортиръ	2
Изъ числа китайскихъ орудій отобрано 87 м.м. пуш.	20
Получено отъ флота 2 ¹ / ₂ дм. пушекъ Барановскаго. . .	15
3-хъ лин. пулеметовъ Максима	25
Ракетныхъ станковъ	25
Шрапнелей для 6 дм., вѣсомъ 120 пуд., пушекъ. . .	1000
Фугасныхъ бомбъ къ тѣмъ-же орудіямъ	210
Бомбъ, об. чугу. къ нимъ-же	1500
Сегментн. бомбъ къ 9 дм. пушкамъ	180
Пироксилин. бомбъ къ 11 дм. мортирамъ	500
Бомбъ мелинит., для 6 дм., вѣсомъ 120 пуд., пушекъ. .	1310
Бомбъ, об. чугу. для 10 дм. пушекъ.	400
Бронебойн. бомбъ для пушекъ Канэ	700
3-хъ лин. патроновъ для пулеметовъ	450000
Пороха новоружейнаго	1500 п.
Бездымнаго	2826 „

Затѣмъ въ февралѣ отправлено въ г. Инкоу для вооруженія форта:

6 дм., вѣсомъ 120 пуд., пушекъ	4
Полевыхъ легкихъ	8

Огнестрѣльные припасы къ нимъ:

6 дм. бомбъ	260
Шрапнелей	440
Легкихъ гранатъ	570
Шрапнелей	950
Картечей	80

съ командой при одномъ оберъ-офицерѣ и 72 нижнихъ чинахъ.

Вооруженіе крѣпости къ 1-му марта.

Къ марту мѣсяцу бат. и укрѣпл. сухопутнаго фронта приведены были къ слѣдующему вооруженію:

Фортъ I:

6 дм., вѣсомъ 190 пуд., пушекъ	4
Легкихъ пушекъ	4
Пулеметовъ	4
Ракетныхъ станковъ	3

Открытый капониръ № 1:

Легкихъ пушекъ	4
--------------------------	---

Укрѣпленіе № 1 (Опасная гора):

Легкихъ пушекъ	4
--------------------------	---

Батарея лит. А.:

6 дм., вѣсомъ 120 пуд., пушекъ	6
Легкихъ пушекъ	4
Пулеметовъ	1
Ракетныхъ станковъ	3

Укрѣпленіе № 2:

6 дм. полевыхъ мортиръ	2
Легкихъ пушекъ	4

Бат. лит. Б.:

6 дм., вѣсомъ 190 пуд., пушекъ	4
Легкихъ пушекъ	2
Ракетныхъ станковъ	3

Фортъ № II:

Легкихъ пушекъ	4
Пулеметовъ	3

Открытый капониръ № 2:

Легкихъ пушекъ	4
--------------------------	---

Бат. Мал. Орлиная:

42 лин. пушекъ	3
--------------------------	---

Люнетъ Куропаткина:

6 дм. полев. мортирь	4
87 м.м. китайск. полев. пушекъ	4

Редутъ № 1:

Легкихъ пушекъ	4
--------------------------	---

Редутъ № 2:

6 дм. полев. мортирь	4
--------------------------------	---

Овражный окопъ:

Легкихъ пушекъ	2
--------------------------	---

Фортъ III:

6 дм., вѣсомъ 120 пуд., пушекъ	4
Легкихъ пушекъ	5
Пулеметовъ	2
Ракетныхъ станковъ	4

Мостовая бат.:

Легкихъ пушекъ	2
--------------------------	---

Укрѣпленіе № 3:

Легкихъ пушекъ	5
Пулеметовъ	2
Ракетныхъ станковъ	6

Батарея Курганная:

42 лин. пушекъ	2
6 дм. полев. мортирь	4
Легкихъ пушекъ	4
Пулеметовъ	1

Батарея Кладбищенская:

42 лин. пушекъ	4
Легкихъ пушекъ	2
6 дм. мортирь	2
Пулеметовъ	1

Батарея Нижняя Зубчатая:

6 дм. полев. мортирь	2
--------------------------------	---

Батарея лит. В. (Зубчатая):

6 дм., вѣсомъ 120 пуд.	4
--------------------------------	---

Бат. лит. Г. (Саперная):

6 дм., вѣсомъ 190 пуд.	4
Пулеметовъ	2
Ракетныхъ станковъ	2

Фортъ IV:

Легкихъ пушекъ	6
Пулеметовъ	2
Ракетныхъ станковъ	2

Батарея прифортная № 4:

6 дм. полевыхъ мортирь	4
----------------------------------	---

Укрѣпленіе № 4:

42 лин. пушекъ	3
Легкихъ пушекъ	5
Пулеметовъ	2
Ракетныхъ станковъ	2

Чайный окопъ:

Легкихъ пушекъ	2
--------------------------	---

Тыловой редутъ:

Легкихъ пушекъ	2
--------------------------	---

Тыловая батарея:

6 дм. полевыхъ мортирь	4
Легкихъ пушекъ	2

Фортъ V:

Легкихъ пушекъ	5
--------------------------	---

Пушки Барановскаго ¹⁾	2
Пулеметовъ	2
Ракетныхъ станковъ	2
Бат. Голубиная:	
Легкихъ пушекъ	2
Барановскаго	1
Бат. лит. Д.:	
6 дм., вѣсомъ 190 пуд., пушекъ (круго- вого огня)	6
Батарея боковая:	
Легкихъ пушекъ	2
Ракетныхъ станковъ	2
Фланговая батарея:	
Пушекъ Барановскаго	2
Редуть № 3:	
Легкихъ пушекъ	2
Укрѣпленіе № 5:	
42 лин. пушекъ	4
Легкихъ пушекъ	4
Пушекъ Барановскаго	4
Пулеметовъ	2
Ракетныхъ станковъ	3
Бат. Новая:	
6 дм., вѣсомъ 120 пуд., пушекъ	4
Лѣсной редуть:	
Легкихъ пушекъ	4
Пулеметовъ	2
Батарея Передовая:	
Легкихъ пушекъ	2
Фортъ VI:	
42 лин. пушекъ	4
Легкихъ пушекъ	4
Пулеметовъ	2
Ракетныхъ станковъ	3

¹⁾ Пушки Барановскаго взяты съ флота.

Батарея Соляная:

Легкихъ пушекъ 4

Батарея Бѣлый Волкъ:

Легкихъ пушекъ 4

Ракетныхъ станковъ 2

У маяка Ляотешань:

6 дм., вѣсомъ 190 пуд., пушекъ 2

Пушекъ Барановскаго 2

Отправлено на бухты: Голубиную, Луиза, Десяти
Кораблей, Сяобендао, Лунвантанъ и Тахэ:

Пушекъ Барановскаго 4

Пулеметовъ 3

На редутахъ центральной сграды:

У Бойни 2 легк.

№ 1 (Артиллерійскій) 2 легк.

№ 2 (Инженерный) 2 „

№ 3 (Саперный) 2 „

№ 4 (Пороховой) 2—42 лин. пушки

Между батареями №№ 20 и 21. 10 легкихъ

Такимъ образомъ къ 1-му марта на сухопутномъ фронтѣ
было готовыхъ къ бою:

6 дм., вѣсомъ 120 и 190 пуд. и 42 лин.

пушекъ 60

Полевыхъ легкихъ 126

Пушекъ Барановскаго 15

87 м.м. полевыхъ китайскихъ 4

6 дм. полевыхъ мортиръ 24

3 лин. пулеметовъ 30

Всего орудій . . . 225

На береговомъ фронтѣ постановлено было противъ входа
во внутренней рейдъ слѣдующія батареи орудій, снятыхъ съ су-
довъ флота:

Маячная 2—120 м.м. пушки.

Подъ Золотой горой. 2—120 „ „

Подъ Электрическ. утесомъ . 2—37 „ „

Батарея № 16 5—Канэ.

Итого на береговомъ фронтѣ съ бухтами:

Орудій	37
Пулеметовъ	3

Всего же въ крѣпости состояло:

Орудій	362
Пулеметовъ	33

Всѣ батареи сухопутнаго фронта имѣли боевой комплектъ, окончательно готовый, по 200 выстрѣловъ на орудіе, а на береговомъ, въ зависимости отъ вмѣстительности и прочности батарейныхъ пороховыхъ погребовъ, было по 200 и по 300 выстрѣловъ на орудіе.

Весь периметръ крѣпости, въ отношеніи артиллеріи, имѣлъ такое дѣленіе:

А) Береговой фронтъ:

Участокъ 1-й	сектора 1 и 2
Участокъ 2-й	сектора 3 и 4

Б) Сухопутный фронтъ:

Участокъ 3-й	сектора 6 и 7
Участокъ 4-й	сектора 8, 9 и 10
Участокъ 5-й	сектора 11 и 12

Свѣтящихся ракетъ на сухопутныхъ укрѣпленіяхъ находилось по 50.

Остальные запасы боевого комплекта и освѣтительныхъ средствъ находились въ Центральныхъ и Участковыхъ пороховыхъ погребахъ. Изъ числа послѣднихъ одинъ, впереди Большой горы, пришлось уступить инженерному вѣдомству подъ складъ 2700 пуд. пироксилина, полученнаго въ февралѣ.

Цзиньжоуская позиція и формированіе артиллерійскихъ частей въ Портъ-Артурѣ.

Для вооруженія Цзиньжоуской позиціи было отправлено въ февралѣ и поставлено на батареи:

42 лин. пушекъ	2	} оруд. 44
6 дм. пол. мортиръ	6	
Полевыхъ легкихъ пушекъ . . .	16	
Китайскихъ 87 м.м. скоростр. пуш.	12	
Такихъ же пуш. непатронныхъ .	8	
3 лин. пулеметовъ Максима . . .	6	
Ракетныхъ станковъ	8	

Для нихъ отправлено огнестрѣльныхъ припасовъ:

Для 42 лин. легкихъ и 87 м.м.

непатронныхъ пушекъ	по 200 выстр. на оруд.
6 дм. полевыхъ мортиръ	„ 155 „ „
87 м.м. патронныхъ пушекъ	„ 140 „ (бол. не было)
Ракетъ свѣтящихъ	„ 400 шт.

Въ прислугу къ орудіямъ на Цзиньчжоу сформирована нештатная рота въ составѣ:

Оберъ-офицеровъ—4, фейерверкеровъ—21, трубачей—1, рядовыхъ—370, фельдшеръ—1.

Въ февралѣ же спѣшно сформированы: Портъ-Артурская вылазочная батарея на 8—3 дм. скорострѣльныхъ пушекъ и нештатная четырехъ орудійная 57 м.м. полевая батарея изъ орудій китайской военной добычи 1900 года.

Выдѣлена часть огнестрѣльныхъ припасовъ для сформирования въ г. Мукденѣ промежуточнаго артиллерійскаго склада.

На сформированіе Военно-Окружного Артиллерійскаго Управленія выдѣлено 3 оберъ-офицера и 8 нижн. чин., которые и отправлены въ Харбинъ.

Вылазочная батарея (вскорѣ вошла въ составъ 7-го В.-С. Стрѣлковаго артилл. дивизіона и наименована 3-й батареей) по-взводно ходила въ охрану побережья Голубиной бухты, а 57 мм. батарея отправила одинъ взводъ (подпоручика Наумова) въ Дальнинскій отрядъ ген.-лейт. Фока и находилась въ охранѣ побережья бухты Керъ.

10 февраля по приказанію коменданта крѣпости приготовлены были въ запряжку 2 пулемета и переданы въ 7-ю В.-С. Стрѣлковую дивизію.

1-я батарея 4-ой бригады переведена изъ Талиенвана въ Дальній, а 1-я бат. В.-С. Стрѣлковаго артиллерійскаго дивизіона 8-го февраля отправлена въ г. Гайджоо.

29 февраля была получена телеграмма (шифрованная) Главн. Арт. Упр. въ отвѣтъ на представленіе о досылкѣ огнестрѣльныхъ припасовъ и артиллеріи, слѣдующаго содержанія:

„Сдѣлано распоряженіе объ отправкѣ въ Артуръ 25 пулеметовъ, 3-хъ электро-освѣтительныхъ аппаратовъ, 25 ракетныхъ станковъ, 1250 ракетъ, 1000 чугунныхъ, 50 стальныхъ, 500 сегментныхъ бомбъ къ пушкамъ Канэ, 30 бронебойныхъ 10 дм.

На высылку еще остальныхъ бомбъ 10 дм. и къ пушкамъ Канэ въ ближайшемъ будущемъ не рассчитывайте за неимѣніемъ вовсе этихъ бомбъ. Подробности разновременно почтой 854“.

Объ укрѣпленіи Портъ-Артура.

Находясь постоянно въ сферѣ непріятельскаго огня и обстоятельно знакомясь во время обороны крѣпости съ ея укрѣпленіями, пришлось прійти къ непреложному убѣжденію, что Портъ-Артурскія позиціи, въ тактическомъ и фортификаціонномъ отношеніи, имѣли массу недостатковъ, которые еще болѣе увеличивались, благодаря появленію въ только что окончившейся войнѣ, орудій крупнаго калибра, стрѣльбы минами на сухопутѣ, пулеметовъ, поразительной мѣткости артиллерійской стрѣльбы и другихъ приѣмовъ атаки. Выборъ мѣстности для постройки долговременныхъ фортовъ и батарей на сухопутѣ былъ очень неудачный: впереди (напр., горы „Дагушань“ и „Сагушань“ въ разстояніи 3-хъ верстъ) находилось много возвышенностей, командующихъ по отношенію высоты, съ которыхъ наши позиціи и все внутри ихъ, было видно непріятелю какъ на ладони. Благодаря этому непріятель всегда былъ въ курсѣ дѣла, мѣшалъ намъ работать, подвозить боевые и жизненные припасы, а главное, могъ корректировать стрѣльбу своей осадной и полевой артиллеріи. Горы, на которыхъ расположены были наши позиціи, непосредственно примыкали къ городу, т. е. къ центру, который питалъ всѣмъ необходимымъ окружность. Японцы, хорошо воспользовались этимъ обстоятельствомъ, и частыми бомбардировками по городу, порту, складамъ боевыхъ и жизненныхъ припасовъ, терроромъ гражданскаго населенія и госпиталей прекращали надолго всякую жизнь въ городѣ, чѣмъ физически и морально ослабляли позиціи и живую силу на нихъ. Къ этому надо еще прибавить полное отсутствіе какихъ-бы то

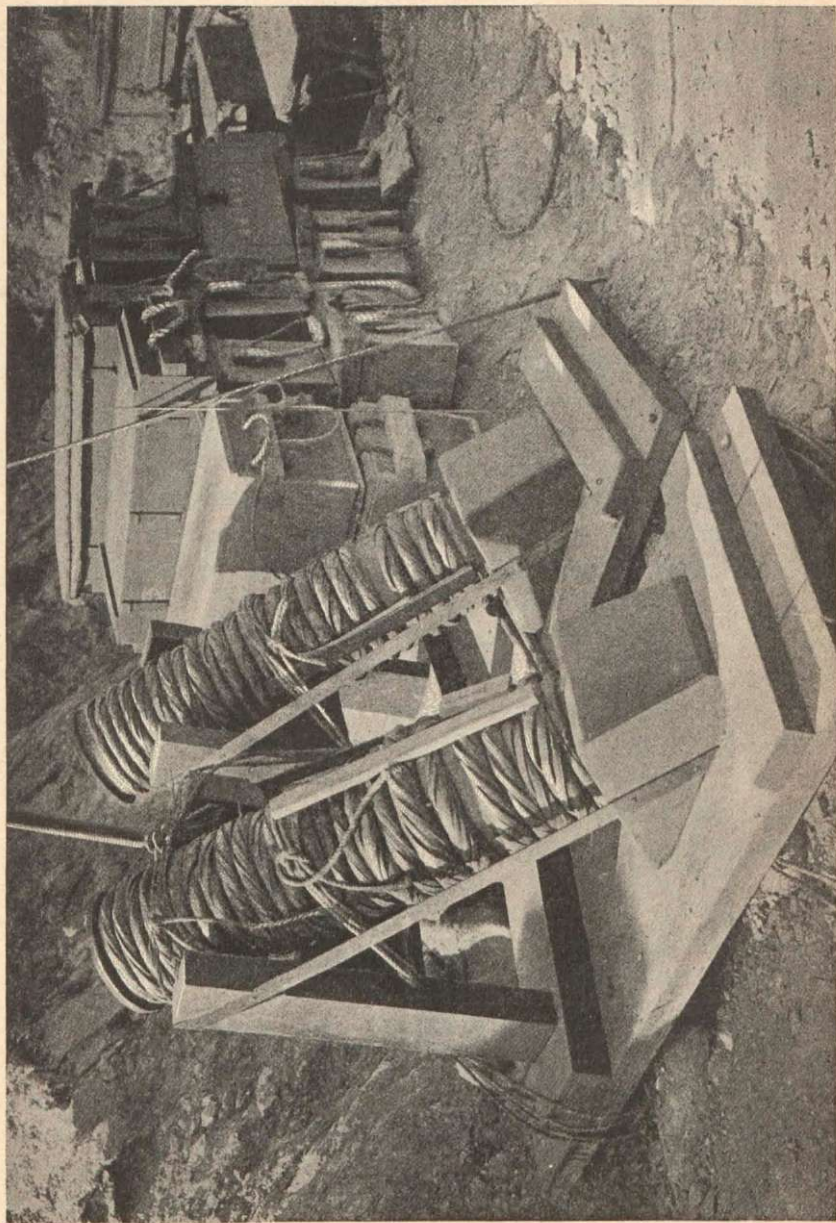
ни было укрѣпленій къ началу войны, на такихъ важныхъ стратегическихъ пунктахъ, какъ, напр., горы: „Высокая“, „Угловая“ и „Длинная“, укрѣплять которыя начали только съ 5-го мая, т. е. недѣлю спустя, какъ былъ отрѣзанъ Артуръ. До этого времени тамъ не было даже и тропинки; а насколько оказались важны эти пункты и рѣшающе повліяли на дальнѣйшую судьбу Артура, видно изъ того, что, уже съ занятіемъ горы „Длинной“, нашъ флотъ фактически пересталъ существовать: являлась возможность хорошо корректировать съ „Длинной“ стрѣльбу осадной артиллеріи по судамъ. Съ занятіемъ „Высокой“ наступила послѣдняя агонія крѣпости, все было открыто: весь рейдъ, городъ, горжи нашихъ батарей и питательные пункты и пути къ нимъ для нашихъ позицій. Неудачный выборъ мѣстности для позицій мотивировались тѣмъ, что было отпущено мало денегъ на постройку крѣпости. А въ это же время тратились миллионы на сооруженіе города „Дальній“, впоследствии много способствовавшего, благодаря хорошо оборудованному порту, паденію Артура. Другой причиной неудачнаго выбора мѣстности для фортовъ было то, что мѣста выбирались только на картѣ, затѣмъ намѣченные пункты утверждались и приказывалось строить. Хотя строитель, придя на мѣстность, и пожималъ отъ удивленія плечами, а все-таки отступать отъ намѣченнаго и утвержденного плана не могъ, (напр., фортъ II). Доказательствомъ вышесказаннаго можетъ служить опять-таки гора „Высокая“, сдѣлавшаяся почти ключемъ къ Артуру: занявъ послѣднюю, японцы открыли входъ въ крѣпость. „Высокая“ находилась между двумя фортами: 4-мъ и 5-мъ и если посмотрѣть на карту, то промежутокъ этотъ кажется миниатюрень и легко обстрѣливаемъ съ названныхъ фортовъ. Если-же пріѣхать на мѣстность, то получается совершенно другое: масса мертвыхъ пространствъ и командующихъ высотъ, чудный обстрѣлъ впереди лежащей мѣстности и проч.

Въ фортификаціонномъ отношеніи наши позиціи почти всѣ безъ исключенія имѣли такую массу недостатковъ, перечислять которыя заняло-бы много времени, а потому я ограничусь только нѣкоторыми, болѣе существенными, и разборомъ ихъ. Первый и самый главный основной недостатокъ былъ тотъ, что у очень многихъ не было не только надлежащаго обзора и обстрѣла впереди лежащей мѣстности, но даже и подступовъ къ сосѣднимъ позиціямъ. Этому способствовало, какъ несоотвѣтствующее распо-

ложение фасовъ укрѣпленій, такъ и оставленіе большихъ мертвыхъ пространствъ.

Вездѣ отсутствовалъ прикрытый путь, что облегчало непріятелю развѣдку. Фасы бруствера были изъ насыпного грунта съ мелкимъ камнемъ, расположены такъ, что съ трехъ сторонъ они хорошо обстрѣливались продольнымъ огнемъ артиллеріи и изъ минныхъ аппаратовъ, отъ котораго не могли укрыть жидкіе траверсы изъ мѣшковъ, быстро разлетающихся въ стороны во время бомбардировокъ. Полное отсутствіе маскировки, какъ верковъ, такъ и находящихся на укрѣпленіи орудій и бетонныхъ построекъ. Орудія крупнаго калибра, назначеніе которыхъ было бороться съ осадной артиллеріей противника, почему то были поставлены на передовыхъ позиціяхъ (напр., 6" Канэ на укрѣпленіи № 3), и нѣтъ ничего удивительнаго, что непріятель направивъ на нихъ огонь нѣсколькихъ орудій, портилъ механизмы, станки, и заставлялъ ихъ молчать навсегда. Пользы укрѣпленіямъ они почти никакой не приносили, такъ какъ на близкія разстоянія стрѣлять не могли, значить нужнаго картечнаго огня не давали во время штурма. Наоборотъ, будучи сильно замѣтны, привлекали массу огня отъ котораго страдали люди, противоштурмовыя орудія, пулеметы и бетонныя постройки.

У насъ вообще принято: если хотять построить пунктъ для долгой и упорной обороны, то придаютъ ему форму сомкнутаго многоугольника, разбивши стороны, котораго приступаютъ къ созданію укрѣпленія, т. е. вырываютъ требуемой глубины ровъ, насыпаютъ брустверъ и затѣмъ въ горжевомъ фасѣ устраиваютъ закрытія для людей, не находящихся на брустверѣ и выходящихъ оттуда въ моментъ штурма для лучшаго и болѣе сильнаго отпора атакующему непріятелю. Не знаю, какъ построены и расположены фасы бетонныхъ построекъ въ другихъ крѣпостяхъ, но, по крайней мѣрѣ, въ Артурѣ, они расположены такъ, что я думаю, непріятель лучшаго для себя, въ смыслѣ уничтоженія насъ массами, ничего и не желалъ. Построивши укрѣпленіе, обыкновенно приступали къ маскировкѣ его, которая заключалась въ томъ, что, измѣнивъ совершенно естественный рельефъ мѣстности, въ видѣ прямолинейныхъ возвышеній, раздѣланныхъ по „ниточкѣ“, какъ на чертежѣ, начинали подводить подъ цвѣтъ окружающей мѣстности, т. е. содѣ-

Японскія дерев'яні орудія для метанія минъ.

вали дерномъ насыпанную землю и все по ровной линіи засаживали растеніями, при этомъ совершенно забывали, что измѣнивъ рельефъ мѣстности, вся послѣдующая маскировка уничтожалась послѣ первой же бомбардировки и передъ непріятелемъ оставался многоугольникъ съ заключеннымъ въ немъ гарнизономъ.

Форты строились съ расчетомъ для обороны ихъ ротой, соотвѣтственно этому возводились и бетонныя постройки. Фактически же оказалось, что для того, чтобы имѣть возможность при штурмѣ дать отпоръ врагу ротой, надо было для этого держать на форту 3 роты: $\frac{3}{4}$ или $\frac{1}{2}$ людей обыкновенно выбывало ранеными и убитыми, во время бомбардировки. Подступы къ фортамъ были совершенно открыты (потомъ сдѣлали ходы сообщенія). По нимъ непріятель велъ непрерывно сильный шрапнельный и фугасный огонь. Всѣ раненые и убитые и живой резервъ находились въ ужасной тѣснотѣ и духотѣ. Казематы сплошь были завалены убитыми и ранеными. Всюду кровь, стоны, крики, проклятія, просьбы о помощи, которую не успѣвалъ подавать находившійся обыкновенно одинъ фельдшеръ. Вмѣстѣ съ умирающими и изнемогавшими людьми бокъ о бокъ находились здоровые люди, которые должны были выдти на брустверь для того, чтобы превратиться въ такой же видъ какъ и эти окровавленные тѣла. (Послѣднія все время находились передъ ихъ глазами, благодаря отсутствію безопасныхъ сообщеній для выноса ихъ). О бодрости духа не могло быть и рѣчи, а было отчаяніе, съ которыми люди, въ конецъ истерзанными нервами, голодные, усталые бросались какъ автоматы въ рукопашный бой.

Санитарная служба въ крѣпости.

Посмотримъ теперь какъ была организована санитарная служба въ крѣпости и какъ она осуществлялась.

Соотвѣтствовала ли она нуждамъ осажденной крѣпости?

Какое она оказала вліяніе на судьбу многострадальнаго Артура?

Къ началу войны въ Артурѣ, несмотря на ростъ гарнизона крѣпости, находились слѣдующія лечебныя заведенія:

1) Сводный госпиталь на 400 человекъ.

2) Запасный № 1 на 200 человекъ (венериковъ).

3) Портовый Лазаретъ на 40 кроватей, и

4) Двѣ небольшихъ больницы гражданскаго вѣдомства.

Конечно такое количество коекъ не могло быть достаточно для гарнизона въ 50,000 человекъ.

Если же прибавить къ этому числу флотъ, гражданское и туземное населеніе, то число больничныхъ постелей нужно было считать угрожающе ничтожнымъ.

Для удовлетворенія этой насущной нужды крѣпости, уже принявшей первый ударъ непріятеля, было сдѣлано неособенно много.

Обратимся къ таблицѣ:

Мѣсяцъ.	Какія лечебныя заведенія были открыты.	На сколько коекъ.
Мартъ	Морской Госпиталь	200 ¹⁾
Апрѣль	Запасный № 6.	210
Май	3 запасныхъ госпиталя	630
Іюнь	3 запасн. госпиталя и подвижной ²⁾	630

Закономъ для военнаго времени установлена норма: одна больничная койка на 8 здоровыхъ.

Въ Артурѣ, къ началу войны была одна больничная койка на 100 здоровыхъ.

Несмотря на то, что Артуръ съ перваго боевого выстрѣла могъ ежедневно ожидать высадки непріятеля и полного изолированія, приведеніе къ нормѣ госпитальнаго снаряженія крѣпости шло черепащими шагами.

За три мѣсяца, пока крѣпость имѣла сообщеніе съ метрополіей, не было устроено ни одной койки, если не считать Мор-

¹⁾ Къ іюлю число коекъ доведено до 500.

²⁾ Въ Августѣ, послѣ жестокаго недѣльнаго штурма, когда были заполнены всѣ госпиталя и околотки ранеными, когда стало сильно угрожать распространеніе эпидеміи кроваваго поноса, были открыты запасный № 11 госпиталь на 1200 человекъ, въ морскихъ казармахъ Миннаго городка.

ского госпиталя и „Монголіи“, открытаго черезъ два мѣсяца послѣ начала войны и имѣвшаго особое назначеніе. Да, кромѣ того, этотъ госпиталь былъ задуманъ еще въ мирное время, зданіе для него было окончено постройкой.

Только съ прибытіемъ новаго коменданта крѣпости и санитарнаго инспектора крѣпости статскаго совѣтника Субботина, организація санитарной службы начала постепенно налаживаться. Особенной продуктивности въ ихъ дѣятельности не наблюдалось по той простой причинѣ, что на сѣверѣ, вмѣсто того, чтобы немедленно исполнять всѣ экстренно неотложныя представленія и требованія коменданта—завели канцелярскую переписку и вели ее до тѣхъ поръ, пока противникъ не отрѣзалъ сообщенія.

Къ началу тѣсной осады, послѣ боевъ на передовыхъ позиціяхъ, въ крѣпости было около 2500 больничныхъ коекъ военнаго и морского вѣдомства.

Кромѣ того, въ трехъ лечебныхъ заведеніяхъ Краснаго Креста къ этому времени было открыто около 500 коекъ.

Всего 3000 больничныхъ коекъ. Одна койка на 25 человѣкъ. Въ три раза меньше законной нормы.

Съ теченіемъ тѣсной осады число коекъ росло и по официальнымъ даннымъ приказовъ, было прибавлено еще 1500. Но это прибавленіе нужно считать номинальнымъ, такъ какъ запасы въ складахъ интендантства съ самаго начала войны были жалки, а приобрести на мѣстѣ что-либо, было невозможно.

Итакъ, въ самую мученическую пору Артура, по даннымъ приказовъ, въ крѣпости могли получить призрѣніе въ лечебныхъ заведеніяхъ ея около 4500 раненыхъ и больныхъ.

Между тѣмъ, минимальная цифра больныхъ къ концу осады, которая не можетъ быть никѣмъ оспариваема превышала 15,000, а вѣрнѣе достигала 18,000.

Гдѣ же получили помощь и нашли кровъ „лишніе“ 10,000—12,000 страждущихъ воиновъ.

Здѣсь читатель, мнѣ приходится развернуть предъ Вами самую грустную картину обороны Артура, картину безконечныхъ страданій могучихъ воиновъ Артурскаго гарнизона отъ распростиравшейся цынги.

Эти воины славно умирали не только въ бою!

Рядовые бойцы доказали, что они способны даже къ мученическому подвижничеству: медленной голодной смерти, безъ

ухода, безъ призора, безъ ободряющаго напутствія въ невѣдомый міръ.

Около половины этихъ „лишнихъ“, сверхъ всякой нормы и официальныхъ табелей снабженія были размѣнены въ указанныхъ госпиталяхъ и больницахъ, а остальные находились въ околodкахъ этихъ маленькихъ живыхъ кладбищахъ.

На кладбищахъ этихъ, въ послѣдній мѣсяцъ осады, скопилось иногда до 1000 человѣкъ при одномъ врачѣ, чаще фельдшерѣ, которые являлись только безпомощными свидѣтелями безмолвнаго подвижничества своихъ пациентовъ.

Вотъ онъ—околодокъ въ Декабрѣ.

На дворѣ морозъ. Холодъ внутри. Грязь, затхлый, спертый воздухъ, миллиарды ползающихъ бѣлыхъ, жирныхъ вшей и царствующій голодъ.

Тишина. Она нарушается лишь глухими стонами, болѣзненными вздохами, медленно угасающихъ мучениковъ долга.

Смерть—освободительница притаилась. Она во всѣхъ углахъ, стоитъ у дверей, стережетъ у оконъ, крадется по полу, приткнулась у наръ—она всюду и вездѣ.

Она ждетъ.

Тамъ, на фронтѣ, умираютъ сразу, въ госпиталяхъ еще борются съ ней, но здѣсь, здѣсь почти все уже въ ея власти.

Секунда за секундой, минута за минутой, часъ за часомъ мчатъ ихъ въ вѣчность—небытія.

Сотни цыготныхъ. Лежатъ въ повалку на полу, нарахъ, подъ ними. Какъ приплелись, такъ и завалились. Кто въ шинели, кто въ полушубкѣ, въ жалкой обуви и безъ ней.

Лица обезображенныя, желтыя, съ огромными темносиними кровоподтеками, пухлыя, вздутыя, съ заплаканными глазами. Изъ широко открытыхъ и незакрывающихся ртовъ торчатъ вспухшія десна, словно качаны цвѣтной капусты (разросшіеся грануляціи на деснахъ), обильно покрытые слизью и распространяющія смрадное зловоніе. Зубы постепенно вываливаются. Больные лежатъ въ самыхъ неестественныхъ позахъ отъ сведенныхъ судорогами распухшихъ ногъ и рукъ.

Выраженіе глазъ—тупая покорность волѣ Провидѣнія. Но временами въ нихъ свѣтится тяжелый ужасъ—призракъ смерти пугаетъ ихъ.

Здѣсь царство торжествующей смерти—апостола небытія.

Она любовно наблюдаетъ за длительной агоніей неразумныхъ людей, стережетъ послѣдній вздохъ каждаго изъ нихъ.

Далеко, отъ такъ называемыхъ родныхъ, друзей и близкихъ, всѣми забытые, въ полномъ сознаниі, въ чудовищныхъ мукахъ мысли о грядущемъ, безмолвно ждутъ они своего конца.

Вотъ роковой кругъ изъ котораго не было выхода пациентамъ околodka.

А чаша этихъ страданій могла миновать артурскихъ воиновъ.

Она миновала бы ихъ, если-бы тѣ, кому санитарную часть вѣдать надлежало, честно исполняли свой долгъ, а не занимались лишь приказной литературой.

Въ каждомъ дѣлѣ должны работать живые и честные люди, и не военно-канцелярскіе манекены.

Не многимъ изъ Артурскихъ рядовыхъ бойцовъ пришлось-бы испытать эту чашу до конца, если-бы Стессель 25-го ноября утвердилъ постановленіе совѣта обороны объ убоѣ лошадей.

Питаніе гарнизона кониной и бѣлымъ хлѣбомъ сразу остановило-бы ростъ цыгги.

Муки было свыше 75,000 пудовъ, лошадей свыше 3,000.

Околodka заполнялись вѣдь почти исключительно цынготными.

Но Стесселю, Фоку и К⁰ необходимо было устроить живое кладбище и они сознательно устраивали его, въ преступномъ преднамѣреніи оправдать этимъ сдачу крѣпости, спасти свою жизнь и еще послужить въ роли „испытанныхъ героев“ „дорогой“ Родинѣ.

Какъ не старался Стессель и его „истинные герои и помощники“, какъ не безпощадны они были къ больнымъ, раненымъ и здоровымъ, тѣмъ не менѣе, въ плѣнъ ушло свыше двадцати трехъ тысячъ здоровыхъ людей.

Стессель долженъ сознаться, что въ 4^{1/2} часа пополудни 19-го декабря, еще преждевременно было сдавать крѣпость.

Артуръ въ этотъ день и въ этотъ часъ былъ далекъ еще отъ живого кладбища.

Отчаянныя усилія молодыхъ врачей, сдѣлать хотя что-либо для этихъ не официальныхъ, нерегламентированныхъ больныхъ, были почти безуспѣшны, такъ какъ усилія эти носили частный характеръ, были скорѣе благотворительностью. Для достиженія благихъ результатовъ, кромѣ широкой личной инициативы, нужна

была власть, самостоятельность, планомѣрность дѣйствій и полная оріентировка въ средствахъ крѣпости и размѣрахъ бѣдствія.

Но это все было въ полной мѣрѣ доступно только высшей медицинской власти въ крѣпости.

Отчаянныя же усилія маленькихъ лицъ, преданныхъ дѣлу; глубоко сознававшихъ свою святую обязанность гражданина — воина и врача, въ дребезги разбивались о бюрократическую стойкость и преграды высшей медицинской власти въ крѣпости.

Высшая же медицинская власть въ крѣпости, какъ это ни нелѣпо объединялась въ лицѣ двухъ: санитарный инспекторъ крѣпости статскій совѣтникъ Субботинъ и корпусный врачъ Рябининъ.

По закону¹⁾ начальникомъ санитарной службы въ крѣпости являлся, конечно, ея санитарный инспекторъ. Но Стесель на этотъ счетъ былъ другого мнѣнія и поэтому корпусный врачъ Рябининъ вмѣшивался во всѣ распоряженія Субботина (объ этомъ ничего не говорятъ официальные документы), уже прежде всего потому, что послѣдній былъ непосредственно подчиненъ коменданту.

Благодаря такому положенію вещей, въ санитарной службѣ крѣпости создавалась такая неразбериха, которую не распутать было собственными средствами. Уже послѣ капитуляціи крѣпости, все кое-какъ наладилось при участіи японскихъ медицинскихъ властей.

Что же касается вообще медицинскихъ генераловъ, то послѣдніе всѣхъ боялись, никуда не ходили и главное ничего не могли. Вся жизнь ихъ, вся ихъ служба многолѣтняя, прошла въ слѣпомъ подчиненіи полковымъ, бригаднымъ, дивизионнымъ и корпуснымъ генераламъ, которые вездѣ и всюду ихъ опекали и въ своей отеческой заботливости не покидали ихъ даже... въ госпиталяхъ. Даже въ госпиталяхъ, никто другой, а опять генераль, полковникъ, а иногда капитанъ, а то и просто поручикъ, являлись ихъ наставниками и руководителями.

Наставники эти въ мирное время (казалось бы ихъ мѣсто въ строю) заботились и о пищѣ больныхъ, объ обиходѣ ихъ, обо всѣхъ общихъ мѣропріятіяхъ лечебнаго заведенія, однимъ словомъ, они являлись хозяевами, хотя, въ большинствѣ случа-

¹⁾ Ст. 155 Полож. объ управленіи крѣпостями. 23 Октября 1601 г., № 358.

евъ, они не имѣли ни малѣйшаго представленія о порученномъ имъ дѣлѣ, такъ какъ этому никогда не обучались. А дѣло это очень сложное, серьезное и первостепенной важности. На долю врачей, такимъ образомъ, оставалось лишь почтительно выслушивать, исполнять и прописывать больнымъ лекарство.

Разсуждать, критиковать, явно абсурдныя распоряженія, — было опасно.

Въ полку эта опека, конечно, не имѣло никакихъ границъ.

Гдѣ же было этимъ генераламъ отъ медицины приобрѣсти знанія административной стороны ихъ сложнаго дѣла. Въ войскахъ административнаго опыта они получить не могли, а знанія военно-санитарной тактики и организациі санитарнаго дѣла на войнѣ у нихъ тоже не было, такъ какъ у насъ нѣтъ соотвѣтствующаго учебнаго заведенія, гдѣ врачи могли-бы подготовиться къ своей будущей военно-санитарной службѣ. Въ Японіи, напримѣръ, врачи поступающіе въ армію, проходятъ 2-хъ лѣтній курсъ въ специальной военно-санитарной академіи. А главное, постоянное холоптство передъ строевымъ начальствомъ и приниженность положенія корпораціи убивало въ нихъ искру инициативы и самостоятельности. Такія лица утрачивая обликъ врача, постепенно превращаясь въ бывшихъ врачей, въ награду получали генеральскія медицинскія мѣста.

Вотъ результатъ и сказался.

Война—негарнизонная служба.

Въ Артурѣ, эта печальная, преступная сторона нашей военной организациі сказалось съ ослѣпляющей очевидностью.

Все намъ свидѣтельствуетъ, что корпусный врачъ, статскій совѣтникъ Рябининъ, непримиримый конкурентъ военно-санитарнаго инспектора крѣпости доктора Субботина (последній дѣлалъ по долгу и своему разумѣнію все отъ него зависящее, выбивался изъ силъ, но въ видѣ встрѣчалъ преграды въ лицѣ Стеселя, за которымъ стоялъ Рябининъ) не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о роли крѣпости на войнѣ, о характерѣ крѣпостной войны, и, самое важное, не понималъ или не хотѣлъ понимать громаднаго значенія для успѣшности борьбы — абсолютнаго здоровья гарнизона.

Дальнѣйшее изложеніе выясняетъ преступную организацию нашего военно-санитарнаго дѣла въ крѣпости и значеніе санитарнаго хаоса въ паденіи славнаго Артура.

Цынга.

Первые признаки цынги появились въ крѣпости очень рано. Еще въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, среди команды крейсера „Паллада“ появились цынготные больные¹⁾.

Первые признаки должны были напомнить медицинскимъ властямъ крѣпости о цынгѣ, этомъ бичѣ осажденной крѣпости.

Но къ несчастью, никакихъ существенныхъ мѣръ съ этимъ надвигающимся зломъ предпринято не было, за исключеніемъ неопредѣленныхъ совѣтовъ: лучше кормить и прибавлять въ пищу зелень, не указывая, гдѣ добыть лучшую пищу, гдѣ пріобрѣсти зелень, такъ какъ таковыхъ въ крѣпости уже въ Апрѣлѣ ощущался недостатокъ.

Строевые начальники начали закупать зелень. Кулекъ рѣдьки пріобрѣтался за 10 рублей, пудъ чесноку за 200 рублей.

Зелень давалась, какъ лекарство, но причина болѣзни — плохое питаніе не удалялась, и поэтому пріемы зелени не останавливали развитіе цынги.

Лѣтомъ цынга исчезла совершенно.

Съ наступленіемъ холодовъ вновь появились отдѣльныя заболѣванія.

Въ октябрѣ цынготные считались сотнями, въ ноябрѣ тысячами, а въ декабрѣ число ихъ перевалило за 10,000.

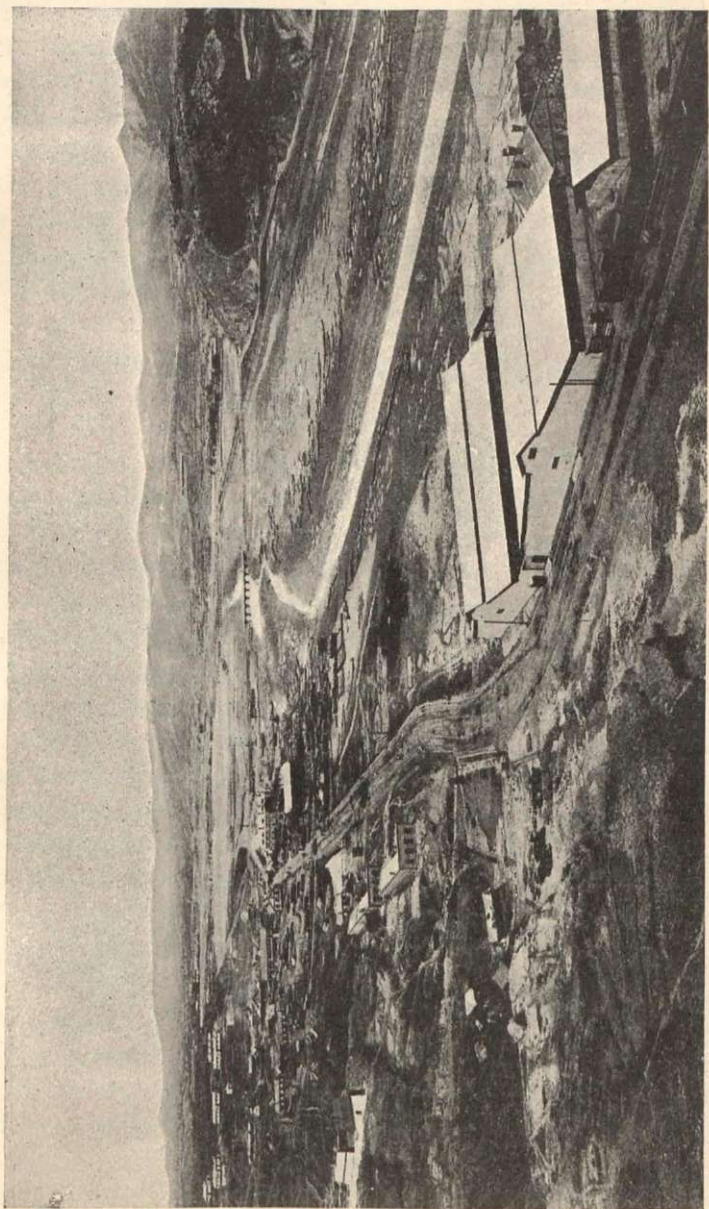
Цынга росла съ поражающей быстротой и сокрушающая ея сила была неизмѣримо губительнѣе самыхъ ожесточенныхъ штурмовъ.

Всѣ госпитали, лазареты, околотки, были завалены цынготными,—но больные, несмотря на всѣ мѣры, не поправлялись.

Войска, въ силу этого начали бояться госпиталей, и цынготные къ концу осады, предпочитали оставаться въ строю, чѣмъ итти въ госпиталь.

Число больныхъ и раненыхъ ко дню ухода гарнизона въ плѣнъ, по подсчету произведенному японцами—равнялось 18,000, изъ коихъ только около 6000 было раненыхъ, остальные исключительно цынготные. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, почти всѣ раненые были поражены цынгою.

¹⁾ Благодаря своевременно и энергично принятымъ мѣрамъ, цынга быстро прекратилась.

Долина рѣки Лун-хэ. Впереди проектируются высоты атакованного сѣверо-восточнаго фронта.

Приведенныя цифры далеко не исчерпываютъ всего количества цынготныхъ въ крѣпости.

Многіе, легко пораженные цынгою, оставались въ строю.

Морскимъ санитарнымъ отрядомъ доктора Кефели, 28-го ноября, былъ произведенъ поголовный осмотръ нижнихъ чиновъ на одномъ изъ боевыхъ участковъ крайняго праваго фланга, который далъ 21% цынготныхъ въ строю.

12-го декабря, осмотръ докторомъ Кефели былъ повторенъ и результатъ переписи далъ 40¹/₂% цынготныхъ. (Части войскъ за эти двѣ недѣли неперемѣнились).

Вотъ рапортъ завѣдывающаго первымъ санитарнымъ отрядомъ и таблица второй переписи.

Медицинскому Инспектору Морского Управленія.

Рапортъ.

„12-го декабря, студентами и фельдшерами I-го санитарнаго отряда была произведена вторая перепись цынготныхъ на участкѣ отъ Спины Дракона до моря. Общій % больныхъ, находящихся въ строю по второй переписи получился 40¹/₂%. Изъ числа больныхъ съ межмышечными кровоизліяніями въ ногахъ и съ обширными грануляціями на десныхъ 22%, и съ пораженіями внутреннихъ органовъ и сильной анеміей и слабостью 5¹/₂%.

Первая перепись была произведена двѣ недѣли тому назадъ, 28-го ноября и дала 21% цынготныхъ въ строю.

За двѣ истекшія недѣли въ амбулаторіи перевязочнаго пункта наблюдалось много случаевъ улучшенія состоянія здоровья цынготныхъ и нѣкоторые случаи съ полнымъ исчезновеніемъ жалобъ и объективныхъ признаковъ. Тяжелые и запущенные случаи почти не давали улучшеній.

Изъ опроса больныхъ и наблюденій надъ ними выяснено, что больные чернаго хлѣба почти не ѣдятъ и слѣдовательно, остаются совершенно голодными! Въ настоящее время, въ виду ничтожнаго количества мяса, которое дается нижнему чину, главною составною частью пищи, содержащей наибольшее количество бѣлка—является хлѣбъ.

Пока солдатъ здоровъ, онъ ѣстъ хлѣбъ, какъ только у него появились первые признаки цынги—вспухли десна, онъ лишается возможности принимать черный хлѣбъ. Въмѣсто того,

чтобы цынготнаго, какъ больного, сущность болѣзни котораго составляетъ подорванность питанія, кормить обильнѣе и разнообразнѣе и дать ему возможность заполнить въ организмѣ дефекты питанія количественно и качественно, его кормятъ пивомъ, перцомъ, всякими кислотами, т. е. веществами вкусовыми, цѣль которыхъ, главнымъ образомъ, разнообразить пищу. Главныя же составныя части пищи: бѣлокъ, жиры и углеводы игнорируются.

Послѣднія двѣ составныя части даются въ относительно удовлетворительномъ количествѣ въ настоящее время, а первую—бѣлокъ за отсутствіемъ мяса, надо искать только въ хлѣбѣ. Въ виду невозможности больнымъ использовать черный хлѣбъ, является крайне важнымъ, жизненнымъ вопросомъ для крѣпости широкая раздача всѣмъ цынготнымъ, находящимся въ строю, бѣлаго хлѣба и не въ малыхъ дозахъ. Я имѣю основаніе вѣрить тѣмъ цифрамъ, какія дали обѣ переписи на небольшомъ сравнительно участкѣ крѣпости, въ виду того, что хорошо знаю лицъ собиравшихъ свѣдѣнія, у всѣхъ достаточно набить глазъ, да и болѣзнь столь проста по діагнозу, что скорѣе можно считать показанныя цифры слегка уменьшающими дѣйствительное распространѣніе цынги, чѣмъ преувеличивающими. Цифры-же весьма серьезныя. Не опасно то, что больныхъ много, а опасно то, найдемъ-ли возможность дать болѣе медленное теченіе распространѣнію этой болѣзни, или средство, совершенно задержать ея ростъ.

Для Артура—это вопросъ жизненный.

Все, что возможно—должно быть сдѣлано.

Если распространѣніе цынги будетъ увеличиваться по той-же ариѳметической прогрессіи, то, въ каждыя двѣ недѣли мы получимъ новыхъ 200 больныхъ на 1000 человекъ, находящихся въ строю. То черезъ полтора мѣсяца не будетъ здоровыхъ, а вмѣстѣ съ этимъ и сильно уменьшится число могущихъ держать ружье, ибо всѣ тѣ, которые составляютъ вторую категорію больныхъ, попадутъ въ госпиталь, а болѣе легкіе, станутъ хромать и еле волочить ноги.

Если-же сейчасъ принять крайнія мѣры и использовать ad maximum все имѣемое въ распоряженіи: мясо, бѣлый хлѣбъ и противоцынготныя пищевыя средства, то мы можемъ надѣяться, что здоровые не заболѣютъ, легко больнымъ не станетъ хуже, а болѣе тяжелые, протянуть сносно тѣ-же полтора мѣсяца. Слѣ-

довательно два исхода, по одному—черезъ полтора мѣсяца крѣпость останется почти безъ здоровыхъ солдатъ, но съ запасомъ провизіи, по другому—черезъ полтора мѣсяца можетъ быть не будетъ запасовъ провизіи, но зато, во все это время гарнизонъ сохранить присущую ему въ настоящее время боевую способность и бодрость.

Дѣло стратеговъ рѣшить, что въ данномъ случаѣ выгоднѣе для крѣпости.

Таблица переписи цынготныхъ 12-го декабря 1904 года въ Портъ-Артурѣ, на участкѣ отъ Спины Дракона до моря.

Названіе осмотренныхъ частей.	Осмотрѣно командъ всего.	Всего больныхъ цынгой.	Больныхъ съ поверхностными измѣненіями на деснахъ и гортанными кровоизліяніями на конечностяхъ.	Больныхъ съ болями гранулированными на деснахъ и межмышечными кровоизліяніями.	Изъ послѣднихъ слѣдуетъ съ ирражіею внутреннихъ органовъ.
6-ая рота 25-го В.-С. С. п.	89	17	8	9	—
Морск. командъ у пулеметовъ	4	—	—	—	—
Охотн. ком. 25-го В.-С. С. п.	80	18	14	4	2
12-ая рота 25-го В.-С. С. п.	47	5	5	—	—
Сводная рот. 25-го В.-С. С. п.	23	9	6	3	—
Артиллеристы редута Тахэ	11	—	—	—	—
1-ая рота 25-го В.-С. С. п.	148	32	26	6	2
Артиллеристы форта I-го	27	18	11	7	1
Команда у прож. форта I-го.	10	5	3	2	—
5-ая рота Квантунск. флотск. экипажа	80	47	38	9	—
Рота съ брон. „Полтава“	117	46	38	8	—
12-ая рота Квантунск. флотск. экипажа	138	61	59	2	1
Батарея № 22	78	59	47	12	7
„ № 21	52	35	23	12	4
„ № 20	55	33	21	12	3
Бат. „Длинная Гора“	12	10	5	5	3
37" батарея	14	4	3	1	—
Команда у пушки „Дядя Саша“	15	6	5	1	—
Сигн. ст. на бат. № 21	6	6	5	1	—
47" батарея	5	2	2	—	—

Названіе осмотровѣнныхъ частей.	Осмотрѣно ко-манды всего.	Всего больныхъ цынгой.	Больныхъ съ поврежденіями измѣненіями на деснахъ и тѣхъ, чѣмъ кровеносныя на конечностяхъ.	Больныхъ съ больши-ми грыжами на деснахъ и межъшеч-ными кровоизлітіями.	Изъ послѣднихъ сла-быхъ съ пораженіемъ внутреннихъ органовъ.
Взводъ 7-го Арт. В.-С. С. дивизіона . . .	6	3	3	—	—
37" бат. „Хребетъ Дракона“	4	—	—	—	—
Правая противощт. 37" батарея.	4	2	2	—	—
Бат. „Спина Дракона“	14	6	6	—	—
Пулемет. и противощт. бат. форта I-го.	5	—	—	—	—
Морск. ком. двухъ китайск. пушекъ . . .	5	2	2	—	—
1-ый Морской Санитарн. Отрядъ	17	8	5	3	1
	1066 ч.	434 ч.	337 ч.	97 ч.	24 ч.

Когда рапортъ этотъ былъ доложенъ „генераль-адъютанту“ съ предложеніемъ усилить питаніе гарнизона, послѣдній сказалъ:

— „Не можетъ быть чтобы на указанномъ участкѣ столько нижнихъ чиновъ. На указанномъ участкѣ гораздо меньше людей“.

Вопросъ же объ усиленномъ питаніи такъ и остался открытымъ. Только подъ самый конецъ было отдано распоряженіе слегка увеличить питаніе.

Самъ собой напрашивается вопросъ: 1) была ли возможность избѣгнуть появленіе цынги, и 2) можно-ли было остановить ее при наличныхъ средствахъ Артура.

Отвѣтъ,—какъ на первый, такъ и на второй вопросъ: Да, и безусловно да!!

Современный научный взглядъ на сущность цынги, опытъ хроническихъ голодовокъ (недоѣданій) русскаго народа, экспедиція Нансена, опыты борьбы японскаго флота съ родственной цынгѣ болѣзью бери-бери, доказываютъ, что рациональное обезпеченіе гарнизона продовольствіемъ въ соотвѣтствующей мѣрѣ и разнообразіи безусловно предохранили бы его отъ цынги, и, во всякомъ случаѣ, отъ ея повальнаго проявленія.

Второй вопросъ, вопросъ о прекращеніи наличными средствами распространявшейся цынги — является болѣе сложнымъ.

Читатель вѣрно помнитъ, что питаніе гарнизона съ момента отрѣзанія, начали постепенно сокращать и къ ноябрю мѣсяцу, когда напряженіе людей въ ихъ физической и духовной природѣ дошло до предѣловъ возможнаго — порціи были сокращены до минимума, а вмѣсто хлѣба выдавались сухари, которые не могли быть принимаемыми въ пищу, такъ какъ они для цынготныхъ являлись каменьями.

Первые признаки цынги проявились кровоточивостью, припуханіемъ десенъ и расшатываніемъ зубовъ. Это, въ полной мѣрѣ лишало больныхъ возможности разжевывать черствые, часто заплеснѣвшіе, ржаные сухари.

Устранить цыngu являлась полная возможность, но для этого слѣдовало: 1) установить срокъ возможнаго сопротивленія, и 2) рационально использовать всѣ наличные жизненные припасы: лошадей, муловъ, кошекъ, собакъ и муку. Въ началѣ декабря въ крѣпость прибыло 50,000 пудовъ великолѣпной пшеничной муки.

Выдавая по 3 фунта бѣлаго хлѣба на человѣка, его хватило-бы на 3 мѣсяца. Питаніе же конскимъ мясомъ, выдавая по $\frac{1}{2}$ фунта на человѣка въ день, можно было растянуть на $1\frac{1}{2}$ мѣсяца, съ сохраненіемъ количества лошадей для обоза. Бѣлый хлѣбъ, по своей питательности и удобоворимости, даже при ослабленной пищеварительной способности кишечника цынготныхъ, могъ въ значительной мѣрѣ замѣнить питаніе мясомъ.

Первое не было исполнено, въ виду того хаоса, который царилъ въ крѣпости, благодаря вредному вмѣшательству въ ея оборону Стесселя, Фока и К^о.

Второе, какъ уже извѣстно читателю, было рѣшено на военномъ совѣтѣ 25 ноября (на которомъ по какой-то непонятной случайности не былъ приглашенъ санитарный инспекторъ крѣпости), но не приведено въ исполненіе благодаря противодѣйствію „генераль-адъютанта“ стремившагося превратить еще боеспособныхъ защитниковъ въ „тѣней“.

Что же касается выпечки и раздачи бѣлаго хлѣба, то приказъ объ этомъ хотя и былъ отданъ, но многими частями совершенно не былъ приведенъ въ исполненіе. Причина этого кроется въ томъ, что начальникъ района отдавая этотъ при-

казъ не предусмотрѣлъ практическаго способа его выполненія.

Все это было возложено всецѣло на полки, а послѣдніе не могли этого выполнить потому, что они были всецѣло поглощены своей главной задачей—обороной¹⁾, они не имѣли ни перевозныхъ средствъ, ни хлѣбопекаренъ, ни свободныхъ людей, а главное они не были во всеоружіи знанія. Въ силу этого, приказъ былъ выполненъ не всѣми полками.

Напримѣръ, 13-ый полкъ ѣлъ бѣлый хлѣбъ на третій день послѣ отданія приказа, а въ нѣкоторыхъ полкахъ бѣлый хлѣбъ не выдавался до самой сдачи крѣпости.

Возможна была другая организація. Все дѣло нужно было поручить одному лицу, который использовавъ всѣ наличныя пекарни крѣпости и города (такихъ было много) могъ выпекать хлѣбъ своевременно и въ количествѣ потребномъ для всего гарнизона.

Подобная организація была вполне возможна.

Дѣятельность доктора Григоровича, завѣдывавшаго хлѣбопеченіемъ послѣ ухода гарнизона въ плѣнъ и снабжавшаго всѣхъ больныхъ и раненыхъ (18,000) хлѣбомъ — блестяще это подтверждаетъ.

Госпиталя.

Тѣ госпиталя, которое существовали въ мирное время и госпиталя развертываемые до тѣсной блокады удовлетворяли своему назначенію. Тѣ-же изъ лечебныхъ заведеній, которыя открывались съ наступленіемъ тѣсной блокады были далеки отъ своего назначенія. Они лишены были инвентаря, не было ни бѣлья, ни кроватей, медикаментовъ, не говоря уже объ обученномъ низшемъ персоналѣ, достаточномъ количествѣ сестеръ и докторовъ.

Верхомъ безобразія въ этомъ отношеніи были: полевой запасный № 11 госпиталь на 1200 человекъ, предназначенный для заразныхъ больныхъ и полевой подвижной № 5 госпиталь

¹⁾ Въ мирное время полкъ можетъ обслуживать свое хозяйство не стѣсняясь расходомъ людей. Обычное явленіе, что въ полку на строевыя занятія выходитъ половинное количество рядовъ.

(4-ой дивизіи, Фока). Оба они были расположены въ удаленномъ уголкѣ крѣпости, на Тигровомъ полуостровѣ.

Да и чего можно было ожидать отъ II-го госпиталя, когда онъ былъ открытъ послѣ августовскихъ штурмовъ, когда въ крѣпости ничего для его оборудованія не осталось.

На 1200 человекъ было назначено всего лишь 4 врача.

Въ первые же дни его открытія больные лежали на нарахъ, въ своей одеждѣ и сапогахъ. Что творилось тамъ потомъ, то это положительно не поддается описанію.

Больные лежали въ повалку. Среди еще живыхъ находили уже давно умершихъ.

Въ одну изъ ночей бомбардировокъ, разорвавшимся снарядомъ были выбиты стекла. Стекла своевременно не были вставлены и черезъ сутки, на нарахъ, среди живыхъ было найдено 35 труповъ. Больные замерзли.

Слава этого госпиталя прогремѣла на всю крѣпость. Была назначена комиссія, которая во внутреннемъ распорядкѣ госпиталя нашла столько возмутительнаго, что смотритель госпиталя былъ немедленно смѣщенъ и вновь назначеннымъ явился бывший полиціймейстеръ гор. Дальняго г. Меньшовъ.

Изъ 3500 больныхъ пользовавшихся въ этомъ госпиталѣ— умерло 1500.

Не въ лучшихъ условіяхъ были больные въ подвижномъ № 5 госпиталѣ.

Отсутствіе плана въ развертываніи госпиталей, которые открывались и расширялись обыкновенно въ дни штурмовъ—создавало скопленіе больныхъ и раненыхъ въ ближайшихъ къ мѣсту штурма госпиталяхъ, гдѣ, конечно происходило столпотвореніе. Раненые иногда по днямъ не получали медицинскаго пособія, такъ какъ наличный персоналъ работая по 24 часа въ сутки не могъ справиться съ такимъ наплывомъ. Раненыхъ носили изъ госпиталя въ госпиталь, часто они умирали по дорогѣ.

А между тѣмъ отдаленные отъ мѣста атаки госпиталя не принимали участія въ этой работѣ (бѣдствіи), благодаря отсутствію строго организованнаго, центрального распорядительнаго органа по санитарной службѣ въ крѣпости.

Рябининъ вмѣшивался въ распоряженія санитарнаго инспектора крѣпости доктора Субботина и ералашъ получался форменный.

Въ крѣпости не было вполнѣ самостоятельнаго центрального органа по санитарной службѣ, который заранѣе могъ бы все предусмотрѣть и принять всѣ соотвѣтствующія мѣры для правильнаго распредѣленія больныхъ по госпиталямъ во время штурма.

Санитарная служба въ крѣпости была въ зависимости отъ строевого начальства, занятаго главнымъ образомъ боевой обороной, а затѣмъ уже отъ санитарнаго инспектора крѣпости, которому мѣшалъ Рябининъ по праву старшаго. Къ санитарной службѣ явились прикосновенными: городское управленіе, полиція и даже жандармы, а отвѣтственности ни на комъ не лежало.

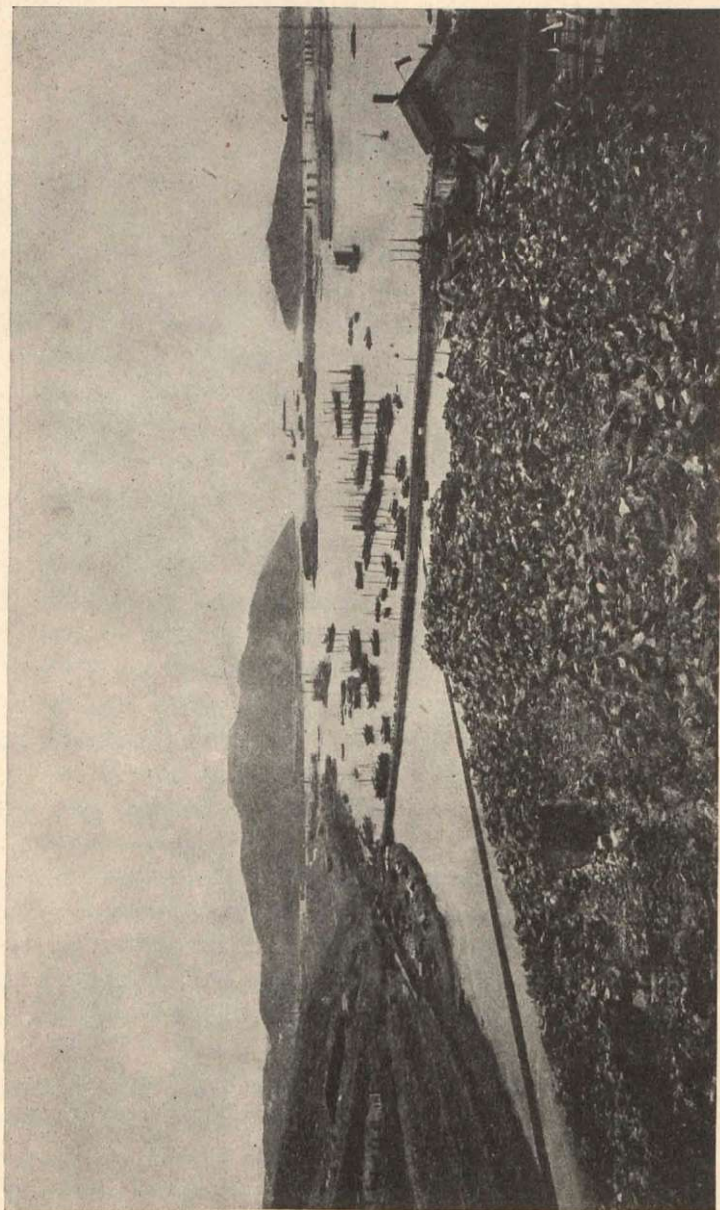
Эта двойственность, скажу больше множественность, въ управленіи лечебными заведеніями крѣпости и обоюдное съ медицинской и строевой стороны незнакомство съ крѣпостной санитарной службой и ея тактикой, легло въ основаніе того сумбура, который и въ этомъ, въ высшей степени важномъ дѣлѣ, царилъ въ крѣпости.

Приказъ Стесселя отъ 9 октября за № 752 хотя и былъ радикаленъ, но на практикѣ былъ причиной смерти десятковъ раненыхъ погибшихъ при переноскѣ ихъ въ стужу на Тигровый полуостровъ.

Фраза: „..... и впредь, чтобы я не видѣлъ ни одного тифознаго и дезинтерика вмѣстѣ съ ранеными...“—звучить гордо, но...

Повторяю, всего этого можно было избѣжать, если по закону предусматривалось-бы въ крѣпости центральное учрежденіе, которое исключительно-бы вѣдало санитарную службу въ крѣпости. Учрежденіе снабженное средствами, властью (какъ напримѣръ: командиръ крѣпостной артиллеріи) личнымъ обученнымъ персоналомъ и самое главное знаніемъ. Знаніемъ не только медицинской стороны этого сложнаго дѣла, но и въ полномъ объемѣ знакомаго съ санитарной тактикой осажденной крѣпости.

Блестящими госпиталями были: 1) Мариинская [больница Краснаго Креста, находившаяся подъ неослабнымъ наблюденіемъ егермейстера Балашова; 2) „Монголія“, и 3) Морской госпиталь.

Западный бассейнъ.

Затѣмъ лучшими госпиталями являлись: Сводный госпиталь, восьмой и девятый запасные, морской хирургическій лазаретъ устроенный докторомъ Тейле и М-те Налетовой и госпиталь въ городской гостинницѣ.

Сестры милосердія.

Артурскія сестры, безотносительно общинныя или добровольныя были дѣйствительно сестрами милосердія, сестрами самоотверженія.

Сколько тысячъ раненыхъ и больныхъ—тяжело, ужасно, невыносимо страдавшихъ нашли облегченіе на рукахъ этихъ незамѣтныхъ, но великихъ подвижницъ.

Величіе души русской женщины въ Артурѣ развернулось во всю необъятную ширь своей обаятельной красоты.

Если въ мирное время каждая женщина входящая въ госпиталь и работающая тамъ въ качествѣ сестры милосердія—однимъ своимъ присутствіемъ вноситъ колоритность въ однообразную, гнетущую больничную обстановку, то кѣмъ же она была для раненыхъ въ домѣ ихъ страданій во время осады.

Сестра—всегда добрая, внимательная, отзывчивая у постели страдальцевъ, въ непрерывной, всеугрожающей обстановкѣ осажденной крѣпости, среди адскаго грохота орудіей кононады, всесокрушающей силы взрывовъ вокругъ, потрясающихъ зданія, разрушающіе ихъ, и, наконецъ, добывающіе уже раненыхъ—это не сестра въ глазахъ раненыхъ, эта не простая женщина, она уже окружена ореоломъ подвижничества, это святая, это ихъ ангель хранитель.

Сколько надежды свѣтилось во взорѣ безпомощныхъ, прикованныхъ къ постели раненыхъ, глядѣвшихъ на спокойныхъ, ласковыхъ сестеръ, когда кругомъ въ артиллерійскомъ спорѣ ревѣли стальные чудовища, ежесекундно готовые превратить ихъ въ кровавое мѣсиво и превращавшіе уже въ него ихъ несчастныхъ сосѣдей.

Какимъ молящимъ взглядомъ встрѣчали и провожали они спасавшихъ и ухаживающихъ за ними сестеръ.

Сколько въ этомъ взглядѣ было невысказанной благодарности; нечаянно упавшая со скорбныхъ очей слеза договаривала недосказанное.

А ночи бомбардировокъ?! Безсонныя, страшныя ночи!

Ночи страданій!

Ночи безысходной тоски!

Ночи могильнаго, холоднаго ужаса, ужаса передъ приближающимся, часто отчетливо уже сознаваемымъ, концомъ!

Ночи надеждъ!

Ночи страстной мольбы къ Богу и къ нимъ, къ сестрамъ—спасти жизнь во имя молодости, во имя престарѣлой матери, жены, невѣсты,—а то прямо во имя того, что я жить, жить хочу, мнѣ страшенъ конецъ...

А эти ночи страданій??!

Ночи той же мольбы къ Тому и къ нимъ же, оборвать жизнь, прекратить жестокую пытку, уже невыносимыхъ, чисто физическихъ страданій. А ночи проклятій Ему, всему и всѣмъ, когда уже не оставалось больше силъ...

Долгая ночь предсмертной агоніи... Все, все въ какой-то дымкѣ. Заволакиваетъ. Темнѣй, темнѣй. Глухой шумъ. Холодъ вездѣ, только голову палитъ нестерпимый жаръ. Глаза рѣжетъ одинъ и холодный ослѣпительно сверкающій лучъ. Душно какъ передъ грозой. Надъ самой головой сгущается круглое облако. Холодомъ, но другимъ холодомъ, вѣетъ отъ него и лучъ застилаетъ. Изъ него словно жало, быстро, страшно быстро спускается, остановилось и уставилось. Это тонкая, длинная, стальная игла. Вотъ, вотъ пронзитъ сердце, и, неужели,—конецъ...

... Все смѣшалось. Да это не сестра сидитъ у изголовья. Трудно разглядѣть, холодный лучъ опять засверкалъ, иголка ниже. Нѣтъ это не она и вовсе не палата, а давно забытая, но хорошо знакомая обстановка. Не сестра смотритъ. Нѣтъ, нѣтъ! Это мать, родная мать! Зачѣмъ она здѣсь? Зачѣмъ она такъ смотреть задумчиво, скорбно и серьезно

Мамура!! Я, я жить хочу! Возьми меня.

Иголка пронзила.

Сверкающій лучъ потухъ.....

Да, сестры напоминали друзей, близкихъ: мать, сестру, невѣсту... Сестры сѣяли надежды, дарили бодрость, вливали энергію.

А подчасъ и любили и любимы были, только той чистой любовью, о которой не любить говорить и никогда не говорить изолгавшійся Гименей.

Сестры скрашивали существованіе мучениковъ долга, усыпали имъ незримиыи цвѣтами торную тропу къ выздоровленію и широко развернувшій путь изъ Артура въ невѣдомый міръ.

Околодки.

Самъ собою въ Артурѣ возникъ своеобразный типъ лечебныхъ заведеній, такъ называемые околодки.

Околодки въ мирное время являлись амбулаторіями при полкахъ.

Въ періодъ же осады они постепенно развернулись въ „госпиталя“, гдѣ, главнымъ образомъ, скоплялись цынготные. Тутъ не только о кроватяхъ, но и о нарахъ не было рѣчи. Число больныхъ къ концу осады достигало до 1000 человекъ. Люди въ повалку жались на мерзлой землѣ, голодные, грязные, подъ призоромъ, въ лучшемъ случаѣ, одного врача, а чаще лишь ротнаго фельдшера. Больные медленно, но вѣрно приближались къ смерти.

И это въ крѣпости, изъ которой въ февралѣ и въ мартѣ, съ разрѣшенія Стесселя, вагонами вывозились продовольственные запасы.

Перевязочные пункты.

О первомъ перевязочномъ пунктѣ въ Киньчжоускомъ бою я писалъ въ 1-ой части своей книги. Насколько онъ удовлетворялъ и удовлетворилъ своимъ задачамъ я судить не берусь, но могу сказать лишь, что на сравнительно большой площади занятой сценой боя онъ былъ единственный.

Въ эвакуаціи раненыхъ царилъ возмутительный беспорядокъ, благодаря опять таки совершенному отсутствію плановой организаціи.

Генеральнаго штаба капитанъ Одинцовъ, которому очевидно никогда и не снилось, что ему предстоитъ быть организаторомъ санитарной службы, совершенно для себя неожиданно очутившись въ этой роли, конечно, не могъ даже мало-мальски удовлетворительно провести это сложное и очень трудное дѣло.

Да, это вполне понятно. Онъ не имѣлъ о порученномъ ему дѣлѣ ни малѣйшаго представленія. Санитарная же служба тре-

буетъ помимо чисто техническихъ знаній еще обширнаго знакомства съ топографіей мѣстности, гдѣ разворачивается бой, арьергардными позиціями съ ихъ путями сообщенія, диспозиціей боя и отступленія и т. д.. Все это вмѣстѣ взятое даетъ возможность заранѣе разработать планъ эвакуаціи и дѣйствительно эвакуировать въ тылъ раненыхъ, а не везти ихъ, какъ недобитый скотъ. Но это можетъ быть лишь только тогда, когда лицо завѣдующее эвакуаціей будетъ во всеоружіи не только перечисленныхъ знаній, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ и врачомъ.

Да что говорить о санитарной службѣ, когда въ штабахъ Фока и Стесселя не имѣли ни малѣйшаго представленія о необъятной серьезности и стратегическаго значенія Нангалинскихъ высотъ, такъ преступно, такъ легкомысленно уступленныхъ безъ боя непріятелю.

Бои на Зеленыхъ горахъ сопровождались болѣе рачительной постановкой санитарной службы.

Правильное обслуживаніе раненыхъ и транспортировка послѣднихъ была вполне удовлетворительна.

Организованные, флагманскимъ врачомъ статскимъ совѣтникомъ докторомъ Бунге, при творческомъ содѣйствіи и самоотверженіи докторовъ Арнольда, Кефели и Штернберга, два санитарныхъ отряда, прибывъ въ линію огня, внесли много планомѣрности въ санитарную службу въ бояхъ 13, 14 и 15 іюля.

Они были богато снабжены перевязочными матеріалами, и ручными повозками доктора Кефели въ высшей степени удобными для перевозки раненыхъ. (Они были прямо благодѣяніями для нихъ). Кромѣ того съ ними прибыло 200 обученныхъ носильщиковъ-матросовъ.

Организація перевязочныхъ пунктовъ въ крѣпости была ввѣрена особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ военнаго юриста генераль-маіора Костенко. Пункты на оборонительной линіи были намѣчены довольно часто и болѣе или менѣе удачно, но устройство ихъ и внутренній распорядокъ въ обслуживаніи послѣднихъ совершенно не отвѣчали обстановкѣ осажденной крѣпости.

Существенными ихъ дефектами были:

1) Помѣщенія ихъ были очень малы. Въ нихъ нельзя было повернуться въ буквальномъ смыслѣ слова, при наличіи одного, двухъ раненыхъ.

2) Въ силу этого, пункты функционировали подъ открытымъ небомъ, что было возможно лишь во время теплаго времени года.

3) Функционируя подъ открытымъ небомъ, они совершенно не были защищены отъ шрапнели и даже ружейныхъ пуль.

Во время августовскихъ штурмовъ, на рукахъ доктора Стеблова перевязывавшаго раненаго, послѣдній былъ убитъ пулей въ животъ. Такихъ примѣровъ было много.

4) Нѣкоторые пункты (у форта I) были расположены въ такомъ мѣстѣ, что къ нимъ не было ни подхода, ни ухода.

5) На западномъ фронтѣ всѣ пункты были расположены очень далеко отъ оборонительной линіи.

6) Перевязочный пунктъ подъ Высокой былъ устроенъ въ конюшнѣ.

Грязь на пунктѣ царила невѣроятная. Послѣ августовскихъ и сентябрьскихъ штурмовъ, вокругъ перевязочнаго пункта такъ все было загажено, что это мѣсто было чуть ли не самымъ грязнымъ мѣстомъ во всей крѣпости. Да это и понятно. У пункта сосредоточивались двуколки, кухни, носильщики, отдыхали подходившіе резервы. Все это оставляло послѣ себя слѣдъ, прибавляя и накапливая ежедневно грязь. Къ выбрасываемымъ, уже использованнымъ перевязочнымъ матеріаламъ, прибавлялся лошадиный пометъ, остатки пищи и. т. д. Солнце палило немилосердно, все это гнило, тучи мухъ носились надъ этимъ мѣстомъ, и, все это вмѣстѣ взятое, превращалось въ очагъ заразы. Тутъ не могло быть и рѣчи ни объ асептикѣ, ни антисептикѣ, тутъ была только септика.

7) Перевязочный пунктъ у штаба Горбатовскаго былъ сложенъ изъ сырыхъ кирпичей. Зимой въ пунктахъ исчезли мухи, но за то вши и клопы царствовали. Тюфяки насквозь пропитаны кровью, плѣсень, сырость, грязь непролазная... Здѣсь же жили врачи, фельдшера, санитары и жандармы. Отопленіе отсутствовало. Передъ входомъ на пунктъ былъ ровъ, крайне затруднявшій подносъ раненыхъ.

Во время октябрьскихъ штурмовъ, благодаря плохой организаціи, нѣсколько раненыхъ пролежавшихъ у пункта до утра — замерзли.

8) На перевязочныхъ пунктахъ совершенно отсутствовали телефоны. Неизвѣстно было къ кому обращаться о направленіи раненыхъ въ госпиталя и въ какіе именно.

9) Перевязочныхъ матеріаловъ всегда было недостаточно. Упакованы они были въ большія пачки и поэтому быстро за-грязнялись. Къ концу осады вмѣсто перевязочнаго матеріала употребляли морской канчатъ и кое какъ вымытые уже использо-ванные перевязочные матеріалы.

10) На пунктахъ не было завѣдующаго, отвѣтственнаго лица. Пунктъ былъ форменнымъ базаромъ. Вмѣшивались во внутренний распорядокъ всѣ: командиры полковъ, прапорщики, жандармы, полиція и въ общемъ царилъ хаосъ, который тяже-лымъ бременемъ ложился прежде всего на раненыхъ—они отъ этого страдали.

Въ виду неудовлетворительности перевязочнаго пункта на атакующемъ фронтѣ было рѣшено построить новый перевязочный пунктъ.

Пунктъ этотъ строился и былъ построенъ по инициативѣ, плану и заботами доктора Кефели.

Онъ былъ расположенъ за отвѣсной стѣнкой крутого ската горы. Состоялъ изъ шести отдѣленій, такъ что одновременно можно было перевязывать совершенно удобно и покойно 12 раненыхъ.

Помѣщеніе пункта отапливалось, стѣны обшитые досками бѣлились, полъ былъ деревянный, крытый линолеумомъ.

Къ сожалѣнію пунктъ этотъ, построенный на основаніи тя-желаго опыта и удовлетворявшій всѣмъ требованіямъ перевязоч-наго пункта осажденной крѣпости, былъ открытъ лишь 12 де-кабря и функционировалъ одну недѣлю.

Интересно, что на постройку его шли брусья, бревна и доски краснаго дерева.

Въ самое тяжелое время осады, между фортомъ III-мъ и укрѣп-леніемъ III-мъ, функционировалъ до послѣдняго дня осажденной крѣпости маленькій перевязочный пунктъ, въ самомъ опасномъ мѣстѣ атакующаго фронта, въ которомъ работалъ 25-го полка докторъ **Заменгофъ**.

Кто изъ защитниковъ сѣверо-восточнаго фронта не знаетъ этого маленькаго человѣка, съ окладистой бородкой, въ боль-шихъ очкахъ, посѣщавшаго ежедневно фортъ III-ій, укрѣпленіе III-ье и Курганную батарею.

Транспортировка раненыхъ въ госпиталя.

Перевозкой раненыхъ въ госпиталя, минуя казенныя, городскія и госпитальныя транспортировочныя средства, занимались еще извозчики и команда добровольцевъ велосипедистовъ, организованная ротмистромъ Познанскимъ.

Извозчики и велосипедисты въ этомъ отношеніи оказали прямо неоцѣненную услугу осажденной крѣпости. Всѣ эти добровольцы работали съ величайшимъ самоотверженіемъ. Среди этихъ незамѣтныхъ труженниковъ было много убитыхъ и раненыхъ.

Для перевозки же раненыхъ по внутреннему рейду въ госпиталя Новаго города и Тигроваго полуострова, морскимъ медицинскимъ инспекторомъ докторомъ Ястребовымъ и флагманскимъ врачомъ докторомъ Бунге были организованы плавучія средства изъ специально для этой цѣли приспособленныхъ ботовъ буксируемыхъ паровыми катерами.

„Кончилась война,—началась настоящая служба“.

Фридриховскій капралъ, ты не умерь!!

Санитарная реформа провалилась! Сначала ее урѣзывали по мелочамъ, затѣмъ стали рубить большими кусками, теперь ее окончательно убили.

Я говорю о рѣшеніи „отложить“ образованіе военно-санитарнаго корпуса.

Печальнѣе всего это то, что причиною этого „отложить“ причины личнаго характера, причины очень оскорбительнаго для врачей и совершенно ими незаслуженныя.

Да, „война кончилась и началась настоящая служба“, а съ нею поднялась рознь: дѣленіе на строевыхъ и не строевыхъ.

Я не знаю точныхъ отзывовъ строевыхъ начальниковъ по вопросу о созданіи военно-санитарнаго корпуса, но всѣ они, какъ и слѣдовало ожидать, сходятся въ одномъ въ нежелательности вводить въ офицерскую среду элемента, могущаго деморализировать армію.

Интересно, какъ врачи будутъ теперь изолироваться отъ этой среды.

Въ боевой обстановкѣ они составляли недѣлимое цѣлое.

Въ нашей арміи необходимо создать отдѣльный санитарный корпусъ.

Развитіе санитарной службы во всѣхъ арміяхъ континента

шло по одному руслу. Въ данное время, во всѣхъ западно-европейскихъ арміяхъ и Японіи, признано настоятельно необходимымъ обособить санитарную службу и созданныя тамъ санитарныя войска давно уже объединены въ отдѣльные санитарные корпуса.

Важно это сдѣлать и въ нашей арміи и заняться этимъ немедленно.

Юридическое созданіе этого корпуса будетъ могучимъ толчкомъ, который дастъ возможность упорнымъ и нелегкимъ трудомъ въ мирное время фактически осуществить (открытіе вышшаго учебнаго заведенія, обученіе вышшаго, средняго и низшаго персонала, производство маневровъ) идею созданія санитарнаго корпуса.

Только такимъ путемъ можно подарить арміи санитарный корпусъ, годный для такой серьезнѣйшей задачи, какъ обезпеченіе правильной санитарной службы во время войны.

Этотъ вопросъ, вопросъ созданія отдѣльнаго санитарнаго корпуса, вопросъ не исключительнаго милосердія и состраданія къ больнымъ и раненымъ, а прямая, ясная цѣль, цѣль использовать результаты тѣхъ жертвъ, которыя несъ народъ въ лицѣ десятковъ тысячъ его сыновъ павшихъ на полѣ брани и колоссальныхъ матеріальныхъ жертвъ всей страны.

Опытъ осажденнаго Портъ-Артура, мнѣ кажется, въ достаточной степени убѣдилъ всѣхъ въ неотложной необходимости имѣть для успѣшной борьбы съ врагомъ строго организованную, вполне подготовленную и самостоятельную санитарную службу съ ея сложной организаціей.

Предпослѣдній день.

19-го Декабря.

Тихое, но тревожное утро.

Всѣ прилегающія къ форту дороги обстрѣливались уже ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ. Движеніе по нимъ прекратилось; пользовались тропинками.

Въ штабѣ отряда всѣми отчетливо сознавалось, что противникъ вотъ, вотъ, начнетъ долбленіе и штурмъ Большого Орлиаго Гнѣзда, этого ключа позиціи.

Дѣйствительно, съ разсвѣтомъ противникъ открылъ бом-

Малое Орлиное гйбадо.

бардировку. Равномѣрно, снарядъ за снарядомъ посылалъ осаждающій на вершину Орлинаго, началъ долбить его.

Штабъ отряда съ мѣста своего постоянного расположенія перешелъ къ перевязочному пункту, откуда открывался отличный видъ на обращенный къ крѣпости склонъ Орлинаго Гнѣзда.

На пунктѣ былъ телефонъ, которымъ штабъ, не переставая, пользовался для сношенія съ Орлинымъ и штабомъ крѣпости.

Бомбардировка Гнѣзда не форсировалась, а носила обыденный характеръ. Огонь поддерживался рѣдкій и равномѣрный.

Съ 12 часовъ пополудни капитанъ Галицынскій¹⁾ началъ тревожно доносить въ штабъ отряда, что японцы частыми перебѣжками концентрируются подъ Большимъ Гнѣздомъ, очевидно готовятся къ штурму, и поэтому настойчиво просилъ подкрѣплений.

Дѣйствительно, скоро началось наступленіе. Гарнизонъ ружейнымъ, пулеметнымъ огнемъ мѣшалъ, и мѣшалъ настолько успѣшно, что противникъ былъ очень далекъ отъ вершины.

Начальникъ отряда, генералъ Горбатовскій по телефону непрерывно доносилъ коменданту о ходѣ штурма, убѣдительно прося усилить орудійный огонь. Крѣпостная артиллерія поддерживала довольно сильный огонь по атакующимъ, но далеко не въ той мѣрѣ, какую требовала обстановка. Усилить же огонь не представлялось возможности, въ виду незначительнаго количества мортиръ, огонь которыхъ только и могъ быть дѣйствительнымъ при данныхъ обстоятельствахъ.

Капитанъ Голицынскій продолжалъ нервно и тревожно доносить о критическомъ положеніи ввѣренной ему позиціи. Горбатовскій не отходилъ отъ телефона, все время переговариваясь съ Фокомъ, Бѣлымъ, комендантомъ. Онъ убѣдительно просилъ резервовъ, донося, что не можетъ ручаться за исходъ боя.

Бомбардировка Гнѣзда то стихала, то усиливалась. Штурмъ продолжался.

На перевязочномъ пунктѣ суета.

Между дѣломъ вѣстовые накрыли завтракъ. Чины штаба принялись закусывать, выпили, подкрѣпились. Были даже произнесены тосты за успѣхъ.

¹⁾ Комендантъ Орлинаго Гнѣзда.

Неожиданно, суета усилилась. Со стороны Курганной показались бѣгушіе стрѣлки. Все повскакало съ мѣста. Оказалось, что японцы, поднявшись на склонѣ Орлинаго Гнѣзда, открыли фланговый огонь по нашимъ окопамъ. Люди въ окопахъ дрогнули и побѣжали. Присутствіе духа генерала Горбатовскаго и капитана Степанова остановило панику, и люди были водворены на мѣсто.

Капитанъ Галицынскій продолжалъ молить о резервахъ. Дорога къ Гнѣзду сильно обстрѣливалась. Путь туда не далекій, но опасный. Вызвали охотниковъ. Какъ одинъ, откликнулось 50 человекъ матросовъ и, нагруженные ручными бомбочками, пошли на выручку.

Въ это время получилось донесеніе съ одной изъ нашихъ батарей: „Подъ Орлинымъ Гнѣздомъ, въ окопахъ, японскій офицеръ побуждаетъ своихъ итти впередъ. Японцы не идутъ. Офицеръ послушавшихся началъ рубить шашкой... Ворвавшійся въ окопъ нашъ снарядъ смѣлъ и послушниковъ, и офицера“.

Тревожныя донесенія съ Орлинаго продолжались.

Генералъ Горбатовскій вновь посылаетъ резервъ подъ командой волонтера флота г. Морозова. Морозовъ отличался рѣдкой храбростью. Черезъ часть Морозова принесли съ раздробленнымъ бедромъ и израненной головой.

Штурмъ Гнѣзда продолжался, но былъ какой-то вялый. Бомбардировка вершины поддерживалась неустанно. Гарнизонъ упорно отстаивалъ его, защищался.

Въ то время, когда вопросъ объ успѣхѣ боя на Орлиномъ былъ еще спорнымъ, начальникъ минной береговой обороны контръ-адмиралъ Лоцинскій въ полдень получаетъ отъ Рейса за № 2544 слѣдующее письмо:

„Положеніе крѣпости становится настолько критическимъ, что за удержаніе ея нельзя поручиться даже на самое короткое время. Но если пришлось бы сдать крѣпость, то во всякомъ случаѣ крайне важно имѣть возможность вывезти наиболѣе важные документы и знамена. Въ виду этого, генералъ-адъютантъ Стессель поручилъ мнѣ просить Ваше Превосходительство, не будетъ-ли возможнымъ въ крайнюю минуту отправить въ Чифу миноносецъ, на которомъ могъ бы выѣхать офицеръ съ указанными предметами. Время, когда встрѣтится надобность въ отправленіи предвидѣть нельзя. Ми-

ноносецъ необходимо держать подъ парами въ полной готовности къ отплытію и о послѣдующемъ прощу не оставить лишь увѣдомить. Подписалъ Рейсъ“.

Отвѣтъ былъ данъ въ томъ смыслѣ, что миноносецъ всегда готовъ и для удобства приѣма вещей будетъ находиться у дачныхъ мѣстъ, подъ Электрическимъ утесомъ.

Командиру миноносца „Статный“, лейтенанту барону Касинскому было приказано приготовить ввѣренный ему миноносецъ къ походу и стать у дачныхъ мѣстъ, что послѣднимъ было немедленно и исполнено.

Комендантъ же крѣпости въ это время былъ занятъ отдачей приказаній по оборонѣ сѣверо-восточнаго фронта, и ему въ голову не приходило, что въ это время Рейсъ хлопочетъ о слачѣ крѣпости. Генералъ Смирновъ не былъ увѣдомленъ штабомъ района объ отправляемомъ адмиралу Лощинскому письмѣ, хотя послѣдній, какъ начальникъ береговой обороны крѣпости, былъ непосредственно подчиненъ ей коменданту.

Штурмъ Орлинаго Гнѣзда тѣмъ временемъ продолжался. Телефонъ съ нимъ пересталъ дѣйствовать. Всѣ чины штаба съ генераломъ Горбатовскимъ во главѣ, вооружившись трубами и биноклями, внимательно смотрятъ на вершину, которая все время дымить отъ взрывовъ.

Вдругъ, совершенно неожиданно, вырастаетъ передъ лицомъ штаба фигура коменданта штурмуемаго Гнѣзда капитана Голицынского.

Всѣ опѣшили.

Какъ?! Что?! Почему?!

Видъ у офицера былъ растерянный, сконфуженный...

— „Я сошелъ послѣднимъ. На Орлиномъ Гнѣздѣ нашихъ больше нѣтъ“.

Бомбардировка Гнѣзда продолжалась. Въ штабѣ началось смятеніе. Паденіе этого важнаго стратегическаго пункта рѣшало участь сѣверо-восточнаго фронта. Ежеминутно можно было ожидать, что по долину ворвутся японцы.

Но бомбардировка Гнѣзда все еще продолжалась. Начальникъ отряда приказалъ обозамъ отступать назадъ. Все быстро начало отходить. Телефонъ нервно передаетъ о случившемся въ штабъ. Но бомбардировка продолжается. Понять не могутъ,—за нами Орлиное или уже тамъ японцы.

Среди этой суеты является лейтенантъ Тимиревъ, командовавшій на Орлиномъ Гнѣздѣ моряками. Онъ былъ въ сожженной тужуркѣ, безъ признаковъ какихъ-бы то ни было панталонъ. Лицо обожжено, въ крови и грязи. Приложивъ руку ко лбу (фуражки не было), онъ отчетливо, но едва удерживаясь на ногахъ, отрапортовалъ:

— „Ваше Превосходительство, командиръ морского десанта на Большомъ Орлиномъ. Честь имѣю явиться“.

Сказавъ это, онъ въ изнеможеніи рухнулъ-бы на землю, если-бы его не поддерживали.

Когда наконецъ убѣдились, что Орлиное въ рукахъ японцевъ,—артиллерія крѣпости открыла по немъ сильный и сосредоточенный огонь.

Въ это время по дорогѣ мимо крѣпости, торжественно проѣхалъ съ бѣлымъ парламентарскимъ флагомъ прапорщикъ Малченко.

Когда въ штабѣ увидѣли эту картину, кто-то совершенно спокойно сказалъ: „вѣрно поѣхалъ поздравлять Ноги съ наступившимъ по новому стилю новымъ годомъ.“

Но не съ привѣтствіемъ ѣхалъ Малченко. Онъ везъ Японіи неожиданный для нихъ новогодній подарокъ. Малченко везъ Ноги письмо слѣдующаго содержанія:

„Его Превосходительству, барону М. Ноги, главнокомандующему японской арміей, осаждающей Портъ-Артуръ“. Помѣчено письмо декабремъ 1904 года. Число, мѣсяца не поставлено.

„Милостивый Государь!

Соображаясь съ общимъ положеніемъ дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, я признаю дальнѣйшее сопротивление Портъ-Артура безцѣльнымъ и, во избѣжаніе напрасныхъ потерь, желалъ-бы войти въ переговоры относительно капитуляціи. Если Ваше Превосходительство на это согласны, то прошу назначить лицъ, уполномоченныхъ для переговоровъ объ условіяхъ и порядкѣ сдачи, и указать мѣсто, гдѣ ихъ могутъ встрѣтить назначенныя мною лица. Пользуюсь случаемъ выразить вамъ чувство моего уваженія. Генераль-адъютантъ Стессель“.

Вопросъ о посылкѣ парламентаря былъ немедленно рѣшенъ, какъ только Фокъ привезъ извѣстіе о взятіи японцами Большого Орлинаго Гнѣзда. Былъ позванъ Рейсъ, и ему поручено было составить на англійскомъ языкѣ приведенное выше письмо.

Я утверждаю, что никакого совѣщанія о дальнѣйшихъ мѣропріятіяхъ по защитѣ крѣпости не было.

Я утверждаю, что ни Фокъ, ни Никитинъ, ни Рейсъ по долгу присяги не потрудились отговорить или даже попробовать отговорить „генераль-адъютанта“ отъ единоличнаго рѣшенія сдать крѣпость, и этимъ способствовали преждевременной и позорной ея капитуляціи.

Я утверждаю, что комендантъ крѣпости не былъ даже поставленъ въ извѣстность о посылкѣ парламентаря.

Я утверждаю, что рѣшеніе сдать крѣпость окончательно созрѣло въ день послѣдняго военнаго совѣта, такъ какъ „генераль-адъютантъ“ въ этотъ день отправилъ отъ своего имени, никого не предупредивъ, телеграмму Государю Императору, въ которой всеподданнѣйше доносилъ, что люди стали тѣнями и что крѣпость болѣе трехъ дней не продержится.

Я утверждаю, что рѣшеніе капитулировать крѣпость было прежде всего вызвано желаніемъ сохранить жизнь своей благовѣрной ¹⁾, „истинныхъ героевъ и помощниковъ“, а также спасти неимѣющихъ цѣны золотыя вещи, награбленныя во время Китайской кампаніи въ Пекинскомъ дворцѣ.

Я утверждаю, что если-бы Фокъ и Никитинъ воспротивились посылкѣ парламентаря и по долгу присяги сообщили объ этомъ коменданту крѣпости, то генераль Стессель никогда-бы не рѣшился дѣйствовать самостоятельно.

Я утверждаю, что „генераль-адъютантъ“ видѣлъ въ лицѣ Фока, Рейса и Никитина надежную опору, и только поэтому рискнулъ, минуя коменданта, послать парламентаря съ предложеніемъ сдать.

Я утверждаю, что Фокъ сознательно велъ на нѣтъ оборону сѣверо-восточнаго фронта и деморализировалъ войска съ цѣлью, какъ можно скорѣе сдать крѣпость.

Одновременно съ высылкою парламентаря, начальникъ отдѣльнаго отряда броненосцевъ и крейсеровъ контръ-адмиралъ Виренъ получилъ отъ полковника Рейса письмо слѣдующаго содержанія:

¹⁾ Она имѣла на „генераль-адъютанта“ не меньше чѣмъ Фокъ и Никитинъ вліяніе.

„Сейчасъ отправлено съ парламентаремъ письмо генерала Стесселя къ барону Ноги съ предложениемъ начать переговоры о капитуляціи, почему только сегодняшняя ночь остается для того, чтобы сдѣлать съ кораблями то, что вы найдете нужнымъ. Рейсъ“.

Контръ-адмиралъ Виренъ, этотъ выдающійся геройски храбрый офицеръ-морякъ, былъ, какъ громомъ, пораженъ этимъ извѣстіемъ.

Идетъ онъ къ адмиралу Григоровичу — для него это тотъ-же громовой ударъ.

Идетъ къ Бѣлому—тоже впечатлѣніе.

Идетъ къ коменданту—все тоже.

Идетъ, наконецъ, къ Стесселю и тамъ убѣждается, что парламентарь, дѣйствительно посланъ.

Фактъ свершившійся.

Войска — быстро узнавшія о посылкѣ парламентаря, были уже не войска. Разсчитывать на повиновеніе было немыслимо.

Да оно психологически совершенно понятно. Дрались долго, упорно, настойчиво, безропотно мучась и умирая. Были увѣрены, что живыми мало кто уйдетъ и вдругъ — вѣсть о посланномъ парламентарѣ.

Вѣсть,—что не все еще пропало.

Воскресли надежды. Гарнизонъ страстно потянулся къ жизни. Гарнизонъ не хотѣлъ умирать, и никакія силы не могли бы его заставить опять начать смертельную борьбу.

Гарнизонъ Артура состоялъ изъ самыхъ обыкновенныхъ людей. Онъ до конца готовъ былъ принести себя въ жертву, но разъ ему указали выходъ изъ этого ужаснаго кошмара, онъ состоя изъ самыхъ обыкновенныхъ людей, захотѣлъ жить.

Фактъ свершился.

Съ момента отъѣзда парламентаря—крѣпость уже пала, и поднять-бы ее не могъ даже самъ великолѣпный Марсъ.

Нельзя было внушить тридцати тысячамъ измученныхъ людей, въ душѣ которыхъ уже развернулись заманчивыя перспективы жизни, что крѣпость дерется до истощенія всѣхъ своихъ боевыхъ и жизненныхъ силъ.

Это прекрасно понимали всѣ старшіе начальники.

Когда къ адмираламъ пріѣхалъ комендантъ крѣпости и подъ его предсѣдательствомъ состоялся совѣтъ, на которомъ

разсматривался вопросъ, что предпринять, чтобы избѣгнуть позорной сдачи—всѣ пришли къ непреложному убѣжденію, что разсчитывать на повиновеніе гарнизона, совершенно деморализованнаго Фокомъ и въ конецъ добитаго посылкой парламентаря, нѣтъ абсолютно никакой надежды.

Арестъ Стесселя, Фока, Никитина, Рейса и К^о внѣ всякихъ сомнѣній породилъ-бы расколъ въ гарнизонѣ, произошло-бы возмущеніе и „последняя лестъ была-бы горше первой“.

Комендантъ и адмиралы благоразумно и дальновидно воздержались отъ какихъ-бы то ни было репрессій и этимъ избѣжали крупнѣйшаго скандала, который-бы еще болѣе усугубилъ позоръ сдачи и на нѣтъ свелъ-бы всю великую оборону.

Фактъ свершился. Измѣнить ничего нельзя было. Надо было дѣйствовать.

Адмиралъ Виренъ отдалъ распоряженіе взрывать ввѣренныя ему суда, заложивъ мины въ жизненныхъ частяхъ (котлы, машины и т. д.).

Несмотря на то, что многое было приготовленно заблаговременно, только къ утру 20 декабря едва успѣли взорвать всѣ мины.

„Севастополь“ 20-го утромъ при помощи „Силача“ оттянулся отъ берега на двадцативосьми саженную глубину и открылъ кингстоны. Опрокинувшись на правый бортъ, плавно затонулъ у береговъ сдавагося Артура.

Взорвать огромное количество орудій крѣпости и ея боевыхъ запасовъ не удалось, такъ какъ согласно подписанной капитуляціи, всѣ форты, орудія, снаряды и заряды всецѣло перешли въ руки непріятеля.

Вечеромъ и ночью на разныхъ батареяхъ начали взрывать орудія, портить, а то прямо закапывать боевые запасы, но отъ Стесселя, черезъ Бѣлаго поступило категорическое приказаніе ничего не предпринимать, такъ какъ противникъ въ случаѣ порчи гарнизономъ орудій и снарядовъ откроетъ непріязненныя дѣйствія.

Кто послушался,—а кто и нѣтъ.

Всю ночь на батареяхъ артиллеристы разрушали свое боевое достояніе, съ помощью котораго пріобрѣли неуываемую славу Квантунской крѣпостной артиллеріи.

Изъ дневника.

„... 1-го декабря. Въ 7^{1/2} часовъ утра начался штурмъ Большого Орлинаго Гнѣзда. Чтобы удобнѣе наблюдать за ходомъ боя, генераль Горбатовскій со штабомъ (полковникъ Мехмандаровъ, подполковникъ Стольниковъ, капитанъ Шварцъ и капитанъ Степановъ) сталъ сзади Митрофаньевской горы, возлѣ новаго перевязочнаго пункта. Я не знаю, какимъ образомъ могло случиться, что японцы проникли въ новый окопъ на Орлиномъ Гнѣздѣ. Говорили, что окопъ будто нами не былъ занятъ, но я не утверждаю это, такъ какъ самъ не видалъ. Странно только, что въ 6 часовъ окопъ осматривалъ начальникъ обороны, а въ 7^{1/2} час. тамъ уже были японцы.

Гарнизонъ, не будучи въ состояніи удержаться въ окопѣ, занялъ батарею на верху Орлинаго Гнѣзда. Причемъ часть его заняла еще не оконченные, но теперь пригодившіяся пещеры на тыльномъ склонѣ. На этой маленькой батареекѣ гарнизонъ, подъ командой капитана Голицынскаго, продержался Весь день ни на минуту не прекращался мортирный огонь непріятеля по этой батарее. Атаки отбивались главнымъ образомъ ручными и шаровыми бомбами.

Одновременно со штурмомъ Орлинаго Гнѣзда, непріятель попытался перейти въ наступленіе со стороны 3-го форта, но залпы стрѣлковъ изъ окоповъ 2-ой линіи его остановили; сознавая важность Орлинаго Гнѣзда, какъ пункта, доминирующаго надъ всей нашей 2-й линіей обороны и фланкирующаго ее, генераль Горбатовскій нѣсколько разъ посылалъ подкрѣпленія и возобновлялъ запасъ ручныхъ бомбъ. Около 3-хъ часовъ дня, Начальникъ 3-го оборонительнаго участка, подполковникъ Лебединскій, по телефону, просилъ разрѣшенія очистить свой участокъ и отойти на 2-ю линію. Генераль Горбатовскій приказалъ держаться. Почти въ то же время непріятель особенно усилилъ стрѣльбу по Большому Орлиному и повелъ на него энергичное наступленіе. Около 3^{1/2} часовъ получено письмо отъ генерала Фока, сообщавшаго, что къ японцамъ посланъ парламентаръ. Въ 4 часа на Большомъ Орлиномъ былъ замѣченъ большой взрывъ. То была большая бомба, попала въ кучу ручныхъ бомбочекъ и взорвала ихъ. Послѣ этого мы замѣтили нашихъ стрѣлковъ, спускавшихся съ горы. Въ это время подполковникъ Лебедин-

Последніа минуты обороны. Штурмъ, Большого Орлинаго гнѣзда, 2 ч. 30 м. пополудни.
19 Декабря.

скій донесъ генералу Горбатовскому, что генераль Фокъ приказалъ ему очистить Малое Орлиное, Китайскую стѣну, Куропаткинскій люнетъ и батарею лит. Б. Генераль Горбатовскій сознававшій, что очищеніе нами этихъ позицій даетъ возможность непріятелю захватить ночью весь городъ, приказалъ не исполнить этого распоряженія и держаться на прежнихъ мѣстахъ.

Постепенно стрѣльба стихала и около 6-ти часовъ совершенно прекратилась. Мертвая тишина смѣнила непрестанный гулъ стрѣльбы и грохотъ взрывовъ. Даже полета пуль не было слышно. Усталые и измученные, мы съ начальникомъ отряда направились къ перевязочному пункту, гдѣ наскоро закусили, а потомъ пошли въ Новый китайскій городъ въ помѣщеніе штаба отряда. Едва прилегли мы отдохнуть, какъ пріѣхалъ конный охотникъ съ письмомъ отъ генерала Фока. Въ письмѣ этомъ генераль Фокъ приказывалъ генералу Горбатовскому немедленно исполнить его распоряженіе объ очищеніи 3-го оборонительнаго участка, не заставляя его принимать побудительныя къ тому мѣры. При этомъ генераль прибавлялъ, чтобы очистить также и участокъ до укрѣпленія № 2. (А 9-го декабря генераль Фокъ, сознавая важность этого участка потребовалъ, чтобы я составилъ проектъ усиленія его обороны. Это было мною исполнено и доложено генералу 10-го утромъ и въ два дня приведено въ исполненіе). Намъ оставалось только исполнить приказаніе. Распоряженіе объ этомъ было сдѣлано въ 8 часовъ вечера.

Такимъ образомъ, весь сѣверо-восточный и почти половина восточнаго фронта оказались уже во власти непріятеля. Теперь уже крѣпость бороться не могла, такъ какъ всѣ дороги въ городъ были въ рукахъ японцевъ, а съ Залитерной батареей онъ могъ бить по городу на выборъ. Непонятно, какимъ образомъ генераль Фокъ отлично понимавшій огромную важность такого пункта, какъ батарея лит. Б. и Залитерная батарея, могъ приказать очистить ихъ безъ боя. Въ это же время было получено второе извѣщеніе, въ коемъ сообщалось, что японцы согласились на переговоры и прекратили свою стрѣльбу, потребовавъ, чтобы и мы не стрѣляли. Ужасный день смѣнился тихой теплой ночью. Нигдѣ ни звука, даже жутко было въ такой непривычной тишинѣ. Вдругъ одинъ за другимъ въ порту раздались взрывы, это взрывали наши броненосцы. Ужасно дѣйствовали эти взрывы на насъ; было грустно и ужасно тяжело...“

Письмо генерала Фока, адресованное на имя генерала Горбатовскаго, которымъ послѣднему предлагается немедленно исполнить распоряженіе объ очищеніи 3-го оборонительнаго участка, и участка до укрѣпленія № 2 съ послѣдующей угрозой, окончательно убѣждаетъ, что Фокъ съ преступною цѣлью приводилъ оборону въ такое состояніе, которою якобы можно было оправдать сдачу крѣпости. Войска безъ боя должны были очистить очень важныя позиціи и это окончательно ихъ деморализовало. Они почуяли конецъ. Очищеніе этихъ позицій абсолютно не вызывалось обстоятельствами, такъ какъ противникъ ничѣмъ себя не проявлялъ. Впереди же предстояли переговоры о капитуляціи, и мы всегда могли-бы торговаться и торговаться упорно, настойчиво, угрожая дальнѣйшей обороной. А дальше обороняться, какъ читатель въ этомъ успѣлъ уже убѣдиться, мы могли, и обороняться долго и успѣшно. Достаточно было и людей, и снарядовъ, и провіанта и, въ довершеніи всего, нетронуты: восточный, береговой, западный и сѣверный фронты, съ сотнями совершенно цѣльныхъ орудій. Но Фокъ творилъ свою волю и не было предѣла его сумасбродству.

Этотъ важный документъ-письмо, насколько мнѣ извѣстно, сохранилось и въ подлинникѣ, находится у генерала Горбатовскаго.

Послѣдняя ночь.

Лишь только стемнѣло, на Большомъ Орлиномъ Гнѣздѣ запылали два огромныхъ костра.

Красно-краснымъ заревомъ освѣтился весь сѣверо-восточный фронтъ. Тоже было и на Высокой въ день ея паденія.

„Нигдѣ ни звука, даже жутко было въ такой непривычной царственной тишинѣ“,—прибавлю я.

Пять долгихъ мѣсяцевъ Артуръ не наслаждался этой тишиной.

Но не въ уладу была она теперь измученнымъ артурцамъ.

Вечеромъ прискакалъ на перевязочный пунктъ заурядъ-прапорщикъ, прапорщикъ или подпоручикъ (не знаю) Х... и, влѣтѣвши къ лежавшимъ на полу офицерамъ и докторамъ, привѣтствовалъ ихъ словами:

— „Господа, поздравляю: къ японцамъ посланъ парламентаръ!“

„Словно завѣса глухая, непроницаемая, опустилась между минувшемъ и настоящимъ. Изъ состоянія полного отупѣнія, вызываемаго постоянной, долгой и непрестанной смертельной опасности, я началъ постепенно приходить въ себя. Словно я проснулся и не могъ сразу отдѣлаться отъ страшнаго кошмара, который такъ долго и нещадно давилъ меня. Забродили едва теплившіеся надежды, быстрой кровъ по жиламъ побѣжала, вспомнилась далекая Россія, родные, близкіе друзья, на которыхъ я привыкъ смотрѣть съ иного, чуждаго имъ міра. Развернулись во всю ширь красоты минувшей жизни, сразу, ярко всколыхнулось воспоминаніе о томъ, что заставляло оправдывать свое существованіе, что заставляло жить. Забурлили надежды. Почувствовалась вся сладость безопасности. Воздухъ привольно вливался въ широко-дышащую грудь. Захотѣлось жить, страстно, стремительно... А черезъ какія-нибудь четверть часа скорбь постигла меня. Стало невыразимо грустно, тяжело, тяжело до физической боли, словно камень опустился на душу и давилъ. Сдаемся! Вѣдь это позоръ, вѣдь это ужасъ! Все, что пережили, видѣли, перечувствовали, все было напрасно! Десятки тысячъ смертей, ужасы страданій, потоки крови, и въ результатѣ — сдача! Сдача, когда мы еще сильны и здоровы! Сдача, когда мы можемъ еще бороться и умереть!

Въ душѣ закипала страшная злоба. Хотѣлось итти кричать, протестовать, драться, убить, убить тѣхъ, кто хочетъ сдаться и сдается. Злость клокотала, мысли вихремъ неслись, но усталость свое брала. Нервы сдали и опять то-же отупѣніе; но отупѣніе во стократъ горшее, чѣмъ оно было во всеугрожающей обстановкѣ бомбардировокъ и штурмовъ“. Вотъ, что пережилъ одинъ, конечно, изъ многихъ честныхъ бойцовъ, когда Х.... поздравилъ его съ парламентаромъ.

Тихо все было на фронтѣ.

Пламя костровъ яркими огненными столбами тянулось къ черному небосводу, низко висѣвшему надъ умолкнувшимъ Артуромъ и его торжествующимъ врагомъ.

Скоро тишина нарушилась.

Въ сторонѣ затопленныхъ кораблей засверкало, загудѣли глухіе взрывы.

Вирень разрушалъ суда.

Надъ миннымъ городкомъ занялось зарево, росло оно и рас-

ширилось. Въ разныхъ направленіяхъ раздавались рѣзкіе удары: то артиллеристы губили свои орудія. Глухая полночь.

Съ высоты Перепелиной горы развернулась картина, исполненная глубокаго трагизма, картина послѣдней ночи русскаго Артура.

Онъ, словно одухотворенное цѣлое, судорожно, болѣзненно вздрагивалъ при каждомъ взрывѣ на судахъ и батареяхъ.

Пожаръ миннаго городка погребальнымъ факеломъ свѣтилъ Артуръ въ эту ужасную, тяжелую, послѣднюю его ночь.

Русскому Артуру осталось жить лишь до утра.

Японія, приобрѣтя его вновь цѣною ста тысячъ смертей своихъ братьевъ, стояла у порога, празднуя величайшій свой праздникъ, праздникъ новаго года и давно желаннаго Артура.

Послѣдняя ночь Артура была той ночью, послѣ которой, кровавымъ полымемъ занялась денница Россіи, а въ исторіи народовъ безстрастное время начала новую главу.

Посмотримъ, что рассказываетъ г. Норригардъ объ этомъ историческомъ днѣ:

„... Несмотря на то, что японцы сдѣлали въ этомъ направленіи въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль огромные шаги къ достиженію своей цѣли, никто, даже изъ наилучше освѣдомленныхъ офицеровъ японской главной квартиры, не мечталъ о томъ, что конецъ такъ близокъ. Внутренняя линія обороны, которая еще отдѣляла осаждающихъ отъ Стараго города, была очень слабою и предполагалось, что русскіе едва-ли попытаются оказать здѣсь рѣшительное сопротивленіе. Вновь взятая позиція вполнѣ господствовали надъ оборонительными укрѣпленіями и Старый городъ былъ всецѣло во власти осаждающихъ съ того момента, какъ ихъ орудія были поставлены на старыхъ русскихъ батарейныхъ позиціяхъ. Японцы вообразили, что очень замѣтное ослабленіе обороны указывало на то, что русскіе намѣрены были сдать весь восточный рядъ фортовъ со Старымъ городомъ, вѣроятно, за исключеніемъ фортовъ морского фронта. Они предполагали, что генераль Стессель пришелъ къ убѣжденію о невозможности съ такимъ слабымъ гарнизономъ отстаивать длинную оборонительную линію отъ Голубиной бухты до Юенчана, но, если сосредоточить войска на западномъ и южномъ секторахъ, которые дѣйствительно еще были нетронуты, они будутъ достаточно сильны, чтобы удержать осаждающихъ у бухты еще

нѣкоторое время ¹⁾. Въ день новаго года, когда я дѣлалъ обычные визиты, офицеры штаба главной квартиры мнѣ говорили, что паденіе крѣпости ожидается не ранѣе полутора — двухъ мѣсяцевъ. Предложеніе русскихъ о сдачѣ явилось поэтому неожиданнымъ и, конечно, очень пріятнымъ сюрпризомъ для японцевъ...”

Послѣдній день.

Приказы по войскамъ Квантунскаго укрѣпленнаго района.

20-го Декабря 1904 г., крѣпость Портъ-Артуръ.

№ 984.

Герои защитники Артура! 26-го января сего года Артуръ впервые былъ потрясенъ выстрѣлами непріятеля: это миноносцы атаковали нашу эскадру, стоявшую на рейдѣ; съ тѣхъ поръ прошло 11-ть мѣсяцевъ. Съ начала бомбардировки крѣпости съ моря, затѣмъ, начиная съ начала мая бои уже на сухопутѣ, геройская оборона Киньчжоуской позиціи, получила справедливую оцѣнку по заслугамъ. По оставленіи нами Киньчжоуской позиціи начались знаменитые бои на передовыхъ позиціяхъ, гдѣ незнаемъ, чему удивляться, упорству или настойчивости противника, сосредоточившаго противъ насъ большое превосходство силъ и особенно артиллеріи, или вашей необыкновенной отвагѣ и храбрости и умѣнію нашей полевой артиллеріи. Позиціи у Суайцангоу, Талингоу, Юпилазы, Шининцзы, высотъ 173, 163, 86, Зеленя горы, всегда останутся въ памяти насъ участниковъ и потомства. Всѣ будутъ удивляться, какъ отбивались и погибали на Юпилазѣ и другихъ позиціяхъ. Начиная съ середины мая и до 17-го іюля, выдержали противника вдали отъ крѣпости и только съ конца іюля онъ могъ начать обстрѣливать верки крѣпости. Приказъ не можетъ указать всѣхъ тѣхъ геройскихъ подвиговъ, всего того героизма, который проявленъ гарнизономъ съ 26-го января и проявляется по сіе время; и подойдя къ крѣпости, къ нашимъ ближайшимъ передовымъ позиціямъ: Дагу-

¹⁾ Что въ дѣйствительности и предполагалъ предпринять комендантъ крѣпости генераль-лейтенантъ Смирновъ. Читатель это уже знаетъ изъ рѣчи Смирнова на военномъ совѣтѣ 16 декабря.

Прим. автора.

шань, Сагушань, Угловая, Кумирнскій, Водопроводный, 1 и 2 №№ редуты, вы долго сдерживали противника передъ крѣпостью: а Высокая, сколько она оказала заслугъ и геройства. Иностранцы уже въ сентябрѣ диву-давались какъ мы держимся, не получая ничего изъ внѣ. Да, дѣйствительно это безпримѣрное дѣло. Громадное число убитыхъ и умершихъ указываютъ на то упорство, которое проявляли войска, и на тотъ необычайный, нечеловѣческій трудъ, который вы несете; только вы, славные воины Бѣлаго Царя, и могли это вынести 11 дюйм. бомбы, этотъ небывалый факторъ войны, внесли страшныя разрушенія, лучше сказать уничтоженіе всего; еще недавно, 2-го декабря, нашъ герой генераль-маіоръ Кондратенко съ 8-ми славными офицерами былъ убитъ наповаль разрывомъ подобной бомбы, разорвавшейся въ сосѣднемъ казематѣ 2-го форта; никакія преграды и закрытія не спасаютъ отъ 15—18 пудовыхъ бомбъ. Всѣ наши госпитали и больницы нынѣ разстрѣляны. Суда эскадры, черезъ 3—4 дня послѣ занятія Высокой, тоже разстрѣляны. Бетоны на фортахъ и орудія подбиты. Снаряды почти изсякли, или уничтожены; кромѣ того еще—цынга, врагъ этотъ тоже неумолимый и безпощадный. При всемъ томъ, если ваша храбрость, мужество и терпѣніе не имѣютъ границъ, то всему есть предѣлы, есть предѣлы и сопротивленія. По мѣрѣ сближенія непріятель подводилъ и батареи и наконецъ Артуръ былъ опоясанъ кольцомъ и начались штурмы, начиная съ августа, сентября, октября, ноября и декабря. Штурмы эти не имѣютъ ничего похожего во всей военной исторіи; на этихъ штурмахъ о ваши груди, какъ объ скалы, разбилась многочисленная армія храбраго врага. Пользуясь превосходствомъ огня на самыхъ близкихъ разстояніяхъ, артиллерія наносила намъ всегда огромный вредъ. Наконецъ все порасходовали и главное защитниковъ: изъ 40 тыс. гарнизона на 27-ми верстной оборонѣ осталось менѣе 9 тыс. и то полубольныхъ. При такихъ обстоятельствахъ и послѣ взятія противникомъ главнѣйшаго форта № 3, всей Китайской стѣны, Куропаткинскаго люнета, батареи лит. Б., т. е. почти всего восточнаго фронта и на западномъ до Ляотешаня, продолжать оборону, значило бы подвергать ежедневно бесполезному убійству войска наши, сохраненіе коихъ есть долгъ всякаго начальника. Я съ полнымъ прискорбіемъ въ душѣ, но и съ полнымъ убѣжденіемъ, что исполняю Священный долгъ, рѣшился прекратить борьбу и установить

наивыгоднѣйшія условія очистить крѣпость, которая теперь уже, съ потопленіемъ судовъ эскадры, не имѣетъ важнаго значенія убѣжища флота, такъ какъ флота нѣтъ. Второе важное значеніе: оттянуть силы непріятеля отъ главной арміи; мы выполнили это: болѣе 100 тысячъ арміи разбилось о ваши груди. Я съ сокрушеніемъ въ сердцѣ, но и съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ, что исполняю Священный долгъ передъ Царемъ и отечествомъ, рѣшилъ очистить крѣпость. Славные герои, тяжело послѣ 11-ти мѣсячной обороны оставить крѣпость, но я рѣшилъ это сдѣлать, убѣдившись, что дальнѣйшее сопротивление дастъ только безполезныя потери воиновъ, со славой дравшихся съ 26-го января. Великій Государь нашъ и дорогая родина не будутъ судить насъ. Дѣла Ваши извѣстны всему міру и всѣ восхищались ими. Беру на себя смѣлость, какъ генераль-адъютантъ Его Величества, благодарить васъ именемъ Государя Императора за вашу безпримѣрную храбрость и за безпримѣрные труды во все время тяжелой осады, осады вырвавшей изъ строя болѣе $\frac{3}{4}$ защитниковъ. Съ чувствомъ благоговѣнія, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, помянемъ славныя имена доблестныхъ защитниковъ, на поляхъ брани за вѣру, Царя и отечество животь свой положившихъ, начиная отъ генераловъ до рядовыхъ борцовъ. Великое спасибо вамъ, дорогіе, храбрые товарищи, за все вами содѣянное. Долгомъ почитаю принести мою благодарность доблестнымъ начальникамъ вашимъ, моимъ сотрудникамъ въ боевыхъ дѣлахъ. Благодарю беззавѣтныхъ труженниковъ-врачей, ветеринаровъ, Красный Крестъ и сестеръ. Благодарю всѣхъ тѣхъ, кои оказали оборонѣ услуги: велосипедистовъ, извозчиковъ и др.

Объявляя заслуженную благодарность оставшимся въ живыхъ и достойнымъ начальникамъ вашимъ, — почтемъ, боевые товарищи память павшихъ со славою и честью во всѣхъ бояхъ и битвахъ сей кровопролитной кампаніи. Да ниспошлетъ Господь міръ праху ихъ, а память о нихъ вѣчно будетъ жить въ средѣ благодарнаго потомства. Условія передачи будутъ объявлены въ приказѣ. Нынѣ и впредь, до возвращенія на родину, вы поведете себя, какъ достойнымъ воинамъ надлежитъ, и въ годину нашего тяжелаго испытанія будете молиться Господу и не омрачите славнаго своего имени никакимъ недостойнымъ поступкомъ, помня, что на васъ смотритъ Царь, Россія и всѣ державы. Надо,

чтобы знали и вѣдали, что русскій воинъ твердъ и въ счастіи и въ тяжеломъ Богомъ посылаемомъ испытаніи.

№ 985.

Такъ какъ условія капитуляціи заключены, то для передачи фортовъ японцамъ, предписываю исполнить слѣдующее: 1) Завтра къ 9 часамъ утра должны быть выведены гарнизоны всѣхъ фортовъ, батарей и укрѣплений между Лунхэ и укрѣпленіемъ № 5, т. е. пѣхота, артиллерія скорострѣльная въ запряжкѣ, прислуга крѣпостныхъ и прочихъ орудій. 2) Остается для передачи комендантъ форта съ двумя нижними чинами. 3) По очищеніи указанныхъ фортовъ, морскія команды выдѣлить отъ сухопутныхъ и передать въ вѣдѣніе ихъ морского начальства по принадлежности. 4) Начальники участковъ и фронтовъ обязываются наблюдать за полнѣйшимъ порядкомъ всего изложеннаго. 5) Казачья сотня, а затѣмъ охотничьи конныя команды подъ общимъ начальствомъ генеральнаго штаба капитана Романовскаго, тотчасъ занимаютъ позади въ Новомъ и Старомъ городахъ заставы для наблюдений за исполненіемъ всѣхъ установленій, за полнымъ порядкомъ и благочиніемъ въ городѣ и въ недопущеніи безобразій, памятуя, что всякій безобразный поступокъ какого-либо негодяя можетъ вызвать рѣзню на улицахъ и истребленіе больныхъ и раненыхъ. 6) Приведеніе всего этого въ исполненіе возлагаю на коменданта крѣпости, въ помощь ему назначается начальникъ 7-й В.-С. Стрѣлковой дивизіи генераль-маіоръ Надѣинъ. 7) Прошу гг. адмираловъ и командира экипажа усилить во всю наблюденіе за морскими командами, назначая для сего офицеровъ съ патрулями; необходимо недопускать производства безпорядковъ. 8) Коменданту города и полиціймейстеру имѣть за порядкомъ самый строжайшій надзоръ. 9) Гарнизонъ очищенныхъ фортовъ отвести въ казармы и никуда не расходиться.

Начальникъ Квантунскаго укрѣпленнаго района,

генераль-адъютантъ *Стессель*.

Раннимъ рано, лишь занялась заря, на крайнемъ восточномъ фронтѣ у Сигнальной горки, прозвучалъ послѣдній аккордъ титанической борьбы за обладаніе Артуромъ.

Еще не было 5 часовъ утра, когда въ сторонѣ Сигнальной горки ожесточенно зашумѣли ружейные залпы, перешедшіе въ

безпорядочную трескотню. Грянулъ одинъ, другой орудіиный выстрѣлъ, и все смолкло.

Оказалось, что японцы въ предположеніи, что Сигнальная горка занята рѣдкимъ сторожевымъ охраненіемъ, подъ покровомъ разсвѣта рѣшили занять ее и подошли къ ней, не принявъ обычныхъ боевыхъ предосторожностей.

На бѣду для нихъ гора охранялась ротой стрѣлковъ. Рота, замѣтивъ приближавшагося противника, подпустила на ближайшую дистанцію и затѣмъ открыла залповый огонь. Двадцать убитыхъ и 80 раненыхъ осталось на мѣстѣ. Японцы дрогнули, наши бросились въ штыки. Бой продолжался нѣсколько минутъ, стоилъ намъ пяти раненыхъ и гибели, только что произведеннаго, заурядъ-прапорщика Веселова. Онъ былъ на смерть исколотъ японскими штыками. Неожиданный, фатальный случай въ грозной эпопее защиты Артура.

Съ разсвѣтомъ всѣ горы, какъ съ нашей, такъ и съ японской стороны, были густо усыяны недавними врагами. Впервые, открыто, по людски, безбоязненно смотрѣли они другъ на друга и наглядѣться не могли.

Кончился второй актъ великой трагедіи.

Вся эта людская громада въ массѣ своей мало чѣмъ отличалась другъ отъ друга. Какъ тѣ, такъ и другіе шли сюда умирать, умирать безропотно и покорно. Разница была лишь въ томъ, что одни умирали во имя долга и для каждаго изъ нихъ понятной цѣли, все время сознавая свое превосходство; другіе умирали во имя того же, но подавленные превосходствомъ своего противника. Участъ, какъ тѣхъ, такъ и другихъ была тяжела.

Но думается, что защитникамъ Артура выпала доля выпить горшую чашу.

Русскіе—Россіи и японцы—Японіи!

Первые, перенеся все—были нравственно удовлетворены.

Вторые, перенеся все—нравственно убиты.

Одна была надежда, что минуетъ ихъ горькая участь плѣна.

Сегодня идутъ переговоры. Начальники должны и съумѣютъ, конечно, избавить ихъ отъ позора плѣненія.

Но нѣтъ! Чаша эта ихъ не миновала. Напрасны были надежды.

Утромъ полковникъ Хвостовъ получилъ предписаніе явиться въ штабъ района, и оттуда сопровождать полковника Рейса

къ мѣсту переговоровъ и присутствовать при подписаніи капитуляціи.

Скоро изъ штаба района выѣхала коляска и быстро помчалась по Среднемандаринской дорогѣ въ деревню Шуйшуинъ, къ мѣсту назначенному для переговоровъ и заключенія капитуляціи.

Въ коляскѣ сидѣлъ Рейсъ. Полковникъ Хвостовъ, капитанъ 1-го ранга Щесновичъ, капитанъ Головань, Дмитревскій, студентъ Лебедевъ¹⁾, Малченко—эскортировали его верхами.

Передъ отъѣздомъ генераль Стессель въ присутствіи Фока объявилъ всѣмъ, что всѣ инструкціи и довѣренность на заключеніе капитуляціи конфиденціально вручены имъ Рейсу, а также ему передано письмо къ генералу барону Ноги.

Настроеніе Стесселя, Фока, Рейса было нервное, вызывающее.

Они видимо страшно торопились. Для обсужденія условій капитуляціи не было приглашено ни одного юриста, ни одинъ изъ нихъ не былъ приглашенъ даже присутствовать при подписаніи капитуляціи.

Комендантъ крѣпости, устранивъ себя отъ всякаго участія въ этомъ предательскомъ дѣлѣ, послалъ главнокомандующему слѣдующую шифрованную телеграмму: „Главномандующему арміями и флотомъ. Генераль-адъютантъ Стессель вступилъ въ переговоры о сдачѣ крѣпости безъ предупрежденія и вопреки моему и большинства начальниковъ заключенію. 20-го декабря № 1300. Генераль-лейтенантъ Смирновъ“.

Скоро Рейсъ съ сопровождавшими его лицами были на мѣстѣ.

Начальникъ штаба японской арміи вынесъ готовый текстъ капитуляціи²⁾, написанный на англійскомъ языкѣ и, давъ часъ на обсужденіе ея, удалился.

Прочли, т. е. прочелъ Рейсъ и перевелъ содержаніе присутствующимъ.

Когда капитанъ Головань началъ энергично протестовать, Рейсъ ему отвѣтилъ тономъ, не допускавшимъ возраженія:

— „Они побѣдители и мы должны подчиниться ихъ требованіямъ“.

¹⁾ Переводчикъ.

²⁾ Текстъ этой капитуляціи за два года былъ составленъ однимъ изъ ученыхъ японскихъ юристовъ.

Послѣ непродолжительнаго совѣщанія, сопровождавшагося горячими, страстными спорами Хвостова, Голована и Щесновича (и въ сущности совершенно напрасными спорами, такъ какъ только Рейсъ былъ облеченъ полной довѣренностью, остальные лица служили лишь для декорума), Рейсъ согласился внести только три поправки:

- 1) Освобожденіе отъ плѣна всего гарнизона.
- 2) Разрѣшить офицерамъ взять съ собою деньшиковъ.
- 3) Увеличить количество багажа.

Явившіеся черезъ часъ, пунктуально черезъ часъ, японцы, взявъ текстъ капитуляціи съ внесенными поправками, удалились на совѣщаніе.

Черезъ четверть часа вернулись и категорически объявили:

— „Пріемлима лишь вторая поправка. Согласны подписать капитуляцію??“

Рейсъ задумался.

— „Согласенъ“,—былъ отвѣтъ.

Приступили къ подписанію подлиннаго текста капитуляціи.

„Капитуляція Портъ-Артура

Ст. I. Русская армія, флотъ, охотники и должностныя лица въ крѣпости и въ водахъ Портъ-Артура становятся военноплѣнными.

Ст. II. Всѣ форты, батареи, броненосцы, корабли, лодки, оружіе, амуниція, лошади и всѣ другіе предметы войны, равно какъ и деньги и другіе предметы, принадлежащіе русскому правительству, должны быть переданы японской арміи въ томъ видѣ, въ которомъ находятся въ данный моментъ.

Ст. III. Если двѣ предыдущія статьи будутъ приняты, то, въ видѣ гарантіи за точное исполненіе, русская армія и флотъ должны вывести всѣ гарнизоны изъ всѣхъ фортовъ и батарей на Итцупшанѣ, Шуаньшишанѣ и Тайяншишанѣ и со всей цѣпи холмовъ на юго-востокъ отъ всѣхъ вышепоименованныхъ горъ и передать форты и батареи японской арміи 3-го января до полудня.

Ст. IV. Если будетъ замѣчено, что русская армія и флотъ разрушаютъ и какимъ-бы то ни было способомъ измѣняютъ настоящее состояніе предметовъ, указанныхъ въ ст. II, послѣ под-

писанія капитуляціи, японская армія прекратитъ всякіе переговоры и будетъ имѣть свободу дѣйствій.

Ст. V. Русскія военныя и морскія власти должны выбрать и передать японской арміи планы и укрѣпленія Портъ-Артура и карту, съ указаніемъ мѣстъ фугасовъ, подводныхъ минъ и другихъ опасныхъ предметовъ, таблицу организациі арміи и флота, находящихся въ Портъ-Артурѣ, номенклатуру военныхъ и морскихъ офицеровъ, опредѣляющую ихъ чины и обязанности; тоже самое относительно военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ; тоже самое о броненосцахъ, корабляхъ и лодкахъ съ номенклатурой экипажей; таблицу, показывающую число, полъ, расу и профессію мирныхъ жителей.

Ст. VI. Все оружіе, включая носимое частными лицами, амуниція, предметы, принадлежащіе правительству, лошади, броненосцы, корабли и лодки со всѣмъ находящимся на нихъ имуществомъ, кромѣ частнаго, должны содержаться въ порядкѣ на прежнихъ мѣстахъ. Способъ передачи ихъ долженъ быть рѣшенъ русско-японскимъ комитетомъ.

Ст. VII. Въ воздаяніе почести храбрымъ защитникамъ Портъ-Артура, русскимъ военнымъ и морскимъ офицерамъ и чиновникамъ разрѣшается носить холодное оружіе и имѣть при себѣ предметы необходимые для ихъ жизни. И рѣшено, что тѣ изъ офицеровъ, охотниковъ и чиновниковъ, которые дадутъ письменное обѣщаніе не братья снова за оружіе и ни въ какомъ случаѣ не дѣйствовать противъ интересовъ Японіи во время настоящей войны, могутъ отправиться на свою родину. Каждый офицеръ имѣетъ право имѣть одного деньщика, который, какъ исключеніе, освобождается отъ письменнаго обѣщанія.

Ст. VIII. Обезоруженные унтеръ-офицеры, солдаты и моряки русской арміи и флота, а также охотники, должны двинуться цѣлыми частями подъ командой ихъ непосредственныхъ офицеровъ къ мѣсту сбора, указанному японской арміей, въ присвоенной имъ формѣ, имѣя при себѣ походныя палатки и собственныя вещи первой необходимости. Детали этого будутъ указаны японскимъ комитетомъ.

Ст. IX. Для ухода за больными и ранеными и для обезпеченія плѣнныхъ, санитарный персоналъ и интендантская часть русской арміи и флота въ Портъ-Артурѣ должны оставаться до тѣхъ поръ, пока японская армія считаетъ ихъ необходимыми, и

оказывать услуги подъ управленіемъ японскихъ санитарныхъ и интендантскихъ чиновъ.

Ст. X. Размѣщеніе частныхъ жителей, передача административныхъ дѣлъ и финансовъ города, вмѣстѣ съ документами относительно послѣднихъ и другія дѣла, связанныя съ исполненіемъ настоящей капитуляціи, должны быть разсматриваемы въ дополненіи, которое имѣетъ такую же обязательную силу, какъ статьи капитуляціи.

Ст. XI. Настоящая капитуляція должна быть подписана уполномоченными обѣихъ сторонъ и вступить въ силу тотчасъ-же послѣ подписанія.

Къ этому соглашенію послѣдовало слѣдующее дополненіе:

Разъясненіе 1-е: Для исполненія капитуляціи должны быть назначены японскими и русскими властями слѣдующіе комитеты: во-первыхъ, комитетъ относительно шестой статьи капитуляціи, состоящій изъ подкомиссій, для фортовъ, батарей, оружія, амуниціи и пр. на сушѣ. Подкомиссія для броненосцевъ, кораблей и лодокъ; подкомиссія для провіантскихъ складовъ; подкомиссія для удаленія опасныхъ предметовъ. Во-вторыхъ, комитетъ относительно восьмой статьи капитуляціи; въ-третьихъ, комитетъ относительно девятой статьи капитуляціи; въ-четвертыхъ, комитетъ относительно десятой статьи капитуляціи.

Разъясненіе 2-е: Комитеты, упомянутые въ разъясненіи первомъ, должны быть въ Шуйшанѣ ровно въ 9 часовъ утра 3-го января и приступить къ исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей.

Разъясненіе 3-е: Армія и флотъ, находящіеся въ крѣпости Портъ-Артуръ, должны выступить по частямъ, согласно установленнаго японской арміей плана, такъ, чтобы голова колонны прибыла къ восточному концу Кокоси ровно въ 9 час. утра 5-го января для полученія приказанія отъ комитета согласно восьмой статьѣ капитуляціи. Только офицерамъ и чиновникамъ позволено имѣть холодное оружіе. Унтеръ-офицерамъ, солдатамъ и матросамъ не разрѣшается имѣть никакого оружія. Всѣ лица ниже офицеровъ должны имѣть при себѣ провизіи на однѣ сутки.

Разъясненіе 4-е: Русскія должностныя лица, не принадлежащія къ арміи и флоту, должны образовать группы по специальностямъ и слѣдовать за войсками, упомянутыми въ разъясненіи третьемъ. Тѣ должностныя лица, которыя не были внесены въ

списки волонтеровъ, должны быть освобождены отъ всякаго обѣщанія.

Разъясненіе 5-е: Для передачи фортовъ, батарей, зданій, складовъ и др. предметовъ, нѣсколько офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и др. назначенныя лица должны остаться, гдѣ эти предметы находятся.

Разъясненіе 6-е: Лица, входящія въ составъ русской арміи и флота, добровольцы, должностныя лица, которыя будутъ носить оружіе послѣ 8 час. утра 5-го января или не явятся на мѣсто сбора, подвергнутся должному обращенію со стороны японской арміи, кромѣ больныхъ и раненыхъ.

Разъясненіе 7-е: Необходимые предметы, составляющіе частную собственность офицеровъ, гражданскихъ чиновниковъ и должностныхъ лицъ, помѣщенные въ седьмой статьѣ капитуляціи, будутъ подвергнуты осмотру, если сочтутъ нужнымъ, и ихъ багажъ не долженъ превышать вѣса, дозволеннаго офицерамъ соотвѣтствующаго чина въ японской арміи.

Разъясненіе 8-е: Военные и морскіе госпитали и госпитальныя суда въ Портъ-Артурѣ будутъ осмотрѣны японскимъ комитетомъ и будутъ использованы согласно правиламъ, выработаннымъ этой комиссіей.

Разъясненіе 9-е: Мирные жители могутъ спокойно продолжать жить, но тѣмъ изъ нихъ, которые пожелаютъ оставить Портъ-Артуръ, будетъ разрѣшено взять съ собой всю ихъ частную собственность. Семействамъ офицеровъ и чиновниковъ, которые пожелаютъ уѣхать, японская армія предоставитъ всѣ удобства, какія въ ея силахъ.

Разъясненіе 10-е: Если японская армія найдетъ нужнымъ нѣкоторыхъ изъ жителей Портъ-Артура выселить, то они обязаны сдѣлать это своевременно и путемъ указаннымъ сей арміей.

Разъясненіе 11-е: Русскій комитетъ, помѣченный 10 ст. капитуляціи, долженъ сообщить условія администраціи и финансовъ, передать тому-же комитету всѣ документы, общественныя суммы, относящіяся къ этимъ дѣламъ.

Разъясненіе 12-е: Японскіе военно-плѣнные, находящіеся теперь въ Портъ-Артурѣ, должны быть переданы японскому комитету, упомянутому въ 9 ст. капитуляціи, въ 3 часа пополудни 3-го января.

При подписаніи капитуляціи произошла заминка.

Первымъ подписалъ Рейсъ.

Когда очередь дошла до Щесновича, оказалось, что у него нѣтъ довѣрительной грамоты. Японцы, несмотря на свою педантичность даже въ пустякахъ, предупредительно согласились получить таковую послѣ. Щесновичъ имѣлъ неосторожность приложить свою руку къ этому позорному для Россіи историческому документу.

Лишь только была подписана капитуляція, Рейсъ немедленно отправилъ японскаго нарочнаго къ Стесселю съ письмомъ приблизительно слѣдующаго содержанія:

— „Капитуляція подписана, согласно которой необходимо прекратить порчу имущества“.

Стессель немедленно отвѣтилъ:

— „Все слѣлано. Сообщите японцамъ“.

До 12 часовъ пополудни прибыли наши къ деревнѣ Шуй-шуинь.

Задержала ихъ переписка текста капитуляціи въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

Пока наши делегаты возились съ формальностями сопровождавшими заключеніе капитуляціи—вѣсть о совершившейся сдачѣ крѣпости съ быстротою молніи облетѣла гарнизонъ.

Начался форменный разгулъ.

Нижніе чины мгновенно переродились и о дисциплинѣ не было и рѣчи.

Часть нижнихъ чиновъ, побросавъ оружіе, направилась въ городъ. Начался грабежъ и пьянство.

У огромнаго водочнаго склада купца П. Смирнова — разливное море.

Въ Старомъ и Новомъ городѣ начали разбивать склады, лавки.

Опьяненіе росло, грабежъ увеличивался. Толпа пьяныхъ разбивало все. Между прочимъ въ пухъ и дребезги былъ разбить книжный складъ „Новаго Края“.

— „Пусть никому не достанется, кричала толпа, разбрасывая и уничтожая цѣнныя книги.“

Люди разнуздались.

— „Всѣ теперь равные. Одинъ чортъ! Нѣтъ солдатъ, нѣтъ матросовъ, офицеровъ, генераловъ! Всѣ равны! Всѣ плѣнные!— кричали люди, которые еще недавно отбывали штурмы, безпрекословно подчиняясь своимъ офицерамъ.“

— „Эй, вы, господа честные, офицера! Идите, водку пить! Въ Японію погонять, всѣ будемъ изъ одного корыта ѣсть. Не куражтесь господа честные, не куражтесь. Теперь и на нашей улицѣ праздникъ. Теперь и нашъ чередъ наѣсться и напиться.

Офицеры старались поскорѣе скрыться отъ возбужденной, пьяной и разнуздавшейся толпы.

— „Ну, не хотите, проходите, да „поскоряй“, а то по шеямъ попадетъ. А до Фоки и Стесселя доберемся, узнаютъ они Кузькину мать.

Такъ поступали люди, мученическимъ терпѣніемъ и мужествомъ, которыхъ создалось обезславленное величіе великой обороны.

Когда до Стесселя донеслись эти грозные, отдаленные раскаты, онъ немедленно выговорилъ себѣ у японцевъ сотню казаковъ для охраны своей особы, жилища и имущества.

Ноги оставилъ въ распоряженіи „славнаго оборонителя“ сотню въ полномъ вооруженіи и снаряженіи.

Почувявъ, что дѣло принимаетъ серьезный характеръ, что все готово завершиться возмущеніемъ, грозящимъ смерти въ крѣпости все— Стессель, теряя всякую послѣдовательность, пишетъ Смирнову слѣдующее письмо:

— „Ваше превосходительство! Въ виду начавшагося грабежа необходимо принять самыя строжайшія и безотлагательно экстренныя мѣры. Покорнѣйше прошу васъ, ваше превосходительство, выслать патрули. Рейсъ извѣстилъ, что условія сдачи почетны. Извините, что пишу карандашомъ.

Трудно объяснить, что руководило Стесселемъ, когда онъ писалъ это письмо.

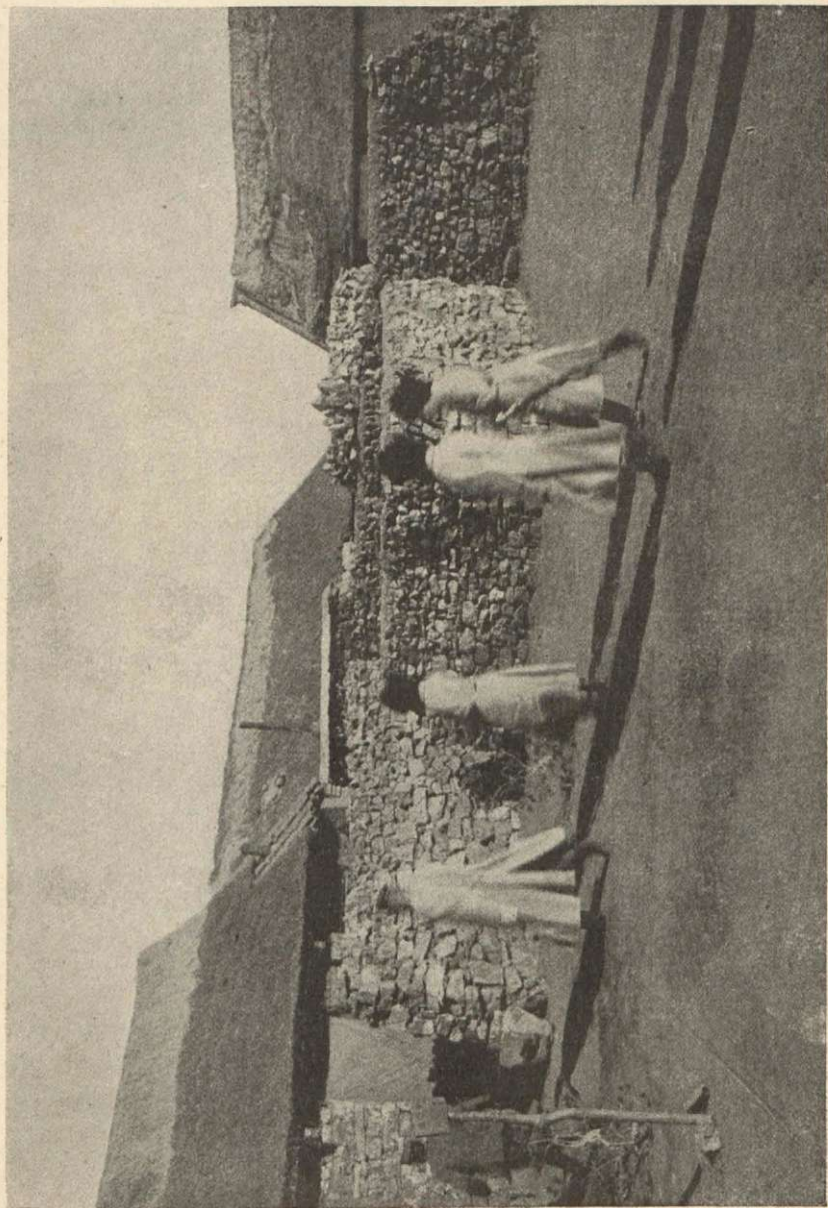
Было ли это: издѣвательство надъ Смирновымъ или форменное очумѣніе!?

Комендантъ, получивъ это письмо, выслалъ усиленные патрули, и о послѣдующемъ въ формѣ официального доклада, черезъ штабъ крѣпости донесъ Стесселю.

Лишь только вѣсть о капитуляціи стала достояніемъ города и гарнизона, къ Смирнову пріѣхали: Ирманъ и Артемьевъ.

— Ваше превосходительство, неужели сдача крѣпости, фактъ свершившійся—былъ возмущенный вопросъ.

— „Стессель все дѣлаетъ помимо меня. Обратитесь къ нему“.

Прибытіє Рейса вЪ деревню Шуй-шу-инъ для подписанія капитуляціи.

Ирманъ отправился къ „генераль-адъютанту“ и, узнавъ о томъ, что крѣпость сдана, началъ убѣдительно просить отпустить его въ Чифу на миноносцѣ.

Ирманъ хотѣлъ прорваться въ сѣверную армію.

Стессель, категорически отклонивъ просьбу дѣйствительно одного изъ самыхъ храбрыхъ офицеровъ въ Артурѣ, сказалъ:

— А вотъ, что вы мнѣ скажите. Какъ поступить съ золотыми вазами? Какъ ихъ мнѣ вывезти? Вѣдь ихъ могутъ забрать японцы. Надо ихъ спасти!

— „Ваше превосходительство, бросьте ихъ въ море и они навѣрное не достанутся японцамъ!—былъ наивный, но искренній отвѣтъ честнаго офицера.

Не о вазахъ думалъ Ирманъ. Онъ всей душой рвался изъ Артура. Его воинственный духъ виталъ уже на поляхъ Маньчжуріи.

Золотыя вазы, чары, ложки, ковши были вывезены изъ Пекинскаго дворца и хранились въ Артурѣ.

Когда объ этомъ золотѣ было доведено до свѣдѣнія намѣстника, послѣдній назначилъ въ 1902 году комиссію для ея оцѣнки. Если не ошибаюсь, въ число оцѣнщиковъ вошли артурскіе ювелиры Виртъ и Бейлинъ. Оцѣнено было это золото въ 800,000 рублей.

Впредь, до особаго распоряженія, оно хранилось въ цейхгаузахъ 12-го полка. Когда полкъ ушелъ въ Маньчжурію, посуда осталась на мѣстѣ.

Вечеромъ 21-го декабря появилась у цейхгауза таинственная двуколка и исчезла въ туманѣ артурской ночи.

Когда въ слѣдственной комиссіи спросили генерала Стесселя, почему онъ, въ противорѣчіе всѣмъ воинскимъ чинамъ, вывезъ изъ Артура свое имущество на 38 подводахъ,—послѣдній отвѣтилъ:

— „Съ Высочайшаго Его Величества Императора Японіи соизволенія“.

На вопросъ, почему онъ не раздѣлилъ участь гарнизона и не пошелъ въ плѣнъ, отвѣтствовалъ:

— „По Высочайшему Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы-Матери повелѣнію“.

Дѣйствительно имъ была получена телеграмма Ея Вели-

чества, въ которой Государыня-Мать соизволила сообщить, что Она будетъ рада видѣть его въ Россіи.

Государь и Россія не знали еще тогда, что такое „Стессель“.

Когда же „генераль-адъютанта“ спросили, почему онъ единолично сдалъ Артуръ и не собралъ для обсужденія этого важнаго вопроса военнаго совѣта, послѣдній гордо отвѣтилъ:

— „Для этого не было время! Я обманулъ японцевъ, не далъ имъ возможности ворваться въ Артуръ и предотвратилъ этимъ уличную рѣзню“.

Это же пѣли въ одинъ голосъ въ комиссіи и всѣ „истинные герои и помощники“.

Итакъ, Артуръ сдался.

Посмотримъ, какъ реагировали на капитуляцію въ японской главной квартирѣ непосредственно послѣ сдачи и нѣкоторое время спустя, когда обманъ Стесселя былъ обнаруженъ.

Вотъ что пишетъ по этому поводу все тотъ-же цитируемый мною англійскій военный корреспондентъ г. Норригардъ:

„...Когда, послѣ перваго свиданія начальниковъ штабовъ обѣихъ армій въ фанзѣ „Сливовое дерево“, у деревни Шуйшинъ, я спросилъ въ главной квартирѣ, что заставило русскихъ сдать при настоящихъ обстоятельствахъ, мнѣ сказали, что мотивы, ими приведенные, слѣдующіе:

1. Недостаточная сила гарнизона. Имѣлось всего 4,000 солдатъ для обороны огромнаго района противъ японскихъ войскъ, численность которыхъ достигла въ послѣднее время почти 100,000 человѣкъ. Остальная часть гарнизона—больные или раненые.

2. Ограниченное количество боевыхъ запасовъ и провіанта: боевыхъ запасовъ хватило-бы всего лишь на пять дней.

3. Состояніе госпиталей. Около 20,000 человѣкъ больныхъ и раненыхъ находились въ госпиталяхъ, не было болѣе лекарствъ, дезинфекціонныхъ средствъ, перевязочнаго матеріала и необходимыхъ компрессовъ, а также подходящей пищи для нихъ. Жестокія эпидеміи тифозной лихорадки, дизентеріи и цынги свирѣпствовали, масса больныхъ ежедневно увеличивалась сотнями новыхъ.

4. Паденіе сильнѣйшихъ фортовъ восточнаго сектора привело къ тому, что Старый городъ, гдѣ находилось большинство госпиталей и проживала большая часть гражданскаго населенія, неизбѣжно долженъ былъ также пасть въ ближайшемъ буду-

щемъ; кромѣ того русскіе опасались, что, если Старый городъ будетъ взятъ приступомъ, здѣсь можетъ произойти поголовная рѣзня.

Къ сожалѣнію это первое впечатлѣніе быстро изгладилось. Чрезъ нѣкоторое время было положительно установлено, что главныя объясненія, предъявленныя русскими (вѣроятно генераломъ Рейсомъ, начальникомъ штаба), были большею частью или абсолютно невѣрны или значительно преувеличены... “

О количествѣ въ крѣпости провіанта въ интендантскихъ складахъ (исключая продовольственныхъ запасовъ частныхъ фирмъ, которыя учету не поддаются) вы знакомитесь съ нижепомѣщаемой вѣдомостью крѣпостного интенданта: (см. таблицу стр. 460). Въ складахъ порта было почти такое-же количество.

Съ количествомъ боевыхъ запасовъ въ крѣпости ко дню сдачи ея васъ знакомитъ письмо генерала Бѣлаго:

Письмо генерала Бѣлаго инспектору артиллеріи генераль-маіору Рейнталу.

Ваше Превосходительство

Глубокоуважаемый

Владиміръ Яковлевичъ!

Неожиданность для большинства Портъ-Артурцевъ такой скорой сдачи этой крѣпости и та поспѣшность, съ которой всѣхъ насъ отправившихся въ плѣнъ перевезли въ Японію, лишили меня возможности закончить подробный отчетъ о дѣятельности артиллеріи крѣпости за все время обороны ея, и представить его, какъ я предполагалъ между прочимъ въ Главное артиллерійское управленіе. По условіямъ пребыванія своего въ плѣну, я и отсюда не могу выслать не только что этотъ отчетъ, но и вообще стѣсненъ писать что-либо подробное по этому поводу.

Въ Россію не вернулся пока ни одинъ изъ артиллерійскихъ начальниковъ, который зналъ бы дѣйствительное состояніе артиллеріи крѣпости ко дню сдачи ея, и могъ-бы доложить объ истинномъ положеніи дѣла въ этомъ отношеніи. Между тѣмъ Высочайше назначена комиссія для разслѣдованія всѣхъ обстоятельствъ капитуляціи Артура. Тѣ же свѣдѣнія объ артил-

Его Превосходительству
КОМЕНДАНТУ КРѢПОСТИ „ПОРТЪ-АРТУРЪ“

СВѢДѢНІЕ

О состояніи продуктовъ въ Портъ-Артурскихъ продовольственныхъ магазинахъ къ 18-му сего Декабря.

Наименованіе продуктовъ.	№№ магазиновъ:				Итого	Число дачъ.	По числу людей: 32,213 Лошадей: 3,258
	1	3	4	5			По числу дачъ, дней.
	Въ пудахъ:						
Муки пшеничной	9,502	—	1,017	—	10,519	437,569	13 1/2 *)
„ крупчатки .	9,202	—	—	—	9,202		
„ сѣянки . .	904	—	—	—	904		
Крупы и рису. .	3,643	—	1,934	—	5,577	693,120	21 1/2
Чумизы	—	—	140	—	140		
Пшена.	—	—	59	—	59		
Кукурузы	—	—	—	—	—	5,550,080	172 1/3
Макаронъ	—	—	—	—	—		
Чаю.	—	—	2,168	—	2,168		
Сахару	1,224	—	—	—	1,224	391,680	12
Сухарей.	—	—	21,657	—	21,657	495,017	15
Сухихъ овощей .	—	—	3,100	—	3,100	2,976,000	92
Соли	16,301	—	326	—	16,627	5,804,335	180
Консервовъ . . .	—	—	3,853	—	3,853	—	114,406
Овса	—	3,182	—	—	3,182	114,406	
Ячменя	—	—	—	—	—		
Бобовъ	—	31,140	—	—	31,140		
Жмыховъ	—	—	—	—	—		
Порціон. скота: крупнаго 3; бара- новъ и козловъ 9.							

*) Кромѣ того выдано частямъ войскъ 10,550 пудовъ муки крупчатки и (еще) имѣется 30.040 пудовъ 1).

И. д. Крѣпостного Интенданта Капитанъ *Достоваловъ*.

№ 9953
18 Декабря 1904 г.
Кр. Портъ-Артуръ.

1) Прибыло на пароходъ „King-Arthur“ зафрахтованномъ г. Мессъ.

леріи крѣпости, которыя мнѣ приходилось читать въ газетахъ, и въ особенности, сообщаемыя со словъ такого свидѣтеля, какъ генераль Рейсъ, весьма тенденціозны и черезъ чуръ окрашены темными красками въ сторону, съ одной стороны, обвиненія артиллерійскаго вѣдомства вообще въ недостаточности запасовъ артиллеріи крѣпости, и съ другой, въ частности, умаленія и представленія въ ненадлежащемъ, и худшемъ видѣ, имѣвшихъ еще, наличныхъ артиллерійскихъ средствъ крѣпости.

Въ этомъ отношеніи, какъ и во многомъ другомъ, что рассказываетъ корреспондентамъ генераль Рейсъ, онъ очевидно, преслѣдуетъ другую цѣль, нежели освѣдомленіе публики съ истиннымъ положеніемъ вещей въ осажденной крѣпости. Вступать съ нимъ въ газетную полемику по этому поводу я считаю неудобнымъ, но если подобнымъ свидѣтельскимъ показаніямъ его дать вѣру, не спросивъ вовсе того, кто стоялъ у самаго дѣла, то получается картина, рисуемая недѣйствительность, бывшую на самомъ дѣлѣ, а лишь исполняющую работу на заданную тему.

На совѣтѣ, собранномъ генераль-адъютантомъ Стесселемъ вечеромъ 16 декабря 1904 года, на которомъ присутствовало до 25 начальниковъ, нѣкоторые сторонники мнѣнія о невозможности продолжать оборону крѣпости ссылались также и на отсутствіе необходимыхъ артиллерійскихъ средствъ, произвольно умаляя ихъ и въ количественномъ отношеніи.

Я тогда же горячо протестовалъ противъ того неправильнаго представленія дѣла, при чемъ не скрылъ удивленія своего подобной смѣлости заявителей въ моемъ присутствіи о предметѣ, о которомъ они повидимому или имѣютъ мало свѣдѣній или умышленно искажаютъ ихъ въ извѣстную сторону. Возраженія свои я основывалъ на цифрахъ, которыя у меня были тогда-же въ рукахъ и настаивалъ на своемъ мнѣніи, совершенно противоположномъ тому, что пришлось только-что слышать. А именно, я доказывалъ, что въ артиллерійскомъ отношеніи крѣпость еще имѣетъ достаточно средствъ для борьбы и въ состояніи еще отбить два штурма, а, быть можетъ и болѣе. А если средства есть, то и оборона по мнѣнію моему должна продолжаться до полного истощенія ихъ. Противъ мнѣнія моего никто не возражалъ, а, напротивъ, оно было поддержано всѣми артиллеристами, старшими помощниками моими, приглашенными на совѣтъ (тогда

полковники: Ирманъ и Мехмандаровъ) и комендантомъ крѣпости, и послѣдовало общее рѣшеніе, тутъ-же объявленное генералъ-адъютантомъ Стессель, въ смыслѣ продолженія обороны, сокративъ лишь нѣсколько передовую линію на главномъ атакованномъ фронтѣ. Въ разсужденіе принято было и предположеніе на случай, ожидавшейся уже потери нами укрѣпленія Ш-го, Курганной батареи, что и случилось черезъ день.

Послѣдующіе дни по 19-ое декабря, когда намъ объявлено было о томъ, что послано предложеніе о сдачѣ крѣпости, мало измѣнили наличныя средства обороны, а въ особенности для противощтурмовыхъ дѣйствій.

Если обратиться къ цифрамъ, то въ общемъ мы имѣли, считая и морскіе запасы, до 180,000 (**сто восемьдесятъ тысячъ**) снарядовъ. Изъ нихъ было къ 9" и бѣльшаго калибра пушкамъ и мортирамъ около 1,000; къ 6" и 42 лин. около 6,800; къ легкимъ и 57 м.м. береговымъ скорострѣльнымъ (вынесены были на сухопутный фронтъ) около 18.00; къ 57 м.м. капонирнымъ около 2,000; къ 75, 57, 47 и 37 м.м. морскимъ пушкамъ, стоявшимъ на батареяхъ около 150,000 (**сто пятьдесятъ тысячъ**); для 3" скорострѣльныхъ полевой артиллеріи около 4,000. Въ общемъ числѣ не считая патроновъ 3" скорострѣльной полевой пушки, заключалось шрапнелей около 14,000 и картечи около 10,000.

Количество и состояніе орудій хотя уменьшилось и было поношено, но находилось еще въ такомъ видѣ, что о негодности всего не могло быть и рѣчи. Ко всему примѣнялись и дѣйствовали удачно.

Дѣло отливки снарядовъ для 6" и 42 лин. пушекъ, изготовленіе фугасныхъ пироксилиновыхъ бомбъ и приспособленіе трубокъ къ бомбамъ и шрапнелямъ было въ ходу и давало до 100 снарядовъ въ сутки и обѣщало дать еще болѣе.

И я вообще считаю, что газетные разсказы объ отсутствіи шрапнелей, о негодности бомбъ, орудій, о неимѣніи трубокъ и проч., есть слишкомъ ужъ преувеличенныя чьи-то измышленія, сисяющія все представить въ такомъ видѣ, который оправдывалъ-бы прекращеніе обороны. Рѣшеніе послѣдняго принадлежало, конечно, высшему начальству и надо полагать, не нуждается въ постороннемъ, да еще неправильномъ освѣщеніи извѣстныхъ обстоятельствъ. О нихъ можно разсказывать въ газетахъ что угодно, но при формальномъ разслѣдованіи дѣла бу-

дуть фигурировать данныя официальные и свидѣтели болѣе свѣдующіе и компетентные, а не тѣ, кто пускается въ газетное репортерство. Поэтому я считаю, что если генераль Рейсъ, лицо официальное въ оборонѣ Артура, позволяетъ себѣ рассказывать корреспондентамъ газетъ свѣдѣнія невѣрные, то онъ это будетъ рассказывать и при обстановкѣ формальной и уже, какъ свидѣтель. Ну, а относительно артиллеріи, ни я и никто другой изъ знающихъ дѣла никогда съ нимъ не согласится. Въдѣ чтобы правильно представить истинное положеніе, хотя-бы артиллеріи Портъ-Артура, еще недостаточно имѣть у себя голыя цифры, и надо объяснить ихъ. А въ этомъ отношеніи онъ, какъ я вижу, совершенно не въ курсѣ, и лучше было-бы, если-бы онъ и не брался за то, чего не знаетъ и что слабо понимаетъ, нежели извращать истину. Правда, что ощущался недостатокъ въ порохѣ, въ скорострѣльныхъ трубкахъ, въ дистанціонныхъ, которыхъ не успѣли подвезти въ крѣпость; что заряды морской артиллеріи были испорчены и ихъ передѣлывали, что морскія бомбы плохо рвались и т. п. Но противъ всего этого найдены были и примѣнены надлежащія мѣры, артиллерійская оборона шла съ успѣхомъ и еще далеко было отъ того, чтобы отчаиваться въ этомъ отношеніи. И тѣмъ досаднѣе становится, что находятся лица, берущіеся объяснять и доказывать то, чего они просто не желаютъ видѣть и понять.

Меня могутъ, конечно, и не спросить уже по отдаленности нахождения моего или почему-либо другому. Но для возстановленія всей дѣйствительности объ артиллерійской оборонѣ Портъ-Артура, которой, главнымъ образомъ, держалась крѣпость и что формально свидѣтельствовалось мнѣ не разъ многими главными начальниками фронтовъ оборонительной линіи, не исключая и покойнаго генерала Кондратенко, да и лично наблюдалось мною,—я не намѣренъ замалчивать правду, да и не считаю себя въ правѣ ни на это, ни на оставленіе подъ спудомъ тѣхъ документовъ и свѣдѣній о дѣйствіяхъ артиллеріи въ Портъ-Артурѣ, которыя имѣются у меня и войдутъ въ мой отчетъ.

Но все это можетъ быть исполнено лишь по возвращеніи моемъ изъ плѣна. А когда-то будетъ это?

Такое положеніе дѣла и газетное репортерство Рейсовъ и другихъ вынуждаетъ меня обратиться съ письмомъ этимъ къ вамъ, глубокоуважаемый Владиміръ Яковлевичъ, чтобы напом-

нить о себѣ и о томъ, что находясь въ плѣну, я читаю это репортерство и возмущаюсь имъ; но къ сожалѣнію приходится пока молчать. Спросятъ—отвѣчу, а нѣтъ, все заключается въ отчетѣ, который лично представлю, когда буду освобожденъ изъ плѣна.

Вообще намъ всѣмъ здѣсь кажется удивительной вся та тенденціозная и рекламная литература, которая печатается въ въ газетахъ. Точно люди изъ силъ лѣзутъ, торопятся, чтобы что-то заранѣе оправдать и обфлить. И какъ мизерны и наивны кажутся всѣ тѣ опроверженія этихъ лицъ, которые пишутся ими на статьи и сообщенія, дѣйствительно справедливыя и дѣльныя.

Настоящимъ письмомъ я желалъ-бы достигъ только одного: чтобы мое артиллерійское начальство, не считало, что уфхавши въ плѣнъ, я успокоился и не желаю подавать голоса за то дѣло, во главѣ котораго имѣлъ честь стоять и за которое съ удовольствіемъ готовъ принять на себя всѣ справедливыя нареканія, если-бы они были. Съ глубокимъ убѣжденіемъ и не безосновательно считаю, что дѣло артиллерійской обороны Портъ-Артура стояло все время на своемъ мѣстѣ, совершенно не боится полной огласки и вовсе не нуждается въ услугахъ кого-бы ни было, по подыскиванію снисхожденій въ дѣйствіяхъ своихъ въ какомъ-бы ни было отношеніи.

Съ искреннимъ чувствомъ глубокаго почтенія къ вашему превосходительству, прошу васъ принять мои наилучшія пожеланія вамъ во всемъ.

Глубокоуважающій васъ *В. Бѣлый*.

Передавая это письмо, генералъ Бѣлый сообщилъ мнѣ ¹⁾, что онъ никогда не забудетъ, какъ, по заключеніи условій капитуляціи Портъ-Артура, его потребовалъ къ себѣ генералъ-адъютантъ Стессель и выразилъ полное недоумѣніе „какъ быть“ и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторое неудовольствіе по поводу оказавшагося слишкомъ большого количества снарядовъ на лицо, что неудобно въ глазахъ японцевъ, явно намекая генералу Бѣлому,

¹⁾ Какъ письмо генерала Бѣлаго къ генералу Рейнталу, такъ и слова Бѣлаго мною выписаны изъ дневника командира Квантунской саперной роты, полковника Жеребцова.

чтобы онъ показалъ имъ не полное число, а уменьшенное, что въ карандашѣ и имѣлъ неосторожность сдѣлать генераль Бѣлый, и что, по моему мнѣнію, составляетъ пока оружіе въ рукахъ того же генерала Стесселя и Рейса.

Письмо

Издателю газеты „Новое Время“ г. Суворину отъ генераль-маіора
Бѣлаго, 31 марта 1905 г.

Милостивый Государь

Алексѣй Сергѣевичъ!

Только 26-го сего марта я имѣлъ возможность получить № 10356 газеты „Новое Время“ отъ 28 декабря прошлаго года, въ которомъ, къ крайнему удивленію своему и всѣхъ плѣнныхъ нашихъ въ Нагоѣ, прочелъ сообщеніе изъ иностранныхъ газетъ о томъ, что генераль Никитинъ командовалъ артиллеріей сухопутной и морской въ Портъ-Артурѣ и далѣе перечисляется вся дѣятельность его въ этой роли.

Какъ ни непріятно вообще самому говорить о себѣ, а тѣмъ болѣе писать, затрагивая другое лицо, тѣмъ не менѣе меня вынуждаетъ къ тому полная беззастѣнчивость подобнаго сообщенія, и потому рѣшаюсь выразить многое противъ справедливости его. Считаю возстановленіе истины выше чьихъ-бы то ни было интересовъ и извиняюсь за эту, повторяю вынужденную нескромность.

Дѣло въ томъ, что на основаніи ст. 114, положенія о крѣпостяхъ, объявленнаго въ приказѣ по военному вѣдомству 1901 г., за № 358, начальнику артиллеріи крѣпости, онъ-же командиръ крѣпостной артиллеріи, подчиняются, во всѣхъ отношеніяхъ, всѣ безъ исключенія части войскъ и команды артиллерійскаго вѣдомства, гарнизонъ крѣпости составляющія.

А потому, а въ частности, на основаніи приказа 1904 г. по укрѣпленному району за № 239 и коменданта крѣпости за № 483, и официально и фактически командовалъ и распоряжался всею артиллеріею въ Артурѣ и сухопутною и, взятою съ судовъ флота на батареи, морскою, съ перваго и до послѣдняго дня обороны я, а вовсе не генераль Никитинъ. Мѣста всѣмъ батареямъ и отдѣльнымъ орудіямъ, какъ на оборонительной линіи, такъ и въ

передовыхъ редутахъ, на позиціяхъ горъ: Угловой, Высокой, Длинной, Ляотешанъ, у г.г. Дальняго и Талиенвана, на Цзинчжоуской позиціи, Дагушанъ, Сагушанъ и у Голубиной бухты выбиралъ и указывалъ я же лично ¹⁾, а исполнителями вооруженія и совѣтчиками въ нужныхъ случаяхъ у меня были доблестные помощники, начальники артиллерійскихъ отдѣловъ крѣпости: нынѣ генераль-маіоръ Ирманъ и Мехмандаровъ; полковники: Тахателовъ, Стольниковъ, Романовскій, капитанъ Гобято и штабсъ-капитанъ Высокихъ 1-ый (убитъ) и всѣ секторные и батарейные командиры—артиллеристы и моряки.

Въ рукахъ нашихъ были и руководство, и управленіе всѣми дѣйствіями артиллеріи въ Портъ-Артуръ, какъ въ борьбѣ съ осадною артиллеріею противника, такъ и противъ колоннъ его при всѣхъ штурмахъ, а также и при вылазкахъ нашихъ изъ крѣпости. Сообразовались въ этомъ случаѣ или съ общими указаніями коменданта крѣпости генераль-лейтенанта **Смирнова** или съ личнымъ нашимъ усмотрѣніемъ, въ зависимости отъ обстановки дѣла.

Все дѣло по изготовленію заново и по передѣлкѣ и приспособленію старыхъ: снарядовъ, трубокъ, ручныхъ бомбочекъ и ракетъ, по центральному электрическому освѣщенію фортовъ и мѣстности, при дѣятельномъ участіи порта и тѣхъ-же труженниковъ и инициаторовъ, артиллерійскихъ, морскихъ и саперныхъ офицеровъ и чиновниковъ было тоже подчинено намъ. На нашу же долю досталась и горькая работа уничтожить все это дѣло и сдавать непріятелю по случаю капитуляціи крѣпости. Мы же были во всемъ отвѣтственны, что касалось артиллерійской обороны крѣпости.

Изъ этого видно, кто принималъ главное участіе въ жизни этой обороны, талантливо или нѣтъ—разсчитывалъ и предугадывалъ намѣренія противника и умѣло или неумѣло, давалъ силу артиллеріи числомъ и калибромъ, и этимъ—не давалъ японской артиллеріи возможности дѣйствовать надлежащимъ образомъ цѣлыми мѣсяцами.

И корреспондентъ иностранной газеты изолгался здѣсь въ конецъ, относя имъ же подобранныя всѣ эти заслуги въ дѣй-

¹⁾ При неослабномъ руководствѣ коменданта крѣпости.

ствіяхъ артиллеріи Портъ-Артура не къ тому, къ кому слѣдовало. А если онъ руководился при этомъ какими-либо личными своими цѣлями, то напомнимъ ему прочесть старую басню о „мухѣ и волѣ“, которую онъ, въ излишнемъ увлеченіи, вздумалъ снова сочинять.

Само собою разумѣется, что и всѣ остальные слова его легенды какъ то: сметалъ штурмующія колонны, имѣлъ безспорный перевѣсъ, хотя орудія его изнашивались, запасъ снарядовъ былъ истощенъ

въ отнесеніи ихъ ¹⁾), есть плодъ собственной его фантазіи. Къ кому же они должны быть отнесены въ дѣйствительности, я уже сказалъ выше.

И безъ того достаточно уже съ беззаастѣнчивою и систематическою тенденціозностью, лгалось разными, постоянными и случайными корреспондентами разнаго вздора про Портъ-Артуръ; извращалась дѣйствительность и создавались искусственно-картинные случаи и герои ихъ, исходившіе изъ воображенія, далеко не всегда невиннаго, самихъ сочинителей или поставщиковъ для нихъ нужныхъ свѣдѣній. Достаточно напомнить хотя-бы сказку о никому неизвѣстномъ изъ насъ военномъ совѣтѣ 19 декабря, рѣшившемъ будто-бы капитулировать; рассказы какого-то капитана Карцева въ Чифу; разныя небылицы про дѣйствія нашего флота въ Артурѣ въ послѣдніе дни

Вся подобная литература была въ высшей степени недобросовѣстна, не тѣмъ даже, что оскорбляла память честно погибшихъ въ бояхъ подъ Артуромъ или оставшихся въ живыхъ людей дѣйствительно достойныхъ, но не избранныхъ ею; а тѣмъ, что шарлатанствомъ своимъ обманывала изстрадавшія Портъ-Артуромъ сердца читающей русской публики, дерзала и продолжаетъ дерзать настраивать эту публику въ одну себѣ угодную сторону, въ личныхъ интересахъ самихъ авторовъ, которые напрасно воображаютъ, что мы не узнаемъ ихъ отсюда. Но наше положеніе военно-плѣнныхъ заставляетъ насъ молчать и этимъ они пользуются.

Не безъ душевной боли и для артиллеристовъ прошли почти 11 мѣсяцевъ защиты Артура, сначала на береговомъ приморскомъ фронтѣ, а потомъ на сухопутномъ; въ серединѣ же

1) Къ мнимому герою Никитину.

Прим. автора.

на обоихъ одновременно. Многіе изъ нихъ давно уже спятъ вѣчнымъ сномъ въ сырой землѣ, мужественно исполнивъ долгъ чести и присяги до послѣдняго часа жизни своей.

Съ глубокимъ уваженіемъ вспоминаю я всѣхъ тѣхъ скромныхъ, но по истинѣ, доблестныхъ труженниковъ-героевъ, которые безсмѣнно оставались на батареяхъ, проводили дни и ночи съ недремлющими очами, въ постоянныхъ тревогахъ и безконечныхъ работахъ со своими батареями и пушками, чтобы скорѣе замѣнить или исправить, что подбито или переставить на новое мѣсто, гдѣ надо поставить новое. И все подъ огнемъ непріятеля. Только смерть или раны сводили съ батареей этихъ героевъ, съ тѣмъ, чтобы опять вернуться на нихъ при малѣйшемъ выздоровленіи. Даже просто больными никто не сказывался, а больные были, но съ батареей уходить не желали.

О выдающемся, блестящемъ дѣйствиі артиллеристовъ крѣпости за время обороны ея, я имѣю много письменныхъ, не говоря про словесные, отзывы всѣхъ начальниковъ, не исключая и покойнаго генерала Кондратенко.

И если въ другомъ сухопутномъ родѣ оружія нужны иногда бываютъ инициатива и способность къ самостоятельности чуть не отдѣльнаго солдата, то артиллерія крѣпости только и можетъ успѣшно дѣйствовать, имѣя, прежде всего офицеровъ именно такихъ качествъ. Заслуги ихъ не могутъ быть отнесены къ одному лицу, хотя-бы оно было и начальникомъ¹⁾ всѣхъ ихъ, и скорѣе заслуги начальника, если ихъ признають, не отдѣлимы отъ заслугъ подчиненныхъ, чѣмъ наоборотъ.

Вотъ кто были истинные герои артиллерійской обороны Портъ-Артура и мнѣ больно читать, какъ какая-то, позволю сказать, темная личность, да еще укрывающаяся въ иностранной газетѣ, за всю доблесть этихъ достойнѣйшихъ исполнителей своего долга, воздастъ всю хвалу лицу²⁾, не имѣвшему туда отношенія. И кому же не было извѣстно обо всемъ этомъ въ Артурѣ?!

1) А тѣмъ болѣе не можетъ быть отнесено къ генералу Никитину, который не былъ ихъ начальникомъ и абсолютно никакого касательства къ дѣлу артиллерійской обороны крѣпости не имѣлъ. См. „Правда о Портъ-Артурѣ“, ч. II, стр. 686.

2) Никитину.

Прим. автора.

Прим. автора.

Очень сожалѣю, что письмо это является, не по винѣ нашей, запоздалымъ. Но оставлять поэтому безъ возраженія причину вызывающую его, я, во всякомъ случаѣ не желаю и покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, Алексѣй Сергѣевичъ, не отказать помѣстить настоящее письмо, за полную мою фамилію и должностью въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ вашей уважаемой газеты „Новое Время“.

Примите увѣреніе и т. д.

Генераль-маіоръ *Бѣлый*.

Командиръ Квантунской крѣпостной артиллеріи.

31 марта 1905 года.
Нагая. Японія.

А о количествѣ въ крѣпости войскъ даетъ показаніе комендантъ ея—генераль-лейтенантъ Смирновъ:

— „По моимъ свѣдѣніямъ наши силы ко дню сдачи были слѣдующія: на веркахъ крѣпости штыковъ (стрѣлковъ и моряковъ) $12\frac{1}{2}$ тысячъ, артиллеристовъ 5 тысячъ, инженерныхъ войскъ $1\frac{1}{2}$ тысячи, нестроевыхъ 1 тысяча. Итого 19 тысячъ. Больныхъ и раненыхъ госпитальныхъ 15 тысячъ; больныхъ околодочныхъ $5\frac{1}{2}$ тысячъ. Всего $41\frac{1}{2}$ тысячъ. Такъ какъ выступило при взятіи въ плѣнъ въ д. Чилиндзы 24 тысячи, слѣдовательно изъ околодочныхъ, могущихъ встать на верки, надо числить 5 тысячъ...“

При выступленіи гарнизона въ плѣнъ за верки крѣпости, подъ V-мъ укрѣпленіемъ у „мѣста клятвы“, гдѣ долженъ былъ быть произведенъ японцами подсчетъ—произошелъ траги-комическій случай.

Огромное пространство было густо усеяно людьми.

Приѣзжаетъ туда въ сопровожденіи только полковника Хвостова и поручика Гаммера и комендантъ. Налегкѣ прибылъ Смирновъ (у вѣстового былъ лишь его маленькій дорожный сакъ-вояжъ).

Подбѣгаетъ къ нему японскій офицеръ генеральнаго штаба, маіоръ Ямооко и, взявъ подъ козырекъ, спрашиваетъ:

— „Согласно даннымъ капитуляціи, здѣсь должно было собраться не болѣе 9,000 человекъ, но собралось, кажется, больше“.

— „По моимъ, какъ коменданта крѣпости свѣдѣніямъ, здѣсь собралось двадцать четыре тысячи“.

Маіоръ Ямооко даже отшатнулся отъ удивленія.

— „Да вы посмотрите, прикиньте на глазъ, да тутъ никакъ не меньше“. — А вотъ мой начальникъ штаба. Онъ вамъ это тоже подтвердитъ. Александръ Михайловичъ! Сколько здѣсь нижнихъ чиновъ?

— „Не менѣе 23—24 тысячъ“.

— „Вотъ видите—обратился Смирновъ къ Ямооко—мы не сговаривались.“

— „Но какъ же это можетъ быть, ваше превосходительство. Генераль Рейсъ официально далъ намъ свѣдѣніе о 9 тысячахъ“.

— „Ну этого я не знаю. Можетъ быть у него другой счетъ“.

— „Но вѣдь мы приготовили продовольствія только на показанное г. Рейсомъ количество. Намъ не справиться съ этимъ числомъ въ три дня. Я сейчасъ сообщу въ главную квартиру“—сказалъ Ямооко и скрылся въ палаткѣ. Тамъ задребезжалъ телефонъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ.

— „Получилось приказаніе пріостановить отправку въ Дальній на 3 дня“.

— „Вотъ такъ! Гдѣ же мы будемъ жить?—спросилъ Смирновъ.“

— „Я сейчасъ спрошу Дальній—и, вернувшись, сообщилъ: Вы, ваше превосходительство, можете отправиться въ Старый городъ и жить тамъ до выступленія гарнизона“.

Послѣдніе три дня Смирновъ безвыходно провелъ на своей старой квартирѣ.

Изъ дневника.

„... 20-го декабря. Проснулся только въ 8 часовъ, и съ удивленіемъ не слышалъ выстрѣловъ. Быстро всталъ, одѣлся, вышелъ на дворъ. „Ваше Высокоблагородіе“, сказалъ мнѣ проходящій стрѣлокъ, „на Залитерной уже японскій флагъ“. Я поднялся на горку и дѣйствительно увидѣлъ на Залитерной батареѣ развивавшійся японскій флагъ, и по сторонамъ его массу японцевъ. То же было и на Большомъ Орлиномъ Гнѣздѣ. Грустно стало. Повидимому, все населеніе города уже знало о сдачѣ

и откуда-то появилась, выползла—масса китайскихъ ребятишекъ, весело бѣгавшихъ по улицамъ. Шелъ разговоръ между офицерами о томъ, что на позиціи уже происходятъ встрѣчи нашихъ и японскихъ солдатъ, братанье, причемъ японцы поятъ русскихъ коньякомъ. Около 11-ти часовъ къ намъ пріѣхалъ японскій офицеръ съ переводчикомъ. Мы какъ разъ садились за завтракъ. Пришлось пригласить и ихъ. Японцы были очень сдержанны и корректны. Послѣ завтрака поѣхали всѣ въ Крематорную импань, гдѣ должны были собраться комиссіи для сдачи и приѣмки крѣпости. По дорогѣ туда я встрѣтилъ японскаго маіора генеральнаго штаба. Онъ поздоровался со мной по русски. Шедшій со мной кондукторъ Рыбниковъ сказалъ, что это бывший артурскій часовщикъ Ито, проживавшій въ Артурѣ нѣсколько лѣтъ...

Кончилась величественная эпопея.

Умолкли громы орудій.

Смерть отлетѣла.

Артуръ затихъ и покоенъ.

Теперь жизнь въ немъ торжествовала.

Нѣтъ русскаго Артура! Но въ самой гибели его, въ минувшей мощной борьбѣ, въ этой величайшей драмѣ, въ этомъ торжествѣ смерти, кошмарѣ ужасовъ и страданій, погибшихъ надеждъ и упованій русскихъ людей—засверкала ихъ новая надежда.

То—надежда на лучшіе дни.

Угасавшее зарево Артура было денницей новой эры въ исторіи многострадальнаго народа.

„Salus patriae
Suprema lex est“¹⁾

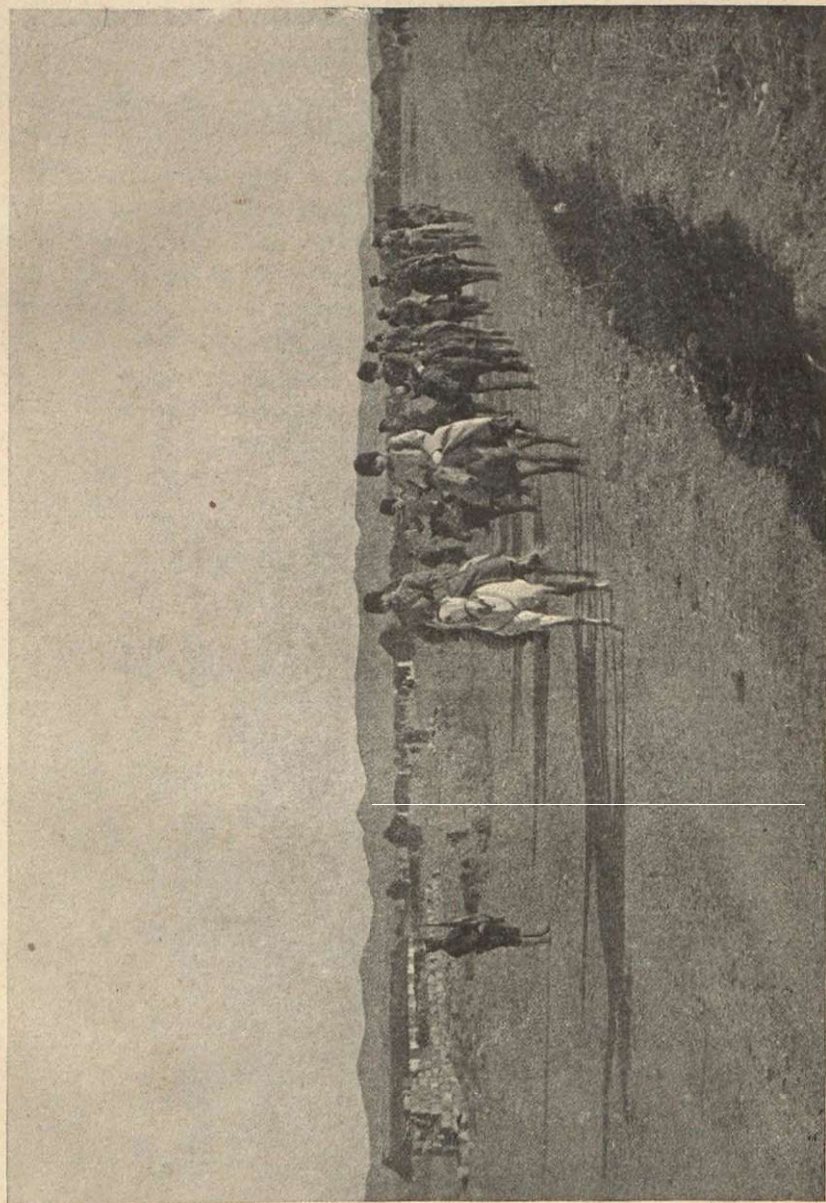
1) Благо отечества—вотъ высшій законъ.

Дѣятельность Гражданской администраціи Квантунской области и города Портъ-Артура послѣ капитуляціи крѣпости Портъ-Артуръ.

Внезапность капитуляціи и послѣдствіе этого.

Гражданская администрація Квантунской области и города Портъ-Артура не была предувѣдомлена о возможности капитуляціи и даже не была своевременно поставлена въ извѣстность о томъ, что таковая состоялась. Вслѣдствіе этого, текущая ежедневная дѣятельность, безъ всякаго измѣненія, продолжалась даже и 22 декабря, до полученія въ этотъ день комиссаромъ по Гражданской части увѣдомленія о состоявшейся 20 декабря 1904 года Капитуляціи и о назначеніи его предсѣдателемъ русскаго комитета по исполненію X ст. Капитуляціи.

Такимъ образомъ, совершенно внезапно было прервано обычное теченіе гражданской жизни области и города, и подъ давленіемъ свершившагося, столь-же неожиданно возникла иная жизнь и новые неотложные вопросы къ администраціи. Между тѣмъ никто изъ представителей ея не былъ подготовленъ къ этому случаю и не предусматривалъ его самъ, считая сдачу крѣпости актомъ недопустимымъ по законамъ нашей страны и противорѣчащимъ традиціямъ русскаго народа. Никто и изъ мирнаго населенія не ожидалъ и не готовился къ этому событію, такъ какъ и среди него жило такое-же убѣжденіе. Поэтому внезапность капитуляціи и отразилась—съ одной стороны, полной потерей всѣми движимаго имущества и раззореніемъ недвижимой собственности, а съ другой—въ рукахъ непріятеля оказались реликвіи, всѣ дѣла и архивы, даже секретный архивъ Гражданскаго Управленія Квантунской области не избѣгъ этой участи; онъ состоялъ изъ разнообразной секретной переписки

Возвращеніе Стесселя и Рейса послѣ свиданія съ командующимъ осадной арміей генераломъ

за все время нашего владѣнія Квантуномъ, всеподданнѣйшихъ отчетовъ за всѣ годы, матеріаловъ по веденію въ области русской администраціей,—мобилизаціонныхъ плановъ; матеріаловъ и документовъ, освѣщающихъ политическое вліяніе Японіи въ Китаѣ и мѣры, принимаемыя нами въ противовѣсъ ему. О важности и значеніи этихъ документовъ комиссаръ по Гражданской части въ сентябрѣ и октябрѣ поставилъ въ извѣстность начальника укрѣпленнаго района.

Благодаря особой исполнительности помощника секретаря Гражданскаго Управленія Полубояринова, при содѣйствіи служащаго въ Городскомъ Управленіи, г. Шу, архивъ этотъ 24-го декабря, при наличіи непріятеля, былъ сожженъ и въ руки послѣдняго не попалъ. вмѣстѣ съ этимъ архивомъ подвергались уничтоженію весьма цѣнные протоколы Комиссіи по уборкѣ труповъ съ полей сраженія около фортовъ и редутовъ, образованной комиссаромъ по Гражданской части, вслѣдствіе приказа по Квантунскому укрѣпленному району отъ 10-го Августа 1904 года, за № 519, и другая совмѣстно хранившаяся переписка.

Занятіе непріателемъ Гражданскихъ учрежденій Квантунской области.

Непріятель, знавшій хорошо городъ и освѣдомленный о мѣстѣ нахождения всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, въ ночь съ 22-го на 23-е декабря выслалъ караульные наряды и часа въ три утра занялъ всѣ гражданскія присутственныя мѣста, категорически воспретивъ изъ нихъ выносъ и уничтоженіе чего-бы то ни было.

Повѣривъ въ занятыхъ учрежденіяхъ имущество по описямъ и установивъ наличность капиталовъ по отчетнымъ книгамъ, непріятель объявлялъ пріемку законченной, категорически отклоняя просьбы сдатчиковъ о выдачѣ пріемныхъ росписокъ.

Въ такомъ видѣ свершилась передача непріятелю всѣхъ гражданскихъ, правительственныхъ учрежденій Квантунской области.

Нѣсколько инымъ характеромъ отличалась передача дѣлъ и документовъ Портъ-Артурскаго Городскаго Совѣта. Благо-

даря тому, что членамъ Городского Совѣта удалось отстоять отъ причисленія къ военно-плѣннымъ, представилась возможность въ своихъ заявленіяхъ—домогательствахъ проявить твердость и настойчивость. Вслѣдствіе этого, передача дѣлъ Портъ-Артурскаго Городскаго Управленія была произведена по вѣдомостямъ и реестрамъ, а передача денежныхъ документовъ даже подъ росписку предсѣдателя Японскаго Комитета генерала Такеучи-Се-ся-ку. Отъ подписи остальныхъ документовъ Японскій Комитетъ уклонился, мотивируя это неприложеніемъ съ нашей стороны параллельнаго японскаго текста, но принялъ всѣ дубликаты этихъ вѣдомостей и реестровъ.

По передачѣ дѣлъ Городскимъ Управленіемъ составлены и имѣются слѣдующіе документы:

- 1) Актъ 24-го декабря 1904 года.
- 2) Вѣдомость о состояніи кассовыхъ счетовъ Портъ-Артурскаго Городскаго Управленія на 21-ое декабря 1904 года.
- 3) Реестръ денежныхъ документамъ Портъ-Артурскаго Городскаго Управленія.
- 4) Списокъ дебиторовъ города Портъ-Артура.
- 5) Списокъ лицамъ, коимъ принадлежать залоги.
- 6) Реестръ документовъ и дѣлъ.
- 7) Списокъ земельнымъ участкамъ, проданнымъ въ собственность.
- 8) Реестръ дѣламъ и книгамъ Городскаго Управленія и т. п.

Вышеперечисленное является единственными документами, разрѣшенными непріятелемъ къ вывозу и на основаніи которыхъ возможно выступить на защиту правъ недвижимой собственности Портъ-Артурскаго населенія.

Недостатки условія капитуляціи и положенія Гражданской администраціи послѣ нея.

Съ момента занятія непріятелемъ административныхъ и общественныхъ учреждений, дѣятельность ихъ прекратилась, но жизнь общества устраиваемая этими учрежденіями не пресѣклась. Запросы ея не только не закончились, а наоборотъ, принявъ новую форму, вспыхнули съ особенной силой. Между тѣмъ, условіе капитуляціи совершенно не обезпечивало интересовъ

мирнаго населенія. Личныя и имущественныя права его не были ограждены. Возможности свободнаго вывоза движимаго имущества не было безусловно. Права почтово-телеграфныхъ сношеній не было выговорено. Вопросъ о способахъ дальнѣйшаго пользованія и ликвидаціи дѣлъ по недвижимой собственности, торговой и промышленной дѣятельности не былъ затронуть и т. д. Боясь лишиться матеріальнаго благосостоянія, гражданское населеніе лихорадочно искало защиты представителей русской администраціи. Вопреки международнымъ законамъ, и не взирая на протесты предсѣдателя Русскаго Комитета, на основаніи ст. I Капитуляціи, гражданское населеніе трактовалось не-пріятелемъ военно-плѣнными, и были поставлены въ полную зависимость отъ его воли. При такихъ условіяхъ для дѣятельности гражданской администраціи не было мѣста, и во всѣхъ случаяхъ она могла являться и являлась не защитникомъ интересовъ мирнаго населенія въ Портъ-Артурѣ, а скромнымъ посредникомъ и просителемъ въ положеніи военно-плѣннаго.

Такимъ образомъ, капитуляція крѣпости Портъ-Артура на тѣхъ условіяхъ, какія были приняты, и въ томъ видѣ, какъ она совершилась, внесла полное разстройство и хаосъ въ жизнь гражданскую, общественную, частную, и завершилась раззореніемъ населенія...

Не мало хлопотъ гражданской администраціи доставилъ также и слѣдующій пробѣлъ въ капитуляціи:

Войсковыя управленія и канцеляріи, видимо, столь-же мало освѣдомленныя о времени капитуляціи и возможности ея, не успѣли обезпечить солдатскихъ и матросскихъ женъ и ихъ семей—документами о личности ихъ, продовольствіемъ и квартирами, и онѣ, съ выступленіемъ гарнизона въ плѣнъ, оказались предоставленными самимъ себѣ.

Не состоя на учетѣ гражданской и общественной власти, эта группа населенія крѣпости послѣ капитуляціи оказалась въ болѣе затруднительномъ и безправномъ положеніи, чѣмъ остальное населеніе. Въ подневольномъ положеніи и среди полнаго развала гражданской и общественной жизни, гражданскому комиссару пришлось устраивать и эту группу лицъ. Своими просьбами въ гражданскомъ Японскомъ Комитетѣ ему удалось очень мало улучшить судьбу солдатскихъ семей. Непріятель, хотя и обѣщалъ сохранить за солдатками казенныя квартиры въ казар-

махъ, которыя онѣ занимали въ періодъ осады, и выдавать имъ провіантъ изъ интендантства, но по возможности, и въ какой степени удовлетворилъ ихъ нужды—осталось неизвѣстнымъ.

Для восполненія у солдатокъ личныхъ документовъ, комиссаромъ были выданы особыя удостовѣренія.

Въ отношеніи гражданскаго мирнаго населенія комиссаромъ по Гражданской части былъ: а) исходатайствованъ отпускъ конфискованныхъ непріятелемъ городскихъ продовольственныхъ припасовъ; б) былъ составленъ списокъ лицамъ, заявившимъ желаніе немедленно покинуть Портъ-Артуръ, со свѣдѣніями объ имущественномъ положеніи и о количествѣ багажа, предполагаемаго къ вывозу съ собою; в) выдано свыше 500 удостовѣреній русскимъ подданнымъ, заявившимъ объ уtratѣ или гибели отъ бомбардировокъ личныхъ документовъ; г) до выселенія изъ Портъ-Артура, т. е. по 8-е января, комиссаръ по Гражданской части являлся во всѣхъ случаяхъ посредникомъ между русскими подданными и японской администраціей.

Въ отношеніи гражданской администраціи считаю умѣстнымъ сообщить о томъ, что при выполненіи условій капитуляціи, комиссаръ по Гражданской части не призналъ возможнымъ сдѣлать распоряженій по исполненію разъясненія IV дополненія къ капитуляціи, какъ унижительнаго для гражданской администраціи и несоотвѣтственнаго духу международныхъ законовъ. Непріятель, хотя и настаивалъ на выполненіи этой статьи, но въ виду упорства комиссара, видимо, не пожелалъ создавать инцидента, признавъ эту статью требующей разъясненія, а фактъ неисполненія ея сдѣлалъ незамѣченнымъ.

Вызванное капитуляціей полное разстройство общественной и частной жизни особенно усиливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что условіями капитуляціи, какъ сказано выше, личныя и имущественныя права мирнаго населенія не были ограждены. Лично—всякій изъ русскихъ подданныхъ оказался предоставленнымъ самому себѣ и усмотрѣнію непріятеля; столь-же неблагоприятно было положеніе и въ отношеніи имущественномъ. Хотя и можно предположить, что разъясненіе IX дополненія къ капитуляціи предусматриваетъ имущественныя права мирнаго населенія, но на дѣлѣ это предоставленное право совершенно уничтожалось разъясненіемъ X-мъ, такъ какъ въ капитуляціи не имѣлось гарантіи отъ произвола. Въ виду этой статьи, никто изъ мирныхъ

жителей Портъ-Артура не считалъ себя гарантированнымъ отъ произвола и никто не рѣшался взять на себя обязательства по охранѣ имущества другихъ лицъ съ отвѣтственностью за сохранность. А японская администрація всѣ попытки официально оформить дѣло охраны частныхъ имуществъ категорически отклоняла. Такимъ образомъ, благодаря односторонности и неполнотѣ условій капитуляціи, вопросъ объ охранѣ частныхъ и фирмовыхъ имуществъ въ Портъ-Артурѣ остался безъ удовлетворительнаго рѣшенія. Почти всѣми артурцами имущество было оставлено на волю судьбы, т. е. безъ всякаго обезпеченія неприкосновенности и сохранности его.

Дѣятельность Русскаго Комитета по исполненіи X ст. Капитуляціи.

Русскій Комитетъ по исполненію капитуляціи былъ поставленъ въ такія-же условія, какъ и администрація, такъ какъ онъ также состоялъ изъ военно-плѣнныхъ, и ему не было предоставлено никакихъ правъ и преимуществъ по сравненію съ остальными военно-плѣнными. Поэтому непріятель роль комитета низвелъ на зависимую и исполнительную, а дѣятельность его на роль указчика мѣстъ нахожденія или общественныхъ имуществъ.

Русскимъ Комитетомъ, кромѣ гражданскаго управленія Квантунской области и Городскаго Управленія, были указаны непріятелю, дѣла и имущество Портъ-Артурскаго окружнаго суда, мировыхъ судей, судебного пристава, почты, Русско-Китайскаго банка, Китайской Восточной жел. дор., морского пароходства, всѣхъ учебныхъ заведеній и общественныхъ учреждений. Хотя главные начальники вышеназванныхъ управленій и учреждений просили росписокъ въ пріемѣ, но непріятель категорически отказывалъ въ этомъ.

Предсѣдатель Русскаго Комитета по исполненію ст. X Капитуляціи приступилъ также къ составленію журналовъ засѣданій, но непріятель отъ подписи ихъ отказался, и журналы, быть можетъ, будутъ имѣть нѣкоторое значеніе только при разрѣшеніи недоразумѣній дипломатическимъ путемъ; таковы: журналъ засѣданія русско-японскаго комитета 23 декабря 1904 года (5 января 1905 г.), протестъ представителей желѣзной дороги, морского пароходства и г. Дальняго отъ 29 декабря 1904 г. (11-го января 1905 года), заявленіе относительно 10 ст. и т. п.

Вышеперечисленнымъ исчерпывается дѣятельность гражданской администраціи и комитета по исполненію капитуляціи и по ликвидаціи дѣлъ вслѣдствіе ея.

Конечно, такой порядокъ ликвидаціи дѣлъ административныхъ, судебныхъ и прочихъ правительственныхъ установленій Квантунской области нельзя считать правильнымъ и, безъ сомнѣнія, онъ надолго послужитъ причиной и поводомъ къ возникновенію весьма запутанныхъ правовыхъ и имущественныхъ процессовъ.

Послѣловіе.

Уже законченъ былъ печатаніемъ третій томъ моего труда, какъ на столбцахъ прессы появился обвинительный актъ по дѣлу о сдачѣ японцамъ крѣпости Портъ-Артуръ.

Я считаю необходимымъ привести текстъ обвинительнаго акта и привожу его.

Сравнивъ фактическія данныя, иллюстрированныя на протяженіи всѣхъ трехъ томовъ¹⁾ отдѣльными эпизодами въ хронологическомъ порядкѣ, а также выводы мои изъ нихъ съ заключеніями обвинительнаго акта, надъ которымъ работали три комиссіи изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ и военныхъ юристовъ, Вы, читатель, можете судить, насколько я былъ правъ, назвавъ свой скромный трудъ: „Правда о Портъ-Артурѣ“.

Заключенія обвинительнаго акта.

Къ отставному генералъ-лейтенанту Стесселю предъявлено обвиненіе въ томъ, что:

1) Получивъ 20-го іюня 1904 года предписаніе командовавшаго Маньчжурской арміею сдать крѣпость Портъ-Артуръ ея коменданту, генералъ-лейтенанту Смирнову, и выѣхать изъ арміи, предписанія этого не исполнилъ и, оставшись въ крѣпости, удержалъ за собою командованіе, каковыя дѣйствія предусмотрѣны 255 ст. XXII кн. Свода Военныхъ Постановл. 1869 г., изд. 3.

¹⁾ Данныя эти неустанно собирались мною при исключительныхъ условіяхъ въ періодъ осады и впервые появились въ періодической печати въ 1905 г.

2) Въ нарушение приказа Намѣстника Его Императорскаго Величества на Дальнемъ Востокѣ, отъ 14-го апрѣля 1904 года, № 339, вмѣшался въ права и обязанности командира крѣпости Портъ-Артуръ, подрывая авторитетъ послѣдняго, вѣру въ него, и тѣмъ понижая обороноспособность крѣпости. каковое вмѣшательство выразилось, между прочимъ: а) въ разрѣшеніи имъ, генераломъ Стесселемъ, вопреки распоряженіямъ коменданта, вывоза изъ крѣпости продуктовъ; б) въ назначеніи статскаго совѣтника Рябинина заведывающимъ медицинскою частью, безъ подчиненія его коменданту крѣпости; в) въ переводѣ Дальнинской больницы, въ отмѣну распоряженія коменданта и въ ущербъ пользѣ дѣла, на выбранный имъ, генераломъ Стесселемъ, по своему личному усмотрѣнію, пунктъ; г) въ отрѣшеніи брандмейстера Вейканена отъ должности; д) въ удаленіи жандармовъ на Ляотешанъ; е) въ запрещеніи изданія газеты «Новый Край» и въ приказѣ объ арестованіи сотрудника ея, г. Ножина, и ж) въ отмѣнѣ работъ по укрѣпленію 2-й и 3-й оборонительныхъ линій; дѣянія эти предусмотрены 141 и 145 ст.ст. XXII кн. Свод. Воен. Постановл. 1869 г., изд. 3.

3) Не принялъ своевременно надлежащихъ мѣръ къ увеличенію продовольственныхъ средствъ крѣпости Портъ-Артуръ, а именно: а) не пополнилъ запаса овощей, несмотря на то, что имѣлъ къ тому возможность; б) не принялъ мѣръ къ правильному производству реквизиціи лошадей, предусмотрѣнной мобилизаціоннымъ росписаніемъ, и къ увеличенію въ крѣпости числа головъ скота, и в) оставилъ безъ распоряженія представленіе коменданта объ увеличеніи дачи конины, каковое увеличеніе было настоятельно необходимо для поддержанія силъ истомленного гарнизона; дѣянія эти предусмотрены 142 и 145 ст.ст. XXII кн. Свод. Воен. Пост. 1869 г., изд. 3.

4) Получая и читая во время осады Портъ Артура «Замѣтки» генерала-лейтенанта Фока, написанныя въ насмѣшливомъ и рѣзкомъ тонѣ, подрывающія авторитетъ нѣкоторыхъ начальниковъ, набрасывавшія тѣнь на ихъ доброе имя, расшатывавшія дисциплину и понижавшія духъ гарнизона — не взирая на вредъ, приносившійся ими дѣлу обо-

роны, не принявъ мѣръ къ прекращенію ихъ изданія и распространенія среди гарнизона, каковое дѣяніе предусмотрено 142 и 145 ст. ст. XXII кн. Свод. Воен. Пост. 1869 г., изд. 3.

5) Изъ личныхъ выгодъ представилъ командовавшему Маньчжурской арміею 14-го и 18-го мая и Намѣстнику Его Императорскаго Величества на Дальнемъ Востокѣ 17-го мая донесенія о боѣ при Цзинь-Чжоу, въ которыхъ, несогласно, съ дѣйствительными обстоятельствами дѣла и дѣйствіями участвовавшихъ въ немъ лицъ, а равно и своими собственными, изложилъ, что «въ этомъ жаркомъ дѣлѣ — мы выпустили всѣ снаряды» и что «отступили въ отличномъ порядкѣ до Нангалина»..., причемъ придавъ всѣмъ этимъ донесеніямъ такую редакцію, которая не оставляла сомнѣнія, что онъ, генераль Стессель, лично и притомъ съ большою энергіею руководилъ дѣйствіями войскъ, между тѣмъ какъ: а) во время боя при Цзинь-Чжоу онъ, генераль Стессель, оставался въ Портъ-Артурѣ и личнаго участія въ бою не принималъ; б) снарядовъ для скорострѣльной артиллеріи оставалось на станціи Нангалинъ большое количество и объ этомъ артиллерійскимъ частямъ было извѣстно, и в) отступление къ Нангалину было безпорядочнымъ и поспѣшнымъ, причемъ нѣкоторыя части пробивались черезъ проволочныя загражденія; дѣяніе это предусмотрено 362 ст. Улож. о наказ. уголовн. и исправ., изд. 1885 г.

6) Изъ личныхъ выгодъ и желая выставить дѣйствія своихъ подчиненныхъ въ болѣе благопріятномъ видѣ, представилъ 15-го мая 1904 года донесеніе командовавшему Маньчжурскою арміею о томъ, что отрядъ генераль-лейтенанта Фока «постепенно отходитъ къ Волчьимъ горамъ», между тѣмъ какъ это было несогласно съ обстоятельствами, имѣвшими мѣсто въ дѣйствительности, такъ какъ отступление этого отряда прямо къ Волчьимъ горамъ, т. е. послѣдней передовой позиціи, было безпорядочное и настолько поспѣшное, насколько допускала горная дорога, запруженная обозами и бѣжавшими въ Портъ-Артуръ жителями города Дальняго; дѣяніе это предусмотрено 362 ст. Улож. о наказ. уголовн. и исправ., изд. 1885 г.

7) Изъ личныхъ выгодъ, имѣя цѣлью выставить себя

участникомъ несуществовавшихъ боевыхъ столкновений, представилъ командовавшему Маньчжурскою арміею въ письмѣ отъ 1-го іюня 1904 года донесеніе о собственной дѣятельности въ крѣпости Портъ-Артуръ, въ которомъ не согласно съ дѣйствительными обстоятельствами, сообщалъ: «всегда бываю при всѣхъ возможныхъ столкновеньяхъ», между тѣмъ какъ съ 26-го января 1904 года по 1-ое іюня, т. е. по день письма его, генерала Стесселя, къ генераль-адъютанту Куропаткину, не было ни одного столкновенья съ японскими войсками, кромѣ боя при Цзинь-Чжоу, въ которомъ онъ, генераль Стессель, не участвовалъ, кромѣ бомбардировокъ, во время которыхъ подвергалось опасности все населеніе Портъ-Артура: дѣяніе это предусмтрѣно 362 ст. Улож. о наказ. уголовн. и исправ., изд. 1885 г.

8) Желая оправдать себя въ предумышленной сдачѣ крѣпости врагу, донесъ Государю Императору телеграммою отъ 16-го декабря 1904 года, что «по занятіи форта № III, японцы дѣлаются хозяевами всего сѣверо-восточнаго фронта и крѣпость продержится лишь нѣсколько дней. У насъ снарядовъ нѣтъ...», каковое донесеніе не соотвѣтствовало дѣйствительному положенію крѣпости, такъ какъ на военномъ совѣтѣ, состоявшемся того же 16-го декабря, огромное большинство членовъ котораго высказалось за оборону до послѣдней крайности, генераль-маіорами Бѣлымъ и Никитинымъ было заявлено, что снаряды для обороны еще есть; дѣяніе это предусмтрѣно 362 ст. Улож. о нак. уголовн. и исправ., изд. 1885 г.

9) Завѣдомо неправильно и ложно представилъ къ ордену Св. Георгія 3-й степени генераль-лейтенанта Фока за проигранный имъ бой при Цзинь-Чжоу, въ которомъ названный генераль проявилъ полную нераспорядительность и растерянность, и генераль-маіора Надбина за тотъ же бой при Цзинь-Чжоу, въ которомъ генераль этотъ не оказалъ никакого выдающагося подвига, и къ ордену Св. Георгія 4-й степени генераль-маіора Рейса, который самъ призналъ, что подвиговъ, дающихъ право на полученіе этой высокой награды, не совершалъ; дѣяніе это предусмтрѣно 362 ст. Улож. о наказ. уголовн. и исправ., изд. 1885 г., и

10) Состоя начальникомъ укрѣпленнаго Квантунскаго

района и старшимъ начальникомъ въ осажденной японскими войсками крѣпости Портъ-Артуръ съ подчиненіемъ ему коменданта ея, онъ задумалъ сдать крѣпость японцамъ, для чего, вопреки мнѣнію военнаго совѣта, состоявшагося 16-го декабря 1904 г., на которомъ громадное большинство членовъ его высказалось за продолженіе упорнаго сопротивленія, — къ чему представлялась полная возможность, — и не созвавъ, въ нарушение 62 ст. полож. объ управ. крѣпост. (приказъ по военному вѣдомству 1901 г., № 358), новаго военнаго совѣта, между 3—4 часами пополудни 19-го декабря 1904 г. отправилъ къ командовавшему японской осадной арміей, генералу Ноги, парламентаря съ предложеніемъ вступить въ переговоры о сдачѣ крѣпости Портъ-Артуръ, не исчерпавъ всѣхъ средствъ обороны, такъ какъ численность наличнаго гарнизона и количество боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ обезпечивали возможность продолженія ея, послѣ чего согласился на предложеніе начальника сухопутной обороны генерала Фока очистить безъ боя Малое Орлиное Гнѣздо, Куропаткинскій люнетъ и батарею лит. Б., что значительно ослабило силу обороны крѣпости, и на слѣдующій день, 20-го декабря, уполномочилъ своего начальника штаба полковника Рейса, окончательно заключить капитуляцію крѣпости, не давъ ему точныхъ инструкцій относительно пріемлемыхъ съ нашей стороны условій, вслѣдствіе чего полковникъ Рейсъ и подписалъ тогда же въ дер. Шуйшуинъ условія капитуляціи крѣпости Портъ-Артуръ, оказавшіяся невыгодными и унижительными для достоинства Россіи, и тѣмъ самымъ онъ, генераль-лейтенантъ Стессель, не исполнилъ своей обязанности по долгу присяги и воинской чести; сдавъ же крѣпость врагу, онъ, генераль-лейтенантъ Стессель, не раздѣлилъ участи гарнизона (63 ст. Полож. объ управ. крѣпост. прик. по воен. вѣд. 1901 г., № 358) и не пошелъ съ нимъ въ плѣнъ; дѣяніе это предусмотрѣно 251 и 252 ст. ст. XXII кн. Свода Воен. Пост. 1869 г., изд. 3.

Генераль-маіоръ Рейсъ обвиняется въ томъ, что, состоя начальникомъ штаба Квантунскаго укрѣпленнаго района, зная о намѣреніи генерала Стесселя сдать крѣпость Портъ-Артуръ японскимъ войскамъ въ то время, когда численность наличнаго гарнизона и количество боевыхъ и продовольственныхъ

запасовъ обезпечивали возможность продолженія обороны ея, и раздѣляя это намѣреніе, согласившись предварительно съ генераломъ Стесселемъ, — содѣйствовалъ ему въ приведеніи этого намѣренія въ исполненіе, а именно: во-первыхъ, на совѣтѣ обороны 25-го ноября 1904 года и на военномъ совѣтѣ 16-го декабря того же 1904 года преувеличивалъ тяжелое положеніе крѣпости и доказывалъ безцѣльность дальнѣйшаго сопротивленія и необходимость сдачи ея; во-вторыхъ, по порученію генерала Стесселя заблаговременно составилъ и 19-го декабря 1904 года отправилъ къ командующему осадною японскою арміею, генералу Ноги, письмо съ предложеніемъ вступить въ переговоры о капитуляціи, и въ-третьихъ, на слѣдующій день, 20-го декабря, не испросивъ у генерала Стесселя точныхъ инструкцій относительно пріемлемыхъ условій сдачи, хотя зная, что переговоры эти должны быть окончательными, отправился въ деревню Шуйшуинъ, — мѣсто, назначенное для переговоровъ, — и, не возражая противъ предъявленныхъ японскими уполномоченными требованій, подписалъ въ тотъ же день капитуляцію крѣпости Портъ-Артуръ на невыгодныхъ и унижительныхъ для Россіи условіяхъ, каковыми своими дѣйствіями онъ, генераль-майоръ Рейсъ, содѣйствовалъ генералу Стесселю сдать крѣпость японскимъ войскамъ; дѣянія эти предусмотрѣны 13-й ст. Улож. о наказ. уголовн. и исправ., ст. ст. 251 и 252 XXII кн. Свода Воен. Пост. 1869 г., изд. 3.

Генераль-лейтенантъ Фокъ — обвиняется въ томъ, что:

1) Получивъ 14-го февраля и 6-го мая 1904 года категорическія приказанія генерала Стесселя упорно оборонять Цзинь-Чжоускую позицію, и не только 5-мъ Восточно-Сибирскимъ Стрѣлковымъ полкомъ, но и находившимися вблизи позиціи 13 и 14 полками, доведя дѣло до штыковыхъ свалокъ, онъ, не обращая вниманія на эти указанія, а также и на то, что оборону бухты Инчензы въ тылу позиціи принималъ на себя генераль Стессель самъ: а) когда бой уже начался, утромъ 13-го мая, вмѣсто того, чтобы руководить имъ, отправился къ бухтѣ Инчензы для выбора тамъ позиціи 15-му полку на случай высадки японцевъ и прибылъ на атакованную позицію только около 2 час. дня; б) изъ четырехъ полковъ, сосредоточенныхъ къ Цзинь-Чжоу, ввелъ въ бой

только одинъ и этимъ подвергъ его отдѣльному пораженію; в) во время боя не только не использовалъ резерва, но и остановилъ движеніе въ боевую линію двухъ баталіоновъ, посланныхъ генераломъ Надѣинымъ; г) не исчерпавъ всѣхъ средствъ обороны и не доведя дѣло до штыковъ, отправилъ генераль-лейтенанту Стесселю въ Портъ-Артуръ телеграмму, въ которой съ цѣлью получить отъ него приказаніе объ отступленіи указывалъ «на критическое положеніе» и на полное отсутствіе снарядовъ, между тѣмъ, какъ таковые имѣлись еще въ большомъ количествѣ на ст. Нангалинъ, и д) получивъ велѣдствіе сего разрѣшеніе генерала Стесселя отступить съ наступленіемъ темноты, началъ отступленіе за свѣтло, что подвергло отрядъ его большимъ потерямъ,—и, такимъ образомъ, отдалъ японцамъ заблаговременно укрѣпленную Цзинь-Чжоускую позицію не употребивъ всѣхъ, имѣвшихся въ его распоряженіи средствъ для упорной ея обороны; дѣяніе это предусмтрѣно 251 ст. XXII кн. Свода Воен. Пост. 1869 г., изд. 3.

2) Во время боя 8-го августа 1904 года, получивъ приказаніе отъ своего непосредственного начальника — коменданта крѣпости — двинуть къ передовымъ фортамъ сѣверовосточнаго фронта два баталіона 14-го Восточно-Сибирскаго Стрѣлковаго полка, сразу не исполнилъ этого приказанія, вошелъ въ неумѣстное пререканіе съ комендантомъ и не пошелъ самъ съ этою послѣднею частью командуемаго имъ резерва, каковыя дѣянія предусмтрѣны 104 ст. XXII кн. Свода Воен. Пост. 1869 г., изд. 3.

3) Не пося во время осады съ 9-го августа по 3-е декабря 1904 года какихъ-либо служебныхъ обязанностей и посѣщая по своей инициативѣ позиціи, подъ предлогомъ желанія оказать помощь дѣлу обороны, а въ дѣйствительности изъ малодушнаго тщеславія выставить себя болѣе способнымъ, свѣдущимъ и мужественнымъ, чѣмъ другіе руководящіе обороной начальники — позволялъ себѣ вести разговоры и издавать «замѣтки», въ которыхъ не только критически и иногда въ очень рѣзкой формѣ разбиралъ дѣйствія этихъ, неподчиненныхъ ему, лицъ, обвиняя ихъ въ неумѣннн и трусости, но также проводилъ мысль, что укрѣпленія и форты слѣдуетъ защищать безъ большихъ жертвъ, причемъ

дѣлалъ все это такъ, что разговоры его, а равно и «замѣтки» становились извѣстными не только начальствовавшимъ лицамъ, но вообще офицерамъ и даже нижнимъ чинамъ гарнизона, чѣмъ колебалъ въ войскахъ вѣру въ возможность необходимости держаться въ укрѣпленіяхъ до послѣдней крайности; дѣянія эти предусмтрѣны 262 ст. XXII кн. Свода Воен. Пост. 1869 г., изд. 3.

4) Вступивъ 3-го декабря 1904 года въ должность начальника сухопутной обороны крѣпости Портъ-Артуръ и, находя невозможнымъ долге удерживать фортъ № II, лично доложилъ объ этомъ начальнику укрѣпленнаго района, а не коменданту крѣпости, которому былъ непосредственно подчиненъ, а затѣмъ, получивъ на испрашиваемое согласіе генерала Стесселя и не доводя о семъ даже до свѣдѣнія коменданта, 5-го декабря того же года приказалъ очистить фортъ и взорвать его; дѣяніе это предусмтрѣно 141 и 145 ст. ст. XXII кн. Св. Воен. Пост. 1869 г., изд. 3, и

5) Состоя начальникомъ сухопутной обороны крѣпости Портъ-Артуръ, зная о намѣреніи генерала Стесселя сдать эту крѣпость японскимъ войскамъ, когда еще не всѣ средства обороны были исчерпаны, такъ какъ численность наличнаго гарнизона и количество боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ обезпечивали возможность продолженія ея, и раздѣляя это намѣреніе, онъ, согласившись предварительно съ генераломъ Стесселемъ, содѣйствовалъ ему въ приведеніи этого намѣренія въ исполненіе, а именно: 19-го декабря 1904 года, доложилъ генералу Стесселю о необходимости немедленно отправить парламентаря къ генералу Ноги съ предложеніемъ капитуляціи крѣпости, а затѣмъ, уже послѣ отправки парламентаря, по собственной инициативѣ и вопреки приказанію коменданта, приказалъ начальнику обороны восточнаго фронта генералу Горбатовскому очистить безъ боя, подъ угрозой побудительныхъ мѣръ, батарею лит. Б., а также Малое Орлиное Гнѣздо и Куропаткинскій люнетъ, каковыя укрѣпленія, во исполненіе этого приказанія, вечеромъ и были дѣйствительно очищены нашими войсками, причемъ онъ, генераль-лейтенантъ Фокъ, вполне сознавалъ, что такими своими распоряженіями ставилъ оборону крѣпости въ крайне невыгодныя условія, въ случаѣ, если бы переговоры

о сдачѣ крѣпости почему либо были прекращены, и давалъ этимъ возможность японскимъ уполномоченнымъ предъявить невыгодныя и унизительныя для насъ условія капитуляціи; дѣяніе это предусмѣтрѣно 13 ст. Улож. о наказ. уголовн. и испр. и 251 ст. XXII кн. Свода Воен. Пост. 1869 г., изд. 3.

Генераль-лейтенантъ Смирновъ обвиняется въ томъ, что :

1) Заподозривъ послѣ сдачи 5-го декабря 1904 года японцамъ форта № II о существованіи между генералами Стесселемъ и Фокомъ соглашенія привести крѣпость въ такое состояніе, въ которомъ можно было бы оправдать ея сдачу, онъ вопреки лежащей на немъ въ силу 57 статьи «Положенія объ управленіи крѣпостями» (приказъ по воен. вѣд. 1901 года, № 358), обязанности, не устранилъ тотчасъ же генераль-лейтенанта Фока отъ командованія и, вообще, не принялъ энергичныхъ мѣръ къ воспрепятствованію имъ въ исполненіи ихъ плана, а ограничился лишь посылкою главнокомандующему телеграммы, въ которой просилъ или утвердить его въ полныхъ правахъ коменданта или сложить съ него обязанности послѣдняго и всякую отвѣтственность за дальнѣйшую оборону крѣпости; дѣяніе это предусмѣтрѣно 142 и 145 ст. ст. XXII кн. Свода Воен. Пост. 1869 г., изд. 3.

2) Узнавъ 19-го декабря 1904 года о посылкѣ генераль-адъютантомъ Стесселемъ письма генералу Ноги съ предложеніемъ войти въ переговоры относительно капитуляціи крѣпости, онъ, вопреки 69 ст. XXII кн. Свода Воен. Пост. 1869 г., изд. 3 и 57 ст. «Положенія объ управленіи крѣпостями» (приказъ по воен. вѣд. 1901 г., № 358), не созвалъ совѣта обороны и не настаивалъ передъ генераль-адъютантомъ Стесселемъ на точномъ соблюденіи имъ статьи 62 вышеупомянутаго «Положенія», а равно и на исполненіи рѣшенія военнаго совѣта 16-го декабря того же года — продолжать упорную оборону крѣпости, каковыя дѣянія предусмѣтрѣны 69, 142 и 145 ст. ст. XXII кн. Свода Воен. Пост. 1869 г., изд. 3.

2011142044